

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук**

на правах рукописи

Свиридов Алексей Николаевич

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА В
РИМСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3)**

Исторические науки:
специальность 5.6.3. Археология
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 1

Научный руководитель:
д. и. н. Мастыкова А.В.

Москва
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ 1-Й ПОЛОВИНЫ 1 ТЫС. Н.Э. ЮГО-ЗАПАДНОГО, ЮЖНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА...	13
1.1. История археологического изучения погребальных памятников.....	13
1.2. Первые раскопки и начало аналитического обобщения археологического материала в 40-е гг. XIX – 40-е гг. XX в.....	32
1.2.1. Первые раскопки и накопление материала во второй половине XIX в.....	32
1.2.2. Интерпретация материалов погребальных памятников и первые обобщения в начале XX – 20-е гг. XX в.	34
1.2.3. Анализ материалов погребальных памятников и первые этнические реконструкции в 20–40-е гг. XX в.....	36
1.3. Изучение погребальных памятников и реконструкция этнической истории населения региона в 50–90-е гг. XX в.....	41
1.3.1. Обсуждение этнокультурных процессов и разработка теории о славянском влиянии в Крыму в работах 50-х гг. XX в.....	41
1.3.2. Активизация полевых исследований, систематизация полученного материала, обсуждение вопросов сарматизации региона в работах 60-х – начала 80-х гг. XX в.	47
1.3.3. Обсуждение этнокультурных процессов (сарматское, готское и аланское влияния) в работах 80–90-х гг. XX в.	60
1.4. Изучение погребальных памятников в XXI в.....	76
1.4.1. Возобновление дискуссии об аланском влиянии в 2000-е гг.	77
1.4.2. Современный этап изучения, с 2014 г. по настоящее время.....	94

ГЛАВА 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3.....	113
2.1. Общие сведения о памятнике, датировка и планиграфические особенности некрополя.....	113
2.2. Погребальные сооружения	120
2.2.1. Подбойные могилы	120
2.2.2. Грунтовые склепы.....	126
2.2.3. Простые грунтовые ямы	129
2.2.4. Другие типы сооружений	130
2.3. Погребальные традиции	131
2.3.1. Погребения, выполненные по обряду кремации.....	131
2.3.2. Погребения, выполненные по обряду ингумации.....	133
2.4. Заупокойная пища и расположение связанного с ней погребального инвентаря.....	143
2.4.1. Видовой состав жертвенных животных и распространение их на могильнике.....	143
2.4.2. Расположение в могиле заупокойной пищи и погребального инвентаря.....	150
2.5. Погребальный инвентарь.....	165
2.6. Хронологические и планиграфические особенности погребальных практик могильника Фронтное 3.....	187
ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА.....	200
3.1. Описание памятников и характеристика погребального обряда.....	200
3.2. Типология и анализ погребальных сооружений.....	229
3.2.1. Планиграфия и расположение погребальных сооружений в пределах амятников.....	229
3.2.2. Типы погребальных сооружений.....	235
3.2.3. Применение статистических методов обработки данных.....	249

3.3. Обращение с погребенным и ритуальная практика.....	254
3.3.1 Кремационные погребения.....	254
3.3.2. Ингумационные погребения.....	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	278
Список сокращений.....	301
Список источников и литературы	302

Том 2

Приложение 1. Размеры могил некрополя Фронтное 3.....	3
Приложение 2. Половозрастные характеристики погребенных в некрополе Фронтное 3.....	12
Приложение 3. Датировка погребений некрополя Фронтное 3.....	23
Приложение 4. Сводная таблица данных по погребальным сооружениям, погребальному обряду и отдельным категориям инвентаря некрополя Фронтное 3.....	30
Приложение 5. Типы погребальных сооружений на некрополях округа Херсонеса	82
Приложение 6. Размеры могил некрополя Бельбек IV.....	85
Приложение 7. Размеры могил некрополя Инкерманский.....	94
Приложение 8. Размеры могил некрополя Красный Мак.....	96
Приложение 9. Размеры могил некрополя Севастопольский	97
Приложение 10. Размеры могил некрополя Чернореченский.....	106
Приложение 11. Иллюстрации.....	108

ВВЕДЕНИЕ

Данные о погребальном обряде являются одним из важнейших археологических источников для реконструкции культуры древних этносов, определения особенностей их развития и взаимодействия с соседями. В связи с этим изучение специфики погребальных памятников представляется первоочередной задачей, стоящей перед археологией как наукой. Постоянный интерес специалистов-археологов к погребальным памятникам и погребальным традициям вызван возможностью получить большой объем информации о конкретном древнем обществе, его культурных традициях, а также реконструкции его материальной и духовной культуры.

Крымский полуостров всегда являлся одним из ключевых регионов для понимания историко-культурных процессов, протекавших в Северном Причерноморье. Традиционно на территории Крыма выделяется несколько историко-географических районов, имеющих как общие черты, так и локальные особенности в историко-культурном развитии. Район Юго-Западного Крыма, а тем более территория, близлежащая к Херсонесу является для первой половины I тысячелетия одной из ключевых для изучения сложных процессов взаимодействия Римской империи с варварскими сообществами в сфере экономики, военного дела, торговли. Отражение всех этих процессов особенно хорошо маркируют погребальные памятники и погребальный обряд.

Актуальность выбранной темы исследования определяется следующими аспектами: во-первых, несмотря на длительное изучение погребальных памятников римского времени Крыма остается необходимым систематизация и анализ археологического материала, а накопление новых данных требует их должной культурно-исторической интерпретации. Во-вторых, все еще не решены вопросы происхождения некоторых элементов погребального обряда и связи их с определенными группами населения. В-третьих, анализ рассматриваемых в работе новых данных и соотнесение с ранее полученными выводами исследователей позволит в определенной степени дополнить

общую картину развития рассматриваемого региона, всего Крыма и юга Восточной Европы в римскую эпоху.

Степень разработанности темы исследования. История изучения погребальных памятников в рассматриваемом районе насчитывает не одно десятилетие, за это время были открыты и в разной степени изучены могильники, расположенные по берегам рек Черной и Бельбек. Это получившие широкую известность могильники Севастопольский (Совхоз-10), Инкерманский, Чернореченский, Бельбек IV и ряд других. Многие из них в различной мере опубликованы (Стржелецкий и др., 2003–2004; Бабенчиков, 1963; Веймарн, 1963; Гущина, Журавлев, 2016; Труфанов, Стоянова, 2023). Несмотря на довольно длительное археологическое изучение района, накопления большой базы источников и наличия различных научных разработок, целый ряд аспектов, в том числе и погребального обряда, до сих пор остается недостаточно исследованными.

Благодаря масштабным спасательным археологическим работам, связанным со строительством автомобильной трассы «Таврида», проведенными за последние годы в окрестностях города Севастополя, открыты и изучены новые уникальные памятники. В 2018 г. был раскопан могильник Фронтное 3, в 2020–2021 г. могильник Киль-Дере 1.

Могильник Фронтное 3 раскопан полностью, он не был ограблен современными мородерами, при его изучении получен огромный пласт информации. Это делает его эталонным для изучения многих вопросов истории варварского населения региона, взаимоотношений народов, населявших Юго-Западный Крым с Херсонесом и другими центрами Римской империи.

Таким образом, **целью** диссертационного исследования является формирование целостного представления о погребальном обряде и погребальных традициях населения округа Херсонеса в римское время.

Постановка подобной цели предусматривает решение следующих **задач**:

- рассмотрение истории изучения погребальных комплексов ближайшей округи Херсонеса и Юго-Западного Крыма;
- изучение погребальных сооружений и погребального обряда могильника Фронтное 3;
- анализ погребальных сооружений и погребального обряда по материалам синхронных памятников округи Херсонеса;
- сравнение особенностей погребальной обрядности, выявленных в ходе изучения различных памятников округи Херсонеса;
- выявление закономерностей в погребальной практике населения региона.

Объектом исследования является погребальный обряд варварского населения округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия н.э.

Предметом исследования выступают погребальные археологические комплексы, открытые на некрополях, расположенных в бассейнах рек Бельбек и Черная, в непосредственной близости от Херсонеса, в первую очередь это материалы могильника Фронтное 3.

В качестве основных **источников исследования** в диссертационной работе использованы материалы всех выявленных при раскопках могильника Фронтное 3 погребений римского времени – данные 328 комплексов. Для сравнения привлечены материалы 2430 комплексов, открытых на 16 синхронных некрополях, расположенных в округе Фронтного 3.

Методологическая основа и методы исследования обусловлены поставленными целями и задачами. В работе использованы базовые методы научного исследования – сравнительно-аналитический, типологический, картографический, а также метод комплексного анализа археологического материала. Применялись также методики многомерного статистического анализа.

Хронологические рамки исследования обусловлены датировкой материалов могильника Фронтное 3 – конец I – начало V в. н.э.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию, прилегающую к Гераклейскому полуострову, ограниченную течением реки Бельбек с ее притоками.

Научная новизна исследования. Впервые в научный оборот вводятся материалы нового полностью исследованного могильника Фронтное 3. В результате изучения памятника была выявлена его хорошо датируемая планиграфическая структура, что позволило проследить изменчивость погребальных сооружений и погребального обряда во времени. Были использованы новые подходы в рассмотрении конструктивных элементов подбойных могил, а также в изучении расположения отдельных категорий инвентаря.

Научная значимость исследования. Получены новые выводы о погребальном обряде населения округа Херсонеса в римское время. Материалы могильника Фронтное 3 позволили выделить погребальные практики, характерные для различных хронологических этапов в развитии памятника. Сопоставление полученных данных с материалами синхронных некрополей позволило обнаружить схожие явления в погребальном обряде населения, проживавшего близ рек Бельбек и Черная в римское время. Прослежено различное влияние отдельных римских погребальных традиций, характерных для жителей Херсонеса, на обитателей ближайшей округи города.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут послужить основой для дальнейшей разработки вопросов культурогенеза населения отдельных районов Юго-Западного Крыма, а также для определения степени взаимодействия варварского населения и населения античного Херсонеса в римское время. Полученные результаты могут быть использованы в формировании музейных экспозиций, иллюстрированных каталогов. Материалы исследования также могут применяться для разработки лекционных курсов для студентов исторических вузов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В истории изучения погребальных памятников Юго-Западного Крыма можно выделить три основных периода: первый – 40-е гг. XIX – 40 гг. XX в.; второй – 50–90-е гг. XX в.; третий – с начала XXI в. по настоящее время. Каждый из периодов отличается не только нарастанием материалов, методическими приемами в изучении некрополей, но и кругом обсуждаемых вопросов.

2. Для могильника Фронтное 3 характерен ряд уникальных для Юго-Западного Крыма особенностей: преобладание подбойных могил, наличие каменных маркеров у подбойных могил, широкое распространение двухподбойных могил, вариативность заклада в подбойных могилах, расположение погребенных вдоль длинной оси грунтового склепа, наличие двух типов размещения заупокойной пищи относительно керамической посуды в могиле, расположение стеклянного сосуда в районе кисти правой руки, наличие своеобразных крышек на краснолаковых сосудах.

3. На основании изучения погребальных сооружений, погребального инвентаря, заупокойной пищи и способов их размещения в погребении на могильнике Фронтное 3 выделено три погребальные практики – ранняя, средняя и поздняя. Каждая из практик имеет определенный набор признаков и хронологические рамки:

– ранняя (конец I – вторая половина II в.), основными показателями являются: отсутствие каменного заклада, заклад в виде ряда камней, наличие заупокойной пищи в сосудах открытых форм, наличие кости лошади в составе заупокойной пищи;

– средняя (первая половина II – рубеж III–IV вв.), основными показателями являются: заупокойная пища расположена непосредственно на дне подбоя, перекрытие подбоя всегда с помощью камня, среди вариантов заклада широко распространены навалы камней и горизонтально уложенные камни, распространены практика расположения сосуда в руке, каменные маркеры погребений, преобладание мяса крупного рогатого скота среди заупокойной пищи, отсутствие предметов вооружения;

– поздняя (первая четверть IV – начало V в.), основными показателями являются: наличие грунтовых склепов, широкое распространение лепной посуды, наличие больших посудных сервизов, включающих лепную и стеклянную посуду, присутствие среди заупокойной пищи мяса птицы и куриных яиц, перекрытие подбоя только вертикально установленными камнями на грунте или горизонтальных камнях.

4. Особенности погребальных практик, выявленные на некрополе Фронтное 3, в различной степени характерны для синхронных памятников округа Херсонеса: для большинства памятников присуща рядность в расположении погребальных сооружений, тогда как наличие каменных маркеров нехарактерно для синхронных могильников; для отдельных некрополей известны случаи отсутствия каменного заклада в подбойных могилах или формирование его в виде отдельного ряда камней; в целой группе погребений, так же как во Фронтном 3, присутствуют два типа расположения заупокойной пищи в могиле; на соседних памятниках в меньшей степени распространены обрядовые нормы в виде накрытия краснолаковых кувшинов своеобразными крышками или расположение стеклянных сосудов рядом с кистью погребенного.

5. Анализ погребальных памятников округа Херсонеса показал, что для отдельных некрополей, помимо повсеместно встречаемых категорий погребальных сооружений (грунтовые могилы, подбойные могилы, грунтовые склепы), характерны локальные типы (плитовые могилы, каменные ящики в грунтовых или подбойных могилах, безурновые кремационные погребения в подбоях, кремационные погребения в оссуариях). Эти различия могут быть связаны с разнообразными религиозными представлениями либо другими культурными традициями, в т.ч. локальными.

6. Судя по отдельным погребальным традициям (большой процент кремационных погребений, использование оссуариев), население долины реки Черная подвергалось большому влиянию Херсонеса в отличие от более удаленных территорий.

Степень достоверности полученных результатов подтверждается использованием основного круга опубликованных материалов по погребальным памятникам округа Херсонеса и Юго-Западного Крыма; детальной проработкой и критикой источников, учитывая специфику изучаемой информации; приведением в приложении табличных, статистических и иллюстративных данных, на которых основывается исследование.

Личный вклад в получение результатов диссертации. Под руководством автора исследования проводились археологические раскопки на могильнике Фронтное 3. Подготовлен к печати полный каталог погребальных сооружений памятника (Свиридов, Языков, 2023; 2024а; 2024б). Составлена сводная таблица данных по наличию в погребальных сооружениях различных погребальных признаков и особенностей. Автор исследования принимал участие в раскопках и обработке материалов синхронного по времени могильника Киль-Дере 1. При подготовке диссертации проведена работа в архивах Института археологии РАН, Института археологии Крыма, Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Произведена систематизация материалов синхронных могильников округа Херсонеса и сопоставление их с материалами Фронтного 3.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были представлены и обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах: научно-практической конференции по итогам полевого сезона 2018 г. и проблемам сохранения объектов археологического наследия на Крымском полуострове (г. Симферополь, 5–7 декабря 2018 г.), III международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (г. Севастополь, 6–8 июня 2019 г.), научном семинаре «Закономерности расположения грунтовых

могильников в ландшафте» (г. Москва, 11 ноября 2019 г.), научной конференции «Античные Реликвии Херсонеса: Открытия. Находки. Теории» (г. Севастополь, 20–24 сентября 2021 г.), международной научной конференции «XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые перспективы» (г. Керчь, 2021 г.), международной научной конференции «Археологические исследования: новые материалы и интерпретации» (г. Москва, 2–3 марта 2022 г.), международной научной конференции «Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи» (г. Симферополь, 6–8 апреля 2022 г.), международной научной конференции «XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное» (г. Керчь, 23–27 мая 2022 г.), международной научной конференции «XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в археологических реконструкциях» (г. Керчь, 22–25 мая 2023 г.), международной научной конференции, посвященной 70-летию М. Казанского «IMPERIUM ET BARBARICUM: взаимодействие цивилизаций» (г. Симферополь, 29 мая – 2 июня 2023 г.), международной научной конференции «XXVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России» (г. Керчь, 20–23 мая 2024 г.), международной научной конференции «Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи» (г. Симферополь, 29 мая – 2 июня 2024 г.).

Основные результаты опубликованы в 38 публикациях, из которых семь относятся к периодическим изданиям, входящим в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, и две – монографические.

ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ 1-Й ПОЛОВИНЫ 1 ТЫС. Н.Э. ЮГО-ЗАПАДНОГО, ЮЖНОГО И ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

1.1. История археологического изучения погребальных памятников

Изучение погребальных памятников римского времени в Юго-Западном Крыму насчитывает 190 лет. Первыми исследованиями подобных объектов можно назвать работы, проведенные в 1834 г. Дюбуа де Монпере на некрополе Неаполя Скифского (Бабенчиков, 1957. С. 94), а также небольшие поисковые изыскания, произведенные в 1849 г. графом Шуваловым близ Ай-Тодорского укрепления (Дьяков, 1930. С. 18).

В конце XIX в. интерес к древностям Крыма значительно возрастает. Начиная с 80-х гг. увеличивается количество сведений о древних памятниках и информации об их раскопках.

Вторая половина XIX в. В 1886 г. А.Л. Бертье-Делагардом были опубликованы сведения об обнаружении им близ реки Черной нескольких каменных ящичков, перекрытых плитами с перемешанной керамикой и жжеными костями внутри. Малые размеры сооружений позволили исследователю предположить, что они служили для установки погребальных урн (Бертье-Делагард, 1886. С. 247).

В 1887 г. В. Лашковым на южном склоне горы Чатырдаг было обследовано разрушенное погребение в каменном ящичке, содержащее погребальный инвентарь и датированное V в. н.э. (Мыщ, 1987. С. 144).

В 1889 г. на склонах Петровской балки в пределах некрополя Неаполя Скифского Н.И. Веселовским были открыты 11 могил начала эры, материалы работ были представлены не слишком подробным описанием самих могил и общим перечнем инвентаря (Раевский, 1971. С. 144). В 1890 г. им же были предприняты раскопки близ Симферополя (Труфанов, 2009. С. 119), а в 1891 г. – в окрестностях села Саблы (ОАК, 1893. С. 76). По ряду находок погребения

позже были отнесены И.Н. Храпуновым к концу I – началу II в. н.э. (Храпунов, 1995. С. 61).

В 1889 г. поступило сообщение об обнаружении вблизи села Курцы (окрестности Симферополя) разрушенного погребения. В тот же год А.Х. Стевенном, А.И. Маркевичем и А.О. Кашнарем там под курганной насыпью был расчищен каменный ящик с многочисленными захоронениями внутри (Маркевич, 1890). По конической миске на поддоне эта могила позже была датирована позднескифским временем (Храпунов, 1995. С. 62).

В 1895 г. одна подбойная могила была вскрыта Ю.А. Кулаковским на некрополе городища Неаполь в «Собачей балке» (ОАК, 1897. С. 19). В том же году Ю.А. Кулаковский обследовал местность по нижнему течению рек Булганка, Альма, Кача и Бельбек. В междуречье Качи и Альмы им были раскопаны 4 кургана различной величины, содержавшие в том числе впускные захоронения начала эры (ОАК, 1897. С. 17–19). В 1896 г. работы им были продолжены, исследовано было не менее 6 насыпей в курганных группах «Срабеды-оба», «Азиз-оба», «Мамай-оба» (ОАК, 1898. С. 159-162). В том же году близ Бахчисарая были открыты два кургана, один из которых оказался разграбленным, а под насыпью второго найдены два погребения: одно подбойное, другое – грунтовая яма, перекрытая камнем (ОАК, 1898. С. 69).

В 1896 г. великий князь Александр Михайлович начал проводить раскопки близ Ай-Тодорского укрепления. О первых результатах уже в 1897 г. Н.П. Кандаков в письме академику В.В. Латышеву сообщал об открытии здесь укрепленного «городка» с постройками римской провинциальной кладки, относящегося к греко-римскому периоду (Дьяков, 1930. С. 18–19).

В 1899–1900 гг. в результате проведения строительных работы по прокладке дороги к подножию горы Аю-Даг была разрушена серия погребальных сооружений. Часть находок римского времени поступила в собрание А.Л. Бертье-Делагарда, часть через управляющего именем была выкуплена Н.И. Репниковым у рабочих (Репников, 1906. С. 2).

Начало XX в. Начиная с первых десятилетий XX в. археологические исследования стали активно проводиться в окрестностях Севастополя. В 1901 г. в Панайотовой балке Н.М. Печенкиным была раскопана могила, которая с западной стороны была обложена плитами, тогда как восточная сторона врезана в скалу. Исследователь датировал комплекс первыми вв. н.э. (Печенкин, 1905. С. 29). Позже на основании обнаруженного в могиле светильника захоронение было отнесено к III–IV вв. н.э. (Журавлев и др., 2021. С. 11).

Обнаружение могилы римского времени побудило Н.М. Печенкина начать планомерные работы по изучению древностей на северной стороне Севастополя. В результате этого в 1903–1904 гг. в устье одноименной реки им был исследован памятник, известный сегодня как могильник Бельбек I. Всего было раскопано 22 могилы, выполненных по обряду ингумации и кремации. Большая часть погребальных сооружений представлена плитовыми могилами, в некоторых из них сохранилось плитовое перекрытие. В нескольких случаях в ногах или голове располагались остатки деревянных колод. Могильник датируется второй половиной III в. н.э. (Печенкин, 1905. С. 30–34; Журавлев и др., 2021. С. 11–97).

В 1904 г. в продолжение исследований на Северной стороне Севастополя Н.М. Печенкиным был раскопан курган, располагающийся к северо-западу от Братского кладбища. В насыпи кургана обнаружены 6 впускных подбойных погребений. По набору инвентаря могилы были датированы I в. до н.э. – I в. н.э. (Печенкин, 1905. С. 34–37; Журавлев и др., 2021. С. 98–141).

В том же году П.А. Двойниченко близ села Саблы была раскопана могила с многократными погребениями II в. н.э. Среди находок открыто большое количество бус, кольца с выступами, зеркальце с орнаментом на обратной стороне и др. (ИТУАК, 1914. С. 289–290; Храпунов, 1995. С. 62).

В 1905 г. А.Л. Бертье-Делагардом был исследован участок местности около Ялты, на котором обнаружено большое количество монет, преимущественно римского времени. Изучить удалось около 1080 монет, а

всего комплекс, по подсчетам ученого, мог содержать до полутора тысяч экземпляров. Столь значительную коллекцию исследователь объясняет существованием здесь святилища, принадлежавшего одному из варварских народов, находившемуся в торговых связях с Боспором и Херсонесом (Бертье-Делагард, 1907. С. 20).

1920–1930-е гг. В 20-х гг. XX в. К.Э. Гриневич проводил исследования на Гераклейском полуострове с применением новых методик и установок. Он пытался на основании археологических работ изучить структуру хозяйства, определить структуру общества проживавших вблизи Херсонеса народов, а также их взаимоотношения с античной колонией (Семенов-Зусер, 1947. С. 86).

В 1926 г. Н.Л. Эрнст проводил обширные исследования на Неаполе и обнаружил в том числе погребальные сооружения (Эрнст, 1930. С. 82.). В следующем, 1927 году им были изучены погребения в склепах на городище Неаполь, а также близ Нейзаца (Эрнст, 1930. С. 84), и семь захоронений III–V вв. в Алуште (Лысенко, 2015. С. 65).

В 1931, 1932, 1935 гг. совместная экспедиция ряда государственных научных организаций под руководством В.Д. Блаватского проводила работы на поселении Харакс. В 1932 г. за наружной крепостной стеной был обнаружен некрополь (Блаватский, 1933; 1938). За годы работы на некрополе вскрыта площадь около 272 кв. м, выявлены 33 могилы, большинство из которых представлено кремированными погребениями – кальцинированные кости наиболее часто располагались в остродонной амфоре. Открытые погребальные сооружения были датированы концом III – первой половиной IV в. (Блаватский, 1938. С. 328).

В 1937, 1938 гг. Н.И. Репников и Е.В. Веймарн провели работы на могильнике Бельбек II, расположенном на территории колхоза «Украина» на правом берегу одноименной реки. Ими были раскопаны 6 могил, отнесенных к II–III вв. н.э. (Мосберг, 1946. С. 114–117).

В том же году Е.В. Веймарн провел на Мангупском плато разведки, в ходе которых был обнаружен могильник Алмалык-дере, его местоположение было

нанесено на карту археологических объектов Мангупа (Веймарн, 1953. С. 420–421).

1940-е гг. Осенью 1940 г. в Инкермане С.Ф. Стржелецким был изучен грунтовый склеп, судя по плану, имевший длинный дромос и ниши в дальней стенке. В нем исследованы 4 погребения различной сохранности, располагавшиеся перпендикулярно длинной оси склепа, одно из них было скорченное. К востоку от склепа найдены две грунтовые могилы, не давшие дату. Склеп датируется концом IV в. н.э., погребенные в нем были отнесены к местному тавро-скифскому населению (Стржелецкий, 1947. С. 283–289).

В 1948 г. раскопки Инкерманского могильника были продолжены: установлены границы могильника, выявлена его площадь – около 7,5 га, при этом исследованная площадь составила около 1500 кв. м. Всего было изучено 50 погребений, из них 26 подбойных, 17 грунтовых, 7 земляных склепов. Кроме того, были открыты начатые, но не законченные в древности могилы, захоронений в них не обнаружено (4 подбойные и один склеп). Отличительной особенностью конструкций инкерманских склепов можно назвать наличие практически в каждом из них ниш в стенах. При этом они располагались не только в противоположной стене от входа, но и в боковых (Стржелецкий, 1947; Веймарн, 1957; Веймарн, 1963). Е.В. Веймарн датировал могильник IV в. н.э. и считал, что он оставлен поздними скифами (Веймарн, 1963 С. 42, 87).

В августе 1945 г. под руководством П.Н. Шульца начала работу Тавро-Скифская экспедиция. Базовым памятником становится городище Неаполя Скифского. История формирования и годы деятельности экспедиции освещены в отдельной статье (Чемодуров, 2020). В 1953 г. вышла монография П.Н. Шульца, посвященная Неаполю, в которой автор попытался акцентировать внимание на важности изучения скифской культуры (Шульц, 1953). По мнению Т.Н. Высотской, именно с исследований П.Н. Шульца началось систематическое изучение скифов в Крыму в послевоенные годы (Высотская, 1972. С. 10).

В 1949 г. на Неаполе Скифском был открыт новый для памятника тип склепа, имевший Т-образную форму и длинную входную яму. Погребальная камера ориентирована перпендикулярно дромосу, в трех ее стенах были зафиксированы 4 ниши, обрамленные росписью по глине. Склеп был ограблен в древности, но полученный из его раскопок материал позволяет датировать его III в. н.э. О.Д. Дашевская отмечает, что он по ряду признаков сходен с вырубленными в скале склепами Неаполя, открытыми раскопками 1945-1945 гг. (Дашевская, 1951).

1950-е гг. Начиная с середины 50-х гг. значительно увеличивается количество археологических работ на уже известных и вновь открытых памятниках. В отличие от предшествующего времени многие могильники раскапываются широкими площадями. В этот период большой вклад в изучение позднескифской культуры, в том числе и в Юго-Западном Крыму, внесли исследования Е.В. Веймарна в составе горного отряда Тавро-Скифской экспедиции. Под его руководством был открыт ряд памятников, проведены раскопки на городище Алма-Кермен и его некрополе (Высотская, 1972. С. 14).

В 1950 г. В.П. Бабенчиков начинает работы на Чернореченском некрополе. Памятник расположен в административной зоне г. Севастополя, на северной окраине села Хмельницкое, на восточном склоне второй Федюхиной высоты (Бабенчиков, 1963. С. 90). Могильник занимал территорию не меньше 4200–4500 кв. м. Было раскопано 87 могил, большинство из них (38) – подбойные, также распространенная группа – кремационные захоронения в урнах (30 могил). Помимо того, выявлено 8 простых грунтовых ям, 7 грунтовых склепов, два погребения коней.

Отличительной особенностью могильника является наличие в погребальном обряде деревянных колод, поставленных на плоские камни. Подобная практика зафиксирована как в подбойных могилах, так и в грунтовых склепах. Исследователь датировал памятник широко – от начала н.э. до середины I тысячелетия, отмечая при этом, что большая часть захоронений была совершена во II–IV вв. н.э. (Бабенчиков, 1963. С. 122).

В 1954 г. под руководством Н.А. Богдановой начались работы на могильнике у села Заветное. Памятник выделяется особой локализацией могил с различными типами погребальных сооружений. Комплексы с каменными насыпками располагались отдельно на юго-восточном холме, тогда как в центральной части преобладали плитовые и катакомбные могилы (раскопы Б и В) (Богданова, Гущина, 1964. С. 325). Авторами публикации материалов памятника высказывается мнение о неоднородности населения, оставившего могильник, предполагая, что он относится к таврам, скифам и пришедшим в регион сарматам. Датируется памятник первыми вв. н.э., а вся керамика соотносится с I–III вв. н.э. (Богданова, Гущина, 1964. С. 325–328).

В 1954 г. С.Ф. Стржелецким начинаются исследования на могильнике Севастопольский (Совхоз-10). Работы под его руководством с перерывами продолжались до 1966 г. Позже, в 1967 и 1969 гг., могильник изучался Ю.А. Бабиновым и С.Г. Рыжовым (Высотская, 1998. С. 256). Памятник располагался на правом берегу реки Черной, к юго-востоку от подножия горы Сахарная Головка, на водоразделе двух балок. Могильник на тот период стал наиболее изученным памятником римского времени в регионе, но в силу разных обстоятельств полная публикация материалов некрополя была произведена значительно позже (Стржелецкий, 2003–2004); первоначально были опубликованы только некоторые категории находок (Анохин, 1962).

Всего на памятнике было выявлено 869 различных погребальных сооружений. Значительно преобладают кремационные могилы (562 комплекса). Вторыми по численности являются подбойные могилы, всего их зафиксировано 217, погребений в грунтовых ямах известно 71, грунтовых склепов открыто 19, захоронений в каменных ящиках – 13, неопределенных – 9 (Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 31–40).

В 1959 г. начинает деятельность Альминский отряд Крымской археологической экспедиции ИА АН УССР под руководством Т.Н. Высотской. Основные работы отряда были сосредоточены на изучении позднескифских городищ, селищ и могильников (Высотская, 1972. С. 14).

1960-е гг. В 1960 г. Н.А. Богдановой произведены исследования на могильнике Скалистое II, обнаружено 16 подбойных могил. Памятник датируется II в. н.э. (Богданова, Гущина, 1967. С. 132–133). На следующий год ими же было изучено 3 погребения на могильнике Бельбек II, открытом ранее Н.И. Репниковым и Е.В. Веймарном. Несмотря на небольшое количество раскопанных на тот период погребальных сооружений, авторы выделяют пять их типов: одна простая грунтовая могила, две грунтовые ямы с засыпкой камнем, подбойная могила с заплечиками, могила, перекрытая каменными плитами, земляной склеп. Погребения на могильнике датируются II–III вв. н.э. (Богданова, Гущина, 1964. С. 329–330).

В 1963 г. совместной экспедицией БИАМ и ГИМ на правом берегу реки Бодрак обнаружен могильник Скалистое III. В 1964 г. на нем осуществлены исследования на площади около 600 кв. м. Открыты 54 могилы, погребальные сооружения представлены четырьмя типами: подбойные (32 могилы), плитовые (4 могилы), грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами (16 могил), захоронения в амфоре (4 могилы). Отличительной особенностью некрополя является наличие могил, перекрытых каменными плитами, с установленными по длинным сторонам столбами, которые служили упором для горизонтальных каменных плит. Могильник прекратил существование в III в. н.э. (Богданова, Гущина, 1967. С. 133–138).

В период 1963–1965 гг. И.И. Лобода производил работы на могильнике Озерное III. За три года на участке в 2000 кв. м было открыто 7 сооружений трех типов: три простые грунтовые ямы, подбойная могила и три склепа (Лобода, 1977. С. 236). На основании погребального инвентаря памятник был датирован второй четвертью III – IV в. н.э.

В 1964 г. начались работы на Усть-Альминском некрополе. В 1968 г. исследования были продолжены, открыты 32 погребальных сооружения различных типов. Отличительной особенностью от ранее известных памятников является наличие захоронений целых или фрагментированных коней в отдельных ямах рядом с погребальными конструкциями (Высотская,

1972. С. 79). Наиболее ранние находки могильника относятся к I в. до н.э. – I в. н.э., большинство открытых на тот период погребений датируются II–III вв. н.э. (Высотская, 1972. С. 84).

В 1967 г. возобновляются раскопки на могильнике Севастопольский (Совхоз-10). Исследованием склеповых сооружений занимался Ю.А. Бабинов (Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 27). В том же году под руководством И.И. Гущиной ведутся работы на могильнике Бельбек III. Памятник ранее был открыт О.Я. Савелей. За два года было раскопано 29 могил, отнесенных к периоду конца II – первой половины III в. н.э. (Гущина, 1970).

В 1968 г. в восточной части Гераклеяского полуострова на верхних и средних частях крутых склонов Килен-балки был исследован один склеп, который датировался IV в. н.э. (Контны, Савеля, 2006. С. 129).

В 1969 г. археологическая экспедиция ГИМ под руководством И.И. Гущиной начала работу на памятнике Бельбек IV, исследования проводились до 1976 г., после перерыва возобновлены в 1979 г. и продолжались вплоть до 1991 г. Всего исследована 331 могила. Отдельные раскопки осуществлены в 2004 г. На площади 150 кв. м раскопано 5 могил (Гущина, Журавлев, 2016. С. 5, 219–221). Могильник характеризуется однообразием погребального обряда. В основном здесь представлены два типа погребальных сооружений: грунтовые ямы и подбойные могилы. При этом простые грунтовые ямы составляют около 37%, а подбойные – около 50% от всех раскопанных погребений. Обнаружены две плитовые могилы. Памятник датируется второй половиной I – первой половиной III в. н.э. (Гущина, Журавлев, 2016. С. 8–16).

В 1965, 1967–1969 гг. И.И. Лободой были продолжены исследования на некрополе Скалистое III. Была изучена вся сохранившаяся часть могильника на площади 2010 кв. м и открыто 121 погребение. Из них 68 могил являлись подбойными сооружениями, заклады, как правило, представлены большими плоскими вертикально установленными плитами. В трех случаях открыты двухподбойные могилы. Помимо этого, открыты плитовые могилы и грунтовые с заплечиками, перекрытые плитами (подобных обнаружено 42

комплекса). Также выявлены одно детское захоронение в амфоре и одно кремационное в сосуде (Богданова и др., 1976. С. 123–124). Датируется памятник II – началом III в. (Богданова и др., 1976. С. 147).

1970-е гг. В 1977 г. К.О. Орловым были возобновлены работы на некрополе Ай-Тодор. Раскопаны 4 могилы и одно скопление пережженных костей животных. Все изученные объекты, по мнению автора раскопок, датируются серединой III в. н.э. При этом исследователь указывает, что все могилы и местонахождения пережженных костей (пункты), обнаруженные В.Д. Блаватским, датируются преимущественно IV в. На основании этого К.О. Орловым делается вывод о расширении некрополя с северо-востока на юго-запад, тогда как в 1977 г. была открыта его ранняя часть (Орлов, 1987. С. 108–126).

1980-е гг. В 1983–1984 гг. И.И. Лободой был обнаружен могильник близ села Красный Мак Бахчисарайского района. На памятнике было изучено 16 погребальных сооружений, датирующихся серединой IV – V в. н.э. и составляющих 13 грунтовых склепов и три подбойные могилы (Лобода, 2005).

В 1980 г. во время земляных работ на южном склоне горы Чатыр-Даг было разрушено три могилы. В 1980 и 1982 гг. В.Л. Мыцем на месте обнаружения погребений были проведены охранные исследования. На юго-восточном склоне заложено 8 раскопов площадью 130 кв. м (Мыц, 1987. С. 144). В результате выявлено 11 комплексов, выполненных по обряду кремации. В конструкции погребальных сооружений выделяется три типа кремаций: урновые в каменных ящиках (№ 1–4); урновые в небольших открытых ямах (№ 5, 6, 8, 9, 11); безурновые в ямах (№ 7, 10). Во всех погребениях кальцинированные кости перемешаны с остатками костра и вместе с ними помещены в урны и ямы. Трупосожжения были выполнены на стороне. В качестве урн использовались амфоры, лепные сосуды, краснолаковые кувшины, которые укладывались в каменные ящики. В некоторых могилах найдены и другие сосуды, вероятно, с жертвенной пищей (Мыц, 1987. С. 159–160).

В 1983 г. на горе Ай-Никола была обнаружена пещера, содержащая обломки гончарных и лепных сосудов, кости животных и человека. В 1984 и 1987 гг. были проведены исследования, выявившие в нутри пещеры небольшой некрополь, датированный концом II – первой половиной III в. н.э. По предположению авторов, на кладбище были погребены лица, связанные с культом хтонического божества, а оставлен могильник был представителями сарматских племен (Мыц и др., 1999).

В 1986 г. были исследованы 10 могил разной степени сохранности близ села Танковое Бахчисарайского района. Девять из них представлены грунтовыми могилами с заплечиками, перекрытыми известняковыми плитами, одно – кремационное погребение в амфоре. Изученные погребения относятся к III в. н.э. (Вдовиченко, Колтухов, 1994).

С середины 80-х гг. начинаются исследования на некрополе Дружное. Он располагался в центре Предгорного Крыма, в 18–20 км от г. Симферополя. Впервые могильник был упомянут Н.И. Репниковым, который обозначал его как катакомбный (Храпунов, 2002. С. 13). Первые раскопки на некрополе произвел А.И. Айбабин в 1984 г., были открыты две подбойные могилы и один грунтовый склеп с многоярусным захоронением. Самое раннее погребение в склепе отнесено ко второй половине III в. н.э., самое позднее – ко второй половине IV в. н.э. (Айбабин, 1994. С. 98).

Изучение могильника продолжилось в 1990–1994 гг. коллективом исследователей под руководством И.Н. Храпунова. Первоначально материал некоторых наиболее ярких погребальных сооружений вводился в научный оборот постепенно (Храпунов, 1994; Храпунов, 1998. С. 235, Храпунов, Масыкин, 1997; Хайрединова, 1995; Храпунов, 2000). Полное описание некрополя вышло в 2002 г. отдельным изданием (Храпунов, 2002). Памятник был частично разрушен, датируется III–IV вв. н.э., на нем открыто 24 грунтовых склепа, 29 подбойных погребений, 13 грунтовых могил, 14 грунтовых могил с захоронениями лошадей (Храпунов, 2002. С. 13–15).

В период с 1989 по 1991 г. были проведены работы на площади около 5000 кв. м на Битакском могильнике. Выявлено 180 погребальных сооружений, которые датируются второй половиной II в. до н.э. – первой половиной III в. н.э. (Пуздровский, 2003. С.124.).

1990-е гг. В 1992 г. у подножия склонов Долгоруковской яйлы, в 4 км к северо-востоку от села Заречное, Ю.П. Зайцевым исследован грунтовый склеп, имевший короткую входную яму длиной 2,1 м и короткий дромос. На дне погребальной камеры расчищены 4 погребения. Склеп датируется второй половиной IV в. н.э. (Масякин, 2010).

В 199–1993 гг. проведены работы на открытом еще в 1968 г. могильнике на склонах Килен-балки, раскопано 8 погребальных сооружений (Нессель, 2003. С. 107–108).

В 1993 г. был открыт могильник близ села Суворово (Белый, Неневоля, 1994. С. 253). В 1994–1996 гг. на памятнике раскопано около 50 погребальных сооружений. К востоку от него описывается еще один могильник с погребениями IV в. н.э., обозначенный как Суворово II (Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001. С. 33).

С 1993 года продолжались исследования на Усть-Альминском могильнике. К 2009 году количество раскопанных погребальных сооружений достигло 937 (Труфанов, 2009. С. 123). К 2022 году исследованных комплексов было известно уже не менее 1315 (Зайцев, 2022. С. 108). Материалы могильника активно вводились в научный оборот (Зайцев, 1997, Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002; Пуздровский, Труфанов, 2016; 2017; Пуздровский и др., 2021; Труфанов, 2022в).

В 1993 г. был выявлен подвергающийся разграблению могильник у села Брянское. В 1995–1996 гг. на нем изучено 19 погребальных сооружений. Отмечены подбойные, плитовые, грунтовые могилы, один грунтовый склеп и одно конское захоронение. Некрополь датируется последней третью I – серединой III в. н.э. Склеп имеет несколько периодов захоронений с конца I –

начала II и вплоть до середины III в. н.э. (Белый, Неневоля, 1994. С. 253–254; Труфанов, 1997; Труфанов, 1998; Труфанов, 2005. С. 315–319).

В 1993 г. обнаружен могильник у села Красная Заря (Белый, Неневоля, 1994). В период 1994–2002 гг. экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины и Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника на нем исследованы не менее 50 (52) погребальных сооружений. Раскопки показали, что памятник датируется I–IV вв. н.э. (Пуздровский и др., 2001. С. 32; Волошинов и др., 2007. С. 303).

В 1996 г. близ села Вишневое были изучены комплексы III–IV вв. н.э. Зачищены два склепа и одна грунтовая могила с заплечиками. Памятник, так же как и ряд других, подвергся сильному ограблению (Пуздровский и др., 2001. С. 33–34). В 2000 г. работы были продолжены Е.Я. Туровским, исследовано более двух десятков могил (Туровский, 2002).

В 1995–1996 гг. производились работы на могильнике у села Кольчугино, раскопано 14 погребальных сооружений, датированных I в. до н.э. – I в. н.э. (Храпунов и др., 1997).

Начиная с 1996 г. ведутся охранно-археологические работы на Мангупе. По их результатам уточнены данные по могильнику Алмалык-Дере, в частности определено, что он мог возникнуть во второй половине IV – V в. Основная часть погребальных сооружений, исследованных на памятнике, представлена грунтовыми склепами. Помимо них обнаружены подбойные и грунтовые могилы, а также одно трупосожжение в грунтовой яме (Gertsen A., Maćzyńska M., 2000; Maćzyńska et al., 2016; Казанский, Мастыкова, 2017. С. 569).

В 1997 г. проведены небольшие исследования на некрополе Долинное. Памятник расположен близ одноименного села в Бахчисарайском районе. По мнению авторов раскопок, некрополь может соотноситься с поселением Топчикой 1, содержит сочетание сарматских и позднескифских традиций в погребальном обряде. Изученные могилы были отнесены ко второй половине II – началу III в. н.э. (Неневоля, Волошинов, 2013).

В 1997 г. было исследовано 12 погребальных сооружений могильника близ села Левадки Симферопольского района, памятник датировался с рубежа II–I вв. до н.э. по III в. н.э. (Храпунов и др., 2001).

С 1996 г. начинаются планомерные исследования могильника Нейзац, который расположен в 15–20 км к востоку от г. Симферополя. В результате проведенных работ выяснено, что некрополь датируется II–IV вв. н.э. Памятник с перерывами исследовался в течение 19 лет, за годы изучения была раскопана площадь 5100 кв. м. Необследованной осталась южная часть памятника, которая перекрыта мощной насыпью, образованной отвалами Балановского водохранилища (Храпунов, 2011. С. 13–18; Храпунов, 2006а; Храпунов, 2008а; Храпунов, 2006б). Всего на некрополе открыто 602 сооружения. Преобладают грунтовые могилы, их открыто 256, они подразделяются на несколько групп: простые грунтовые ямы, ямы с перекрытием, плитовые могилы, конструкции для погребения лошади. Помимо грунтовых изучены также 191 подбойная могила, 87 склепов и 68 могил прочих конструкций (Храпунов, 2005; 2013а; Мульд, 2016).

2000-е гг. В 2000 г. на могильнике Фонтаны, расположенном к югу от Симферополя, исследовано 13 погребальных сооружений, включающих 2 грунтовых склепа, 8 подбойных могил, 3 грунтовые могилы. Открытые могилы датируются II в. до н.э. – первой половиной III в. н.э. (Мульд, 2002. С. 123–124; Храпунов, Мульд, 2004а).

В полевых сезонах 2000–2002 гг. были продолжены исследования на могильнике Левадки. Всего на памятнике открыто 46 погребальных сооружений, преобладают подбойные могилы. Некрополь датируется I в. до н.э. – III в. н.э. (Мульд, 2002. С. 120–123; Мульд, Масякин, 2003. С. 5). Позже, на основании вновь раскопанных комплексов, датировка памятника была уточнена – середина/вторая половина II в. до н.э. – середина III в. н.э. Всего к 2022 г. было изучено 193 погребальных комплекса, в том числе: 23 катакомбы (видимо, скифского времени – А. С.), 27 склепов, 94 подбойные могилы, 44

могилы в простых грунтовых ямах, 3 незавершенные могилы, 2 могилы нестандартной конструкции (Мульд, 2022. С. 47).

В 2000 г. были произведены исследования на могильнике Курское, расчищено 13 погребальных сооружений, датирующихся III–IV вв. н.э. (Труфанов, Колтухов, 2001). В 2001 г. работы на могильнике были продолжены, общее количество раскопанных погребальных сооружений составило 27 комплексов, включая 22 подбойные могилы, 4 склепа и 1 конское захоронение; все выявленные погребения датировались в рамках III–IV вв. н.э. (Труфанов, 2004а; Труфанов, 2012). Как показали исследования, наиболее ранние подбойные могилы конца II – середины III в. н.э. расположены в юго-западной части, а склепы IV в. н.э. – в северо-восточной. На участке со склепами расчищено несколько подбойных могил, две из которых (№ 9 и № 10) датируются в пределах последней трети III – первой четверти IV в. н.э. (Труфанов, 2004а. С. 495).

В 2001 г. продолжены работы на могильнике Суворово, были изучены 4 грунтовых склепа, плитовые и подбойные могилы. Установлено, что некрополи, обозначенные как Суворово I и Суворово II, являются участками одного обширного кладбища (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 57).

Начиная с 2003 г. с некоторыми перерывами ведутся исследования могильника Опушки, расположенного в 15 км к востоку от г. Симферополя. Памятник датируется I–IV вв. н.э. К 2023 г. на нем было открыто 399 погребальных сооружений, представленных грунтовыми склепами, подбойными могилами, плитовыми и грунтовыми могилами, каменным ящиком с кремацией (Храпунов, 2023. С. 185). По мнению И.Н. Храпунова, памятник относится к различным культурам. Наиболее ранние захоронения совершались в типичных позднескифских склепах, количество погребенных в которых могло достигать сотен и более. В начале III в. появляются склепы другой конструкции, они отличаются наличием короткого дромоса, а также небольшим количеством захороненных (Храпунов, 2018а; Шабанов, 2018;

Храпунов, 2007; Храпунов, 2021а; Храпунов, Стоянова, 2023; Храпунов и др., 2022; Шабанов, 2021б. С. 121–122).

В 2003 г. Бельбекским отрядом Альминской экспедиции проведены небольшие охранные исследования могильника на правом берегу реки Бельбек в 2,5–3 км к СВ от села Холмовка. Было заложено 4 раскопа и расчищено 11 могил. В результате проведенных работ было установлено, что первоначально это был курган, насыпанный над погребением эпохи бронзы. Начиная с середины I в. н.э. в насыпи начали делать подзахоронения, впоследствии образовался грунтовый некрополь, который на протяжении II – первой половины III вв. н.э. разрастался за пределы насыпи (Труфанов, 2014).

В 2003 г. проходили раскопки могильника Балта-Чокрак у села Скалистое Бахчисарайского района. Информация о памятнике появилась в связи с грабительским разрушением. Как считают исследователи некрополя, разграблению подверглись около 500 могильных сооружений. Наиболее ранние комплексы, судя по подъемному материалу из грабительских ям, датируются второй половиной I – началом II в. н.э. В восточной части был заложен раскоп площадью 315 кв. м, исследовано 39 могил, из которых 22 полностью разграблены. Погребальные сооружения представлены одноподбойными и двухподбойными могилами, единично открыты грунтовая, плитовая могилы и погребение младенца в амфоре. Некрополь может суммарно датироваться I–III вв. н.э. (Зайцев и др., 2005. С. 169–176).

В 2004 г. возобновлены работы на могильнике Заветное, которые были вызваны его систематическим ограблением. Разрушенные могилы позволили уточнить территорию памятника. Он занимал площадь около 7 га – в несколько раз больше, чем предполагалось ранее. В полевом сезоне 2004 г. раскопано 24 могилы, которые датируются I–III вв. н.э. Погребальные сооружения представлены подбойными и грунтовыми могилами. Выделяется участок с двухподбойными могилами второй половины II – начала III в. н.э., в которых обнаружены провинциально-римские бронзовые вещи. Эти находки авторы соотносят с функционированием комплекса на городище Алма-

Кермен, связанного с римским военным присутствием (Зайцев и др., 2007. С. 260). А.А. Волошинов и В.В. Масыкин выделяют участок с воинскими погребениями и отмечают, что подобная ситуация выявлена впервые именно на некрополе Заветное. Исследователи предполагают наличие подобных участков и на других могильниках (Волошинов, Масыкин, 2007. С. 294).

Начиная с 2009 г. проводятся исследования на могильнике Сувлу-Кая, расположенном на окраине г. Бахчисарая. Памятник датируется III – первой половиной V в. н.э. К 2021 г. на некрополе открыто 47 погребальных сооружений, представленных 14 склепами, 30 подбойными могилами, 2 грунтовыми ямами с заплечиками, 1 простой грунтовой ямой (Волошинов и др., 2019; Волошинов, Масыкин, 2022).

2010 – 2020-е гг. В 2013 г. впервые был изучен могильник, получивший в литературе наименование Лучистое 2, расположенный на СВ окраине одноименного села. В результате работ исследователи предположили, что некрополь был биритуальным и относился ко второй половине I – первой половине III в. н.э. (Тесленко и др., 2014; Лысенко и др., 2015. С. 297). С 2015 г. на памятнике начались охранные раскопки, исследовано 12 погребальных конструкций, часть из них – погребения в амфорах. Большинство отнесено к рубежу I–II вв. н.э., а самый поздний к середине/второй половине II в. н.э. (Мордвинцева, Лысенко, 2016).

В 2014, 2015 гг. О.Я. Савелей на могильниках у сел Передовое и Гончарное открыты три новых некрополя, содержащих кремационные погребения в керамических урнах-амфорах. Комплексы датированы I в. до н.э. – II в. н.э. По мнению авторов, обнаруженные могильники свидетельствуют о распространении в местной среде горной глубинки обряда кремации уже в начале нашей эры (Савеля, Савеля, 2018).

В 2018 г. А.Н. Свиридовым, С.В. Языковым в ходе археологических исследований, предваряющих строительные работы на автомобильной трассе «Таврида», был открыт и полностью изучен могильник Фронтное 3. Памятник располагался на левом берегу реки Бельбек в Нахимовском районе

г. Севастополя, в 1 км к СЗ от села Фронтное. В результате проведенных работ выявлено 332 погребальных сооружения, содержащих около 420 погребенных. За исключением 4 могил эпохи бронзы, все комплексы относятся к концу I – началу V в. н. э.

Могильник имеет выразительную планиграфическую структуру. Выделяются два периода в его развитии, четко отраженные в расположении могил на некрополе. Первый период соотносится с концом I – 1-й половиной III в., второй период датируется с середины или второй половины III по начало V в. (Гавритухин и др. 2020; Gavritukhin et al., 2021; Свиридов, Язиков, 2019а; Свиридов, Язиков, 2022; Свиридов, Язиков, 2023).

В 2019 г. на могильнике Алмалык-Дере начался новый этап изучения, связанный с открытием в его южной части нового типа погребального сооружения – кургана, который датировался второй половиной – концом IV в. н.э. Открытие подобного комплекса повлекло за собой своеобразную ревизию материалов прошлых лет, а также способствовало началу новых исследований. За все время изучения на некрополе обнаружено 266 грунтовых погребальных конструкций, из которых археологически исследовано 119: 81 склеп, 27 подбойных могил, 4 могилы с заплечиками, одна Т-образная могила, 6 обычных прямоугольных могил (Науменко и др., 2022. С. 185–186).

В 2020–2021 гг. в результате продолжающихся работ по сохранению памятников, попадающих в зону строительства автодороги «Гаврида», под руководством С.В. Язикова, был полностью исследован могильник Киль-Дере 1. Он располагался на левом берегу реки Черная, в центральной части Инкерманской долины. Всего на площади около 9000 кв. м была открыта и полностью изучена 421 могила. К сожалению, некрополь сильно пострадал от «черных копателей». Перед началом раскопок на территории могильника зафиксировано более 120 грабительских ям. После вскрытия дернового слоя и выхода на уровень фиксации могильных пятен было обнаружено, что грабительские траншеи проложены от одной могилы к другой. В центральной части, где плотность погребений значительно больше, грабительские лазы

были прорыты из одной погребальной камеры в другую. Из 421 могилы только 28 оказались не затронутыми грабителями. Памятник датируется I–IV вв. н.э. (Язиков, Свиридов, 2021; Язиков, Свиридов, 2022; Язиков и др., 2023).

В 2021 г. под руководством Э.И. Сейдалиева были проведены локальные охранно-спасательные раскопки на могильнике Бельбек IV. Всего на площади 641 кв. м было выявлено и исследовано 84 погребальных сооружения (Труфанов, Стоянова, 2023).

В работах различных исследователей неоднократно были опубликованы карты-схемы Крыма с расположением известных к тому времени памятников (Мосберг, 1946. Рис. 1; Мыц и др., 2006. Табл. 63; Храпунов, 2019. Рис. 1 и др.). Наиболее полная подборка представлена в одной из современных статей Ю.П. Зайцева, в которой он собрал информацию о 99 грунтовых некрополях I–IV вв. н.э. Рассмотрены их хронология, наличие/отсутствие кремаций, склепов и подбойных могил. По каждому памятнику предоставлена информация о степени изученности и датировке (Зайцев, 2022).

В приведенном выше обзоре акцент сделан на историю археологического изучения погребальных комплексов, были приведены данные об около пятидесяти погребальных памятниках, не менее десяти из которых опубликованы более-менее полно.

На основе приведенной истории археологического изучения погребальных памятников Юго-Западного, Южного, Предгорного Крыма можно выделить три крупных хронологических периода в их изучении, в каждом из которых выделяют этапы, характеризующиеся комплексом обсуждаемых вопросов: первый – 40-е гг. XIX – 40 гг. XX в.; второй – 50–90-е гг. XX в.; третий – с начала XXI в. по настоящее время.

1.2. Первые раскопки и начало аналитического обобщения археологического материала в 40-е гг. XIX – 40-е гг. XX в.

1.2.1. Первые раскопки и накопление материала во второй половине XIX в.

Археологическое изучение погребальных памятников в Юго-Западном Крыму началось в 30–40-х гг. XIX столетия с проведения работ на двух значимых для понимания историко-культурных процессов в регионе памятников – некрополя Неаполя Скифского и укрепления на мысе Ай-Тодор (Дьяков, 1930. С. 18; Бабенчиков, 1957. С. 94).

Параллельно появляется ряд работ, в которых производятся попытки описания древностей полуострова. Одним из первых изданий такого рода, в котором можно почерпнуть сведения о памятниках старины, является Крымский сборник о древностях Южного берега Крыма, вышедший в 1837 г. В нем П. Кеппен попытался собрать известный ему материал по истории и археологии региона. Несмотря на неточность в интерпретации, значимость издания довольно высока (Кеппен, 1837).

Возросший интерес к истории и археологии России, в том числе южных регионов, подтверждается созданием научных обществ различного уровня. Одно из таких профессиональных сообществ было создано в 1839 г. в Одессе – «Общество истории и древностей» (Тункина, 2002. С. 104-143). Его членами были ученые, внесшие значительный вклад в историческую науку. На страницах издаваемого обществом журнала – «Записок одесского общества истории и древностей» публиковались статьи, в том числе и по истории и археологии Крыма.

Со второй половины XIX в. объем информации о древностях Крыма возрастает. По погребальным памятникам рассматриваемого региона, наряду с информацией в ОАК, публиковались заметки А.Л. Бертье-Делагарда, В. Лашкова и др. (Бертье-Делагард, 1886. С. 247; Мыщ, 1987. С. 144). В 1889–1891 гг. Н.И. Веселовским были предприняты раскопки на некрополе Неаполя, а также ряде погребальных памятников, расположенных в окрестностях

Симферополя (Раевский, 1971. С. 144; ОАК, 1893. С. 76). Рядом с Симферополем проводились также работы под руководством А.Х. Стевенна, А.И. Маркевича и А.О. Кашнаря (Маркевич, 1890). Так же, как и предыдущие исследования, они носили больше описательный характер, без каких-либо общих выводов.

Новым импульсом в изучении древностей Крыма становится создание в 1889 г. в Симферополе Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) (Филимонов, 2004). Состав созданной организации краеведов Крыма формировался на началах добровольности. На заседаниях комиссии представлялись доклады по истории, археологии, географии региона. За годы деятельности комиссия регулярно издавала свои «Известия», за весь период было выпущено 57 томов, в которых содержалось около 400 научных статей, их публикация внесла неоценимый вклад в изучение полуострова. В первые годы работы комиссии одним из основных объектов интереса ее членов являлся некрополь Неаполя Скифского.

Несмотря на то что археологических наблюдений и раскопок во второй половине XIX – начале XX в. было проведено немало, на этом этапе изучения практически отсутствует анализ полученных данных. В большинстве случаев исследователи ограничивались описанием полученных ими материалов.

Наиболее известные работы на погребальных памятниках региона этого времени были произведены Н.И. Веселовским, А.И. Маркевичем, А.Н. Харузиным, Ю.А. Кулаковским, А.Л. Бертъе-Делагардом, Н.И. Репниковым и др. (Раевский, 1971.С. 144; Труфанов, 2009. С. 119; Храпунов, 1995. С. 62; Репников, 1906. С. 2–80; ОАК, 1897. С. 19; Бертъе-Делагард, 1907. С. 20).

А.И. Айбабин характеризует раскопки конца XIX– начала XX в. как работы, проведенные без достаточной научной фиксации. По его мнению, зачастую отчеты слишком поверхностны, в них отсутствуют планы погребальных сооружений, могут быть не выделены комплексы вещей, нет их рисунков. Исследователь указывает, что погребальный инвентарь, был

разрознен и распределен между Керченским, Херсонесским музеями, Эрмитажем и ГИМ (Айбабин, 1990. С. 5).

Другую методическую проблему, характеризующую работу историков конца XIX – первой трети XX в., приводит И.С. Пиоро. По его мнению, в рассматриваемое время изучение этногенеза проводилось сугубо по письменным источникам, без сопоставления с данными археологии (Пиоро, 1990. С. 5).

А.А. Труфанов подчеркивает, что вплоть до начала XX в. грунтовые некрополи почти не изучались, основное внимание было обращено на раскопки курганов. Как считает исследователь, это могло быть обусловлено простотой обнаружения подобных памятников и представлений о кочевом образе жизни скифов и сарматов. Автором подчеркивается, что публикация материалов производилась в незначительном количестве, а недостаток информации по датировкам восполнялся нумизматическими данными, знанием стилистических особенностей ювелирных изделий и некоторых типов керамики (Труфанов, 2009. С. 119).

Таким образом, можно констатировать, что первый этап характеризуется накоплением информации по погребальным памятникам региона, анализ полученных материалов практически не производился.

1.2.2. Интерпретация материалов погребальных памятников и первые обобщения в начале XX – 20-е гг. XX в.

Для начала XX в. известны первые обобщения. Так, полученные в результате раскопок, инициированных великим князем Александром Михайловичем близ Ай-Тодорского укрепления, материалы были охарактеризованы в ряде работ М.И. Ростовцева (Ростовцев, 1900; 1911). Изучая материалы раскопок, М.И. Ростовцев сделал важное предположение, что на мысе Ай-Тодор мог располагаться укрепленный пункт римских войск, и предложил соотносить его с известной по письменным источникам крепостью Харакс (Ростовцев, 1911. С. 1). Работы на крепости продолжались

около 15 лет и стали первыми столь систематическими раскопками в регионе на рубеже XIX–XX вв. осуществленными за пределами Херсонеса.

Важное значение имеют работы Н.М. Печенкина, проведенные на высоком методическом уровне на Северной стороне Севастополя в 1901-1905 гг. Им на территории могильника, вошедшего в научный оборот под наименованием Бельбек I, был исследован ряд погребений. Некрополь практически полностью состоит из особых погребальных сооружений – захоронений в плитовых могилах. Помимо этого, на нем открыт ряд кремационных захоронений. Эти два момента значительно выделяют могильник Бельбек I среди синхронных памятников. По мнению Н.М. Печенкина три могилы, выполненные по обряду трупосожжения одновременны захоронениям в плитовых могилах (Печенкин, 1905. С. 30–34; Журавлев и др., 2021. С. 11–97).

В 1905 г. А.Л. Бертъе-Делагардом была проанализирована коллекция находок, полученных в ходе раскопок около Ялты в 1905 г. Рассмотренные им материалы соотносятся с данными, полученными при раскопках на мысе Ай-Тодор. Исследователь указывает, что для последнего нехарактерны монетные находки после III в. н.э. (Бертъе-Делагард, 1907. С. 25–26).

Для рассматриваемого этапа важна работа директора первоначально Одесского, а позже Керченского музея И.П. Бларамберга, который, основываясь на работах античных авторов, установил местоположения древних поселений, в том числе Неаполя Скифского (Семенов-Зусер, 1947. С. 33).

В работе 1914 г. А.С. Башкиров предполагал, что пришедшие в середине III в. н.э. готы ассимилировали проживающих на территории Крыма автохтонных тавров, которые в свою очередь ранее смешались с появившимися здесь не позднее V в. до н.э. скифами. Исследователь считал, что готы захватили всю Таврику, а в IV в. приняли христианство. С ними автор связывает некрополь Суук-Су (Лысенко, 2015. С. 64).

Одной из знаковых работ рассматриваемого этапа, посвященной анализу погребальных памятников, является статья А.А. Спицына 1918 г. Исследователем была произведена подборка изученных погребальных сооружений, происходящих из курганных насыпей, расположенных в степных районах Крыма. Рассмотренные комплексы были интерпретированы как скифо-сарматские, часть из них может быть отнесена к интересующему нас периоду. В описанных объектах погребальные конструкции представлены следующими типами: курганы с грунтовыми ямами, стенки которых выложены из камня; курганы с большими ямами и особыми отделениями для костяка; курганы с ямами умеренной величины, перекрытые плитами и деревом; курганы с дополнительной насыпью; впускные погребения в плитовых ящиках; впускные погребения, перекрытые деревом и заваленные камнем; впускные сырцовые могилы; впускные простые ямы; подбойные могилы (Спицын, 1918).

Накопленный археологический материал, полученный во второй половине XIX в., а также новые данные, появившиеся в начале XX в., позволили исследователям сделать первые научные обобщения и охарактеризовать погребальные сооружения и обряд, присущие для населения региона в первой половине I тысячелетия н.э.

1.2.3. Анализ материалов погребальных памятников и первые этнические реконструкции в 20–40-е гг. XX в.

Произошедшие в стране революционные изменения отразились и на проведении археологических работ и их осмыслении. В первую очередь изменениям подверглась правовая и методическая основы.

В 1919 г. взамен упраздненных Археологической комиссии и Московского археологического общества по инициативе академика Н.Я. Марра создается «Государственная академия истории материальной культуры» (ГАИМК) (подробнее см. Академическая археология..., 2013).

По мнению С.А. Семенова-Зусера, вновь созданная организация первые десятилетия своей деятельности работала на основе общих принципов, заложенных еще в дореволюционную эпоху. И только начиная с 1931 года происходит внутреннее изменение организации, повлекшее за собой всестороннее изучение археологических памятников (Семенов-Зусер, 1947. С. 124). ГАИМК помимо проведения полевых работ и разработки теоретических основ в научно-исследовательской деятельности осуществляла учет и охрану памятников культуры. Античные древности в рамках организации должен был изучать «сектор античной формации» (Семенов-Зусер, 1947.С. 125).

Знаковой работой, посвященной классификации многочисленных погребальных комплексов и происходящего из них инвентаря, можно назвать работу М.И. Ростовцева. Период, изучаемый в его монументальном труде, предшествует римскому времени. Несмотря на то что в работе рассматривается соседний регион, издание хорошо отражает уровень знания, методики обработки и изучения погребальных памятников в первой четверти XX в. (Ростовцев, 1925). Главным источником для рассмотрения быта и религии негреческих поселенцев Боспорского царства, скифов и поздних сармат М.И. Ростовцев называл материал, происходящий из исследованных погребений, преимущественно из курганов (Ростовцев, 1925. С. 158), тем самым показывая, что изучение погребальных комплексов является одной из первостепенных задач, которые стояли перед археологами того времени.

В 1919–1921 гг. Таврическая ученая архивная комиссия была преобразована в историко-археологическое общество, которое после марта 1923 г. стало именоваться Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) (подробнее об обществе см.: Филимонов, 2004).

В 1927 г. обществу удалось возобновить издание «Известий». В одном из номеров была опубликована статья Н.Л. Эрнста, посвященная анализу археологических работ в Крыму за период с 1921 по 1930 г. Несмотря на то что сведения зачастую необширны, эта работа дает хорошее впечатление об

уровне проводимых работ, а также круге проблем, которые изучали исследователи (Эрнст, 1930).

Результаты работы Н.Л. Эрнста позднее были по достоинству оценены исследователями. Т.Н. Высотская указывает, что Н.Л. Эрнстом на основании обследования позднескифских городищ и селищ Крыма была составлена карта открытых им памятников (Высотская, 1972. С. 10).

С.А. Семенов-Зусер, подчеркивая значимость наработок Н.Л. Эрнста, отмечает, что на основании археологических работ и личных наблюдений ученый приходит к выводу о том, что Неаполь Скифский существовал еще до Скилура, а позднее стал мощным тавро-скифским центром среди прочих скифских поселений. Все скифские городища по своему типу были близки Неаполю и связаны с ним общими экономическими и культурными интересами (Семенов-Зусер, 1947. С. 146).

По мнению С.А. Семенова-Зусера, после смерти Н.Я. Марра наблюдается кризис в руководстве ГАИМК, происходят процессы смещения главенства археологических исследований в угоду изучению «социологизации» общества (Семенов-Зусер, 1947. С. 126). В 1937 г. ГАИМК вошла в состав Академии наук СССР как научно-исследовательский институт.

В 30-е гг. изучение древностей Крыма активно стало производиться не только местными научными кадрами. Большой объем работ проводится центральными государственными учреждениями. К примеру, на раскопках в Хараксе в 1931, 1932, 1935 гг. были задействованы: Государственная академия искусствознания, Московское отделение государственной академии материальной культуры, Государственный музей изобразительных искусств, Государственный исторический музей, Центральный антирелигиозный музей (Блаватский, 1938. С. 324).

Исследования, проведенные под руководством В.Д. Блаватского в Хараксе, дали огромный материал по поселенческой структуре и погребальным сооружениям. Первоначально раскопками были охвачены восточный склон холма, на северо-западном склоне в районе крепостных

ворот и за крепостной стеной. В 1932 г. за наружной крепостной стеной был обнаружен некрополь, сегодня известный как могильник Ай-Тодор (Блаватский, 1933; 1938). В.Д. Блаватский одним из первых попытался интерпретировать открытые там кремационные погребения. Подобные захоронения ученый датировал концом III – первой половиной IV в. и связывал с потомками романизированного местного населения, культура которого носила смешанный характер. Возникновение некрополя относится, по его мнению, к эпохе после эвакуации римлян с территории Крыма (Блаватский, 1938. С. 328). Харакс он считал форпостом римского Херсонеса в регионе, с которым наиболее тесно был связан во второй половине II – первой половине III в. После ухода римских войск Харакс утрачивает своё исключительное значение для Херсонеса и мог быть связан с Боспором (Блаватский, 1938. С. 335).

В работе 1941 г. В.Н. Дьяков реконструировал роль Харакса в завоевательных походах Рима на Крым (Дьяков, 1941). По его мнению, в 60-х гг. I в. н.э. римляне осуществили высадку в Ялтинской бухте и взяли штурмом все таврские укрепления. Параллельно с походами вглубь территории начинают использовать захваченное побережье и закрепляются на нем. Именно эти процессы, как считает В.Н. Дьяков, и фиксируются в Хараксе. Римляне восстановили разрушенную ими при штурме часть мегалитической стены, возвели вторую внутреннюю стену, огородив пространство «цитадели», внутри второго кольца стен были сооружены каменные постройки военного и бытового назначения (Дьяков, 1941. С. 96).

Н.И. Репников в одной из своих работ также уделяет внимание крепости на Ай-Тодоре. Он упоминает, что поселение здесь существовало и после ухода римлян в IV в., о чем свидетельствуют могильник и следы ремонта внешней боевой ограды (Репников, 1941. С. 127).

Важной работой, посвященной анализу погребальных памятников, в том числе и римского времени, является статья, опубликованная в 1946 г. Г.И. Мосбергом. В ней исследователь констатирует, что памятники последних вв.

до н.э. – первых вв. н.э. известны в Юго-Западном Крыму весьма слабо. По его мнению, погребения I–V вв. не были предметом систематических раскопок. В связи с этим считает, что значительный интерес могут представлять материалы разведок 1937 и 1938 гг. на Бельбекском могильнике 2, на котором расчищены три погребения в грунтовых могилах, перекрытых камнем, датированные II–III вв. (Мосберг, 1946. С. 117–118).

Г.И. Мосберг приводит данные Н.И. Репникова, собранные им в рамках подготовки «Материалов к археологической карте Юго-Западного Крыма». Г.И. Мосберг пишет о 23 могильниках, датирующихся с I по V в. н.э. и выделяет две группы по обряду захоронения и инвентарю. К первой относит «катакомбные» I–II вв. н.э., типичной формой которых является земляной склеп с дромосом. Ко второй группе относит рядовые могильники I–IV вв., их насчитывает 16 памятников, они охватывают хронологически значительный период. Для них характерны несколько форм и обрядов погребения. Существование здесь подобных отличий исследователь объясняет обитанием разных племен в этот период в регионе (Мосберг, 1946. С. 118).

В публикации материалов раскопанного в 1940 г. в Инкермане грунтового склепа С.Ф. Стржелецкий интерпретирует его как семейную усыпальницу, а появление объясняет распадом родовых отношений. Наличие меча расценивает как свидетельство общественно-экономической дифференциации, а грунтовые погребения соотносит с более поздним временем (Стржелецкий, 1947. С. 283–289). Исследователь, не отрицая пребывания гот в Крыму, считает, что письменные свидетельства подтверждают вывод о местном характере материальной культуры и автохтонном развитии общества Юго-Западного Крыма, на которое готы оказали второстепенное влияние. На основании этого он полагает, что готские могильники, готскую культуру нужно воспринимать как местную материальную культуру, которая складывалась в результате синтеза культур двух активно взаимодействующих обществ: местно-таврского, позднее тавро-

скифского, с одной стороны, и греко-римского (Херсонес) – с другой (Стржелецкий, 1947. С. 300).

В целом для рассматриваемого этапа характерно появление первых систематических аналитических работ. Появились своды и карты. Большой задел был сделан по анализу распространения погребальных комплексов. В это время истории и археологии Крыма уделяется важное внимание, в том числе центральными научными организациями. Важность изучения Крыма, в том числе и его древностей подтверждает тот факт, что в 1947 г. произошло открытие Крымского филиала АН.

Несмотря на активизацию научно-исследовательских работ в 20–40-е гг., наблюдается еще целый ряд методологических проблем. Так, А.А. Труфанов отмечает, что для обозначения хронологии изученных комплексов на этом этапе применялись только общие обозначения, такие как «поздне-эллинистическая», «раннеримская эпоха», «римская эпоха» и очень редко использовалась привязка по векам (Труфанов, 2009. С. 119).

А.И. Айбабин указывает, что в работах 20–30-х гг. этнос погребенных на территории Юго-Западного Крыма и Боспора определялся по вещам, найденным в склепах и могилах, без учета конструкции могил и особенностей обряда, при этом раннесредневековые могильники Крыма связывались с сарматами и готами либо с сармато-аланами (Айбабин, 1987. С. 164–165).

Несмотря на относительную малочисленность, работы ученых рассматриваемого этапа заложили огромный потенциал для последующих поколений исследователей Крыма римского времени.

1.3. Изучение погребальных памятников и реконструкция этнической истории населения региона в 50–90-е гг. XX в.

1.3.1. Обсуждение этнокультурных процессов и разработка теории о славянском влиянии в Крыму в 50-х гг. XX в.

Начиная с 50-х гг. XX столетия наступает новый период, характеризующийся ростом полевых исследований, а также значительным

увеличением теоретических работ. В его рамках можно выделить три этапа, различающихся спектром проблем, которые обсуждались в научной среде.

Начало периода ознаменовалось крупным научно-политическим событием, повлиявшим на дальнейший вектор развития археологии Крыма. В мае 1952 г в Симферополе состоялась объединенная научная сессия Отдела истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН. Мероприятие в целом было посвящено проблемам истории и археологии Крыма. С основными докладами выступили наиболее известные историки и археологи, среди которых Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, К.Ф. Соколова, А.Л. Якобсон, С.Ф. Стржелецкий.

Основополагающим тезисом сессии становится утверждение о том, что «одной из основных ошибок является изучение истории Крыма в отрыве от истории русского народа», а также «слишком преувеличенной роли чужеземных пришельцев-завоевателей – греков, римлян, готов, гетуэцев и т.д.» (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 111). В решении сессии было подчеркнуто: «Наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III–IV вв. незначительную часть пришлого населения Крыма, постепенно ассимилированные, объявлялись создателями никогда не существовавшего готского государства» (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 117).

На сессии были поставлены конкретные задачи исследования древностей Крыма: изучение связи населения Крыма с земледельческим населением Восточной Европы; усиление внимания к истории древних племен – киммерийцев, тавров, синдов, меотов, сарматов; широкое и разностороннее рассмотрение проникновения славян в Крым и др. (Айбабин и др., 1993. С. 211–212).

Работа сессии закрепила имевшиеся настроения в научной среде о связи древней истории Крыма со славянским компонентом. По мнению В.Ю. Юрочкина, повышенный интерес к «славянскому вопросу» в Крыму не был искусственно навязан крымским археологам и историкам. Это направление стало востребовано после освобождения Крыма от оккупации как ответная

реакция на политизацию «готского вопроса» и изменения этнического состава жителей полуострова (Юрочкин, 2021. С. 196).

В рамках принятой на съезде концепции появился ряд публикаций, посвященных славянскому присутствию в регионе. Е.В. Веймарн и С.Ф. Стржелецкий связывают погребальные традиции Крыма с черняховской археологической культурой, которая тогда связывали со славянами, и предполагают миграцию славян в Крым в III–IV вв. (Веймарн, Стржелецкий, 1952). Их мнение поддержал Б.А. Рыбаков, считавший, что наличие славян особо стало ощутимо в III–IV вв. н.э. (Рыбаков, 1952. С. 13).

Схожую с мнением Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого точку зрения высказал А.П. Смирнов. По его мнению, Ай-Тодорский некрополь имеет аналогии среди могильников культуры «полей погребений черняховского типа», относится к IV в. и маркирует приход славян. А.П. Смирнов к этому же кругу древностей относил и некоторые комплексы из Чернореченского и Инкерманского могильников (Смирнов, 1953. С. 43). В том же ключе высказывался и П.Н. Третьяков, указывающий на славян в составе готских дружин, которые действовали в Причерноморье в III–IV вв., а также поселились на территории Крыма в III в. (Третьяков, 1953. С. 141).

В отличие от коллег, М.А. Тиханова полагала, что трупосожжения в урнах, открытые в Юго-Западном Крыму, имеют местные традиции и никак не связаны с захоронениями полей погребений. Инкерманский могильник, по ее соображениям, не является свидетельством пребывания славян в Крыму (Тиханова, 1953. С. 323). Проникновение готов в Крым исследовательница видела в тесной связи с другими племенами; а этнические группы, пришедшие в Крым, смешивались с местным населением (Тиханова, 1953. С. 323).

В нарастающей полемике важным моментом стала полная публикация материалов могильника на мысе Ай-Тодор, раскопанного В.Д. Блаватским в 1932, 1935 гг. В работе, вышедшей в 1951 г., представлены материалы 33 погребений, практически все из них, за исключение двух (№ 4, 17), были совершены по обряду кремации. В большинстве случаев кремации

размещались в остродонных амфорах, перекрытых лепными сосудами, известны случаи кремации в сосудах местного производства, а также без погребальных урн. Могильные ямы не всегда имели четкие границы, характеризуются неправильной формой, над захоронением иногда встречался каменный заклад (Блаватский, 1951. С. 262–264).

По мнению В.Д. Блаватского, Харакс первоначально принадлежал местным племенам тавров, которых позже вытеснили римляне и создали здесь свой укрепленный форпост. Некрополь же возник в первой половине IV в., когда римляне ушли отсюда. Исследователь считал, что на нем хоронили местное население, являющееся потомками тех, кто обслуживал гарнизон (Блаватский, 1951. С. 291). Традицию кремации он считает следствием романизации или ее принятием местным населением у римского гарнизона Харакса (Блаватский, 1951. С. 274).

М.В. Левченко, указывая на отсутствие в письменных источниках сведений о пребывании славян в III–IV вв. в Крыму, подверг резкой критике работу Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого (Левченко, 1956. С. 27–28). М.А. Тиханова в статье 1957 г. высказалась еще более жестко: «В настоящее время тенденция находить повсеместно славянство как будто бы изжита» (Тиханова, 1957. С. 178).

Суждение М.А. Тихановой поддержал В.В. Кропоткин. По его мнению, кремированные погребения в Хараксе, Бельбеке I, Совхозе-10, в Инкермане и Черноречье принадлежат местному, но романизированному населению, которое заимствовало традиции трупосожжения в Херсонесе. Подобное утверждение автор строит по некоторым деталям погребального обряда, характеру лепной посуды, обилию импортных изделий (Кропоткин, 1959. С. 185). Идея о привнесении обряда трупосожжения в Крым славянскими колонистами обсуждалась вплоть до конца 50-х гг. (Смирнов, 1958. С. 276).

Несмотря на привлечение целого комплекса данных, мнения исследователей относительно этнического происхождения населения оставались зачастую прямо противоположными.

К примеру, В.П. Бабенчиков, сравнивая земляные склепы грунтового некрополя Неаполя с подобными сооружениями Эски-Кермена, Узень-Баша, Чуфут-Кале, считал, что в этих раннесредневековых могильниках могла продолжаться скифская традиция (Бабенчиков, 1957).

Склепы и подбойные могилы из Инкермана, равно как и с Эски-Кермена и Суук-Су, М.А. Тиханова соотносила с сармато-аланским населением (Тиханова, 1953. С. 322–323). В этом же ракурсе высказывался и А.Л. Якобсон, исследователь соотносил население, проживающее в это время в регионе, с сармато-аланским этносом (Якобсон, 1954. С. 150).

По мнению Е.В. Веймарна, в первые вв. н.э. в Юго-Западном Крыму проживало смешанное население: скифы, потомки тавров и сарматы (Веймарн, 1957. С. 236–237).

П.Н. Шульц видел в развитии культуры раннеславянских племен Восточной Европы связь с культурой поздних скифов, представленной в памятниках Неаполя. К ним он относил мотив изображения богини, копы и голов коней (Шульц, 1957. С. 89-90).

Обряд погребения в земляных склепах, по мнению В.В. Кропоткина, был широко распространен среди племен и народов Северного Причерноморья, захоронения в склепах он относил к древним, местным погребальным обрядам, возникшим в Причерноморье задолго до начала эры. Исследователь считал, что земляные склепы Суук-СУ и других средневековых могильников Крыма являются прямым и закономерным продолжением склепов Неаполя, Инкермана, Черноречья и других скифо-сарматских некрополей первых веков н.э. (Кропоткин, 1959. С. 187–188).

По мнению А.Л. Якобсона раннесредневековое население Таврики составляло аланское земледельческое население, ассимилировавшее в районе юго-западного нагорья местное население – потомков тавро-скифов (Якобсон, 1964. С. 9). Схожую точку зрения высказывает и В.В. Кропоткин, считая на основании анализа погребальных обрядов и инвентаря женских захоронений, что раннесредневековые могильники, в частности Чуфут-Кале, могут

принадлежать смешанному алано-готскому населению горного Крыма (Кропоткин, 1965. С. 115).

Полемика относительно этнической составляющей населения, проживающего в Крыму в первом тысячелетии н.э., была охарактеризована и позже.

В представлении И.С. Пиоро, именно в 50–80 е гг. утверждался новый подход к решению спорных вопросов этногенеза Крыма III–IX вв. По его мнению, ученые стали применять устойчивые этнические признаки, отраженные в формах погребальных сооружений, чертах обряда и части погребального инвентаря (Пиоро, 1990. С. 6).

А.И. Айбабин важной характеристикой послевоенного периода в советской археологической литературе считает обоснование нового подхода в решении вопросов этнической истории раннесредневекового Крыма. В частности, этнос погребенных стали определять по обряду захоронения, конструкции могилы или склепа и при возможности привлекая антропологические данные, при этом инвентарь привлекался в качестве дополнительного доказательства (Айбабин, 1987. С. 166).

С.Г. Колтухов и В.Ю. Юрочкин отмечали, что именно к концу 50-х гг. окончательно сформировалось мнение о «смешанности и полиэтничности» раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма, в среде которого было принято выделять потомков «местных», к которым отнесены тавро-скифы и скифо-сарматы, и «пришлых», включающих сармато-алан, славян, германцев-готов (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 129).

По мнению А.А. Труфанова, в публикациях 50-х гг. уделялось недостаточное внимание обоснованиям датировок. Как пример он приводит работу В.П. Бабенчикова, в которой исследователь ограничился лишь отдельными утверждениями о датировке некоторых форм керамики либо широкими датами для браслетов с окончаниями в виде змеиных голов (Труфанов, 2009. С. 120).

1.3.2. Активизация полевых исследований, систематизация полученного материала, обсуждение вопросов сарматизации региона в работах 60-х – начала 80-х гг. XX в.

С конца 50-х, а особенно в 60-е гг. отмечается значительный рост числа изученных погребальных памятников. Большой объем полученной в результате полевых исследований информации требовал от ученых обобщения и осмысления. При этом на первый план выходит именно анализ типов и форм погребальных сооружений. Теоретические разработки уходят на второй план. Значительно уменьшается количество статей, посвященных этнокультурным проблемам, и в то же время увеличивается численность публикаций, вводящих в научный оборот новые комплексы. Предпринимаются попытки систематизации вновь открытых материалов. В рассматриваемый этап начались масштабные работы на могильниках Заветное, Севастопольский (Совхоз-10), Скалистое II, III, Бельбек III, IV, Озерное 3, Усть-Альма, Килен-Балка и др.

В схожем ключе характеризуют это время С.Г. Колтухов и В.Ю. Юрочкин. По их мнению, дискуссия по основным вопросам этнической истории полуострова в 60-е гг. не была особо острой и проблемные вопросы обсуждались слабо (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 136).

В отдельной статье И.И. Гущиной на материалах погребальных сооружений, открытых на могильниках Заветное, Бельбек I, II, Скалистое II, Скалистое III, Чернореченский и Инкерманский, был проведен анализ основных типов погребальных сооружений Юго-Западного Крыма.

Она считает, что в могильниках присутствуют несколько типов погребальных сооружений, а преобладающими называет прямоугольные грунтовые ямы, заполненные камнями или без них. Вторым типом погребений являются могилы с «запличиками», они известны в Заветном среди погребений I–II вв. н.э. и в Инкерманском могильнике, в некоторых комплексах сохранились следы деревянного перекрытия. К третьему типу И.И. Гущина относит подбойные могилы. Их появление в Крыму датировано I в. н.э. В это

время они составляют примерно 9% всех сооружений в Заветном, а широкое распространение получают уже в II–III вв. н.э. во всех могильниках: в Заветном – 30%, в Чернореченском – 41%, в Скалистом II – 100% (Гущина, 1967. С. 43).

По мнению И.И. Гущиной, в III–IV вв. подбойные погребения остаются преобладающим типом. Для Инкерманского могильника они составляют 40%. Исследовательница перечисляет и другие типы сооружений этого периода: прямоугольные ямы, обложенные с длинных сторон плитами, на которых держится каменное перекрытие; ямы с каменным перекрытием, опирающимся на четыре каменных столба, стоящих друг напротив друга по длинным стенам могилы; земляные склепы; склепы, вырубленные в скале; детские трупосожжения в амфорах; трупосожжения в урнах. Для большинства типов, за исключением последних двух, характерны, по представлению И.И. Гущиной, сарматские черты обряда (Гущина, 1967. С. 43–44).

И.И. Гущина подмечает, что для погребений I–III вв. н.э. преобладающей ориентировкой во всех типах сооружений является юго-западная и южная, за исключением Чернореченского могильника (северо-восточная) и погребений III–IV вв. в Инкермане (северо-восточная и восточная ориентировки) (Гущина, 1967. С. 44).

Описывая положение погребенных, И.И. Гущина отмечает их особенность – чаще всего они расположены с вытянутыми конечностями, встречаются положение рук на тазе и скрещенные в голенях ноги. Озвученные элементы, по ее мнению, не всегда можно сравнивать с сарматским обрядом, так как подобные вариации известны у сарматов Поволжья, чаще у сармато-меотских племен Прикубанья (Гущина, 1967. С. 44).

В погребальном обряде крымских могильников И.И. Гущина отслеживает помимо сарматских традиций скифские черты, к которым относит обряд засыпки могильных ям камнями. Также она упоминает таврские могилы, имеющие скорченные коллективные погребения. Отдельно обозначает греческие традиции, включающие в себя плитовые перекрытия

могил, детские погребения в амфорах, восточную ориентировку. К ним же относит замену в некоторых погребениях традиционной заупокойной пищи из мяса копытных животных мясом птицы и птичьими яйцами. Указывает, что из 495 рассмотренных в работе погребений 140 имели черты сарматского обряда (Гущина, 1967. С. 45).

В статье Н.А. Богдановой и И.И. Гущиной на основании анализа отдельных элементов погребального обряда могильников Скалистое II и III авторы сделали вывод об этническом составе населения их оставивших. Наличие подбойных могил, деревянных колод, преобладание южной ориентировки связывают с сарматским обрядом. Положение рук на тазовых костях и ритуал скрещивания ног, по их мнению, был заимствован у сарматов и меотов Прикубанья и Придонья (Богданова, Гущина, 1967. С. 139).

И.И. Гущина фиксирует для могильников долин рек Бельбека и Альмы, а также на некрополе Неаполя общие черты, которые были переняты из сарматского погребального обряда, что указывает на этническое родство населения обозначенных районов (Гущина, 1970).

П.Н. Шульц высказал мнение о наличии трех этапов проникновения сарматов в Крым. Ранний этап он относил ко II–I вв. до н.э. В этот период, как он считает, в Крыму появляются сарматские погребения, впущенные в курганы. Средний этап сарматского проникновения он относит к I в. и, особенности, ко II в. н.э. В это время в некрополях Неаполя и Заветного появляются деревянные колоды, распространяется обычай скрещивания ног, сарматское вооружение, лепные курильницы, зеркала. Третий, поздний, этап проникновения начинается на рубеже II–III вв. н.э. и связан с появлением алан на Керченском полуострове, распространяются деформированные черепа, длинные мечи (Шульц, 1971. С. 140–141).

В это же время Т.Н. Высотская обозначает три варианта проникновения в Крым другой группы племен – готов. Пути их продвижения автор видит через Азовское море, через Перекопский перешеек, морем от устья Днепра (Высотская, 1971. С. 159).

Д.С. Раевский в погребениях некрополя Неаполя выделяет две разновременные группы с преобладанием различных погребальных сооружений: грунтовые склепы с многочисленными захоронениями и подбойные могилы, содержащие, как правило, одно захоронение. Вторую группу он датирует со второй трети I в. н.э. до начала III в. н.э. (Раевский, 1971. С. 145–146).

По мнению Д.С. Раевского, наличие сарматов в составе некрополя Неаполя во II–I вв. до н.э. археологически прослеживается достаточно четко, но при этом отмечает, что типично сарматские погребения здесь немногочисленны. Значительно чаще встречены погребения со смешанным обрядом (Раевский, 1971. С. 148).

Исследователь предполагал, что именно для второго хронологического этапа на некрополе Неаполя характерно появление нового типа погребальных сооружений – подбойных могил. Одновременно с ними на памятнике появляются многочисленные сарматские черты, к которым автор относит – часто встречающуюся кошму, кусочки угля и наконечники стрел архаичных типов (Раевский, 1971. С. 149). Исследователь предлагает с осторожностью рассматривать обрядовую черту в виде переkreщивания ног покойника в голенях и положение одной или обеих рук на костях таза как сарматскую традицию, так как эти черты известны и в более ранних погребениях, и в качестве примера приводит Кутской могильник (Раевский, 1971. С. 148).

Резкое увеличение сарматских черт в инвентаре объясняется им либо новой волной сарматской иммиграции, либо результатом унификации культур различных племен, при этом автор сам склоняется к первой версии (Раевский, 1971. С. 149).

Т.М. Минаева в работе 1971 г. одной из первых отмечает чрезвычайное сходство погребальных сооружений Крыма с Северным Кавказом. Параллели кавказским памятникам в устройстве могил она видит в раннесредневековых склепах Чуфут-Кале, а также в погребениях на южном склоне Эски-Кермена, Сахарной Головки, Скалистинском могильнике (Минаева, 1971. С. 161–162).

Появление подобных сооружений в Крыму автор связывает с миграцией аланов с Северного Кавказа, приводит сведения из письменных источников об их перемещении (Минаева, 1971. С. 164–166).

Одной из основных обобщающих работ в этот период является монография Т.Н. Высотской «Поздние скифы в Юго-Западном Крыму», вышедшая в 1972 г.

Автор в отдельном разделе, посвященном погребальным комплексам, подробно рассматривает основные грунтовые могильники, а также подкурганые погребения рубежа эр. Дает развернутую характеристику всем известным типам погребальных сооружений, выявленным в некрополях Юго-Западного Крыма. При этом она подчеркивает, что, несмотря на общие черты в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре, каждому отдельному памятнику присущи своеобразные черты (Высотская, 1972. С. 88).

Грунтовые прямоугольные могилы, по мнению Т.Н. Высотской, характерны для могильников Заветное, Усть-Альма и Бельбек I. Автор указывает на некоторые особенности; к примеру, в могильниках Заветное и Бельбек I они обложены плитами, в Усть-Альме – перекрыты плитами. Перекрытие могил плитами связывается с местными традициями (Высотская, 1972. С. 90). По ее мнению, могилы, суженные к ногам, имели широкое распространение в сарматской среде в II–IV вв. н.э.; отмечается, что с сарматским проникновением эта форма распространяется и в Крыму. При этом обкладку камнем Т.Н. Высотская считает нехарактерной для сарматов, но отмечает ее в античных погребениях (Высотская, 1972. С. 89–90).

Подбойные могилы, известные в Крыму на памятниках эпохи бронзы и античного времени, Т.Н. Высотская отличает от подбойных могил первых вв. н.э. По ее представлению, подбойи появляются во II–I вв. до н.э., могут быть связаны с сарматами и существуют вплоть до VI–VIII вв. н.э. (Высотская, 1972. С. 91).

Грунтовые склепы Т.Н. Высотская разделяет хронологически и планиграфически, но не связывает с разными группами населения. Появление

склепов у скифов она объясняет, с одной стороны, традицией хоронить в камерах, а с другой – выделением привилегированной верхушки общества. Считает, что в Крыму, так же как на Кубани и Нижнем Днепре, склепы связаны с захоронениями имущих представителей общества. Склепы, появляющиеся в III в. н.э. на некрополях Заветное, Черноречье, Бельбек I и Инкерманский, автор также связывает с захоронением знатных особ (Высотская, 1972. С. 91).

На основании анализа погребального обряда исследователь делает вывод о неоднородности населения Юго-Западного Крыма в первые вв. н.э. и его сильной сарматизации (Высотская, 1972. С. 95). Автор определяет черты сарматского обряда: расположение подбоев с восточной или западной стороны, узкие могильные ямы, ориентация погребенных, появление деревянных колод, завертывание в кошму, подсыпка угля, положение рук на тазовых костях, характерный погребальный инвентарь (длинные мечи, бронзовые зеркала с петелькой, сосуды с зооморфными ручками, лепные курильницы и др.) (Высотская, 1972. С. 95).

Главным подтверждением проникновения сарматов с Северного Кавказа через Боспор называет наличие в некоторых могильниках узких могильных ям, обложенных внутри плитами, подобные комплексы, по ее мнению, нехарактерны для сарматских курганов Поднепровья, тогда как на Кавказе и на Боспоре они распространены (Высотская, 1972. С. 183).

Т.Н. Высотская критикует мнение П.Н. Шульца о трехчастном, непрерывном проникновении сарматов в регион, так как считает, что в определенные периоды сарматский элемент в культуре поздних скифов усиливается, и предлагает свою систему подобных инфильтраций. Первый период по археологическим данным она обозначает II–I вв. до н.э. Второй период определяет II в. н.э. – по ее мнению, в это время сарматы не встретили сопротивления со стороны скифов и присутствовали мирные отношения. Третий период она датирует IV–V вв. и характеризуется как время прихода аланов и распространения вещей полихромного стиля (Высотская, 1972. С. 184–185). Гибель городищ Юго-Западного Крыма, так же как и Неаполя,

исследователь относит к III в. н.э. и связывает с готскими походами (Высотская, 1972. С. 187).

Т.Н. Высотская, присоединяясь к дискуссии по поводу происхождения кремационных погребений, считает, что подобные комплексы широко известны у римлян и появление такой традиции в Крыму в III–IV вв. – результат влияния римской культуры на местное население (Высотская, 1972. С. 110–111).

И.С. Пиоро, наоборот, поддержал идею о неместном происхождении обряда кремации. Исследователь выдвигает гипотезу о готской принадлежности могильника Ай-Тодор, а также кремационных погребений из Чернореченского и Севастопольского могильников (Пиоро, 1973).

С критикой проникновения в Крым носителей черняховской культуры выступил в середине 70-х гг. Э.А. Сыманович. По его мнению, отдельные находки черняховских предметов, в том числе и керамики, обнаруженные в совершенно других, чем на севере, погребальных комплексах, не могут характеризовать проникновение в Крым в позднеантичный период этнически однородных крупных массивов населения (Симонович, 1975. С. 86). Появление черняховской керамики объясняет результатом традиционных торговых связей населения Поднепровья и Крыма (Симонович, 1975. С. 86).

С его мнением не соглашается В.В. Кропоткин, который считает, что в могильниках Юго-Западного Крыма в III в. не только появляются отдельные вещи, которые находят прямые аналогии в черняховской культуре, но и происходят существенные изменения в погребальном обряде, в частности распространяются трупосожжения (Кропоткин, 1978. С. 148). Эти изменения связывает с проникновением населения, являющегося носителем черняховской культуры в Таврику в III–IV вв. н.э. (Кропоткин, 1978. С. 147–148).

О смешанном составе населения отдельных регионов высказывались в совместной статье Н.А. Богданова, И.И. Гущина, И.И. Лобода. По их мнению, население, оставившее могильник Скалистое III, определяется как смешанное,

содержащее скифские, греческие и сарматские элементы. Памятник исследователи датируют II – началом III в. н.э. и отмечают большой процент подбойных погребений. Помимо этого, они фиксируют наличие в могилах колод, кошмы, меловой подстилки, а также скрещенных ног и расположение рук на тазовых костях. Эти моменты, по их соображениям, свидетельствуют о значительной роли сарматского населения (Богданова и др., 1976. С. 147–151).

И.И. Лобода на основе изучения некрополя Озерное 3, говорит о сильном сарматском влиянии (Лобода, 1977. С. 251). Он обращает внимание на сходство погребений из Озерного 3 и Инкерманского могильника, при этом утверждает, что Озерное 3 имеет больше сарматских признаков (Лобода, 1977. С. 251–252).

А.И. Айбабин, присоединяясь к теории о миграционной составляющей большинства крымских некрополей, в одной из своих ранних работ высказывает мысль о земляных склепах Юго-Западного Крыма как сооружениях, где хоронили сармато-аланов и ассимилированных ими готов (Айбабин, 1977. С. 235).

Для оценки влияния античной культуры на погребальные обряды населения Юго-Западного Крыма важное значение имели результаты анализа погребальных сооружений греко-римского города Херсонеса, проведенного В.М. Зубарем. Несмотря на то что исследования, проводимые в Херсонесе, подробно в рамках данной работы не рассматриваются, приведем отдельные моменты анализа погребальных сооружений и традиций Херсонеса разработанного В.М. Зубарем.

На некрополе Херсонеса В.М. Зубарем выделяется 6 типов погребальных сооружений: грунтовые могилы; подбойные могилы; гробницы, сложенные из каменных плит; ступенчатые гробницы; склепы и гробницы с двускатным перекрытием и нишами для установки урн; склепы, вырубленные в скале (Зубарь, 1982. С. 11). Грунтовые могилы обозначаются как один из основных типов погребальных сооружений, всего за годы раскопок их было открыто 2924, из них к первым векам н.э. относятся 1304 комплекса. В 86 грунтовых

могилах фиксируются сожжения (Зубарь, 1982. С. 14). Подбойные могилы, по сведениям В.М. Зубаря, выявлены в 84 комплексах, главным образом они концентрировались около Загородного храма. Указывается, что подбойные могилы появляются в Херсонесе не ранее середины II в. н.э. и сравнительно широко используются на протяжении III–IV вв. (Зубарь, 1982. С. 17–19). Появление подбойных могил он объясняет инфильтрацией в среду населения представителей сарматских племен. Об этом свидетельствуют, по мнению В.М. Зубаря, не только конструкция погребального сооружения, но и другие черты негреческого погребального обряда.

Исследователь подчеркивает, что гробницы, сложенные из каменных плит, использовались для захоронения умерших как по обряду трупоположения, так и трупосожжения. Всего, по его данным, открыто около 64 подобных сооружений. Они сосредоточены у южных оборонительных стен и в ЮВ части некрополя. К первым векам относятся 36 из них. Отдельно выделяет 15 гробниц, сложенных из каменных плит, и считает, что они были предназначены для захоронений останков умерших после кремации. В них обнаружено 80 урн, а в трех погребальных сооружениях, наряду с кремацией, открыты шесть трупоположений (Зубарь, 1982. С. 19–21). В отдельную группу выделяются ступенчатые гробницы, которые предназначались для погребения останков умершего после трупосожжения, всего подобных на некрополе зафиксировано 9 гробниц с 38 урнами (Зубарь, 1982. С. 21–22).

Склепы и гробницы, сложенные из каменных плит с двускатным перекрытием и нишами для установки урн, В.М. Зубарь датирует I–III вв. н.э. По его мнению, подобные конструкции аналогичны каменным склепам из некрополя Ольвии, где они появились раньше. В.М. Зубарь, считая для Херсонеса этот тип погребений нехарактерным, предполагает, что они использовались небольшой группой населения, принадлежавшей социальным верхам и связанной с указанными районами (Зубарь, 1982. С. 22–25).

Автор отдельно описывает склепы, вырубленные в скале, которые, по его мнению, представлены тремя вариантам: четырехугольные в плане с нишами-

лежанками, вырубленными в стенах погребальной камеры; четырехугольные или круглые в плане без ниш-лежанок; четырехугольные в плане с нишами для установки погребальных урн. Всего подобных склепов всех трех типов, по его подсчетам, исследовано 457. Активное строительство подобных сооружений В.М. Зубарь связывает с усилившейся социальной дифференциацией в обществе и изменением погребальных культов (Зубарь, 1982. С. 25–29).

По данным В.М. Зубаря, в некрополе Херсонеса зафиксировано 618 случаев сожжения. Большинство из них приходится на римское время – 443. Известны два варианта: сожжение в могиле и сожжение на стороне. Сожжений в могиле выявлено 101, из них 86 относятся к римскому времени. Сожжений второго типа открыто значительно больше – из 517 известных римским временем датируется 357 (Зубарь, 1982. С. 51–52). С середины III в. н.э. кремацию сменяет ингумация, этот процесс находит параллели и в других регионах. По мнению В.М. Зубаря, подобная практика известна начиная со II в. н.э. в Риме, а с III в. она охватывает все римские провинции (Зубарь, 1982. С. 58). Исследователь считает, что обряд трупосожжения, распространенный в Херсонесе, можно рассматривать в качестве очень древнего греческого ритуала, который в силу определенной консервативности и этнической однородности населения Херсонеса практиковался на протяжении эллинистической и римской эпох. Причем сожжение умерших было характерно, как правило, для зажиточной части населения города (Зубарь, 1982. С. 62).

Подводя итог, В.М. Зубарь утверждает, что некрополь Херсонеса первых веков в целом носит греческий облик, обнаруженные на нем комплексы не позволяют говорить о присутствии в нем значительной прослойки таврского или скифского населения. Только начиная со II в. н.э. в погребениях проявляются черты обряда, которые можно связать с небольшой группой сарматов, входящих в население города. Наличие признаков сарматского погребального обряда указывается только для 9% могил первых веков. При этом В.М. Зубарь подчеркивает, что речь идет не о чисто сарматских

комплексах, которые в Херсонесе отсутствуют, а об отдельных чертах сарматского погребального ритуала (Зубарь, 1982. С. 118).

Н.А. Богдановой в специальной работе были рассмотрены погребальные конструкции восьми наиболее изученных на тот период могильников, расположенных в долине крымских рек Альмы, Бельбека и Черной. Всего в анализе использовано 756 погребальных комплексов из могильников Заветное, Скалистое II, III, Бельбек I, II, III, IV, Чернореченский. В исследуемых памятниках выделена 21 разновидность погребальных сооружений, среди которых автор обозначила основные группы, объединенные общими признаками конструктивного устройства. К ним относятся: грунтовые прямоугольные ямы, подбойные могилы, склепы, детские захоронения в амфорах и захоронения кремированных останков в сосудах (Богданова, 1982).

Н.А. Богданова делит грунтовые могилы на 4 типа: грунтовые прямоугольные ямы с заплечиками и засыпкой; грунтовые прямоугольные ямы, забитые камнем; грунтовые могилы со ступеньками – «заплечиками» перекрытые деревянными плахами или каменными плитами; могилы, укрепленные с боков и перекрытые каменными плитами. Подбойные могилы подразделяет на два типа, различия обозначаются в заполнении входной ямы бутовым камнем. Земляные склепы подразделяются на два типа, отличающиеся формой камеры и длиной входной ямы (Богданова, 1982. С. 31–33). Основными признаками, вызвавшими многообразие форм погребальных сооружений, являлись, по мнению исследователя, этническая и социальная неоднородность сельского населения позднескифского государства.

По представлению Н.А. Богдановой, проникновение сарматов шло интенсивнее в районы, близкие культурным центрам Юго-Западного Крыма, чем в глубинные районы (Богданова, 1982. С. 33). Слияние двух культур вызывало появление новых типов подбойных могил – входная яма которых забита камнем. Исследовательница считает, что на погребальном устройстве отразилась и социальная дифференциация общества. Как пример она приводит

могильник Заветное, где фиксируется упрощенная форма неглубокого подбоя с почти невыраженной подбойной камерой и отсутствием входной ямы, такие погребения принадлежали неимущим слоям населения (Богданова, 1982. С. 33).

Н.А. Богданова отмечает только у 17% погребенных положение одной или двух рук на тазовых костях, при этом незначительно преобладает положение обеих рук на тазе перед расположением одной, правой или левой. Считает, что эта традиция является не этнической, а связана с половым признаком, подобная поза характерна в первую очередь для женщин (Богданова, 1982. С. 36). В 41 погребении фиксируется обряд перекрещивания ног, объясняется такая традиция ритуальными действиями, связанными со страхами перед покойником (Богданова, 1982. С. 36).

Н.А. Богданова отдельно выделяет погребения со слабоскорченными захоронениями, всего их шесть. Для Заветного отмечает их как самые богатые могилы. На этом основании автор не соглашается с мнением В.И. Кадиева о подневольном статусе подобных погребенных. Предполагает, что скорченные погребения можно связать со служителями культа, так как среди погребального инвентаря много культовых предметов (Богданова, 1982. С. 36).

По мнению Н.А. Богдановой, обряд захоронения (поза погребенного, ориентировка, способ погребения) зависел от нескольких причин. К ним она относит: социальную (совместное погребение родственников, повторное использование могильной ямы), культовых представлений (ориентировка, ритуал скрещивания ног, обрубание конечностей); этнической принадлежности (погребения с элементами скорченности), полового признака (положение рук) (Богданова, 1982. С. 37).

Относительно размещения инвентаря в могиле исследовательница предполагает ряд закономерностей – удобство пользоваться ими в загробном мире, вероятно, регламентировалось некоторым ритуалом, реконструкция которого крайне затруднительна. По ее суждению, погребальный инвентарь

отображает этнические, культовые и социальные черты (Богданова, 1982. С. 37).

В своей работе Н.А. Богданова затрагивает и вопросы о заупокойной пище. Указывается, что только 60% погребений содержали ритуальную пищу, и эту особенность она считает характерной как для скифских, так и сармато-меотских племен. В виде заупокойной пищи называется мясо мелкого рогатого скота, реже – коровы и свиньи. В качестве основных жидкостей она называет воду или вино, возможно, молоко. Располагалась ритуальная пища в красноглиняных тарелках и мисках, лепная посуда использовалась редко. Прослеживалась керамика за головой погребенного, если сосудов было больше двух, то в ногах и у рук. Орудия труда и оружие находились «под рукой», пряслица и оселки – у левой руки, мечи, копья – у правой. Детали одежды и украшения обнаружены обычно на местах ношения, тогда как ритуальные предметы не имели определенного места (Богданова, 1982. С. 37).

Подводя итог рассмотрению погребальных памятников, Н.А. Богданова выделяет два периода функционирования могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму. Первый, датируемый I – началом II в. н.э., с ним связывает 120 погребений Заветинского могильника и 86 погребений Бельбека IV. Этот период, по ее мнению, характеризуется выделением как скифских, так и сарматских элементов материальной культуры. К первым относит широкие грунтовые ямы, забитые камнями, ко вторым – подбои, могилы с «заплечиками», преобладание юго-западной ориентировки. Второй период датируется второй половиной II – III в. н.э., к нему отнесены 97 погребений могильника Заветное, 98 могил некрополя Бельбек IV, все исследованные погребения могильников Скалистое 3, Бельбек II и III, Чернореченского могильника. Характеризуется период увеличением сарматских признаков, продолжением смешения скифской и сарматской культур (Богданова, 1982. С. 38).

Можно констатировать, что в рассматриваемый период большинство публикаций было посвящено проблеме изучения различных этносов Крыма.

Работ по социальным, гендерным, экономическим и прочим аспектам исследования погребальных обрядов практически не выходило.

1.3.3. Обсуждение этнокультурных процессов (сарматское, готское и аланское влияния) в работах 80–90-х гг. XX в.

Полученный в результате проведенных в 50–70-е гг. масштабных археологических работ новый материал послужил толчком к тому, что в 80-х г. полемика вокруг этнокультурных процессов возобновилась с новой силой.

В работах исследователей обозначились три основных направления. В рамках первого была продолжена дискуссия о вопросах сарматизации скифского общества. Второе затрагивало связи крымских древностей, в особенности материалов кремационных погребений, с западным влиянием. Третье направление посвящено разработке теории взаимодействия и возможного влияния некоторых традиций, соотносимых преимущественно с аланскими племенами. Далее попробуем последовательно рассмотреть все три дискуссионных направления.

Обсуждение вопросов сарматизации региона

Т.Н. Высотская, продолжая изучение погребальных сооружений Юго-Западного Крыма, в результате проведенного анализа выделила несколько наиболее распространенных типов могил: склепы, подбойные могилы, простые грунтовые могилы, грунтовые могилы с заплечиками или уступами, грунтовые могилы, забитые камнями, плитовые, трупосожжения, детские захоронения в амфорах, кенотафы, неопределимые (Высотская, 1987. С. 41–42).

Большинство грунтовых некрополей региона она относит к II–III вв. н.э. и продолжает, как и ранее, связывать их развитие с притоком в Крым сарматского населения (Высотская, 1987. С. 42). Предполагается, что инфильтрация сарматов шла постепенно, а на рубеже и в первые века н.э. сарматы еще кочевали на территории Крыма, оставляя своих умерших в курганах эпохи бронзы (Высотская, 1987. С. 43).

Исследовательница подвергла критике высказанное ранее Д.С. Раевским мнение о массовом распространении подбойных могил на Неаполе и связи их с оккупацией Боспором большей части скифского государства. По мнению автора, материалы других могильников, в частности Усть-Альминского, опровергают это суждение, так как в противном случае должна была произойти смена населения и на других комплексах (Высотская, 1987. С. 48–49). Т.Н. Высотская соотносит Усть-Альминский некрополь со скифским населением. Подчеркивает, что, хотя с I в. н.э. на некрополе появляются сарматские черты обряда, массового распространения они не получают. Автор приводит сведения только о 11,2% могил, являющихся подбойными (Высотская, 1987. С. 50). Могилы с заплечиками она также не считает сарматской традицией, подобные, по ее мнению, существовали у разных народов в разное время, а небольшие до 10 см уступы обозначает техническими деталями, не связанными с культурной традицией (Высотская, 1987. С. 51). Вопрос связи подбойных могил с сарматами, по ее мнению, не должен решаться однозначно (Высотская, 1987. С. 57).

Т.Н. Высоцкая не соглашается также и с мыслью Д.С. Раевского о том, что изменения в погребальном обряде произошли только под влиянием сарматов (Раевский, 1971. С. 145–149). Исследовательница предлагает учитывать динамику развития собственно скифских обрядов, влияние других народов, моду (Высотская, 1987. С. 49). Считает она неправомерным и утверждение об увеличении сарматского элемента в Неаполе в первые века н.э. Для II в. возрастание влияния сарматов не отрицается, но доминирующей роли ему не отводится (Высотская, 1987. С. 50).

По мнению Т.Н. Высотской, динамика развития скифской культуры привела к модификации погребального обряда. В первые века н.э. в могилах появляется больше посуды, тарелки или миски ставят за головой или в ногах с напутствующей пищей, помещают также сосуд с водой или вином. (Высотская, 1987. С. 62). Позднескифские могильники Крыма автор делит на городские и сельские (Высотская, 1987. С. 62).

На основании наличия бедных подбойных могил и безынвентарных захоронений, совершенных по сарматскому обычаю в склепах Усть-Альмы в II–III вв. н.э., она высказывает мысль, что сарматы попали в подчиненное или зависимое положение (Высотская, 1987. С. 56). Подобные выводы Т.Н. Высотская ранее делала и по материалам Неаполя. На основании расположения подбойных могил на периферии некрополя, она считала положение сарматов зависимым (Высотская, 1979. С. 196).

Позже Т.Н. Высоцкая, проанализировав особенности погребального обряда из могильников Бельбек IV и Скалистое III, пришла к выводу, что в большинстве случаев в погребениях присутствует лишь один из элементов, соотносящийся с сарматским обрядом (наличие скрещенных ног, положение рук на тазе, наличие колоды и кошмы) (Высотская, 1987. С. 59–60).

Э.А. Сымонович, в свою очередь, относил погребения в подбойных могилах к зажиточным сарматизированным слоям населения (Сымонович, 1983. С. 114).

По представлениям О.Д. Дашевской подбойные могилы не являются специфическими для определенной этнической группы, а скорее всего, отражают возрастание в первые века н.э. числа индивидуальных захоронений (Дашевская, 1984. С. 57).

И.С. Пиоро расположение одной или обеих рук на тазе, а также скрещивание ног называет исконно сарматской погребальной традицией (Пиоро, 1990. С. 146). По его мнению, позднескифские городища и селища погибли в III в. н.э. от нашествия племен разноэтничного готского союза, вместе с ними прекращает функционировать и целый ряд могильников Юго-Западного Крыма, такие как некрополь Неаполя, Заветное, Бельбек II, III, IV, Озерное 1,2 и др. Исследователь предполагает наличие эпизодических захоронений лишь в Заветинском и Усть-Альминском могильниках (Пиоро, 1990. С. 27).

По мнению А.Е. Пуздровского, периферийность участков с подбойными могилами не является показателем зависимости того или иного населения, а

маркирует хронологические этапы в развитии могильника (Пуздровский, 1992. С. 196). Исследователь призывал с осторожностью подходить к вопросу об этнической принадлежности разных вариантов положения костяка. К примеру, элементы скорченности и положение кистей на тазе, связываемые с сарматами, он отмечает в ряде скифских погребений. Отклонение рук и ног считает характерными для различных регионов и культур, использованию подстилки из камыша и материи приводит аналогии из скифских курганов. И, напротив, перекрещивание ног, а также обычай обшивать одежду и обувь бисером исследователь соотносит с сарматским погребальным ритуалом (Пуздровский, 1992. С. 195–196).

В следующей работе А.Е. Пуздровский отмечал, что во второй половине I – III в. н.э. формы погребальных сооружений Крымской Скифии отличаются большим разнообразием типов и вариантов. Отталкиваясь от классификации Н.А. Богдановой 1982 г., он приводит свою типологию. В отдельные типы автор выделяет простые грунтовые ямы, могилы с заплечиками, плитовые могилы, подбойные могилы, грунтовые склепы, вырубные склепы, детские захоронения в сосудах, погребения в хозяйственных ямах, погребения в культурном слое, погребальные сооружения с остатками кремации (Пуздровский, 1994а. С. 117). Появление подбойных могил связывается не только с новым населением, но и с переходом к новым формам социальной организации, которые привели к увеличению числа индивидуальных захоронений (Пуздровский, 1994а. С. 117).

А.Е. Пуздровский считает вполне правомерным утверждение об увеличении с рубежа I–II вв. н.э. количества погребений с сарматскими чертами в могильниках Юго-Западного Крыма и Неаполя. А начиная со II в. сарматские захоронения, предметы культуры и обрядности, по его мнению, известны и в некрополе Херсонеса (Пуздровский, 1994б. С. 401–402). К сарматским обрядовым чертам он относит – связывание и перекрещивание ног умерших, помещение покойников на подстилку, заворачивание в кошму, использование для погребения гробовищ, колод, посыпка дна могилы мелом,

употребление символов огня, расшивка одежды и обуви бисером и мелкими бусами, обилие амулетов-оберегов, обычай помещать напутственную мясную пищу вместе с ножом и миской, находки наконечников стрел архаичных типов, подмазка дна могил глиной, помещение одного сосуда в другой, обычай ношения гривен и браслетов с нанизанными на них бусами, продевание сквозь фибулы колец, положение младенцев у ног взрослых, обрядовое разбиение зеркал, сопровождающее конские захоронения. При этом исследователь не рассматривает каждую из перечисленных черт обряда отдельно, в качестве этнического индикатора, однако их различное сочетание в комплексе с характерными вещами погребального инвентаря, по его мнению, может служить ориентиром для атрибуции погребений (Пуздровский, 1994б. С. 400).

В вопросе сарматизации крымского населения А.Е. Пуздровский выделяет несколько этапов, и характеристикой второго, датированного второй половиной I – началом II в. н.э., называет увеличение населения, распространение подбойных и грунтовых могил с заплечиками, появление склепов-катакомб с погребениями сарматской знати, сопровождающимися богатым инвентарем и конскими захоронениями на Усть-Альме. Он считает, что на рубеже I–II вв. н.э. и в первые десятилетия II в. Предгорный Крым был затронут новой волной кочевников, так как к этому времени относится ряд ярких воинских погребений раннеаланской культуры (отождествляемой им с позднесарматской) на Неаполе и в его округе (Пуздровский, 1999. С. 217).

А.И. Айбабин с А.Г. Герценым и И.Н. Храпуновым отмечает, что определение роли сарматского влияния на регион является одной из ключевых проблем, и целый ряд вопросов требует решения. Одним из главных направлений разработок они считают определение сарматских традиций в погребальном обряде и форме могильных конструкций. Другой, не до конца решенной проблемой исследователи называют вопрос происхождения самой позднескифской культуры (Айбабин и др., 1993. С. 214).

По мнению И.Н. Храпунова именно подбойные могилы представляют собой один из характерных элементов позднесарматской археологической

культуры. Кроме непосредственно сарматских могильников, по его мнению, они открыты на некрополях античных городов, сельских поселениях Северного Причерноморья, а также у поздних скифов в Крыму. Упоминает, что именно из подбойных могил состоят Инкерманский и Чернореченский могильники (Храпунов, 1994. С. 530). В представлении И.Н. Храпунова сарматская культура в Крыму проявляется главным образом опосредованно, в виде различных ее элементов, зафиксированных при исследовании боспорских и позднескифских древностей (Храпунов, 1995. С. 50).

Рассмотрение вопросов, связанных с германским влиянием

В 1980-е гг. дискуссия относительно появления кремационных погребений в Крыму возобновляется вновь. Это было связано с тем, что в распоряжении широкого круга исследователей появились новые материалы, происходящие из Южного и Юго-Западного Крыма. В частности, был открыт новый могильник с кремационными погребениями, расположенный на горе Чатыр-Даг (Мыц, 1983; 1987). Помимо этого, были возобновлены раскопки на некрополе Ай-Тодор (Орлов, 1978).

В.Л. Мыц датировал Чатырдагский некрополь III–V вв. н.э. По погребальному обряду и комплексам вещей он считал памятник аналогичным другим крымским биритуальным некрополям этого же периода (Мыц, 1983. С. 156). По предположению исследователя, на основании анализа погребального инвентаря можно сделать вывод, что население, оставившее Чатырдагский могильник, по своему этническому составу относилось к группе германских племен. Они, как считает ряд различных исследователей, были носителями пшеворской, восточнопоморско-мазовецкой или вельбарской культур (Мыц, 1987. С. 160).

В.Л. Мыц на территории Алуштинской долины помимо Чатырдагского некрополя и могильника у села Лучистое отмечает группу синхронных поселений. В результате он приходит к выводу о значительном заселении Алуштинской долины в первые века н.э. По материалам раскопок

исследователь фиксирует пребывание здесь готов и их союзников сармато-алан (Мыц, 1987. С. 161).

На участке, открытом в 1977 г. на некрополе Ай-Тодор, К.К. Орлов зафиксировал черты, связанные, по его предположению с сарматским или скифо-сарматским, а также греческим погребальными ритуалами, объединенными обрядом трупосожжения (Орлов, 1987. С. 131). Исследователь, ссылаясь на работу В.М. Зубаря отмечает, что обряд кремации характерен для Херсонеса, а в Юго-Западной Таврике – для тяготеющих к нему могильников. К.К. Орлов считает вполне правомерным высказанное ранее суждение В.Д. Блаватского о возникновении некрополя как кладбища бывших легионеров и членов их семей, которые остались здесь после эвакуации гарнизона крепости, в что в их число входили также представители эллинизированной скифо-сарматской части населения Херсонеса и его ближайшей округи (Орлов, 1987. С. 131).

Западной версии появления кремационных погребений придерживается и А.И. Айбабин. По его мнению, во многих крымских погребальных сооружениях IV – первой половины V в. встречены черняховские фибулы, пряжки, янтарные грибовидные подвески, характерные керамические сосуды и др. предметы. Однако большая их часть содержалась в погребальных сооружениях различных типов. Исследователь поддерживает идею И.С. Пиоро и В.В. Кропоткина о распространении в Юго-Западном Крыму в III–IV вв. обряда трупосожжения с проникновением на полуостров черняховских племен (Айбабин, 1984. С. 118).

А.И. Айбабиным были выделены 4 варианта могил с трупосожжением, характерных для региона, при этом он считает, что различия этих вариантов проявляются как в обряде, так и в хронологии. Так, например, захоронения 1-го варианта содержали инвентарь и монеты IV в., тогда как захоронения 3-го и 4-го вариантов – инвентарь и монеты второй половины III – первой половины V в. (Айбабин, 1987. С. 188).

В конце 1990-х гг. на основе анализа 80 комплексов, датированных серединой III в. и более поздним временем, А.И. Айбабин расширил предложенную ранее типологию кремационных сооружений до 7 вариантов: 1-й – урны с прахом стоят в каменных ящиках; 2-й – урны с прахом стоят в ямах, перекрытых бутовыми камнями; 3-й – урны с прахом стоят в ямах с бортами, выложенными камнями; 4-й – урны с прахом установлены в маленьких, засыпанных грунтом ямах; 5-й – урны с прахом помещены в склепы или в подбойную могилу с труположениями; 6-й – жженные кости компактно сложены в небольшую яму, засыпанную землей; 7-й – жженные кости сложены в ямку, забросанную камнями (Айбабин, 1999. С. 26).

Им же отмечена общая черта, характерная для урновых кремационных захоронений Крыма, – почти все урны были закрыты глиняным сосудом или фрагментом керамики, иногда плоским камешком. Во многих могилах присутствовали остатки костра, сопровождающие вещи, в некоторых находились кости животных. Далеко не всегда кремация совершалась на стороне. Типологический и хронологический анализы кремационных захоронений региона позволил А.И. Айбабину высказать некоторые суждения об истоках этого погребального обряда у населения Юго-Западного Крыма в римское время. Несмотря на широкое распространение в Херсонесе обряда сжигания тела в эллинистический и римский периоды, с середины III в. он постепенно вытеснялся обрядом ингумации. Именно поэтому маловероятно, с точки зрения А.И. Айбабина, что традиция кремации распространилась в Юго-Западном Крыму после середины III в. под влиянием культуры населения Херсонеса, где к этому времени она уже угасала. Такой вывод подкрепляется аналогиями с некоторыми вариантами крымских кремаций среди комплексов черняховской и вельбарской культур, а также в древностях римского периода с территории Норвегии. Это, по мнению А.И. Айбабина, позволяет связывать появление в Крыму кремационных захоронений с переселением в этот регион носителей германских традиций (Айбабин, 1999. С. 26).

И.С. Пиоро трупосожжения из Чернореченского, Севастопольского и Бельбекского I могильников считает аналогичными кремациям из Ай-Тодора (Пиоро, 1990. С. 29). Ученый подчеркивает, что большинство могильников середины III – первой половины V в. обнаружено именно в Юго-Западном Крыму, в округе Херсонеса. По его мнению, подобное сосредоточение разноэтничного варварского населения в этом районе, вероятно, не было случайным и может рассматриваться как стремление Херсонеса организовать свою защиту (Пиоро, 1990. С. 106–107). Пример этому исследователь видит в сосуществовании различных погребальных сооружений в могильнике Совхоз-10, что, как он считает, свидетельствует о значительной смешанности населения (Пиоро, 1990. С. 117). Наличие амфор в обозначенном некрополе как урн для детских погребений воспринимает как процесс эллинизации сарматов (Пиоро, 1990. С. 120).

По предположению И.С. Пиоро, отмеченные в могилах с кремациями середины III – первой половины V в. погребальные конструкции и детали обряда характерны для памятников позднееримского времени Скандинавии, вельбарской, пшеворской и черняховской культур (Пиоро, 1990. С. 88–98).

М.М. Казанский, также поддерживая западную версию происхождения могильников с трупосожжением на Южном берегу Крыма, предложил объединять подобные комплексы в особую группу памятников, которую он обозначил как «Ай-Тодор». По его гипотезе, материалы обозначенной группы имеют аналогии с древностями Южной и Северной Норвегии (Казанский, 1991).

А.К. Амброз, напротив, предполагал, что отмеченные в кремационных погребениях детали обряда, форма урн, а также каменные конструкции сближают их с греческой традицией Херсонеса, при этом отмечал, что комплексы с сожжениями черняховских, пшеворских и вельбарских могил совершенно не схожи с крымскими. Появление подобного обряда в могильниках Юго-Западного Крыма он связывает с усилением херсонского влияния на остатки сельского населения Скифии. Пришедшие же на

территорию Крыма с севера народы восприняли античные формы этого обряда (Амброз, 1994. С. 39–40).

В работе 1996 г., посвященной анализу могильников варварского населения Крыма I–V вв. н.э. С.А. Мульд подробно описал характеристику всех выявленных типов погребальных сооружений. Все некрополи он делит на три группы: 1) позднескифские; 2) комплексы с трупосожжениями, в том числе и участки на биритуальных некрополях; 3) памятники, которые он связывает с проникновением в Крым аланов (Мульд, 1996. С. 279–284).

По соображениям С.В. Мульда, кремационные погребения римского времени на территории Крыма формируют две группы. Первая включает трупосожжения в могильниках, расположенных на Южном побережье полуострова. Вторая группа представлена отдельными участками, открытыми на биритуальных могильниках в Юго-Западном Крыму (Чернореченский, Совхоз-10). Исследователь поддержал идею о наличии прямых аналогий с захоронениями с трупосожжением первой группы в могильниках вельбарской и пшеворской культур и население, оставившее их, считает германским (Мульд, 1996. С. 283–284).

Некоторые суждения относительно типологии и происхождения кремаций в Юго-Западном Крыму высказаны С.В. Ушаковым. Исследователь предлагает рассматривать две типологии. В первой все погребения с трупосожжениями по способу помещения праха в могилу автор делит на два типа: безурновые и урновые. Вторым вариантом типологии основан на характере погребального сооружения, здесь он выделяет 8 типов: небольшие ямки; грунтовые ямы; грунтовые ямы с заплечиками; подбойные могилы; грунтовые ямы, перекрытые камнем; грунтовые ямы, обложенные камнем; плитовые могилы; большие каменные ящики. С.В. Ушаков отмечает, что в могильниках Бельбек I, Харакс и Чатыр-Даг отсутствуют типичные для Юго-Западного Крыма склепы и подбойные могилы, а в некрополях, где обнаружены склепы и подбойные могилы, отсутствовали погребения с сожжениями (за исключением Черной речки и Совхоза-10) (Ушаков, 1999. С. 234). Появление

кремаций исследователь связывает с периодом от второй половины III до первой половины IV в. и соотносит подобные захоронения Юго-Западного Крыма с т.н. культурой полей погребальных урн (Ушаков, 1999. С. 237). Он обращает внимание на отсутствие полных аналогий крымским захоронениям в Европе. В целом же, С.В. Ушаков присоединился к точке зрения М.М. Казанского, в соответствии с которой наиболее близкие параллели южнокрымским кремациям находятся на территории Норвегии (Ушаков, 1999. С. 240).

В том же ключе высказывается А.Е. Пуздровский. По его мнению, погребения по обряду кремации появляются в могильниках Юго-Западного Крыма не ранее середины III в. (Бельбек I, Скалистое 3), тогда как основная их масса связана с III–IV вв. (могильники Инкерманский, Чернореченский, Севастопольский и др.) (Пуздровский, 1994а. С. 123–124).

Обсуждение вопросов, связанных с аланским влиянием

В середине 80-х гг. в археологической литературе, посвященной крымским древностям римского времени, активно начинает обсуждаться вопрос об аланском влиянии на население и погребальные традиции региона.

А.И. Айбабин, рассматривая вопрос появления грунтовых склепов в Крыму, предполагает, что подобные комплексы начали сооружать не ранее III в. н.э. По его мнению, в склепах хоронили аланы, тогда как в подбойных и грунтовых могилах, перекрытых плитами или имеющих заплечики, были захоронены сарматы (Айбабин, 1984. С. 118).

Развивая теорию о родстве грунтовых склепов Крыма с северокавказскими сооружениями А.И. Айбабин произвел подробный анализ их архитектуры. Исследователь выделил 5 вариантов. Для первого характерны склепы с длинным дромосом, входом, заложеным плитой или камнями и камерой почти прямоугольной или трапециевидной в плане, с закругленными углами, сюда же он отнес погребальную камеру округлой или неправильной формы. Вторым вариантом, по его представлению, имеет аналогичный первому вход и форму камеры, но отличается меньшим по длине дромосом (входной

ямой). Третий вариант выделяется от предыдущего наличием вырубленных в боковых стенках лежанок. К четвертому варианту отнесены склепы, имеющие высокий вход, заложенный плитами или камнями и прямоугольной камерой. Пятый вариант представлен склепом с коротким и широким дромосом со ступеньками и узкой камерой, равной по ширине дромосу (Айбабин, 1987. С. 190–192)

По мнению А.И. Айбабина склепы 1 и 2 вариантов начали сооружать в горном Крыму во второй половине III в., тогда же в названных районах появились захоронения по обряду трупосожжения, аналогичные готским. Исследователь считает, что именно в это время на полуострове были заброшены почти все скифо-сарматские могильники I–III вв. и возникли новые биритуальные могильники на реках Бельбек, Черной, в Хараксе, на склоне Чатырдага, в Инкермане, Озерном и в Заморском (Айбабин, 1987. С. 193).

Несколько позже А.И. Айбабин провел синхронизацию находок из погребальных памятников Юго-Западного Крыма. Полученные в результате изучения хронологии факты, по его мнению, противоречат автохтонной теории развития населения региона. На основе проведенного анализа автор выделяет несколько групп могильников. Он считает, что могильники первой группы появляются не раньше середины III в., тогда как скифо-сарматские могильники были заброшены в конце III в. Помимо этого исследователь подчеркивает, что часть некрополей возникает в конце IV в., более чем через полвека после того, как перестали хоронить на скифо-сарматских могильниках. Склепы второй половины III – VII в. по конструкции отличаются от позднескифских наличием короткого входного коридорчика. Новые могильники возникли в Юго-Западном Крыму в результате проникновения в регион нового населения, которое по характерным для могил признакам исследователь соотносит с сарматами и аланами (Айбабин, 1990. С. 65–66).

В коллективной работе А.И. Айбабин с А.Г. Герценым и И.Н. Храпуновым утверждают, что могильники с кремациями и со склепами новой конструкции распространились на полуострове с середины III в., так как

именно тогда в сообщении древних авторов указывается о вторжении в Крым готов и их союзников аланов. По их мнению, готы расселились на Южном берегу и среди сарматского населения Боспора, тогда как аланы – в Горном, Центральном Крыму и на Боспоре (Айбабин и др., 1993. С. 215).

Свою концепцию А.И. Айбабин поддерживает и в ряде последующих работ (Айбабин, 1994. С. 98; 1996. С. 295), в том числе привлекая и письменные источники (Айбабин, 1996).

А.И. Айбабин, анализируя склеп № 2 из могильника Дружное, соотносит некоторые элементы погребального обряда из него с аланскими катакомбами Северного Кавказа. К ним относит значительное количество захоронений, смещение более ранних костяков, наличие «коридорчика», соединяющего погребальную камеру и входную яму. При этом он отмечает, что аланы на Северном Кавказе хоронили не только в катакомбах, но и в подбойных могилах (Айбабин, 1994. С. 98). По его мнению, миграция аланов в Крым вызвана вторжением готов, начиная с 40–х гг. III в. С переселившимися аланами автор соотносит некрополи у сел Озерное, Дружное, Нейзац, Красный Мак и др., в которых открыты не только подбойные могилы, но и склепы новой конструкции (Айбабин, 1994. С. 98).

Исследователь реконструирует этническую картину следующим образом. Миграционные процессы, возникшие в конце первой половины III в. в результате перемещения германцев, в значительной мере меняют этнополитическую ситуацию на полуострове. По его мнению, Римской империи пришлось временно отказаться от присутствия в Крыму. Германские племена утвердили власть над Боспорским царством на период около 20 лет. Германцы в союзе с аланами уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения. Уцелели только сарматские поселенцы, проживающие в низовьях реки Бельбек и в бассейне реки Бодрак. В регионе с 250-х гг. доминируют аланы и германцы. Аланы расселяются на европейской части Боспорского царства и проникают в Херсонес, где с 260-х гг. начинается глубокий кризис. Обстановка меняется после 276 г., когда правители Боспора

побеждают германцев и вновь налаживают отношения с Римской империей, в Херсонес в конце III в. возвращается римский гарнизон (Айбабин, 1996. С. 299).

Поддерживая идею о присутствии алан в регионе, И.С. Пиоро указывал на отличие могильников Озерное 3 и Инкерман от некрополей Совхоз-10 и Чернореченский. Для первых исследователь отмечал большое количество сармато-аланских погребений мужчин-воинов (Пиоро, 1990. С. 120). На основании примеров из памятников Инкерманской долины он предлагает проследить связь между могильниками позднеимперского и раннесредневекового времени (Пиоро, 1990. С. 172).

Гипотезы об аланском влиянии придерживался и А.Е. Пуздровский. Им было предложено разделять грунтовые склепы региона на две хронологические группы: первые, характерные для I – начала II в. н.э., и вторые, которые появляются в регионе во второй половине III – IV в., распространение их связывается с сармато-аланскими племенами (Пуздровский, 1994а. С. 118).

В специальной работе, посвященной сарматам в Крыму, А.Е. Пуздровский отмечает, что аланы становятся мощной ударной силой, которая привела к очередным подвижкам населения в северопричерноморских степях. Автор выдвигает гипотезу, по которой аланы, в союзе со скифами и сарматами (сираками?) предприняли осаду Херсонеса, на помощь которому пришел Плавтий Сильван (Пуздровский, 1994б. С. 400).

И.Н. Храпунов, отталкиваясь от материалов могильника Дружное, указывает на наличие как склепов, так и подбойных могил. Этот факт, по его мнению, говорит о присутствии двух этнических групп в формировании населения, оставившего могильник. Помимо того, это указывает на влияние боспорских и позднескифских традиций в комплексе лепной посуды, античной традиции в посуде, германской в фибулах, стеклянных сосудах (Храпунов, 1999. С.253).

Аланское влияние по материалам могильника Совхоз-10 прослежено Т.Н. Высотской. Исследовательница отмечает, что все грунтовые склепы расположены несколько изолированно на северо-востоке и северо-западе могильника. При этом они формируют группу самих поздних погребальных сооружений и завершают функционирование некрополя (Высотская, 1998. С. 256). Аналогии рассмотренным склепам она видит в могильниках Инкерман, Озерном 3, Килен-Балке, Скалистинском, а также на Эске-Кермене и Сахарной Головке, которые относятся к концу IV в. (Высотская, 1998. С. 262). По предположению Т.Н. Высотской, склепы не связаны с могильником органически, являются привнесенными погребальными сооружениями (Высотская, 1998. С. 262–263). Эту новую для некрополя традицию она связывает с отдельной группой аланского населения, которая появилась в Юго-Западном Крыму в последней четверти IV в., после захвата гуннами Нижнедонских степей (Высотская, 1998. С. 271).

В том же ключе А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой рассматривается и часть погребальных сооружений из могильника Лучистое, датирующиеся концом IV–V вв. Авторы считают, что Т-образные склепы Лучистого характерны для аланов, переселившихся в Юго-Западный Крым начиная с 40-х гг. III в. из низовьев Дона и Прикубанья. По соображениям исследователей, для аланских могильников крымских предгорий, Боспора, Дагестана и Приазовья типичны многие публикуемые темноглиняные лощеные и нелощеные сосуды, прямоугольные пряжки, некоторые наконечники ремня и пр. (Айбабин, Хайрединова, 1998. С. 309).

На материалах Дружного схожую гипотезу высказывает и И.Н. Храпунов. По его мнению, в конце III в. на территории могильника появились склепы, которые достаточно обоснованно можно связать с проникновением в Крым северокавказских алан (Храпунов, 2000. С. 55).

С.В. Ушаков все известные в регионе склепы делит на три основных типа с вариантами. К первому типу относит склепы с длинными дромосами. Ко второму типу – склепы с короткими дромосом. С третьим типом связывает

склепы, вырубленные в скале на склоне балок, они, как правило, имеют очень короткий дромос (Ушаков, 1999. С. 237). Основная масса склепов из могильников региона, как он считает, относится к 1-му и 2-му типам, время их сооружения определяет с первой половины IV в. (Ушаков, 1999. С. 237). Склепы 3-го типа характерны для Килен-Балки.

Подтверждение мнения о переселении аланов в Крым различными учеными обосновывается не только на основании схожести конструктивных элементов, но и некоторых предметов инвентаря.

С.А. Мульд обращает внимание на группу склепов, открытых на могильнике Нейзац, которые по инвентарю можно датировать первой половиной III в. Отмечает, что все они расположены компактно, в один ряд, имеют широкие входные ямы, а в камерах отсутствуют ниши. По его мнению, подобные комплексы могут заполнить хронологическую лакуну между скифскими склепами II в. и характерными для алан второй половины III в. (Мульд, 1999. С. 192).

К примеру, по мнению Ванессы Супо, распространение кинжалов и мечей с вырезами у рукояти связано именно с аланской экспансией конца III – IV в. Исследовательница считает, что это оружие распространяется прежде всего в местах оседания аланов: на Боспоре и в Юго-Западном Крыму (Soupault, 1996. С. 76).

Схожие мысли высказывают И.Н. Храпунов и В.П. Власов. Учитывая более раннюю дату находок подобных предметов вооружения для Кавказа, наличие таких предметов в Крыму они считают подтверждением переселения каких-то групп людей с Северного Кавказа в Крым (Храпунов, Власов, 1998. С. 243). И.Н. Храпунов считает маловероятным их независимое возникновение у несвязанных между собой групп населения (Храпунов, 1999. С. 253).

Таким образом можно констатировать, что к середине 90-х гг. XX в. в научном сообществе, исследующем крымские древности римского времени, сложилось достаточно четкое представление о развитии региона в первом

тысячелетии н.э. Преобладало мнение об инфильтрации в сарматизированную среду нескольких новых импульсов. Первый связывался с рядом германских племен, которые принесли в регион ряд инноваций, в первую очередь кремационные погребения. Второй импульс определялся как переселение в Центральный и Юго-Западный Крым аланского населения с Северного Кавказа и, как следствие, появление новых погребальных сооружений – грунтовых склепов Т-образной формы с обязательным дромосом. Большинство исследователей, изучающих памятники интересующего нас периода, принимали эти два основных положения.

1.4. Изучение погребальных памятников в XXI в.

С рубежа 90-х и 2000-х гг. начинается новый период в изучении погребальных памятников Крыма римского времени. В первую очередь он характеризуется возрастанием полемики относительно роли аланского компонента в развитии региона. С конца 90-х появляется ряд мнений, отличающихся от традиционной концепции развития этнокультурных процессов на полуострове. Второй характерной особенностью является выделение групп/типов памятников и археологических культур, помимо этого исследователями предлагаются подробные хронологические схемы развития региона. В-третьих, в рассматриваемый период значительно увеличивается объем раскопанных комплексов, меняются подходы в их изучении. В несколько раз увеличивается количество работ по анализу категорий инвентаря, в которых детально рассматриваются отдельные группы предметов. Начинают активно применяться естественно-научные методы.

Одной из показательных характеристик рассматриваемого периода, помимо вышеотмеченных, является актуализация особого направления в исследовании – проведения подробного историографического анализа. Целый ряд работ посвящен истории изучения погребальных памятников как отдельных районов, так и всего Юго-Западного Крыма (Храпунов, 2004. С. 40–

43; Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 100–187; Труфанов, 2009. С. 119–127; Лысенко, 2015; Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 10–23; Юрочкин, 2017 и др.)

1.4.1. Возобновление дискуссии об аланском влиянии в 2000-е гг.

В ряде работ конца 90-х гг. В.Ю. Юрочкин самостоятельно, а также в соавторстве с А.А. Труфановым указывает на ряд слабых сторон существующей на тот период концепции этнополитического развития в Юго-Западном Крыму (Юрочкин, 1997; Труфанов, Юрочкин, 1999. С. 242).

Первоначально В.Ю. Юрочкин по названию двух наиболее полно опубликованных памятников предлагает выделить особую группу могильников и именовать их как группу Озерное-Инкерман. Их главной особенностью он называет появление Т-образных склепов с длинной входной ямой, прямоугольной или трапециевидной камерой, разделенной «коридорчиком»-дромосом. Подобные склепы исследователь считает нехарактерными для населения региона предшествующего времени, отмечая, что, несмотря на некоторое сходство их с северокавказскими аланскими катакомбами, между этими группами имеется ряд отличий. По его мнению, склепы выделяемой группы ближе к античным склепам, распространенным на Боспоре, где в результате синтеза варварских норм погребального обряда и греческих приемов оформления могильных сооружений мог сформироваться подобный тип (Юрочкин, 1997. С. 130). Памятники, на которых обнаружены захоронения выделенной им группы, разделяет на два хронологических горизонта. Первый содержит захоронения в грунтовых, плитовых и подбойных могилах, датированных III в., и связан с финалом позднескифской культуры. Второй соответствует времени появления собственно склепов новой конструкции, воинских захоронений, новых типов инвентаря и может быть соотнесен с фазой С3 Европейского Барбарикума по аналогиям в черняховской культуре (330–380 гг. по: Шаров, 1992, С. 193. Табл. X) (Юрочкин, 1997. С. 128–129). Появление подобных памятников в Центральном и Юго-Западном Крыму ученый соотносит с известным по

письменным источникам переселением части пленного боспорского войска на вновь приобретенные Херсонесом территории (Юрочкин, 1997. С. 132)

Развивая эти наблюдения, одной из слабых сторон «аланской концепции», В.Ю. Юрочкин совместно с А.А. Труфановым называют отсутствие в письменных источниках сведений о «гото-аланском» союзе или о походах варваров вглубь Таврики. Появление обряда трупосожжения на полуострове они относят к периоду, начавшемуся задолго до прихода германцев в Причерноморье. Схожесть погребений Ай-Тодора и Чатырдага с кремациями Совхоза-10 и Чернореченского могильника не может, по их мнению, использоваться в качестве весомого аргумента доказательства безусловного присутствия на полуострове готов. Помимо этого, они не видят оснований для сопоставления крымских трупосожжений с погребениями черняховскими, с вельбарскими и южноскандинавскими древностями. По их точке зрения, это подтверждается тем, что на более чем тысячу кремационных погребений Крыма приходится всего лишь три сосуда черняховского типа (Труфанов, Юрочкин, 1999. С. 242).

Исследователи предлагают свою схему развития этнокультурной ситуации в регионе. На основе рассматриваемых комплексов и их инвентаря они выделяют шесть кластеров, соответствующих шести фазам развития культуры населения. В представлении авторов статьи, распространившиеся в Центральном и Юго-Западном Крыму склепы на могильниках Нейзац, Перевальное, Дружное, Озерное 3, Красная Заря, Тенистое, Вишневое, Суворово и на могильниках Инкерманской долины диагностируют появление нового населения. Помимо этого, они считают, что грунтовые склепы являются варваризированными, огрубленными вариантами боспорских погребальных конструкций (Труфанов, Юрочкин, 1999. С. 246). Появление же могильников группы Озерное-Инкерман датируется 325/340 гг. (Труфанов, Юрочкин, 1999. С. 246).

Формирование этих традиций исследователи соотносят с проживавшими в тот период к северу от Азовского моря германцами и нижнедонскими

аланами, связанными происхождением с Предкавказьем. Проникая на Боспор, они приспособили для захоронения своих сородичей старые античные склепы и в будущем, сооружая новые, подражали их архитектуре (Труфанов, Юрочкин, 1999. С. 247). Финал группы Озерное-Инкерман обусловлен вторжением в Причерноморье гуннов (Труфанов, Юрочкин, 1999. С. 247).

По мнению С.Г. Колтухова и В.Ю. Юрочкина, после масштабных раскопок на некрополях Инкерман, Озерное, Вишневоe, Суворово, Тенистое, Красная Заря, Нейзац, Дружное, Перевальное и публикаций их материалов стало очевидным, что эта группа памятников обладает всеми признаками локальной археологической культуры. Упрощая ранее выдвинутое название (памятники группы Озерное-Инкерман), вслед за М.М. Казанским (Kazanski, 1991. P. 499–502) авторы считают более удобным именовать круг подобных памятников «типа Инкерман» или инкерманской культурой (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 179).

М.М. Казанский относит население, оставившее некрополи типа Инкерман, к ираноязычным варварам сармато-аланского круга. По поводу соотношения их с аланами он отмечает, что все данные письменных источников об аланах в Юго-Западном Крыму датируются не ранее XIII в. (Казанский, 2006. С. 27).

Не подвергая доминирующую теорию критике напрямую, С.Г. Колтухов и В.Ю. Юрочкин отмечают: «веских доказательств существования «гото-аланского союза», равно как и утверждения об «аланской» доминанте в Крыму, никто не проводил. Перекрестные ссылки показывают, что авторы принимают эту гипотезу фактически без аргументации, точнее, не анализируя исходный материал, использованный для ее построения», и как следствие озвученное мнение может представляться больше как историческая традиция (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 185).

На отсутствие письменных источников о пребывании аланов в Юго-Западном Крыму до XIII в. указывает в своем монументальном труде по готам и М.Б. Щукин. Исследователь отмечает, что если отталкиваться от

археологических данных, то погребенные в рассматриваемых комплексах были выходцами откуда-то из ираноязычного сарматского мира. Наименование «аланское» может применяться сугубо условно (Щукин, 2005. С. 422-423).

Еще большей критике концепция взаимосвязи крымских грунтовых склепов с памятниками Северного Кавказа была подвергнута в коллективной работе М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева (Мошкова, Малашев, 1999). В предпринятом разборе особенностей погребального обряда и конструкции склепов разных традиций авторы видят целый ряд существенных различий, к которым относят: наличие курганных насыпей над катакомбами в кавказских комплексах, тогда как над грунтовыми склепами, изученными в Крыму, не возводили насыпей курганов; отличное положение погребенных – на Кавказе усопшие лежат вдоль длинной оси погребальной камеры, в Крыму – вдоль длинной оси входной ямы; то, что в крымских склепах хоронили многократно, тогда как в кавказских – одного-двух усопших; наличие различной формы свода, в центральнокавказских подкурганных катакомбах она стрельчатая или полуцилиндрическая, в крымских склепах присутствует плоский потолок. Кроме того, наличие дромоса они не считают важным культурно значимым признаком. Отмечено и то, что кавказская посуда изготавливалась с использованием гончарного круга, тогда как происходящая из крымских склепов преимущественно лепная. В итоге грунтовые склепы Крыма исследователи считают самостоятельной культурной группой (Мошкова. Малашев, 1999. С. 195–196).

Практически сразу в ряде работ крымских исследователей был произведен анализ позиции М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева.

И.Н. Храпунов одним из главных контраргументов точке зрения коллег называет отсутствие в Крыму до III в. традиции сооружать склепы с длинными входными ямами, короткими дромосами и прямоугольными или трапециевидными погребальными камерами. Помимо этого, именно короткие дромосы, по его мнению, являются важным признаком для этнокультурных

интерпретаций. Узкие дромосы создавали значительные трудности для выкапывания погребальных камер, а также при совершении самих захоронений. Из этого делается вывод, что традиция их сооружения должна иметь веское идеологическое обоснование. Перечисленные М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым отличительные признаки сооружений двух регионов оппонент считает второстепенными (Храпунов, 2004а. С. 138–139).

В.П. Власов в свою очередь попытался проанализировать отличие в керамическом комплексе, указанное М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым, на примере лепной керамики, приведя некоторую подборку литературы по северокавказской керамике периода начиная от III–I вв. до н.э. до V–VII вв. н.э. По предположению автора статьи, керамический комплекс состоял из двух технико-технологических групп сосудов, включающий в себя лепные и гончарные. Несмотря на преобладание в приведенной им же подборке информации о гончарной посуде, он считает аргумент о полном несоответствии уровней технико-технологического развития керамического производства между двумя регионами не очень убедительным (Власов, 2003. С. 101). В.П. Власов на основании новых данных по лепным сосудам, в первую очередь происходящих из могильника Дружное, соотносит лепную керамику с северокавказскими материалами, известными по публикациям (Власов, 2003. С. 103–124). На основании проведенного он сравнения считает, что при всей самобытности крымского и северокавказского керамических комплексов рассмотренные в работе изделия наглядно демонстрируют присутствие среди лепной керамики Крыма образцов, выполненных в довольно точном соответствии с традициями населения Центрального Предкавказья. С крымскими сосудами, по его мнению, их объединяет не только морфология, но и использование отдельных типов орнаментации и технологии, в частности крепление ручек при помощи шипа (Власов, 2003. С. 111).

И.Н. Храпунов по материалам могильников Дружное и Нейзац развивает высказанную ранее идею о принадлежности подбойных погребений сарматам, а появление склепов продолжает связывать с аланами, пришедшими с Кавказа.

Сочетание склепов и подбойных могил в Дружном, по его мнению, позволяет говорить о двух этнических компонентах, принявших участие в формировании населения, оставившего могильник (Храпунов, 2002. С. 74). Со второй половины III в. фиксируются и различные германские элементы, которые проявляются только в некоторых типах погребального инвентаря (Храпунов, 2002. С. 76–77). Совмещение различных по происхождению погребальных обрядов в пределах одного могильника и даже одного погребального сооружения исследователь считает свидетельством проживания групп германцев среди численно преобладающих сарматов (Храпунов, 2003. С. 346). Другим комплексом источников, подтверждающих постоянные контакты разных традиций, выступают керамические сосуды, сделанные с использованием различных практик (Храпунов, 2003. С. 346; Стоянова, 2005. С. 161). Отмечается, что комплексов с германскими материалами в Крыму, датирующихся до прихода германцев, гораздо меньше, чем комплексов после середины III в. (Храпунов, 2003. С. 346). Прекращение использования могильника Дружное И.Н. Храпунов относит ко времени появления в Северном Причерноморье гуннов (Храпунов, 2002. С. 77).

По мнению И.Н. Храпунова, захоронения, совершенные по сарматскому погребальному обряду в Опушках, Битаке, Бельбеке IV и других некрополях, появились в Крыму в результате проникновения на полуостров степных сарматов. Этот процесс привел к формированию крымского локального варианта сарматской археологической культуры (Храпунов, 2007. С. 120).

В этом же ключе высказывается А.Е. Пуздровский, который считает, что в 20–30 гг. II в. н.э. в Крыму появляется новая группа кочевников, и связывает ее с позднесарматскими комплексами Центральной и Средней Азии. По его мнению, погребальный обряд становится не столь ярким, но появляются новые черты, к которым он относит культовые и бытовые предметы из дерева, лепные светильники-курильницы на высокой ножке, характерную ременную garnитуру, мечи без кольцевого навершия (Пуздровский, 2007. С. 105).

И.Н. Храпунов предлагает и реконструкцию этнополитической ситуации в регионе. По его мнению, в конце II – начале III в. н.э. в Крыму проживали различные племена, оставившие памятники, которые можно разделить на несколько групп. К первой группе он относит позднескифские поселения и относящиеся к некоторым из них могильники. Среди которых выделяются крупнейшие Неапольский и Усть-Альминский некрополи. Вторая группа включает в себя могильники Юго-Западного Крыма – Скалистое 2, 3, Бельбек I–IV, Танковое. Эти некрополи, как считает автор, имеют сарматский характер. В рамках третьей группы объединяются тоже только могильники: Нейзац, Дружное, Озерное 3, Суворово, Инкерман, Чернореченский, сюда же относятся Перевальное, Совхоз-10, Красная Заря, Красный Мак. Синхронно их существованию на Южном берегу Крыма появляются некрополи с кремациями, а также участок с трупосожжениями на Чернореченском могильнике. Именно IV в. н.э. определяется как время наиболее интенсивного использования могильников 3-й группы. В этот период большинство погребений совершается в склепах, но продолжают сооружаться подбойные и грунтовые могилы. Разнообразие типов погребальных сооружений И.Н. Храпунов объясняет тем, что аланы селились вместе с сарматами и составляли с ними единые коллективы (Храпунов, 2002. С. 78–79). Судя по увеличившемуся в течение IV в. н.э. количеству склепов и уменьшающемуся числу подбойных могил, он предполагает ассимиляцию аланами сарматов. По мнению И.Н. Храпунова, в конце IV или начале V в. н.э. могильник Нейзац и многие другие предгорные некрополи забрасываются, население мигрирует на новые места (Храпунов, 2004б. С. 307). Идея о переселении коллективов из Предгорного и части Юго-Западного Крыма в новые регионы поддержана и другими исследователями (Власов, 2000. С. 67).

На основании распространения черняховской посуды в Крыму В.Ю. Юрочкин пытается реконструировать процессы переселения сармато-аланского населения в регион (Юрочкин, 1999. С. 265). Наиболее близкими регионами, где известны находки черняховской посуды, исследователь

называет Боспор и северное побережье Меотиды. Эти территории он определяет, как место проживания группы воинственных племен, находившиеся в альянсе с Боспором. Именно с переселением этой воинственной группы после поражения Боспора в Центральный, и Юго-Западный Крым исследователь соотносит захоронения воинов-мужчин в склепах, напоминающих по конструкции боспорские, и, как следствие, появление сармато-аланской керамики, сарматских тамг и других инноваций. По представлению В.Ю. Юрочкина, среди таких переселенцев, формирующих памятники типа Озерное-Инкерман, было и население с черняховскими гончарными традициями, использовавшее и вещи «условно германского» происхождения.

Группу сосудов сарматского (аланского) облика, происходящую из грунтовых склепов, В.Ю. Юрочкин предлагает не отождествлять напрямую с северокавказской, так как считает эту связь опосредованной, через культурные традиции Нижнедонских степей (Юрочкин, 1999. С. 264–265). Он отмечает, что имеется значительное превалирование посуды сармато-аланского типа и констатирует постепенное прекращение традиции производства черняховской посуды в результате смешивания этнической группы, ее изготавливающей, с основной массой населения. И, как следствие этого, через некоторое время подобная керамика выходит из обращения – оседает в могилах (Юрочкин, 1999. С. 265–266).

Сравнение лепной посуды Крыма с памятниками Нижнего Подонья и Прикубанья произвел В.П. Власов. По его мнению, лепная керамика, присущая вышеназванным территориям, обнаружена только на могильниках, где есть грунтовые склепы, для некрополей с кремациями она нехарактерна (Власов, 2001. С. 27).

А.А. Труфанов возникновение таких могильников, как Курское, Нейзац, Дружное, Перевальное, связывает с узаконенным договором передвижениями групп населения, лояльных к власти боспорского царя (Труфанов, 2004а. С. 519). Это население, вслед за другими учеными, он

характеризует как сарматское, миграция которого привела к сложению к концу II – началу III в.н.э. скифо-сарматского объединения при некотором преобладании сарматов (Труфанов, 2004а. С. 519). По мнению А.А. Труфанова, С.Г. Колтухова сопроводительный инвентарь и особенности погребального обряда на могильнике Курское сочетали как черты местного населения, так и признаки, характерные для позднесарматской культуры. Исследователи предполагают, что в конце III – начале IV вв. н.э. наблюдается качественное изменение в составе инвентаря. В этот же период на могильнике появляется обряд захоронения в склепах, связанный с влиянием извне (Труфанов, Колтухов, 2003. С. 295).

Могильник у села Курское, по мнению А.А. Труфанова, является самым восточным варварским некрополем среди известных памятников III–IV вв. н.э. предгорной зоны (Труфанов, 2012).

Схожее суждение публикуют И.И. Неневоля и А.А. Волошинов по материалам могильника Краснозоринский. Авторы предполагают наличие притока нового населения в долину реки Качи. Находки из раскопанного на Краснозоринском могильнике склепа они обозначают как вещи черняхово-пшеворского и сармато-аланского облика. Наличие подобных сооружений расценивают как свидетельства контактов пришлого полиэтничного компонента с «коренными» обитателями Качинской долины. В целом же исследователи расценивают анализируемый некрополь как один из немногих, где непрерывно хоронили с I по IV в. (Неневоля, Волошинов, 2001. С. 146).

А.Е. Пуздровский в совместной статье с Г.В. Медведевым связывает распространение подбойных могил в Северном Причерноморье с продвижением сарматов с востока на запад. Авторы соглашаются с мнением Т.Н. Высотской о восприятии подбойных могил скифами у сарматов в первых веках н.э. (Пуздровский, Медведев, 2005. С. 274). Согласно их точке зрения, для Центрального Крыма характерно использование подбойных могил с двумя камерами, тогда как в Юго-Западном Крыму таких сооружений меньше, лишь

в Бельбеке IV они представлены большим количеством (Пуздровский, Медведев, 2005. С. 274).

Увеличение числа многоярусных погребений в регионе (на Неаполе, Битакском, Кольчугинском могильнике, Усть-Альминском некрополе и др.) А.Е. Пуздровский и Г.В. Медведев объясняют тем, что этот обряд мог быть связан со стремлением к более эффективному использованию площади могильника, отражая и стремление сохранить традицию погребения родственников в одной могиле. Фактически происходило слияние погребального ритуала аборигенного (позднескифского) населения и переселенцев (сарматов), принесших обычаи индивидуальных захоронений. Эти процессы могли являться следствием смешанных браков, а также приводить к выделению малых семей и выработке новых норм форм социальной организации. Исследователи высказывают сомнение в правомерности отнесения подбойных могил с 2–3 костяками исключительно к оседающим на землю сарматам (Пуздровский, Медведев, 2005. С. 275).

И.И. Лобода, проведя сравнение могильников Красный Мак, Краснозорье, Инкерман, Суворово, Дружное, находит схожие черты в устройстве грунтовых склепов, а саму традицию их возникновения связывает с аланами (Лобода, 2005).

Еще одним подтверждением проникновения на полуостров в конце I или начале II в. сарматских племен А.А. Труфановым называется специфика сооружения могил в насыпях курганов бронзового века. Такие могильники, как он считает, могли существовать длительный период (Труфанов, 2014).

Ю.П. Зайцев, напротив, фиксируя своеобразный расцвет могильников в верхнем течении рек Бельбека и Качи начиная с середины II в. н.э., связывает эти процессы с активизацией римско-варварских отношений в Юго-Западном Крыму во II–III вв. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 260–261).

А.Е. Пуздровский считал, что вопрос о разгроме поселений Предгорного Крыма в середине III в. н.э. требует более глубокого изучения, так как в верхних горизонтах и закрытых комплексах Усть-Альминского городища,

Альма-Кермена и других памятников нет монет, и из-за этого они могут датироваться достаточно широко. Часть разрушений автор связывает с аланским вторжением, часть – с рейдами готов и боранов. Это приводит к значительному сокращению населения в Неаполе, Кермен-Куре, Усть-Альме, но в то же время после середины III в. активно продолжают функционировать могильники Нейзац, Перевальное, Дружное, Бельбек I, Чернореченский, Севастопольский и др., на многих из них прослеживаются обряды, присущие сармато-аланам в первой половине III в. (Пуздровский, 2001. С. 116–117).

В связи с появившимися альтернативными мнениями о времени гибели скифского государства и этноса, Т.Н. Высотская еще раз обратилась к этой проблеме (Высотская, 2003). На основании анализа амфор, а также нумизматических находок, дату гибели позднескифского царства она относит к первой половине III в. н.э. (Высотская, 2003. С. 38–41). По ее мнению, нашествие варваров на города Северного Причерноморья можно разделить на два этапа. Первый этап исследователь датирует первой половиной III в. н.э. и соотносит с нашествием сармато-аланов, которое приводит к увеличению населения в регионе и возрастанию числа подбойных могил, а также к появлению деформированных черепов и северной ориентировки погребенных. Автор предполагает, что именно эта волна разгромила скифское государство. Пришествие варваров в период «Готских войн» середины III в. произошло уже после гибели позднескифских поселений (Высотская, 2003. С. 42).

И.Н. Храпунов отмечает для Крыма незначительное количество погребений, которые можно уверенно датировать второй половиной III в. н.э. Этот дисбаланс автор объясняет изменением демографической ситуации в Крымских предгорьях после начала готских походов, а с другой стороны, возможно, с неумением выделять хронологические индикаторы этого времени (Храпунов, 2004б. С. 297). Наиболее яркие погребальные комплексы этого периода открыты в подбойных могилах 20 и 24 могильника Дружное и в подбойной могиле 35 Чернореченского могильника. Конструкция могил и обнаруженный в них инвентарь, по его соображению, демонстрируют полную

преемственность от памятников предшествующего времени (Храпунов, 2004б. С. 306–307).

В 2006 г. коллективом авторов были опубликованы материалы Чатыр-Дагского могильника. Подробное издание включало и отдельный раздел, посвященный обобщению всех известных на тот момент кремационных погребений Крыма, в котором были детально проработаны аналитическая часть и раздел по хронологии (Мыц и др., 2006. С. 176). Авторы фиксируют расположение большинства погребений с остатками кремаций в ближайшей округе Херсонеса, непосредственно на территории хоры города либо на удалении 8–25 км от него. Отдельную группу формируют значительно удаленные погребения в Хараксе и некрополь Чатыр-Даг (Мыц и др., 2006. С. 176–177).

Исследователи все известные на тот момент пункты обнаружения кремационных погребений предварительно разделяют на три группы. К первой относят некрополи сарматского облика, датированные преимущественно II – I-й половиной III в. н.э. Эти комплексы расположены северо-восточнее Херсонеса, в предгорье и на границе степи. К ним относятся могильники Бельбек I, Скалистое III, Танковое (Мыц и др., 2006. С. 177). Для обозначенных памятников характерно незначительное количество маловыразительных, безурновых или урновых кремаций, зачастую с неясной датировкой.

Ко второй группе отнесены биритуальные некрополи из ближайшей округи Херсонеса, расположенные в долине реки Черная и на Гераклеяском полуострове. К ним относятся некрополи Севастопольский (Совхоз-10), Чернореченский, Флотское и Александриада. Указанные памятники содержат значительное количество кремационных погребений различных вариантов. К особенностям второй группы исследователи относят преобладание урновых погребений, наличие остатков трупосожжений в грунтовых ямах. Многие урны расположены в могилах вертикально, огорожены каменными плитками и накрыты крышками. Для некоторых погребений в качестве урн

использованы каменные оссуарии, сделанные из местного известняка (Мыц и др., 2006. С. 177–178).

К третьей группе отнесены два некрополя, расположенные на сравнительно удаленных от Херсонеса южном и юго-восточном склонах Главной гряды. Сюда относятся Ай-Тодор и Чатыр-Дагский могильник. Отличительным признаком группы является абсолютное доминирование на памятнике кремаций (96–100%), зачастую в «каменных ящиках» (Чатыр-Даг) или под каменными вымостками (Ай-Тодор).

Комплексы второй и третьей групп авторы датируют III–V вв. и связывают с появлением в регионе германских племен (Мыц и др., 2006. С. 184–187).

М.М. Казанский выделяет три группы германских элементов в культуре варварского населения римского времени и эпохи переселения народов: вельбарско-черняховский, скандинавский и дунайский (Казанский, 2006. С. 26). Германские элементы вельбарско-черняховского происхождения неоднократно отмечались на некрополях типа Инкерман, принадлежавших иноязычным варварам сармато-аланского круга. По мнению М.М. Казанского, в Юго-Западном Крыму неизвестны ни ингумации, которые можно было бы надежно интерпретировать как черняховские, ни биритуальные некрополи, типичные для черняховской культуры. Кремации на могильниках типа Инкерман связаны скорее с вельбарским, чем черняховским влиянием. При этом по крайней мере для четырех случаев (Бельбек I, Скалистое 3, Черная речка, Танковое) ираноязычная и германоязычная группы использовали некрополь вместе (Казанский, 2006. С. 27).

Германские вещи, найденные в Юго-Западном Крыму, М.М. Казанский предлагает делить на две хронологические группы, которые соответствуют двум волнам проникновения германцев, которые он обозначает как «вельбарско-пшеворская» в середине и второй половине III в. и «черняховская» в IV в. (Казанский, 2006. С. 27–29).

Резюмируя свои наблюдения, М.М. Казанский подчеркивает разницу между кремациями на могильниках типа Ай-Тодор и Инкерман, считает, что для последнего нехарактерен набор инвентаря, нередкого в первой группе, т.е. найдены многочисленные предметы оружия и конского снаряжения. В связи с этим он предполагает присутствие в Юго-Западном Крыму в позднееримское время по крайней мере двух групп германцев. По мнению исследователя, германский элемент на памятниках типа Инкерман связан по происхождению преимущественно с вельбарско-черняховской, в меньшей степени с пшеворской средой. Аналогии с кремациями памятников типа Ай-Тодор он видит среди трупосожжений Южной и Северной Норвегии (Казанский, 2006. С. 30).

Предложенную М.М. Казанским систему проникновения германских племен воспринял и развил в своей диссертации О.В. Шаров. Им указывается, что германское влияние на историю и культуру Боспора прослеживается в трех волнах миграции. Первый период соотносит со службой германцев у боспорских царей в середине – второй половине II в. Второй период он датирует первой половиной IV в. и связывает с Готскими войнами. Третий период характеризуется влиянием меотийцев и носителей черняховской культуры и датирует первой половиной V в (Шаров, 2022. С. 125).

С некоторой критикой теории о переселении из северных регионов Европы выступили некоторые европейские археологи. Ф.-А. Стулегар обращает внимание, что для Норвегии весь комплекс признаков, характерный для Чатыр-Дага (наличие каменного ящика, обряда кремации, наличия оружия и сельскохозяйственных орудий), не встречен в одном захоронении (Stulegar, 2011. P. 231–232).

М.М. Казанский предполагает, что варвары, оставившие некрополь типа Ай-Тодор, представляют скорее всего пеструю по происхождению группу, связанную с Северной Европой, вероятно, захваченную в плен римлянами и расселенную в качестве военных поселенцев на черноморском побережье (Казанский, 2016).

По мнению И.Н. Храпунова, склепы, состоящие из прямоугольных ям, коротких дромосов и прямоугольных или трапециевидных погребальных камер, преобладают в IV в. Благодаря раскопкам Нейзаца, удалось выяснить, что первые погребальные сооружения такой конструкции появились в первой половине III в., когда единичные склепы располагались среди сотен подбойных и грунтовых могил (Храпунов, 2006б. С. 114). В склепах с короткими дромосами хоронили мигранты с Северного Кавказа. В представлении И.Н. Храпунова, открытие ранних склепов может указывать, на немногочисленное проникновение групп кавказских переселенцев в Крым еще в первой половине III в., где они оседали среди численно преобладающих сарматов. Когда в конце III – начале IV в. началось массовое переселение кавказских аланов, они застали в Крымских предгорьях своих соплеменников (Храпунов, 2006б. С. 115; Храпунов, 2011б. С. 22).

И.Н. Храпунов по материалам могильника Нейзац подчеркивает отсутствие погребений, выполненных по обряду германских племен, или погребений, в которых были бы сконцентрированы германские вещи. Вопрос о путях распространения германских вещей на памятниках Крыма он оставляет открытым (Храпунов, 2012. С. 125).

М.Е. Левада, особо подчеркивая значимость выделения на памятниках Крыма материальной культуры аланов, основными некрополями называет Дружное и Нейзац. Круг подобных могильников он обозначает как памятники типа Дружное-Нейзац, датируя обозначенную культуру с середины III до конца IV в. или самого начала V в. (Левада, 2013. С. 171).

В одной из своих поздних работ В.М. Зубарь кардинально пересмотрел высказанную им ранее точку зрения о появлении на некрополе Херсонеса двух типов погребальных сооружений – склепов без ниш и подбойных могил. Исследователь предлагал связывать появление камерных конструкций в античных некрополях с определенным кругом верований греческого населения о потустороннем быте. Адепты этого пытались соединить своих родственников в одном погребальном сооружении. Подбойные могилы

херсонесского некрополя, равно как Ольвии и Боспора, по его мнению, нельзя считать этническим признаком и связывать с инфильтрацией каких-либо этнических групп (Зубарь, 2006. С. 22). Помимо этого, автор делает вывод, что склепы без ниш-лежанок и подбойные могилы, открытые на некрополе Херсонеса, нет никаких оснований рассматривать в качестве типов погребальных сооружений, привнесенных в город сарматами (Зубарь, 2006. С. 23).

Помимо дискуссии относительно появления алан в Крыму в работах конца 2000-х гг. были предложены новые периодизационные схемы развития региона. Возрастает и количество работ, посвященных отдельным категориям находок.

В монографии, посвященной погребальным памятникам Крымской Скифии, А.Е. Пуздровский взял за основу для хронологической шкалы в основном новые материалы из раскопок Усть-Альминского, Битакского могильников и Неаполя Скифского. Формирование подробной периодизации сложилось благодаря уточнению относительных и абсолютных дат многих групп инвентаря. Были выделены ранний (II в. до н.э. – первая половина I в. н.э.) и поздний (вторая половина I – III в. н.э.) периоды, которые были разделены на ряд этапов (Пуздровский, 2007).

В 2009 г. А.А. Труфанов опубликовал разработанную им хронологическую систему позднескифской культуры. Хронологические рамки работы охватывают период от I в. до н.э. до конца III в. Верхняя граница определяется им как время сложения новой культуры, обозначаемой как памятники типа Озерное-Инкерман (Труфанов, 2009. С. 117). На основе анализа вещевого материала произведена систематизация находок из погребальных комплексов Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. Всего список состоит из 118 пунктов и 11 индикаторов синхронизации вещевых комплексов, имеющих датирующее значение, но представленных единичными находками. На основе изучения встречаемости различных типов вещей в закрытых комплексах разработана подробная относительная и абсолютная

хронология функционирования могильников, обоснован пересмотр датировок ряда типов вещей. В результате исследователем была предложена классификационно-хронологическая система археологического материала из погребений с I в. до н.э. – III в. н.э. (Труфанов, 2009. С. 118). Анализ взаимовстречаемости находок позволил автору выделить в рассматриваемом массиве материалов семь относительно последовательных групп захоронений (Труфанов, 2009. С. 297).

В рассматриваемый этап выходит целый ряд публикаций, посвященных могильнику Нейзац. А.А. Стоянова, изучив плитовые могилы некрополя, приходит к выводу, что связь подобных комплексов с каким-либо этническим влиянием или заимствованием маловероятна (Стоянова, 2013. С. 88). Ею же подробно была проанализирована серия детских погребений некрополя Нейзац (Стоянова, 2012). Отдельно изучена серия подвесок и бус, происходящих из погребений Нейзаца (Стоянова, 2004).

А.Е. Пуздровский и А.Е. Соломоненко частые находки деревянных погребальных конструкций (гробов и колод), а также изделий из дерева обозначают как отличительную особенность могильника Усть-Альма (Пуздровский, Соломоненко, 2007. С. 207–208).

В ряде статей С.Б. Шабанова рассматриваются стеклянные сосуды из Нейзацкого, Инкерманского и Чернореченского могильников (Шабанов, 2011; 2012; 2013).

Т.Н. Высотской совместно Л.А. Рыжовой исследована коллекция бус, происходящая с могильника Совхоз-10 (Высотская, Рыжова, 1999).

Целая серия работ по краснолаковой керамике опубликована Д.В. Журавлевым, его разработки послужили основой для датирования как отдельных категорий посуды, так и целых комплексов (Журавлев, 2001; 2007; 7; 2010). В.А. Нессель проведен анализ краснолаковой посуды из исследованных в 1968 г. и 1991–1992 гг. погребальных сооружений могильника Килен-Балка, комплекс представлен выборкой свыше 60 столовых сосудов открытых и закрытых форм (Нессель, 2003. С. 107–108). В.П.

Власовым рассмотрена серия лепных трехручных сосудов из Дружного. Отмечая западное влияние в их появлении, автор указывает на их самобытность (Власов, 2000. С. 67). Т.Н. Высотская в ряде работ публикует керамический комплекс из Совхоза-10, в том числе рельефную краснолаковую керамику (Высотская, Жесткова, 1999) и амфоры редких типов (Высотская, 2000). О.В. Шаровым вводится в научный оборот керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг (Шаров, 2007).

М.Е. Левада рассматривает кинжалы с вырезами и их ареал (Левада, 2006; 2013). В статье В.В. Масыкина опубликованы детали римского шлема из Усть-Альмы (Масыкин, 2012). Б. Контны совместно с Д.Ю. Савеля проанализирован комплекс вооружения из некрополя Килен-Балка (Контны, Савеля, 2006). Д.В. Журавлев проанализировал детали римского воинского костюма и конскую сбрую региона (Журавлев, 2002). В.В. Масыкиным рассмотрены римские фибулы и детали ременной гарнитуры из могильника Заветное (Масыкин, 2007).

В ряде работ А.А. Труфанова систематизированы различные предметы ременной гарнитуры и украшения: браслеты с зооморфными окончаниями (Труфанов, 2001), пряжки провинциально римских форм (Труфанов, 2004б), зеркала-подвески первых веков н.э. (Труфанов, 2007), ажурные амулеты-подвески (Труфанов, 2011).

1.4.2. Современный этап изучения, с 2014 г. по настоящее время.

Изменения, произошедшие в результате событий 2014 г. в Крыму, затронули как в целом крымскую археологию, так и изучение погребальных памятников римского времени. В связи с изменением законодательной базы меняется система учета памятников археологии. Погребальные и поселенческие памятники начинают исследоваться по принятой в Российской Федерации методике. Изменяются учет и охрана памятников, практически полностью прекращается незаконное варварское разграбление исторического и археологического наследия Крыма. Участие в археологических работах

вновь принимают центральные академические учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска. Возобновляются старые и налаживаются новые связи в академической среде. С получением доступа к российской методической и лабораторной базе широко начинают применяться различные методы естественных наук.

В целом современный этап можно охарактеризовать как время значительного роста научных исследований не только по вводу в научный оборот памятников, но и по всестороннему их изучению, а также подробному анализу отдельных категорий находок. В историографической традиции преобладающим остается тезис об аланском влиянии на памятники региона в рассматриваемый период.

В 2016–2020 гг. на территории полуострова реализуется самый масштабный за всю историю археологического изучения Крыма проект по исследованию памятников археологии, попадающих в зону строительства объектов на крупнейшей транспортной артерии Крыма – трассе «Таврида». Протяженность фронта работ составила около 300 км, было изучено более 90 археологических памятников, в том числе могильники римского времени Фронтное 3 и Киль-Дере 1. На археологических объектах проводили исследования специалисты большого круга научных организаций академического, образовательного и музейного направлений, как государственного, так и частного характера. В работах принимали участие ученые Института археологии РАН (г. Москва), Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), Института археологии Татарстана АН РТ (г. Казань), Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь), Восточнокрымского музея-заповедника (г. Керчь), музея заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь), музея-заповедника «Неаполь Скифский» (г. Симферополь), ООО «КРЦАИ» (г. Симферополь), ООО «Кубаньархеология» (г. Краснодар) (Внуков, Шаров, 2019. С. 6).

Важным моментом этого масштабного проекта является то, что совместно со специалистами-археологами в работах экспедиции участвовали ученые смежных дисциплин – антропологи, палеозоологи, почвоведы, реставраторы различных специальностей, геодезисты, геофизики и др. Раскопки, в том числе и погребальных памятников, проводились на современном научном уровне с использованием новейших методик поиска и фиксации археологических объектов: геомагнитной и георадарной разведки, лазерного сканирования и фотограмметрии, тахеометрической съемки и аэросъемки с дронов и др. (Внуков, Шаров, 2019. С. 6).

В ходе проводимых работ помимо получения огромного фактологического материала были налажены связи между специалистами различных дисциплин. Это послужило заделом для всестороннего изучения не только объектов, исследованных в рамках работ на трассе «Таврида», но других погребальных памятников Юго-Западного Крыма.

В результате проведенного анализа современных публикаций, связанных с погребальными памятниками рассматриваемого региона, можно выделить несколько основных направлений, по которым опубликовано наибольшее количество научных работ. К ним относятся публикации, посвященные: проблемам этнической атрибуции памятников; погребальному обряду и погребальным сооружениям; изучению материальной культуры; использованию методов естественных наук при изучении археологического материала. Ниже рассмотрим каждое направление отдельно.

Публикации, посвященные проблемам этнической атрибуции памятников. На основании проведенного анализа погребальных сооружений могильника Нейзац С.А. Мульд отмечает малочисленность комплексов второй половины III в. на некрополе. Исследователь предполагает, что ранний участок могильника мог прийти в запустение, по этой причине на рубеже III–IV вв. здесь возникает поселение, связанное с появлением нового населения. Позже начинает функционировать по сути новый могильник с погребениями в склепах, простых грунтовых ямах и пр. (Мульд, 2016. С. 57).

В результате ранее проведенных археологических работ международным коллективом исследователей публикуются материалы могильника Алмалык-Дере, уточненной датой начала функционирования памятника обозначается конец IV – первая половина V в. (Maćzyńska et al., 2016. P. 15–16). В работе помимо публикации раскопанных комплексов приводится характеристика эпохи. По мнению авторов, в первой половине III в. появляются захоронения, не связанные с позднескифскими и сарматскими погребальными традициями. Они представлены грунтовыми склепами, имеющими аналогии на Северном Кавказе. Наиболее яркие аланские черты исследователи видят в конце IV в. (Maćzyńska et al., 2016. P. 18). С середины III в. они выделяют две группы некрополей, в которых практиковали сожжение. Первая группа – памятники типа Озерное-Инкерман, вторая – типа Ай-Тодор и Чатырдаг. Придерживаясь мнения М.М. Казанского, авторы монографии утверждают, что первая группа является сармато-аланской с включением германских традиций из вельбарской, пшеворской и черняховской культур. Вторая группа имела южнскандинавские корни. Могильник Алмалык-Дере, как они считают, возник еще до вторжения гуннов, наиболее интересными называются ранние этапы, в которых присутствуют вещи черняховского типа (Maćzyńska et al., 2016. P. 19).

В рецензии на эту монографию М.М. Казанский и А.В. Мастыкова в целом поддерживают выводы исследователя относительно начала бытования могильника (Казанский, Мастыкова, 2017). А.И. Айбабиным, Э.А. Хайрединовой могильник Алмалык-Дере включен в группу памятников, возникших в конце IV – начале V в. в ходе переселения части жителей предгорных равнин на юг, в глубь горного региона (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 104).

И.Н. Храпунов, продолжая публиковать комплексы с вещами центральноевропейского круга, отмечает, что до сих пор остается неизвестным, каким образом предметы, произведенные германцами и другими северными варварами, оказались в Крыму (Храпунов, 2017. С. 264).

В работе 2018 г И.Н. Храпунов, развивая идеи о связи крымских склепов с короткими дромосами с кавказскими комплексами, приводит еще ряд дополнительных аргументов в пользу своей точки зрения. Исследователь в очередной раз указывает, что склепы с дромосами появились в Крыму в первой половине III в., а в IV в. них совершалось подавляющее большинство захоронений (Храпунов, 2018б. С. 134). Наличие дромоса автор придает первостепенное значение, так как он значительно затрудняет выкапывание погребальной камеры и внесение туда умерших. Как следствие объясняется его наличие идеологическими представлениями. Появление склепов новой конструкции исследователь связывает с изменением представления о переходе из мира живых в мир мертвых, существенную трансформацию в идеологии объясняет появлением нового населения (Храпунов. 2018б. С. 135). По мнению И.Н. Храпунова, первоначально, в первой половине III в., появилась сначала небольшая группа населения, массово в них стали хоронить приблизительно на рубеже III–IV вв. (Храпунов, 2018б. С. 135–136).

И.Н. Храпунов, основываясь на ранее высказанной мысли о схожести ряда могильников Предгорного Крыма, объединяет ряд некрополей в отдельную археологическую культуру и обозначает ее название по наиболее полно исследованному к тому времени памятнику – могильнику Нейзац – нейзацкая археологическая культура. Он датирует ее II–IV вв. н.э. и выделяет показательный для нее комплекс признаков погребального обряда и погребального инвентаря. Отличительными особенностями называются также яркий своеобразный лепной керамический комплекс и отсутствие поселений (Храпунов, 2019). При этом автор считает не удачными предложенные ранее варианты: памятники группы Озерное-Инкерман, памятники типа Инкерман, инкерманская культура, используемые для обозначения сходных могильников Предгорного Крыма (Храпунов, 2019. С. 43).

И.Н. Храпунов для выделенной им нейзацкой культуры отмечает наличие резких изменений в ее развитии. Первые потрясения он относит к концу II – самому началу III в., одной из главных особенностей этого периода называет

появление склепов с короткими дромосами. Второй пласт изменений автор концепции относит к началу IV в., когда происходит целый комплекс инноваций, притом подчеркивает, что этот комплекс является именно изменениями в культуре, а не сменой культур. Подтверждением этому считается отсутствие перерывов в использовании могильников (Храпунов, 2021б. С. 81-82).

Инновации начала IV в., по мнению И.Н. Храпунова, представлены: а) изменением соотношения типов погребальных сооружений, если в III в. редкие склепы были окружены множеством подбойных и грунтовых могил, то для IV в. подавляющее большинство захоронений совершалось в склепах, хотя и продолжали существовать подбойные и грунтовые могилы; б) в качестве заупокойной пищи в IV в. стали класть куриные яйца, тогда как в погребениях III в. их нет; в) для склепов IV в., в отличие от подобных сооружений III в., обильно присутствует лепная посуда, при этом именно лепную керамику И.И. Храпунов называет одним из самых ярких признаков нейзацкой культуры; г) среди стеклянных сосудов появляются типы с прочерченным геометрическим орнаментом, шлифованными и напаянными овалами; д) наличие гончарных «черняховских» сероглиняных сосудов; е) значительное увеличение оружия в склепах IV в. и, в первую очередь, клинков с вырезами у рукояти; ж) практически полное исчезновение зеркал и исчезновение шкатулок; з) использование бус только в составе ожерелья, исчезает расшивка подолов; и) появление костяных гребней; к) распространение двучленных «воинских» фибул; л) появление восьмерковидных янтарных подвесок (Храпунов, 2021б. С. 82–86).

Исследователь определяет источник одной группы инноваций (стеклянные сосуды, гребни, восьмерковидные подвески, сероглиняная керамика) – черняховская культура. Второй источник нововведений он видит в притоке нового населения с Северного Кавказа и с этим связывает резкое увеличение количества грунтовых склепов. Подчеркивается, что миграция алан в Крым в этот период носила гораздо более массовый характер

(Храпунов, 2021б. С. 86). Остальные изменения (в том числе появление яиц и большого количества оружия, исчезновение шкатулок и зеркал и пр.) с миграционными влияниями автор концепции не связывает и объясняет наличием серьезных социальных изменений (Храпунов, 2021б. С. 87).

И.Н. Храпунов относит некрополь Алмалык-Дере к позднему периоду нейзацкой археологической культуры, его возникновение объясняет внутренней миграцией в регионе (Храпунов, 2019). К этой же культуре исследователь относит и могильник Фронтное 3 (Храпунов, 2022). Не соглашаясь с предложенной исследователями памятника датой начала второго периода функционирования некрополя (середина или вторая половина III в.) (Гавритухин и др., 2020. С. 93). И.Н. Храпунов считает, что изменения в жизни населения оставившего Фронтное 3 начинаются с рубежа III–IV вв., и именно к этому времени относит начало нового этапа развития некрополя (Храпунов, 2022. С. 98–99). На основании круга признаков, характерных для памятников Юго-Западного Крыма и, в первую очередь, самого Фронтного, И.Н. Храпунов предлагает для региона выделять локальный вариант, а к его особенностям отнести наличие наряду с ингумацией кремации, небольшое количество погребенных в склепах, наличие захоронений в склепах поперек длинной оси сооружения (Храпунов, 2022. С. 98–100).

В одной из последних работ И.Н. Храпунов на материалах могильника Опушки отмечает, что первые склепы с короткими дромосами появились в Крыму значительно раньше, нежели считалось прежде, а именно в конце или второй половине II в. н.э. В ранних склепах заметны следы предшествующей скифской традиции (многоярусность погребений и обычай сдвигать погребенных). Это обстоятельство автор интерпретирует как указатель на возможные контакты или совместное расселение носителей двух культурных традиций (Храпунов, 2023, С. 238-240).

Ю.П. Зайцевым был произведен разбор нескольких признаков, традиционно приписываемых сарматам и процессам сарматизации в Крыму. Относительно отсутствия поселенческих комплексов он утверждает, что все

позднескифские некрополи до середины III в. существуют при поселенческих структурах различных типов, позже некоторые могильники продолжают активно функционировать при заброшенных поселениях. Подбойный вариант захоронения исследователь предлагает не соотносить только с сарматами, особенно в I в. до н.э. – I в. н.э., так как развитие подобных типов погребальных сооружений происходит в результате эволюции «позднескифского» погребального обряда. Традицию погребения в колодах он считает местной, распространенной от «элитного» воинского сословия на все население. Использование в погребениях зеркал-подвесок на основании массовости и более ранней хронологии считает автохтонным обрядом. В результате Ю.П. Зайцев приходит к выводу, что утверждения о высокой степени сарматизации местного населения являются преждевременными, а многие инновации объясняет результатом эволюции (Зайцев, 2019).

По мнению Ю.П. Зайцева, военная катастрофа III в. затронула только центральную часть Крымской Скифии и, как следствие, запустела только часть ее территории, но при этом появились новые объекты в западной и восточной частях обитаемой территории (Зайцев, 2022. С. 107).

Инновации III–IV вв. Ю.П. Зайцев считает отражением демографического взрыва, вызванного периодом стабильности. Разнообразие форм погребальной обрядности связывает с неоднородностью и полиэтничностью населения, при этом предлагает с осторожностью проводить прямые параллели с конкретными этносами (Зайцев, 2022. С. 108).

О.В. Шаров вновь поднимает вопрос об этнической принадлежности могильника Чатыр-Даг. Рассмотрев ряд публикаций, исследователь еще раз подчеркивает его принадлежность одному из германских племен, уточняя при этом ряд положений, высказанных ранее в коллективной монографии, посвященной Чатыр-Дагу (Шаров, 2019б).

В одной из своих работ О.В. Шаров критикует высказанное И.Н. Храпуновым мнение о маловыразительности германских компонентов в Крыму, за исключением отдельных вещей в погребениях. О.В. Шаров

предлагает модели германского присутствия в регионе: германцы-федераты на службе, германцы, мирно или по принуждению поселившиеся на территории Боспора и Херсонеса либо на территории Крымской Скифии. Типично германскими считает памятники типа Ай-Тодор (Шаров, 2019в. С. 335–336).

Относительно прихода германских племен А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова в монографии, посвященной стране Дори, указывают, что, достигнув Третьей гряды Крымских гор германцы уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения, разрушили в Предгорном Крыму столицу Неаполь, укрепленные центры Алма-Кермен, Усть-Альма и часть поселений. По мнению авторов, после погрома перечисленные поселенческие центры пришли в запустение. Исключением они называют низовья реки Бельбек и склоны второй гряды в долине реки Бодрак, где сохранилось прежнее сарматское население (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 33). По представлению исследователей, в результате описанных процессов, в низовьях Бельбека и Черной, на границе хоры Херсонеса, на Южном берегу Крыма появилась новая общность, которой соответствует особая археологическая культура (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 33). Могильники Озерное и Нейзац А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова называют аланскими (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 38), при этом склепы II–III вв. с «коридорчиком» между входной ямой и камерой, обнаруженные на Неаполе, соотносят с сарматами (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 42). По планировке они считают их близкими катакомбам, известным в Центральном Предкавказье, в Нижнем и Среднем Прикубанье со II в. н.э., а также в Средней Азии с I в. н.э. (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 42–43).

А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова на основании признаков, к которым относят конструкции погребальных сооружений, обряд захоронения, а также отдельные категории погребального инвентаря, относят рассмотренные погребальные сооружения к аланской традиции (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 58). По мнению исследователей, основная масса оружия происходит из погребений второй половины IV в. Это подтверждает, что в данный период

военное дело имело большое значение в жизни населения, оставившего могильники с ингумацией (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 51). Исследователи считают, что на Черной речке аланы поселились вместе с германцами и хоронили на одном некрополе. При этом аланы прибегали к обряду труположения, германцы практиковали кремацию (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 58).

Важные наблюдения на основании изучения предметов воинского вооружения из могильника Совхоз-10 сделал Д.А. Костромичев. По его данным, типичные случаи обнаружения деталей римского военного снаряжения в могильнике Совхоз-10 связаны с детскими или подростковыми погребениями в подбойных могилах (Костромичев, 2018. С. 105–113). Этот вывод полностью противоречит ранее высказанному предположению Т.Н. Высотской о принадлежности погребений II–III вв. н.э. солдатам или ветеранами римской армии (Высотская, 1997, С. 25). Здесь нужно отметить, что выводы обоих авторов в данном случае не могут быть подтверждены антропологическими исследованиями, которые не производились по материалам этого могильника. Несмотря на это, Д.А. Костромичев указывает на схожие наблюдения, которые были получены и В.В. Масякиным при сравнении материалов могильника Заветное с другими некрополями Крыма первых веков н.э. (Костромичев, 2018. С. 112).

По мнению М.М. Казанского, ряд погребальных памятников округа Херсонеса, расположенных в течении рек Черная, Бельбек, Кача, на которых открыты и кремации, и ингумации, следует отличать от моноритуальных некрополей культуры Нейзац и связывать их со скифо-сарматским по происхождению населением (Казанский, 2022. С. 124). Исследователь в очередной раз подтверждает высказанную ранее идею о том, что среди культурных черт варварского населения следует отмечать присутствие германских элементов, связанных с черняховской, вельбарской и пшеворской культурами. Их проявление автор видит в погребальном обряде, керамике, костюме, вооружении (Казанский, 2022. С. 125).

М.М. Казанский в могильниках округа Херсонеса в ряде случаев отмечает преемственность в функционировании с предыдущей эпохой, что, по его представлению, предполагает выживание местного населения в периоды потрясений. При этом исследователь фиксирует для III в. военные стрессы, связанные в том числе и с мигрантами, засвидетельствованными как археологически, так и нумизматически (Казанский, 2022. С. 125).

Развивая эту мысль М.М. Казанский считает, что памятники, соотносимые с варварскими некрополями округа Херсонеса, отличаются от некрополей Южного берега Крыма. Однако для обеих групп выделяется ряд схожих черт, в том числе: выраженная милитаризация некоторых групп населения при отсутствии бесспорных погребений воинских предводителей, некоторая эгалитарность могил с оружием и конским снаряжением. Наличие большого количества римских импортных изделий, по его мнению, свидетельствует о вовлеченности в экономическую и культурную орбиту Рима (Казанский, 2022. С. 127–128).

На основании открытых в Крыму недавно новых комплексов с кремационными погребениями в ряде работ отмечается, что подобная традиция появилась в регионе до III в. н.э. (Савеля, Савеля, 2018. С. 273; Свиридов, 2023а. С. 111). По мнению Ю.П. Зайцева подобные ранние погребения являются свидетельством контактов и частичного смешения горного и предгорного населения, усиленное романизацией ближайших к Херсонесу коллективов (Зайцев, 2022. С. 107–108).

В ряде работ А.А. Строков с коллегами вновь обращается к материалам работ В.Д. Блаватского, проведенных на могильнике Ай-Тодор в 30-х гг. XX в. На основании изучения архивных материалов, хранящихся в фондах ГИМ (Строков, Камелина, 2021), исследователями было предложено уточнение верхней даты существования некрополя – сужение ее до второй половины IV в. Вопрос о четкой связи могильника со скандинавскими комплексами считает открытым, так как обряд кремации известен в Крыму и в более раннее время (Строков и др., 2020. С. 187; Строков, Камелина, 2022).

Публикации, посвященные погребальному обряду и погребальным сооружениям. В научный оборот вводятся отдельные интересные комплексы с различных некрополей, а также систематически публикуются материалы раскопанных памятников Опушки, Усть-Альма, Фронтное 3 и др. (Пуздровский, Труфанов, 2016; 2017; Пуздровский и др., 2021; Труфанов, 2022в; Свиридов, Язиков, 2023; 2024а; 2024б; Мульд, 2024; Храпунов и др., 2023; Храпунов, Стоянова, 2023а; Храпунов, Стоянова, 2024).

Новую неожиданную информацию дали последние раскопки некрополя Алмалык-Дере. В нескольких местах были обнаружены новые типы погребальных сооружений. В.Е. Науменко с коллегами придерживается мнения о том, что некрополь Алмалык-Дере возникает в самом конце IV в. в результате единовременного переселения крупной однокультурной группы населения, в которой аланский этнокультурный компонент доминировал. По мнению исследователей, ряд ранних погребальных сооружений, а именно курганы с кромлехами и кольцевыми ровиками и глубокие склепы различных типов необычны для жителей горного Крыма второй половины IV – первой половины V в. При этом указывают, что население, привнесшее их, смогло быстро адаптироваться к новым условиям обитания и, видимо, произошла трансформация погребальных сооружений (Науменко и др., 2022. С. 188). Памятник авторами обозначается как гото-аланский, возникший до появления гуннов в Крыму (Науменко и др., 2022. С. 184).

Публикуются работы, содержащие анализ различных типов погребальных сооружений региона. А.Н. Свиридовым, С.В. Язиковым опубликован ряд статей, характеризующих особенности погребального обряда могильника Фронтное 3 (Свиридов, Язиков, 2019а; 2019б; 2022; Свиридов, 2024а), отдельно проанализированы кремационные (Свиридов, 2022; 2023а) и детские погребения (Свиридов, 2023б; Свиридов, 2023в). Для могильника Опушки рассматривается особый тип сооружений – грунтовые ямы со скоплениями керамических сосудов (Чарусов, 2024б). С.А. Мульд выделил

три основных типа погребальных сооружений могильника Нейзац: склепы, подобойные могилы и захоронения в простых грунтовых ямах (Мульд, 2016).

Т.А. Чарусов рассматривает такой элемент погребального обряда, как использование огня и углей в могилах. Он предполагает, что наличие подобной черты обряда в Юго-Западном Крыму может быть обусловлено контактами с Северным Кавказом (Чарусов, 2023. С. 177). Им же проанализированы могилы с угольными подсыпками из некрополей Опушки и Нейзац (Чарусов, 2024а). На примере могильника Опушки проводится определение гендерной идентичности (Храпунов, Стоянова, 2023б).

С.А. Мульд, продолжая публикацию особенностей погребальных сооружений, приводит данные о двух могилах, совершенных в более ранних хозяйственных ямах с могильника Левадки (Мульд, 2022). Ю.П. Зайцев и А.Е. Пуздровский приводят сведения о планиграфии и особенностях некрополя Перевальное (Зайцев, Пуздровский, 2024).

В отдельных работах рассмотрены плитовые могилы некрополя Усть-Альма (Труфанов, 2021), каменные ящики (Язиков, Свиридов, 2022а) и кремационные могилы (Свиридов, Язиков, 2022б) некрополя Киль-Дере 1, подобойные могилы с «заплечиками» I–II вв. н.э. происходящие с памятников предгорного крыма (Чарусов, Бойко, 2024). Опубликованы предварительные данные о новом кремационном могильнике Темир-Чаир, расположенного на Главной гряде Крымских гор (Стоянова, 2024). Первоначально в ряде статей были опубликованы материалы уникальной лапидарной коллекции из могильника Киль-Дере 1 (Язиков и др., 2021; Волошинов и др., 2022), а позже общий каталог коллекции опубликован в отдельном монографическом издании (Язиков и др., 2023).

Публикации, посвященные изучению материальной культуры. Предметом отдельного анализа стал комплекс краснолаковой посуды могильника Фронтное 3 (Суханов, 2021а; Суханов и др., 2021) При изучении лепной посуды из Фронтного 3 применяются не только традиционные морфологические методы исследования, но и технологический анализ теста

(Суханов, 2020а; 2020б; 2021б; 2022а; 2022б; Суханов и др., 2020; Суханов, 2024а). Проводится сравнение лепной посуды могильника Фронтное 3 с синхронными памятниками Киль-Дере 1 и Севастопольский (Совхоз-10) (Суханов, 2023а; 2023б).

Рассматривается керамический комплекс и других памятников. В.А. Нессель отдельно изучена краснолаковая керамика первых веков н.э., а также керамика группы Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац (Нессель, 2021; Нессель, 2022а). Позже ею же сделан предварительный анализ основных групп керамики (Нессель, 2024а), а так же подробно разобрана краснолаковая керамика позднеимперского времени с могильника Нейзац (Нессель, 2024б). Помимо материалов Нейзаца исследовательница изучает керамический комплекс из могильников Килен-Балка (Нессель, 2022б), могильников Передовое, Муловский, Гончарное из Байдарской и Варнутской долин (Нессель, 2018; 2023).

А.С. Намойлик отдельно рассмотрены граффити и дипинти с могильника Нейзац (Намойлик, 2020). А.А. Труфановым публикуются краснолаковые ойнохои из Усть-Альминского могильника (Труфанов, 2018а). Лепная посуда региона исследована в работах В.П. Власова. Автор прослеживает как локальную региональную (относительно Центрального и Юго-Западного Крыма), так и индивидуальную (отдельные памятники) специфику в морфологии и орнаменталистике лепной посуды (Власов, 2022. С. 318–319).

В ряде работ С.Б. Шабанова рассмотрены различные категории стеклянных сосудов с некрополей Нейзац (Шабанов, 2016) и Опушки (Шабанов, 2018; 2020), а также ряда других могильников римского времени Юго-Западного Крыма (Шабанов, 2015; 2021а; 2022; 2023; 2024). Производится морфологический анализ отдельных стеклянных сосудов из могильника Алмалык-Дере (Набоков, 2023) и Фронтное 3 (Голофаст, 2022; Голофаст, Свиридов, 2021; 2022).

Ряд работ посвящен предметам вооружения и конского снаряжения. Д.А. Костромичев анализирует римское военное снаряжение из могильника

Севастопольский (Совхоз-10) (Костромичев, 2018). А.В. Антипенко разбирает конское снаряжение из Чернореченского могильника (Антипенко, 2018). Г.В. Медведевым изучены луки и стрелы, обнаруженные в некрополе Усть-Альма (Медведев, 2021). В.К. Максименков отдельно рассматривает пикообразные наконечники копий, происходящие с памятников Юго-Западного Крыма (Максименков, 2021). М.М. Казанским в очередной раз поднимается вопрос о назначении клинков с вырезами (Казанский, 2014). И.Н. Храпуновым проводится сравнение характерного вооружения Юго-Западного Крыма с соседними регионами (Храпунов и др., 2020).

Изучаются предметы ременной гарнитуры. И.О. Гавритухиным в серии статей проведен анализ и предложена типология лучковых фибул с могильника Фронтное 3 (Гавритухин, 2022а; 2022б; 2023). А.А. Стояновой приведены фибулы из могильника у села Опушки (Стоянова, 2021). В.В. Масыкиным и Н.П. Туровой опубликованы фибулы из раскопок великого князя Александра Михайловича, происходящие с Харакса (Масыкин, Турова, 2023). Д.А. Костромичев в отдельной работе проанализировал ажурные пряжки с пельтовидной рамкой (Костромичев, 2015). И.Н. Храпуновым были опубликованы серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац (Храпунов, 2016). А.А. Труфановым проанализированы наконечники ремней из Усть-Альминского некрополя (Труфанов, 2024).

Серия статей посвящена украшениям различных типов. Металлические перстни подробно подвергнуты анализу в отдельной статье А.А.Труфанова. Исследователь выделяет 8 морфологических групп, в каждой из которых определяет несколько типов (Труфанов, 2022а). Им же изучены стеклянные перстни (Труфанов, 2018б), а также персти со вставками из эмали из памятников Юго-Западного Крыма (Труфанов, 2019б). В отдельной работе А.А. Труфановым опубликованы колокольчики из могильника Усть-Альма (Труфанов, 2022б). В. Polit рассмотрены металлические украшения из мужских погребений могильника Нейзац (Polit, 2018). Д.С. Корнеевым опубликованы нагрудные полихромные украшения из могильника Опушки

(Корнеев, 2022). А.А. Стояновой проведен анализ подборки неорнаментированных зеркал с коническим выступом в центре (Стоянова, 2019). А.В. Антипенко, Д.С. Корнеевым рассмотрены складные зеркала (Антипенко, Корнеев, 2024). С.А. Мульдом и Д.С. Корнеевым изучена технология изготовления шарнирных браслетов в позднеримском полихромном стиле (Мульд, Корнеев, 2021).

Серия работ А.А. Стояновой посвящена бусам и подвескам как отдельно могильника Нейзац (Стоянова, 2016), так и различных памятников Предгорного Крыма (Стоянова, 2022). А.А. Стояновой совместно с И.Н. Храпуновым проанализированы украшения в полихромном стиле (Храпунов, Стоянова, 2018), определено состояние и перспективы исследования этого стиля (Стоянова, Храпунов, 2024). А.В. Мастыковой в предварительной публикации были описаны бусы из могильника Фронтное 3 (Мастыкова, 2020). А.В. Тяпухиной отдельно рассмотрены бусы миллефиори, происходящие из этого же могильника (Тяпухина, 2024). Ряд работ посвящен анализу и аналогиям золотым серьгам и лунницам из серебра и золота, происходящим с Фронтного 3 (Мастыкова, 2023а; Мастыкова, Свиридов, 2021, Mastykova, Sviridov, 2021; Мастыкова, 2022). О.Н. Алпашкиной, И.И. Неневолей опубликована подборка предметов из египетского фаянса (Алпашкина, Неневоля, 2018). В нескольких работах анализируются антропоморфные подвески из могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1 (Язиков, Тяпухина, 2022; Мастыкова, 2023б). Проводится изучение и реконструкция женского убора по материалам могильника Фронтное 3 (Мастыкова, 2023в; Мастыкова и др., 2020). В.П. Власовым с коллегами произведен обзор основных категорий погребального инвентаря могильника Перевальное (Власов и др., 2024).

Несколько работ посвящены предметам обихода. А.Н. Труфановым проанализированы пряслица с изображением животных (Труфанов, 2019). Р. Maćzyński и В. Polit рассмотрены предметы, используемые для высекания огня, из могильников Дружное и Нейзац (Maćzyński, Polit, 2016).

Использование методов естественных наук при изучении археологического материала. В начале этапа большинство исследований сосредоточено было на исследовании антропологических материалов. Для ряда памятников известны отдельные работы по изучению антропологических коллекций. Подобные исследования были проведены на материалах некрополей Нейзац (Радочин, 2016), Левадки (Радочин, 2019). В этот же период впервые за долгие годы раскопок Мангупа были проведены специальные антропологические исследования традиции искусственной деформации головы у населения поселения. Также была предпринята попытка реконструкции внешнего облика жителей городища, на примере краниологической коллекции из Алмалыкского могильника 2-й половины IV – 1-й половины VII в. (Герцен и др., 2017. С. 249).

После раскопок некрополя Фронтное 3 и создания междисциплинарной группы по его всестороннему изучению количество исследований, связанных с применением методов естественных наук, значительно выросло. На сегодняшний день это пока единственный памятник в Крыму, где применен комплексный междисциплинарный подход к изучению всего археологического материала.

Опубликована серия работ, затрагивающая палеоантропологические исследования, в том числе половозрастные характеристики, заболевания, травматизм, мобильность населения (Добровольская, Свиркина, 2021; Добровольская, Свиркина, 2022; Свиркина, Добровольская, 2021; Свиркина, Добровольская, 2022; Свиркина и др., 2021). Отдельно антропологическими методами изучены кремационные погребения с могильника (Свиркина, 2020). На основании изотопного исследования проводится реконструкция питания и мобильности населения, оставившего могильник Фронтное 3 (Добровольская, Свиркина, 2023; Добровольская и др., 2023), а также осуществляются исследования по его демографической структуре (Свиркина и др., 2020). Большая работа производится по изучению остеологических материалов могильников Фронтное 3 (Свиридов и др., 2023), Киль-Дере 1 (Полянская и

др., 2024). Материалы, полученные по результатам исследования Фронтowego 3, способствовали увеличению изучения антропологических коллекций других памятников с целью сравнения полученных результатов. Изучаются коллекции некрополя Опушки (Свиркина, Нелюбов, 2022), отдельные кремационные погребения могильника Севастопольский (Совхоз-10) (Свиркина, 2024).

Проводится химический анализ стекла. В рамках этого направления О.С. Румянцевой была опубликована целая серия работ по анализу стекла и подробному технологическому изучению сосудов, обнаруженных на могильнике Фронтowego 3 (Румянцева, 2022а; 2022б; 2022в; 2023), в том числе методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой, с пробоотбором лазерной абляцией (ЛА-ИСП-МС) (Румянцева и др., 2023).

Проводится комплексный анализ предметов из цветного металла. В ряде работ И.А. Сапрыкиной был осуществлен анализ химического состава изделий из цветных и драгоценных металлов из могильника Фронтowego 3, который выполнялся с использованием РФА-спектрометров. Помимо этого, производилось трасологические исследования с целью определения основных техник и приемов изготовления предметов из цветных и драгоценных металлов. В результате был определен набор основных техник и приемов, использовавшихся на разных этапах функционирования могильника (Абрамзон и др., 2021; Сапрыкина, 2022; 2023; Сапрыкина, Пельгунова, 2021; Сапрыкина, Кичанов и др., 2022; Сапрыкина, Хайрединова и др., 2022;).

Подобные исследования, хотя и в меньшей мере, проводятся и для других памятников. Для группы находок из сплавов на медной основе из могильника Севастопольский (Совхоз-10) был совершен элементный анализ (Антипенко, Лобода, 2020). Произведен анализ элементного состава украшений костюма из могильника Усть-Альма (Антипенко, 2024). Из могильника Лучистое 2 методами рентгеновской и нейтронной томографии была изучена серия металлических перстней (Лобода и др., 2023).

Используются и другие современные методики. К примеру, комплекс современных технологий применен при рассмотрении погребальных сооружений могильников Мангупа, в том числе позднеримского некрополя Алмалык-Дере. В частности, разрабатывался проект по созданию геоинформационной базы данных (Герцен и др., 2017. С. 236).

Применение методов естественных наук позволяет в настоящее время исследовать целый ряд погребальных памятников Крыма на том уровне, который был недостижим еще совсем недавно.

Подводя итог рассмотрению истории изучения погребальных памятников Юго-Западного, Южного и Предгорного Крыма, необходимо констатировать, что, несмотря на многолетний период изучения погребального обряда, остается еще целый спектр мало проработанных вопросов, касающихся устройства как самих погребальных сооружений, так и особенностей размещения погребенного, а также использования погребального инвентаря и напутственной пищи в рамках совершения самого обряда захоронения. В настоящей работе этим аспектам будет уделено особое внимание.

ГЛАВА 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3

2.1. Общие сведения о памятнике, датировка и планиграфические особенности некрополя

Могильник Фронтное 3 находился в Юго-Западном Крыму на северо-восточной окраине Мекензиевых гор, на левом берегу верхнего течения реки Бельбек, в 1 км к западу от современного села Фронтное (бывш. Бюк-Отаркой) Нахимовского района г. Севастополь (рис. 1).

Памятник был открыт и поставлен на учет как «поселение Нового времени Фронтное 3» в 2017 г. в ходе предваряющих строительство автомобильной трассы «Таврида» археологических разведок, проведенных И.В. Рукавишниковой, сотрудником Института археологии РАН.

В полевом сезоне 2018 г. вторым Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН (начальник С.Ю. Внуков) под руководством С.В. Язикова и А.Н. Свиридова на памятнике были предприняты спасательные археологические исследования.

Перед началом работ территория памятника представляла собой относительно ровный задернованный участок между небольшими скалистыми возвышенностями (рис. 2). С северной и северо-восточной сторон за первоначальными границами планируемых раскопок (створа автомобильной трассы) строителями был снят почвенный слой, и первоначальный облик ландшафта был изменен (рис. 3, 1)

Уже в начале раскопок выяснилось, что частично разрушенное поселение Нового времени перекрывает погребальные сооружения римского времени. В связи с этим были уточнены первоначальные границы памятника археологии (рис. 4).

Археологические работы на могильнике проводились с апреля по октябрь 2018 г. Вскрытый участок (13 948 м²) на сплошной площади (рис. 4–8) включил все зафиксированные объекты и окружающие их обширные

пространства без следов сооружений, позволяющие убедиться, что некрополь раскопан полностью.

Анализ космических снимков показал, что территория памятника долгое время подвергалась распашке (рис. 3, 2). Однако культурный слой насыщен находками слабо, а основная часть погребальных конструкций расположена ниже уровня воздействия сельскохозяйственных орудий. То есть некрополь пострадал от хозяйственной деятельности не сильно.

Культурный слой стратиграфически не членится. Большинство находок в нем относится к крымско-татарскому периоду, датированному 5 монетами, выпущенными в диапазоне от 1532–1550 до 1769–1770 гг. (определения И.В. Волкова). Некоторые находки не исключают и более раннюю дату в пределах Средневековья (подробнее см.: Свиридов, Языков, 2024б. С. 143–144). Объектов, достоверно относящихся к этому времени, не обнаружено.

Четыре погребальных сооружения относятся к эпохе бронзы (рис. 10, 9). На юго-востоке раскопа исследовано скопление из пяти ям с материалами эпохи бронзы и без выразительных находок.

Подавляюще большинство объектов – 328 – относятся к некрополю римского времени. Именно они и являются основой предлагаемого исследования (приложение 1).

Среди сооружений римского времени преобладают подбойные могилы, их насчитывается 306. Второй по величине группой являются грунтовые склепы, их исследовано 12. Ямных могил римского времени известно 3, расчищено и одно кремационное погребение в амфоре. Помимо этого, обнаружены погребения одной лошади и двух собак. Несколько разрушенных сооружений отнесено к этому времени условно, но с большой долей вероятности.

Коллекция погребального инвентаря составила практически 20 000 находок. Это создает солидную базу для исследования многих сторон культуры населения, оставившего некрополь Фронтное 3. Начато специальное углубленное изучение некоторых категорий вещей. Уникальным

для Крыма является выборка изделий из металлов и стекла, материал изготовления которых был подвергнут анализу с применением новейших методик. В могилах римского времени зафиксированы останки около 400 индивидов (приложение 2). Они изучались профессиональными антропологами, установившими пол, возраст, патологии, особенности диеты и другие характеристики погребенных (см. приложение к отчету – Язиков, 2024). Специальным исследованиям подверглась остеологические материалы (см. приложение к отчету – Язиков, 2024). Все эти результаты использованы в настоящей работе.

Важно отметить, что современными грабителями памятник затронут не был, а это является большой редкостью в современных реалиях, особенно Крыма. Хозяйственная деятельность, как было отмечено выше, затронула некрополь незначительно. Около 15 могил было потревожено в древности, но это практически не отразилось на сохранности погребальных конструкций, по-видимому, не сильно изменило и набор погребального инвентаря. Кроме того, эти случаи дают важный источник для изучения «постпогребальных» практик древнего населения.

Таким образом, могильник Фронтное 3 является редким по сохранности памятником, полностью раскопанным на современном уровне. С учетом комплекса специальных исследований, это делает его опорным для изучения многих сторон историко-культурных процессов, протекавших в Юго-Западном Крыму в первой половине первого тысячелетия новой эры.

В результате разведочных, а после – раскопочных работ открыт и изучен новый, ранее не известный науке археологический объект. История открытия и исследования могильника в очередной раз ярко демонстрируют значимость и необходимость проведения спасательных археологических исследований на объектах строительства.

Уже на начальных этапах изучения материалов раскопок были определены датировки многих могил по ряду категорий инвентаря, в т.ч. более чем 40 монетам римского времени (определения М.Г. Абрамзона), что

позволило предложить периодизацию некрополя, выявить зоны расположения близких по времени могил, наметить календарные даты пространственно-хронологических зон. Полученные результаты нашли отражение в предварительных обзорных публикациях могильника (Гавритухин и др., 2020; Gavritukhin et al., 2021; Свиридов, Языков, 2019а). В дальнейшем эти наблюдения были уточнены на основе анализа опорных групп хроноидикаторов, массово представленных на памятнике – краснолаковой посуды (Суханов, 2021а; Суханов и др., 2021) и фибул (Гавритухин, 2022; 2023). Специально рассматривались также даты некоторых элементов женского убора (Мастыкова, 2000; 2022; 2023а; 2023б; Мастыкова, Свиридов, 2021; Тяпухина, 2024), нескольких комплексов (Голофаст, Свиридов 2022; Свиридов, 2022; Свиридов, 2023б) и финала некрополя (Гавритухин и др., 2020а).

В результате, на сегодняшний день установлено, что памятник датируется концом I – началом V в. н.э. Выразительная планиграфическая структура некрополя, последовательность совершения захоронений на нем позволили установить два основных периода в его развитии, четко отраженных в расположении могил на некрополе. Первый период может быть датирован концом I – серединой III в. н.э., второй период соотносится со временем начиная со второй половины III по начало V в. н.э.

На основе указанных исследований, с рядом уточнений и учетом планиграфии, в полной публикации погребальных сооружений памятника (Свиридов, Языков, 2023; 2024а; 2024б) для каждой могилы были предложены предварительные даты. Полученные результаты были апробированы, и оказалось, что выделенные хронологические зоны находят соответствия в картографировании ряда особенностей погребальных обрядов (подробнее смотрим в разделе 2.3 и 2.4 настоящей работы). Все эти наблюдения, с некоторыми корректировками, стали основой хронологии, на которой основана предлагаемая работа.

Даты могил по порядку их нумерации приведены в приложении 3, построенная на основе этого планиграфия отражена на рис. 10. На ряде ключевых вопросов (реперных датах и особенностях функционирования некрополя, отраженных в планиграфии), особенно важных для данной работы, следует остановиться подробнее.

Как показали указанные выше исследования, наиболее ранние комплексы римского времени во Фронтовом 3 датируются концом I в. Наиболее поздние узко датируемые вещи из некрополя (рис. 135: 1,2) показательны для ступени D2 хронологии Европейского Барбарикума (380/400 – ок. 450 г., по Я. Тейралу, подробнее см.: Гавритухин и др., 2020а), однако они единичны, что позволяет ограничить датировку ранней частью указанного периода. Это определяет общие хронологические рамки могильника римского времени.

Существенные изменения в материальной культуре некрополя, наблюдаемые по многим категориям инвентаря, прослеживаются в могилах, расположенных в полосе близ центра некрополя. Здесь – у юго-восточного края зоны плотно расположенных могил – зафиксированы восемь комплексов, датированных монетами середины III в. (рис. 10, 10) – все, кроме могилы 135, с явно «запаздывающей» монетой. Это маркирует и определяет хронологию «переходной» зоны, делящей могильник на зоны периодов 1 и 2.

На крайнем северо-западе некрополя открыты могилы эпохи бронзы (рис. 10, 9), рядом с которыми находились ранние погребения римского времени. Можно предположить, что захоронения бронзового века были связаны с курганами, причем эти насыпи были видны в римское время и могли стать ориентиром для людей, основавших здесь новый некрополь.

Наиболее ранние захоронения римского времени (рис. 10, 1) примыкают к могиле бронзового века 331 с юга, к могилам бронзового века 310 и 311 – с востока и юга, а также довольно свободно распространяются к востоку и югу от этих участков. Затем могилы римского времени (рис. 10, 2) заполняют оставшиеся пустыми пространства и расширяют территорию некрополя на

восток и юго-восток. По той же схеме могильник рос на протяжении всего периода 1 (рис. 10, 3, 4).

По непонятным пока причинам развитие могильника на северо-восток было прервано. Более того, некоторые захоронения стали совершаться на плотно освоенных ранее участках. Именно здесь зафиксированы все (!) случаи, когда одна могила частично перекрывает другую. Развитие же могильника в южном направлении продолжалось – только на его юго-восточном краю зафиксированы захоронения «переходной» зоны, фиксирующей дальнейшее развитие некрополя в периоде 2.

Судя по инвентарю, в т.ч. и монетам (рис. 10, 10; см. выше), могилы «переходной» зоны отражают культуру местного населения эпохи Скифских (Готских) войн середины III в. и время упокоения их современников (возможно, и некоторых участников). Крупные перемены в ходе и результате этих войн в истории и культуре Крыма общепризнаны. По материалам Фронтового 3 нет оснований, чтобы говорить о смене населения региона, хотя очевиден новый период его истории.

Могилы периода 2 (рис. 10, 5–8) расположены заметно более разряженно, чем более ранние, и число погребенных в периоде 2, явно уступает этому показателю для периода 1. По-видимому, для местного населения к последствиям Скифских войн относятся не только материальные приобретения (например, приток монет середины III в. и ряд инноваций, фиксируемых по инвентарю), но и демографический спад. Отчасти это компенсировалось, вероятно, и включением в местную общину пришельцев, судя по инновациям в керамическом производстве (Суханов, 2022а) и погребальной практике (подробнее смотрим в данной работе параграфы 2.2 и 2.6).

Наиболее ранние могилы периода 2 (рис. 10, 5), включая «переходные» комплексы, от предшествующих отличаются лишь инновациями в инвентаре (в т.ч. «эпохальными», например, новые конструкции фибул, появление в инвентаре гребней, оформление крымской вариации полихромного стиля – см.

в параграфе 2.5) и планиграфией – некрополь продолжал плавно развиваться, расширяясь в прежнем (южном и юго-восточном) направлении.

В дальнейшем варианты инвентаря меняются плавно, продолжают те же тенденции территориального развития некрополя, т.е. в секторе юг – восток (рис. 10, 6,7), зато фиксируется появление новых типов погребальных сооружений (склепы) и элементов обрядности (например, мяса и яиц курицы – рис. 110).

Финал могильника фиксируют комплексы, 4-й четверти IV – начала V в. (с монетой в могиле 172, имеющей *terminus post quem* 364 г.), выделяемые по инвентарю, характерному уже для эпохи Великого переселения народов, и месторасположению на юго-восточной периферии некрополя (рис. 10, 8).

Специалистами общепризнано, что прекращение функционирования многих могильников Предгорного и Юго-Западного Крыма связано не с гибелью местного населения, а его переселением в более скрытые горами местности на юго-западе Крыма или за горы на Южный берег Крыма. Судя по всему, это касается и Фронтowego 3. В этом ключе выделяющаяся ориентировкой безынвентарная могила 206, расположенная на юго-восточном краю некрополя, может рассматриваться в контексте «прощальных» обрядов людей, покидавших родные места и могилы предков.

Могильник Фронтowego 3 отличает от ряда других сходных памятников Юго-Западного и Предгорного Крыма наличие поблизости поселенческих комплексов (рис. 11). Как и некрополь, они исследовались в 2018 г. в ходе охранных раскопок, проводимых Институтом археологии РАН при участии Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».

В 800 м на северо-восток от могильника расположено многослойное поселение Фронтowego 2. В нем выявлены материалы и I в. н.э. (Шаров, 2019г), т.е. оно хронологически смыкается с некрополем, во-видимому, предшествуя ему. На поселении Кермен-Бурун, находящемся на горной гряде в 450 м на юго-запад от Фронтowego 3, открыты материалы, синхронные периоду 1

некрополя (Рукавишникова и др., 2019). Памятников, синхронных периоду 2 Фронтowego 3, в ближайшей округе пока не обнаружено.

2.2. Погребальные сооружения

Погребальные сооружения могильника представлены 4 типами: подбойные могилы, грунтовые склепы, грунтовые ямы, погребение в амфоре. Подбойные могилы составляют подавляющее большинство, всего их насчитывается 306. Грунтовые склепы являются второй по численности группой, они представлены 12 комплексами. Грунтовых могил 10, из них 7 с погребениями людей (в том числе 4 датируются эпохой бронзы), 3 с захоронениями животных. Погребение в амфоре зафиксировано в одном случае. Помимо вышеперечисленных типов погребальных сооружений на могильнике обнаружены три объекта невыясненного назначения.

2.2.1. Подбойные могилы

К подбойным могилам традиционно относятся конструкции, имеющие в одной или двух длинных стенках входной ямы ниши, куда помещаются тело усопшего и весь погребальный инвентарь. Для некрополя Фронтowego 3 преобладают именно подбойные могилы, они составляют 91,9% всех выявленных погребальных комплексов (рис. 9, 12).

Пространственное расположение могил. Для ранних этапов существования могильника присуща рядность – расположение могильных ям в линии, вытянутые с юго-запада на северо-восток, при этом наблюдается определенная разреженность, упорядоченность размещения погребальных конструкций. Четко прослеживаются не менее семи подобных линий, насчитывающих от 4–5 до 20 погребений.

В северо-восточной и северной частях могильника, в зоне погребений 2-й четверти – 2-й половины II в. обнаружены погребения, прорезающие друг друга, всего подобных случаев зафиксировано 7. Чаще всего это выражается в частичном разрушении одной ямы другой (рис. 13).

При этом у ранних могил может быть поврежден лишь край ямы (193, 218) (рис. 14: 1) либо кости скелета более ранних погребений сдвигаются внутри своих погребальных камер (187, 214) (рис. 15: 1). В одном случае скелет остался на месте, но был частично разрушен – у костяка ноги срезаны по бедренным костям (262) (рис. 14: 2; 15: 2). В двух случаях новые могильные ямы полностью разрушили более ранние (249, 248) (рис. 15: 3, 4).

Для захоронений, датируемых второй половиной II – серединой III в. н.э., характерна большая плотность в расположении погребальных сооружений. Присутствует значительное количество могил, которые находятся близко друг к другу. Рядность сохраняется, но она прослежена в меньшей степени, чем в предыдущий период. Несмотря на высокую плотность погребальных сооружений, случаев разрушения одной могилы другой не зафиксировано.

Вероятно, это связано с обнаруженными в целом ряде погребений необработанными камнями, находившимися в верхней части заполнения входной ямы и, возможно, являвшимися наземными маркерами погребения. Данная черта характерна практически только для первого этапа существования могильника, всего подобная практика отмечена в 44 случаях (рис. 16). Камни преимущественно располагались в восточной половине входной ямы. В отдельных случаях они выявлены в центральной и западной частях (рис. 17). Камни чаще всего имели уплощенную форму; в большинстве случаев их размер варьировался в пределах от 0,2х0,2х0,1 м до 0,6х0,5х0,3 м.

Наиболее ранние комплексы с каменными маркерами обнаружены среди погребений конца I – второй четверти II в. Наиболее широко они встречены среди погребений последних десятилетий II – середины III в., а также среди захоронений 2-й четверти III – 2-й половины III в. Для второго периода (середина III – начало V в.) зафиксирован всего один случай обнаружения подобного маркера – в могиле 143 (рис. 16).

В южной части могильника, хронологически связанной с периодом IV – началом V в., погребальные сооружения располагаются более разреженно, прослеживается четкая рядность погребений. Могилы вытянуты в линии так

же, как и в ранней части, с юго-запада на северо-восток. Количество могил в одном ряду – от 6 до 15. Продолжают бытовать одно- и двухподбойные могилы¹, при этом количество двухподбойных в процентном отношении значительно увеличивается, составляя не менее 35%. Выявлено 15 могил с расположением подбоя в юго-западной стенке, что было нехарактерно для северо-западной и центральной частей некрополя (рис. 9).

Расположение подбоев и размеры могил. На памятнике открыты одноподбойные и двухподбойные могилы (рис. 18). Размеры и особенно глубина входных ям, так же как и размеры самих подбоев, имеют некоторые отличия в разных зонах памятника (приложение 1).

Преобладают подбои, вырытые в северо-восточной стенке входной ямы, подобных случаев зафиксировано 226, что составляет 74% от общего числа подбойных могил (рис. 19: 1-3). В юго-западной стенке подбои сооружены в 19 случаях (около 6%) (рис. 19: 4, 5). Подбои в обеих длинных стенках выявлены в 60 могилах (около 20%) (рис. 20). Могилы с двумя подбоями распространены равномерно по всему некрополю. Подбои в юго-западной стенке характерны для ранней (северо-западной) части памятника либо для поздней (юго-восточной) части, в центральной части их нет.

На раннем и развитом этапах существования могильника входные ямы прямоугольные и узкие, длиной в большинстве случаев до 2,2–2,4 м, шириной 0,4–0,5 м. В единичных случаях отмечены более крупные входные ямы длиной до 2,6 и шириной до 0,7 м. Глубина входных ям от современной поверхности составляет в большинстве случаев 0,7–1,2 м. Для поздних погребений могильника характерно значительное увеличение глубины входных ям; наибольшая зафиксирована на крайнем юго-западе у погребений 51 и 52, где она достигает 3–3,2 м от дневной поверхности. В этой зоне некрополя

¹ Здесь и далее нами будет использовано выражение «одноподбойные и двухподбойные могилы», так как именно эти термины являются наиболее устоявшимися для обозначения одно- и двухкамерных погребальных сооружений Юго-Западного Крыма.

присутствуют погребения, которые относятся к финальной стадии могильника и могут быть датированы началом V в.

Подбойные ниши – четырехугольные в плане с закругленными углами – чаще всего равны по размеру или несколько превосходят входные ямы. Длина варьируется в пределах 2–2,5 м, ширина 0,5–0,8 м. Высота подбойной ниши в большинстве комплексов варьирует от 0,5 до 1,3 м.

Размеры входных ям и подбоев детских погребений практически всегда имеют меньший размер, длина составляет 1,2–1,6 м (рис. 21: 1, 2). В отдельных случаях (могила 99) подбой соответствует взрослому индивиду. В могилах с кремационными захоронениями длина входных ям и подбоев варьирует от 0,8 до 1,4–1,6 м (рис. 21: 3, 4; приложение 1).

Дно подбоя находится на уровне дна входной ямы или ниже на 0,15–0,4 м, подобная особенность зафиксирована в 179 случаях (рис. 21: 5, 6). В не менее чем 95 случаях при углублении подбоя ниже дна входной ямы, в стенке, противоположной подбою, оставлялась ступенька шириной 0,2–0,3 м и высотой от 0,15 до 0,45 м (рис. 21: 7, 8).

В 5 двухподбойных могилах один из подбоев был выше дна входной ямы. В юго-западном подбое могилы 174 было подзахоронение ребенка, совершенное скорее всего позднее, разница уровней дна подбоев составляет 1 м (рис. 22: 1). В могиле 159 северо-восточный подбой располагался на 0,65 м выше, чем юго-западный. В северо-восточном подбое могилы 243 зафиксирована кремация, юго-западный подбой с ингумацией был ниже на 0,4 м (рис. 22: 2).

Для некоторых комплексов характерно наличие особых конструктивных элементов в подбое. К примеру, в могилах 61, 148, 180 в дальней стенке подбоя были сделаны ступеньки высотой до 0,2 м (рис. 22: 3, 4).

Перекрытие подбоя. На Фронтонном 3 выявлены два основных типа перекрытия подбоя: без использования каменного заклада и с применением заклада (рис. 23). Погребений, относящихся к первому типу, на памятнике открыто 38 (10,5%) (рис. 22, 5-6, 8,9; 24, 2). Отсутствие заклада можно

объяснить двумя вариантами: либо он изначально преднамеренно несооружался, либо в подобных случаях использовался деревянный заклад, который в силу особенностей почвы не сохранился. В одном случае между входной ямой и подбоем был сделан материковый выступ (рис. 25, 1).

В погребениях, где присутствовал каменный заклад, можно выделить пять вариантов его размещения (рис. 23). Первый – заклад в виде одного, часто неполного, ряда камней. Всего подобная практика зафиксирована не менее 17 раз (4,7%) (рис. 22, 7; 24, 1). При таком расположении зачастую камни уложены плашмя, размещаются как по всей длине подбоя, так и в отдельных его зонах. Возможно, при совершении погребения подобные камни могли служить своеобразной подпоркой для деревянного перекрытия. Вторым вариантом (43 случая – 11,8%) представлен плитам различного размера, установленными на ребро, зачастую с наклоном к подбою (рис. 19, 1; 25, 2,3; 26). Пространство между плитами в большинстве случаев аккуратно закладывалось мелким камнем, в отдельных случаях плиты удерживались вторым рядом грубых камней. Третий – наиболее многочисленный вариант перекрытия (129 случаев – 35,5%) представлен размещением вертикальных плит на одном или нескольких уровнях горизонтальных камней (рис. 19, 4,5; 20, 4; 21, 7; 25, 4–6; 27), в отдельных случаях встречается комбинация скопления камней с расположенным со стороны подбоя одним рядом вертикально установленных плоских камней. Четвертый вариант представлен бессистемным скоплением камней различного размера и формы (94 случая – 25,9%) (рис. 21, 2, 4, 6; 25, 9,10; 29). В отдельный, пятый, вариант выделена система организации заклада, когда крупные, зачастую плоские камни укладывались изначально горизонтально, подобно регулярной кладке (42 случая – 11,6%) (рис. 21, 8; 22, 2; 25, 7,8; 28). Четвертый и пятый варианты часто очень схожи по расположению камней и, вероятнее всего, являются различными способами одной традиции перекрытия подбоя.

Различные типы и варианты перекрытия подбоя распространены на памятнике неравномерно. Для ранней части могильника, датированной

концом I – началом II в., характерно разнообразие, преобладает расположение вертикально установленных крупных плит непосредственно на дно входной ямы (тип 2, вариант 2). Незначительно представлены перекрытия подбоев из плит, установленных на горизонтально уложенные камни (тип 2, вариант 3). Для этой же части характерно большинство погребений без каменного заклада (тип 1), а также локальное сосредоточение комплексов с рядом камней по дну (тип 2, вариант 1).

С середины – второй половины II в ситуация меняется. Значительно увеличивается количество могил, в которых каменные плиты расположены не только на земле, но и на горизонтально уложенных рядах из камня. Чаще всего таких рядов зафиксировано два, но встречаются заклады, в которых насчитывается по 3, 4 или даже 5 рядов, расположенных под вертикально установленными камнями (тип 2, вариант 3). С этого же времени активно начинает применяться практика положения камней горизонтально в своеобразную кладку или бессистемное их расположение (тип 2, варианты 4, 5). Судя по планиграфии распространения погребений с каменными закладами, различные практики перекрытия подбоев используются населением параллельно. К 1-й половине III в. перестают совершаться погребения без каменного заклада (тип 1). Для середины III в., в центральной части могильника выделяется компактная группа погребений, в которых заклад перекрыт хаотично набросанными камнями или камни уложены горизонтально (тип 2, варианты 4, 5). В то же время в центральной части и на юго-западе локально выявлены неглубокие, зачастую безынвентарные погребения с одним рядом камней. Погребения с перекрытием подбоя в виде горизонтально уложенных камней или хаотичного наброса совершаются до середины IV в. Среди поздних комплексов могильника, расположенных на крайнем юго-западе, распространена только практика использования вертикально установленных плит на земле или на горизонтально уложенных камнях (тип 2, варианты 2, 3). Другие формы заклада не встречаются.

Забутка входной ямы камнем нехарактерна для погребальных комплексов могильника, подобные случаи единичны. Чаще в верхних слоях заполнения присутствуют один или несколько крупных камней.

2.2.2. Грунтовые склепы

На могильнике открыто 12 грунтовых склепов, что составляет 6,3% от всего числа погребений (рис. 9).

Все подобные сооружения располагаются в южной части памятника и соотносятся со вторым хронологическим периодом (конец III – начало V в.). Склепы расположены на участке могильника, где погребальные конструкции имеют более разреженное расположение, здесь не зафиксировано ни одного случая перекрытия грунтового склепа другими могилами. Не выявлены случаи, когда входная яма склепа являлась расширением ранее выкопанной входной ямы подбойного погребения.

Во всех склепах погребальная камера является продолжением длинной оси входной ямы. Все погребальные сооружения ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, с расположением входной ямы с юго-восточной от погребальной камеры стороны (рис. 30). У склепов 86 и 89 продольная ось смещена относительно других и тяготеет больше к направлению запад – восток. У всех сооружений, за исключением 86, свод погребальной камеры рухнул, и на уровне обнаружения фиксировались темные гумусированные округлые пятна разных размеров, входная яма фиксировалась по пятну светло-желтого суглинка (рис. 31).

Заполнение погребальных камер представлено темно-коричневым суглинком (рухнувший свод) (рис. 32, 1). В склепах 41, 136, 172 в заполнении были зафиксированы камни с прослойками угля. Нахождение камней и угля в заполнении камеры можно объяснить, тем, что свод обрушился еще в древности и на его месте были проведены ритуальные действия.

Наиболее значительное скопление камня в заполнении погребальной камеры фиксируется в склепе 41. В нем свод камеры (предположительно,

высотой около 1,5 м), вероятнее всего, рухнул еще в древности, заполнение завалено камнем вперемешку с темно-коричневым суглинком. Верхний уровень завала представлен мощным каменным навалом размером 2х2,8 м. После его снятия в центральной части на высоте 2,45 м от уровня пола зафиксировано компактное скопление мелких фрагментов костей животных (три фрагментированные нижние челюсти с зубами от трех особей КРС), расположенных внутри овального угольного пятна (кострища?) (0,2х0,4 м), а также несколько фрагментов обугленного дерева к западу от него. Ниже фиксировалось другое скопление крупных камней, занимавшее всю площадь ямы (рис. 32: 2; 33).

Погребальные камеры у всех склепов четырехугольные в плане, размеры варьируют от 2,2х2,3 до 2,7х3 м (рис. 33; 34; приложение 1). Глубина от современной поверхности у большинства составляет 4–4,5 м. Дно погребальной камеры во всех случаях ниже дна входной ямы на 0,5–0,95 м (рис. 36: 2). Начало свода от уровня дна фиксируется на высоте от 1,5 до 1,95 м (рис. 36: 1).

Входные ямы имеют длину от 2,1 до 5,2 м (рис. 30, 31). Ширина их со стороны погребальной камеры на уровне обнаружения фиксируется в пределах 0,5–1,1 м, ко дну практически у всех увеличивается до 1,35 м. В склепе 155, напротив, уменьшается на 0,1 м. В большинстве случаев входные ямы расширяются к погребальной камере, за исключением склепов 16 и 41, здесь они имеют одинаковый размер по всей длине – 1 м (в склепе 16 в центральной части имеется сужение) (рис. 37). В тех случаях, где входная яма у задней стенки имеет более узкую часть, ширина ее составляет от 0,32 до 0,5 м по верху, с небольшим расширением книзу, которое варьирует в пределах 0,4–0,65 м.

В 11 склепах в юго-восточных частях входных ям присутствуют ступеньки, количество которых варьируется от 5 до 8, обычно они имеют сильно развернутый угол, длина не превышает 0,3 м, высота варьирует от 0,3 до 0,5 м (рис. 38). В склепе 175 входная яма, по сравнению с другими

подобными сооружениями, была небольшой длины, ступеньки в юго-восточной части сделаны в виде неглубоких вырубов-ниш, рассчитанных на постановку стопы.

Во всех склепах погребальные камеры и входные ямы были соединены небольшим коридорчиком – дромосом. Его длина в 11 случаях составляла 0,3–0,7 м. Высота и ширина по дну колеблется в пределах от 0,5 до 1 м (рис. 39). В самом крупном по размерам склепе 178 зафиксированная длина дромоса составляет 1,1 м.

Во всех случаях дромосы имели заклад из вертикально установленных уплощенных камней (рис. 40). Высота их составляет 0,8–0,9 м, ширина от 0,5 до 1 м. В некоторых склепах плиты были обрамлены мелким камнем (16, 86). В склепе 41 справа и слева от плиты располагалось по небольшому камню.

В 6 случаях камни были расположены наклонно, все эти склепы в той или иной степени оказались ограблены в древности. В северо-западной стороне входной ямы склепа 172 хорошо видно пятно грабительского лаза, который разрушил первоначальные ее стенки, расширив до 1,2 м.

Для перехода между дромосом и камерой в большинстве случаев использовались грунтовые ступеньки в количестве одной или двух (рис. 41, 1). В склепе 16 ступеньки заменены пологим понижением (рис. 38: 1). В склепах 136, 154 переход был оформлен без ступеньки (рис. 41, 2).

У некоторых склепов имелись особенности в конструкции. В склепе 16 в северо-западной стенке погребальной камеры выявлены три ниши: центральная – на высоте 0,85 м от пола камеры (0,35х0,42 м, глубиной до 0,15 м) имела прямые стенки и треугольную вершину; в 0,82 м к югу от нее на высоте 0,8 м находилась южная ниша (0,3х0,27 м, глубиной до 0,12 м), вероятнее всего, имела форму, как у центральной, но была частично разрушена; в 0,62 м к северу от центральной ниши на высоте 0,85 м располагалась северная (0,2/0,35х0,27 м, глубиной до 0,23 м) имела подтреугольную форму (рис. 42, 1).

В склепе 136 в противоположной от входа стенке погребальной камеры зафиксирована грунтовая ступенька шириной до 0,2 м, расположенная на высоте 0,7–0,8 м от дна камеры (рис. 42, 2).

В двухкамерном склепе 154 в юго-западной стенке входной ямы было совершено погребение в подбое, перекрытое, вероятнее всего, деревянными плахами, следы которых сохранились во входной яме. Ниша была вырублена в материковом грунте на высоте 1,35 м от дна и имела ширину 0,7 м (рис. 43, 1). Подобная ниша, но без остатков погребенного, была обнаружена в северо-восточной стенке двухкамерного склепа 178. Она располагалась на высоте 0,45 м от дна, ее ширина составляла 0,8 м, длина 2,6 м, высота до 1 м (рис. 43, 2). В том же склепе 178 в центральной части погребальной камеры прослеживалось понижение аморфной формы глубиной до 0,15 м.

2.2.3. Простые грунтовые ямы

Грунтовые ямы представлены 6 погребениями и могут быть разделены на две группы – погребения людей и погребения животных².

Погребения людей в грунтовых ямах открыты в могилах 6, 44, 140. Все они имели вытянутую четырехугольную форму с заплечиками у длинных стенок. Ориентированы по линии юго-восток-восток – северо-запад-запад (рис. 44, 2-4). Длина 2,4–2,6 м, ширина 0,55–0,65 м. На высоте около 0,4–0,7 м от дна могилы располагались заплечики шириной до 0,3 м (приложение 1). В двух случаях заплечики служили опорой для перекрытия погребений каменными плитами, в одном, вероятно, деревянными плахами, которые не сохранились. Могила 6 оказалась ограбленной, плиты перекрытия в нем были завалены, на дне обнаружены смещенные останки двух индивидов.

Погребения животных открыты в могилах 18, 197, 222. В могиле 18, представляющей собой прямоугольную яму размерами 2,7х0,67 м и глубиной 0,8 м, было совершено погребение лошади, лежащей на левом боку с

² Помимо грунтовых погребений римского времени на могильнике выявлены 4 грунтовые могилы эпохи бронзы (как пример, рис. 44, 1), которые не рассматриваются в рамках диссертационной работы.

подогнутыми ногами. Погребение безынвентарное (рис. 44, 5). В двух случаях зафиксированы останки собак, лежавших в неглубоких ямах размерами 0,3x0,8 м и 0,35x0,85 м, глубиной около 0,05 м (рис. 44, 8, 9). Могилы собак находились на небольшом расстоянии друг от друга, в центральной части некрополя.

2.2.4. Другие типы сооружений

Погребение в амфоре (рис. 44, 7). Обломки остродонной светлоглиняной амфоры были зафиксированы на участке, где грунт был частично срезан строительной техникой. Внутри амфоры обнаружены мелкие фрагменты кальцинированных костей человека.

Три объекта отнесены к погребениям условно: № 34, вероятно, разрушенное детское погребение; № 204 разрушенное погребение в амфоре; № 129, вероятно, кенотаф (рис. 44: 10, 11, 6).

Погребение 34 имело размеры 0,55x0,35 м, глубина от уровня фиксации – 0,08 м. Яма овальной в плане формы с наклонными стенками, ориентирована по линии СЗ – ЮВ. На дне в северной и южной частях расчищены два небольших скопления костей, располагавшихся на органическом тлене. Вероятнее всего, является разрушенным детским погребением (рис. 44, 10).

Погребение 129 имело размеры 2,57x1,3 м, глубину от уровня фиксации – 1,24 м и была ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, с небольшим отклонением. С глубины 0,7 м стенки ямы резко расширяются к дну. Кости и инвентарь не обнаружены (рис. 44, 6).

Погребение 204 четырехугольной формы, размерами 0,54x0,43 м и глубиной от уровня фиксации 0,06 м, ориентировано по линии СЗ – ЮВ. В заполнении зафиксирована ручка красноглиняной амфоры. Других находок не обнаружено. Предположительно, яма являлась остатками основания разрушенного погребения в амфоре (рис. 44, 11).

2.3. Погребальные традиции

Костные человеческие останки были выявлены в 340 погребениях. Антропологические исследования проводились в лаборатории контекстуальной археологии Института археологии РАН М.В. Добровольской, Н.Г. Свиркиной, М.А. Самородовой (см. приложение к отчету: Языков, 2024). Сохранность костяков относится к категории «средняя» (по: Мамонова и др., 1989). В целом сохранность костной ткани скелетов удовлетворительная: в подавляющем числе случаев кортикальный слой значительно нарушен. В результате исследования антропологического материала было установлено минимальное количество индивидов (около 420) и проведена половозрастная идентификация; использован доступный спектр антропологических методик с поправкой на плохую сохранность костной ткани. Рассмотрены патологические проявления и индивидуальные особенности. Из предоставленных для исследования антропологических материалов была сформирована коллекция, в которую вошли все кости, пригодные для дальнейших научных изысканий (в том числе и кремации). На данный момент коллекция находится на научно-исследовательском хранении Института археологии РАН.

2.3.1. Погребения, выполненные по обряду кремации

В ходе исследований на могильнике Фронтное 3 была обнаружена серия из 13 кремационных погребений (рис. 45; приложение 2). Все, за исключением кремации в амфоре (могила 4), совершены в подбойных могилах. Подбойные комплексы с кремацией вписаны в общую планиграфию кладбища.

Кремационные погребения в подбойных могилах на некрополе имеют некоторую вариативность.

Для ранней зоны могильника, которую можно соотнести с концом I – II в., наблюдаются различные способы размещения кремированных останков в могиле. Погребение 4 было выполнено в светлоглиняной амфоре (рис. 44, 7). В двух случаях кальцинированные кости располагались поверх

ингумированного погребения: в могиле 281 – поверх берцовых костей (рис. 46, 3; 47, 2), а в могиле 184 – на груди (рис. 46, 1; 47, 1). В могиле 112 кремация обнаружена среди камней заклада (рис. 46, 2). В одном случае (могила 243) кремированное погребение располагалось в одном из подбоев двухподбойной могилы (рис. 46, 7; 48, 1). В могиле 295 кремация находилась в отдельном подбое (рис. 46, 4).

Для погребений конца II – середины III в., расположенных на ЮВ краю ранней зоны, особенно на стыке ранней и поздней зон могильника, вариативность расположения кремированных останков практически исчезает. Превалирующим способом погребения становится расположение погребенных в отдельном подбое, который находился с северо-восточной стороны (рис. 46, 5, 6, 8, 9, 11; 48, 2; 49; 50, 1). В одном случае сохранилась традиция биритуального обряда – в подбойной могиле вместе с ингумацией ребенка располагались кремированные кости взрослого индивида (рис. 46, 10; 50, 2).

По способу размещения останков погребенных кремационные захоронения на могильнике Фронтное 3 не имеют аналогий в Крыму. Кремированные кости в большинстве случаев насыпаны в виде вытянутого скопления на дне подбоя, урна не использовалась. Размеры скоплений варьируются в пределах от 0,4x0,2 м до 0,8x0,3 м. Вероятно, кремированные останки были помещены в какую-либо тканевую емкость, следы которой не сохранились.

Скопление кремированных костей всегда вытянуто по линии, совпадающей с ориентировкой погребенных в подбойных могилах. Помимо этого, в той же части могилы, что и у ингумационных погребений, в некоторых случаях располагались заупокойная пища и керамическая посуда. Помимо этого, в нескольких случаях среди кальцинированных костей фиксировались фрагменты черепа, уложенные в восточной части кремированного погребения, совпадая, с расположением головы погребенного в захоронениях с ингумацией

Таким образом, можно утверждать, что для кремационных и ингумационных захоронений погребальный обряд имеет общие черты.

2.3.2. Погребения, выполненные по обряду ингумации

Данный вид захоронения доминирует на памятнике. Подобный тип погребения встречен в 312 могилах, общее количество погребенных по обряду ингумации составляет не менее 410 индивидов (приложение 2).

Индивидуальные и коллективные (одноактные и многоактные) погребения. Наличие в погребальных сооружениях двух или нескольких индивидов поднимает вопрос об одновременности их захоронения, одноактных или многоактных ритуальных действиях.

Коллективные погребения характерны для всех трех основных типов захоронений – грунтовых ям с заплечиками, подбойных могил и грунтовых склепов. Рассмотрим каждое из них в отдельности.

В грунтовой могиле с заплечиками 6 на дне были обнаружены два мужских погребения. В юго-восточной части ямы расчищены два черепа, кости туловища обоих погребенных смещены, анатомического порядка не прослежен. Длинные кости ног уложены друг на друга.

Плиты перекрытия были смещены и разрушены, в заполнении могилы на разной глубине обнаружены предметы сопроводительного инвентаря. Вероятнее всего, первое погребение было частично разрушено вторым захоронением, впоследствии могила подверглась ограблению.

Наибольшее количество многоактных погребений дают подбойные могилы. Здесь можно выделить несколько вариантов размещения покойных: а) в различных подбоях одной могилы; б) в одном изначально сооружавшемся крупном подбое, где погребенные расположены параллельно; в) более позднее погребение совершено поверх более раннего, преднамеренно сдвинутого; г) в одном небольшом по размерам подбое совершено два погребения имеющих

анатомически правильный порядок костей; д) совместное захоронение взрослых индивидов и детей в одном подбое³.

Двухподбойных могил зафиксировано на могильнике 60 комплексов, что составляет около 20% от общего числа подбойных захоронений. Разновременность сооружений разных подбоев в одной комплексе возможно зафиксировать только в отдельных случаях. В могиле 287, судя по инвентарю, захоронение в юго-западном подбое было совершено позже, чем в северо-восточном. В нескольких могилах отмечено расположение подбоев на разной высоте, что косвенно может свидетельствовать о совершении их в разное время. Подобная практика отмечена в могилах 9, 159, 174, 183, 243, 244. В могиле 243 в одном подбое находилась кремация, в другом – ингумация (рис. 46, 7).

Сооружение изначально большого подбоя под два захоронения известно в трех случаях, подобная практика обнаружена в северо-восточном подбое могилы 23 (рис. 51, 1), южном подбое могилы 297 (рис. 53, 3), в могиле 317 (рис. 53, 4).

В отдельных случаях частично разрушенные костяки более ранних погребенных обнаружены среди костей или под ними более поздних погребенных, подобная практика зафиксирована в могилах 91, 209 (рис. 51, 3; 53, 2; 55, 1). В могиле 328 более раннее захоронение сдвинуто к одной из торцевых стенок подбоя. В нескольких погребениях совершены кремационные и ингумационные захоронения вместе. В могиле 184 кремированные останки располагались на груди погребенного, а в могиле 281 поверх ног. В ряде комплексов в один стандартный по размеру подбой помещены два и больше погребенных. В погребении 205 в небольшом по размеру подбое расположены два индивида. Мужской костяк лежал на правом боку со слегка согнутыми в коленях ногами, женский костяк покоился

³ Расположение детских погребений в одной могиле со взрослыми будет рассмотрено ниже.

вытянуто на правом боку и был буквально втиснут в пространство между первым погребенным и каменным закладом (рис. 53, 1; 54, 1).

Интересное положение костяков зафиксировано в погребении 106: первый индивид находился вытянуто на спине, головой на ЮВВ, в сопровождении погребального инвентаря, второй лежал параллельно первому вытянуто на животе, руки находились под верхней частью туловища. Сохранность первого костяка очень плохая, большинство костей истлело, тогда как сохранность второго костяка значительно лучше. Судя по отличию в сохранности костей, положению погребенного и отсутствию инвентаря, второй погребенный либо помещен в могилу значительно позже первого, либо, как предположение, может являться грабителем (?) (рис. 51, 4; 52, 2). В северо-восточном подбое могилы 45 были попарно расположены смещенные кости четырех индивидов (рис. 51, 2; 52, 1), тогда как в юго-западном подбое находилось захоронение одного погребенного.

В погребении 297 подбой первоначально делался большим, под парное захоронение, на дне было совершено погребение двух мужчин вытянуто на спине головами на ЮВВ (рис. 53, 3; 54, 2). Особо следует отметить погребение 317, где женский костяк был расположен на мужском несколько изогнуто, чтобы голова верхнего погребенного не перекрывала голову нижнего. Правая рука верхнего костяка немного отведена от тела и уложена на правую руку нижнего погребенного, как бы приобнимая его (рис. 53, 4; 55, 2).

Погребальные камеры грунтовых склепов изначально не были рассчитаны на большое количество усопших. В большинстве склепов, где удалось зафиксировать скелеты погребенных, были совершены коллективные захоронения в один ярус. В склепе 16 один индивид располагался вдоль юго-западной стенки камеры, еще два костяка были сдвинуты и находились в северо-восточной части камеры (рис. 56). В склепе 41 костяк 2 был уложен поверх ног костяка 1 (рис. 57). Склеп 86 был заполнен не полностью, в погребальной камере расчищены два костяка у дальней от входа стенки (рис. 58). Склеп 89 содержал костяки трех индивидов (рис. 59). В склепах 136 и 154

насчитывалось пять погребенных (рис. 60, 61). В частично разграбленном склепе 155 сохранились *in situ* скелеты одного взрослого и одного ребенка, помимо этого присутствовали останки еще, по меньшей мере, одного взрослого. В разграбленных склепах 142 и 172 удалось зафиксировать по три индивида. Кости лежали разрозненно в камере. В склепе 175 присутствуют разрушенные скелеты трех человек. В склепах 176 и 178 удалось зафиксировать кости только одного погребенного. В склепе 154 было сделано подбойное погребение во входной яме, которое совершили, вероятнее всего, после заполнения основной камеры. Подобная ниша открыта также в склепе 178, но она оказалась пустой.

Внутреннее устройство могил и положение тел погребенных. При помещении тела усопшего применялись две традиции его размещения в могиле. В первом случае укладывали без дополнительных приспособлений непосредственно на дно подбоя или дно погребальной камеры, иногда использовали подстилку из органических материалов. Во втором случае тела усопших захоранивали в деревянных колодах или гробах.

Подстилки под погребенными в большинстве случаев, скорее всего, являлись остатками органических материалов (тканевых или растительных). В погребении, расположенном в склепе 16, подстилка содержала остатки сгоревшего дерева (посыпка углем дна камеры) (рис. 56). Похожая ситуация была обнаружена в северо-восточной части погребальной камеры склепа 41 (рис. 57, 1). Но в этом случае на подготовленной подстилке костей человека не обнаружено.

Остатки деревянных конструкций встречены в 163 погребениях на всей площади могильника и характерны для всех хронологических периодов и всех типов погребальных сооружений (рис. 62). Сохранность данных конструкций различна. Чаще всего остатки колоды или гроба сохранились в виде полосы древесного тлена, расположенного поперек подбоя за головой погребенного. Подобных случаев выявлено 84 (рис. 63, 1, 2; 64). В 21 комплексе полоса тлена выявлена поперек погребенного в ногах (рис. 65, 1). В 37 погребениях остатки

дерева фиксировались и около головы, и в ногах (рис. 63, 3; 65, 2, 3). Наиболее хорошо остатки деревянных сооружений сохранились в 37 погребениях, в них тлен прослеживается не только в ногах и возле головы, но и вдоль туловища (рис. 63, 4, 5, 7; 66, 1). В этих погребениях удалось определить размеры деревянных конструкций: они варьируются в пределах 0,35–0,55x1,65–2,05 м. В двух могилах частично сохранилась крышка гробовища, перекрывающая костяк (125, 127) (рис. 63, 6; 66, 2).

Для 334 погребенных удалось определить положение тела. Подавляющее большинство расположено вытянуто на спине – подобных случаев зафиксировано 303. Помимо этого, выявлены случаи, когда погребенные лежали в слегка скорченном положении на правом (около 25 случаев) (рис. 67) или левом (2 случая) боку. В могиле 106 один погребенный лежал вытянуто на животе.

Использование камней в могилах. В отдельных захоронениях рядом с усопшими были обнаружены небольшие камни, которые могли быть использованы либо для устойчивости деревянных колод и гробов, либо для предотвращения завала тела погребенного.

В подбойных могилах в большинстве случаев камни расположены со стороны подбоя. Исключение составляет погребение 121, где они лежали со стороны дальней стенки.

Чаще всего камни были обнаружены в районе плеч, рук, ног (рис. 68, 1, 3). Вариацией является расположение камней только справа (4 случая) или слева (2 случая) от черепа и ноги (рис. 68, 2). Встречены варианты размещения одного камня справа (4 случая) или слева (1 случай) от руки; справа (3 случая) или слева (4 случая) от черепа; справа от таза (3 случая), в единичных случаях камни обнаружены под левой стороной таза, за головой, между колен.

В склепе 41 камни находились с четырех сторон от погребенного: два под плечами, два в ногах. Вероятнее всего, деревянная конструкция, тлен от которой сохранился в районе ног, располагалась на них (рис. 57). В грунтовой могиле 140 два камня лежали слева и справа за головой, между ними

сохранился фрагмент тлена, возможно, что верхняя часть деревянного сооружения была поставлена на камни (рис. 64, 2).

Положение тел погребенных (приложение 4). Голова погребенных чаще всего лежала на затылке (136 случаев) либо заваливалась на левую (40 случаев) или правую (11 случаев) сторону.

Руки захороненных расположены в большинстве случаев вытянуто вдоль тела (рис. 69, 2,3). Кисти рук находились как вдоль тела, так и на тазе погребенного, подобная ситуация характерна и для каждой из рук в отдельности, и для обоих вместе (рис. 69, 1; 70, 2-4). У части погребенных руки согнуты, при таком расположении кисти находились на животе или тазовых костях (рис. 72, 1,2).

У восьми погребенных левая рука согнута в локте, при этом кисть может располагаться на правой стороне таза, быть прижата к локтевой кости правой руки либо перекрывать правую кисть. У трех погребенных правая рука согнута в локте и лежит на левой половине таза.

В численном выражении варианты расположения рук у погребенных выглядят следующим образом.

Правая рука вытянута вдоль туловища – 254 случая (рис. 71, 1). По расположению кисти можно отметить три варианта: правая рука и кисть вытянуты вдоль туловища – 104 случая (40,9%) (рис. 71, 1А); правая рука вытянута вдоль туловища, кисть расположена на тазе – 89 случаев (35%) (рис. 71, 1Б); правая рука вытянута вдоль туловища, положение кисти не установлено – 61 случай (24%) (рис. 71, 1В).

Левая рука вытянута вдоль туловища – 215 случаев (рис. 71, 2), по расположению кисти здесь также выделяются варианты: левая рука и кисть вытянуты вдоль туловища – 76 случаев (35%) (рис. 71, 2В); левая рука вытянута вдоль туловища, кисть расположена на тазе – 99 случаев (46%) (рис. 71, 2Б); левая рука вытянута вдоль туловища, положение кисти не установлено – 39 случаев (18,1%) (рис. 71, 2А).

Известны также и другие варианты расположения рук и кистей:

- обе руки и обе кисти вытянуты вдоль туловища – 43 случая (рис. 71, 3);
- обе руки вытянуты вдоль туловища, правая кисть на тазе – 14 случаев (рис. 71, 4А);
- обе руки вытянуты вдоль туловища, левая кисть на тазе – 26 случаев (рис. 71, 4Б);
- обе руки вытянуты вдоль туловища, обе кисти на тазе – 45 случаев (рис. 71, 4В);
- правая рука согнута в локте, кисть на тазе – 16 случаев (рис. 71, 5А);
- левая рука согнута в локте, кисть на тазе – 58 случаев (рис. 71, 5Б);
- обе руки согнуты в локте кисти на тазе – 11 случаев (рис. 71, 5В);
- руки прямые или согнутые, обе кисти на тазе – 83 случая (рис. 71, 5Г).

Расположение ног погребенных установлено примерно в 345 погребениях.

В большинстве случаев ноги вытянуты и сведены вместе, всего подобная ситуация прослежена в 238 случаях (около 70%) (рис. 70, 1, 3). Разомкнутые прямые кости ног отмечены в 65 погребениях (около 19%) (рис. 69, 2). В 19 погребениях ноги слегка согнуты в коленях (около 5,5%) (рис. 72, 1). Единично выявлены случаи разведения ног в разные стороны либо с откинутой одной ногой, притом, что вторая выпрямлена.

У 19 погребенных отмечено скрещивание ног в районе берцовых костей (около 5,5%) (рис. 73, 2,3). Эта особенность, за исключением одного случая, зафиксирована только среди погребений первого хронологического периода (конец I – начало III в.) (рис. 74). В 14 случаях правая нога расположена на левой, в 5 случаях наоборот. Для некоторых погребенных характерно наложение стоп ног друг на друга (рис. 73, 4). В 6 случаях правая стопа находилась на левой, в 1 случае наоборот.

Ориентировка погребенных. В подбойных и грунтовых могилах ориентировка захороненных определена у 350 костяков (рис. 75). Значительно преобладает ориентировка на ВЮВ (256 случаев). Нередким является

направление на юго-восток (63 случая) и восток (29 случаев). По одному случаю зафиксированы ВСВ и ЗСЗ ориентировки⁴.

В склепах ориентировку удалось установить у 23 погребенных (рис. 75). В склепах 16 и 41, которые расположены ближе к центру могильника, костяки лежали вдоль длинной оси сооружений, головой на ЮВ (16) и ВЮВ (41). В остальных склепах, где удалось зафиксировать останки захороненных *in situ*, все погребенные были уложены перпендикулярно длинной оси входной ямы. В 9 случаях погребенные головами были ориентированы в южный сектор (ЮЮЗ – 6, на юг – 3), в 12 случаях в северный сектор (север – 2, на ССВ – 1, на СВ – 9). В пределах одной погребальной камеры костяки могли быть ориентированы головой в противоположные направления. К примеру, в склепе 89 костяк 1, находившийся у дальней от входа в камеру стенки, ориентирован головой на юг, а костяки 2 и 3 – на север (рис. 59). В склепе 136 наблюдается обратная ситуация: один костяк, расположенный у входа в погребальную камеру, ориентирован головой на СВ, остальные 4 костяка – головой на ЮЗ.

Пол и возраст погребенных. Всего на могильнике выявлено около 420 погребений, содержащих человеческие останки. Пол удалось определить у 344 индивидов. Преобладают мужские захоронения, всего подобных выявлено 164 случая (47,4%), женские погребения представлены 128 комплексами (37%), детские костяки составляют 38 случаев (11%), часть отнесена к подросткам – 16 случаев (4,6%) (приложение 2).

Для различных периодов развития могильника наблюдаются некоторые отличия. В первый период (конец I – начало III в.) соотношение мужских и женских погребений в процентном выражении составляет 57/43% (рис. 76), Средний возраст смерти составляет 37,2 года: у мужчин 39,1 года, у женщин 34,8 года (рис. 77). Процент мужчин старше 50 лет составляет 9,6%.

Во втором периоде (середина III – начало V в.) показатели ниже: процент детских захоронений – 10,1%; средний возраст смерти – 35,6 года (у мужчин

⁴ Проведенный расширенный анализ уточнил данные, опубликованные ранее (Свиридов, Языков, 2019), но преобладающее направление осталось тем же.

38,1 года, у женщин 31,7 года) (рис. 77); индивиды старше 50 лет – 6,5% (у мужчин 11%, у женщин 5,2%). Соотношение мужских и женских погребений в процентном выражении составляет 58,2/41,8% (рис. 76).

Антропологические материалы могильника демонстрируют изменчивость основных палеодемографических параметров выборок, которые выражаются в снижении процента смертности детей, среднего возраста смерти и процента погребенных старше 50 лет. Другая особенность – преобладание мужчин среди половозрелых индивидов, в частности, в склепах, которые появляются на могильнике во второй период (середина III – начало V в).

Важную информацию дает изучение детских и подростковых погребений. Антропологические определения позволили выделить 54 детских и подростковых костяка. Помимо этого, к детским погребениям может быть отнесена еще группа из не менее чем 9 комплексов (могилы 13, 19, 78, 99, 268 и др.), в которых кости погребенных истлели, но, судя по набору инвентаря и размеру сооружения, могут быть отнесены к детским погребениям. Таким образом, общее количество детских и подростковых погребений составляет не менее 63 (рис. 78).

В комплексах, где определен возраст, большинство погребенных относятся к возрастной группе от 1 года до 8–9 лет; их зафиксирован 41 случай. К возрастной группе от 12 до 18 лет относятся 7 захоронений.

Практически все они совершены в подбойных могилах, три погребения происходят из склепов.

В грунтовом склепе 54 на дне камеры среди захоронений взрослых индивидов зафиксировано погребение подростка 12–19 лет; второе подростковое погребение было совершено в подбойной нише юго-западной стенки входной ямы этого же склепа. В склепе 155 захоронения были частично разрушены, в нем обнаружено плохо сохранившееся погребение ребенка 5–6 лет.

Детские погребения, совершенные в подбойных могилах, имеют некоторую вариацию, их можно разделить на несколько типов: захоронения в

отдельном подбое, захоронения совместно с взрослым индивидом, захоронения отдельно в амфоре.

К первому, самому многочисленному типу, насчитывающему 45 случаев, относятся захоронения, совершенные в отдельном подбое (рис. 78, а; 80, 1). Выявлены погребения как в одноподбойных, так и в двухподбойных могилах. В одноподбойных могилах подбой практически всегда расположен в северо-восточной стенке. Подобная практика зафиксирована 26 раз. В юго-западной стенке подбой сооружался всего в двух случаях (могилы 19 и 98). Двухподбойные могилы представлены двумя вариантами размещения усопших. Для первого характерно размещение в разных подбоях взрослых и детских костяков, при этом детские погребения в 6 случаях расположены в юго-западной стенке и один случай – в северо-восточной стенке. Второй вариант представлен только детскими захоронениями в обоих подбоях, таких могил зафиксировано 6, они содержали 12 детских погребений.

Второй тип насчитывает 10 случаев, к нему относятся комбинированные погребения детей со взрослыми в одной нише (рис. 78, б; 81). Погребения детей совершены в 4 мужских и 4 женских захоронениях, в двух случаях пол не установлен. Костяки детей располагались на костях взрослого индивида (3 случая), справа или слева от костяка взрослого (2 случая), на дне входной ямы (1 случай), среди костей взрослого индивида (4 (2) случая).

В двух могилах отмечен особый способ размещения тел детей. В двухподбойной могиле 23 в северо-восточном подбое расчищено парное захоронение, при этом один из погребенных является подростком 14–18 лет (рис. 82, 1). В могиле 78 вместе с останками детского скелета были найдены кремированные останки взрослого индивида, рассыпанные по дну подбоя в западной части (рис. 82, 2).

Во всех случаях, где удалось зафиксировать положение детей, они были ориентированы головой на ЮВ или ВЮВ и были уложены параллельно взрослому индивиду.

К третьему типу относится единичное размещение костей ребенка в амфоре среди камней заклада, расположенной во входной яме могилы 61 (рис. 78, в; 80, 2). Светлоглиняная амфора была уложена горлом вниз и перекрыта фрагментом ножки красноглиняной амфоры. Внутри находились кости младенца возрастом менее года.

2.4. Заупокойная пища и расположение погребального инвентаря

2.4.1. Видовой состав жертвенных животных и распространение их на могильнике

Видовой состав. В ходе изучения погребальных сооружений некрополя была собрана большая коллекция костей животных. Основную ее часть составляют костные остатки мясной заупокойной пищи, положенной в могилу совместно с погребенным. Отдельными группами выступают индивидуальные захоронения животных в грунтовых ямах, а также кости животных, обнаруженные в тризнах. В ряде погребальных комплексов зафиксированы также кости птиц и яичная скорлупа.

В диссертационном исследовании будут рассматриваться кости копытных животных, интерпретируемые как остатки заупокойной пищи (табл. 1). Подобные материалы были найдены в не менее чем 224 погребальных комплексах, расположенных в 196 могильных сооружениях. Под погребальным комплексом здесь подразумевается индивидуальное погребение, совершенное в отдельном подбое, грунтовой могиле или среди коллективных захоронений в грунтовом склепе.

Археозоологические исследования были произведены Е.Ю. Полянской и Е.Е. Антипиной в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН (см. приложение к отчету – Язиков, 2024). На первоначальном этапе изучения были определены анатомическая и таксономическая принадлежности обнаруженных костей, относительный возраст, а также произведена попытка выяснить размерные характеристики животных.

В силу особенностей почвы на памятнике костные останки сохранились в различной степени. Были обнаружены полностью целые кости, а также кости, у которых и эпифизы, и поверхностный слой компакты значительно разрушены. Тафономическое состояние большинства костей оценивается как относительно удовлетворительное (2–3 балла по пятибалльной шкале) (Антипина, 2016). Лучшая сохранность была отмечена у длинных трубчатых костей крупных копытных животных (рис. 83, а, б). Сохранность костей мелких копытных животных значительно хуже (рис. 83, в).

В рассматриваемой коллекции остеологических материалов, происходящих из остатков заупокойной пищи, преобладают плечевые кости крупного рогатого скота (*Bostaurus*, далее КРС), овец (*Ovisaries*, далее МРС) и лошадей *Equuscaballus* (рис. 84). Помимо костей копытных животных были определены кости птицы *Gallusgallus* (взрослые и молодые птицы).

По плечевым костям был определен возраст животных в соответствии с данными о закономерностях онтогенетического развития этого элемента скелета, а также возрастных стадий срастания его частей – эпифизов и диафиза (Воккен, 1961). В результате была получена информация по относительному возрасту животных в определенном диапазоне.

Наименование	Номера могил	Всего
Кости КРС	2, 3, 5, 9, 11, 15, 16 кость 1-3, 17, 20, 21, 22 кость 1-2, 23 кость 1-3, 25, 27 кость 1-2, 30, 33, 37, 38 кость 1-2, 41 кость 1-3, 43, 45 кость 1-2, 46, 48, 49, 50, 51 кость 1-2, 52, 53, 54 кость 1-2, 59, 62, 65 кость 1-2, 67, 70 кость 1-2, 70 кость 3, 71, 72, 73, 82, 85, 86 кость 1-2, 88, 89 кость 1, 90, 91, 92 кость 1-2, 94 кость 1-2, 95, 96 кость 1-3, 101, 105, 111, 113, 123 кость 1, 127, 133, 134, 136 кость 1-5, 137 кость 1-2, 139, 140 кость 1-2, 142 кость 1-2, 143, 145, 146, 148, 149, 151, 154 кость 1-4, 155 кость 1-3, 156 кость 1, 157, 163, 165, 166, 171, 176, 178 кость 1-2, 180, 182, 184, 193, 200, 202, 203, 205 кость 1, 209, 212 кость 1, 216, 220, 224, 227, 230, 236, 238, 239, 241, 245, 250 кость 1, 254, 260, 261, 267,	159

	272, 278, 280, 281, 287 кость 1, 289, 292, 296, 298, 299, 305, 306, 307, 315, 317, 318, 322, 323, 325 кость 1-3, 328 косяк 1, 330,	
Кости МРС	24, 32, 36, 40, 60, 63, 75, 89 кость 2, 120, 123 кость 2, 124, 130, 135, 137 кость 2, 142 кость 3-4, 144, 154 кость 5, 156 кость 2, 158, 169, 172, 173, 175, 177, 178 кость 3, 183, 185, 186, 196 кость 1-2, 205 кость 2, 208, 211, 218, 219, 226, 229, 232, 233, 237, 242, 250 кость 2, 251, 252, 262, 263, 265, 273, 275, 282, 284, 287 кость 2, 309, 327, 328 косяк 2, 329, 332	57
Кости лошади	126, 170, 191, 212 кость 2, 221, 223, 276, 294, 297 кость 1-2, 300, 301, 304 кость 1-2, 308, 312, 313, 314, 316, 319, 320, 326,	22

Табл. 1. Распространение костных останков копытных животных по могилам

Анализ костных остатков показал, что в погребальных сооружениях преобладают кости крупного рогатого скота (КРС). Они обнаружены в 119 (60,7%) могилах в количестве 159 экземпляров. Практически всегда остатки заупокойной пищи представлены плечевыми костями. При этом преобладают кости от правой стороны скелета (57,8%). На половине из них (47%) отмечены следы ожелезнений, в трех случаях обнаружены следы медных окислов. Сохранность костей не позволяет определить наличие внешнего воздействия на обнаруженные кости. Только на трех экземплярах удалось зафиксировать отметины от острого предмета (вероятнее всего, ножа?). Это следы от тонкого лезвия на плечевой кости КРС из могилы 155 (рис. 85, б), отметины от разубов на костях из могил 51 (рис. 85, в) и 146 (рис. 85, а).

Информация, которую удалось получить о возрастных характеристиках состава КРС, используемого в заупокойной пище, выглядит следующим образом: молодые особи трех возрастных градаций (от 1 года до 3 лет) составляют примерно 58%, на долю почти взрослых относятся 19%, количество вполне взрослых старше 4 лет составляет 23% (рис. 86, 1). Таким

образом, было установлено, что большинство особей, чьи кости применялись в заупокойной пище, относятся к возрастной группе 2–3 лет. В связи с этим нужно отметить, что для рассматриваемого возраста именно коровы имеют большую хозяйственную ценность, так как присутствует необходимость поддержания маточного стада. Быки при этом могут быть разделены на две условные группы. Первая, более многочисленная, из которой формируется масса для забоя, и вторая, используемая для дальнейшего воспроизводства поголовья. В связи с этим можно предположить, что именно молодые быки в большей степени использовались в качестве жертвенной пищи при проведении обрядовых действий.

Различия в размерах костей и, как следствие, в размерах, используемых в заупокойной пище КРС, удалось установить в результате проведения расчетов наибольшей длины серии из 36 плечевых костей. В расчете применялись данные по взрослым или почти взрослым особям, рост которых уже был завершен. Было установлено, что максимальные отличия по длине костей достигают 8 см (рис. 86, 2). Это может означать, что в основном в погребальной практике использовались взрослые или почти взрослые, как небольшие грацильные, так и более массивные крупные особи. Вероятнее всего, среди взрослых жертвенных животных были и коровы, и быки. При сравнении полученных промеров плечевых костей с данными из античных городов Крыма и Северного Причерноморья (Цалкин, 1960. С. 22) можно утверждать, что на могильнике Фронтное 3 использовались животные с высотой в холке от 105 до 120 см.

Вторая крупная группа заупокойной пищи представлена костями МРС. Всего кости овец были обнаружены в 57 могилах (29,1%), практически все, за исключением могилы 24 (бедренная кость) и могилы 175 (большеберцовая кость), представлены плечевыми костями. Необходимо отметить, что в силу плохой сохранности костей МРС точная таксономическая принадлежность к овце (*Ovisaries*) была определена для 48 плечевых костей. Эта выборка составляет около 79% от всех остатков костей МРС. Показатель достаточно

высокий, что позволяет с определенной долей условности отнести к указанному виду и все остальные неопределимые до вида кости МРС (Boessnecketal., 1964; Prummel, Frisch, 1986).

По причине плохой сохранности костей МРС относительный возраст жертвенных животных удалось определить только в очень широких границах. С большой уверенностью можно констатировать, что 25 плечевых костей могут быть соотнесены с особями старше 1,5 года, вероятно, почти взрослыми, но не более чем 3 лет от роду. Ко взрослым животным (старше 3 лет) с уверенностью можно отнести только шесть костей.

В силу плохой сохранности, среди костей МРС не оказалось ни одной целой кости, которую можно было бы использовать для измерения. В связи с этим сохранившиеся части плечевых костей главным образом оценивались по трем размерным группам – «крупные – средние – мелкие». В результате проведенного анализа среди жертвенных особей зафиксированы представители всех вышеотмеченных групп. Преобладает размерная группа средне-мелких животных. Можно предположить, что наиболее крупными особями могли быть самцы.

Кости лошади, используемые в заупокойной пище, были обнаружены в 22 погребальных комплексах, относящихся к 20 могилам (10,2%). Практически во всех случаях, так же как и для костей КРС и МРС, это плечевые кости. В одном случае была зафиксирована бедренная кость лошади. При анализе костей был определен возраст. Установлено, что в качестве заупокойной пищи использовались чаще всего вполне взрослые особи в возрасте старше 5 лет. Только в одном случае плечевая кость происходила от молодой лошади возрастом 2–3 года.

Линейные размеры удалось зафиксировать в 13 случаях. Результат показал незначительную разницу между крупными и мелкими костями. Учитывая, что половой диморфизм в размерах у лошадей выражен гораздо слабее, можно предположить, что различия являются результатом индивидуальных особенностей животных.

Распространение видов животных по периодам могильника. Результаты, полученные при проведении археозоологического анализа, были сопоставлены с планом могильника. Было произведено картографирование расположения различных видов костей животных на памятнике. В результате удалось определить участки могильника, для которых было характерно использование тех или иных видов животных (рис. 87).

Кости КРС выявлены на всех участках памятника и характерны для всех хронологических периодов. Кости МРС обнаружены локально, выделяются отдельные зоны их сосредоточения. Самая ранняя компактная группа погребений с заупокойной пищей в виде мяса овцы находится на крайнем северо-западе могильника. Они датируются в рамках конца I – начала II в. н.э. Позже практика использования мяса овец прерывается, фиксируются несколько линий могил, в которых встречены кости КРС и кости лошади. По выделенным И.О. Гавритухиным вариантам лучковых фибул эта зона может быть датирована до середины II в. н.э. (Гавритухин, 2022. С.29–30. Рис. 5). Вновь мясо овцы начинает использоваться в погребениях, совершенных во второй половине – конце II в. В это время они часто отмечены в восточной и южной частях раннего периода развития могильника (конец I – начало III в.) (Гавритухин и др, 2020). Для погребений середины/второй половины III – начала IV в. н.э. кости МРС нехарактерны. Вновь они появляются в погребениях, датирующихся IV в. н.э. В этот период мясо овцы, равно как и мясо КРС, используется в заупокойной пище совместно с мясом птицы и куриными яйцами.

Заупокойная пища из мяса лошади характерна только для погребений первого периода. При этом большая их часть располагалась компактной группой в зоне погребений конца I – начала II в. Во втором периоде (середина III – начало V в.) они не выявлены.

Анализ размещения костей животных в могилах показал, что использование мясной пищи было характерно не для всех погребальных сооружений. При картографировании комплексов без заупокойной пищи на

план могильника были выявлены локальные зоны, для которых подобная практика нехарактерна. Учитывались ненарушенные погребения, в которых отсутствие костей животного могло указывать именно на специфику погребальной обрядности. Всего погребений без заупокойной пищи насчитывается 146, они расположены в 127 могилах. Здесь нужно учитывать, что в ряде комплексов кость животного могла истлеть, поэтому полученные данные являются предварительными. Практика не размещать мясную пищу практически нехарактерна для ранней зоны могильника. Большинство погребений, в которых не обнаружена кость животного, датируется серединой II – началом III в. н.э. Для погребений середины – второй половины III в. практика не размещать мясо животного в могиле значительно сокращается. В зоне погребений IV в. присутствуют могилы без мяса крупных копытных животных, но они немногочисленны (рис. 88).

Соотнесение с антропологическими данными. Результаты, полученные в ходе археозоологического анализа, были сопоставлены с данными антропологии (рис. 89). Выборка насчитывает 169 погребений, в которых удалось установить пол для взрослых индивидов, а также детские погребения.

Соотношение кости МРС с полом погребенных выявлено в 42 погребениях. В 19 из них обнаружены мужские захоронения (рис 87, 1), в 11 – женские (рис. 87, 2), в 12 – подростковые и детские (рис. 87, 3). В ранних комплексах некрополя кости овцы преобладают среди женских и детских погребений.

Соотношение костей КРС с погребениями, где установлен пол, совершено в 99 комплексах. Случаи размещения костей КРС среди мужских погребений выявлены в 52 захоронениях (рис. 87, 5). Использование левой и правой плечевых костей выявлено практически поровну: в 27 случаях использовалась левая плечевая кость, в 25 – правая.

Размещение кости КРС среди женских захоронений обнаружено в 37 погребениях (рис. 87, 6). Соотношение левой и правой практически совпадает с мужскими захоронениями. В 17 случаях использовалась левая кость, в 20 –

правая. В отличие от использования мяса овец в детских и подростковых погребениях применение мяса крупных животных для них малохарактерно – подобная практика встречена всего в 10 случаях (рис. 87, 7).

Для всех могил, где были найдены кости лошади, удалось установить пол погребенных. Значительно преобладают кости лошади в мужских захоронениях, подобная практика зафиксирована 16 раз (рис. 87, 9). Использование разных плечевых костей применено в равных долях – правая обнаружена в 7 комплексах, левая – в 8, помимо этого в одной могиле располагалась правая бедренная кость. В 6 случаях кость лошади обнаружена в женских захоронениях (рис. 87, 10). В детских погребениях они не выявлены.

Сопоставление погребений без жертвенной пищи с половозрастной характеристикой выявило некоторые особенности. Преобладают женские погребения без мясной заупокойной пищи, подобная ситуация обнаружена в 51 случае (рис. 88, 2). Среди мужского подобного практика встречена реже – 45 случаев (рис. 88, 1). На детские и подростковые могилы приходится 21 случай (рис. 88, 3). Пол погребенных не определен в 29 могилах (рис. 88, 4).

2.4.2. Расположение в могиле заупокойной пищи и погребального инвентаря

Расположение заупокойной пищи. В 183 погребениях, содержащих кость жертвенного животного, удалось зафиксировать ненарушенный погребальный обряд, в них местоположение кости животного можно установить достаточно надежно. Для выборки использовались захоронения в подбоях, а также непотревоженные захоронения из грунтовых склепов.

В результате проведенного анализа установлено, что на могильнике выделяется два типа расположения заупокойной пищи.

Первый тип – кости копытных животных лежат на краснолаковых *сосудах открытых форм*, чаще всего это тарелки, миски, чаши, блюда (далее СОФ), совместно с железным ножом или без него. При этом в погребении помимо СОФ присутствует краснолаковый *сосуд закрытой формы*, в большинстве

случаев это кувшин, но встречаются кружки, амфоры и пр. (далее СЗФ). Как ранее было сказано, среди напутственной пищи встречены фрагменты туш разных животных, в связи с этим кости могут быть различных размеров, но, несмотря на это, во всех случаях можно достаточно уверенно утверждать, что кость была именно помещена в СОФ (небольшие кости КРС и все кости МРС) или размещалась поверх него (крупные кости КРС, кости лошади). Всего подобная обрядность зафиксирована в 70 комплексах. Могилы с указанной обрядовой практикой характерны для самого раннего этапа существования могильника и являются преобладающим типом вплоть до второй четверти II в. (рис 90, а, б, в). Отдельные комплексы встречаются среди погребений конца II – середины III в. (могилы 72, 124, 125, 202, 208, 211, 224). Вновь практика размещения кости животного в сосудах открытых форм появляется на памятнике в единичных комплексах, датируемых в промежутке от 2-й (возможно, 3-й) четверти IV до начала V в., но меняется керамический набор и к мясу копытных животных добавляются мясо птицы и куриные яйца.

Второй тип представлен расположением кости животного непосредственно на земле (на полу подбоя) или поверх костяка погребенного без использования СОФ. Подобная практика выявлена в 135 комплексах (рис. 90, г). Наиболее ранние могилы, в которых отмечена подобная практика, могут датироваться концом I – 1-й четвертью II в. (могилы 246, 300, 319, 325). С середины II в. и вплоть до конца III в. подобная обрядовая практика является преобладающим способом размещения жертвенной пищи в могилах.

Ниже приведем различные варианты размещения кости животного, характерные для каждого из выделенных типов.

Для первого типа преобладает комбинация заупокойной пищи в виде положения части туши жертвенного животного в СОФ, расположенных в различных местах в могиле, и размещение за головой погребенного СЗФ. Для рассматриваемого типа выявлены следующие варианты (Табл. 2).

Вариант 1. Кость животного лежала на отдельно стоящем СОФ за головой	5 случаев	Рис. 91, 1
Вариант 2. Кость животного расположена в СОФ за головой; внутри СОФ или рядом с ним стоял СЗФ	54 случая	Рис. 91, 2
Вариант 3. Кость животного в СОФ, расположенном на черепе, либо сбоку от него; СЗФ стоит за головой	21 случай	Рис. 91, 3
Вариант 4. Кость животного в СОФ, расположенном на плече или груди погребенного; СЗФ стоит за головой	4 случая	Рис. 91, 4
Вариант 5. Кость животного в СОФ, расположенном на тазе или в ногах погребенного; СЗФ стоит за головой	2 случая	Рис. 91, 5

Табл. 2. Вариабельность расположения заупокойной пищи при расположении ее поверх сосудов открытых форм

Рассмотрим приведенные данные подробнее с привлечением материалов погребений:

Вариант 1. Кость животного лежала на отдельно стоящем СОФ за головой погребенного (5 случаев) (рис. 92, 1, 2; 93, 1). Все, за исключением одной могилы, находятся в ранней зоне некрополя. В могиле 173, исследованной в финальной зоне, за головой погребенного между древесным тленом и стенкой могилы в лепной миске лежала кость животного вместе с яичной скорлупой (рис. 93, 2).

Вариант 2. Кость животного расположена в СОФ за головой, внутри СОФ или рядом с ним стоял СЗФ (54 случая).

Наиболее часто встречается соотношение СОФ с СЗФ, последний часто бывает накрыт крышкой (11 комплексов) (рис. 92, 3–5; 94). В редких случаях сосуды открытых форм стоят вплотную к стенке подбоя (292).

В пяти случаях вместе с костью животного и ножом внутри СОФ располагалась другая посуда (рис. 95). В северо-восточном подбое могилы 287 при такой компоновке посуды обнаружены две кости (МРС и КРС).

В отдельных погребениях набор вещей за головой погребенного был увеличен, например, в могиле 208 кость с ножом лежали в краснолаковой тарелке, рядом находился краснолаковый кувшин, помимо него – стеклянный сосуд, бронзовый предмет, пряслице (рис. 96, 1). В ряде случаев помимо посуды за головой покойного располагались фрагменты шкатулок (могилы 202, 250к1, 245) (рис. 96, 2). При этом в могиле 245 вместо керамического кувшина находился стеклянный. В могиле 312 на сероглиняном блюде лежали кувшин и кость животного с ножом, рядом с блюдом расчищены детали шкатулки, зеркало, пряслице, вероятно, изначально блюдо стояло на шкатулке. В могиле 315 помимо двух сосудов и кости животного были обнаружены детали шкатулки, стеклянный бальзамарий, раковина, кольцо и игла. В могиле 317 в одном подбое расчищены два погребенных, за головой у каждого стояло блюдо с костью животного, а рядом в том же подбое сосуд в виде быка.

Отдельно стоит выделить могилу 72, в которой кремационное погребение было совершено на дне подбоя, а с ЮВ стороны от кальцинированных костей обнаружена краснолаковая тарелка с костью животного внутри и рядом – краснолаковый кувшин (рис. 98, 1).

Вариант 3. Кость животного в СОФ, стоящем на черепе либо сбоку от него (21 случай).

В данном варианте СЗФ стоят в традиционном месте за головой погребенного, тогда как СОФ расположен на черепе либо рядом с ним, а в него помещена заупокойная пища (рис. 97, 1; 98, 2; 99).

Для ряда погребений СЗФ размещался не за головой, а рядом с СОФ справа или слева от черепа (рис. 97, 3). В могиле 307 слева от черепа на краснолаковой тарелке находилась кость животного, с востока и юга от тарелки были расположены амфора и кувшин.

Отдельно необходимо выделить несколько погребений, территориально расположенных в поздней зоне (середина III – начало V в.), в которых кость

животного лежала в сосуде открытой формы, находящемся среди скопления посуды за головой погребенного (4 случая) (рис. 100, 1).

Вариант 4. Кость животного на СОФ, расположенном на плече или груди погребенного, СЗФ стоит за головой (4 случая).

В трех случаях кости животных в СОФ располагались на груди или в районе живота, а СЗФ стояли в традиционном месте, за головой погребенного (рис. 97, 5-6; 100, 2; 101, 1). В поздней зоне могильника выявлено погребение (могила 144), в котором кость животного находилась в лепной миске за спиной погребенного, лежавшего частично на правом боку (рис. 101, 2).

Вариант 5. Кость животного в СОФ, стоящего на тазе или в ногах погребенного (2 случая). В одном случае кость животного в СОФ была размещена на тазе погребенного, тогда как кувшин располагался за головой (рис. 97, 7), в другом она находилась в ногах погребенного (рис. 97, 8).

Для второго типа преобладает размещение части туши животного без использования СОФ. Напутственную пищу укладывали либо непосредственно на дно могилы, либо поверх гробовища. Возможно, при расположении мясной пищи использовались деревянная посуда, но ее следов зафиксировано не было. Рядом с напутственной пищей в большинстве случаев размещали один СЗФ (практически всегда это был краснолаковый кувшин). Несколько реже встречен вариант размещения пищи среди набора посуды и отдельно без посуды.

Второй тип также имеет некоторые разновидности, к которым можно отнести (табл. 3):

Вариант 1. Расположение кости животного за головой погребенного на дне подбоя	18 случаев	Рис. 102, 1
Вариант 2. Размещение кости животного за головой погребенного совместно с СЗФ (в редких случаях стеклянным сосудом)	55 случаев	Рис. 102, 2
Вариант 3. Размещение кости животного за головой погребенного среди набора посуды	39 случаев	Рис. 102, 3

Вариант 4. Кость животного отдельно на черепе либо рядом с ним, СЗФ чаще всего за головой	6 случая	Рис. 102, 4
Вариант 5. Кость животного на груди погребенного либо справа или слева от руки, СЗФ за головой	11 случаев	Рис. 102, 5
Вариант 6. Кость животного расположена в ногах, СЗФ за головой либо в ногах	6 случаев	Рис. 102, 6

Табл. 3. Варианты расположения заупокойной пищи без использования сосудов открытых форм.

Рассмотрим приведенные варианты подробнее с привлечением материалов погребений:

Вариант 1. Расположение только кости животного за головой погребенного на дне подбоя (18 случаев). Здесь можно выделить отдельную группу погребений, в которых присутствует только кость животного с ножом, но без посуды (7 комплексов) (рис. 103, 1, 2; 104, 1), либо отдельно кость без ножа (4 случая), либо с яичной скорлупой (1 случай). В отдельных могилах рядом находились другие предметы, например детали шкатулки (северо-восточные подбой могил 65, 95). Сюда же можно отнести погребения, в которых кость животного расположена отдельно за головой, тогда как посуда находилась в другом месте. В могиле 145 краснолаковый кувшин стоял на шейном отделе, в юго-западном подбое могилы 157 лепная кружка находилась справа от черепа.

Вариант 2. Расположение кости животного за головой погребенного совместно с керамическим СЗФ (в редких случаях со стеклянным сосудом) (55 случаев).

Подобный способ расположения является наиболее часто встречающимся на памятнике (рис. 103, 3-5; 104, 2; 105). В единичных случаях вместо краснолаковой использовалась посуда из стекла. В погребении 156 обнаружен лепной сосуд с яичной скорлупой внутри. В северо-восточном подбое могилы 126, в юго-западном подбое могилы 250, в могиле 209 располагались

стеклянные сосуды. В юго-западном подбое могилы 23 за головой находилась краснолаковая миска. В ряде погребений набор предметов, лежавших совместно с напутственной пищей, был шире. Например, в единичных случаях размещались: бронзовое навершие и железный предмет (могила 59); детали шкатулки (могила 151); детали шкатулки и пряслице (могила 205); бусы (могила 66); бусы, ключ и подвеска (могила 238); удила (северо-восточный подбой могилы 126). В нескольких случаях в подбое обнаружены две кости животного рядом с сосудом. Например, в могиле 212 рядом найдены две кости, неподалеку лежал ключ и железные предметы. В юго-западном подбое могилы 325 было совершено парное погребение женщины и ребенка, за головами были положены две кости животного и один краснолаковый кувшин.

Вариант 3. Размещение кости животного за головой погребенного среди набора посуды (39 случаев). Вариант три в отличие от варианта два характерен в основном для второго периода существования могильника. За головой покойного совместно с костью животного располагался многочисленный набор посуды. Чаще всего это керамические сосуды (лепные (рис. 106, 2; 107, 1), краснолаковые (рис. 106, 1) или стеклянные (рис. 106, 3; 107, 2)). В ряде погребений добавлены и стеклянные, и краснолаковые сосуды. В некоторых комплексах помимо краснолаковой посуды находились два стеклянных сосуда, размещенные на земле, либо два стеклянных сосуда и керамическая чаша, либо стеклянные сосуды вместе с краснолаковым блюдом. В могиле 263 располагались два стеклянных сосуда, а в могилах 92 и 46 по три стеклянных сосуда. В могиле 46 в качестве заупокойной пищи дополнительно были зафиксированы кости птицы. В некоторых комплексах помимо керамической посуды к напутственной пище добавлены стеклянные бальзамарии и бусы (северо-восточный подбой могилы 3, могила 76).

В отдельных комплексах заупокойная пища сопровождалась большим посудным сервизом. Подобное обилие характерно для погребений второго периода могильника (середина III – начало V в.), совершенных как в подбойных могилах, так и грунтовых склепах (рис. 106, 4,5; 100, 1). В северо-

восточном подбое могилы 51 за головой погребенного располагались лепные сосуды: два горшка, два кувшина, кружка, миска, а также стеклянный кубок и керамическое пряслице. В северо-восточном подбое могилы 99 на краснолаковом блюде находились керамический кувшин и два стеклянных сосуда, рядом с блюдом лежала лепная чаша. В юго-западном подбое могилы 137 на краснолаковом блюде находились краснолаковая чашка и лепная кружка, а также яичная скорлупа, рядом стояли два лепных кувшина. В грунтовой могиле 140 между древесным тленом и стенкой могилы, помимо краснолакового кувшина, обнаружено керамическое блюдо, в котором лежал стеклянный сосуд, рядом с костью животного находились еще два стеклянных сосуда. За черепом костяка 3 склепа 154 рядом с костью лежал лепной горшок и три лепных кувшина, справа от его черепа располагалась светлоглиняная амфора. В северо-восточном подбое могилы 171, за головой погребенного, на краснолаковом блюде находились лепной горшок и стеклянный сосуд, кости птицы и скорлупа, рядом лежали краснолаковый кувшин, лепные кружка и миска.

В грунтовой склепе 41 за головой погребенного центральное место занимало большое краснолаковое блюдо со стеклянным сосудом внутри, еще два стеклянных сосуда примыкали к блюду с севера и юга. Рядом стояли лепные горшок и чаша, лежали кости птицы и яичная скорлупа. В склепе 89 частично за черепом костяка 3, а также в северо-восточном углу камеры располагались две светлоглиняные амфоры, три лепных горшка, краснолаковое блюдо с яичной скорлупой внутри, лепной кувшин и два стеклянных сосуда. В склепе 136 присутствовал значительный набор заупокойной пищи. У головы погребенного 1 на лепном блюде располагалась лепная кружка, рядом стоял стеклянный кувшин. За черепом костяка 3 внутри краснолакового блюда находились краснолаковая миска, стеклянные кувшин и бутыль, рядом с блюдом еще две стеклянные бутылки и светлоглиняная амфора. В разрушенном склепе 178 сохранился (частично?) набор посуды, вероятнее всего, расположенный за головой. Рядом с костью животного

обнаружено краснолаковое блюдо, неподалеку от него – лепные миска и кружка, а также стеклянный сосуд.

Вариант 4. Кость животного отдельно на черепе либо рядом с ним, СЗФ чаще всего за головой (6 случаев) (рис. 108, 1, 2). В юго-западном подбье могилы 3 кость была помещена на черепе, справа от него стоял краснолаковый кувшин, за головой располагался еще один краснолаковый кувшин, поверх ног была размещена краснолаковая тарелка. В северо-восточном подбье могилы 166 кость животного найдена справа от черепа, рядом лежали два стеклянных сосуда, за головой были размещены краснолаковый кувшин и светлоглиняная амфора. Схожая ситуация отмечена в могиле 221, где кость также находилась справа от черепа, а за головой размещен посудный сервиз. В двух могилах кость вместе с ножом обнаружена на черепе, за головой были расчищены краснолаковые кувшины (могилы 165, 267). В одном случае в погребении была зафиксирована только кость, лежавшая справа от черепа, керамические сосуды отсутствовали (могила 242).

Вариант 5. Кость животного на груди погребенного либо справа или слева от руки (11 случаев) (рис. 108, 3; 109, 1). Подобное расположение не имеет стабильного употребления. Чаще других отмечено размещение кости животного на левом предплечье погребенного, посуда при этом находилась в одном случае у правого плеча (северо-восточный подбье могилы 62), в трех случаях за головой погребенного (могилы 21, 182, 241). Расположение кости у правого плеча отмечено в трех случаях, при этом керамический сосуд стоял за головой (северо-восточные подбье могил 116 и 325), могила 246) или лежал на черепе (северо-восточный подбье могилы 183). В могиле 37 кость была обнаружена на груди вместе со стеклянным сосудом, краснолаковый кувшин стоял в ногах погребенного. В одном случае кость с ножом была расположена на груди, посуда в погребении отсутствовала (северо-восточный подбье могилы 163).

Вариант 6. Кость животного расположена в ногах, СЗФ за головой либо в ногах (6 случаев). В северо-восточном подбье могилы 94, поверх взрослого

погребенного, находился скелет ребенка, в голове которого была поставлена лепная миска, лежавшая на костях таза взрослого. Рядом с черепом взрослого находился краснолаковый кувшин, кость животного вместе с ножом была размещена в ногах взрослого индивида. В юго-западном подбое могилы 177 кость животного вместе с краснолаковым кувшином находилась в ногах погребенного (рис. 109, 2). В могиле 184 кость лежала на берцовых костях, тогда как керамический сосуд стоял в ногах у стенки подбоя. В могиле 170 жертвенная пища была расположена в разных местах, кость животного вместе с ножом обнаружена слева от ног, в голове обнаружен стеклянный сосуд, в ногах – светлоглиняная амфора. В грунтовом склепе 154 у костяка 1 кость лежала около правой бедренной кости, в районе туловища, ног и пояса находились сосуды с напутственной пищей – лепные кружка, горшок и кувшин, стеклянный сосуд и краснолаковая миска со скорлупой внутри. За головой погребенного стояли еще два краснолаковых кувшина и лепной горшок. В этом же склепе в районе берцовых костей индивида 2 кость животного находилась вместе с лепным горшком и ножом.

Использование в виде заупокойной пищи мяса птицы и куриных яиц.

Самый ранний комплекс, содержащий яичную скорлупу (могила 200) расположен среди погребений конца II – 1-й половины III в. В нем скорлупа была найдена за головой погребенного вместе с краснолаковым сосудом, костью животного, стеклянным бальзамарием и фрагментами шкатулки. Позже традиция использования яиц и курицы широко распространяется в комплексах, датирующихся не ранее второй четверти IV в. н.э. (могилы 23, 41, 46, 47, 85, 89, 92), практически одновременно, и существует до финала существования могильника. Всего скорлупа яиц обнаружена в 33 погребениях, расположенных в грунтовых склепах, подбойных могилах и одной грунтовой могиле (рис. 110, а). В 12 погребениях найдены кости птицы (рис. 110, б). Яичная скорлупа, так же как и кости птиц, чаще всего располагалась за головой погребенного внутри краснолаковых и лепных сосудов открытых форм или на дне подбоя и погребальной камеры (рис. 111), в отдельных

случаях – сверху костей копытных животных, а также внутри стеклянных сосудов.

Изменения в размещении посуды. Рассмотренные выше варианты 4–6, а в особенности вариант 3 второго типа (размещение кости животного за головой погребенного среди набора посуды), связаны с изменениями в использовании посуды в погребальном обряде, возникшими на могильнике начиная с конца II в. н.э.

В конце II – 1-й половине III в. в погребениях северо-восточной (могилы 244, 108, 111, 113) и центральной частей (могилы 166, 147, 203 и др.) могильника появляется практика использования двух краснолаковых сосудов закрытых форм (рис. 112, в; 113, 1; 114, 1). Примерно в это же время распространяются могилы, в которых обнаружены лепные сосуды (рис. 112, б, г; 113, 3; 114, 2). Наиболее ранними комплексами, в которых лепные сосуды задействованы совместно с заупокойной пищей, являются могилы 30, 62, 255. С середины III в. использование лепной посуды значительно увеличивается, при этом лепные кувшины применяются, в том числе и как единственные керамические сосуды в могиле (могилы 32, 45, 67, 3, 19, 94, 95, 146 и др.).

Начиная со второй четверти IV в. резко меняется система размещения посуды, используемой совместно с заупокойной пищей. Превалирующей практикой становится применение многочисленного посудного сервиза, расположенного в могиле (рис. 112, д, е; 113, 2,4; 115, 2). При этом используются как краснолаковые, так и лепные сосуды, часто дополненные стеклянными сосудами. Известны комплексы, в которых присутствуют только стеклянные сосуды, количество которых доходит в отдельных случаях до 4 экз. (могилы 46, 92) (рис. 115, 1). Ранние комплексы с большими посудными наборами при картографировании выстраиваются в ломанную линию, вытянутую с СВ на ЮЗ (могилы 46, 92, 89, 41, 91, 23) (рис. 112). Параллельно с использованием больших сервизов появляется традиция расположения среди мяса копытных животных куриных яиц и мяса птицы (рис. 110, 111, 112, з, и; 116). Наиболее ранними комплексами, совмещающими эти две новые

погребальные практики и датируемыми не ранее 2-й четверти IV в., являются могилы 47, 46, 92, 89, 41, 23, 85. В дальнейшем, вплоть до финальной стадии могильника, новая погребальная практика преобладает. Параллельно в некоторых могилах продолжают использовать в наборе напутственной пищи один керамический сосуд совместно с костью животного или без нее (могилы 100, 160, 156, 177 юго-западный подбой). Вероятнее всего, это может свидетельствовать о сохранении частью населения IV в. н.э. погребальных практик более ранних эпох.

Еще одной интересной обрядовой чертой могильника является перекрытие горлышка сосудов закрытых форм своеобразными «крышками». Всего подобная практика зафиксирована не менее чем в 117 комплексах (рис. 117). В качестве крышек использовались небольшие уплощенные камни либо фрагменты лепной или краснолаковой посуды (рис. 118). Такая практика – закрытия сосудов крышками – применяется, начиная с самых ранних могил на памятнике. Для наиболее ранних комплексов, за исключением двух случаев, характерны каменные «крышки». С начала II в. наряду с каменными стали использовать керамические, как лепные, так и краснолаковые, «крышки». Практически полностью эта обрядовая черта исчезает в конце III – начале IV в., среди могил IV в. встречены несколько комплексов, в которых сосуды накрыты крышками.

Размещение сосуда в районе кисти. Для целой группы погребений первого хронологического периода (конец I – начало III в.) выявлен уникальный для Крыма обряд размещения стеклянного или керамического сосуда в районе кисти. Всего подобная ситуация встречена в 68 погребениях (рис. 119).

подавляющее число случаев размещения сосуда связано с правой рукой. Он может располагаться как непосредственно на кисти или под ней, так и рядом на тазобедренных суставах, иногда с внешней или внутренней стороны бедренной кости или с внутренней стороны от локтевой. Только в пяти

случаях сосуд связан с левой рукой. Расположен в районе левой кисти, на тазе снаружи бедренной кости (рис. 120; 122, 1-3; 123).

Самое раннее проявление практики размещения сосуда рядом с кистью зафиксировано в восьми комплексах конца I – 1-й четверти II в. (могилы 276, 294, 290, 293, 296, 298, 317, 319). Большинство могил располагаются компактной группой в северной части некрополя, две могилы обнаружены ближе к западной окраине ранней части. Во всех ранних комплексах стеклянные сосуды представлены стеклянными бальзамариями (8 случаев). В юго-западном подбье могилы 319 находилось два бальзамария. После начинают применяться и другие формы. В 33 случаях отмечены стаканы, в семи чаши, в четырех – банки, по одному случаю – кубок, рюмка, кружка, гуттус, кувшин. В 9 случаях форма не определена. К III в. стаканы преобладают. В трех ранних погребениях в районе кисти вместо стеклянного сосуда находились краснолаковые чаши и тарелка (могилы 276, 296, 297) (рис. 121).

Наиболее широко практика размещения стеклянного сосуда в районе кисти встречается среди погребений 2-й четверти II – 1-й половины III в. северо-восточной части и погребений последних десятилетий II – 2-й половины III в. центральной части могильника. Самыми поздними комплексами, в которых известна подобная практика, являются грунтовая могила 44, подбойные могилы 85, 92 и грунтовый склеп 16, датирующиеся концом III – 2-й третью IV в.

Использование шкатулок. Известная по другим памятникам региона практика размещения деревянных шкатулок в погребениях характерна и для Фронтального 3. Комплексов, в которых фиксируются подобные черты, насчитывается 55 (рис. 124). При этом для четырех комплексов (могилы 63, 93, 115, 286) характерно только наличие ключа, расположенного среди скопления предметов в районе груди (рис. 124, в). В одном погребении присутствует комбинация расположения: фрагменты шкатулки обнаружены за головой, а ключ лежал на груди. В могиле 51 фрагменты шкатулок,

включающие в себя бронзовые и железные пластины, ригели и пр., расположены компактно. Подавляющее их большинство обнаружено за головой погребенных, подобная ситуация зафиксирована в 42 случаях (рис. 124, а; 122, 4; 125, 1). Имеется группа погребений, состоящая из 5 комплексов, в которых шкатулки были обнаружены в ногах захороненных (рис. 124, б; 122, 5; 125, 2). В одном случае в подбойной могиле присутствовали два скопления от различных шкатулок, расположенные за головой и в ногах погребенного. В двух биритуальных могилах (могилы 78, 281) среди сопроводительного инвентаря кремированных останков были найдены фрагменты шкатулок.

Наиболее ранние комплексы со шкатулками обнаружены на стыке ранней и восточной части могильника и могут быть датированы концом I – 1-й четвертью II в. н.э. Наибольшее количество могил, в которых зафиксированы фрагменты шкатулок, характерны для времени начиная с конца II по середину III в. Наиболее поздним комплексом со шкатулкой является могилы 95, которая может быть датирована 2-й четвертью – 2-й половиной III в. Среди погребений второго периода (середина III – начало V в.) практика размещения шкатулок не зафиксирована.

Погребения без заупокойной пищи и с малым набором инвентаря. На памятнике исследованы 17 комплексов, отличающихся от основной массы захоронений по количеству инвентаря и наличию заупокойной пищи (рис. 126, к). Погребения совершены в неглубоких подбойных могилах, заклад чаще всего в виде неполного ряда камней. Большинство могил содержали ингумационные захоронения, две – кремационные. Отличительным признаком является полное отсутствие напутственной пищи (костей животных, посуды). В отдельных захоронениях найдены единичные вещи, в двух могилах у погребенных были зафиксированы только сосуды в районе правой руки. Большинство захоронений было полностью без каких-либо предметов инвентаря. Пол погребенных установлен для 16 индивидов: в 9 из них произведены захоронения женщин, в 7 – мужчин.

Указанные погребения распространены по всей территории памятника, но при этом выделяются две условные группы. Первая находится на восточной периферии ранней части могильника (включает 5 могил), вторая расположена в центральной части (включает 6 могил). Обе группы возможно датировать только по планиграфии: первая группа относится ко 2-й половине II – началу III в.; погребения второй группы датируются от конца II – 1-й половины III в. до 2-й половины III – начала IV в.

Несоответствие погребального инвентаря полу погребенного. Для ряда погребений, открытых на могильнике Фронтное 3, выявлено несоответствие инвентаря с полом погребенного. Среди подобных могил преобладают комплексы с захоронениями мужчин, погребенных с предметами, традиционно относящимися к женскому набору инвентаря. Помимо этого, открыт ряд женских захоронений с мужским набором инвентаря.

В могильниках рассматриваемого района отдельные категории сопроводительного инвентаря встречены как в мужских, так и в женских захоронениях. К ним в первую очередь могут быть отнесены серьги, браслеты, а также небольшие низки бус. При этом выделяются категории вещей, которые чаще всего характерны только для женских или мужских захоронений. К примеру, традиционно с женским набором инвентаря для памятников Юго-Западного Крыма связывают находки шкатулок, пряслиц, а также крупных ожерелий из бус. К мужским атрибутам относят удила и вооружение. Рассмотрим некоторые элементы инвентаря по соотношению к полу погребенного несколько подробнее.

Пряслица выявлены на Фронтном 3 в 117 погребениях. Обнаружены в могилах группой от одного до пяти штук, чаще всего найдены в районе бедренных костей. Пол установлен для 83 комплексов. В 46 случаях это женские погребения (в 20 из них определение пола под знаком вопроса), в 19 случаях обнаружены в мужских захоронениях, при этом в 10 случаях пол установлен достаточно четко. Для этих 10 комплексов относительно других предметов инвентаря можно отметить, что не менее чем в 6 случаях набор

типично мужской, в одном захоронении (могила 171) в районе плеча расчищен клинок с вырезами.

Схожая ситуация наблюдается и для погребений, содержащих останки шкатулок. Всего подобных комплексов открыто 43. В 36 случаях определен пол. При этом для 11 захоронений пол погребенного определен как мужской.

Дополняет приведенную информацию наличие крупных ожерелий, которые в погребениях с несоответствием пола и инвентаря зачастую находятся в могилах, где пол погребенного в силу плохой сохранности установлен условно.

Наличие в женских погребениях мужского набора инвентаря встречено в гораздо меньших пропорциях. В трех случаях в погребении обнаружены удила, в одном наконечник копья.

При картографировании подобных погребений была выяснена определенная закономерность. Большинство погребений с несовпадающим инвентарем и полом характерно для комплексов, датированных по времени с конца I – середины II по 1-ю половину III в. Только в нескольких погребениях, датированных концом II – IV в. обнаружены пряслица.

Анализируя расположение в погребении предметов, не характерных для мужских погребений, было установлено, что в отдельных случаях они расположены не в местах традиционного ношения, а компактной группой отдельно и могут являться своеобразными посвятельными дарами.

2.5. Погребальный инвентарь

Из погребений могильника Фронтное 3 происходит около 20 тысяч находок, в т.ч. около 15 тыс. экземпляров бус и бисера. Это керамические и стеклянные сосуды; оружие и детали конской упряжи; фибулы и ременные гарнитур; серьги, браслеты, перстни; бусы и подвески; монеты; предметы быта, туалета, неясного предназначения и другие. Подробное изучение, в том числе сопоставление этих находок с их аналогиями, известными в Крыму и за его пределами, несомненно, требует отдельной обширной работы. В рамках

данного диссертационного исследования достаточно ограничится кратким описанием и типологической характеристикой имеющегося материала по указанным категориям, а также основ для его понимания.

Керамические сосуды. Коллекция керамической посуды из могильника Фронтное 3 составляет 578 целых и археологически целых форм (рис. 127, 128). Выделяются две массовые группы сосудов: изготовленная на гончарном круге краснолаковая посуда; лепная керамика. Намного менее многочисленны амфоры и сформованные на гончарном круге сосуды без лакового покрытия («красноглиняные», «сероглиняные»).

Краснолаковая керамика (402 сосуда). Наиболее многочисленны и разнообразны кувшины (рис. 127, 1-11, 14-16; 205 экземпляров), следующие места по массовости занимают тарелки (рис. 127, 25, 26, 28-32; 128, 11, 12; 57 экземпляров) и миски (рис. 127, 18, 20; 128, 13, 15, 17; 44 экземпляра). Менее распространенными категориями краснолаковой посуды являются кружки, столовые амфоры и блюда (рис. 127, 12, 13, 17, 21-24). Все прочие категории краснолаковых сосудов можно считать слабо представленными в количественном отношении (суммарно 23 экземпляра). Это чаши, ойнохои, кубки, канфары, рыбные блюда и светильники (рис. 127, 27, 28; 128, 18). Уникален краснолаковый сосуд в виде быка (рис. 128, 1).

Для типологии и хронологии краснолаковой керамики первых веков н.э. из Юго-Западного Крыма и ряда связанных с ним регионов ныне базовыми являются работы Д.В. Журавлева, основу которых составили находки из Бельбекской долины, где расположен и могильник Фронтное 3 (Журавлев, 2007; 2010; 2013; Гущина, Журавлев, 2016; Zhuravlev, 2024; и др.). Для понтийской краснолаковой посуды середины I тыс. такую же роль играют труды К. Домжальского (Arsen'eva, Domzalski, 2002; Domzalski, 2011; и др.). Для понимания материалов из Фронтного важны также публикации находок и наблюдения по отдельным выборкам из ряда памятников Юго-Западного Крыма (Нессель, 2003; 2018; 2021; 2022а; 2022б; 2023; 2024б; Стржелецкий и др., 2003-2004; Шаров, 2007; Иванова, 2009; Ушаков, Дорошко В.В., Дорошко

О.П., 2017; Труфанов, 2018а; и др.). Аналогии лампам из Фронтowego представлены в Херсонесе и определимы на основе анализа весьма представительной коллекции отсюда (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998).

Обзор краснолаковой керамики первых веков н.э. из Фронтowego 3 опубликован Е.В. Сухановым. Рассматриваемые сосуды анализировались им методом главных компонент, а также с помощью таблицы взаимовстречаемости типов в комплексах (сериации) и планиграфического анализа (Суханов, 2021а). В результате в рамках намеченного ранее периода 1 могильника были выделены 3 хронологические группы: 1 (конец I – первая четверть II в.), 2 (в пределах II в.), 3 (конец II – первая половина III в.), локализующиеся в разных зонах некрополя. Позднее эти наблюдения были уточнены и стали важным элементом хронологической схемы Фронтowego 3, используемой в данной диссертации.

Обзор краснолаковой керамики периода 2 могильника, датирование этих сосудов по сопровождавшим их находками других категорий (в т.ч. монет) и распределению на плане памятника (Суханов и др., 2021) позволили выделить в рамках периода 2 могильника Фронтowego 3 две хронологические зоны: КЛ-2А (вторая половина III – середина IV в.) и КЛ-2Б (вторая – четвертая четверти IV или начало V в.), внутри которых некоторые комплексы датируются уже, а также скорректировать датировки ряда типов краснолаковой посуды, предлагавшиеся другими исследователями. Эти наблюдения также стали элементом хронологической схемы Фронтowego 3, используемой в данной диссертации (см. параграф 2.1).

Лепная посуда (рис. 128, 5, 7-10, 14, 16; 101 целых и археологически целых экземпляров) представлена в основном горшками, кувшинами, кружками, мисками; менее распространены «супницы» (миски с одной или двумя подтреугольными в плане ручками); единственной находкой представлено блюдо, в плане близкое овалу.

Лепная керамика Крымской Скифии рассматривалась в ряде обзорных работ, посвященных этой культурной общности (Высотская, 1972; Дашевская,

1991), а также в многочисленных публикациях по ее отдельным памятникам. Для изучения лепной посуды III–IV вв. важны разработки В.П. Власова, основанные в основном на богатейших материалах из могильников Предгорного Крыма, хотя привлекались и находки из Юго-Западного Крыма (Власов, 1999; 2000; 2001; 2003; 2022). Основной акцент в этих исследованиях сделан на морфологию и орнаментацию посуды.

Цикл исследований лепной керамики из Фронтowego 3 осуществлен Е.В. Сухановым с использованием методик, разработанных лабораторией «История керамики» ИА РАН в рамках историко-культурного подхода (школы А.А. Бобринского), ранее для крымской лепной керамики римского времени не применявшихся. Им дан обзор лепной керамики памятника, внутри каждой функциональной группы выделено от 3 до 7 типов, имеющих свою датировку по инвентарю и планиграфии некрополя (Суханов, 2020а; 2020б). Большинство сосудов (почти 90 %) происходит из могил периода 2 некрополя (вторая половина III – начало V в.). В целом комплекс вписывается в спектр лепной керамики Юго-Западного и Центрального Крыма и восходит к традициям позднескифской культуры; отличия объяснимы изменениями во времени и локальными особенностями. Анализ технологии изготовления лепной керамики (40 образцов), сравнение форм лепных сосудов на нескольких уровнях детализации, сопоставление полученных данных с выборками из синхронных памятников Киль-Дере 1 и Севастопольский (Совхоз-10) позволяет говорить о наличии во Фронтовом весьма однородной гончарной традиции, в формировании которой приняли участие пришельцы, влившиеся в местный коллектив (Суханов, Свиридов, Язиков, 2020; Суханов, 2022а; 2022б; 2023а; 2023б; 2024а; 2024б).

Амфоры (14 экземпляров). Эта группа керамической посуды представлена широко известными в понтийском регионе светлоглиняными (позднегераклейскими) узкогорлыми амфорами. Практически все специалисты в их изучении опираются на разработки Д.Б. Шелова. Недавно

была предложена их модификация (Внуков, 2016), которая и используется в настоящей работе.

Большинство амфор из Фронтowego 3 относятся к морфологическому варианту С IVF (рис. 128, 3), несколько – к более раннему варианту С IVD (рис. 128, 2). Первые встречены только в могилах периода 2 некрополя (в основном в IV в.), вторые – в комплексах поздней части периода 1 и ранней периода 2 (в пределах III в.).

Сформованные на гончарном круге сосуды без лакового покрытия («красноглиняные», «сероглиняные») представлены 11 весьма разнородными экземплярами. Наиболее раннюю дату (поздний I – первая половина II в.) имеют 4 блюда и чаша, по форме близки типам Хейс-63 и Хейс-70 восточной сигилляты В (по Hayes, 1985), но отличаются от них по технологии изготовления. Два красноглиняных кувшина и два унгентария встречены в зонах, датируемых не позднее III в. В могилах периода 2 некрополя (вторая половина III – начало V в.) найдены сероглиняные чаша и кувшин.

Стеклянные сосуды. Коллекция стеклянных сосудов составляет около 230 экземпляров (рис. 129), сохранность которых различна. Обнаружены сосуды без утрат, археологически целые сосуды, фрагменты сосудов, иногда сохранилось лишь скопление мелких обломков.

Почти все сосуды одноцветные, подавляющее большинство выполнено из естественно окрашенного стекла. Преобладают бальзамарии (рис. 129, 13, 14, 18, 22-25; не менее 55 экземпляров). Меньше закрытых стаканов, чаш и стаканов-чаш (рис. 129, 2, 7, 12), колбовидных сосудов и бутылей (рис. 129, 6, 8, 11), кувшинов (рис. 129, 4, 5, 17). Остальные формы представлены маленькими выборками и единично (о некоторых см. ниже).

Литература по стеклянным сосудам римского времени огромна. Для Северного Причерноморья основополагающими являются работы Н.П. Сорокиной. В описании форм специалисты традиционно широко используют классификацию К. Айсингс, а для Северного Причерноморья сделанные с учетом местной выборки типологии бальзамариев, некоторых групп стаканов-

чаш и др. (Isings, 1957; Кунина, Сорокина, 1972; Храпунов, 2002). С.Б. Шабановым опубликован ряд обзоров находок из Предгорного и Юго-Западного Крыма (Шабанов, 2011; 2012; 2013; 2015; 2016; 2018; 2020; 2021а; 2022; 2024). Их дополняют выборки по другим памятникам (например, Набоков, 2023).

По коллекции из Фронтowego 3 пока опубликованы ее общий обзор и углубленный анализ нескольких сосудов (Gavritukhin et al., 2021. P. 100-103; Голофаст, 2022; Голофаст, Свиридов, 2021; 2022; Гавритухин и др., 2020. С. 240). Тем не менее, уже сейчас можно выделить формы, показательные для разных периодов развития некрополя.

К ранним на могильнике (поздний I – II в.) относится несколько редких для Причерноморья находок, в т.ч. миниатюрная зеленовато-синяя ойнохоя со спиралевидно напаянной нитью (рис. 129, 28), стакан с цилиндрическим туловом, украшенным рельефным орнаментом в виде «венков» и пальмовых ветвей, с греческой надписью «Одержжи победу» (рис. 129, 29). Тем же временем датируются амфориск с рельефной орнаментацией (рис. 129, 27), сосуды формы Айсингс-68 (рис. 129, 26), в т.ч. из кобальтового стекла. Ко второй половине II – первой половине III в. относятся редкие для региона кубок с орнаментом накладными белыми и бирюзовыми «змеевидными» накладными нитями (Голофаст, Свиридов, 2021), кубок со сплошной подножкой сложной формы (рис. 129, 21), питьевые рога (рис. 129, 15), нередкие в Крыму цилиндрические чаши (рис. 129, 18), чаши с ручкой (рис. 129, 16) и другие формы. В указанных зонах распространены бальзамарии (рис. 129, 13, 14, 22-25), но единично они встречаются и в немного более поздних комплексах.

Наиболее ранние чаши-стаканы типа Храпунов-I (рис. 129, 2; около 20 экземпляров) известны в комплексах из зоны позднего II – первой половины III в., но распространены и позднее, в т.ч. на протяжении IV в. С середины III в. с ними сосуществуют чаши-стаканы типа Храпунов-II и схожие с ними формы (рис. 129, 12, 7; около 25 экземпляров), несколько вариантов

колбовидных сосудов и бутылей (рис. 129, 6, 8, 10, 11) появляются тогда же, но не зафиксированы позднее третьей четверти IV в. Крупные же кувшины (рис. 129, 4, 5) датируются не ранее второй четверти IV в. Конический кубок, украшенный каплями синего стекла (рис. 129, 1), найден в могиле, расположенной на южной окраине некрополя. По аналогиям он датируется последней четвертью IV – первой половиной V в., что подтверждает дату финала могильника, установленную по пряжкам и другим находкам.

Значение коллекции стеклянных сосудов из Фронтного 3 существенно возрастает т.к. они исследованы с точки зрения технологии их изготовления, а у многих проанализирован химический состав стекла (151 образец методом ЛА-ИСП-МС, наряду с другими методами), а результаты были соотнесены с разработками на основе морфологической типологии сосудов (см. выше) и по хронологии комплексов (Румянцева, 2022а; 2022б; 2022в; 2023; 2024; Румянцева и др., 2023). На этой основе было выделено 9 «химических» групп стекла, сопоставленных с данными по другим регионам Римской империи, и реконструирована динамика поступления в Юго-Западный Крым стекла разного происхождения, получена информация о практиках стеклоделов – прежде всего, о распространенности вторичной переработки стекла, а также о его окрашивании и глушении. На крымских материалах подтверждено наблюдение, что близкие по форме сосуды могли делаться в разных мастерских из стекла разного происхождения. Важен вывод о наличии местного (наверное, херсонесского) производства стеклянных сосудов на привозном сырье и широком использовании стеклобоя. Этот набор форм включал чаши-стаканы типов Храпунов-I и Храпунов-II.2, сферические чаши на ленточном поддоне, некоторые типы бутылей и кувшинов, сосуды с краем, сбитым со стеклодувной трубки и не обработанным в горячую.

Оружие и детали конской упряжи. Анализ, в т.ч. статистику этих групп находок во Фронтном 3 затрудняет плохая сохранность изделий из железа. Наиболее представительная категория оружия – мечи и, возможно, их фрагменты, нередко с остатками деревянных ножен и рукояти; поменьше

клинков с вырезами у черенка (14 экземпляров), часто с остатками дерева; еще меньше кинжалов, которые не всегда четко различаются от коротких мечей и длинных ножей. Детали щитов, лук и стрелы, копыя, топоры представлены малыми выборками или единичны. Конское снаряжение представлено удилами, в ряде случаев с псалиями и/или зажимами для ремней уздечного набора. С упряжью могут быть связаны некоторые пряжки и другие детали ременных гарнитур, но для подобной атрибуции слишком мало оснований. Единственное во Фронтальном конское захоронение – безынвентарное, как и другие погребения коней в Центральном и Юго-Западном Крыму римского времени.

Обобщающей работы по оружию и конскому снаряжению Крыма римского времени – нет. Полезная для разработки этой проблематики недавняя диссертация О.А. Радюша (2020 г.) посвящена более северным территориям и крымские материалы привлекаются там спорадически, в качестве аналогий. Разработки по Крыму связаны либо с яркими образцами римского военного снаряжения, которого не много (Журавлев, 2002; Масыкин, 2012; Костромичев, 2018; и др.), либо с обзорами находок из некоторых памятников или некоторых групп предметов (Контны, Савеля, 2006; Храпунов, 2011; Антипенко, 2018; Максименков, 2021; Медведев, 2021; и мн. др.). На этом фоне сравнительно активно ведется обсуждение лишь клинков с вырезами у рукояти, в интерпретации которых находки из Крыма играют очень важную роль (Левада, 2006; 2013; Казанский, 2014; Волошинов, Масыкин, 2022. С. 156; Радюш, Васильев, 2022; в этих работах подробная библиография).

Из Фронтального 3 целенаправленно рассматривался лишь лук (Свиридов, 2024б) – весьма редкая находка в крымских могильниках римского времени. Опубликованы также наблюдения об уздечном наборе, включающем псалии, разделители и зажимы ремней, и спорной датировке инвентаря из могилы 319, в которой найден этот уздечный набор (Гавритухин и др., 2020. С. 100, рис. 7, 8-10; Ворошилов, Ворошилова, 2022; Голофаст, 2022. С. 47). Тем не менее,

опираясь на перечисленные и указанные в них более ранние работы (часть из которых не потеряла актуальность, хоть и требует корректировки), вполне возможно составить представление об оружии и конском снаряжении, происходящем из могильника Фронтное 3, нужным для анализа погребальных практик, которые являются объектом анализа в данной работе.

В ранних (северо-западных) зонах некрополя (поздний I – середины II в. или немного позднее) обнаружено 11 мечей без перекрестий (рис. 130, 1-3), нередко длинных сравнительно узких, с длинной рукоятью. Здесь же известны кинжалы / короткие мечи без наверший и с кольцевыми навершиями, из них один – с золотыми обкладками рукояти и ножен (рис. 131, 1-3). Специалистами ИА РАН определено, что деревянные элементы кинжала из могилы 324 (поздний I – 1-я четверть II в.) сделаны из лиственных пород. В нескольких погребениях встречены наконечники стрел, в могиле 280 – накладки на сложносоставной лук (рис. 132), сделанные, как установили специалисты из ИА РАН, из диафизов плюсны лошади и лопаточной кости крупного копытного животного. Выявлены также наборы конской узды (рис. 130, 6, 7), на некоторых из них в ходе реставрации открыта таушировка серебром. Богатый уздечный набор из могилы 319, датированной около второй четверти II в. (о дискуссии см. выше), имеет аналогии в античных городах Северного Причерноморья и у варваров (в основном сармат), причем является на этом фоне практически самым ранним из узко датированных.

Для центральной части могильника (поздний II – середина III в.) оружие не характерно; в нескольких комплексах обнаружены удила (рис. 130, 8, 9).

В поздних могилах (с IV в.), количество оружия значительно возрастает. Большинство его происходит из погребений, датируемых не ранее второй четверти IV в. Оно представлено в основном длинными сравнительно широкими мечами без перекрестия (рис. 130, 4, 5) и клинками с вырезами у черенка (рис. 131, 6, 7). Последние располагались в районе плеча/головы, рукоятью к ногам погребенного, в 3 случаях в ногах покойника зафиксированы крупные бронзовые обоймы с остатками дерева, что свидетельствует в пользу

реконструкции такого оружия как древкового. Специалистами ИА РАН установлено, что деревом, связанным с клинком из могилы 177 (поздний IV – начало V в.) был самшит. В грунтовых склепах 41 и 136 (вторая – третья четверти IV в.) обнаружены остатки щитов, представленные железными умбонами и рукоятями (рис. 131, 4, 5). Из другого оружия этой хронологической группы известны копье и топор. Удила (рис. 130, 8, 9) относятся к тем же типами, что и в предшествующий период.

Фибулы и ременные гарнитуры. Коллекция фибул и их фрагментов насчитывает более 450 экземпляров. Находок, относящихся к ременной гарнитуре (пряжек, ременных накладок и наконечников) обнаружено не менее 200 экземпляров разной сохранности и не всегда однозначно атрибутируемых. Те и другие делятся на две отдела: римские формы и подражания им; формы, обычные для варварских культур того или другого круга.

Для изучения фибул, представленных во Фронтовом и других памятниках региона, основополагающей остается работа А.К. Амброза, которую дополняют новые обзоры находок с юга Восточной Европы (Амброз, 1966; Кропотов, 2010; Hellström, 2018). Для ременных гарнитур варваров базовыми являются работы Р. Мадыды-Легутко по Центральной Европе и В.Ю. Малашева по культурам юго-востока Восточной Европы (Madyda-Legutko, 1986; Малашев, 2000). По ряду элементов ременных гарнитур и некоторым фибулам римского круга есть обзоры, основанные на крымских выборках (Труфанов, 2004б; Масякин, 2007; Костромичев, 2006; 2012; 2015; 2018; Масякин, Турова, 2023).

Важны также работы по хронологии Крыма римского времени, в которых рассматриваемые категории находок являются одним из основных индикаторов, а также их анализ по материалам ряда некоторых связанных с Крымом регионов (Гороховский, 1988; Косяненко, 2008; Габуев, Малашев, 2009; и многие др.). Наряду с публикациями конкретных памятников, ряд статей специально посвящен происходящим из них фибулам и деталям

ременных гарнитур (Храпунов, 2008б; 2016; Кропотов, 2011; Стоянова, 2021; Khrapunov, Stoyanova, 2018).

По рассматриваемым находкам из Фронтowego опубликованы краткие обзоры (Гавритухин и др. 2020. С. 101; Gavritukhin et al., 2021. P. 110, 111; Гавритухин, 2023), где дана привязка находок к хронологическим зонам могильника, которые в свою очередь датируются с учетом разработок по аналогам этим вещам. Специально рассматривались лучковые фибулы, коллекция которых из Фронтowego (около 140 экземпляров) ныне является одной их опорных для анализа этой группы застежек (Гавритухин, 2022а; 2022б; 2023). Была уточнена их типология, рассмотрены основы датировки по аналогиям и совстречаемости в комплексах с другими датируемыми вещами. В итоге выделено 5 горизонтов, имеющих отчетливую локализацию на памятнике, что стало важной составляющей разработки периодизации некрополя и датировке периодов и многих комплексов. Отдельно рассматривались находки из поздних зон могильника, для датировки которых ряд типов пряжек, ременных накладок и наконечников играют ключевую роль (Гавритухин и др, 2020а).

Наиболее ранние лучковые фибулы (горизонт ФЛ-1) (здесь и далее по: Гавритухин, 2022) датированы около последних десятилетий I в., тогда же известны фибулы с завитком (как рис. 135, 25) или с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника. В зоне лучковых фибул горизонта ФЛ-2 (конец I – середина II в.) появляются дисковидные и украшенные эмалью (рис. 135, 27) римские броши, импортные (рис. 135, 26) и связанные с римскими традициями шарнирные дуговидные фибулы, сильно профилированные фибулы западных типов. В зоне горизонта ФЛ-3 (вторая четверть – вторая половина II в.) лучковые фибулы становятся разнообразнее, фибулы с завитком или с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника выходят из употребления, нет и фибул римского круга, кроме брошей. В зоне горизонта ФЛ-3 (последние десятилетия / конец II – середина / третья четверть III в.) лучковые фибулы господствуют и особенно

разнообразны (рис. 135, 28, 29), наряду с ними лишь единично встречаются броши, в т.ч. во вторичном использовании. Во всех указанных зонах много смычковых фибул (эта группа во Фронтовом самая многочисленная), которые иногда есть и в более поздних комплексах.

В середине / третьей четверти III в. набор фибул кардинально меняется, что является одним из существенных показателей смены периода 1 периодом 2 развития некрополя, датированного серией монет (см. ниже). Одночленные лучковые фибулы вытесняются двучленными, среди которых следует отметить вариации, оформленные в традициях предшествующего времени (например, рис. 135, 21) и уникальные (рис. 135, 22). К началу периода 2 относится уникальная для Крыма сильно профилированная фибула (рис. 135, 13), аналоги которой известны в более восточных регионах. Господствуют двучленные прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой (рис. 135, 7) нескольких вариантов, хорошо датируемых по материалам черняховской и некоторых других культур.

На протяжении периода 1 могильника наряду с пряжками и ременными наконечниками, обычными на юге Восточной Европы, бытуют пряжки, в основном пельтовидные (рис. 135, 24), и другие детали гарнитур позднеантичного круга. Встречаются и пряжки, более характерные для Центральной Европы (рис. 135, 23). С конца II или первой половины III в. до конца III или начала IV в. бытуют пряжки типа Малашев-П2, П-7 и близкие им по оформлению язычка (рис. 135, 12, 18, 20), нередко в составе гарнитур с наконечниками, как типа Малашев-Н7 (рис. 135, 17), так и другими.

В период 2 (со второй половины III в.) редко, но встречаются пельтовидные пряжки позднеантичной традиции (рис. 135, 15), более характерные для предшествующего времени, чаще – пряжки позднеримского круга (рис. 135, 11), широко распространившиеся не ранее эпохи тетрархии. Наиболее многочисленны в период 2 пряжки типа Малашев-П9 и постепенно сменяющие их со второй половины IV в. пряжки типа Малашев-П10, а также

крупные железные овальные пряжки, вытянутые по вертикали (рис. 135, 8, 10, 12, 14, 19).

Позднюю зону могильника (на его крайнем юге и юго-востоке) маркируют пряжки, язычок которых огибает рамку на всю ее высоту, накладки в виде лунниц и мечевидные наконечники (рис. 135, 3-6), датируемые не ранее 370-х гг. К позднейшим относятся пряжки с т.н. хоботковидным язычком (рис. 135, 2) и крупная пряжка с зооморфным язычком (рис. 135, 1) датирующиеся не ранее конца IV в. Малочисленность и локализация этих находок на краю некрополя позволяет считать, что его финал датируется около начала V в.

Серьги, браслеты, перстни. Эти категории находок относятся к деталям убора, широко представленным в Крыму римского времени. Обычно эти изделия парные. Обобщающего исследования по ним нет, что отчасти компенсируют обзорные работы и публикации памятников Центрального и Юго-Западного Крыма, включение некоторых типов таких вещей в некоторые хронологические схемы, а также ряд статей, специально посвященных отдельным группам, типам или выборкам таких предметов (Труфанов, 2001; 2018б; 2019б; 2022а; Стоянова, Храпунов, 2018; 2024; Стоянова, 2022; и др.). Пристальное внимание ряда исследователей привлекают предметы, выполненные в т.н. позднеримском полихромном стиле (Храпунов, Стоянова, 2018; Мульд, Корнеев, 2021; Стоянова, Храпунов, 2024; там библиография).

По находкам рассматриваемых категорий во Фронтовом пока опубликованы лишь краткие обзоры (Гавритухин и др., 2020. С. 101, 104; Мастыкова и др., 2020; Gavritukhin et al., 2021. Р. 106, 107, 109; Мастыкова, 2023в) и анализ серег *crotalia* (рис. 137, 10, 11) (Мастыкова, 2023а).

Серег во Фронтовом найдено не менее 150 экземпляров (не редко во фрагментах, что затрудняет атрибуцию). Наиболее распространена схема, включающая замок из крючка и петли, которые часто согнуты из концов дужки. Не редко дрот, образующий дужку, бывает перекручен, иногда дужка свита из нескольких проволок. Чаще всего такую серьгу украшает спираль, закрученная из той же проволоки, что и дужка (рис. 137, 4, 5, 12, 13). Не ранее

второй половины II в. на дужке (возможно, вместо спирали) появляется декоративная пластина, на конце которой пробито отверстие, заменяющее петлю замка (рис. 137, 1-3, 6, 7).

В ранних комплексах (поздний I – первая половина II в.) встречены уникальные золотые серьги – *crotalia* (рис. 137, 10, 11) и с витой из нескольких проволок дужкой, завершающейся у одной пары простыми замками (рис. 137, 8, 9), у другой – утолщениями в виде головы льва и с дисковидными дополнениями замков (рис. 138, 1), украшенными выпуклыми вставками, одна из них – гемма-инталия (рис. 138, 1a). Серьги с утолщениями в виде головы льва свидетельствуют о долгом сохранении в регионе эллинистических традиций.

Для не поздних зон периода 2 (середина III – середина IV в.) показательны серьги с крупным каплевидным или овальным щитком, покрытым позолоченной прессованной пластиной с крупной вставкой по середине (рис. 137, 1-3), выполненные в местном варианте позднеримского полихромного стиля (см. ниже). По-видимому, их прототипом были серьги с узким щитком, нередко с небольшой вставкой (рис. 137, 6, 7). В могиле 136 (в рамках второй четверти – второй половины IV в.) серьга той же формы сделана из золота, декорирована пайкой, а не прессовкой, дополнена золотой подвеской в виде стилизованной амфоры с гроздевидным туловом (рис. 138, 2).

Браслетов на могильнике обнаружено не менее 150 экземпляров. Преобладают браслеты с несомкнутыми утолщенными концами (рис. 136, 1, 2), встреченные на всем протяжении функционирования некрополя. Для периода 1 (поздний I – середина III в.) характерны браслеты с завязанными концами (рис. 136, б) нескольких вариантов, а также разомкнутые, с окончаниями, расширенными в виде стилизованных змеиных голов (рис. 136, 3, 4). Наблюдения А.А. Труфанова об их эволюции не противоречат материалам Фронтового.

В тех же зонах (середина III – середина IV в.), где найдены серьги, сделанные в позднеримском полихромном стиле, зафиксированы

пластинчатые полихромные шарнирные браслеты со щитком и вставкой (рис. 136, 7). Хотя их конструкция, в отличие от серег, не местная, а римская, стилистика тех и других явно перекликается. С ней вполне соотносятся перстни с крупной вставкой того же цвета, что у серег и браслетов (обычно оттенки красного), и широкой шинкой (рис. 136, 11). В этот стиль убора вполне вписывается фибула из могилы 106 того же времени, имеющая широкий корпус с гравировкой и крупные вставки красного цвета (рис. 135, 22). Очевидно, что эта стилистика оформилась вовремя или сразу после Скифских войн середины III в. из разных источников, и традиции Юго-Западного Крыма играли в этом не последнюю роль. Об этом свидетельствуют наличие местных прототипов серег (см. выше), перстней (рис. 136, 12), употребление местным населением стилистически близких браслетов (рис. 136, 5).

Перстней во Фронтановом 3, с учетом фрагментов, часто не идентифицируемых однозначно, обнаружено не менее 200 экземпляров. Представлены практически все 8 групп металлических перстней, выделенных А.А. Труфановым. Материалы Фронтанова не противоречат предложенным им датировкам (Труфанов, 2022а). Наиболее разнообразны перстни периода 1 (поздний I – середина III в.). Изредка встречаются стеклянные полихромные перстни (рис. 136, 8). Более всего перстней со вставкой, закрепленной в касте (рис. 136, 11-13; группа Труфанов-3). Как тенденцию можно отметить преобладание перстней с полусферической вставкой и узкой шинкой в ранних могилах; перстни с уплощенной (нередко красной каменной) вставкой и широкой шинкой (рис. 136, 11) обычны в комплексах периода 2 (со второй половины III в.). Среди перстней, отлитых вместе с гнездом под вставку, выразительна подборка с вставками-геммами (рис. 136, 9, 10), в основном из могил периода 1. Из перстней без вставок преобладают несомкнутые, концы которых оформлены в виде пары волют, и с выступом в виде торчащей головы змеи (рис. 136, 15). Они более характерны для периода 1. В комплексах периода 2 встречаются и перстни сложных форм без вставок (рис. 136, 14).

Бусы и подвески. Это самая многочисленная группа находок (различных бус и пронизей – не менее 15 000), связанных в основном с ожерельями (рис. 139-141, 143).

Для изучения таких находок в Северном Причерноморье и связанных с ним регионах основополагающими остаются работы Е.М. Алексеевой, опубликованные более 40 лет назад (Алексеева, 1975; 1978; 1982). С тех пор кардинально увеличилось число находок, в т.ч. в Центральном и Юго-Западном Крыму, уточнились датировки многих комплексов. Публикации выборок из некоторых памятников (Хайрединова, 1995; Высотская, Рыжова, 1999; Стоянова, 2004; 2022; Труфанов, 2011; Алпашкина, Неневоля, 2018; Корнеев, 2022; и др.), конечно, не могут компенсировать отсутствие современной обобщающей работы. Иногда используются и разработки М. Темпельман-Мончынської, однако они основаны на центральноевропейских материалах (Tempelmann-Mączyńska, 1985).

По находкам во Фронтном 3 пока опубликованы краткие обзоры (Мастыкова, 2020; Гавритухин и др., 2020. С. 95, 98, 104, 107; 2020а. С. 240; Gavritukhin et al., 2021. P. 103-106) и анализ некоторых типов рассматриваемых здесь предметов (Мастыкова и др., 2020; Мастыкова, Свиридов, 2021, Mastykova, Sviridov, 2021; Мастыкова, 2022; 2023б; 2023в; Сапрыкина и др., 2022; Язиков, Тяпухина, 2022; Тяпухина, 2024).

Наиболее представительные и разнообразные наборы характерны для периода I могильника (поздний I – середина III в.). Тщательная фиксация каждой находки в ряде случаев реконструировать состав и структуру ожерелий в одну или несколько нитей (рис. 143, 76, 77, 78). Очень разнообразны материалы, из которых изготовлены бусы и подвески.

Стеклянные бусы преобладают, они представлены различными формами. Широко распространены шаровидные, бочковидные, биконические, цилиндрические, уплощенные дисковидные, 14-гранные (рис. 143, 2-4, 8, 10, 12, 13, 24, 27-29, 31, 46, 50, 67, 68). Многочисленен бисер, в основном шаровидный и цилиндрический рубленый (рис. 143, 11, 31, 66). Представлены

также серии полихромных бус с различным декором (рис. 143, 51-56, 61, 62, 64, 65), мозаичных бус различных форм (рис. 143, 14, 47, 48, 49, 63, 79).

Янтарь является вторым по частоте встречаемости материалом для изготовления бус. В основном это бусы поперечно сжатые, дисковидные или бочковидные (рис. 143, 9, 30, 34, 35, 38, 39), встречаются уплощенные овальные, треугольные и другие (рис. 143, 32, 33, 36, 37, 40, 41, 42, 43). В погребениях, датируемых с первой трети IV в., распространены бусы-подвески грибовидной формы (рис. 143, 44).

Гагатовые бусы чаще всего шаровидные, много поперечно сжатых, в меньшей степени представлены удлиненные цилиндрические, призматические, 14-гранные с циркульным декором (рис. 143, 6, 21, 57, 60), а также в виде топориков и астрагалов, бипирамидальные, присутствует также цилиндрический бисер (рис. 143, 58, 59).

Сердоликовые бусы чаще всего небольших размеров. По форме они шаровидные, поперечно сжатые, усеченно-биконические, уплощенные (рис. 143, 5, 19, 20, 23, 25, 26).

Бусы из горного хрусталя встречаются только в погребениях периода I (поздний I – середина III в.). Чаще всего они крупные овальные уплощенные, округлые, шаровидные с двухсторонними каналами (рис. 143, 7, 45, 70, 71).

Халцедоновых бус найдено не много. Чаще всего они округлые голубого, дымчатого или желтоватого цветов (рис. 143, 15-18).

Агатовые бусы встречаются редко, чаще всего в погребениях наиболее ранней части некрополя. Преобладают мелкие призматические и эллипсоидные, но встречаются и сравнительно крупные (рис. 143, 75).

Изделия из кости, рога, клыков не многочисленны. Материал, из которого изготовлены некоторые из них, определен специалистами из ИА РАН. Бусина из могилы 133 (2-я половина III в.) сделана из плотного рога Оленей (*Cervidae*). Из могилы 327 (около 1-й четверти II в.) происходит нижний клык самца домашней свиньи (*Sus scrofa f. Domestica*); из могилы 318 (поздний I – начало II в.) – фрагмент резца лошади или свиньи.

Золотые подвески, зачастую украшенными сканью, зернью, вставками из камней и стекла происходят в основном из могил периода 1 (поздний I – середина III в.). Среди них 12 лунниц, зачастую широких, богато украшенных (рис. 140, 1-5). Найдено четыре подвески-амулетницы в виде цилиндров на петлях, большинство с закрытыми торцами; в основном они богато украшены (рис. 140, 6, 7). Уникальна пара округлых подвесок с рельефным изображением женского божества и головки эрота (рис. 141, 1, 2). В ряде случаев наборы подвесок образуют шикарные ожерелья (рис. 141, 3).

Бронзовые и серебряные подвески нередко являются частью ожерелий в погребениях периода 1 (поздний I – середина III в.), но встречаются и позднее. По форме они разнообразны: лунницы (рис. 139, 1, 2), полусферические и пирамидальные колокольчики (рис. 139, 3-5), сферические, в т.ч. с выступами-шишечками (рис. 139, 6, 7, 8), антропоморфные (рис. 139, 15-17); зооморфные, в виде шишечек (рис. 139, 9, 12-14), топоришков и др.

Подвески из египетского фаянса сравнительно немногочисленны, но разнообразны и отличаются между собой оттенками цвета. Иногда они встречаются наборами. Например, в могиле 327 (около 1-й четверти II в.) обнаружен набор фаянсовых подвесок в виде виноградных гроздьев, гениталий, фигурки патека, две гермы (рис. 139, 18-22).

Монеты. Кроме крымско-татарских монет, которые в настоящей работе не рассматриваются, из Фронтowego 3 происходит представительная коллекция монет римского времени. Последние найдены в 21 могиле, содержащих от 1 до 7 экземпляров (рис. 144).

Эта категория находок важна не только для датировки комплексов, но и для реконструкции ряда аспектов экономики, политики, идеологии, других сторон культуры. С этой точки зрения изучение монет из могильников Юго-Западного Крыма римского времени только началось (Храпунов, 2010; 2013б).

Минимально необходимые для этого определения монет из могильника Фронтowego 3 (с указанием эмитента, времени и места выпуска) и их фотографии приведены в полной публикации некрополя в контексте

комплексов, из которых они происходят (Свиридов, Языков, 2023; 2024а; 2024б). Это позволяет несколько уточнить ранее опубликованные предварительные наблюдения (Гавритухин и др., 2020. С. 93, 95; Гавритухин, 2022а. С. 35, 36).

В комплексах периода 1 монеты единичны. Одна (из наиболее раннего комплекса – могилы 245) неопределима, херсонесская 150-175 г. и плохой сохранности римская II – начала III в. подтверждают датировки по инвентарю.

В полосе могил на стыке периодов 1 и 2 в восьми комплексах найдено от 1 до 7 монет, в основном антонинины III в. (рис. 10, 10), как правило, из Римского и Медиоланского монетных дворов. Во всех этих наборах позднейшие монеты выпущены в середине III в. Столь резкая перемена в обращении монет является одним из показателей начала периода 2 некрополя и позволяет связать этот рубеж с эпохой Скифских (Готских) войн. Лишь однажды такая монета встречена в более позднем комплексе (могила 135), что, конечно, не меняет картину.

Следующий пик поступлений монет во Фронтвом, как и в других могильниках Юго-Западного и Предгорного Крыма, фиксируется медными монетами (фоллисами) эпохи Лициния и Константина Великого, выпущенными преимущественно в восточных провинциях Римской империи. Все они происходят из восьми могил (по 1-3 экземпляра в комплексе), расположенных в центральной части зоны периода 2, и дают для этого участка некрополя надежный *terminus post quem*.

Более поздние монеты в могильники крымских варваров попадают значительно более редко, но во Фронтвом встречены две монеты 351-355 гг. в могиле 171 и одна, вероятно 364-367 гг. в могиле 172. Это подтверждает датировку поздней зоны могильника по другому инвентарю. К сожалению, монета из позднейшей могилы 178 очень плохой сохранности и не может дать надежную дату. Следует отметить, что монеты второй половины IV в. известны и в некоторых других могильниках Юго-Западного Крыма

(Инкерманский, Совхоз 10, Сувлу-Кая), в отличии от памятников Центрального Крыма.

Предметы быта, туалета, неясного предназначения и другие. Эта группа находок представлена ножами, пряслицами, шкатулками, пиксидами, зеркалами, иглами, подвесными складными футлярами («игольницами»), гребнями, пинцетами, «бусинами» из металла, листовыми «наглазниками» и «нагубниками».

Как правило, такие находки в Крыму описываются очень кратко, в связи с общими обзорами, публикациями памятника или комплекса. Обобщающей работы нет, что, конечно только отчасти компенсируют единичные статьи о некоторых группах вещей (например, Труфанов, 2007; 2020; Стоянова, 2019; Антипенко, Корнеев, 2024). Из находок во Фронтовом среди вещей этого круга пока специально рассматривались только подвесные складные футляры, которые иногда называют «игольницы» (Свиридов, 2024в).

Ножи с прямой или изогнутой («горбатой») спинкой или же их фрагменты (рис. 133, 1, 2) есть почти во всех погребениях. Нередко на черешке ножа фиксируются остатки дерева, очевидно, от рукояти. У ножа из могилы 300 она сделана, как установили специалисты из ИА РАН, из плотного рога Оленей (*Cervidae*). Как правило, рукоять просто насаживались на черешок, лишь иногда встречаются крепящие их заклепки. Часто на лезвии ножей фиксируются органические материалы, пропитанные окислами железа, и бывает непонятно, это – остатки, например, пищи, в которую был воткнут нож, или ножен. Последние иногда определяются по остаткам дерева или по ровной поверхности (по-видимому, остатки кожаного или другого покрытия); в нескольких случаях встречены металлические обкладки ножен, обычно с петель для их подвешивания (рис. 133, 7). В могилах ножи располагались рядом с костью животного и керамическими сосудами у головы погребенного или же на теле усопшего, нередко близ поясницы, бедер, руки (иногда там и там).

В 117 погребениях найдены пряслица (рис. 133, 11, 12), расположенные по отдельности или группами до 6 предметов. Пряслица бывают биконические (в основном), зачастую асимметричные по вертикали, нередко с выгнутыми и/или прогнутыми боками, как с резким, так и со сглаженным или срезанным ребром. Встречаются также конические и сферические формы. Отмечены пряслица с вертикальным рифлением, в одном случае – с изображением животных (рис. 133, 11). Чаще всего пряслица сопровождают женские погребения (48 случаев), но известна немалая группа, происходящая из мужских (20 случаев).

От шкатулок чаще всего сохраняются металлические замочные группы и элементы крепления, часто с фрагментами дерева, нередки также ключи, (рис. 134). Подобные находки обнаружены примерно в 40 погребениях. Как и в других могильниках Юго-Западного Крыма, шкатулки обычно встречаются в женских и детских погребениях с середины I до второй половины III в., в единичных случаях чуть позже (период 1 и начало периода 2 по хронологии Фронтового). Для двух шкатулок специалистами ИА РАН определены породы дерева. В могиле 312 (поздний I – первая половина II в.) это – можжевельник; в могиле 95 (2-я половина III в.) – самшит и дерево рода Слива.

Пиксиды (рис. 133, 10), в т.ч. с розовой «пудрой» внутри, – не много (6 экземпляров), но они встречаются на всем протяжении функционирования некрополя. Специалистами ИА РАН установлено, что 3 ранних экземпляра (не позднее II в.) изготавливались из диафизов бедренной кости крупного рогатого скота, а метаподии и диафизы плюсны лошади использовались как для ранних, так и поздних поделок.

Зеркала (не менее 24 экземпляров) представлены типам VI и IX (по Хазанов, 1963) и одной находкой бронзового футляра римской работы. Первые (дисковидных, диаметром до 8 см) меньше, и они встречены в ранних комплексах могильника (не позднее II в.). Вторые – небольшие зеркала-подвески с боковым выступом-петлей и рельефным изображением на обратной стороне (рис. 133, 8, 9) – частично сосуществуют с первыми и

господствуют по вторую половину III в., как и на других памятниках Юго-Западного Крыма. Более поздних зеркал во Фронтовом не встречено.

К массовым находкам относятся бронзовые иглы, обычно с ушком, и их фрагменты (не менее 45 экземпляров).

В семи комплексах встречены подвешенные к кольцам приборы (рис. 133, 4; т.н. «игольницы»), состоящие из свернутой не до конца трубочки, заходящей в наполовину открытый аналогично сделанный футляр; на загнутые концы этих деталей надеты колечки. Во Фронтовом они не встречены в комплексах, датируемых позднее первой половины III в., хотя в других памятниках региона они могут датироваться и немного позднее, а в Центральной Европе единично встречаются до начала эпохи Великого переселения народов.

В комплексах периода 2 (со второй половины III в.) встречено 6 односторонних трехслойных костяных/роговых гребня плохой сохранности, в т.ч. (по Никитина, 1969): типа I варианта 2а; типа II варианта 2 или тип I варианта 3; тип III варианта 2а (рис. 133, 5, 13). Это – инновация в инвентаре не только Фронтового, где она является маркером периода 2, но и в других памятниках Крыма. Истоки этой традиции связаны с Северной и Центральной Европой. В Крым она попала через носителей этих культур или черняховской культуры, формирующейся в результате Скифских войн середины III в. Специалистами ИА РАН установлено, что для изготовления таких гребней, найденных во Фронтовом, использовались длинные трубчатые кости лошади или крупного рогатого скота, а для гребня из могилы 7 использованы также лопаточная кость такого же животного и рог оленя.

Пинцеты и «бусины» из металла (рис. 133, б) есть как в ранней, так и в поздней частях некрополя. Подобные металлические бусины известны на памятниках Юго-Западного Крыма и характерны для I–II вв. (Стоянова, 2004. С. 296). Металлические сферические флаконы с цилиндрическим горлом (рис. 133, 3) представлены в ранней зоне периода 2.

Отдельным видом изделий, связанных, по всей видимости, с погребальной обрядностью, являются «нагубники» и «наглазники» из золотой фольги. В могиле 313 (поздний I – начало II в.) такие предметы лежали смятыми на верхней части груди покойника (рис. 142, 3). В могиле 76 (поздний II – 1-я половина III в.) «нагубник» и разорванный на две части «наглазник» находились на груди погребенного среди бус и других вещей (рис. 142, 1, 2).

2.6. Хронологические и планиграфические особенности погребальных практик могильника Фронтное 3

В результате проведенной работы были рассмотрены особенности погребальной обрядности, характерные для различных хронологических этапов могильника Фронтное 3. Проведено картографирование распространения различных особенностей погребального обряда, а также сопоставление всех полученных данных с основными группами вещевого инвентаря (приложение 4). Все это позволило выделить на памятнике три отдельные погребальные практики, каждая из которых включает в себя определенный набор признаков по целому ряду категорий: типу погребальных сооружений, особенностей обряда, сопроводительному инвентарю (рис. 145).

Для первого периода (конец I – середина III в.) развития могильника характерны две погребальные практики, которые условно можно обозначить как «ранняя» и «средняя». Практики плавно сменяют одна другую. Наблюдается распространение некоторых погребений с набором признаков «средней» практики среди комплексов более ранней и, наоборот, присутствует некоторое запаздывание отдельных обрядовых черт «ранней» практики среди более поздних погребений. Для второго периода (2-я половина III – начало V в.) бытования памятника характерна своя «поздняя» погребальная практика, в некоторых моментах она проявляется достаточно резко.

Каждая из обозначенных погребальных практик имеет свои хронологические рамки. Первая, «ранняя», может быть соотнесена с концом I – второй половиной II в., вторая, «средняя», датируется примерно с первой

половины II до рубежа III–IV вв., третья, «поздняя», начинается не ранее 1-й – 2-й четверти IV в. и существует до финала могильника. Территориальные и хронологические рамки выделенных практик особенно отчетливо проиллюстрированы на плане соотношения размещения различных типов посуды на могильнике (рис. 112, 117, 119), а также использования и расположения заупокойной пищи (рис. 88, 90, 110). Приведем характеристику каждой из обозначенных погребальных практик.

Первая, «ранняя», погребальная практика (конец I – вторая половина II в.). Погребальные сооружения располагаются на крайнем северо-западе некрополя. Все комплексы, за исключением одного случая, представлены подбойными могилами.

Для размещения погребений присуща рядность расположения могильных ям в линии, вытянутых с юго-запада на северо-восток. При этом наблюдается определенная разреженность расположения погребальных конструкций, между могилами имеется свободное пространство. Прослежено не менее 7 подобных линий, насчитывающих от 4–5 до 20 могил. Входные ямы узкие и неглубокие, подбойные ниши располагаются преимущественно в северо-восточной стенке входной ямы. Выявлено 5 могил с расположением подбоя в юго-западной стенке и 4 двухподбойные могилы. Для этого этапа характерно наибольшее разнообразие способов перекрытия подбоя. Присутствует группа погребений без каменного заклада. В тех случаях, где было зафиксировано, он представлен либо вертикально установленными уплощенными крупными камнями, либо одним, часто неполным рядом камней, маркирующим заклад.

Заупокойная пища присутствует практически во всех погребальных комплексах. В подавляющем большинстве погребений характерно размещение заупокойной пищи внутри или поверх сосудов открытых форм. Встречены все три вида жертвенных животных (КРС, МРС, лошадь). При этом мясо лошади размещалось преимущественно в погребениях мужчин-воинов.

В погребениях совместно с сосудами открытых форм устанавливаются также сосуды закрытых форм, различных вариантов. Преобладают

краснолаковые кушины, но встречаются также кружки, столовые амфоры, ойнахои. Часто сосуды закрытых форм накрыты своеобразными «крышками», выполненными в большинстве случаев из камня.

Присутствуют погребения с перекрещенными ногами. Выявлены три кремационные могилы. Для погребений, соотносимых с концом бытования практики, появляется могилы обозначенные своеобразными каменными маркерами. Погребальный инвентарь для этого этапа отличается наибольшим разнообразием на могильнике.

Таким образом основными показателями практики являются следующие обрядовые элементы (признаки):

- отсутствие каменного заклада;
- заклад в виде ряда камней;
- наличие заупокойной пищи в сосудах открытых форм;
- наличие кости лошади в составе заупокойной пищи.

Вторая, «средняя», погребальная практика (первая половина II – рубеж III–IV вв.). Погребальные сооружения располагаются преимущественно на северо-востоке и центре могильника. Структура погребальных комплексов меняется. Несмотря на то что подбойные могилы продолжают составлять подавляющее большинство, появляются грунтовые могилы. Помимо этого, выявлены три грунтовые могилы с захоронениями животных, один кенотаф(?), и два разрушенных объекта, условно отнесенных к могилам.

Подбои располагаются либо в северо-восточной стенке входной ямы, либо с обеих ее сторон. Могил с подбоями в юго-западной стенке, за исключением нескольких, среди поздних комплексов этапа не выявлено.

Плотность погребений значительно увеличивается, рядность расположения сохраняется, но в меньшей степени. Случаи прорезания одной могилы другой не зафиксированы.

Широко распространяется практика использования каменных маркеров. Перекрытия подбоев выполнялось только каменным закладом, при этом в отличие от предыдущего этапа имеется его вариативность. Помимо

вертикально установленных камней фиксируются заклады в виде горизонтально уложенных камней или в виде навала.

Для конца II – первой половины III в. в северо-восточной и центральной частях выявлена группа кремационных погребений.

Известны локально расположенные группы могил без напутственной пищи и инвентаря в неглубоких подбоях.

Детские захоронения совершаются различными способами – в отдельных подбоях, совместно со взрослым индивидом в одном подбое, в амфоре.

Заупокойная пища используется не во всех погребальных сооружениях, представлена плечевыми костями крупного и мелкого рогатого скота. Кости лошади, за исключением нескольких случаев, не встречаются. Напутственная пища располагается теперь непосредственно на дне подбоя, либо поверх погребенного (возможно, первоначально на деревянных гробовищах).

Повсеместно используются отдельно расположенные сосуды закрытых форм, вероятно, для хранения напутственного питья. Вариативность их форм сокращается, практически все представлены краснолаковыми кувшинами. Продолжает бытовать практика накрытия сосудов своеобразными «крышками», но в отличие от предыдущего этапа помимо камня широко используются фрагменты керамических сосудов, как краснолаковых, так и лепных.

Широко распространяется практика расположения стеклянного сосуда в районе кисти, в основном правой. Известна практика использования деревянных шкатулок.

В ряде комплексов, тяготеющих к финалу этого этапа, увеличивается разнообразие посуды, используемой совместно с заупокойной пищей. За головой покойника помимо одного краснолакового сосуда размещается второй краснолаковый или стеклянный сосуд. Для конца этапа в погребениях начинают располагать лепную посуду. К концу бытования второй практики исчезает обряд расположения сосуда в правой руке, перестают использоваться

шкатулки, практически исчезает использование своеобразных крышек, перекрывающих сосуды.

Таким образом, основными признаками практики являются следующие обрядовые элементы (показатели):

- заупокойная пища расположена непосредственно на дне подбоя;
- перекрытие подбоя всегда с помощью камня, среди вариантов заклада широко распространены навалы камней и горизонтально уложенные камни;
- распространена практика расположения сосуда в руке;,
- распространены каменные маркеры погребений;
- преобладание мяса КРС среди заупокойной пищи;
- отсутствие предметов вооружения.

Третья, «поздняя». погребальная практика (первая четверть IV – начало V в.). Могилы располагаются на юге и юго-востоке некрополя. Погребальные сооружения представлены подбойными могилами, грунтовыми склепами, грунтовыми ямами с заплечиками. Значительно увеличивается количество двухподбойных могил, подбоя сооружаются не только в северо-восточной, но и в юго-западной стенке.

Среди грунтовых склепов присутствуют две группы сооружений. Два более ранних склепа имеют широкие входные ямы, погребенные лежали вдоль длинной оси склепа. Для всех остальных характерны узкие, расширяющиеся к погребальной камере входные ямы, погребенные при этом размещены перпендикулярно длинной оси склепа. К финалу могильника наблюдается тенденция к увеличению длины дромоса. Погребальные сооружения расположены в четкие линии на значительном удалении друг от друга. Наблюдается разреженность могил.

Подбойные могилы значительно углубляются. Каменный заклад представлен камнями, вертикально установленными на землю или на горизонтально уложенные камни.

К IV в. изменяется практика совершения детских захоронений. Все детские захоронения индивидуальные в отдельных подбоях. Зачастую подбой с детскими захоронениями расположен в двух подбойных могилах.

Значительно увеличивается набор посуды, расположенной вместе с заупокойной пищей. Меняется также ее состав, часто и много используется лепная посуда различных форм. Увеличивается размещение стеклянной посуды, в отдельных комплексах насчитывается до 4–5 сосудов.

Обязательным атрибутом заупокойной пищи становятся кости птицы и яичная скорлупа. Для ряда комплексов возобновляется традиция размещения костей животных в сосудах открытых форм.

Таким образом, основными признаками третьей практики являются следующие обрядовые элементы (показатели):

- широкое распространение лепной посуды;
- наличие больших посудных сервизов, включающих в том числе лепную и стеклянную посуду;
- присутствие среди заупокойной пищи мяса птицы и куриных яиц;
- перекрытие подбоя только вертикально установленными камнями на грунте или горизонтальных камнях.

Совмещение обрядовых практик.

Рассматривая погребальные практики, необходимо отметить преобладание в погребальном обряде, выраженную в повторном проявлении отдельных черт, к которым могут быть отнесены:

- наличие отдельных погребений с одним сосудом закрытой формы среди захоронений третьей практики;
- использование в качестве заупокойной пищи в ранних и поздних комплексах мяса овцы;
- появление практики располагать кости животных в сосудах открытых форм не только на ранней стадии могильника, но и на заключительной;
- использование схожих по структуре каменных закладов в ранней и поздней зонах.

Все это указывать на то, что все изменения в погребальном обряде могут быть связаны с культурно близким населением.

Помимо этого, на памятнике выявлены примеры совмещения различных погребальных практик. В первую очередь, об этом могут свидетельствовать 7 случаев прорезания одной могилы другой, все они располагаются в зоне совмещения первой и второй погребальной практики. В шести из семи случаев погребение, которое разрушило более раннее, совершено с применением второй практики. В одном случае в двухподбойной могиле 250 в северо-восточном подбое захоронение по первой практике, в юго-западном по второй. В могилах, которые частично разрушены, в трех случаях удалось установить, к какой практике относится их сооружение. В двух это первая, в одной вторая. Пример с могилой 250 не единичен, на некрополе известен ряд комплексов, в которых в разных подбоях одной могилы захоронения выполнены по различным погребальным практикам. При этом нужно отметить, что различия между первой и второй практикой не всегда очень яркие. Тогда как между второй и третьей различия более заметны. Подобные комплексы чаще расположены на стыке зон. Одним из таких комплексов является могила 92, в которой в разных подбоях представлены различные погребальные практики. В северо-восточном подбое захоронена женщина (?) 20–45 лет, за головой которой располагалась кость КРС, уложенная на дно подбоя с двумя кувшинами, краснолаковым и лепным, в районе правой кисти руки находился стеклянный стакан. Напомню, что подобная черта характерна в основном для погребений второй практики (2-й четверти II – второй половины III в.). В юго-западном подбое был погребен мужчина 35–45 лет, за его головой – набор из трех стеклянных сосудов (кувшин, стакан и бутылочка) вместе с костью КРС и фрагментом яичной скорлупы. Как было сказано ранее, подобная третья практика распространяется на памятнике начиная со 2-й четверти IV в.

Схожая ситуация прослежена в двухподбойной могиле 85, датируемой концом III – 3-й четвертью IV в. В северо-восточном подбое совершено погребение женщины 30–39 лет, за ее головой стоял один краснолаковый

кувшин, рядом с которым на дне подбоя лежала кость КРС, а в районе правого запястья руки погребенной – стеклянный стакан. В юго-западном подбое за головой погребенного (пол не установлен) находился расширенный набор посуды, представленный краснолаковой миской, лепным кувшином, фрагментами стеклянного сосуда; рядом с ними на дне подбоя лежала плечевая кость КРС и кости птицы.

К группе погребений со смешанным обрядом можно отнести и грунтовый склеп 16, который датируется по керамике, пряжкам и планиграфии концом III – 1-й половиной IV в. Вдоль юго-западной стенки камеры располагалось погребение мужчины 40–49 лет, вытянутое вдоль длинной оси склепа. Захоронение совершено по обрядовой практике, характерной для II–III вв.: в районе кисти правой руки был положен стеклянный сосуд, за головой на дне камеры лежала левая плечевая кость КРС и краснолаковый кувшин. Костей птицы и яичной скорлупы не зафиксировано.

На данном этапе изучения пока остается открытым вопрос о применении различных погребальных практик людьми одной или разных этнических групп.

Статистический анализ. Обоснованность выделения различных погребальных практик на некрополе Фронтное 3 была проверена с помощью процедур многомерного статистического анализа, который помогает ограничить субъективность выводов.

Как было показано ранее, индикаторами каждой из трех погребальных практик служат сочетания определенных признаков, связанных с конструкцией могильных ям, напутственной пищей и некоторыми особенностями сопроводительного инвентаря. Такие сочетания были выделены с помощью картографирования различных групп информации о погребальном обряде, путем сопоставления ареалов их распространения по территории некрополя. Методы многомерной статистики позволяют выяснить, насколько объективно были выделены такие «наборы» признаков,

исходя из частоты их взаимовстречаемости в рамках одного комплекса независимо от хронологической позиции или планиграфии.

Адекватным для решения поставленной задачи представляются методы дискриминального и факторного анализа из пакета статистического анализа программы Statistica10.0. Данные методы дают возможность выделить среди множества изучаемых переменных наборы признаков, которые имеют тенденцию встречаться вместе, т.е. в рамках одних и тех же погребальных комплексов.

Первоначально все основные признаки были сведены в таблицу ошибочной классификации (табл. 4). Она дает представление о том, насколько различимы друг от друга рассматриваемые группы на количественном уровне. В соответствии с полученными результатами, самыми различимыми оказались первая и вторая практики – 92,4% и 97,4% соответственно. Это означает, что каждая из них обладает специфическими признаками, определяющими статистическую «идентичность» данных практик. Различимость третьей практики составила 63,9%; 11 погребений этой группы оказалась неразличимыми от второй практики. Это свидетельствует о том, что третья практика практически не имеет никаких сходств с первой, но при этом обладает некоторым сходством со второй. Наконец, группа погребений, по которым заранее не было сделано атрибуции, оказалась связана преимущественно со второй практикой.

	% различимости	Практика 1 p=,21703	Практика2 p=,64011	Практика3 p=,09890	неопред p=,04396
Практика1	92,4	73	6	0	0
Практика2	97,4	1	227	1	4
Практика3	63,9	2	11	23	0
Неопред.	25	1	11	0	4
Total	89,8	77	255	24	8

Табл. 4. Результаты дискриминантного анализа. Таблица ошибочной классификации.

Наилучшее визуальное выражение результатов дискриминантного анализа дает график (рис. 146). На нем каждая рассмотренная могила показана в пространстве первых двух дискриминантных функций, т.е. переменных, наилучшим образом различающих изучаемые группы объектов. Судя по таблице 5, первая дискриминантная функция различает группы по признаку «кость животного в сосуде открытой формы» – она спроецирована на горизонтальную ось графика; вторая дискриминантная функция коррелирует с такими признаками, как «наличие костей птицы», «наличие яичной скорлупы» и «лепная керамика» – она спроецирована на вертикальную ось графика. Остальные проанализированные признаки либо не имеют выраженной связи с какой-то определенной дискриминантной функцией, либо коррелируют с третьей, на которую приходится минимум различий между группами.

Признак	Дискриминантная функция 1	Дискриминантная функция 2	Дискриминантная функция 3
Каменный маркер	-0,027214	0,073167	0,149276
Отсутствие заклада	-0,132578	0,025432	0,176888
ряд камней по дну	-0,043360	0,043185	0,136730
Горизонтальные камни в закладе	0,054278	-0,093092	-0,021394
Наброс камней	0,111901	0,008370	-0,317230
Вертикальные камни	-0,093598	0,018973	0,070063
Вертикал. камни на горизонтальных	0,027332	0,002957	0,152770
Кости КРС в могиле	-0,005390	-0,091159	0,124268
Кости МРС в могиле	-0,090163	-0,030727	0,045658
Кости лошади в могиле	-0,108454	0,027000	0,112176
Кости птицы	0,037682	-0,322074	0,018178
Кость жив. на сосуде ОФ	-0,924947	-0,123380	0,034959
Кость жив. на земле	0,171181	-0,077707	0,478139

Наличие скорлупы	0,095888	-0,907160	0,015284
Сосуд в руке	0,070937	0,154032	0,413669
Лепная керамика	0,092976	-0,377823	0,192233
% изменчивости, описываемый каждой дискриминантной функцией	76,8	21,8	1,4

Табл. 5. Корреляция признаков погребального обряда с дискриминантными функциями.

Судя по графику (рис. 146), все три рассматриваемые практики четко различимы. Первая практика (находится в левой верхней части графика) отличается от второй (правая верхняя часть графика) только по первой дискриминантной функции, т.е. по горизонтальной оси. За разделением этих двух множеств стоит наличие или отсутствие признака «кость животного на ОФ». Вторая практика отличается от третьей (правая нижняя часть графика) – только по второй дискриминантной функции, т.е. наличием или отсутствием костей птиц, скорлупы и наборов лепной керамики; первая практика отличается от третьей по обоим дискриминантным функциям, т.е. и по вертикальной, и по горизонтальной осям.

Таким образом, предложенные погребальные практики являются статистически различимыми и основной вклад в эти различия вносят наличие или отсутствие в могилах костей животных в сосудах открытых форм, костей птиц, яичной скорлупы и целых лепных сосудов.

Факторный анализ выполнен в компьютерной программе Statistica на основании алгоритма метода главных компонент (рис. 147). В процессе анализа компьютерной программой были извлечены две такие компоненты, т.е. факторы, а также вычислены так называемые факторные нагрузки на каждый исследуемый признак погребального обряда. Результаты анализа представлены в виде графика, где каждый рассмотренный признак

представлен в пространстве двух главных компонент и расположен на графике в соответствии с вычисленными значениями факторной нагрузки.

Интерпретация результатов факторного анализа строится следующим образом: чем ближе друг к другу расположены признаки, тем чаще они встречаются вместе в рамках единого комплекса, и чем они расположены дальше друг от друга, тем реже они встречаются вместе (или не встречаются вовсе).

Исходя из плотности расположения исследуемых признаков, их можно разделить на несколько групп. Наиболее обособленно на фоне других расположены признаки «лепная керамика», «скорлупа» и «кости птиц» – все они находятся в верхней части графика. Как отмечалось ранее, все эти признаки являются определяющими для третьей погребальной практики.

Другой набор признаков расположен в правой нижней части графика. В рамках обустройства погребального сооружения здесь сосредоточены показатели «отсутствия каменного заклада», «ряд камней, выложенный по дну входной ямы», а также «вертикально установленные камни заклада». Для формирования комплекса признаков, связанных с заупокойной пищей, сопровождающей погребенного, для этой же части графика присутствует показатель «наличие костей лошади в погребениях», а также один из основных признаков – «расположение кости животного на сосудах открытых форм». Все перечисленные признаки характерны для первой погребальной практики.

В левой части графика сосредоточены признаки «наброс камней в закладе подбоя», «сосуд в руке», «расположение кости животного на дне подбоя, без сосудов открытых форм», все эти признаки характерны для второй погребальной практики. Здесь же расположен признак «наличие костей КРС» в могиле, который, несмотря на то, что характерен для обширной части некрополя, наибольший всплеск имеет именно в период распространения второй погребальной практики.

В центральной части графика находятся признаки «горизонтальные камни», «вертикальные на горизонтальных», «наличие кости МРС». Можно

сказать, что два последних равно удалены от всех остальных. Это свидетельствует, что они связаны с разными погребальными практиками. Картографирование каменных закладов и распространения костей животных подтверждает этот момент. Тяготение признака «горизонтальные камни» именно к левой части центра таблицы свидетельствует о том, что этот признак больше характерен для второй погребальной практики.

Таким образом, объективность выделения нескольких наборов признаков, отличающих три погребальные практики некрополя Фронтное 3, подтверждается независимой проверкой с помощью дискриминантного и факторного анализа. Лепная керамика обычно встречается вместе со скорлупой и костями птиц, кость животных в сосуде открытой формы вместе с лошадьё и вертикальным закладом либо отсутствием каменного заклада. Наличие сосуда в руке погребенного чаще всего коррелирует совместно с навалом камней в закладе могилы, а также расположением заупокойной пищи непосредственно на полу подбоя.

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА

3.1. Описание памятников и характеристика погребального обряда

В разное время различными исследователями проводились попытки картографирования и систематизации погребальных памятников римского времени Юго-Западного Крыма.

Наиболее ранней работой такого рода является статья Г.И. Мосберга, вышедшая в журнале «Советская археология» в 1946 г. В ней приведен перечень погребальных комплексов первой половины I тысячелетия (рис. 148). Для ближайшей округи Херсонеса обозначены некрополи: Балаклава, Биюк-Мускомия, Чоргунь, которые были отнесены к катакомбным могильникам I–II вв. н.э.; а также некрополи Варнутка, Панайотова бухта на берегу Севастопольского рейда, у Братского кладбища на северной стороне, устье рек Бельбек, Бельбек-Томак, Бельбек I, Бельбек II, Биюк-Каралез, соотносимые с рядовыми могильниками I–IV вв. н.э. (Мосберг, 1946. С. 118. Рис. 1).

Из последующих публикаций необходимо отметить карту, приведенную Т.Н. Высотской в своей монографии 1972 г. (рис. 149). К периоду I–IV вв. на рассматриваемой территории автор относит памятники: могильник Лепера, Бельбек I, Бельбек II, Танковое, Биюк-Каралез, курган близ Севастополя, Панайотова балка, Инкерман, Севастопольский, Телеграфные высоты, могильник Бертье Делагарда, Федюхины высоты, Черноречье, Кафало Вриси (Высотская, 1972. Рис. 20).

Информативны схемы, представленные в монографии А.Е. Пуздровского, вышедшей в 1997 г. (рис. 150, 151). На них к ближайшей округе Херсонеса отнесены памятники: Усть-Бельбекский (Бельбек-Тамак, экономия Л.П. Фон-Гротте); Бельбек I; Бельбек II (Холмовка, Заланкой); Бельбек III (Верхнесадовое); Биюк-Каралез (Красный Мак); Танковое; Бельбек IV; Северная сторона, Панайотова балка; Инкерманский; Чернореченский; Балаклава (Кефали Вриси); Мамай-Оба (Любимовка, совхоз им. Перовской, 1982); Северная сторона, Братское кладбище; бывшее имение Б.Ф. Шталя;

совхоз «Севастопольский»; Холмовка; Килен-Балка (Пуздровский, 2007. Рис. 2,3).

Одной из последних работ, в которой предпринят подробный анализ распространения и изученности погребальных памятников региона, является статья Ю.П. Зайцева. В ней исследователь приводит данные о 99 пунктах обнаружения погребальных комплексов первой половины первого тысячелетия на территории Крыма (Зайцев, 2022). Отталкиваясь от приведенных, данных можно выделить 32 погребальных памятника, расположенных в ближайшей округе Херсонеса (рис. 152). Все некрополи разделены Ю.П. Зайцевым на группы по степени изученности и введению в научный оборот. Из них на 20 были произведены археологические исследования, материал из которых в разной степени опубликован. По данным Ю.П. Зайцева, к некрополям, исследованным на 80–100%, относятся 4 памятника – Фронтное 3, «курган-кладбище» Братское кладбище, Киль-Дере 1, Севастопольский (Совхоз-10). К некрополям, на которых исследовано 50% площади и больше, относит могильник Бельбек IV. К могильникам, где изучено более 100 погребальных комплексов, отнесен только могильник Алмалык (Алмалык-Дере). К некрополям, у которых исследованиями охвачены от 51 до 100 комплексов, относит Бельбек I (Бельбек III) и Чернореченский. К группе, где раскопкам подверглись от 11 до 50 погребений, Ю.П. Зайцевым отнесено 8 памятников: Красный Мак, Инкерманский, Терновка 2, Гончарное (Варнутка), Передовое (Саманлы-Баир), Муловский, Александриада, Бельбек II (Заланкой/Холмовка). Наименьшее количество раскопанных объектов, менее 10, известно на 4 некрополях: Мамай-Оба (Любимовка), Мангуп, Килен-Балка, Танковое.

По сведениям Ю.П. Зайцева, исследования не проводились на следующих памятниках: имение Шталя (Алькадар/Усть-Бельбекский), Пугу-Кая, Танковое II, Кузу-Кулак-Бурун, Панайотова балка, Федюхины высоты 1–2, Телеграфные высоты 1–3, Кефало-Вриси (Балаклава), Чоргунь (Черноречье).

На основании подборки изученных погребальных комплексов, сделанной Ю.П. Зайцевым в своей работе, помимо могильника Фронтное 3 будут проанализированы 16 некрополей, материалы которых оказались наиболее доступными для изучения. К ним относятся: Алмалык (Алмалык-Дере), Бельбек I (Бельбек III), Бельбек II (Заланкой/Холмовка), Бельбек IV, Братское кладбище, Гончарное (Варнутка), Инкерманский, Килен-Балка, Киль-Дере 1, Красный Мак, Мамай-Оба (Любимовка), Муловский, Передовое (Саманлы-Баир), Севастопольский (Совхоз-10), Танковое, Чернореченский (рис. 153; приложение 5).

Для проведения сравнительного анализа погребального обряда могильников округа Херсонеса на первоначальном этапе необходимо ознакомиться со спецификой памятников, которые планируется привлекать к анализу. Ниже приведу основные характеристики, присущие планиграфии, структуре погребальных сооружений и погребальному обряду предполагаемых для анализа могильников. Опубликованные материалы разнятся по степени информативности, в связи с этим информация по каждому некрополю может иметь разный объем и содержание. По каждому памятнику первоначально будет приведен обзор последовательности его исследования с указанием ссылок на всю доступную литературу с описанием памятника и погребального обряда. Далее приводится подсчет исследованных комплексов и дается описание специфики погребальных комплексов и погребального обряда.

Алмалык (Алмалык-Дере) (рис. 153, 8; 154). Могильник расположен на юго-восточном склоне Мангупского плато. Впервые о нем сообщил Е.В. Веймарн, который в 1938 г. провел на памятнике небольшие разведочные работы. В 1982–1983 гг. первые раскопки были проведены В.А. Сидоренко. В 1996–2008 гг. исследования на могильнике носили охранный характер, производилась фиксация разрушенных грабителями комплексов. В 2006–2008 гг. некрополь исследовался в рамках международного проекта. Небольшие работы были проведены в 2011–2013 гг. На современном этапе исследования

возобновлены в 2019 г. (Maćzyńska et al., 2016; Науменко и др., 2022). Могильник датируется второй половиной IV – концом VII в.

Всего на 2022-й г. было обнаружено 266 грунтовых погребальных сооружений, из которых археологически изучены только 119. Комплексы представлены 81 грунтовым склепом, 27 подбойными могилами, 4 могилами с заплечиками, 6 грунтовыми могилами, 4 из которых содержали конские захоронения. Выявлен курган с подбойной могилой внутри, ограниченной двумя кольцевыми конструкциями – каменной обкладкой и внешним ровиком. Другим интересным объектом является погребение, названное исследователями Т-образной могилой. В ней находилось сооружение, схожее по форме с грунтовым склепом, оно было перекрыто грунтовой насыпью и окружено каменной кольцевой обкладкой (Герцен и др., 2020. С. 114–115. Рис. 9; Науменко и др., 2022. С. 186).

Для сравнения будут использованы могилы первой фазы существования некрополя, соотносимой со второй половиной/концом IV – первой половиной V в. Всего подобных комплексов насчитывается не менее 68 (приложение 5). Погребения этого периода фиксируются по всей территории памятника, особая их плотность характерна для северной части некрополя. Могилы отличаются разнообразием, к этому этапу относятся все открытые курганы и конские захоронения, Т-образная могила, три из четырех могил с заплечиками, значительная часть подбойных могил и склепов. Среди грунтовых склепов выделяются несколько типов, общей особенностью которых является наличие небольшого дромоса. Всего с первой фазой соотносятся 43 грунтовых склепа. Для них характерны длинные трапециевидные входные ямы с несколькими ступеньками в задней части, у некоторых склепов ступеньки отсутствуют, а в задней стенке вырублены ступеньки в виде неглубоких ниш рассчитанные на постанавку стопы. Свод склепов этого периода – коробовый (горизонтальный, вынесенный вверх) или килевидный (стрельчатый в разрезе). В противоположной от входа стенке встречены небольшие треугольные ниши (Науменко и др., 2022. С. 187).

Бельбек I (Бельбек III) (рис. 153, 2; 155). Могильник исследовался в 1903–1904 гг. Н.М. Печенкиным. Расположен на западном берегу реки Бельбек в 4,8 км от ее устья, на южной стороне небольшой возвышенности. Всего за два полевых сезона было исследовано 22 могилы и одно захоронение коня (Журавлев и др., 2021. С. 13). В 1964–1965 гг. на приподнятой террасе левого берега реки в черте поселка ВИР («Всесоюзный институт растениеводства») О.Я. Савеля обнаружил 5 разрушенных могил (Филиппенко и др., 2016. С. 140). На месте обнаружения комплексов в 1967 г. экспедицией ГИМ под руководством И.И. Гущиной было раскопано 29 погребений. И.И. Гущина обозначает местоположение памятника в 5–6 км от устья, на нижней надпойменной террасе левого берега, недалеко от могильника Бельбек I (Гущина, 1970. С. 39). Исследователем некрополь был обозначен как Бельбек III.

Особенностью некрополя является расположение могил на одинаковом расстоянии друг от друга в четыре ряда. И.И. Гущина датировала памятник концом II – первой половиной III в. н.э. (Гущина, 1974). В 70–80-х гг. раскопки на памятнике не производились, но, по данным разведочных работ, было установлено, что могильник распространяется от исследованного в 1967 г. участка в восточном и западном направлениях. Западная и юго-западная его части при этом представлены рядами грунтовых и подбойных могил начала эры (Филиппенко и др., 2016. С. 141). По данным А.А. Филиппенко и коллег, в восточной части некрополя ситуация меняется. Здесь они предполагают наличие группы грунтовых склепов, ориентированных преимущественно меридионально. В промежутках между склепами отмечают каменные ящики, содержащие кремационные погребения. Один из склепов, датированных третьей – четвертой четвертью IV в., был раскопан в 2000 г. (Филиппенко и др., 2016. С. 141). Ю.П. Зайцевым на основании сопоставления картографических, архивных и опубликованных материалов было высказано мнение о том, что выделенные в отдельные памятники могильники Бельбек I

и Бельбек III являются одним некрополем, который исследователь датирует II–IV вв. (Зайцев, 2022. С. 103, 111).

Таким образом, за все годы исследований на могильнике выявлено 53 сооружения, соотнесенных авторами публикаций с погребальными комплексами, у 43 из них определен тип: кремационные погребения в грунтовых ямах – 3, подбойные – 10, простые грунтовые – 11, грунтовые перекрытые плитами – 1, плитовые могилы – 17, грунтовый склеп – 1, погребение лошади – 1 (приложение 5).

Подбойные могилы имели одну нишу, в 9 случаях она располагалась с восточной стороны. Входные ямы подбойных могил и грунтовые могилы зачастую забиты камнем. Все погребальные сооружения вытянуты по линии север – юг. Входные ямы подбойных могил имеют размеры от 1,8x0,6 м до 2,25x0,6 м. Подбойные ниши в среднем имеют размер 2x0,6 м. Размер грунтовых могил составляет от 1,5x0,6 до 2x0,9 м. Для плитовых могил характерна отличительная особенность, представленная расположением в погребении деревянных колод (обрубков), находящихся либо у торцевых стенок могилы, либо по центру. Грунтовый склеп ориентирован погребальной камерой на ЮЮВ. Входная яма длиной около 4,3 м, шириной по всей длине 0,8 м, завалена камнем, ступенек в противоположной от дромоса стенке не зафиксировано. Размер погребальной камеры 2,05x2,3 м, высота 1,5 м. В камеру вели три ступеньки. В противоположной от входа стене имеется ниша.

Ориентировка выявлена в 22 комплексах, во всех случаях погребенные лежали головой на юг. В грунтовом склепе захоронения мужчины, женщины и ребенка, все ориентированы головой на восток, перпендикулярно длинной оси склепа, вдоль восточной стенки расчищены остатки деревянной конструкции.

Особенности погребального обряда, по имеющимся публикациям, представлены плохо. И.И. Гущина отмечает, что детские погребения сопровождаются меньшим количеством инвентаря, в основном бусами. Заупокойная пища чаще всего представлена мясом овцы, располагалась в

головах погребенных, реже в ногах, иногда кувшин ставился в миску (Гущина, 1970. С. 39; Гущина, 1974. С. 33).

Кость животного отмечена в 5 могилах (5, 8, 10, 11, 17), все они разной степени сохранности и датируются не ранее середины III в. Случаев размещения напутственной пищи в сосудах открытых форм не отмечено. Кости располагаются в районе тазовых костей (могила 8), в районе головы (могила 10, 11?), в районе правого локтя (могила 17) (Журавлев и др., 2021. С. 35–78).

Из особенностей расположения заупокойной пищи можно отметить плитовую могилу 14, в которой в ногах погребенного была устроена ниша в стенке, где находились амфора, стеклянный сосуд и кость животного. В грунтовом склепе среди находок зафиксированы фрагменты деревянной шкатулки.

Бельбек II (Заланкой/Холмовка) (рис. 153, 5; 156). В 1946 г. Г.И. Мосберг опубликовал материалы разведок 1937 и 1938 гг., в результате которых был выявлен новый погребальный памятник, названный им Бельбек II. Некрополь находился на правом берегу реки Бельбек, на поле деревни Нижние Каралезы (совр. Красный Мак). Могильник грунтовый, в рассматриваемый период были зафиксированы 6 погребальных сооружений (Мосберг, 1946. С. 114). В 1961 и 1966 гг. на памятнике совместной экспедицией ГИМ и БИАМ было исследовано 8 погребений (Гущина, 1974. С. 33). В 2003 г. Бельбекским отрядом Альминской археологической экспедиции, в 2,5–3 км к СВ от села Холмовка были произведены небольшие охранные раскопки, в результате которых раскопано 11 могил. А.А. Труфанов указывает, что в 0,5–0,6 км к востоку от места работ 2003 г. располагается частично застроенная возвышенность, на которой предположительно локализуется могильник Бельбек II (Труфанов, 2014. С. 183). Ю.П. Зайцев на основании сопоставления картографических, архивных и опубликованных материалов высказал предположение о том, что могильник Бельбек II и погребения,

исследованные близ села Холмовка, являются одним некрополем, который он датирует I–III вв. н.э. (Зайцев, 2022. С. 103, 111).

Всего на памятнике открыто 25 погребальных сооружений, у 20 из них можно определить тип сооружения: подбойных – 3, грунтовых ям – 11, грунтовых с заплечиками, перекрытых плитами – 3, плитовых могил – 1, земляной склеп – 1, погребение в насыпи – 1 (приложение 5).

Входные ямы подбойных могил имеют размеры около 1,8x0,5 м, ниши размером 1,5x0,5–1,8x0,6 м. В одном случае и яма и подбой имеют большие размеры – 2,6x0,4–0,7 м. Дно подбоя, расположенное ниже дна входной ямы, прослеживается лишь в одном случае. Простые грунтовые могилы имеют размеры от 1,65x0,5 до 2,24x0,75 м. В двух из них в заполнении расчищены груды камней, в одной встречены остатки тризны (?). Для земляного склепа указан только размер погребальной камеры, он составляет 1,5x2 м, другой информации не приведено.

Многие могилы были разграблены, ориентировка выявлена лишь в 14 погребениях. Преобладает ЮЗ ориентировка – 9 захоронений, встречена также СВ – 3 случая и СЗ – 1 захоронение. Вытянутое положение туловища отмечается в 6 комплексах. Положение рук, вытянутых вдоль тела, зафиксировано в 4 случаях. В могиле 7 (2003) руки согнуты в локтях, кисти расположены на тазе. В могиле 4 (2003) ноги согнуты в коленях и повернуты вправо.

Заупокойная пища зафиксирована в единичных захоронениях. В могиле 1 (1937) указывается наличие кости быка, в могиле 1 (2003) на теле была расположена керамическая чаша с костью птицы и ножом внутри. В могиле 3 (1938) у кисти правой руки обнаружен небольшой краснолаковый сосуд. В могиле 13 (1966) красноглиняный сосуд был накрыт стенкой другого сосуда. В двух случаях обнаружена деформация черепов. В могиле 3 (1937) бусами обшит подол платья.

Могильник Бельбек IV (рис. 153, 3; 157, 158) располагается на правом берегу одноименной реки, примерно в 1,5 км от устья, на вершине холма, на

территории поселка Любимовка. Впервые памятник был обнаружен в 1901 г. Н.М. Печенкиным, в 1960-х гг. его вновь открыл О.Я. Савеля. В 1969 г. экспедиция ГИМ под руководством И.И. Гущиной начала проводить на нем исследования. Работы продолжались до 1976 г., затем были возобновлены в 1979 г. и прекращены в 1991 г. В 2004 г. небольшие работы на памятнике были организованы Д.В. Журавлевым и К.Б. Фирсовым, исследовано 5 могил. В 2021 г. на некрополе проводились работы под руководством Э.И. Сейдалиева, исследована площадь 641 кв. м, выявлено 84 погребальных сооружений (Гущина, Журавлев, 2016. С. 5–8; Труфанов, Стоянова, 2023. С. 5).

Точное количество открытых подбойных могил подсчитать сложно. В статье И.И. Гущиной 1997 г. указывается, что они составляют около половины всех сооружений могильника Бельбек IV (Гущина, 1997. С. 30), при этом используется подборка из 314 погребений. В монографии, посвященной могильнику, приводятся данные о 336 погребальных комплексах, при этом также указывается, что подбойные могилы составляют около 50% (Гущина, Журавлев, 2016. С. 9). По всей видимости, в монографии использовались процентные соотношения из более ранней статьи (Гущина, 1997. С. 30). Вероятнее всего 50% подбойных погребений нужно отсчитывать именно от 314 комплексов, указанных в статье 1997 г. В таком случае к 157 погребениям нужно добавить 5 могил, исследованных в 1991 г., 2 могилы, изученные в 2004 г., и 65, исследованных в 2019 г. В итоге общее количество подбойных могил – 229.

В результате всех проведенных исследований на могильнике Бельбек IV изучено 420 погребальных сооружений (Гущина, 1997; Гущина, Журавлев, 2016; Труфанов, Стоянова, 2023) (приложение 5; приложение 6). Подбойные могилы – 229, простые грунтовые могилы – 164, грунтовые ямы с заплечиками – 5, грунтовая яма с пазами вдоль длинных стенок – 1, плитовые могилы – 5, плитовые могилы с установкой камня вдоль одной длинной стенки – 6, погребение лошади – 1, неопределенные или разрушенные – 9. Наличие грунтовых склепов, характерных для позднескифской культуры, в ранней,

разрушенной, части памятника исследователи предполагают, но не фиксируют (Гущина, Журавлев, 2016. С. 11).

Подбойные могилы ориентированы, главным образом, с северо-запада на юго-восток, но присутствуют и другие варианты. В большинстве случаев подбой совершен в юго-западной стенке, но встречены варианты его расположения в юго-восточной, северо-западной, юго-западной, северо-восточной, восточной и южной стенках. Входные ямы зачастую узкие, прямоугольные, длиной до 2,2 м, шириной до 0,6 м. Подбой имели размер до 2,45 м в длину и шириной от 0,45 до 0,75 м. Детские погребения имели меньшие размеры, в основном 1,25x0,4 м. В большинстве могил дно подбоя ниже дна входной ямы на 0,2–0,35 м. Заклад чаще всего состоял из вертикально установленных плит. Навал камней зафиксирован в единичных комплексах.

Могилы с двумя подбоями представлены 12 комплексами, 3 из них открыты в результате работ 2021 г. Подобные могилы распространены по всей площади памятника. В 6 случаях входные ямы подбойных могил были забиты камнями, еще в 11 прослежены остатки такого обряда.

Простые грунтовые ямы выявлены в количестве 164. Большинство из них исследованы в период с 1969 по 1990-е г. В 1991 г. обнаружено 11 комплексов, в 2021 г. – еще 10. Чаще всего грунтовые ямы имеют прямоугольную форму со скругленными углами. Ориентированы преимущественно по линии северо-запад – юго-восток, немалым числом представлена ориентировка северо-восток – юго-запад. Размеры в основном не превышают 2x0,9 м, глубина до 1,6 м.

Отдельной категорией могут быть представлены грунтовые ямы с заплечиками. Их выявлено 5, ориентированы в 4 случаях по линии СВ – ЮЗ, в одном случае – север – юг. Ямы имеют значительную глубину – 1,8–2,7 м. Ширина заплечиков достигает 40 см. Обнаружена одна яма с пазами в длинных стенках.

Плитовых могил всего выявлено 5: 2 – в результате работ 1991 г. и 3 в процессе исследований 2021 г. Плиты стояли вдоль длинных стенок могилы, некоторые сверху были перекрыты камнем. Часть могил ограблена. Ориентировка различная, известны погребальные сооружения, вытянутые по линии СВ – ЮЗ, ЮЮЗ – ССВ, ЮЗ – СВ.

При рассмотрении иллюстративной части монографии 2016 г. прослежена группа могил, у которых вдоль одной из стенок располагались каменные плиты (могилы 6, 23, 80, 82, 93, 223). Подобные комплексы не были выделены исследователями в отдельную группу. Могилы имеют разную датировку, ориентированы по линии север – юг, восток – запад, СВ – ЮЗ, СЗ – ЮВ. Во всех комплексах вдоль одной из стенок располагались 2–3 вертикально установленные плоские плиты.

Почти все погребения, открытые на могильнике Бельбек IV, одиночные, за исключением 223-й могилы, в которой мужской костяк был сдвинут, а рядом уложен женский. В могиле 240 во входной яме было сделано погребение, перекрытое каменными плитами. Еще в нескольких ограбленных комплексах отмечены кости двух индивидов.

В комплексах, исследованных в период до 1991 г, деревянные конструкции в виде гробов и колод отмечены в 47 могилах, практически все они характерны для II – 1-й половины III в. н.э. По результатам работ 2021 г. в большинстве погребальных конструкций (не менее 53 случаев) зафиксирован древесный тлен различной сохранности.

Основное положение погребенных – вытянутое на спине, руки также вытянуты вдоль тела. За все годы исследований скорченное положение погребенных зафиксировано в 6 могилах, руки размещены на тазе не менее чем в 25 случаях, ноги скрещены в голенях у 14 умерших.

Превалирует южная ориентировка. Для комплексов, исследованных к 1991 г., характерна следующая ситуация: с отклонением на запад и восток – 36%, непосредственно на юг ориентировано около 9%. Северная ориентировка составляет около 28%, она характерна для более поздних погребений, начиная

со II в. н.э.; подобные погребения расположены компактно в северо-западной части некрополя, составляя здесь большинство. На запад ориентировано 2,9% погребенных, на восток – 1,4%. Среди погребений, исследованных в 2021 г., характерно также южное направление: головой на ЮЮЗ – 23 погребения, на ЮЮВ – 3 погребения, на юг – 2 погребения.

Половозрастные характеристики. В монографии 2016 г. пол и возраст погребенных указан в 148 случаях, при этом значительна доля женских погребений – 108, детских погребений отмечено 26, тогда как мужских всего 14. Вероятно, значительный перекося в сторону женских погребений может быть связан с отсутствием антропологического анализа и определением пола погребенного относительно состава инвентаря в могиле⁵. В ходе работ 2021 г. половозрастные характеристики установлены для 24 комплексов: мужские – 9, женские – 5, детские – 10.

На могильнике исследован 91 комплекс, в которых, согласно текстовому описанию и планам могил, указаны кости животных. В 38 погребениях кость животного зафиксирована в сосудах открытых форм, 25 из них датируются второй половиной I – началом/первой четвертью II в., тогда как 9 погребений – первой половиной II в. и всего 4 погребения относятся ко второй четверти II в. – началу/первой половине III в. Расположение заупокойной пищи без сосуда открытой формы на дне могилы отмечено в 52 случаях. К концу первого I – первой половине II в. относится 21 комплекс. Периодом от середины II до середины III в. датируются 32 комплекса.

Заупокойная пища располагалась обычно у головы погребенного, наиболее часто встречаемая комбинация посуды, по данным И.И. Гущиной, – кувшин, тарелка или миска, чаша или кубок (Гущина, 1997. С. 35). В ряде погребений посуда совместно с заупокойной пищей находилась в районе рук, таза или в ногах погребенного.

⁵ Благодарю Дениса Валерьевича Журавлева за консультацию.

Братское кладбище (рис. 153, 9; 159). В 1904–1905 гг. Н.М. Печенкиным были произведены раскопки на некрополе, сооруженном в насыпи кургана эпохи бронзы, возвышающгося по левую сторону от дороги, идущей с северной стороны Севастополя к станции «Мекензиевы горы». Курган был расположен на возвышенности к северо-западу от Братского кладбища. В его насыпи открыто одно погребение эпохи бронзы и 9 впускных могил первых вв. н.э. Исследователь указывает, что в трех случаях стенки могилы были обложены с одной стороны плитами (в двух – с восточной, в одном – с западной стороны). В сводке И.И. Гушиной, видимо, именно по этой причине могилы 1–3 были обозначены как плитовые (Гушина, 1974. С. 48–49). При этом в подробном издании материалов захоронений, опубликованных Д.В. Журавлевым, К.Б. Фирсовым, С.В. Бельским, на приведенном плане расположение камней вдоль стен показано идентично могилам 7–9, которые были обозначены Н.М. Печенкиным как подбойные. Помимо этого, в погребениях 2 и 3 плиты расположены так, как если бы эти могилы являлись подбоями одной могилы (Журавлев и др., 2021. Рис. 56, 57). Сам Н.М. Печенкин указывает, что могила 3 обнаружена параллельно предыдущей могиле 2 (Журавлев и др., 2021. С. 114). Исходя из этого предлагаю, могилы 1–3 также относить к подбойным захоронениям.

Таким образом, всего исследовано 9 могил – 3 грунтовые ямы и 6 подбойных (приложение 5). Подбойные ниши сооружены в 5 случаях с западной стороны, в одной могиле – с восточной. Одна могила была ограблена в древности; в остальных погребенные положены вытянуто на спине, головой на юг (6 случаев), ЮВ и ЮЗ (по 1 случаю). В четырех погребениях руки находились на тазе, в одном – только правая рука лежала на тазовых костях, в остальных погребениях руки вытянуты вдоль тела. Ноги во всех погребениях параллельно лежащие.

Расположение кости животного (кости копытных животных и в одном случае кости птицы) отмечено в 5 могилах (1, 2, 5, 7, 9). Все они датируются в пределах второй половины I – первой четверти II в. Во всех случаях кость

животного находилась в сосуде открытой формы с ножом или без него, располагаясь за головой (в 6 могилах) или в районе ног (в 3 погребениях) (Журавлев и др., 2021. С. 105–139).

Гончарное (Варнутка) (рис. 153, 15; 160,2). Обнаружен в 2015 г. над Варнутской долиной в 1 км к северу от одноименного села. На памятнике была произведена расчистка трех грабительских ям, а также заложен шурф площадью 4 кв. м. Зафиксированы неупорядоченные, налегающие друг на друга развалы фрагментов керамики – урны с кремированными останками. В общем развале глиняной посуды выявлено около 26 сосудов (часть из них со следами ремонта), среди которых преобладают амфоры южнопонтийских центров – Гераклеи и Синопы, датируемые I в. до н.э. – I–II вв. н.э. Отмечены нарушения одного погребения другим (Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., 2018. С. 273).

Всего выявлено 26 кремационных погребений (приложение 5).

Инкерманский могильник (рис. 153, 10; 161). Располагается на правом берегу реки Черной, в 1,5 км от ее устья, на западном склоне возвышенности. Памятник обнаружен в 1940 г., тогда же С.Ф. Стржелецким и И.Д. Шеренговым был раскопан грунтовый склеп; в 1941 г. на некрополе также проводились небольшие работы. Масштабные раскопки на памятнике были продолжены в 1948 г.

Всего раскопано 50 погребальных сооружений, представленных 26 подбойными могилами, 10 грунтовыми ямами, 7 грунтовыми ямами с заплечиками, 7 грунтовыми склепами (приложение 5А; приложение 7). Кроме того, были открыты начатые, но не законченные в древности могилы, захоронения в них не обнаружены (4 подбойные и один склеп) (Стржелецкий, 1947; Веймарн, 1957; Веймарн, 1963). Анализ опубликованного плана показал, что неглубокие грунтовые ямы без заплечиков сосредоточены компактной группой в центральной части некрополя.

Подбойных могил исследовано 26, что составляет 52% от всего числа раскопанных погребальных сооружений. Захоронения в нише в северной

стенке совершены в 21 могиле, в западной и восточной известно по два случая, одна могила является двухподбойной с устройством подбоев в северной и южной сторонах. Входные ямы имеют размеры от 1,7x0,5 м до 2,6x1,1 м, их глубина около 2 м и более, в редких случаях составляет 1,5 или 1,7 м. Отдельные могилы имеют значительную глубину – до 2,85 и 3,1 м. Подбойные ниши имеют размеры от 1,8x0,7 до 2,6x0,7 м, в отдельных случаях открыты более крупные подбои, достигающие размеров 2,8x0,7 и 3,1x0,9 м. Подбои всегда перекрыты плоскими камнями, установленными вертикально, чаще всего их используется 3–4, в одном случае под ними были размещены горизонтальные камни. В 18 могилах дно подбоя ниже дна входной ямы, перепад достигает от 0,1 до 0,75 м, чаще всего это оформлено в виде одной или двух ступенек. При наличии двух ступенек камни заклада установлены на нижней.

Грунтовые ямы с заплечиками в целом более крупные, чем простые грунтовые ямы. Первые имеют размер от 1,9x0,75 до 2,45x0,85 м, глубина могил – от 1,25 до 2,6 м. Обычные грунтовые ямы при схожих размерах имеют меньшую глубину, которая составляет от 0,9 до 1,6 м.

Все грунтовые склепы, за исключением исследованного в 1940 г., либо ограблены, либо разрушены в результате хозяйственной деятельности. Большинство из них ориентированы погребальной камерой в северный сектор: три – по линии север – юг, один – по линии северо-восток – юго-запад, один – по линии северо-запад – юго-восток. Два склепа имеют другое направление – длинной осью ориентированы по линии восток – запад. В 4 случаях указана длина входных ям, она варьирует в пределах от 3,4 до 4,1 м, ширина до 0,9 м. Ступеньки в противоположных от погребальной камеры стенках указаны в 4 случаях, их количество составляет от 1 до 8. В склепе 5 (31) входная яма имеет длину 1,75 м, в ней вместо ступенек оформлена ниша. Дромосы перекрыты каменными плитами размерами от 0,7x0,7 до 0,9x0,9 м. Ширина дромосов – от 0,6 до 0,8 м, высота – от 0,6 до 1 м, длина – 0,5–0,6 м. Дно погребальной камеры всегда ниже, в нее ведут ступеньки в количестве от 2 до 4. По форме они

прямоугольные или трапециевидные; в двух случаях ось камеры перпендикулярна оси входной ямы, в остальных является ее продолжением. Размеры камер – в пределах 2,3x2,1 – 2,7–2,85 м, в одном случае камера меньше и имеет размеры 1,5x1,45 м. Высота сводов – 1,6–1,8 м. В 5 склепах зафиксированы ниши в стенах, в большинстве камер они располагались в противоположной от входа стенке, в одном склепе находились по одной на каждой боковой стенке.

Ориентировка в подбоях и грунтовых ямах различается. Для подбоев преобладающим направлением является положение головой на восток, их зафиксировано 13, в одном случае отмечена ориентировка на юг. В простых грунтовых ямах преобладает ориентировка на север (5 захоронений), по одному случаю выявлено направление на восток, запад и юг. В грунтовых ямах с заплечиками по два раза присутствует ориентировка на восток и север. Для захоронений, совершенных в подбоях, характерно положение погребенных вытянуто на спине. В грунтовых ямах при преобладании положения на спине имеются варианты, представленные положением на боку с подогнутыми ногами и согнутыми руками. Для всех групп нехарактерно размещение костей рук на тазе, подобных случаев отмечено всего два, в одном погребении руки согнуты в локтях. Перекрещивания ног не зафиксировано. Деревянные конструкции и их остатки не отмечены. В нескольких могилах встречены остатки золы. В большинстве склепов кости погребенных смещены, можно установить только их количество – от 1 до 3. В склепе, исследованном в 1940 г., обнаружены костяки 4 индивидов, ориентированные на юго-восток и расположенные перпендикулярно длинной оси камеры. Костяк 1 лежал на левом боку, у костяка 2, расположенного на спине, были скорчены ноги, костяк 4 располагался на правом боку, ноги были согнуты.

В большинстве комплексов, где был зафиксирован погребальный инвентарь, он располагается за головой погребенного. Керамическая посуда представлена крупными краснолаковыми блюдами, лепными сосудами, светлоглиняными амфорами, нередко стеклянные сосуды. Отдельные

посудные сервизы имеют крупные наборы. Достаточно часто встречены предметы вооружения, в том числе мечи и клинки. В одном из грунтовых склепов обнаружена пластина от шкатулки. Судя по опубликованным материалам, можно с уверенностью говорить о наличии четырех погребений, где зафиксирована кость животного (6, 15, 19, 20). В двух случаях – за головой в посуде вместе с яичной скорлупой (6, 15), еще в двух – за головой рядом с краснолаковыми чашами (19, 20). В ряде могил в краснолаковых сосудах обнаружены только фрагменты яичной скорлупы. Простые грунтовые ямы либо не содержали сопроводительного инвентаря, либо он представлен единичными предметами; заупокойной пищи и керамической посуды, за исключением одной могилы, не содержали.

Килен-балка (рис. 153, 11). В 1968 г. на верхней и средней частях крутых склонов Килен-балки, в восточной части Гераклеийского полуострова был обнаружен склеп IV в. н.э. В 1991–1992 гг. под руководством О.Я. Савели здесь было раскопано еще 7 грунтовых склепов, многие из которых были разграблены в древности (Контны, Савеля, 2006. С. 129).

Всего на памятнике исследовано 8 сооружений, представленных грунтовыми склепами (приложение 5). Погребения совершены на спине в деревянных гробах, расположенных вдоль длинной оси склепа.

Погребальный инвентарь представлен сосудами, предметами вооружения, украшениями, монетами, инструментами. Примечательно, что в небольшом количестве изученных погребальных сооружений обнаружено свыше 60 столовых сосудов открытых и закрытых форм, большинство из которых краснолаковые кувшины, миски, тарелки, чаши (Нессель, 2003, С. 108). Вооружение представлено также внушительной группой предметов: 7 мечей и кинжалов, 7 наконечников древкового оружия, 1 топор (Контны, Савеля, 2006, С. 129–148; Нессель, 2003. С. 121). По погребальному инвентарю склепы датируются IV – началом V в. н.э.

Киль-Дере 1 (рис. 153, 12; 162). В 2020–2021 гг. на левом берегу реки Черная, в центральной части Инкерманской долины Институтом археологии

РАН были произведены исследования грунтового некрополя Киль-Дере 1. Всего на площади около 9000 кв. м была исследована 421 могила, из которых только 28 оказались незатронутыми грабителями.

Планиграфически некрополь можно разделить на несколько основных частей, разделенных между собой скальным выходом: центральная, северная, юго-восточная, северо-восточная. В северной и юго-восточной частях прослеживается рядность могил, случаев прорезания не выявлено. В центральной части наблюдается большая плотность, здесь погребения перекрывают друг друга (Язиков, Свиридов, 2022а).

Погребальные конструкции представлены несколькими типами (приложение 5). Основную массу составляют могилы с одним или двумя подбоями, всего их зафиксировано 359, что составляет около 85% от всех могил. Преобладают одноподбойные с расположением подбоя в западной стенке входной ямы, их выявлено 255. Захоронений с двумя подбоями обнаружено 104. Второй по численности являются простые грунтовые ямы, их 33 (7,8% от общего числа). Отдельной категорией являются грунтовые могилы с каменными ящиками внутри, их зафиксировано 13 (3% от общего числа) (Язиков, Свиридов, 2022б). В 4 случаях известен обряд кремации в амфоре (Свиридов, Язиков, 2022). У 12 могил тип не был определен из-за сильного разрушения.

Большинство могил имеют ориентировку по линии север – юг с небольшим отклонением. В северной части некрополя выявлена группа погребений, имеющих ориентировку по линии запад – восток.

Среди неграбленных 28 могил 2 представляют собой кремации в амфорах. Остальные 26 выполнены по обряду ингумации: подбойные могилы – 21, грунтовые ямы – 3, каменные ящики в грунтовых ямах – 2. В подбойных могилах заклад представлен тремя типами: перекрыт крупными плитам (7 случаев); плиты установлены на навале мелких камней (4 случая); заклад в виде наброса камней (6 случаев). В 6 подбойных могилах сделаны комбинированные погребения, костяки были размещены один над другим.

Всего из неграбленных погребений происходит 32 костяка, они все ориентированы в южный сектор (юг – 19, ЮЗ – 4, ЮЮЗ – 4, ЮЮВ – 3, ЮВ – 2). В 8 захоронениях были перекрещены ноги. Сохранность костяков плохая, в 4 случаях удалось установить, что одна из рук расположена на тазе, в 4 погребениях руки и ноги вытянуты. Находки костей копытных животных зафиксированы в 13 случаях. В 4 могилах она располагалась на СОФ, три из них датируются в рамках конца I – началом III в. (127, 170, 171). Одна могила относится ко времени 2-й половины III – середине IV в. (211), в ней в составе заупокойной пищи присутствовала также яичная скорлупа (Язиков, Свиридов, 2022). В 9 случаях кость копытного животного располагалась на дне могилы; все комплексы, за исключением одного захоронения, относятся к периоду с конца II по IV в. (могилы 52, 77, 202, 229, 233, 361, 389, 397). Погребение 320 по керамике может быть датировано I – 3-ей четвертью II в. Посуда вместе с костями животных в 13 захоронениях располагалась поверх ног или рядом с ними и только в 5 комплексах за головой погребенных. В могиле 320 в районе правой кисти найден стеклянный амфориск.

Красный Мак (рис. 153, б; 163). Могильник был открыт в 1983 г. на юго-западной окраине одноименного села. Памятник занимает небольшой холм длиной около 130 м и шириной 75–80 м, наибольшая высота холма составляет 3 м. Всего было открыто 16 погребальных сооружений, большинство из них расположено с южной стороны холма и только два с северной. Три сооружения датируются серединой – концом IV в., 7 сооружений – первой половиной V в., 5 – в рамках V в. (Лобода, 2005).

Из 16 исследованных сооружений 13 грунтовых склепа, три – подбойные могилы (приложение 5; приложение 8).

Подбойные могилы представлены двумя одноподбойными могилами, не имеющими каменного заклада и одной двухподбойной могилой, в которой заклад был комбинирован можжевельновыми столбами и упирающимися на них в южном подбое каменными плитами. В могилах 9 и 12 обнаружены 3 погребения, одно ориентировано головой на северо-запад, два – на северо-

северо-запад. По одному случаю левая и правая кисти располагались на тазе, в одном – обе кисти обнаружены на бедренных костях, ноги прямые, в одном случае правая нога была согнута. В могиле 9 поверх костяка расчищен скелет собаки, заупокойная пища отсутствовала. В восточном подбое могилы 12 за головой погребенного выявлена посуда, в миске располагались кость МРС и яичная скорлупа.

У всех склепов длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы. Входные ямы имеют длину от 2,8 до 3,85 м. В большинстве случаев входная яма расширяется от задней стенки к погребальной камере. В узкой части ширина варьируется от 0,3 до 0,75 м, в широкой – от 0,8 до 1 м. Для большинства склепов, где исследована входная яма, характерно наличие ступенек, их насчитывается от 3 до 7 штук. В склепе 1 ступеньки не зафиксированы. Дно во всех случаях плавно понижается к погребальной камере, в склепе 11 перепад составляет около 0,5 м. Дромос имеет длину от 0,45 до 0,95 м, ширину – 0,6–0,8 м, высоту – 0,65–1 м. Погребальные камеры в большинстве случаев имеют форму прямоугольника, размеры варьируются в пределах от 2,2х2,6 до 2,8х3,6 м, свод во всех коробовый (горизонтальный вынесенный вверх). Высота камеры от 1,75 до 2 м. Глубина погребальных камер от современной поверхности зафиксирована в диапазоне от 3,9 до 5,32 м. При входе в камеру всегда устраивались ступеньки в количестве от 1 до 4, в одном склепе они имели выступающие бортики по краям. Во всех изученных склепах, за исключением частично разрушенного склепа 7, в противоположной от входа стенке были сооружены земляные полочки-ниши длиной от 0,6 до 1,68 м, высотой от 0,2 до 0,47 м, глубиной – 0,2–0,4 м. Чаще всего они располагались на высоте от 1,08 до 1,6 м от дна камеры. Над полкой-нишей, за исключением двух разрушенных стенок, располагались от одной до трех небольших подтреугольных ниш. В склепе 15 они расчищены также справа и слева от ступенек на входной стенке.

Все склепы были разграблены, в погребальных камерах обнаружены останки от 2 до 5 погребенных, которые относятся как к мужским, так и

женским костякам, в том числе известно не менее 5 детских и подростковых захоронений. В склепе 11 зафиксировано непогребенное погребение, расположенное по длинной оси склепа вдоль западной стенки, головой ориентированное на юг, правая рука согнута в локте, левая прямая, под ногами находились два камня.

Заупокойная пища представлена бедренными и берцовыми костями КРС (9 костей) и МРС (14 костей), в семи склепах найдены фрагменты скорлупы, в трех – кости курицы. В 5 склепах выявлены кости собак, в двух случаях обнаружены скелеты, в остальных – только бедренные кости. В неграбленной могиле 12, датированной второй половиной III – IV в., в восточном подбое за головой погребенного стоял лепной сосуд и краснолаковая миска, в ней находились кость овцы и яичная скорлупа (Лобода, 2005. С. 202–203).

Мамай-оба (Любимовка) (рис. 153, 1; 164, 1). В 1982 г. в 4,5 км к СВ от села Любимовка в насыпи южного кургана группы Мамай-оба было раскопано 8 впускных захоронений, датированных второй половиной I – началом II в. н.э. (Зубар, Савеля, 1989) (приложение 5). Погребения были выполнены в подбойных могилах, все ниши, за исключением одной, сделаны в СЗ стенке входной ямы.

Все обнаруженные костяки являются женскими или детскими. Погребения совершались на спине с вытянутыми руками, в одной могиле фиксируются перекрещивание ноги, следы кошмы под погребенным. Ориентировка указана в двух случаях, головой на ЮВ и СВ.

Муловский (рис. 153, 16; 160, 1). Обнаружен разведочным отрядом под руководством О.Я. Савели в 2015 г. Располагается в 2 км к северу от села Передовое, в 0,5 км к востоку от Муловского озера. На памятнике заложены три шурфа площадью 10 кв. м. В них обнаружены урны с пережженными костями и фрагментами сопроводительного инвентаря. В подъемном материале и материале из шурфов доминирует лепная керамика. Амфоры представлены продукцией различных центров, преобладает колхидская

коричневоглиняная амфора I в. до н.э. – I в. н.э. (Савеля, Савеля, 2018. С. 270–271).

Выявлено не менее 8 кремационных погребений (приложение 5).

Передовое (Саманлы-Баир) (рис. 153, 17). Могильник выявлен в 2014 г. в результате работ О.Я. Савели над северной окраиной Байдарской долины, в 3 км от села Передовое. На памятнике был заложен шурф площадью 4 кв. м, зафиксировано не менее 16 раздавленных погребальных урн – амфор с кремированными останками. В материалах из разведочного шурфа и в подъемном материале доминировала керамика I в. до н.э. – I в. н.э. (Савеля, Савеля, 2018. С. 269).

Выявлено 16 кремационных погребений (приложение 5).

Могильник Севастопольский (Совхоз-10) (рис. 153, 13; 165) расположен на правом берегу реки Черной, к юго-востоку от подножия горы Сахарная Головка, на водоразделе двух балок. Памятник был открыт случайно, археологические исследования проводились с 1954 по 1966 г. под руководством заведующего античным отделом Херсонесского музея С.Ф. Стржелецкого. В 1967 г. раскопки склепов производил Ю.А. Бабинов (Стржелецкий и др., 2003–2004).

Выявлено 878 различных погребальных сооружений. Преобладают кремационные – 562 комплекса. Могил с ингумационными погребениями исследовано 316, включая грунтовые склепы (приложение 5; приложение 9).

Кремационные погребения выполнены в 505 керамических урнах и 57 каменных оссуариях, расположенных различными способами. Практически все оссуарии были размещены в 30 каменных ящиках и только два обнаружены в грунте. Керамические урны, напротив, в основном найдены в грунте, подобная ситуация характерна для 357 комплексов. В 32 случаях урны располагались в отдельной яме. Помимо этого, скопление из 9 урн было зафиксировано в подбойной могиле 89. В каменных ящиках обнаружено 107 керамических урн.

В качестве урн использовались амфоры (около 268 случаев, 47,7%), лепные сосуды, кувшины и горшки (128 случаев, 22,8%), краснолаковые сосуды, горшки и кувшины (71 случай, 12,8%), оссуарии (63 случая, 11,2%), гончарные сосуды (30 случаев, 5,5%).

Ингумационные погребения представлены различными вариантами. Среди них преобладают подбойные могилы, всего их зафиксировано 214, грунтовых могил разных типов – 71, грунтовых склепов – 19, выявлены одно подкурганное захоронение, один кенотаф и 10 неопределенных комплексов.

Подбойные и грунтовые могилы по своему составу неоднородны. Среди 71 грунтовой могилы отдельно можно выделить следующие категории: простые грунтовые ямы – 41, ямы с заплечиками – 7, каменные ящики, размещенные в грунтовых ямах – 13, захоронения младенцев в амфорах, размещенных в грунтовых ямах – 10 (8). Среди 214 подбойных также можно выделить отдельные категории: каменные ящики, размещенные в подбойных могилах – 6, погребения младенцев в амфорах, выполненных в подбоях – 10. Преобладают одноподбойные могилы, двухподбойных выявлено всего 25.

Размеры большинства грунтовых ям не превышают 1,2х0,7 м, это связано, по мнению авторов монографии, с тем, что в них хоронили в основном детей (Стржелецкий и др., С. 32–33). Размер взрослых грунтовых ям составлял 1,9х1,05 м, глубина всех незначительная – 0,35–0,5 м. Могилы с каменными ящиками имели по 2–3 плиты с продольных и по одной с торцевых сторон. Дно ящиков было земляным, сверху перекрыт камнем, между стенками ящика и могилы была осуществлена засыпка.

В подбойных могилах входные ямы ориентированы по линии СЗ – ЮВ, подбой в большинстве случаев располагался с СЗ, встречены также варианты его сооружения с севера, востока, юга, запада и ЮЗ. Подбой чаще всего короче входной ямы, дно ниже дна входной ямы. Высота подбойных ниш составляла от 0,4 до 1 м. Перекрывались подбой в основном плоскими камнями, установленными вертикально, известны случаи навала камней, а также отсутствие каменного заклада в 10 могилах. В могиле 114 заклад подбоя

комбинированный, первоначально была сделана деревянная перегородка, на которую навалили камни. Для подбойных могил, датированных III–IV вв., характерны плоские своды.

Выявлено 19 склепов, они располагались компактно в СВ и СЗ частях некрополя, ориентированы погребальными камерами на СВ, восток и ЮВ. Входные ямы имели длину от 2,45 до 3,15 м, глубину от 1,75 до 3 м и ширину от 0,4 до 0,9 м. В большинстве случаев они расширяются перед входом в погребальную камеру, многие не имели ступенек у задней стенки. Дромосы перекрыты каменными плитами, информации об их размерах нет, судя по иллюстрации, можно предположить, что их длина в двух случаях составляла 0,4–0,6 м. Погребальные камеры имели прямоугольную (подквадратную) или трапециевидную в плане форму, размеры в среднем 2,4х2 м, 2,5х2,1 м, высота от 1,6 до 2,7 м. В 11 склепах сохранились ниши, расположенные в стене напротив входа в камеру. Свод чаще всего стрельчатый. Все склепы были ограблены в древности, количество и расположение погребенных не установлено. Во входной яме склепа 10 обнаружен скелет лошади без черепа, с подогнутыми ногами.

В СЗ части открыто подкурганное погребение в каменном ящике, конструкция кургана была обнесена круглым ровиком с перемычкой в ЮВ секторе. По ряду находок в заполнении могилу можно отнести к III–IV вв. н.э.

Погребения преимущественно одиночные, но встречаются и коллективные по 2, 3 и даже 6 погребенных. Отмечен обряд погребений младенцев в ногах взрослых индивидов. В одном из подбоев могилы 8 выявлено коллективное погребение – 2 взрослых, 3 детей. Известны случаи захоронений во входной яме. В большинстве могил усопшие лежат на спине с вытянутыми конечностями. Перекрещивание ног отмечено у трех костяков. Обе руки располагались на тазовых костях в 7 комплексах. Расположение одной из рук на тазе встречается также редко: левой – в 5 случаях, правой – в 7. В 25 могилах отмечено скорченное положение погребенных, подобная

практика характерна как для взрослых захоронений (16 случаев), так и для детских (8 случаев).

В 214 погребениях удалось определить пол и возраст: дети и подростки – 69%, женщины – 17,3%, мужчины – 7,5%. Ориентировка погребенных – в основном в ЮВ сектор, подобных погребений выявлено 85,3%. Известна ориентировка головой на СЗ – 5,9%, они в основном относятся к I–III вв. 9 костяков (3,7%) ориентированы на СВ, 4 – на восток, по одному на ЮЗ, север и ЗЮЗ.

В расположении посуды и заупокойной пищи закономерностей не выявлено, она размещалась за головой, в ногах и у бедренных костей погребенных. В некоторых погребениях количество сосудов достигало 6 и 7 экземпляров. В 26 захоронениях отмечено помещение одного сосуда в другой. В качестве напутственной пищи чаще всего использовали яйца (выявлено около 50 случаев), курицу (11 случаев), мясо КРС и свиньи. Наличие мяса крупных животных упоминается лишь в 12 погребениях, при этом авторы указывают, что яйца и кости животных обнаружены преимущественно в погребениях III–IV вв., для I–II вв. почти нехарактерны. Среди напутственной пищи обнаружены также грецкие орехи, семечки арбуза или дыни, рыба.

Танковое (рис. 153, 7; 164, 2). В 1986 г. на западном склоне и вершине небольшой возвышенности, расположенной к востоку от села Танковое, на правом берегу реки Бельбек были раскопаны 8 могил. Памятник известен с 1954 г., когда в результате хозяйственной деятельности были разрушены несколько погребений. Захоронения в могилах 1 и 6 датируются первыми десятилетиями III в., остальные – более широко (Вдовиченко, Колтухов, 1994).

Всего раскопано 10 погребальных сооружений, представленных 6 грунтовыми ямами с заплечиками, 1 кремационным погребением, в трех случаях тип сооружения не установлен (приложение 5).

Грунтовые ямы с заплечиками были перекрыты известняковыми плитами. В трех случаях зафиксирована надгробная плита, установленная в восточной или западной части могилы. Размеры варьируют от 1,7x0,5 до

2,4x0,82 м, глубина до 1,45 м. В 4 погребениях установлена ориентировка: в 3 случаях головой на восток, в одном – на ВЮВ. Кости в большинстве случаев плохой сохранности. Выявлено труположение, вытянутое на спине. В самой крупной могиле 6, содержащей погребение женщины, фиксируются следы древесного тлена, кисти рук погребенной расположены на тазовых костях.

Кости животных отмечены в двух погребениях. В подбойной могиле 3, датированной началом III в., кость находилась внутри краснолаковой чашки. В грунтовой могиле 6, относящейся к III в., за головой погребенного находились светлоглиняная амфора, краснолаковый кувшин и рядом с ними кость животного (Вдовиченко, Колтухов, 1994).

Погребение 10 является кремацией, размещенной внутри лепного горшка.

Чернореченский могильник (рис. 153, 14; 166) расположен на левом берегу реки Черная, на северной окраине села Хмельницкое, на восточном склоне Федюхинских высот. Могильник занимает территорию не менее 4200–4500 кв. м. В 1950 г. В.П. Бабенчиковым был заложен раскоп площадью 575 кв. м. Могильник датируется в пределах II–IV вв. (Бабенчиков, 1963).

Всего на памятнике исследовано 87 могил: кремационных погребений в урнах – 33, подбойных – 38, простых грунтовых ям – 8, грунтовых склепов – 7, погребений коней – 2 (приложение 5; приложение 10).

Подбойные могилы имели прямоугольные входные ямы и подбои со слегка скругленными углами, чаще всего они ориентированы по линии СЗ – ЮВ. Длина входных ям варьирует в пределах 1,7–2,9 м для взрослых погребений и 0,9–1,4 м для детских, ширина в большинстве случаев 0,4–0,6 м. Размер подбойных ниш взрослых погребений составляет от 1,7x0,63 до 2,1x0,6 м, иногда достигает размеров 2,4x0,6 и 2,8x0,6 м, тогда как детские подбои имеют размеры от 1,12x0,3 до 1,57x0,75 м. Высота подбойной ниши в среднем 0,6 м. Чаще всего подбои перекрывались большими плоскими необработанными каменными плитами, поставленными на ребро. Известны случаи, когда плиты установлены в два ряда или два яруса. В 5 могилах заклад представлен навалом камней разного размера.

В 7 комплексах выявлены коллективные захоронения. В могилах 3, 6 (18), 24 (58), 35 (82) костяки расположены параллельно, в могиле 30 (69) – один над другим, в могиле 22 (56) в ногах женского костяка размещен детский скелет. В могиле 16 (46) в ногах взрослого погребенного обнаружен смещенный костяк.

Для 32 костяков определены половозрастные характеристики, из них 19 являются женскими, 11 – детскими и подростковыми и лишь только 2 мужскими. В могиле 31 (70) зафиксирована деформация черепа погребенного.

Для 18 погребений указывается наличие деревянных сооружений – гробов и колод, часто установленных на плоских камнях. В трех могилах упомянуты остатки кошмы и ткани. Ориентировка погребенных осуществлялась в северный сектор. Преобладает направление на СВ – 32 случая. Встречена ориентировка на СЗ и север по два случая, на восток – один случай.

Практически все погребенные положены вытянуто на спине, за исключением могилы 33 (72), где зафиксировано скорченное захоронение на правом боку. Расположение левой, правой или обеих рук на тазе отмечено в 9 могилах. В основном это характерно для погребений в колодах. У 5 костяков установлено перекрещивание ног.

Заупокойная пища и наборы посуды располагались в большинстве за головой погребенных (23 случая), иногда сбоку и в ногах костяка. В двух случаях заупокойная пища найдена под камнями заклада. По опубликованным материалам можно с уверенностью говорить лишь о пяти случаях, в которых указано наличие кости животного, еще в одиннадцати упоминается наличие ножа в сосудах открытых форм или рядом с ними. Кость животного зафиксирована рядом с краснолаковым кувшином на черепе (30), в ногах (4), рядом с бальзамарием и лепной чашей (22), в одном случае на лепной чаше (3). Выявлены погребения без напутственной пищи и керамических сосудов.

Простые грунтовые ямы представлены 9 комплексами, локализованными в верхней части могильника. Они выделялись небольшой глубиной,

аморфным контуром, имели размеры 1,5x0,5 м, в отдельных случаях – 1,95x0,85 м. Глубина от 0,3 до 0,8 м. Костяки в большинстве расположены в вытянутом положении, один в скорченном; безы Inventарные. Ориентированы головой на запад, СВ и север. В грунтовых ямах в 4 случаях совершены женские захоронения, в одном – погребение ребенка.

Земляные склепы. Всего выявлено семь, три из них разграблены. Ориентированы камерой на СЗ. Входные ямы различной длины, варьируют от небольших длиной от 1,5 м у склепа 4 (77) до 4 м у склепа 1 (6) и 4,48 м у склепа 3 (40). Дромос перекрыт каменными плитами, длина не указана, ширина до 0,9 м при высоте от 0,65 до 0,8 м. Погребальные камеры различной формы, в них обычно вели две-три ступеньки. В большинстве случаев склепы имеют небольшие погребальные камеры: 2,2x2,45, 2,25x2,16, 2,75x1,5, 2,5x2,5, 2,4x1,8 м. В склепе 1 (6) она имеет форму неправильного овала размером 2,75x1,5 м. Склеп 3 (40), судя по плану центральной части могильника, имел срезанный ЮВ край, к которому примыкала входная яма. Камера склепа 4 была неправильной прямоугольной формы, в западной части оформлена ступенька практически на всю длину склепа, на которой располагалась узда. Погребальные камеры имеют небольшую высоту. В склепах 1 (6), 2 (7), 5 (53) она составляет 1–1,3 м, в склепах 3 (40), 4 (77), 7 (75) достигает 1,7–2 м. Погребения выполнены в один ярус, расположены перпендикулярно длинной оси входной ямы. В склепах 1 (6) и 4 (77) обнаружено по одному погребенному, в склепе 3 (40) – два. В погребальной камере склепа 2 (7) обнаружены 4 костяка: мужской, женский и подросток были положены головой на СВ, в голове подростка находилось погребение ребенка, ориентированное головой на ЮВ. В склепах 1 (6) и у головы женского костяка в склепе 2 (7) был зафиксирован набор керамики. Заупокойная пища в некоторых случаях представлена костями копытных животных, наличие яичной скорлупы не отмечено.

Значительную группу составляют трупосожжения в урнах, всего их выявлено 33. Урны закапывались на глубину 0,3–0,7 м, из-за этого многие из

них были разрушены. Большинство располагалось в верхней части могильника, и только одна на южной части склона. Урны представлены двумя различными типами: погребения в амфорах и внутри лепных сосудов. Первый тип преобладает. Горловина урн прикрывалась небольшой посудой либо фрагментами стенок или камнями. Инвентарь встречен только в некоторых урнах, представлен фрагментами керамических сосудов и стеклянных бальзамариев. В некоторых случаях яма с урной оформлялась вертикальными камнями в виде ограждения. Кремация синхронна подбойным могилам.

Выявлены два случая размещения кремационных погребений в подбойных могилах. В могиле 25 (59) возле головы костяка стояла урна с кремацией. В закладе подбойной могилы 78 также была найдена урна с кремацией. Одна урна с кремацией располагалась вдоль ног женского костяка в склепе 2 (7).

На могильнике открыты две грунтовые могилы с погребениями лошадей.

В результате рассмотрения погребальных сооружений, происходящих с памятников ближайшей округи Херсонеса, выявлено, что на сегодняшний день археологическими исследованиями на изучаемой территории в различном объеме охвачены около 20 могильников. В представленной работе для сравнительного анализа будут привлечены данные с 17 некрополей, информация о которых опубликована в той или иной мере. Всего в анализе погребальных сооружений и особенностей погребального обряда задействовано 2433 погребальных комплекса. Среди них 667 выполнены по обряду кремации и 1201 по обряду ингумации.

Вся полученная информация будет проанализирована по целому ряду позиций, включающих в себя: планиграфию и расположение погребальных сооружений в пределах памятников; анализ встречаемости различных типов погребальных сооружений, сравнение их и типологических особенностей; обращение с погребенным, анализ особенностей погребальной обрядности, в том числе особенностей расположения и использования заупокойной пищи и ряд других.

3.2. Типология и анализ погребальных сооружений

3.2.1. Планиграфия и расположение погребальных сооружений в пределах памятников

Анализ имеющихся планов и описаний памятников показал, что для части некрополей характерны следующие признаки: формирование могильника на основе курганной насыпи более раннего периода; хронологическая зональность расположения погребальных комплексов; рядность размещения погребальных сооружений; маркирование погребальных сооружений на местности. Ниже рассмотрим каждый из признаков более подробно.

Формирование некрополей. Возникновение грунтовых могильников первых вв. н.э. в результате совершения впускных погребений в насыпи предшествующих эпох было отмечено исследователями для нескольких памятников. Например, А.А. Труфанов приводит подборку подобных некрополей, территориально относящихся к Юго-Западному Крыму (Труфанов, 2014). В интересующем нас районе к таким объектам относятся три некрополя: Бельбек II, Братское кладбище, курган Мамай-Оба (Труфанов, 2014. С. 189–194). К этому же типу могильников может быть отнесен и некрополь Фронтное 3.

Погребальные сооружения, исследованные у села Холмовка (могильник Бельбек II), были совершены во второй трети или около середины I в. н.э. в насыпи кургана, возведенного над погребением в каменном ящике, относящимся к кеми-обинской культуре. На протяжении II – первой половины III в. некрополь разрастался за пределы курганной насыпи (Труфанов, 2014. С. 189). В кургане у Братского кладбища все исследованные могилы совершены частично в насыпи кургана, возведенного над погребением эпохи бронзы, либо непосредственно вблизи от него, тем самым маркируя, что возникший в I в. некрополь начал расширяться за пределы насыпи. Памятник не был исследован полностью, и общая площадь расположения погребальных сооружений неизвестна. В насыпи южного кургана некрополя Мамай-Оба

было обнаружено 8 впускных захоронений второй половины I – начала II в., площадь и размеры могильника не выявлены (Зубарь, Савеля, 1989).

На крайнем северо-западе некрополя Фронтное 3 выявлены погребения эпохи бронзы. Дневная поверхность здесь срезана при производстве строительных работ, и первоначальный облик ландшафта был изменен. Вероятнее всего, над захоронениями эпохи бронзы ранее существовала курганная насыпь, в которую в конце I в. были совершены впускные погребения. В дальнейшем памятник разросся от курганной насыпи на восток и юго-восток.

Хронологическая зональность. Для могильника Фронтное 3 характерна выразительная планиграфическая структура. Последовательность совершения захоронений на нем позволила установить два основных периода в его развитии. Первый датируется концом I – серединой III в. н.э., второй период второй половиной III – началом V в. н.э. Для обоих периодов характерно расположение погребальных сооружений рядами.

Анализ планиграфии других памятников ближайшей округи Херсонеса показал следующие тенденции. На могильнике Бельбек IV, судя по плану, для могил, исследованных к 1991 г., присуща хронологическая зональность (рис. 157). Наиболее ранние погребения, соотносимые с периодом середины I – середины II в., располагаются в северной части раскопанной площадки памятника. Комплексы середины II – середины III в. сосредоточены в южной части могильника. Погребения совершались почти исключительно в грунтовых ямах, расположенных по линии северо-запад – юго-восток (Гущина, Журавлев, 2016. Табл. 2).

Могильник Севастопольский (Совхоз-10), судя по описанию и плану, развивался с юго-запада на северо-восток (рис. 165). Наиболее ранние комплексы, датированные I–II вв., располагались очень свободно, на большом расстоянии друг от друга. К III в. в центральной части памятника плотность погребальных сооружений значительно увеличивается, здесь хоронят по обряду ингумации и кремации. Погребения III–IV вв. располагаются на

восточном и северо-западном участках могильника. В северной и СВ частях некрополя были размещены грунтовые склепы (Стржелецкий и др., 2003–2004. Рис. 2).

Несмотря на сильную ограбленность могильника Киль-Дере 1, предварительно можно сделать некоторые выводы по его планиграфии⁶. Вероятнее всего, изначально на кладбище были два условных ядра – юго-западное и северо-восточное (рис. 162). В юго-западном ядре наиболее высокую концентрацию имеют самые ранние могилы, относящиеся к концу I – первым десятилетиям II в. Из этой части могильник распространялся на север, где в центральной части наблюдается наибольшая концентрация комплексов второй половины III – IV в. Северо-восточное ядро, вероятно, развивалось в южном направлении. На северо-востоке представлены могилы разного времени, однако явное большинство имеют комплексы двух хронологических групп: либо самые ранние (конец I – начало II в.), либо поздние (IV в.). В юго-западной части, куда шло развитие восточной части могильника, концентрируется большинство обнаруженных на памятнике могил II – первой половины III в.

Хронологическая зональность погребений прослеживается на всех некрополях, где раскопками раскрыта большая площадь, и выявлено не менее 300 погребальных сооружений: Бельбек IV, Севастопольский (Совхоз-10), Киль-Дере 1. Для памятников, содержащих от 50 до 100 раскопанных погребений, хронологическую зональность на данном этапе исследования проследить проблематично. К примеру, для могильника Бельбек I (Бельбек III) нет общего плана, а для некрополей Инкерманский и Чернореченский в публикациях приводятся даты для всего памятника, без разграничения по комплексам.

Рядность расположения могил. Для могильника Фронтное 3 для всех периодов его существования присуща рядность в расположении могильных

⁶Благодарю Сергея Владимировича Язикова и Евгения Владимировича Суханова за возможность использовать неопубликованные материалы.

ям. Фиксируются линии, вытянутые с юго-запада на северо-восток, при этом наблюдается определенная разреженность, упорядоченность размещения погребений на начальной и финальной стадиях развития могильника. В центральной части плотность могил значительно выше.

Для большинства рассматриваемых некрополей присуща схожая ситуация в расположении погребальных сооружений. Для отдельных памятников рядность могил представлена в большей мере, для других – в меньшей.

На могильнике Севастопольский (Совхоз-10), в его юго-западной и северо-восточной частях, присутствует рядность погребений, на памятнике можно проследить несколько рядов могил, идущих с ЮЗ на СВ, наиболее ярко это проявляется с юго-западной стороны (рис. 165, 1). В северо-восточной части могильника, где находятся погребения III–IV вв., комплексы расположены свободно, с расстоянием между ними до 4 м, здесь также прослежены несколько линий могил (Стржелецкий и др., 2004–2005. С. 29–31. Рис. 2). Погребальные урны на некрополе, как и могилы, размещены группами и линиями. В отдельных случаях они образуют «полуокружия». Каменные ящики с кремациями, возникшие не ранее 2-й половины III в., расположены на той же территории, что и урновые погребения, еще больше увеличивая концентрацию погребальных сооружений в этой части (рис. 167).

Размещение грунтовых склепов, подбойных и грунтовых могил хорошо прослеживается на некрополе Алмалык-Дере, где они формируют линии, включающие от 4 до 6 сооружений, расположенных параллельно (рис. 154) (Maćzyńska et al., 2016. С. 183–197). Напротив, для могильников Бельбек IV и Чернореченский рядность прослеживается хуже, лишь на отдельных локальных частях можно увидеть небольшие ряды могил (рис. 157, 166) (Гущина, Журавлев, 2016. Табл. 20; Бабенчиков, 1963. Рис. 1). В могильниках Мамай-Оба, Бельбек I (Бельбек III), Братское кладбище, несмотря на небольшие площади раскопов, отчетливо прослеживается расположение погребальных сооружений рядами (рис. 155, 159, 164, 1) (Зубар, Савеля, 1982.

Рис. 2.1; Гущина, 1970. Рис. 13; Журавлев и др., 2021. Рис. 56, 57). Грунтовые склепы на памятниках также зачастую объединены в параллельные линии. Подобная ситуация известна в том числе и на могильнике Фронтное 3. На некрополе Севастопольский (Совхоз-10) грунтовые склепы расположены несколько изолированно с СВ и СЗ (Высотская, 1997. С. 256), образуя несколько параллельных рядов (рис. 165, 2). На могильнике Красный Мак грунтовые склепы также образуют две линии с параллельно расположенными комплексами (рис. 163) (Вдовиченко, Колтухов, 1994. Рис. 1). Некоторая рядность в расположении склепов наблюдается и на Инкермане (рис. 161) (Веймарн, 1963. Рис. 1).

Таким образом, можно констатировать, что рядность расположения погребений является общей особенностью для всех памятников ближайшей округи Херсонеса. Для отдельных хронологических периодов на некоторых могильниках в силу увеличения количества погребальных сооружений рядность могил может быть прослежена в меньшей мере.

Разрушение одних погребальных комплексов другими. Для Фронтного 3 выявлено 7 случаев разрушения одними могилами других. Все эти случаи приходятся на зону совмещения двух разных погребальных практик. Среди комплексов конца II – середины III в. подобных случаев не выявлено, вероятно, это может быть связано с практикой использования каменных маркеров на поверхности, характерных для этого времени. Всего на Фронтном исследовано не менее 44 погребальных сооружений, где зафиксированы подобные каменные маркеры.

На других памятниках района практика маркирования погребальных сооружений представлена значительно меньше. На некрополе Танковое наличие каменных маркеров или надгробий отмечено в трех случаях. На Севастопольском (Совхоз-10) могильнике в некоторых случаях близ каменных ящиков с погребальными урнами внутри обнаружены основания от разрушенных каменных стел. На могильнике Киль-Дере 1 была обнаружена самая крупная в Северном Причерноморье лапидарная коллекция,

насчитывающая 68 памятников скульптуры и их фрагментов. Часть из них относится к менгироподобным изваяниям, антропоморфным стелам, рельефам. В связи с сильным ограблением для большинства камней точное местоположение неясно, *in situ* зафиксировано несколько менгироподобных изваяний (стелы № 3 4, 5) (Языков и др., 2023. С. 8–10). Для других памятников подобная практика не отмечена. Для могильника Бельбек IV исследователями предполагается наличие земляных насыпей, так как даже разновременные погребения не перекрывают друг друга (Гущина, Журавлев, 2016. С. 11–12). Надгробные камни на памятнике не выявлены, за исключением могилы 245, где была найдена фрагментарная антропоморфная стела с изображением личности, бывшая во вторичном использовании.

В отличие от могильников, расположенных в долине реки Бельбек, на некрополях соседней речной долины – Киль-Дере 1, Севастопольском (Совхоз-10) и Чернореченском перекрытие одних погребальных сооружений другими достаточно – частое явление.

На Севастопольском могильнике прорезание одних погребальных сооружений другими связано с зоной, хронологически соотносящейся с III в. н.э. Вероятнее всего, здесь первоначально заполнялись свободные пространства между погребениями в ряду могил, к более ранним примыкали более поздние комплексы. Постепенно плотность их в центральной части значительно увеличивается. В III в. здесь хоронили как по обряду ингумации, так и по обряду кремации. Перекрытие могил в центральной части встречено на нескольких уровнях, когда одна подбойная могила прорезала другую подобную, а сверху, в свою очередь, она может быть перекрыта группой урновых сооружений. Известны случаи перекрытия урновых захоронений подбойными могилами более позднего времени (рис. 165, 1) (Стржелецкий, 2003–2004. С. 30).

На Чернореченском некрополе основная часть могил расположена разреженно (рис. 166). Но имеются случаи перекрытия и прорезания одних комплексов другими. Подбойная могила 36 (86) разрушила грунтовые могилы

8 (84) и 9 (85). Могила 31 (70) прорезает край могилы 22 (56). Входная яма склепа 4 (77) разрушила подбойную могилу 21 (55). Судя по плану, входные ямы склепов расположены перпендикулярно подбойным могилам, а само размещение склепов выбивается из общей планиграфической ситуации. Погребения с кремацией сосредоточены в основном компактной группой с западной стороны центральной части могильника, зачастую перекрывая подбойные могилы.

На общем фоне выделяется некрополь Киль-Дере 1. В нем частичное или полное прорезание одной могилой другой встречено по всей площади памятника, но особенно это характерно для его центральной части, где концентрация погребальных сооружений наибольшая (рис. 162). Возможно, это было связано с ограниченностью территории, удобной для захоронения из-за наличия скального выхода и отвесных склонов у холма, на котором располагается некрополь.

Таким образом, можно констатировать, что разрушение или перекрытие одних погребальных комплексов другими имеет определенную зональность. Для памятников бассейна реки Бельбек эти моменты малохарактерны, вероятнее всего, в силу наличия особых отметок над могилами в виде каменных или земляных маркеров. Для памятников, расположенных в долине реки Черная, разрушение одними комплексами других – довольно распространенное явление, вероятно связанное с необходимостью захоронения своих близких в определенной части некрополя.

3.2.2. Типы погребальных сооружений

Погребальные сооружения на памятниках ближайшей округи Херсонеса характеризуются большим разнообразием. Всего отмечено не менее 10 различных типов погребальных сооружений для ингумационных захоронений и не менее 6 способов размещения кремированных останков. К наиболее часто встречаемым погребальным сооружениям относятся: *подбойные могилы, простые грунтовые ямы, грунтовые ямы с заплечиками, плитовые могилы,*

грунтовые склепы, каменные ящики в грунтовых ямах и подбойных могилах, погребения младенцев в амфорах. В единичных случаях отмечены кенотафы, подкурганные захоронения (приложение 5).

Подбойные могилы являются самым распространенным типом погребальных сооружений в районе изучения (рис. 168-170). Они открыты на большинстве памятников. Исключения составляют могильники Байдарской долины, где были проведены незначительные исследования, и некрополь Танковое, на котором открыто всего 10 захоронений в грунтовых ямах. Всего подбойные могилы насчитывают 1201 погребальный комплекс. На отдельных памятниках их известно значительное количество (рис. 171). К примеру, на могильнике Бельбек IV их насчитывается 229, что составляет 54,5% от всех погребальных сооружений. На некрополе Киль-Дере 1 подбойных могил выявлено 359, что составляет 85,2%. На некрополе Севастопольский захоронений в подбоях насчитывается 198, что составляет 60,1% от всех ингумационных погребений. На могильнике Фронтное 3 подбойных комплексов раскопано 306 (в том числе и погребения с кремацией в подбойной могиле), что составляет 93,2% от всех погребений римского времени (приложение 5).

Для большинства памятников значительно преобладают одноподбойные могилы. При этом расположение подбоя относительно входной ямы на различных некрополях может отличаться, но в пределах одного памятника всегда превалирует определенная сторона размещения подбойной ниши. Например, на Бельбеке I все подбои, за исключением одного, были совершены с восточной стороны, на Бельбеке IV и Братском кладбище преобладает размещение подбоев с запада. На Инкерманском могильнике практически все подбои расположены в северной стенке. На Севастопольском (Совхоз-10) большинство – в СЗ стенке, в некрополе Мамай-Оба все, за исключением одного, также в СЗ стенке входной ямы. Двухподбойные комплексы в одном случае выявлены в могильниках Бельбек I, Братское кладбище, Инкерманский. Даже для значительно исследованного некрополя Бельбек IV известно только

12 двухподбойных могил. Лишь на двух памятниках двухподбойные могилы получили большее распространение – это некрополь Фронтное 3, где их насчитывается 60, и могильник Киль-Дере 1, где они представлены 104 комплексами из всех 359 подбойных.

На материалах могильника Фронтное 3 нами было выдвинуто предположение о том, что для периода с конца I до второй половины III в. основным (первым по времени совершения) погребением в двухподбойной могиле является та же сторона, что и в одноподбойной могиле – северо-восточная. Юго-западный подбой, видимо, был либо более поздним, либо в нем захоронен человек, менее значимый в социальном плане.

Начиная с первой четверти IV в. на некрополе Фронтное 3 социальный статус погребных в двухподбойных могилах, скорее всего, одинаков. Для второго периода существования некрополя (середина III – начало V в.) характерно наличие компактно расположенных двухподбойных детских погребений, относящихся к IV в. (могилы 137, 138, 156). В двух случаях встречено комбинированное погребение, подбойные ниши размещались на разном уровне. В могиле 174 погребение ребенка расположено в южной нише, в 159 – в северной нише.

Размеры сооружений

Входные ямы на могильнике Фронтное 3 в большинстве случаев имеют длину до 2,2–2,4 м, ширину 0,4–0,5 м. Длина подбойных ниш варьируется в пределах 2–2,5 м, ширина 0,5–0,8 м. Глубина входных ям для ранних этапов существования памятника составляет 0,7–1,2 м от дневной поверхности. К финалу некрополя она увеличивается, для отдельных комплексов может достигать 2,85–3,2 м. Высота подбойной ниши в большинстве комплексов варьирует от 0,5 до 1,3 м.

Для могильников Чернореченский и Инкерманский длина входных ям составляет от 1 до 2,6 м, тогда как основные параметры по ширине сосредоточены в пределах от 0,4 до 0,6 м⁷.

Глубина входных ям на рассматриваемых могильниках составляет, чаще всего, 1,4–1,8 м. В анализе по этому параметру присутствует определенная сложность, так как в различных комплексах замеры глубины входных ям производились от разного уровня – для одних памятников от дневной поверхности, для других от уровня материка. Тенденция увеличения глубины входных ям, выявленная на Фронтовом 3, прослежена и для ряда погребальных сооружений могильника Инкерманский.

Размеры подбойных ниш на большинстве могильников не превышают длину 2 м при ширине до 0,7 м. Подбойные ниши в отдельных случаях выкапывались больше входных ям, подобная практика отмечена на могильниках Фронтное 3 и Инкерманском. Для Бельбека IV размеры входных ям и подбоев чаще всего равны, в Севастопольском, напротив, подбой по размеру часто сооружался меньше входной ямы. В отдельных случаях выявлены подбои длиной до 2,6 м (Бельбек II), 2,73 м (Фронтное 3) и 2,8 и 3,1 м (Чернореченский и Инкерманский) (рис. 172).

Для детских могил размер подбойных ниш характерен в пределах 1,6х0,75 м. Высота подбоев чаще всего 0,6–0,8 м, в единичных случаях имеет меньшие (0,4 м) или большие (1 м) высоты.

Дно подбоев на могильниках Бельбек IV, Инкерманский, Севастопольский, Фронтное 3 зачастую находилось ниже дна входной ямы. Переход оформлялся либо плавным понижением, либо через ступеньку. На некрополе Бельбек II подобная практика отмечена в единичных случаях.

Перекрытие подбоев

По материалам некрополя Фронтное 3 выделены два типа перекрытия подбоя – без использования камня и с использованием камня. Для второго

⁷Соотношение длины входных ям на различных некрополях приведено в разделе 3.2.3.

типа определены пять вариантов: заклад в виде одного ряда камней; вертикально установленные камни; вертикально установленные камни, располагающиеся на горизонтальных камнях; горизонтально уложенные камни; бессистемные навалы камней.

Для получения более полной картины относительно способов перекрытия подбойных могил нами были детально проанализированы доступные опубликованные данные по некрополям Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016; Труфанов, Стоянова, 2023), Инкерманский (Веймарн, 1963) и Чернореченский (Бабенчиков, 1963), а также материалы из археологических отчетов по памятникам Севастопольский (Совхоз-10) (Стржелецкий, 1954; 1956; 1961; 1962; 1964; 1965) и Чернореченский (Веймарн, 1948), хранящиеся в архиве Института археологии РАН, музея-заповедника Херсонес Таврический и в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике (рис. 173).

Выборка по Севастопольскому могильнику составила 240 подбойных погребений. По текстовому описанию и иллюстративной базе удалось установить, что перекрытие подбойных могил имеет определенную вариативность. Значительно преобладает заклад в виде вертикально установленных плит; подобная практика отмечена в 120 комплексах (50%), в 4 из них вертикальные камни были расположены на горизонтальных. Погребения без каменного заклада – 40 комплексов (17%). Перекрытие подбоя бутовым камнем в виде навала или ряда камней прослеживается в 79 случаях (33%).

Для могильника Бельбек IV выборка составила 216 подбойных могил. Практически всегда заклад представлял собой вертикально установленные камни, всего подобная практика отмечена в 191 комплексе (93,5%), в 9 из них вертикальные камни были расположены на горизонтальных. Для 14 комплексов (6,5%), судя по описанию и планам, подбой перекрывал один горизонтальный ряд или навал из некрупных камней.

Для Чернореченского некрополя выборка составила 38 подбойных могил. Преобладает заклад в виде каменных плит, установленных на ребро (92,1%). В трех случаях (могилы 50, 59, 72 по полевой нумерации) (7,9%) выявлен заклад из бутового камня.

Для Инкерманского некрополя выборка составила 20 подбойных могил. Во всех погребениях крупные плиты были установлены вертикально, в одном случае вертикальные плиты были установлены на горизонтальных.

Анализ вариантов устройства перекрытия подбойных ниш показал, что для отдельных памятников существует вариативность сооружения каменного заклада, для могильников Фронтное 3 и Севастопольский фиксируются также в значительном количестве подбой с перекрытием без использования камня. При этом прослеживается хронологическая привязка к типам закладов, особенно хорошо она прослежена на материалах некрополя Фронтное 3. Частично наблюдается на могильниках Бельбек IV и Севастопольский. Для более ранних комплексов, датированных концом I – серединой II в., помимо перекрытия в виде повсеместно встречающихся вертикально установленных каменных плит характерно также полное отсутствие каменного заклада. Для комплексов второй половины II – III в. присущ помимо вертикально установленных камней заклад в виде навала бутового камня.

Простые грунтовые ямы являются вторым по распространенности типом могил, в которых совершались ингумационные захоронения (рис. 174, 5–8; 174). Они выявлены на 8 памятниках, общая их численность составляет 281 комплекс (приложение 5). Наибольшее количество простых грунтовых ям обнаружено на некрополе Бельбек IV, где они их насчитывается 164, что составляют 39% от всех сооружений.

В большинстве случаев грунтовые могилы представлены небольшими прямоугольными ямами, иногда со скругленными углами (Бельбек IV). На могильнике Севастопольский (Совхоз-10) зафиксированы две группы, различающиеся по размеру: взрослые, размерами около 1,9x1,05 м и преобладающие детские размерами 1,2x0,7 м. Глубина у всех незначительная,

в пределах 0,35–0,5 м. На могильнике Бельбек I (Бельбек III) размеры грунтовых ям составляют 1,5x0,6 – 2x0,9 м. В единичных случаях известны большие по длине могилы, достигающие длины 2,24 м. На Чернореченском некрополе грунтовые ямы располагались компактной группой, имели зачастую нечеткую форму, размерами, в основном, 1,5x0,5 м, в отдельных случаях – 1,95x0,85 м и глубиной от 0,3 до 0,8 м.

Ориентировка могил на разных памятниках различна. На могильнике Бельбек IV преобладают направления СЗ – ЮВ, СВ – ЮЗ. На Инкерманском большая часть ориентирована по линии север – юг. На могильниках, расположенных в долине реки Бельбек, в заполнении грунтовых ям встречается камень: на некрополе Бельбек II в заполнении могил расчищены скопления камней, а на Бельбек IV в части комплексов отмечена забутовка камнем.

В Инкерманском некрополе присутствует локальная особенность. Для неглубоких грунтовых могил без заплечиков, за исключением нескольких случаев, нехарактерны заупокойная пища и сопроводительный инвентарь.

Грунтовые ямы с заплечиками (рис. 174, 1-4) выявлены на 8 могильниках из 17. Всего подобных сооружений зафиксировано 36 (приложение 5). Среди всех выделяется некрополь Танковое, на нем из 10 изученных могил 8 являлись ямами с заплечиками. На этом же памятнике у трех могил зафиксирована надгробная плита, установленная в восточной или западной части могилы. Размер ям на всех памятниках примерно одинаков, составляет от 1,7x0,5 до 2,4x0,82 м. Ширина заплечиков варьирует от 10 до 30 см. Могилы перекрывались либо каменными плитами, либо деревянным перекрытием, которое не сохранилось.

На могильнике Бельбек IV среди грунтовых могил авторы монографии отдельно выделяют 20 грунтовых ям, забитых камнем (Гущина, Журавлев, 2016. С. 8). При рассмотрении планов погребений указанных могил видно, что, по крайней мере, для 12 комплексов камень является не забутовкой самой ямы, а своеобразным перекрытием погребения. В таких случаях плоский камень,

перекрывающий погребение, расположен так же, как в грунтовых могилах с заплечиками. Промежуточным вариантом, возможно, будет являться могила 225, у нее в северо-восточной стенке сооружен один уступ (заплечик), на который опирается ряд уплощенных камней.

Плитовые могилы характерны только для памятников, расположенных в течении реки Бельбек (рис. 176). Всего их на могильниках Бельбек I, II, IV выявлено 29 (приложение 5). Имеется несколько вариантов расположения плит. В большинстве случаев плиты размещены вдоль обеих длинных стенок могилы, в ряде могил сохранилось перекрытие из камня. На некрополе Бельбек IV в 6 случаях плиты были установлены только вдоль одной стенки могильной ямы. В каменных ящиках могильника Бельбек I рядом с торцевыми стенками или в центре могилы обнаружены фрагменты («обрубки») деревянных колод (рис. 176, 1,2).

Грунтовые склепы открыты на 8 могильниках, всего подобных сооружений выявлено 111 (приложение 5; рис. 176-180). На могильниках Бельбек I и Бельбек II грунтовых склепов обнаружено по одному, на Инкерманском и Чернореченском некрополях их известно по 7 сооружений, на Килен-Балке открыто 8 склепов. Несколько больше их на Фронтвом 3, где зафиксировано 12 сооружений, и Красном Маке, где их раскопано 13. На Севастопольском могильнике склепов насчитывается 19, наибольшее количество выявлено на некрополе Алмалык-Дере – 43 склепа.

Появление и распространение грунтовых склепов на некрополях округа Херсонеса напрямую связано с их датировкой. Для некрополей, которые датируются не позже III в. н.э., таких как Бельбек IV, Братское кладбище, Мамай-Оба и, видимо, Танковое, подобные сооружения нехарактерны. На памятниках, которые датируются, в том числе и IV в., они сооружались на заключительных этапах существования могильников, но в небольшом количестве. К такому типу памятников относятся некрополи Фронтвое 3 и Севастопольский (Совхоз-10), возможно, сюда же можно отнести и могильники Чернореченский, Инкерманский, Килен-Балка, которые

раскопаны не полностью. И только для могильника Алмалык-Дере, начало функционирования которого относится ко 2-й половине IV в., количество грунтовых склепов значительно. Это наблюдение может говорить о том, что начиная со второй трети – середины IV в. подобная форма погребального сооружения наряду с подбойными могилами является основной.

Подавляющее большинство грунтовых склепов ограблено. Непотревоженными или частично сохранившимися помимо 7 склепов с могильника Фронтowego 3 являются всего 5 комплексов: по одному в некрополях Бельбек I и Инкерманский и четыре в Чернореченском.

Ориентировка склепов различна. Вероятно, это зависит от рельефа местности на памятнике, так как зачастую камеру сооружали вверх по склону. На могильнике Бельбек I склеп ориентирован камерой на юг. На Инкерманском некрополе фиксируются несколько направлений: три на север, один на СЗ, один на СВ, два (не отмеченные на плане) камерой на восток. На могильнике Красный Мак 4 склепа ориентированы камерой на ССЗ, 3 склепа на СЗ, 1 склеп на запад, 2 на восток. В Севастопольском могильнике преобладает ориентировка на СВ, восток, ЮВ. В Черноречье склепы ориентированы камерой на СЗ.

Входные ямы

Входные ямы по форме представлены двумя вариантами: трапециевидные, расширяющиеся к погребальной камере (рис. 177,178), и прямоугольные (181, 1). Склепов с трапециевидными входными ямами выявлено значительно больше, их составные элементы унифицированы и зачастую схожи между собой в различных сооружениях. Склепов с прямоугольными ямами известно меньше, для них характерна варибельность в исполнении конструктивных элементов.

В связи с неполными данными провести соотношение встречаемости различных вариантов оформления входной ямы затруднительно. Можно констатировать, что на Инкерманском могильнике ступеньки во входной яме указаны в 3 случаях, на Красномакском некрополе, напротив, только в одном

случае они отсутствуют. Для Севастопольского и Чернореченского могильников информации о наличии ступенек нет.

Длина входных ям на Инкерманском могильнике составляет от 3,4 до 4,1 м. В склепе, где входная яма оборудована нишами-ступеньками, длина меньше – всего 1,75 м. На Севастопольском могильнике длина входных ям составляет от 1,66 до 3,15 м. На Чернореченском варьируется от 1,5 до 4,48 м.

Дромос

Дромос является обязательным элементом структуры грунтовых склепов и выявлен практически во всех комплексах. Он отсутствует в склепе 18 некрополя Севастопольский, для Чернореченского могильника подобная информация не приводится. Дромос чаще всего шириной от 0,6 до 0,8 м и высотой от 0,6 до 1 м, длина обычно составляет 0,5–0,6 м, на могильнике Красный Мак в отдельных случаях достигает 0,95 м. Учитывая, что грунтовые склепы, открытые на могильнике Красный Мак, датируются концом IV – V в., можно их соотнести с поздними склепами могильника Фронтowego 3. Длина дромоса здесь увеличивается к финалу могильника и достигает 1,1 м в склепе 178.

Вход в камеру закрывался вертикально установленными плитами, в отдельных случаях щели между камнем и стенкой обложены мелким бутом. Размер плит от 0,7х0,7 до 0,9х0,9 м, зачастую они были разбиты или повалены в результате ограбления.

Погребальная камера

Погребальные камеры чаще всего прямоугольной, реже трапециевидной формы. На Инкерманском могильнике их размеры варьируются в пределах от 2,3х2,1 до 2,7х2,85 м, на некрополе Красный Мак они несколько больше – 2,2х2,6 – 2,8–3,6 м. На Чернореченском некрополе их размеры в среднем составляют 2,5х2,5 м. Отдельные склепы имеют меньшие камеры. В склепе 6 Инкерманского могильника она составляет 1,5х1,45 м, в склепе 1 Чернореченского могильника – 2,75х1,5 м (рис. 180, 2).

Дно камеры всегда ниже дна входной ямы, перепад высот составляет от 0,4 до 0,8 м. В большинстве склепов присутствуют ступеньки у входа в погребальную камеру. Их количество варьирует от 1 до 4. В одном из склепов могильника Красный Мак у ступенек имеются выступающие бортики по краям.

Наименьшая высота камер выявлена в некоторых погребениях Чернореченского некрополя, где она составляет 1–1,3 м. В основном же высота свода варьируется от 1,6 до 2 м. Свод чаще всего коробовый, в отдельных склепах Алмалык-Дере – килевидный. Глубина погребальных камер от современной поверхности в пределах 3,9–5,32 м.

Во многих склепах выявлены ниши в противоположной от входа стенке, в отдельных случаях они имеются и в боковых стенах (рис. 178-180). Ниши в большинстве треугольной формы. Среди других комплексов выделяются склепы на могильнике Красный Мак. Здесь во всех изученных склепах, за исключением разрушенного склепа 7, в противоположной от входа стенке были сооружены полочки-ниши длиной от 0,6 до 1,68 м, высотой от 0,2 до 0,47 м, глубиной 0,2–0,4 м. Чаще всего они располагались на высоте от 1,08 до 1,6 м от дна камеры. Над полкой-нишей сооружались от одной до трех небольших подтреугольных ниш. В склепе 15 ниши были обнаружены также на стенках справа и слева от входа. На Севастопольском могильнике в противоположной от входа стене сделаны уступы от 1,8 до 2,3 м, размещенные на высоте 0,6 м от дна. В склепе 7 помимо уступа в боковой стенке находилась ниша.

При анализе грунтовых склепов, обнаруженных в районе, необходимо отдельно отметить ряд комплексов, выделяющихся из общей массы подобных сооружений.

В первую очередь, это два склепа из могильника Фронтное 3, расположенные ближе к центральной части некрополя, и планиграфически являющиеся, вероятно, наиболее ранними из всех подобных сооружений на памятнике. В отличие от остальных, они имеют прямоугольную входную яму,

погребенные расположены в них вдоль длинной оси входной ямы. Склеп 16 датируется концом III– 1-й половиной IV в., склеп 41 – 2-й третью IV в.

На могильнике Бельбек I обнаружен склеп прямоугольной формы с входной ямой длиной 4 м и шириной 0,8 м (рис. 181, 1). Входная яма была полностью забита камнем. Авторы публикации датируют склеп 3-й – началом 4-й четверти IV в., хотя не исключают и конец III в. (Филиппенко и др., 2016. С. 148). На раннюю дату могилы косвенно может указывать наличие рядом с женским погребением фрагментов шкатулки. На Севастопольском могильнике для 5 случаев указано, что входная яма прямоугольной формы шириной до 1 м. Имеющийся план не полный, но по крайней мере два склепа, для которых указаны прямоугольные входные ямы, располагаются с юга от всех остальных подобных сооружений, в первоначальной зоне появления склепов на могильнике. Это может косвенно указывать на их более раннюю дату. При этом склеп 2 имеет нехарактерную для большинства подобных сооружений камеру трапециевидной формы размером 2,35x1,6 м.

Отдельно необходимо отметить склепы из Чернореченского могильника. Для памятника характерны вариации по форме и размерам погребальных камер. У большинства сооружений они небольшие – от 2,4x1,8 до 2,5x2,5 м, форма камер также различна. В склепе 1 (6) она имеет форму неправильного овала размерами 2,75x1,5 м (рис. 181, 2). Вход в погребальную яму закрывал комбинированный заклад, первый уровень был представлен крупными камнями, за которыми располагалась крупная плита размером 1,7x0,75 м, за ней находился еще один ряд камней. В камере было совершено одно погребение, расположенное перпендикулярно длинной оси входной ямы; судя по набору инвентаря, погребение может быть отнесено к III в. На раннюю дату склепа 2 (7) может указывать перекрытие его входной ямы подбойной могилой 3, которая по набору вещей и монете датируется III в.

Склеп 3 (40), судя по иллюстрации общего плана могильника, имел скошенную ЮВ стенку, к которой примыкала входная яма (рис. 166). Камера склепа 4 (77) имела пятиугольную форму; в западной части практически на

всю длину камеры была сделана ступенька, на которой располагалась узда. В камере совершено одно погребение, ориентированное перпендикулярно длинной оси склепа (рис. 181, 3).

Каменные ящики, обнаруженные в грунтовых ямах и подбойных могилах, характерны только для двух некрополей, расположенных в Инкерманской долине на разных берегах реки Черная (приложение 5; рис. 182, 183). На Севастопольском могильнике их зафиксировано 19, на некрополе Киль-Дере – 13.

Все погребения с каменными ящиками имели общие конструктивные черты. Стенки и перекрытия были сделаны из обработанных известняковых плит. Торцевые стенки состояли из одной плиты, продольные – из двух или трех. Перекрытия сооружались из одной или двух хорошо подогнанных друг к другу плит. Могильная яма была больше ящика, пространство между плитами ящика и стенками ямы забутовывалось мешаным суглинком с включением камней малого и среднего размера. Во всех ящиках погребения были совершены по обряду ингумации. На могильнике Киль-Дере 1 помимо стенок и перекрытия плитами было выложено и дно ящика.

Исследованные в Инкерманской долине грунтовые ямы и подбойные могилы с каменными ящиками, происходящие из могильников Киль-Дере 1 и Севастопольский, – уникальный случай для погребальных памятников римского времени Юго-Западного Крыма. Конструктивно они отличаются от плитовых могил системой расположения плит; в плитовых могилах камни устанавливаются в грунтовой яме вплотную к стенкам, тогда как у каменного ящика всегда имеется некоторое расстояние между плитой и стенкой ямы, забутованное камнем или грунтом. Еще одной отличительной особенностью является обязательная установка каменных плит у торцевых стенок в каменных ящиках и перекрытий, а для некрополя Киль-Дере 1 еще выложенного камнем дна, которые придают конструкции законченный вид.

Каменные ящики маркируют определенный этап в развитии обоих некрополей. Вероятнее всего, в конце III – IV в. н.э. на могильниках появляется

новая погребальная практика, которая по неизвестным причинам не получила широкого распространения среди населения Инкерманской долины.

Захоронения младенцев в амфорах в большинстве исследованы на Севастопольском (Совхоз-10) могильнике, одно погребение известно среди камней заклада могилы 61 на могильнике Фронтное 3. На Севастопольском могильнике амфоры располагались в подбойныхмогилах и грунтовых ямах; всего подобных комплексов выявлено 20. В четырех случаях в амфоре было по два младенца. Все погребенные лежали головой к горловине сосуда. Ориентировка для комплексов I–II вв. – головой на СЗ, в более поздних могилах присутствует направление на ЮВ. Известен случай комбинирования, когда в одной могиле было расположено кремационное погребение взрослого индивида в керамической урне и детская ингумация в амфоре. Горловины амфор закрывались краснолаковой или лепной чашкой, а также каменной пробкой, внутри располагался сопроводительный инвентарь (Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 47).

Курганы. На территории двух могильников среди погребений III–IV вв. были обнаружены курганные насыпи с круглыми в плане ровиками. Первый подобный объект был зафиксирован на некрополе Севастопольский (рис. 184, 1). Под насыпью находился каменный ящик, ограбленный в древности. По ряду находок погребение в ящике могло быть совершено в III–IV вв. Важно отметить, что, судя по плану, окружавшие с разных сторон ровик и образованное им пространство могилы не нарушают ни центральное погребение, ни сам ровик. Позже схожие конструкции были открыты на могильнике Алмалык-Дере (рис. 184, 2). Подбойная могила 43/2013 была перекрыта насыпью, ограниченной двумя кольцевыми конструкциями – кромлехом и внешним ровиком. После раскопок этого комплекса исследователями некрополя были пересмотрены более ранние материалы и установлено, что на памятнике уже был выявлен подобный комплекс, а также обнаружен еще ряд курганов (Науменко и др., 2022. С. 185).

К категории разных может относиться несколько комплексов, не вписывающихся ни в один представленный выше тип погребальных сооружений. Первое это кенотафы. Один был открыт еще в 1967 г. на могильнике Севастопольский между склепами 18 и 16 и представлял собой углубление неопределенной формы, заполненное разнообразными сосудами (Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 39). Еще один, предположительно кенотаф, был обнаружен на могильнике Фронтное 3 и представлял собой грунтовую яму с расширяющимися ко дну стенками; находок не обнаружено.

На могильнике Фронтное 3 вскрыты две неглубокие ямки, содержавшие в одном случае фрагменты костей, а в другом – фрагмент ручки амфоры. Оба объекта условно были отнесены к погребениям, одно – к разрушенному детскому, второе – к разрушенному захоронению в амфоре. Отдельным типом сооружения является открытая на некрополе Алмалык-Дере Т-образная могила, перекрытая насыпью и окруженная каменной кольцевой обкладкой.

Захоронения животных в отдельных ямах обнаружены в 12 случаях (приложение 5). В 10 комплексах на могильниках Алмалык-Дере, Бельбек I, Бельбек IV, Чернореченский, Фронтное 3 в грунтовых ямах были обнаружены скелеты лошадей. Еще одно конское захоронение без черепа с подогнутыми ногами было найдено во входной яме склепа 10 могильника Севастопольский (Совхоз-10). На некрополе Фронтное 3 в двух отдельных неглубоких ямах были расчищены скелеты собак. В большинстве случаев информации о вещах, сопровождавших животных, нет. Из всех описанных выше комплексов отличается погребение лошади 2 (83) в Чернореченском могильнике, где в северной стенке была сделана дополнительная ниша, в которой располагалась голова коня с удилами.

3.2.3. Применение статистических методов обработки данных

Для ряда линейных размеров подбойных погребений, грунтовых ям и грунтовых склепов были применены методы статистической обработки

данных с использованием программы Microsoft Excel. Были сопоставлены данные с различных могильников по размерам входных ям подбойных могил и размерам самих подбоев. Также сравнению были подвергнуты размеры грунтовых ям, длина входных ям грунтовых склепов и размеры погребальных камер грунтовых склепов.

При проведении анализа размеров входных ям подбойных могил были задействованы данные 796 погребальных комплексов. В том числе использованы данные по 304 входным ямам подбойных погребений некрополя Фронтное 3 (приложение 1), 244 входным ямам подбойных погребений некрополя Бельбек IV (приложение 6), 22 входным ямам подбойных погребений некрополя Инкерманский (приложение 7), 191 входным ямам подбойных погребений некрополя Севастопольский (Совхоз-10) (приложение 9), 35 входным ямам подбойных погребений некрополя Чернорченский (приложение 10).

Анализ данных показал, что в целом размеры входных ям всех рассматриваемых могильников в большинстве случаев по длине сосредоточены в общих диапазонах от 1 до 2,7 м, с единичными отклонениями до 0,6 м и 2,7 м. Могильники расположены на диаграмме относительно более компактно. Ширина входных ям в большинстве случаев варьирует от 0,4 до 0,7–0,8 м, пограничные пределы достигают в единичных случаях от 0,2 до 1,1 м (рис. 185).

Помимо общего сравнительного анализа теми же методами в программе Microsoft Excel были проанализированы данные по каждому могильнику в отдельности, которые дали интересные результаты.

Для могильника Чернореченский преобладающая длина входных ям составляет от 1 до 2,4 м, тогда ширина – в пределах от 0,4 до 0,6 м (рис. 186). Для Инкерманского могильника, напротив, различия по длине входных ям незначительны и варьируются в пределах от 1,6 до 2,6 м, при этом преобладающая ширина входных ям находится в диапазоне от 0,6 до 0,9 м (рис. 187), что отличает его от Чернореченского некрополя.

Для могильников Бельбек IV и Севастопольский (Совхоз-10) характерны значительные различия в размерах как по длине, так и по ширине (рис. 188, 189). При этом нужно отметить, что для Севастопольского некрополя присутствует некоторое преобладание ширины входных ям в пределах от 0,4 до 0,8 м, тогда как для Бельбека IV подобной ситуации не наблюдается.

Могильник Фронтное 3 отличается от двух предыдущих памятников значительное преобладание длины входных ям в пределах от 1,8 до 2,7 м, с пиком в пределах 2,2–2,3 м (рис. 190). При этом ширина входных ям на Фронтном 3 имеет большие размеры именно в комплексах с длинной входной ямой в пределах от 2 до 2,7 м.

С применением диаграмм рассеяния статистической обработки данных в программе Microsoft Excel был проведен анализ размеров подбойных ниш. Всего в анализе были задействованы данные по 774 погребальным комплексам. В том числе 371 самостоятельная подбойная ниша могильника Фронтное 3 (приложение 1), 238 самостоятельных подбойных ниш некрополя Бельбек IV (приложение 6), 16 самостоятельных подбойных ниш могильника Инкерманский (приложение 7), 112 самостоятельных подбойных ниш некрополя Севастопольский (приложение 9), 34 самостоятельные подбойные ниши могильника Чернореченский (приложение 10).

Результаты, полученные в ходе анализа размеров подбойных ниш, имеют целостное соотношение для всех рассматриваемых некрополей. Размеры подбоев в большинстве случаев варьируют по длине в пределах от 1 до 2,7 м, при ширине от 0,3 до 1 м (рис. 191). Эта характеристика присуща для большинства рассматриваемых могильников (рис. 192-196), тем не менее выделяются некоторые особенности. Например, для некрополя Инкерман характерно преобладание длины подбоев в пределах от 1,8 до 2,8 м при ширине в большинстве случаев от 0,5 до 0,8 м (рис. 193). Для могильников Бельбек IV и Севастопольский (Совхоз-10) диапазон размеров преобладает в пределах от 1 до 2,5 м по длине и от 0,3 до 0,8 по ширине (рис. 194, 195). Для могильника Фронтное 3 выделяется преобладание размеров подбойных ниш

в пределах от 1,8 до 2,7 по длине и 0,4 до 0,8 м по ширине. При этом фиксируется определенное увеличение ширины подбоя до 1,2–1,4 м в могилах, имеющих длину подбоя в пределах от 2,3 до 2,7 м (рис. 196).

Размеры грунтовых ям были также проанализированы с помощью диаграмм рассеяния статистической обработки данных в программе Microsoft Excel. Всего в анализе задействовано 236 погребальных комплексов (рис. 197). В том числе данные по 3 грунтовым ямам некрополя Фронтное 3 (приложение 1), 146 грунтовым ямам некрополя Бельбек IV (приложение 6), 14 грунтовым ямам некрополя Инкерманский (приложение 7), 65 грунтовым ямам некрополя Севастопольский (Совхоз-10) (приложение 9), 8 грунтовым ямам некрополя Чернореченский (приложение 10).

Анализ данных показал, что размеры грунтовых ям всех типов на рассматриваемых могильниках в большинстве случаев по длине сосредоточены в общих диапазонах от 1 до 2,7 м, с единичными отклонениями до 0,5 м и 2,9 м. Могильники расположены на диаграмме относительно более компактно. Ширина ям в большинстве случаев варьирует от 0,4 до 0,7–0,8 м, пограничные пределы достигают в единичных случаях от 0,2 до 1,4 м (рис. 197). Помимо общего сравнительного анализа были проанализированы данные по каждому могильнику в отдельности, которые дали интересные результаты. Для могильника Бельбек IV выделяется группа могил, имеющих длину в пределах 2,5–3 м при ширине 0,8–1,2 м (рис. 198). В могильнике Севастопольский основной объем грунтовых могил имеет размеры по ширине в пределах от 0,4 до 0,8 м (рис. 199). Интересно сопоставление размеров грунтовых могил некрополей Чернореченский и Фронтное 3, количество подобных комплексов на обоих памятниках незначительно (рис. 200). Для Чернореченского могильника характерны небольшие могилы длиной от 0,9 до 1,6 м при ширине 0,4–0,6 м, тогда как во Фронтном все могилы имеют размеры 2,4–2,7 м при ширине от 0,75 до 0,9 м.

Для грунтовых склепов методами статистической обработки проанализированы длина входных ям и размеры погребальных камер.

Длина входных ям варьирует (рис. 201). Для некоторых памятников характерно небольшое отличие по длине, для других, наоборот, входные ямы имеют различные размеры. Вероятнее всего, это может быть связано с различными датировками грунтовых склепов в пределах одного некрополя.

С помощью диаграмм рассеяния статистической обработки данных в программе Microsoft Excel были проанализированы размеры погребальных камер грунтовых склепов. Всего в анализе задействовано 56 погребальных комплексов (рис. 202). В том числе использованы данные по 12 грунтовым склепам некрополя Фронтное 3 (приложение 1), 5 грунтовым склепам некрополя Инкерманский (приложение 7), 19 грунтовым склепам некрополя Севастопольский (Совхоз-10) (приложение 9), 13 грунтовым склепам некрополя Красный Мак (приложение 8), 7 грунтовым склепам некрополя Чернореченский (приложение 10).

Сопоставление размеров погребальных камер соседних памятников, расположенных на реке Черная, показало определенное отличие (рис. 203). Размеры на Инкерманском могильнике тяготеют к меньшим величинам, располагаясь в пределах от 1,5x1,5 до 2,7x2,85 м, тогда как на Чернореченском размеры составляют от 2,2x2,1 до 3,6x3 м.

Сравнение данных, полученных с могильника Севастопольский, с данными могильников Фронтное 3 и Красный Мак также показало некоторые различия (рис. 204). Данные по Севастопольскому могильнику занимают левую часть графика и имеют наименьшие значения в сравнении с могильниками Фронтное 3 и Красный Мак. Размеры погребальных камер некрополя Красный Мак, напротив, в основном располагаются в правой части графика и имеют большие размеры – 2,2x2,6 – 2,8–3,6 м.

рассмотрения планиграфии и структуры погребальных сооружений на некрополях в округе Херсонеса можно констатировать следующее. Все рассматриваемые в работе могильники группируются вдоль течения рек Бельбек и Черная. Часть некрополей возникает на территории более ранних погребальных памятников – курганов эпохи бронзы. Для некрополей, на

которых раскопано значительное количество погребальных сооружений, отмечается хронологическая зональность захоронений. Погребальные сооружения для большинства могильников расположены рядами. Рядность в большей мере прослеживается для захоронений конца I – середины II в., а также для комплексов, датированных началом IV в. Для погребений второй половины II – второй половины III в. характерна большая плотность погребальных сооружений, для могильников долины реки Черная при этом прослежено еще и перекрытие одних комплексов другими.

Среди погребальных памятников можно выделить основные категории сооружений, в которых захоронения выполнены по обряду ингумации. Значительно преобладают подбойные могилы, всего они насчитывают около 1200 комплексов. Среди подбойных преобладают могилы с одним подбоем, двухподбойных открыто значительно меньше, хотя для отдельных памятников (Фронтове 3, Киль-Дере 1) их известно достаточно много. Второй значительной группой являются простые грунтовые ямы, подобных сооружений зафиксировано 281. Следующей достаточно многочисленной группой являются грунтовые склепы, их известно не менее 111. Грунтовые склепы по конструкции могут быть разделены на две разновидности: первая имеет одинаковую ширину входной ямы по всей длине и некоторую вариативность в форме погребальной камеры, для второй характерна трапецевидная форма входной ямы с расширением к погребальной камере и унифицированная форма погребальной камеры. В отдельные категории выделены грунтовые ямы с заплечиками, которых известно 36 комплексов. Плитовые могилы составляют 29 комплексов, каменные ящики, помещенные в грунтовые или подбойные могилы, – 32 комплекса. Помимо вышеперечисленных известны детские погребения в амфорах, помещенные в подбойные или грунтовые могилы, – 20 комплексов, погребения под курганными насыпями – 2 комплекса. Неопределенная форма погребального сооружения в силу разрушения отмечена в 47 случаях. В 12 комплексах обнаружены захоронения животных.

Несмотря на наличие основных, широко распространенных типов погребальных сооружений, таких как грунтовая яма, подбойная могила и грунтовый склеп, большая вариативность их исполнения может указывать на значительные различия в нормах и практике совершения погребальной обрядности, которые были вызваны, вероятнее всего, религиозными и культурными традициями населения либо были связаны со способами реализации одной традиции у отдельных групп населения.

3.3. Обращение с погребенным и ритуальная практика

3.3.1. Кремационные погребения

Погребения с трупосожжениями помимо Фронтowego 3 обнаружены в 9 могильниках. При этом на 4 некрополях их количество не превышает 10 комплексов, еще на 4 известно от 10 до 30 комплексов (приложение 5). Подавляющее большинство происходит из могильника Севастопольский (Совхоз-10), где они численно преобладают над ингумационными погребениями. Для Фронтowego 3 небольшое количество подобных комплексов может указывать на незначительное распространение такого обряда у населения, тогда как для ряда других это связано либо со слабой изученностью (памятники Варнутской долины), либо с сильной разграбленностью (Киль-Дере 1) памятников. При этом нужно учитывать, что на могильниках Гончарное, Муловский, Передовое не были произведены полноценные раскопки, и на сегодняшний день мы не обладаем информацией ни о площади этих памятников, ни о количестве возможных кремационных погребений на них. В связи с этим любые выводы по процентному соотношению подобных типов погребальных сооружений, за исключением могильников Фронтowego 3 и Севастопольский, будут заведомо неточными.

Другим направлением анализа, который может дать интересные результаты, является рассмотрение типов кремационных погребений, исследованных на памятниках Алмалык-Дере, Бельбек I (Бельбек III), Гончарное, Киль-Дере 1, Муловский, Передовое, Севастопольский (Совхоз-

10), Чернореченский. Для всех перечисленных некрополей погребения с трупосожжением по способу размещения кремированных останков представлены двумя вариантами: кремационные погребения в урнах и безурновые захоронения. Преобладают урновые захоронения, их насчитывается 646 комплексов, тогда как безурновых известно всего 21 погребение в 3 некрополях.

Урны представлены несколькими категориями: преобладают амфоры – 336 комплексов, лепных сосудов известно не менее 144, урны в краснолаковых сосудах выявлены в 71 случае, урны в виде оссуариев известны в 57 случаях, наименьшее количество урн из гончарных сосудов – 30. Для большинства памятников характерны урны в виде амфор или лепных сосудов. Урны из краснолаковых гончарных сосудов и оссуариев открыты только на Севастопольском могильнике.

Именно на Севастопольском могильнике в качестве урн в большинстве случаев использовались амфоры (47,7%) (рис. 205-207). Остальные варианты представлены реже – лепные сосуды, кувшины и горшки (22,8%), краснолаковые сосуды, горшки и кувшины (12,8%), оссуарии (11,2%), гончарные сосуды (около 30 случаев, 5,5%).

На Чернореченском могильнике известны 4 безурновых погребения (12%), остальные были совершены в керамических урнах – в 19 случаях в амфоре (55,5%), в 9 в лепных сосудах (27%).

Урны в виде амфор выявлены также на Гончарном (26 случаев) (рис. 208, 1) и Передовом (16 случаев). На Муловском могильнике (8 случаев), судя по имеющейся информации, представлены урны как в виде лепных сосудов, так и амфор (208, 2).

На некрополе Киль-Дере 1 погребения совершены в двух случаях в лепных сосудах, в двух – в амфорах (рис. 209). Как видно из приведенной информации, в могильниках, где погребения совершались в керамических сосудах, преобладают урны из амфор.

Несмотря на различное количество исследованных комплексов, на могильниках Севастопольский и Чернореченский практически совпадает процент погребений, совершенных в амфорах, 47,7% и 55,5% соответственно. Часто погребения в урнах перекрывались фрагментами других по составу сосудов, известны импровизированные крышки из плоских камней и небольших краснолаковых мисок.

По способу размещения кремированных останков можно выделить несколько различных типов. Наиболее распространенным является размещение кремаций в урне непосредственно в грунте (рис. 205). Из 667 кремационных погребений, выявленных в районе исследования, подобная традиция выявлена в 432 случаях, что составляет около 69%. Следующим по встречаемости типом является расположение кремаций в урнах, помещенных в отдельных ямах или каменных ящиках (рис. 210). Таких погребений выявлен 201 комплекс (включая оссуарии внутри каменных ящиков), или 30,2%. Исключением в данной выборке составляют урны, обложенные камнем (4 случая), а также урны, размещенные среди камней заклада подбойной могилы (1 случай), оба варианта отмечены на Чернореченском могильнике. Отдельной категорией выступают 12 захоронений, выполненные в отдельных подбоях в виде россыпи кремированных костей, зафиксированные в подбойных могилах на некрополе Фронтное 3.

В 2006 г. была издана монографическая публикация Чатыр-Дагского могильника, включающая отдельный раздел, посвященный обобщению всех известных ко времени подготовки работы кремационных погребений Крыма (Мыц и др., 2006. С. 176). Авторы коллективной монографии отмечают, что большинство погребений с остатками кремаций расположены в ближайшей округе Херсонеса, на территории хоры города либо на удалении 8–25 км от него. Все известные на тот момент места обнаружения кремационных погребений авторы монографии предварительно разделяют на три группы. К первой группе относятся некрополи сарматского облика, датированные II – первой половиной III в. (могильники Бельбек I, Танковое, Скалистое III) (Мыц

и др., 2006. С. 177). На перечисленных памятниках обнаружено незначительное количество маловыразительных безурновых или урновых захоронений.

Биритуальные могильники округа Херсонеса, по их мнению, образуют вторую группу. Они содержат значительное количество кремационных погребений различных вариантов. К особенностям второй группы относятся преобладание урновых погребений и наличие остатков трупосожжений в грунтовых ямах. Многие урны расположены в могилах вертикально, огорожены каменными плитками и накрыты крышками. В некоторых случаях в качестве урн использованы каменные оссуарии, сделанные из местного известняка (Мыщ и др., 2006. С. 177–178).

Третья группа – памятники типа «Ай-Тодор». Она включает два некрополя, расположенных на сравнительно удаленных от Херсонеса южном (Южный Берег Крыма) и юго-восточном склонах Главной гряды. Помимо Ай-Тодора к третьей группе относится Чатыр-Дагский могильник. Характерным признаком данной группы является абсолютное доминирование на памятнике кремаций (96–100%), находящихся зачастую в «каменных ящиках» (Чатыр-Даг) или под каменными вымостками (Ай-Тодор).

Кремационные захоронения могильника Фронтное 3 не вписываются ни в одну из трех озвученных выше групп. Вероятнее всего, погребения с трупосожжениями появились на могильнике в начале II в. н.э. как новый вид погребальной традиции. Первоначально она не имела четких правил. Это послужило причиной использования разных вариаций места помещения кремированных останков, хотя во всех случаях они располагались в подбоях и без урн. К концу II – началу III в. обряд был унифицирован.

В результате на Фронтном 3 была сформирована уникальная, не известная ни на одном другом памятнике Крыма, погребальная практика. После середины III в. традиция кремирования на некрополе прерывается. Это указывает на то, что истоки данной практики на могильнике Фронтное 3 вряд ли связаны с появлением в Юго-Западном Крыму в 250-х гг. германских

племен, также сжигавших своих покойных. При этом нужно отметить, что инвентарь, который условно можно связывать с древностями германского круга или германской традицией размещения отдельных предметов (костяные гребни, конические умбоны и пр.), присутствует в некоторых ингумационных погребениях некрополя и датируются не ранее второй половины III в.

От других кремационных комплексов Юго-Западного Крыма отличаются и кремации могильника Севастопольский. Практика погребения в оссуариях или керамических урнах (рис. 210, 211), расположенных внутри каменных ящиков, не находит полных аналогий среди других памятников всех трех групп.

Исследователи могильника соотносят появление каменных ящиков либо с местными традициями, либо связывают их с притоком сармато-аланских племен (Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 53). Здесь необходимо отметить, что по функциональному значению расположение урн и оссуариев внутри каменного ящика планиграфически напоминает размещение погребальных урн в специальных погребальных сооружениях в Херсонесе, в первую очередь в гробницах, сложенных из каменных плит. Подобные комплексы строились из четырех или шести известняковых плит в виде своеобразного, прямоугольного в плане каменного ящика (Зубарь, 1982. С. 20) либо со ступенчатыми гробницами, склепами и гробницами с двускатным перекрытием и нишами для установки урн, склепами, вырубленными в скале (Зубарь, 1982. С. 56). В.М. Зубарь обращал внимание на сходство известняковых и мраморных оссуариев из Севастопольского могильника и Херсонеса (Зубарь, 1982. С. 57). Несмотря на это, мысль о связи кремационных комплексов некрополей Херсонеса и Севастопольского (Совхоз-10) могильника в литературе не получила развития.

Последние масштабные археологические исследования на южном пригороде Херсонеса подтверждают связь могильника с погребальными традициями Херсонеса. Так, на раскопе 4 было обнаружено семь специально сооруженных каменных ящиков, в которых помещались керамические и

свинцовые урны (Аветиков, Вахонеев, 2024. С. 87). Подобный ящик, перекрытый каменной плитой, с 6 керамическими урнами внутри обнаружен на раскопе 7. Помимо урн в нижнем слое ящика обнаружены два каменных блока с углублениями под урны и четыре унгентария; весь комплекс датируется II в. н.э. (Соков и др., 2024. С. 154–156. Рис. 38–41). Отдельно необходимо отметить уникальный комплекс в виде округлой в плане погребальной конструкции, в центре которой располагался небольшой каменный саркофаг, идентичный саркофагам из могильника Севастопольский (Совхоз-10) (Аветиков, Вахонеев, 2024. С. 87. Рис. 11).

Вероятнее всего, традиция сжигания умерших, отмеченная на памятниках ближайшей округи Херсонеса в римское время, имела не менее двух различных источников происхождения. Первый из них связан с Херсонесом, где подобная практика получила широкое распространение в первые вв. н.э., но к середине III в. уступила место ингумации. Второй вектор связан с германскими группами населения, расселившимися на южном побережье полуострова, и в ближайшей округе Херсонеса в III–V вв.

3.3.2. Ингумационные погребения

Погребения, выполненные по обряду ингумации, характерны для всех некрополей, за исключением трех, находящихся в Варнаутской долине. На всех могильниках, кроме некрополя Севастопольский (Совхоз-10), они значительно преобладают над кремационными захоронениями. Для анализа будут использованы количественные данные, отраженные в публикациях. Сравнение выполнено по тем же категориям, по которым проведено описание погребений в могильнике Фронтное 3: наличие коллективных погребений, использование дополнительных конструкций и положение погребенных, ориентировка погребенных, пол и возраст погребенных, расположение и состав заупокойной пищи и сопроводительного инвентаря.

Коллективные захоронения

Для некрополя Фронтное 3 характерно значительное преобладание одиночных погребений в грунтовых и подбойных могилах. Парных и коллективных захоронений взрослых индивидов обнаружено 8 случаев. Комбинированные погребения детей со взрослыми выявлены в 10 комплексах.

Для большинства рассматриваемых некрополей в подбойных и грунтовых ямах различных типов, так же как и на Фронтном 3, характерны одиночные погребения. Немногочисленные коллективные захоронения выявлены на могильниках Бельбек IV, Чернореченский (рис. 212, 1,2), Севастопольский (Совхоз-10). Среди других выделяется некрополь Киль-Дере 1, где в 6 из 21 неграбленного подбойного погребения обнаружены парные захоронения. Несмотря на то что выборка незначительная, количество известных парных захоронений среди неграбленных могил достаточно велика и составляет 28,5%.

В большинстве известных парных погребений, происходящих с некрополей округа Херсонеса, костяки располагались один над другим, реже параллельно друг другу. Параллельное размещение в увеличенных по ширине подбоях выявлено в 3 случаях на Фронтном 3. На некрополе Киль-Дере 1 ситуация другая. Особенности геологического строения холма, на котором располагается могильник, не позволяли делать большие по ширине подбои. Здесь все известные коллективные погребения были совершены друг на друге.

В единичных случаях известны могилы, в которых один костяк был сдвинут, а на его место уложен другой. Подобные комплексы открыты на некрополях Бельбек IV, Чернореченский. В коллективных захоронениях чаще всего присутствовало по два костяка, но известны комплексы, где размещалось значительно больше погребенных. На могильнике Севастопольский (Совхоз-10) выявлены коллективные захоронения, включающие по 2, 3 и даже 6 погребенных.

На могильниках Севастопольский (Совхоз-10), Чернореченский, так же как и на Фронтном 3, отмечен обряд погребения младенцев в ногах взрослых индивидов. В некоторых могилах удалось зафиксировать то, что детей

сопровождал отдельный погребальный набор инвентаря. При этом возраст погребенных детей, где обнаружен инвентарь, не отличается от возраста детей, размещенных в могилах без инвентаря. Во всех случаях, где удалось определить положение детей, они были ориентированы головой на ЮВ или ВЮВ и располагались параллельно взрослому индивиду.

Во всех грунтовых склепах, где сохранились останки погребенных, захоронения были выполнены в один ярус. Количество захороненных насчитывает от одного до 5; выявлены мужские, женские и детские захоронения.

Таким образом, для всех некрополей ближайшей округи Херсонеса коллективные захоронения в подбойных могилах составляют незначительный процент от общего числа погребенных. Исключение может составлять некрополь Киль-Дере 1, но в связи с его сильной ограбленностью полученные данные неполные. Для взрослых индивидов погребения совершены чаще всего один над другим, для отдельных комплексов известно параллельное расположение погребенных в подбое. В комбинированных взрослых с детскими погребениями детские были уложены в ногах взрослых.

Деревянные конструкции

Во Фронтвом 3 они встречены в 163 погребениях на всей площади могильника и характерны для всех хронологических периодов и всех типов погребальных сооружений.

В литературе, посвященной погребальным памятникам римского времени Юго-Западного Крыма, наличие деревянных сооружений в виде остатков гробов указывается как достаточно частое явление. Непосредственно для памятников ближайшей округи Херсонеса ситуация не столь однозначна. К примеру, в публикациях, посвященных Инкерманскому могильнику, указаний о наличии подобных сооружений не приводится. Только в одном случае, при описании грунтового склепа № 25, указано о наличии пятен темного тлена, предположительно кошмы, среди которых местами прослежены остатки узких деревянных планок (Веймарн, 1957. С. 228). На могильнике Бельбек IV в

комплексах, исследованных к 1991 г., общее количество которых насчитывало 331, деревянные конструкции от гробов и колод отмечены всего в 47 погребениях, практически все они характерны для II – 1-й половины III в. Тогда как среди погребений, изученных в 2021 г., подобная практика выявлена в 51 комплексе из 83.

Информация о наличии деревянных конструкций имеется в описании некрополей Бельбек I, Килен-Балка, Танковое и Чернореченское. При этом на могильнике Бельбек I имеются определенные особенности, представленные расположением в погребении деревянных колод, помещенных либо у торцевых стенок могилы, либо по центру. На Чернореченском могильнике наличие деревянных сооружений, гробов и колод в погребениях указывается в 18 случаях (рис. 212, 3,4). Отличительной особенностью памятника является их частое размещение на нескольких плоских камнях. Подобная традиция, но только в меньшей степени, отмечена в отдельных могилах Фронтового 3.

Таким образом, можно констатировать, что деревянные конструкции (гробы, колоды) известны практически на всех памятниках района исследования. Причина полного отсутствия подобных сооружений на Инкерманском некрополе и малая представленность их в комплексах, изученных на Бельбеке IV в 70–80-х гг., вероятнее всего, связаны с особенностями расчистки и фиксации захоронений в период их исследования. Говорить о том, что в долине реки Черной существовал некрополь, на котором, в отличие от соседних памятников, полностью отсутствовала практика применения деревянных сооружений, кажется маловероятным.

Положение погребенных

В могильнике Фронтовое 3 преобладающим положением погребенного является поза, когда он вытянут на спине. Всего подобных случаев выявлено не менее 303. Значительно меньше зафиксировано погребений с расположением усопшего частично на правом или левом боку (со своеобразным завалом тела на бок) (27 случаев). В отдельных захоронениях в непосредственной близости от тела погребного со стороны входной ямы

располагались небольшие камни, которые подпирали погребенного или деревянное сооружение, в котором он был захоронен. Руки погребенных в большинстве случаев вытянуты вдоль тела. Кисти рук находились как вдоль тела, так и на тазе погребенного, подобная ситуация характерна и для каждой из рук в отдельности, и для обеих вместе. Ноги в большинстве захоронений вытянуты и сведены вместе, всего подобная ситуация прослежена в 238 случаях. У 19 погребенных отмечено скрещивание ног в районе берцовых костей.

На некрополе Фронтное 3 обряд помещения одной или обеих рук на тазовых костях преобладает. При этом подобная ситуация характерна как для рук, вытянутых вдоль тела, так и согнутых в локтях.

Для подавляющего большинства открытых захоронений в могильниках ближайшей округи Херсонеса характерно положение, когда тела погребенных вытянуты на спине. При этом практически на каждом рассматриваемом некрополе есть небольшой процент иного размещения тел. Чаще всего это расположение частично на левом или правом боку или скорченное положение (рис. 213, 2, д). В могильнике Бельбек I зафиксированы погребения в положении сидя с подогнутыми ногами. В грунтовых склепах, исследованных на рассматриваемых некрополях, погребенные располагались вытянуто на спине. В склепе, раскопанном в 1940 г. на Инкерманском могильнике, два погребенных были уложены на боку, у одного скорчены ноги.

Значительно большей изменчивости на рассматриваемых памятниках в районе исследования подвергается расположение конечностей, особенно рук. Основными вариантами положения рук являются: руки, вытянутые вдоль тела, кисти расположены вдоль тазовых костей; руки, вытянутые вдоль тела, обе кисти находятся на тазе; руки, вытянутые вдоль тела, левая или правая кисть на тазе; левая, правая или обе руки согнуты в локте, кисти на тазе. На расположение кистей рук на тазе исследователи традиционно обращают внимание, так как зачастую подобный элемент обряда связывают с сарматским влиянием (рис. 213, 3). Для отдельных памятников производились попытки

сведения информации о положении рук в общие схематические таблицы (Стржелецкий и др., 2003–2004. Рис. 9; приложение 1, IV). На могильнике Бельбек II в единичных случаях отмечено положение кистей рук на тазе и согнутые в коленях ноги. На могильнике Бельбек IV положение рук на тазовых костях также не является часто встречаемым элементом обряда, за все годы исследований такое положение открыто в примерно 25 случаях. На некрополе Братского кладбища в четырех погребениях руки расположены на тазе, только в одном случае правая рука находилась на тазовых костях.

В Инкерманском могильнике для всех типов погребальных сооружений нехарактерно размещение костей рук на тазе, подобная практика отмечена всего лишь дважды, в одном погребении руки согнуты в локтях. На некрополе Киль-Дере 1 в четырех комплексах удалось установить, что одна из рук была расположена на тазе, в одном погребении рука согнута в локте. На Севастопольском (Совхоз-10) могильнике только в семи случаях отмечено положение рук на тазе, в девяти – правая или левая располагались на тазовых костях, в 4 захоронениях фиксировалось положение руки на груди. На Чернореченском могильнике расположение рук на тазовых костях, вероятнее всего, связано с положением тела в деревянные колоды, всего подобных случаев известно около 9.

Положение ног зачастую отдельно в публикациях не описывается, за исключением тех случаев, когда они были переkreщены. Переkreщивание ног в районе голени выявлено практически на всех могильниках, где исследовано не менее 50 ингумационных погребений. На Бельбеке IV подобная практика отмечена у 14 погребенных, на некрополе Киль-Дере 1 встречена в 8 случаях. На Севастопольском могильнике применялась в 3 могилах, тогда как на Чернореченском в 5 случаях (рис. 212, 2, 4). В немногочисленных могилах некрополей Мамай-Оба и Красный Мак известно по одному случаю. Всего на памятниках ближайшей округи Херсонеса переkreщивание ног отмечено в 51 погребении.

Материалы некрополей показали, что для погребений, датированных начиная с рубежа III–IV вв., подобная практика нехарактерна. По материалам могильника Фронтное 3 для второго периода его существования (середина III – начало V в.) подобная практика зафиксирована один раз, все остальные случаи характерны для первого этапа (конец I – середина III в.). На могильнике Инкерман, который датируется в пределах III–IV вв. случаев перекрещивания ног не зафиксировано. Для отдельных памятников практика перекрещивания ног распространена достаточно широко. К примеру, на могильнике Киль-Дере 1 среди неграбленных могил зафиксировано 32 костяка, перекрещенные ноги были зафиксированы у 8 погребенных, что составляет 25%.

Таким образом, можно констатировать, что для большинства погребений, известных на некрополях ближайшей округи Херсонеса, значительно преобладает положение, когда погребенный вытянут на спине. Положение рук вариабельно, встречены различные типы, включающие как положение одной или обеих кистей рук на тазовых костях или вдоль туловища. Ноги чаще всего вытянутые, сведены в районе коленей и стоп. Для комплексов, датируемых I – концом II в., характерна перекрещенность ног в районе голеней.

Ориентировка погребенных

Подбойные и грунтовые могилы

На некрополе Фронтное 3 в подбойных и грунтовых могилах ориентировка определена у 350 погребенных. Значительно преобладает направление головой на ВЮВ (256 случаев). Нередким является ориентировка на юго-восток (63 случая) и восток (29 случаев). По одному случаю зафиксировано направление на ВСВ и ЗСЗ.

В некрополе Бельбек I ориентировка на юг выявлена в 22 комплексах.

В некрополе Бельбеке II ориентировка определена в 14 случаях, в 9 из них на ЮЗ, встречена также СВ – 3 и СЗ – 1.

На Братском кладбище в 6 случаях погребенные располагались головой на юг, по 1 случаю – на ЮВ и ЮЗ.

На некрополе Киль-Дере из неграбленных погребений происходит 32 костяка. Все они ориентированы также в южный сектор: на юг – 19, на ЮЗ – 4, на ЮЮЗ – 4, на ЮЮВ – 3, ЮВ – 2.

На Севастопольском (Совхоз-10) могильнике ориентировка погребенных в 85,3% фиксируется также в ЮВ сектор. Помимо этого, на памятнике известна ориентировка на СЗ (5,9%), СВ (3,7%), в единичных случаях на восток, ЮЗ, север и ЗЮЗ.

На некрополе Бельбек IV в комплексах, исследованных к 1991 г., преобладает южная ориентировка с отклонением на запад и восток – 36%, северная составляет около 28%, она характерна для более поздних погребений начиная со II в. н.э. Погребения с северной ориентировкой расположены компактно в северо-западной части некрополя, составляя здесь большинство. На запад ориентировано 2,9% погребенных, на восток – 1,4%. Южная ориентировка преобладает и среди комплексов, исследованных в 2021 г., головой на ЮЮЗ уложены 23 погребения, на ЮЮВ – 3 погребения, на юг – 2 погребения.

В могильниках, на которых выявлено незначительное количество костяков, ориентировка варьируется.

На некрополе Мамай-Оба известно положение головой на ЮВ и СВ.

На некрополе Танковое в трех случаях положение погребенного головой на восток, в одном – на ВЮВ.

Среди всех могильников выделяются Инкерманский и Чернореченский.

В Инкерманском могильнике в подбойных погребениях преобладающим направлением является положение головой на восток, подобных случаев зафиксировано 13, в одном случае отмечена ориентировка на юг. В простых грунтовых ямах преобладает положение головой на север (5 случаев), по одному костяку зафиксировано с направлением головой на восток, запад и юг. В грунтовых ямах с заплечиками по два случая отмечены с ориентировкой на восток и север.

На Чернореченском некрополе покойные уложены были головой в основном в северный сектор, преобладает на СВ – 32 случая. Встречено направление на СЗ – два случая, север – два случая, восток – 1 случай. В простых грунтовых ямах костяки лежали головами на запад, северо-восток и север.

Грунтовые склепы

Большинство грунтовых склепов было ограблено, поэтому ориентировку погребенных в подобных сооружениях установить удалось для ограниченного числа комплексов. Там, где она зафиксирована, она зачастую отличается от ориентировки остальных могил. В склепе 1940 г., раскопанном в Инкермане, все 4 костяка были ориентированы на ЮВ. Погребения из склепа могильника Бельбек I ориентированы головой на восток, перпендикулярно длинной оси склепа. На могильнике Красный Мак всего в одном случае удалось зафиксировать ориентировку, где погребенный лежал головой на юг, вдоль длинной оси склепа. Подобная ситуация выявлена и на Севастопольском некрополе, где в склепе № 8 сохранились останки погребенного, ориентированного головой на восток, лежавшего вдоль длинной оси склепа.

Наибольшее количество погребенных сохранилось в склепах могильников Чернореченского и Фронтное 3.

На Чернореченском ориентировка была выявлена в 4 комплексах. Погребения были сделаны перпендикулярно длинной оси склепов в двух камерах, головой на СВ, по одному на восток и север. На могильнике Фронтное 3 ситуация также отличается не только по сравнению с подобными погребениями, но и в самих грунтовых склепах. Всего ориентировку удалось установить у 23 погребенных. В более ранних склепах 16 и 41 погребенные лежали вдоль длинной оси сооружений, головой на ЮВ (16) и ВЮВ (41). В остальных склепах, где удалось зафиксировать останки захороненных *in situ*, все покойники были уложены перпендикулярно оси входной ямы.

Таким образом, можно констатировать, что для большинства памятников ближайшей округи Херсонеса для подбойных и грунтовых могил, за исключением некрополей Инкерманский и Чернореченский, характерна ориентировка погребенных в южный и юго-восточный сектор. В грунтовых склепах положение погребенных в большей мере зависит от ориентировки самого склепа. Для ряда комплексов характерно расположение погребенных перпендикулярно длинной оси склепа, для большинства – вдоль длинной оси.

Половозрастные характеристики

В могильнике Фронтное 3 преобладают мужские захоронения, они характерны для 47,4%, женские составляют 37%, детские и подростковые 15,6%.

Информация о поле и возрасте погребенных известна для некрополей Киль-Дере 1, Бельбек IV, Мамай-Оба, Севастопольский (Совхоз-10), Чернореченский (табл. 5). Нужно отметить, что не для всех памятников антропологические определения были выполнены специалистами. В приведенной подборке используются опубликованные данные. Для большинства могильников, помимо Фронтного 3 и Киль-Дере 1, значительно преобладает процент женских и детских погребений.

Наименование памятника	Мужские	Женские	Детские и подростковые	Выборка
Фронтное 3	47,4%	37%	15,6%	420 погребений
Севастопольский (Совхоз-10)	7,5%	17,3%	69%	214 погребений
Бельбек IV	13,4%	65,7%	20,9%	172 погребения
Чернореченский	5,4%	62,2%	32,4%	37 погребений
Мамай-Оба	-	50%	50%	8 погребений
Киль-Дере 1 ⁸	71,1	15,6	13,3	211 погребений

⁸ Благодарю Сергея Владимировича Язикова и Маргариту Александровну Самородову за возможность использовать неопубликованные данные.

Табл. 5. Соотношение пола в могильниках

Фиксируя преобладание детских и женских захоронений на памятниках района, полностью объяснить на сегодняшний день данную ситуацию затруднительно (рис. 214). Можно только выдвинуть две гипотезы. Согласно первой, определение половозрастных характеристик для большинства некрополей было выполнено без привлечения специалистов антропологов, зачастую по полевым наблюдениям, отталкиваясь от сопроводительного инвентаря. Другим предположением может являться объяснение, что для Севастопольского и, возможно, Чернореченского могильников мужские захоронения совершались по обряду кремации. Подтверждением подобного тезиса является расположение для обоих могильников ингумационных и кремационных захоронений на одних и тех же участках, частично перекрывая друг друга. Если принимать это предположение, неясной является ситуация на могильнике Бельбек IV, где кремационных погребений не выявлено.

Характер заупокойной пищи

В могильнике Фронтное 3 заупокойная пища представлена мясом копытных животных, мясом птиц и куриными яйцами. Среди копытных животных преобладает КРС (60,7%), представлены также МРС (29,1%) и лошадь (10,2%).

Помимо Фронтного 3 анализ использованных в заупокойной пище животных опубликован для могильника Киль-Дере 1 (Полянская и др., 2024).

Несмотря на сильную ограбленность на Киль-Дере 1, в результате проведенного анализа удалось установить принадлежность костей животных к 79 комплексам, в том числе к 8 неграбленным. Здесь, так же как и на Фронтном 3, наиболее часто в составе заупокойной пищи присутствовала часть туши КРС (75,8%), МРС характерны для 16,5% погребений. Кости исключительно птицы обнаружены в 5,1% погребений, в сочетании с копытными животными – в 11,4% погребений (Полянская и др., 2024).

Для остальных памятников чаще всего указывается только предварительная (без определения специалиста) видовая принадлежность отдельных находок. Судя по опубликованным данным, на могильниках округа Херсонеса заупокойная пища представлена в разном количестве мясом КРС, МРС, лошади. Для погребений, датированных преимущественно IV в., характерно наличие мяса птицы и яичной скорлупы. Одной из самых ранних могил, где обнаружены кости птицы, является погребение № 9 Братского кладбища, соотнесенное со 2-й половиной I в., а также могила № 1 (раскопки 2003 г.) некрополя Бельбек II, датированная концом I – 1-й половиной II в. Третий случай использования в заупокойной пище мяса птицы ранее конца III в. известен на Фронтовом 3.

Для отдельных могильников существуют локальные отличия в использовании тех или иных жертвенных животных. К примеру, в Бельбеке IV заупокойная пища чаще всего представлена мясом МРС, в единичных случаях отмечена бедренная кость лошади. Несмотря на сильную ограбленность большинства комплексов, в могильнике Красный Мак выявлены кости копытных животных, представленные бедренными и берцовыми костями КРС и МРС, при этом кости МРС преобладают. На могильнике Севастопольский (Совхоз-10) в качестве напутственной пищи чаще всего использовали яйца. Всего скорлупу от яиц обнаружили примерно в 50 погребениях. Также встречены кости курицы, КРС и свиньи, при этом кости крупных животных отмечены лишь в 12 погребениях. Напутственная пища на могильнике характерна в основном для погребений III–IV вв. Кости копытных животных обнаружены также в погребениях Братского кладбища, Инкермана, Бельбека II, Алмалык-Дере.

Отличительной особенностью могильника Красный Мак является наличие костей собаки, при этом в двух случаях обнаружены скелеты, в отдельных случаях – бедренные кости.

В погребениях Севастопольского могильника помимо мяса животных среди напутственной пищи обнаружены грецкие орехи, семечки арбуза или дыни, а также рыба.

Размещение заупокойной пищи в могиле

В большинстве погребений, исследованных на некрополе Фронтное 3, заупокойная пища совместно с керамическими сосудами располагалась за головой погребенного. Реже встречена в ногах либо рядом с руками. Подобная практика характерна также для некрополей Бельбек I, IV, Братского кладбища, Инкермана, Севастопольского, Фронтное 3, Чернореченского. Из всех памятников выделяется могильник Киль-Дере 1. В его неграбленных комплексах посуда вместе с заупокойной пищей в 13 случаях зафиксирована поверх ног или рядом с ними и только в 5 случаях за головой погребенных.

Известны случаи нестандартного размещения заупокойной пищи. В двух могилах Чернореченского некрополя она располагалась под камнями заклада. В плитовой могиле 14 некрополя Бельбек I в ногах погребенного была устроена ниша в стенке. В могиле 245 некрополя Киль-Дере 1 за пределами каменного ящика, между торцевой плитой и стенкой могилы размещался набор посуды и заупокойная пища (рис. 215, 4).

В результате проведенного анализа установлено, что на некрополе Фронтное 3 существовало два типа размещения заупокойной пищи относительно посудных наборов в погребениях.

Первый тип – кости копытных животных лежат в краснолаковых сосудах открытых форм, чаще всего это тарелки, миски, чаши, блюда (далее СОФ), совместно с железным ножом или без него. При этом в погребении помимо СОФ присутствует краснолаковый сосуд закрытой формы (далее СЗФ). Второй тип представлен расположением кости животного непосредственно на земле (на дне подбоя) или поверх костяка, погребенного без использования СОФ⁹.

⁹ Подробнее см. в разделе 2.4.2 настоящей работы.

Эти наблюдения были сопоставлены с другими синхронными памятниками ближайшей округи Херсонеса (табл. 6). К сожалению, не для всех исследованных памятников имеется подробная информация о расположении заупокойной пищи¹⁰.

В ряде случаев, где присутствует описание погребальных сооружений по отдельным могилам, сведения о расположении заупокойной пищи неполные, обобщенные. Зачастую при упоминании кости животного не указывается ее конкретное место расположения. Помимо этого, в целом ряде погребений описывается наличие железного ножа в сосуде открытой формы, но при этом не указывается кость животного. Подобные комплексы в выборке не использовались, так как остается неясным, истлела ли кость или заупокойную пищу не положили преднамеренно.

Наименование	Количество во могилах с КЖ	Тип 1		Тип 2	
		Вторая половина I – 2 чет. II в.	Сер. II – сер. III в – IV в.	Вторая половина I – 2 чет. II в.	Сер. II – сер. III в – IV в.
Бельбек I	5				5
Братское кладбище	5	5			
Холмовка	2	1		1	
Чернореченский	5		1		4
Инкерманский	4		2 (+скорл.)		2
Киль-Дере 1	13	3	1	1	8
Бельбек IV	91	25	13	21	32
Всего:	125	33	15 + 2 (скорл.)	23	51

Табл. 6. Типы расположения заупокойной пищи в могилах

¹⁰ Характеристика положения заупокойной пищи по памятникам см. в разделе 3.1 настоящей работы.

Заупокойная пища в виде мяса копытных животных, расположенная в СОФ, выявлена в 51 погребении на 6 могильниках (рис. 216). К периоду 2-й половины I – 2-й четверти II вв. (для Киль-Дере 1 – до начала III в.) относятся 33 комплекса, а к периоду середины II – середины III–IV в. – 17 погребений. При этом в нескольких погребениях, датированных III–IV вв., кость животного, лежавшая в сосудах открытых форм, обнаружена совместно с яичной скорлупой.

Заупокойная пища в виде мяса копытных животных, расположенная без СОФ, на дне подбоя или поверх погребенного, зафиксирована в 74 погребениях на 5 памятниках (рис. 215, 1,2; 217). Наилучшую выборку дают материалы могильников Бельбек IV и Киль-Дере 1, остальные памятники ее дополняют. Анализ соотношения по датам показывает, что в 23 случаях подобная ситуация характерна для периода начиная со второй половины I по 2-ю четверть II в. и в 51 случае – для времени с середины II по IV в.

Сопоставление данных, полученных на могильнике Фронтное 3, с материалами синхронных некрополей показало наличие в районе исследования двух погребальных практик в расположении заупокойной пищи. Первая характеризуется использованием сосудов открытых форм для положения мяса копытных животных. Подобная практика распространяется с конца I в. и бытует преимущественно до конца II в., в отдельных случаях она известна в первой половине III в. В комплексах IV в. частично возобновляется, но используется другой состав заупокойной пищи, добавляется мясо птицы и куриные яйца. Вторая практика отличается положением мясной пищи непосредственно на землю (деревянную подставку?) либо деревянный гроб или колоду, без использования сосудов открытых форм. Незначительно практика представлена среди комплексов конца I в., широко распространяется с конца II в., а в III–IV вв. является преобладающей.

Отдельные элементы обряда и категорий находок

Для детских погребений, помимо меньших размеров погребальных сооружений, характерен и определенный набор вещей в могиле. К примеру, на могильнике Бельбек I детские погребения сопровождаются меньшим количеством инвентаря, в основном бусами.

Погребальная обрядность в виде размещения стеклянного сосуда в районе правой руки, выявленная на некрополе Фронтное 3, среди захоронений рассматриваемого района распространения не имеет. Подобная обрядность зафиксирована всего несколько раз. В могиле 3 (1938 г.) некрополя Бельбек II у кисти правой руки обнаружен небольшой краснолаковый сосуд. На могильнике Киль-Дере 1 в могиле 320 в районе правой кисти находился стеклянный амфориск. В могиле 380 некрополя Бельбек IV в районе правой кисти найден стеклянный сосуд.

Примеры перекрытия керамических сосудов своеобразными крышками, известные на Фронтном 3, также не имеют широко распространения на других памятниках. В могиле 13 (1966 г.) некрополя Бельбек II красноглиняный сосуд был накрыт стенкой другого сосуда. На некрополе Бельбек IV подобная практика отмечена в пяти случаях: в могиле 11 кувшин перекрыт кубком, перевернутым вверх дном; в могиле 41 амфора была накрыта кубком; в могиле 381 рядом с горлом кувшина найдена стенка амфоры, вероятнее всего, являвшаяся ее крышкой; в могиле 360 обнаружен канфар, накрытый крышкой; в могиле 379 канфар был накрыт двумя камнями.

Для некоторых некрополей на поздних этапах их существования, а также для памятников, датируемых не ранее IV в., характерно наличие большого набора вооружения. К примеру, несмотря на разграбленность склепов некрополя Килен-Балка, погребальный инвентарь насчитывает внушительную группу предметов вооружения – 7 мечей и кинжалов, 7 наконечников древкового оружия, 1 топор (Контны, Савеля, 2006. С. 129–148).

Таким образом, можно констатировать, что для 17 погребальных памятников округа Херсонеса известно 14 могильников, на которых выявлены

ингумационные погребения, и 10 памятников, где присутствуют кремационные захоронения.

Среди погребений, выполненных по обряду ингумации, в подбойных и грунтовых могилах различных типов преобладают индивидуальные захоронения, коллективные встречены в единичных случаях, за исключением некрополя Киль-Дере 1, где эта практика встречается чаще. Погребения в грунтовых склепах совершены всегда в один ярус, случаев смещения более ранних захоронений не зафиксировано. Ориентировка погребенных в подбойных и грунтовых могилах, преимущественно, совершена в южный и юго-восточный сектор, только для двух могильников преобладает северная (Чернореченский) и восточная ориентировки (Инкерманский). Для грунтовых склепов определяющим для положения костяков является расположение склепа на памятнике. В погребальной камере захоронения могут отличаться расположением относительно длинной оси входной ямы – располагаться по ее оси либо перпендикулярно ей. Встречены захоронения головой в противоположные стороны в пределах одной погребальной камеры. Практически для всех памятников отмечен обряд помещения покойного в деревянные сооружения – гробы или колоды. Количество подобных захоронений на памятниках различается, подобный обряд характерен для всех хронологических этапов. Погребенные уложены в большинстве случаев вытянуто на спине, из других вариантов размещения покойного можно отметить расположение частично на левом или правом боку, в единичных случаях скорченное положение. Преобладающее положение рук – вытянуто вдоль тела. При этом кисти могут быть размещены как вдоль тазовых костей, так и на них. Ноги чаще всего вытянуты, для погребений конца I – середины III в. известны случаи перекрещивания ног в районе голеней.

Среди кремационных захоронений преобладают размещение кальцинированных костей в урнах, распложенных в грунте, в меньшей степени представлено размещение урн в ямах и каменных ящиках. Незначительны по количеству случаи размещения урн в подбойных или

грунтовых могилах, кремированных останков без урн в ямах. Для отдельных памятников характерны отличительные способы размещения кремированных останков. Так, для могильника Севастопольский (Совхоз-10) выявлена крупная серия каменных оссуариев, расположенных в каменных ящиках. Для могильника Фронтное 3 открыта другая уникальная традиция – размещение кальцинированных костей в подбойных могилах без керамических урн.

Погребенных хоронили, видимо, в соответствии с их прижизненным социальным статусом. Для погребений IV в. часто встречаются предметы вооружения. Для большинства ингумационных погребений характерно наличие напутственной пищи в могилах. Чаще всего она представлена мясом копытных животных, находящихся в комплексе с керамическими сосудами различных типов. Для различных хронологических периодов характерны отличия в способах размещения мясной пищи в могиле, а также в ее составе. Для комплексов, датированных начиная с первой половины IV в., характерно использование мяса птицы и куриных яиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена исследованию погребальных сооружений и погребального обряда могильника Фронтное 3, а также сравнению выявленных закономерностей с синхронными погребальными памятниками ближайшей округи Херсонеса, расположенными по течению рек Черная и Бельбек.

На протяжении нескольких столетий Херсонес являлся основным форпостом римского влияния в Юго-Западном Крыму. Однако в письменных источниках взаимоотношения римского населения Херсонеса и окружающих его сообществ практически не освещены. В связи с этим на первый план выходят данные археологии; при этом значительную информацию дают сведения, полученные при изучении погребального обряда.

Некрополь Фронтное 3 – уникальный археологический памятник римского времени, расположенный в Юго-Западном Крыму. Памятник был исследован в полевом сезоне 2018 г., в результате раскопочных работ был открыт новый, ранее не известный науке археологический объект. Некрополь был исследован полностью, значимых разрушений в современности на нем не зафиксировано. Материалы, полученные в ходе изучения Фронтного 3, позволили по-новому взглянуть на многие вопросы, связанные с реконструкцией погребального обряда варварского населения Крыма, находящегося под влиянием античного города.

В процессе исследования могильника был получен существенный пласт информации по погребальному обряду, обнаружена большая коллекция погребального инвентаря, представленная практически 20 000 находок. В связи с тем, что могильник Фронтное 3 был исследован полностью, на нем была прослежена четкая планиграфическая система, выявлены особенности погребального обряда, а также его изменчивость с течением времени. Подробная полевая фиксация материалов некрополя, осуществленная в результате раскопок, и последующие осмысление и обработка материалов

позволили выделить на памятнике некоторые особенности в погребальных традициях, которые ранее не были отмечены в других некрополях.

На могильнике исследовано 328 погребений римского времени. Преобладают подбойные могилы (306 комплексов), вторую по численности группу составляют грунтовые склепы (12), грунтовые ямы представлены 6 сооружениями: в 3 из них совершены погребения людей, в 3 – захоронения животных. В одном случае зафиксировано погребение в амфоре. Помимо вышеперечисленных типов погребальных сооружений на могильнике обнаружены три объекта невыясненного назначения.

Памятник датируется концом I – началом V в. В его развитии выделяются два хронологических периода: первый – конец I – начало III в. и второй – середина III – начало V в.

В ходе написания диссертационного исследования был подготовлен комплекс источников в виде 3-томного каталога всех захоронений с подробным описанием погребальных сооружений и инвентаря, привлечением антропологических и зоологических определений, произведен анализ металла. Для каждого погребения определена предварительная дата (Свиридов, Языков, 2023; Свиридов, Языков, 2024а; Свиридов, Языков, 2024б).

Особенности погребального обряда могильника Фронтное 3

Наличие полного объема графической, фотографической информации, подробного текстового описания погребальных комплексов, личные наблюдения в процессе раскопок, анализ конструктивных элементов погребальных сооружений и расположения инвентаря позволил выделить на памятнике ряд особенностей:

– В значительной части захоронений могильника в качестве заупокойной пищи использовались мясо копытных животных (крупный рогатый скот, далее – КРС, мелкий рогатый скот, далее – МРС, лошади). Преобладают кости КРС, в меньшей степени обнаружено костей МРС, кости лошади встречаются редко. Для всех видов животных практически всегда в погребениях обнаруживались передние плечевые кости, примерно в равных долях правые и левые. Для КРС

характерно использование особей обоего пола в возрасте 2–3 лет. МРС использовался в возрасте от 1,5 до 3 лет. Лошадь – взрослые особи старше 5 лет.

– Использование мяса животных в погребальном обряде является не обязательной традицией, встречены погребения без напутственной пищи, среди них преобладают детские захоронения.

– Использование КРС характерно для всех периодов существования памятника. Применение в качестве напутственной пищи мяса МРС локально, выделяются определенные зоны их распространения. Мясо лошади было характерно для небольшой группы погребений конца I – начала II в. Кости птицы и яичная скорлупа широко распространяются начиная с 1-й четверти IV в.

– Выявлено размещение не менее чем в 44 случаях в верхней части заполнения входной ямы крупных каменных маркеров. Данная традиция характерна преимущественно для первого периода существования могильника.

– Наличие различных вариантов перекрытия подбоя: без каменного заклада, заклад в виде ряда камней, заклад из вертикально установленных плит, размещенных на грунте или на горизонтально уложенных камнях, горизонтально уложенные камни, навалы камней.

– Для начала II – конца III в. характерно наличие своеобразных крышек, расположенных на кувшинах. Подобная характеристика выявлена не менее чем в 117 комплексах. Для ранних погребений характерны каменные «крышки». С начала II в. наряду с каменными стали использовать керамические (лепные и краснолаковые). Практически полностью этот элемент обряда исчезает в конце III – начале IV в.

– Для 2-й четверти II – 2-й половины III в. характерно размещение в районе правой кисти сосудов. Подобная обрядовая черта зафиксирована в 68 комплексах. В нескольких ранних могилах они керамические, в основном стеклянные. Во всех ранних комплексах стеклянные сосуды представлены

бальзамариями. После начинают использоваться и другие формы: в 33 случаях отмечены стаканы, в 7 – чашки, в 4 – банки, по одному случаю – кубок, рюмка, кружка, гуттус, кувшин. В 9 случаях форма не определена. К III в. стаканы преобладают.

– На могильнике Фронтное 3 выявлены несколько типов размещения детских захоронений. Для конца I – конца III в. характерно размещение детских захоронений как в самостоятельных подбоях, так и совместно со взрослыми индивидами, тогда как в IV в. детские захоронения выявлены только в самостоятельных подбоях, в том числе двухподбойных могил, которые формируют отдельные зоны на могильнике.

– По материалам могильника Фронтное 3 выявлено, что начиная со второй четверти IV в. резко меняется система размещения посуды, используемой совместно с заупокойной пищей. Превалирующей ситуацией становится применение многочисленного посудного сервиза. При этом используются как краснолаковые, так и лепные сосуды, часто дополненные стеклянными сосудами.

Анализ обозначенных выше особенностей, а также подробное изучение погребальных сооружений, погребального инвентаря, заупокойной пищи и способов размещения их в погребении на могильнике Фронтное 3 позволило выделить *три этапа эволюции погребальных норм – раннюю, среднюю и позднюю*. Каждая из них имеет определенный набор признаков и хронологические рамки. Первая, «ранняя», может быть соотнесена с концом I – серединой II в., вторая, «средняя», датируется примерно с середины II до рубежа III–IV в., третья, «поздняя», начинается не ранее 1-й – 2-й четверти IV в. и существует до финала могильника. Практики плавно сменяют одна другую. Наблюдается распространение некоторых погребений с набором признаков «развитой» практики среди комплексов более ранней и наоборот, присутствует некоторое запаздывание отдельных обрядовых черт «ранней» среди более поздних погребений. Для второго периода (середина III – начало

V в.) бытования памятника характерна своя «поздняя» погребальная практика, в некоторых моментах она проявляется достаточно резко.

Первая, «ранняя», погребальная практика. Погребальные сооружения располагаются на крайнем северо-западе некрополя. Все комплексы, за исключением одного случая, представлены подбойными могилами.

Для погребений присуща рядность в размещении могильных ям в линии, вытянутые с юго-запада на северо-восток. При этом наблюдается определенная разреженность расположения погребальных конструкций, между могилами имеется свободное пространство. Для этого этапа характерно наибольшее разнообразие способов перекрытия подбоя. Именно в рамках бытования ранней практики характерна группа погребений без каменного заклада. В тех случаях, где он был зафиксирован, представлен либо вертикально установленными уплощенными крупными камнями, либо одним, часто неполным рядом камней, маркирующим заклад.

Заупокойная пища присутствует практически во всех погребальных комплексах. В подавляющем большинстве погребений характерно размещение заупокойной пищи внутри или поверх сосудов открытых форм. Встречены все три вида жертвенных животных (КРС, МРС, лошадь). При этом мясо лошади размещалось преимущественно в мужских погребениях с оружием.

Вторая, «средняя», погребальная практика. Погребальные сооружения располагаются преимущественно на северо-востоке и центре могильника. Структура погребальных комплексов меняется. Несмотря на то что подбойные могилы продолжают составлять подавляющее большинство, появляются грунтовые могилы. Помимо этого, выявлены три грунтовые могилы с захоронениями животных, один кенотаф (?).

Плотность погребений значительно увеличивается, рядность расположения сохраняется, но в меньшей степени. Широко распространяется практика использования каменных маркеров для могил. Случаи разрушения одной могилы другой не зафиксированы. Перекрытия подбоев выполнялось

только каменным закладом, при этом в отличие от предыдущего этапа имеется его вариативность. Помимо вертикально установленных камней фиксируются заклады в виде горизонтально уложенных камней или в виде навала.

Для времени конца II – первой половины III в. в северо-восточной и центральной частях выявлена группа кремационных погребений. Известны локально расположенные группы могил без напутственной пищи и инвентаря в неглубоких подбоях. Детские захоронения совершаются различными способами – в отдельных подбоях, совместно со взрослым индивидом в одном подбое, в амфоре.

Заупокойная пища используется не во всех погребальных сооружениях, представлена плечевыми костями крупного и мелкого рогатого скота. Кости лошади, за исключением нескольких случаев, не встречаются. Напутственная пища располагается теперь непосредственно на дне подбоя либо поверх погребенного (возможно, первоначально на деревянных гробовищах).

Широко распространяется практика расположения стеклянного сосуда в районе кисти, в основном правой. Известна практика помещения в могилы деревянных шкатулок.

В ряде комплексов, тяготеющих к финалу этого этапа, увеличивается разнообразие посуды, используемой совместно с заупокойной пищей. За головой покойника помимо одного краснолакового сосуда размещаются второй краснолаковый или стеклянный сосуд. Для конца этапа в погребениях начинают устанавливать лепную посуду.

Третья, «поздняя», погребальная практика. Могилы располагаются на юге и юго-востоке некрополя. Погребальные сооружения представлены подбойными могилами, грунтовыми склепами, грунтовыми ямами с заплечиками. Значительно увеличивается количество двухподбойных могил, подбой сооружаются не только в северо-восточной, но и в юго-западной стенке.

Погребальные сооружения расположены в четкие линии на значительном удалении друг от друга. Наблюдается разреженность могил. Среди

одноподобных преобладают могилы с размещением подбоя в юго-западной стенке. Подбойные могилы значительно углубляются. Каменный заклад преимущественно представлен камнями, вертикально установленными на землю или на горизонтально уложенные камни.

К IV в. изменяется практика совершения детских захоронений. Все детские захоронения индивидуальные в отдельных подбоях, зачастую подбой расположен в двухподбойных могилах.

Значительно увеличивается набор посуды, расположенной вместе с заупокойной пищей. Меняется также ее состав, часто и много используется лепная посуда различных форм. Расширяется использование стеклянной посуды, в отдельных комплексах насчитывается до 4–5 сосудов.

Обязательным атрибутом заупокойной пищи становятся кости птицы и яичная скорлупа. Для ряда комплексов возобновляется обрядность размещения костей животных в сосудах открытых форм. Частым атрибутом погребального инвентаря становятся предметы вооружения.

Сравнение могильника Фронтowego 3 с синхронными памятниками

Полученные по материалам некрополя Фронтowego 3 выводы были сопоставлены с синхронными памятниками, расположенными в ближайшей округе Херсонеса в основном в бассейне течения рек Черная и Бельбек. Эти некрополи, расположенные в непосредственной близости от Гераклеяского полуострова, раскапывались в различное время на разном методическом уровне. К наиболее известным относятся могильники Севастопольский (Совхоз-10), Инкерманский, Чернореченский, Бельбек IV. Материалы могильников опубликованы в разной степени. Несмотря на большую значимость каждого из указанных памятников, для большинства некрополей полной полноценной работы, описывающей все погребальные сооружения, произведено не было.

При сравнении Фронтowego с синхронными памятниками был проанализирован целый ряд аспектов, включающий в себя: топографию и планиграфию могильников, типы погребальных сооружений, особенности

конструкций подбойных могил, в частности формы перекрытия подбоев, особенности конструкции грунтовых склепов, использование деревянных сооружений в погребениях, положение погребенного в могиле, расположения заупокойной пищи и др. моменты.

Обобщению и анализу подвергнуты все типы погребальных сооружений, характерных для района. Всего в работе обобщены данные с примерно 2430 погребальных сооружений, происходящих с 16 памятников. Было выявлено не менее 10 различных вариантов погребальных сооружений, используемых для захоронения по обряду ингумации, а также разнообразные по способу размещения в могиле и использования погребальных урн кремационные захоронения. Подобное разнообразие погребальных сооружений и их различный процент встречаемости на отдельных памятниках может свидетельствовать о наличии различных представлений о погребальной обрядности у населения, проживавшего в округе Херсонеса.

Сравнение материалов соседних некрополей с могильником Фронтное 3 показало наличие как схожих черт, так и ряд отличий.

– Для большинства некрополей округа Херсонеса, так же как и на Фронтном 3, характерны рядность в расположении погребальных сооружений и хронологическая зональность. В силу недостаточной изученности многих памятников она выявлена слабо. Для большинства погребальных сооружений, датируемых периодом конца I – середины II в. и особенно начала IV – начала V в., характерна большая разреженность в их расположении на памятниках. Начиная со 2-й половины II и по конец III в. фиксируется большая плотность погребальных сооружений. Для биритуальных некрополей (Севастопольский, Чернореченский) этот период характеризуется еще и добавлением кремационных погребений, зачастую перекрывающих ингумационные могилы. В отличие от могильников, расположенных в долине реки Бельбек, на некрополях соседней речной долины – Киль-Дере 1, Севастопольском (Совхоз-10) и Чернореченском,

перекрытие одних погребальных сооружений другими достаточно частое явление.

– Анализ погребальных памятников округа Херсонеса показал, что для отдельных некрополей помимо повсеместно встречаемых категорий погребальных сооружений характерны локальные типы. На ряде памятников долины реки Бельбек известны плитовые могилы, для двух некрополей, расположенных в долине реки Черной, – каменные ящики в грунтовых и подбойных могилах. Для могильника Фронтное 3 известны безурновые кремационные погребения в подбоях. На Севастопольском (Совхоз-10) могильнике известна большая серия каменных саркофагов, в которых содержались кальцинированные кости. В некрополях Алмалык-Дере и Севастопольский выявлены подкурганные погребения, обнесенные каменными конструкциями и кольцевыми ровиками.

– По способам перекрытия подбойных ниш погребения с Фронтного 3 наибольшее сходство имеют с могильником Севастопольский (Совхоз-10), где также известны погребения без каменных закладов и присутствует вариативность самого каменного заклада. Тогда как на ближайшем хорошо изученном могильнике Бельбек IV различия в типах перекрытия подбоев отсутствуют, практически не представлены они и для могильников Чернореченский и Инкерманский. На трех последних некрополях значительно преобладают перекрытия из вертикально установленных плит.

– Обращают на себе внимание отличительные особенности могильников, расположенных в бассейнах рек Бельбек и Черная. Для некрополей, находящихся в непосредственной близости от Херсонеса, в большей мере характерно наличие кремационных погребений. В первую очередь, это Севастопольский могильник (не мене 562 случаев) и Чернореченский (не менее 33 случаев). Во-вторых, имеются еще пока слабо изученные некрополи Гончарное, Муловский, Передовое, где на данный момент выявлены только кремационные захоронения. Для памятников, исследованных в течении реки Бельбек, наличие кремационных захоронений, за исключением Фронтного 3,

нехарактерно: в Алмалык-Дере и Танковом выявлено по одному комплексу; в Бельбеке I встречено 3 захоронения; в некрополях Бельбек II, IV, Мамай-Оба они неизвестны.

– Во Фронтовом, так же как и в большинстве могильников, значительно преобладают индивидуальные захоронения в подбойных и грунтовых ямах. Для склепов характерно погребение усопших в один ярус. На могильниках Севастопольский (Совхоз-10), Чернореченский, так же как и на Фронтовом, отмечен обряд погребения младенцев в ногах взрослых индивидов. В некоторых могилах удалось зафиксировать отдельный погребальный набор инвентаря в детских захоронениях.

– Деревянные конструкции (гробы, колоды) известны практически на всех памятниках района и характерны для различных хронологических этапов. Присутствуют локальные отличия в их размещении, к примеру, на Чернореченском могильнике деревянные сооружения зачастую устанавливались на отдельные камни. В Фронтовом 3 подобная ситуация в полной мере встречена всего один раз в склепе № 41.

– Данные по антропологии, полученные с отдельных некрополей, формируют следующую картину. Для могильников Бельбек IV, Севастопольский и Чернореченский преобладают женские и детские погребения. При этом процент мужских примерно одинаков: для Севастопольского – 7,5%, Чернореченского – 5,4%, Бельбек IV – 13,3%. В отличие от них материал могильников Фронтовое 3 и Киль-Дере 1 прямо противоположен, в них преобладают мужские погребения. На Фронтовом 3 они составляют 47,4%, на Киль-Дере – 71%. Вопрос о связи этой ситуации со способами определения пола и возраста или с культурными традициями пока остается открытым. Низкий процент мужских погребений, по мнению исследователей, могильника Севастопольский объясняется тем, что по обряду ингумации хоронили в основном детей и женщин, тогда как мужчин по обряду кремации. Вероятно, схожая картина может быть применена и для некрополя Чернореченский. Памятник раскопан в меньшей степени, но на нем так же, как

и в Севастопольском, для отдельных участков характерно наличие как ингумационных, так и кремационных погребений. Обратная ситуация выявлена для некрополя Киль-Дере 1, расположенном в непосредственной близости от могильника Севастопольский. На Киль-Дере зафиксировано всего 4 кремационных захоронения в урнах. Несмотря на сильное разрушение могильника в результате грабительских действий, можно предположить, что кремационных погребений было больше, но не в кратном размере, так как массового боя керамических урн и следов разрушенных кремационных погребений не выявлено. Эти различия могут быть объяснены только тем, что на двух соседних могильниках зафиксировано различное население, оставившее памятники, в обоих случаях взаимодействующее с Херсонесом, но в различной степени перенявшее его традиции, в том числе и погребальные.

– Для подавляющего большинства ингумаций в могильниках ближайшей округи Херсонеса характерно положение погребенных вытянуто на спине. При этом практически в каждом рассматриваемом некрополе есть небольшой процент иного размещения усопших. Руки чаще всего вытянуты вдоль тела, кисти рук располагались либо вдоль тела, либо на тазе погребенных. Перекрещивание ног в районе голеней выявлено практически на всех могильниках, где изучено не менее 50 ингумационных погребений. При этом можно констатировать, что подобий обряд характерен практически всегда для погребений, датированных не позднее середины III в.

– Ориентировка погребенных в подбойных и грунтовых могилах для большинства некрополей преимущественно соответствует южному и юго-восточному секторам, только для двух могильников преобладает северная (Чернореченский) и восточная (Инкерманский). Для грунтовых склепов определяющим для положения костяков является расположение сооружения на могильнике. Ориентировка неустойчива, часть захоронений выполнена вдоль длинной оси, часть поперк. Привязана к рельефу. В погребальной камере захоронения могут отличаться расположением относительно длинной оси входной ямы – вдоль длинной оси либо перпендикулярно ей. Встречены

захоронения головой в противоположные стороны в пределах одной погребальной камеры.

– Погребальная особенность в виде размещения стеклянного сосуда в районе правой руки, выявленная в некрополе Фронтное 3, среди захоронений рассматриваемого района распространения не имеет. Подобная обрядность зафиксирована всего несколько раз в могильниках Бельбек II, Бельбек IV, Киль-Дере 1.

– Практика перекрытия керамических сосудов своеобразными крышками, зафиксированная на Фронтном 3, также не имеет широкого распространения на других памятниках. В одном случае известна в некрополе Бельбек II, в пяти случаях – в Бельбек IV.

– Сопоставление данных могильника Фронтное 3 и синхронных ему памятников округа Херсонеса показало, что в первой половине первого тысячелетия для большинства погребальных памятников округа Херсонеса, так же как и на Фронтном 3, характерно наличие двух способов помещения жертвенной пищи. Первая – в сосудах открытых форм, вторая без использования сосудов открытых форм, с расположением жертвенной пищи на земле (возможно, на деревянных подставках) преимущественно рядом с сосудами закрытых форм. Начиная с I в. и до первой половины II в. преобладает первая практика, с середины II и до середины/конца III в. – вторая. В IV в. с изменением набора погребального инвентаря и обрядовой практики случаи помещения жертвенной пищи в сосудах открытых форм возобновляется и существует со второй практикой, но в несколько видоизмененной форме.

Вопросы этнической интерпретации

В археологическом изучении погребальных памятников Юго-Западного Крыма можно выделить два основных дискуссионных направления: первое – это определение степени влияния античного Херсонеса на варварское население Юго-Западного Крыма и второе – соотношение отдельных погребальных сооружений с определенными этносами, переселившимися в

Крым в первой половине I тыс. При этом традиционно кругу вопросов, поднимаемых вторым направлением, уделяется значительно большее внимание.

Разберем более подробно каждое из обозначенных направлений в свете данных, полученных в результате проведенного диссертационного исследования.

Влияние херсонесских традиций, в том числе и в погребальном обряде, на варварское население округа города – тема мало обсуждаемая. Несмотря на это, рядом авторов были высказаны важные предположения.

И.И. Гущина наличие в погребальных сооружениях Юго-Западного Крыма плитовых перекрытий, восточную ориентировку усопших и обряд захоронения детей в амфорах соотносит с влиянием греческих традиций на варварское население региона (Гущина, 1967. С. 45). К.К. Орлов на основании материалов, полученных в 1977 г. в некрополе Ай-Тодор, с греческими погребальными ритуалами связывает исследованные на памятнике трупосожжения (Орлов, 1987. С. 131). Т.Н. Высотская, относительно происхождения кремационных погребений предполагает, что подобные комплексы широко известны у римлян и появление такой традиции в Крыму в III–IV вв. – результат влияния римской культуры на местное население (Высотская, 1972. С. 110–111).

Важным является мнение А.К. Амброза, который предполагал, что известные в кремационных погребениях детали обряда, форма урн, а также каменные конструкции на варварских памятниках округа Херсонеса сближают их с греческой традицией Херсонеса. Появление традиции сжигать усопших в могильниках Юго-Западного Крыма он связывает с усилением херсонесского влияния на остатки сельского населения Скифии (Амброз, 1994. С. 39–40).

В публикациях различных авторов большое внимание отведено доказательствам германского происхождения кремационного обряда в Крыму (подробнее см. обзоры: Храпунов, 2004а. С. 40–43; Колтухов, Юрочкин, 2004.

С. 100–187; Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 10–23). Здесь лишь отметим, что доминированию германской точки зрения о происхождении кремационных погребений в Крыму способствовали два фактора. Первый – это открытие ярких комплексов на Ай-Тодоре и Чатыр-Даге, материалы которых сближали их с памятниками ряда германских культур. Вторым фактором, видимо, послужило то, что материалы могильника Севастопольский (Совхоз-10) долгое время не были введены в научный оборот. В связи с этим преобладающим стало мнение о соотношении кремаций Севастопольского и Чернореченского могильников с кремациями Южного берега Крыма.

В частности, в своих работах И.С. Пиоро поддержал идею о неместном происхождении обряда кремации. Наряду с могильником Ай-Тодор, кремационные погребения из Чернореченского и Севастопольского некрополей он относит к готам (Пиоро, 1973) и считает трупосожжения из Чернореченского, Севастопольского и Бельбекского I могильников аналогичными кремациям из Ай-Тодора (Пиоро, 1990. С. 29).

В том же ключе высказывается А.Е. Пуздровский. По его мнению, погребения по обряду кремации появляются в могильниках Юго-Западного Крыма не ранее середины III в. (Бельбек I, Скалистое 3), тогда как основная их масса связана с III–IV вв. (могильники Инкерманский, Чернореченский, Севастопольский и др.) (Пуздровский, 1994а. С. 123–124).

Широко представлено мнение о связи появления кремаций с проникновением населения, являющегося носителем черняховской культуры, в Таврику в III–IV вв. (Кропоткин, 1978. С. 147–148; Айбабин, 1984. С. 118; Айбабин, 1987. С. 188). Здесь важно отметить, что рядом исследователей связь с германскими племенами подчеркивалась именно для некрополей Южного берега Крыма, а не для всех известных в Юго-Западном Крыму кремационных погребений. В.Л. Мыц население, оставившее Чатырдагский могильник, по своему этническому составу относил к группе германских племен. Исследователь придерживается мнения, что они были носителями пшеворской

или вельбаркской культур (восточнопоморско-мазовецкой) (Мыщ, 1987. С. 160). В этом же ключе высказывался С.А. Мульд (Мульд, 1996. С. 283–284).

М.М. Казанский, также поддерживал западную версию происхождения могильников с трупосожжением на Южном берегу Крыма. По его гипотезе, материалы обозначенной группы имеют аналогии в древностях Южной и Северной Норвегии (Казанский, 1991). Исследователь выделяет три группы германских элементов в культуре варварского населения римского времени и эпохи Великого переселения народов в Крыму: вельбаркско-черняховский, скандинавский и дунайский (Казанский, 2006. С. 26). Предложенную М.М. Казанским систему проникновения германских племен воспринял и развил в ряде своих работ О.В. Шаров. (Шаров, 2019б; 2022. С. 125).

При внимательном рассмотрении материалов, полученных при раскопках некрополя Севастопольский (Совхоз-10), можно констатировать ряд признаков, которые указывают на связи населения, хоронившего на нем по обряду кремаций, именно с традициями Херсонеса. Как ранее отмечал В.М. Зубарь, для захоронения останков в Херсонесе одним из типов урн применялись некоторые разновидности кувшинов, изготавливаемых в городских керамических мастерских. По его утверждению, аналогичные кувшины применялись и в погребальном обряде могильника Севастопольский (Зубарь, 1982. С. 53). В ряде случаев после трупосожжения захоронение останков на территории некрополя Херсонеса совершалось в небольших мраморных или известняковых саркофагах-оссуариях (Зубарь, 1982. С. 56). Целая серия идентичных сооружений была обнаружена в некрополе Севастопольский.

В.М. Зубарь подчеркивал, что оссуарии с могильника Севастопольский находят ближайšie аналогии в некрополе Херсонеса. По его мнению, некоторые черты обряда кремации, прослеженные на этом могильнике, явились следствием тесных экономических и культурных контактов между населением Юго-Западного Крыма и Херсонеса (Зубарь, 1982. С. 57).

Для погребения урн с остатками кремации в Херсонесе служили гробницы, сложенные из каменных плит, ступенчатые гробницы, склепы и

гробницы с двускатным перекрытием и нишами для установки урн, склепы, вырубленные в скале, четырехугольные в плане с нишами для урн (Зубарь, 1982. С. 56). Здесь хотелось бы заострить внимание на том, что все перечисленные выше сооружения представляли собой пространство для хранения урн. Наличие каменных ящиков с урнами внутри в некрополе Севастопольский символически выполняло ту же функцию – вместилища/хранилища для урн.

Новые находки кремационных погребений в округе Херсонеса, датированных до III в., также подтверждают тесную связь населения, хоронившего на ближайших некрополях с Херсонесом. В данном случае речь идет о кремационных погребениях Фронтowego 3, а также о трех памятниках в Байдарской долине. На Фронтowego 3 кремационные погребения появились в начале II в. как новый вид погребальной традиции. Вероятнее всего, население, проживавшее на берегах реки Бельбек, имело меньшую связь с Херсонесом, в связи с чем кремационный обряд, хотя здесь и появился, но не копировал полностью херсонесские традиции, как, например, на Севастопольском могильнике. Схожие тенденции наблюдаются и в Чернореченском некрополе, где нет оссуариев в каменных ящиках. Население, оставившее могильник Фронтowego 3, попыталось адаптировать новую для них погребальную традицию под свой привычный погребальный обряд. Именно поэтому, видимо, на Фронтowego 3 кремации совершены в подбойных могилах, при этом имитируя трупоположение – вытянуто в линию, фрагменты черепа положены так же, как и в ингумационных погребениях, с восточной стороны.

Последние исследования в южном пригороде Херсонеса, в частности находки новых саркофагов-оссуариев, также подтверждают взаимосвязи в погребальном обряде населения городской округи с Херсонесом (Аветиков, Вахонеев, 2024. С. 87. Рис. 11).

Еще одним признаком того, что кремационные погребения на ряде памятников округи Херсонеса связаны с влиянием городской цивилизации, является тот факт, что они, так же как и в Херсонесе, исчезают после середины

III в. Это прослежено на Фронтовом 3, Севастопольском и Чернореченском могильниках.

Таким образом, можно констатировать, что традиция кремации умерших, бытовавшая в регионе в римское время, имела не менее двух различных источников происхождения. Первый связан с античными традициями Херсонеса, а второй с германскими племенами, расселившимися на территории Крыма в III–IV вв. н.э. При этом для округа Херсонеса превалировала первая традиция.

Другим материалом, который может подтвердить влияние Херсонеса на варварское население, является уникальная коллекция варварской скульптуры, обнаруженная в некрополе Киль-Дере 1. Это самое большое собрание предметов каменной скульптуры, обнаруженных в пределах одного некрополя. Они предоставляют комплекс новых данных о наземном, постпогребальном этапе погребального обряда. Впервые в пределах некрополя найдены новые морфологические виды варварской скульптуры – жертвенные плиты, плиты с граффити, основания-базы с жертвенными лунками, а также жертвенные камни, представляющие некое подобие «эсхархоэ» (плит с отверстиями для жертвенных возлияний). Именно эти новые виды варварской скульптуры, неизвестные на других варварских некрополях, позволяют предположить, что могильник Киль-Дере 1 мог использоваться в древности не только как место погребения, но и в качестве святилища. Впрочем, наличие подобной скульптуры может быть признаком особого, локального варианта погребального и постпогребального обрядов (Язиков и др., 2023. С. 6–7).

Изучение каменной скульптуры Киль-Дере 1 показало, что на нее оказали воздействие скульптурные традиции Херсонеса и его округа. Это влияние отразилось в наличии характерных для античной скульптуры видов памятников (рельефов, оссуария), в архитектурном обрамлении некоторых рельефов, наличии шипов для вставки в базу, в стилистике изображения лиц, причесок на отдельных памятниках и т.д.

Вместе с тем, морфология и иконография лапидарной коллекции из Киль-Дере 1 сохранила связь с варварской скульптурой первых веков н.э. Она выражена в ряде факторов:

- наличие таких специфических для варварской скульптуры видов, как антропоморфные и менгироподобные изваяния;
- характерная для варварских памятников первых веков н.э. иконография в изображении лиц;
- тамгообразные знаки, специфические граффити;
- полное отсутствие эпитафий, отдельных букв и др.

В целом материалы каменных изваяний являются важными свидетелями развития культурного обмена в контактной зоне варварского мира и греческого полиса (Язиков и др., 2023. С. 21–22).

В историографической традиции сложилось мнение о том, что подбойные могилы совместно с рядом обрядовых черт являются элементами сарматского влияния и проникновения сармат в регион. К таким обрядовым практикам относят наличие деревянных колод, преобладание южной ориентировки, положение рук на тазе, скрещивание ног (Богданова, Гущина, 1967. С. 139; Гущина, 1970; Шульц, 1971. С. 140–141; Зубарь, 1982. С. 17–19). Другие исследователи к обозначенному набору признаков добавляют наличие кошмы, меловой посыпки (Богданова и др., 1976. С. 147–151). В отдельных работах перечень сарматских черт указан еще шире, к ним добавляется употребление символов огня, расшивка одежды и обуви бисером и мелкими бусами, обычай помещать напутственную мясную пищу вместе с ножом и миской, находки наконечников стрел архаичных типов, подмазка дна могил глиной, помещение одного сосуда в другой, обычай ношения гривен и браслетов с нанизанными на них бусами, продевание сквозь фибулы колец, положение младенцев у ног взрослых, обрядовое разбитие зеркал, сопровождающее конские захоронения (Пуздровский, 1992. С. 195–196; 1994б. С. 400).

В первые века первого тысячелетия процесс сарматизации в Северном Причерноморье и Крыму, по мнению большинства исследователей,

значительно усиливается, что выражается в смешения сарматских культурных традиций с местными позднескифскими. Эти взаимодействия наиболее ярко проявляются в том числе и в погребальном обряде (Гущина, 1967. С. 40; Храпунов, 2002. С. 78; Пуздровский, 2007. С. 12–14 и др). Различными исследователями предполагается несколько волн сарматского проникновения в регион (Богданова, 1982. С. 38; Пуздровский, 1999. С. 217).

Нужно отметить, что высказано и противоположное мнение. Д.С. Раевский предлагает с осторожностью рассматривать обрядовую черту в виде перекрещивания ног покойника в голнях и положение одной или обеих рук на костях таза как сарматскую традицию, так как, по его мнению, эти черты известны и в более ранних погребениях (Раевский, 1971. С. 148). Н.А. Богданова обряд перекрещивания ног объясняет обрядовыми действиями, связанными со страхами перед покойником (Богданова, 1982. С. 36). О.Д. Дашевская распространение подбойных могил соотносит с возрастанием в первые века н. э. индивидуальных захоронений (Дашевская, 1984. С. 57). В схожем ключе высказывается и Ю.П. Зайцев, он связывает своеобразный расцвет могильников в верхнем течении рек Бельбека и Качи с активизацией римско-варварских отношений в Юго-Западном Крыму во II–III вв. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 260–261).

Ю.П. Зайцев предлагает не соотносить подбойный вариант захоронения только с сарматами. По его мнению, развитие подобных типов погребальных сооружений происходит в результате эволюции «позднескифского» погребального обряда. Традицию погребения в колодах считает местной, распространенной от «элитного» воинского сословия на все население. На основании сделанных выводов исследователь считает преждевременными утверждения о высокой степени сарматизации местного населения, а многие инновации объясняет результатом эволюции местной культуры (Зайцев, 2019).

Традиционно погребальные сооружения изучались с точки зрения типологии различных комплексов; конструктивные элементы, а также

особенности погребального обряда, выявленные в погребальных комплексах, чаще всего только констатировались, подробного анализа не проводилось.

Изучение материалов Фронтowego 3, в особенности проведение картографирования отдельных погребальных практик, показало, что единые на первый взгляд обрядовые практики имеют типологические и хронологические различия. Соотнесение этой информации с погребальным инвентарем показывает ряд различий у населения, хоронившего на Фронтowym 3 с конца I по вторую половину III в. Особенно сильно это проявляется в середине – второй половине II в. Происходит изменение в обустройстве погребальных сооружений, выраженное появлением каменных маркеров камней, трансформацией видов перекрытия подбоя и способов расположения заупокойной пищи. Выделение двух погребальных практик для первого периода развития могильника говорит о наличии двух групп населения, оставившего некрополь, с несколько различающимися элементами погребального обряда.

Сравнение полученных данных с синхронными некрополями округа Херсонеса показало широкое распространение этих обрядовых различий не только на могильнике Фронтowym 3, но и на других памятниках. В частности, это, в первую очередь, касается таких элементов погребального обряда, как расположение и характер заупокойной пищи в могиле и формы перекрытия подбойных ниш.

Концепция о связи крымских грунтовых склепов и северокавказских катакомб разрабатывается начиная с 70-х гг. (Минаева, 1971. С. 164–166). В дальнейшем она получила значительное развитие в трудах многих исследователей. На сегодняшний день существуют две основные точки зрения по этому вопросу. Первой придерживаются большинство крымских исследователей, согласно которой грунтовые склепы Центрального и Юго-Западного Крыма имеют аналогии с катакомбными сооружениями Северного Кавказа, и появление подобных сооружений в Крыму связывается с переселением сюда алан (Айбабин, 1977. С. 235; Айбабин, 1984. С. 118;

Айбабин, 1987. С. 190–192; Пуздровский, 1994а. С. 118; Высотская, 1998. С. 256; Храпунов, 2000. С. 55; Храпунов, 2002. С. 74–79; Храпунов, 2018. С. 133–145; Пуздровский, 2007. С. 105; Лобода, 2005; Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 58).

Вторая точка зрения была высказана М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым, специально изучавшими древности Северного Кавказа. Они считают, что крымские и северокавказские склепы имеют отличия по целому ряду признаков и являются локальными, не связанными между собой группами (Мошкова, Малашев, 1999. С. 196–197). Некоторые исследователи указывают на ряд слабых сторон концепции об аланском происхождении грунтовых склепов (Юрочкин, 1997; Труфанов, Юрочкин, 1999. С.242) либо определяют устоявшееся мнение больше как историческую традицию (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 185). В ряде работ указывается на схожесть подобных сооружений из некрополей Крыма и территории Европейского Боспора (Юрочкин, 2002. С. 125–127; Волошинов, Масыкин, 2021. С. 79).

Материалы, полученные на могильнике Фронтное 3, позволяют вновь вернуться к проблеме происхождения грунтовых склепов. Планиграфически подобные сооружения находятся в юго-восточной, поздней части некрополя. Здесь погребальные сооружения расположены на значительном удалении друг от друга, случаев разрушения одних комплексов другими не выявлено. Склепы расположены среди подбойных могил, в некоторых случаях создавая с ними общие ряды. Погребальный обряд в большинстве подбойных могил финала некрополя и в грунтовых склепах идентичен. Погребенные расположены вытянуто на спине, при этом в двух наиболее ранних склепах (16 и 41) погребенные расположены вдоль длинной оси склепа и ориентированы так же, как и в подбойных захоронениях, головой на ЮВ. Во всех остальных грунтовых склепах, где удалось зафиксировать положение погребенных, они расположены перпендикулярно длинной оси склепа, головами на СВ или ЮЗ. Для подбойных могил и грунтовых склепов характерно наличие одинакового состава и способа размещения заупокойной пищи. В большинстве комплексов

помимо мяса копытных животных располагалась скорлупа яиц и мясо птицы. Набор инвентаря в большинстве случаев представлен одинаковыми категориями, такими как лепная и краснолаковая посуда, клинки с вырезами у пяты клинка, грибовидные подвески и пр. В отдельных случаях в грунтовых склепах присутствуют предметы, незафиксированные в грунтовых могилах. В первую очередь, это предметы вооружения – длинные мечи и умбоны щитов, а также светлоглиняные амфоры.

Как было отмечено ранее, на Фронтовом 3 выделены три погребальные практики, при этом третья характерна именно для поздней части могильника. Комплексы, в которых она проявляется, располагаются в виде линии, ограничивающей погребения с более ранней погребальной практикой.

Таким образом, учитывая все вышеприведенные факторы, можно констатировать, что население, хоронившее в грунтовых склепах, не представляло собой отдельную группу, которая инкорпорировалась к существующему здесь этносу, оставившему некрополь. Вероятнее всего, это единая группа людей, сформировавшаяся в отдельном месте, ее могилы появляются на Фронтовом 3 в определенный период. Показательно и наличие отдельных погребальных обрядов в виде использования куриных яиц, не встреченных на погребальных памятниках Северного Кавказа.

Степень влияния Херсонеса на окружающее его варварское население, несмотря на отсутствие письменных источников, можно проследить по данным археологии. Ближайшая округа и население, проживавшее в долине реки Черная, подвергались большому воздействию. Это выражено, в первую очередь, в наличии кремационных погребений, совершенных в погребальных урнах, типичных для производственных центров Херсонеса, а также в использовании, подобных херсонесским, каменных оссуариев. Наличие на памятниках долины реки Черная особых погребальных сооружений, таких как каменные ящики, также может отражать античное влияние. В долине реки Бельбек подобных сооружений не зафиксировано, но выявлены плитовые

могилы, которые предположительно могут быть признаны своеобразными репликами более совершенных каменных ящиков.

Количество кремационных погребений на памятниках долины реки Бельбек незначительно. Для большинства известны только единичные комплексы. Это может свидетельствовать о меньшем влиянии погребальных традиций Херсонеса. В этой же связи важные результаты дало сравнительное изучение лепных сосудов могильников Фронтное 3, Киль-Дере 1 и Севастопольский. Исследование показало различие состава теста лепных сосудов Фронтного 3 и могильников долины реки Черная (Суханов, 2023. С. 92; Суханов, 2024б. С. 360).

Другим интересным направлением является подробное рассмотрение погребений могильника Киль-Дере 1 с предметами римского вооружения. На сегодняшний день можно говорить о двух захоронениях – ингумациях, датированных второй половиной II – серединой III в. Это могилы 5 и 58, в которых, вероятнее всего, были погребены индивиды, связанные со службой в римской армии. Обряд трупоположения может указывать на то, что эти люди были выходцами из среды местного, варварского населения (Дорошко и др., 2021. С. 82).

В результате проведенного исследования можно говорить о том, что этнический состав населения округа Херсонеса, судя по различиям в погребальном обряде и формах погребальных сооружений, был не однородным. Варварское население в различной степени восприняло влияния культуры Херсонеса. Проживавшее в непосредственной близости, испытывало большее влияние Херсонеса, в том числе и в погребальном обряде. Это влияние Херсонеса отражало разную степень контактов местных варваров с полисом – от экономических и культурных связей до службы в римской армии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия

БИАМ – Бахчисарайский историко-археологический музей

БГИКЗ – Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник

ВДИ – Вестник древней истории

ВЯ – Входная яма

ВИР – Всесоюзный институт растениеводства

ГИАМЗ – Государственный историко-археологический музей-заповедник

ГИМ – Государственный исторический музей

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древности

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИТОИАЭ - Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии

ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии

КРЦАИ – Крымский региональный центр археологических исследований

КСИА – Краткие сообщения института археологии

МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАН – Национальная академия наук

ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

ПК – Погребальная камера

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Бабинов Ю.А., 1967. Отчет о раскопках позднеантичного могильника в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 1240
2. Веймарн Е.В., 1948. Отчет о полевых работах в Инкермане в 1948 г. / Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 188-191.
3. Веймарн Е.В., 1950. Отчет о работах археологической экспедиции МПИ и Крымского филиала АН СССР / Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 556-557, 559.
4. Рыжкова Л.А., 1966. Отчет о раскопках могильника на территории совхоза «Севастопольский» в 1966 г. / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 3540.
5. Стржелецкий С.Ф., 1954. Отчет о разведке могильника III в. н.э. в совхозе №10 в 1954 г. / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 690/5а,б.
6. Стржелецкий С.Ф., 1956. Отчет о раскопках могильника в совхозе № 10. разведке могильника 3 в.н.э. в совхозе №10 / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 747/1-3
7. Стржелецкий С.Ф., 1961. Отчет о раскопках позднеантичного могильника (III-IV вв.) в Инкерманской долине к югу от горы «Сахарная головка» на территории Совхоза «Севастопольский» № 10 в 1961 г. / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 854/1-6.
8. Стржелецкий С.Ф., 1962. Отчет о раскопках могильника (III-IV вв.) в Инкерманской долине к югу от горы «Сахарная головка» на территории

парникового хозяйства совхоза «Севастопольский» (№ 10) / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 856/1,3а,3б.

9. Стржелецкий С.Ф., 1964. Отчет о раскопках могильника (III-IV вв.) на территории совхоза «Севастопольский» (быв. № 10) в Инкерманской долине / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 1160/, 1308.

10. Стржелецкий С.Ф., 1965. Отчет о раскопках могильника (III-IV вв.) на территории теплично-паркового хозяйства совхоза «Севастопольский» (быв. № 10) в Инкерманской долине / Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 1189, 1190.

11. Языков С.В. Отчет об археологических раскопках поселения Фронтное 3 в Нахимовском районе г. Севастополь в 2018 г. / Архив Института археологии РАН. Ф-1. б/н.

Литература

1. Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., 2021. Комплекс римских серебряных монет из погребения 3 могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым): исследование металла методами РФА и изотопного состава свинца в серебре // КСИА. Вып. 263. С. 287–297.

2. Аветиков А.А., Вахонеев В.В., 2024. Археологические исследования на раскопе 4 // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология). №5 / науч. Ред. Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев. – Спб.: ИИМК РАН. С. 82-87.

3. Айбабин А.И., 1977. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. №1. С. 225-238.

4. Айбабин А.И., 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. № 1. С. 104-122

5. Айбабин А.И., 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в до н.э. – VII в. Н.э. Киев: Наукова думка. С.164-199.
6. Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1. С. 3-87, 175-241.
7. Айбабин А.И., 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г // МАИЭТ. Вып. 4. С. -89-131.
8. Айбабин А.И. 1996. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. Вып. 5. С. 290-303, 549-557.
9. Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.
10. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. 1993. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Вып. 3. С. 211-222.
11. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. 6. С.274-311.
12. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.
13. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.), 2013. Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. 416 с.
14. Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. М.: Наука. 96 с. (САИ. Вып. Г1-12).
15. Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. М.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
16. Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3. М.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
17. Алпашкина О.Н., Неневоля И.И., 2018. Фигурные украшения-амулеты из египетского фаянса в собрании Бахчисарайского историко-культурного и археологического музей-заповедника // Крым в сарматскую

эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. С. 50-72.

18. Амброз А.К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука. 112 с. (САИ; вып. Д1-30).

19. Амброз А.К., 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь. С. 31–88.

20. Анохин В.А., 1962. Монетные находки в могильнике у Совхоза №10 Крымской области // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 3. С. 130-135.

21. Антипенко А.В., 2018. Снаряжение верхового коня из склепа 4 (77) Чернореченского могильника // МАИЭТ. Вып. 23. С. 70-85.

22. Антипенко, 2024. Рецептúra сплавов украшений из позднескифского могильника Усть-Альма // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 71-74.

23. Антипенко А.В., Лобода А.Ю., 2020. Исследование элементного состава металлических украшений из могильника Совхоз-10 // МАИЭТ. Вып. 25. С. 25-42.

24. Антипенко А.В., Корнеев Д.С., 2024. Римское зеркало из Центрального музея Тавриды // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 3-9.

25. Антипина Е.Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М.: ИА РАН. С.96–118.

26. Бабенчиков В.П., 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд. Укр. ССР. С. 94-141.

27. Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 13. Київ. С. 90–122.

28. Белый О.В., Неневоля И.И., 1994. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы археологии и истории Крыма. Симферополь. С. 235-255.
29. Бертъе-Делагард А.Л., 1886. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. Т. XIV. С. 166-282.
30. Бертъе-Делагард А.Л., 1907. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. Том. XXVII/V. С. 19-27.
31. Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., 2018. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Қазақстан археологиясы (Археология Казахстана). № 1–2. С. 235–244.
32. Блаватский В.Д., 1933. Предварительный отчет о раскопках Харакса в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. № 1-2. С. 55-60.
33. Блаватский В.Д., 1938. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. // ВДИ. № 2(3). С. 321-335.
34. Блаватский В.Д., 1951. Харакс // МИА. № 19. С. 250-291.
35. Богданова Н.А., 1982. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Часть вторая. / Тр.ГИМ. Вып. 54. М. С. 31-39, 97-99.
36. Богданова Н.А., Гущина И.И., 1964. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960-1961 гг. // СА. №1. С. 324-330.
37. Богданова Н.А., Гущина И.И., 1967. Новые могильники II-III в.н.э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. Вып. 112. С. 132-139.
38. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. № 4. С. 121-152.
39. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г., 1994. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. науч.

Трудов БГИКЗ / Ред. Сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия. С. 82-88, 325-328.

40. Веймарн Е.В., 1957. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. К.: Изд. АН УССР. С. 219-232.

41. Веймарн Е.В., 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя // Материалы и исследования по археологии СССР. № 34. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 419–429.

42. Веймарн Е.В., 1963. Археологические работы в районе Инкермана. Инкерманский могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 13. Київ. С. 15-42.

43. Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф., 1952. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. №4. С. 94-99.

44. Власов В.П., 1999. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Товариство Археології та Антропології. С. 322–371. (Библиотека Vita Antiqua).

45. Власов В.П., 2022. Лепная посуда IV-V вв. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма: общее и особенное // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 315-324.

46. Власов В.П., 2000. Трехручные сосуды из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. 7. – Сб./ Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь. С. 65-68.

47. Власов В.П., 2001. Лепная керамика нижнедонско-прикубанского облика из Крымских памятников сарматского времени // МАИЭТ. Вып. 8. Сб./ Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь. С.18-31.

48. Власов В.П., 2003. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. X. С. 98-124.

49. Власов В.П., Масыкин В.В., Стоянова А.А., Труфанов А.А., 2024. Могильник позднеримского времени Перевальное: обзор основных категорий погребального инвентаря (по материалам раскопок 1988-1990 гг.) // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 86-97.
50. Внуков С.Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. № 2. С. 36-47.
51. Внуков С.Ю., Шаров О.В., 2019. Исследования Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017–2018 гг. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2-х томах / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 6-12.
52. Воккен Г.Г., 1961. Анатомия домашних животных: учеб. пособие. Ч. 1. Система органов движения / Г.Г. Воккен, П.А. Глаголев, С.Н. Боголюбский; под ред. А.И. Акаевского. - М.: Высш. шк. 391 с.
53. Волошинов А.А., Масыкин В.В., 2007. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005-2006 гг.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоккой: Сб. науч. Работ / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 291- 302.
54. Волошинов А.А., Масыкин В.В., 2021. Склепы особой конструкции как индикаторы связей населения Юго-Западного Крыма и Боспора в IV-V вв. н.э. // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Материалы международной конференции. / Ред.-сост. В.Н. Зинько. – Симферополь-Керчь. С. 76-85.
55. Волошинов А.А., Масыкин В.В., 2022. Могильник Сувлу-Кая 3 – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на

границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 146-173.

56. Волошинов А.А., Масыкин В.В., Неневоля И.И., 2007. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоткой: Сб. науч. Работ / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 303-318.

57. Волошинов А.А., Масыкин В.В., Соломоненко А.Е., 2019. Исследования могильника Сувлу-Кая III–V вв. н.э. в 2018 г. (г. Бахчисарай) // История и археология Крыма. Вып. XI. Симферополь. С. 59-64.

58. Волошинов А.А., Языков С.В., Свиридов А.Н., 2022. Об одном из видов надгробной скульптуры некрополя Киль-Дере 1 // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. Материалы международной конференции. Симферополь-Керчь. С.44-49.

59. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., 2022. Парадное снаряжение боевого коня из Фанагории в контексте всаднической культуры Северного Причерноморья позднеримского времени // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 260–283.

60. Высотская Т.Н., 1971. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // Проблемы скифской археологии. М.: Наука. С. 155- 160.

61. Высотская Т.Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: «Наукова думка». 192 с.

62. Высотская Т.Н., 1987. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). Киев: Наук. Думка. С. 40-67.

63. Высотская Т.Н., 1997. Население округа Херсонеса Таврического в I–V вв. н.э. (по материалам некрополя «Совхоз-10») // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной

научной конференции. Севастополь 29 августа – 1 сентября 1997 г. Севастополь. С. 24-26.

64. Высотская Т.Н., 1998. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. Вып. 6. С. 256-273.

65. Высотская Т.Н., 2000. Амфоры редких типов из могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский) // Донская археология. № 3–4. С. 83–92.

66. Высотская Т.Н., 2003. О времени гибели позднескифского государства в Крыму // ПИФК. Вып. 13. С. 38-45.

67. Высотская Т.Н., Жесткова Г.И., 1999. Рельефная краснолаковая керамика из могильника «Совхоз № 10» // Херсонесский сборник. Вып. 10 / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «Каламо». С. 31–38.

68. Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., 1999. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский») // Древности 1997–1998: Харьковский историко-археологический ежегодник / Гл. ред. В. И. Кадеев. Харьков: АО «Бизнес-Информ». С. 116–133.

69. Габуев Т. А, Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

70. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И., 2020. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Вып. XIII. С. 111–128.

71. Гавритухин И.О., 2022а. Из истории изучения подвязных лучковых фибул // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 229–238.

72. Гавритухин И.О., 2022б. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтное 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 22–42.

73. Гавритухин И.О., 2023. Фибулы из могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму – Фибуле са гробља римског периода Фронтное 3 на југозападном Крыму // IV Российско-Сербская археологическая конференция. От Урала до Балкан: контакты и конфликты в римское время и эпоху Средневековья / ред. С. Трифунович, И.О. Гавритухин, А.Г. Фурасьев. Нови-Сад: Музей Воеводины. С. 45-46.
74. Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В., 2020а. Финал могильника Фронтное 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // *Stratum plus*. № 4. С. 235–247.
75. Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2020. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. № 2. С. 91–110.
76. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю., 2017. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История. 272 с.
77. Герцен А.Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А.И., 2020. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Вып. XIII. Материалы научно-практической конференции по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвящённой 100-летию академической археологии России / Ответственный редактор В. В. Майко. Симферополь: Колорит. С. 111-128.
78. Гороховский Е. Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев. 461 с.
79. Голофаст Л.А., 2022. Выдутые в форму стеклянные сосуды из могильника Фронтное 3 // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 43–53.

80. Голофаст Л.А., Свиридов А.Н., 2021. Стекланный кубок из могильника Фронтное 3 // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20-24 сентября 2021года / Под ред. А.В. Зайкова, Д.А. Костромичева, Е.С. Лесной. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 67–72.
81. Голофаст Л.А., Свиридов А.Н., 2022. Стекланный кубок с орнаментом накладными «змеевидными» нитями из могильника Фронтное 3 // КСИА. Вып. 266. С. 107–126.
82. Гущина И.И., 1967. О сарматах в Юго-Западном Крыму (По материалам некоторых могильников I- IV вв. // СА. №1. С. 40-51.
83. Гущина И.И., 1970. Раскопки могильника Бельбек 3 в Крыму // КСИА. Вып. 124. С. 39-47.
84. Гущина И.И., 1974 Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 1. Москва: ГИМ, С. 32-64, 127-145.
85. Гущина И.И., Журавлев Д.В., 2016. Некрополь римского времени Бильбек IV в Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей. Ч.1. 272 с.
86. Дашевская О.Д., 1951. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. Вып. 2. С. 131-135.
87. Дашевская О.Д., 1984.О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Под оед. А.И. Мелюковой, М.Н. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: С. 53-60.
88. Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука. 140 с.
89. Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., 2021. Преднамеренно деформированные черепа из могильника Фронтное 3 // Stratum Plus. №4. С. 149–157.
90. Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., 2022. Редкие опухоли черепа из погребений могильника Фронтное 3 (к обсуждению этиологии) //

Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 86–94.

91. Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., 2023. О питании и мобильности населения, оставившего могильник Фронтное 3 (первые результаты) // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского* / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 150–154.

92. Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., Языков С.В., Свиридов А.Н., 2023. Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1) // *Stratum Plus*. №4. С. 139–154.

93. Дорошко В.В., Свиридов А.Н., Языков С.В., 2021. Уздечный набор из раскопок погребения 58 Могильника Киль-Дере 1 // *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2-6 июня 2021 г.)* / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. – М.: ИВ РАН. С.81-84.

94. Дьяков В.Н., 1930. Древности Ай-Тодора // *Сборник трудов Алушкинского историко-бытового музея*. Ялта: 5-я Государственная типография Крымполиграфтреста. 39 с.

95. Дьяков В.Н., 1941. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // *ВДИ*. № 1. С. 87-97.

96. Журавлев Д.В., 2001. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // *Поздние скифы Крыма*. М. (Тр. ГИМ. Вып. 118). С. 187-193.

97. Журавлёв Д.В., 2002. Ещё раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма // *Археологія*. №1. С. 90–98.

98. Журавлев Д.В., 2007. Понтийская сикиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь; Керчь. С. 366-448.
99. Журавлев Д.В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) / Зинько В. Н. (отв. ред.). Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня». 320 с.
100. Журавлев Д.В., 2013. Понтийская сикиллата: региональный феномен в Причерноморье // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции / Ред.: М.Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С.В. Кашаев, Н.А. Павличенко, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский. СПб. С. 676–685.
101. Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Бельский С. В., 2021. Могильник Бельбек 1 и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н.М. Печенкина в 1903-1905 гг. Приложение: Т.Н. Смекалова, Г.К. Данилов, С.В. Бельский, Д.В. Журавлев / Научные редакторы Д.В. Журавлев, Т.Н. Смекалова. – Санкт-Петербург: Алтея. 179 с. (Серия: Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Выпуск V).
102. Зайцев Ю.П., 1997. Склеп №390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко археологический сборник. Вып. 1. Симферополь. С. 156-166.
103. Зайцев Ю.П., 2003. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум. 212 с.
104. Зайцев Ю.П., 2019. Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД. С. 90-102.

105. Зайцев Ю.П., 2022. Некрополи Крымского баббарикума I-IV вв. н. э. // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 102-122.
106. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масакин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф., 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I-III вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Всотской: Сб. науч. Работ / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 249-290.
107. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2003. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. С. 57-77.
108. Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е., 2024. Некрополь позднеимперского времени Перевальное (Кучук Янкой). История исследования и общая характеристика // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». 82-84.
109. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю., 2005. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Севастополь. Выпуск XIV. С. 169-196.
110. Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев: Наукова думка. 144 с.
111. Зубарь В.М., 2006. Еще раз о двух «варварских» типах погребальных сооружений некрополя Херсонеса первых веков нашей эры // Готы и Рим. Сборник научных статей. – К.: ИД «Стилос». С. 16-25.
112. Зубар В.М., Савеля О.Я., 1989. Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н. е. в південно-західном Крим // Археологія. № 2. С. 74-83.

113. Иванова О.С., 2009. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. С. 26–88.
114. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1914. №51. С. 286-291.
115. Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2017. Рец. на: M. Maćzyńska, A. Gercen, O. Ivanova, S. Černyš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemmann, K. Schneider, I. Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 180 s., 387 taf. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. С. 568–573.
116. Казанский М.М., 1991. О происхождении могильников типа Ай-Тодор // Проблемы истории Крыма: Тез. Докл. Конференции. Симферополь.
117. Казанский М.М., 2006. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей. – К.: ИД «Стилос». С. 26-41.
118. Казанский М.М., 2014. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов // Stratum plus. № 6. С. 105–111.
119. Казанский М.М. «Понтийский лимес» в эпоху позднеимперской империи и северные варвары // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 58-83.
120. Казанский М.М., 2019. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква. С. 60–64
121. Казанский М.М., 2022. Варвары и оборона Понтийской границы в Юго-Западном Крыму в эпоху поздней империи // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 123-135.
122. Кеппен П., 1837. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. – Крымский сборник. Спб. 409 с.
123. Кий Е.Я., 2002. Раскопки скифского могильника римского времени у с. Вишневое // Боспорский феномен: погребальные памятники и

святилища. Материалы научной конференции. Часть 2. СПб: Изд. Гос. Эрмитажа. С. 118-120.

124. Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю., 2004. От Скифии до Готии. – Симферополь. 247 с.

125. Контны Б., Савеля Д.Ю., 2006. Вооружение могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч.1. С. 129-160.

126. Корнеев Д.С., 2022. Нагрудные полихромные украшения с тисненными планкированными щитками из могильника у с. Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VIII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Альбатрос. С. 102-108.

127. Костромичёв Д.А. 2006. Римское военное снаряжение из Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XII. Ч. 1. С. 43-128.

128. Костромичев Д.А. 2012. Римские фибулы Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. 17 / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: СПД Арефьев М.Э. С. 47-154.

129. Костромичев Д.А., 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. №4. С. 299–356.

130. Костромичев Д.А., 2018. Римское снаряжение из могильника Совхоз-10 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н. э.). III. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровка А.А. С. 103-119.

131. Косяненко В. М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).

132. Кропоткин В.В., 1959. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (по данным погребального обряда) // СА. №1. 181-194.

133. Кропоткин В.В., 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. Вып. 100. С. 108-116.
134. Кропоткин В.В., 1978. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы Советской археологии. – М.: Наука. С. 147-163.
135. Кропотков В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДФ-Украина. 384 с.
136. Кропотков В. В., 2011. Фібули з південносхідної ділянки некрополя Неаполя скіфського (за матеріалами розкопок В. П. Бабенчикова 1947–1948 рр.) // Археологія. № 3. С. 31–35.
137. Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIII. Л.: Искусство. С. 146–177.
138. Левада М.Е., 2006. Кинжалы типа Хазанов-V в Северном Поднепровье // Боспорские чтения. Вып. 7. Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековье. Керчь. С. 192-199.
139. Левада М.Е., 2013. О влиянии аланских воинских традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.) I. – Сб. науч. Статей / Под ред. И.Н. Храпунова. Симферополь – Бахчисарай: Издательство «Доля». С. 171-187.
140. Левченко М.В., 1956. Очерки по истории Русско-Византийских отношений. М.: Изд. АН СССР. 553 с.
141. Лобода А.Ю., Антипенко А.В., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Трунькин И.Н., Шалявина Н.Б., Исмагулов А.М., Терещенко Е.Ю., 2023. Исследование конструкции перстней из некрополя Лучистое-2 // МАИЭТ. Вып. 27. С. 77-88.
142. Лобода И.И., 1977. Раскопки могильника озерное III // СА. №4. С. 236 -252.
143. Лобода И.И., 2005. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. С. 192-251.

144. Лысенко А. В., 2015. История исследования южной части горного Крыма римского времени // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. И.Б. Тесленко (ред.-сост.). – Археологический альманах, №33. Киев: Видавец Олег Філюк. С. 55-107.
145. Лысенко А.В., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., 2015. Могила №1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) // История и археология Крыма. Вып. 2. Сборник статей, посвящённый памяти Александра Евгеньевича Пуздровского / Отв. Ред. В.В. Майко. Симферополь. С. 295-333.
146. Максименков В.К., 2021. Пикообразные наконечники копий римского времени из Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 132-139.
147. Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.
148. Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М., 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.: Наука. С.50-83.
149. Маркевич А.И., 1980. Расчистка кургана в окрестностях Симферополя // ИТУАК. № 10 С. 107-110.
150. Масленников А.А., 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. 108 с.
151. Масленников А.А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. – М.: Наука. 232 с.
152. Мастыкова А.В., 2020. Бусы римского времени из могильника Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: предварительные наблюдения // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х томах / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Молчанов. Самара: СГСПУ. Т II. С. 177–179.

153. Мастыкова А.В., 2022. Женские амулеты в форме лунниц из золотой проволоки в некрополе римского времени Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) // *Stratum plus*. 4. 2022. С. 151–165.

154. Мастыкова А.В., 2023а. Римские золотые серьги *crotalia* из могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского* / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 129–141.

155. Мастыкова А.В., 2023б. Антропоморфные подвески из детской могилы некрополя римского времени Фронтное 3: случайность или закономерность? // *Stratum plus*. №4. С. 277–288.

156. Мастыкова А.В., 2023в. Эволюция женского убора в некрополе римского времени Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) – Еволюција женске ношње на некрополи римског периода Фронтное 3 (југозападни Крим) // IV Российско-Сербская археологическая конференция. От Урала до Балкан: контакты и конфликты в римское время и эпоху Средневековья / ред. С. Трифунович, И.О. Гавритухин, А.Г. Фурасьев. Нови-Сад: Музей Воеводины. С. 46-48.

157. Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., 2021. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: распространение, датировка (по материалам могильника Фронтное 3) // *Stratum plus*. №4. С. 231–245.

158. Мастыкова А.В., Тяпухина А.В., Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2020. Реконструкция женского убора с украшениями из бус из некрополя римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // *Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье. Международная научная конференция 29 сентября – 1 октября 2020 г. Тезисы докладов*. М.: ИА РАН. С. 44–45.

159. Масыкин В.В., 2007. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоткой: Сб. науч. Работ / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой*. – Симферополь: Универсум. С. 125- 138.

160. Масыкин В.В., 2007. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 125–138.
161. Масыкин В.В., 2010. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика // Ответственные редакторы Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский – Археологический альманах, №22. – Донецк: Донбас. С. 278-284.
162. Масыкин В.В., 2012. Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифосарматское время. Сборник статей памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 167–171.
163. Масыкин В.В., Турова Н.П., 2023. Фибулы из Харакса (из раскопок Великого князя Александра Михайловича) // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 94-102.
164. Медведев Г.В., 2021. Луки и стрелы в погребальном обряде Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // ПИФК. № 4. С. 137-162.
165. Минаева Т.М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья. Ставрополь. 247 с.
166. Мордвинцева В.И., Лысенко А.В., 2016. Исследования могильника римского времени Лучистое 2 (Южный Крым) // Археологічні дослідження в Україні 2015. К.: Стародавній Світ. С. 7-10.
167. Мосберг Г.И., 1946. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // Советская археология. VIII. С. 113–119.
168. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград. С. 172-212.

169. Мульд С.А., 1996. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. V. С. 279-303, 541-548.
170. Мульд С.А., 1999. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в центральном Крыму // Херсонесский сборник. Выпуск X. С. 181-193.
171. Мульд С.А., 2002. Два могильника в окрестностях Симферополя // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб: Изд. Гос. Эрмитажа. С. 120-124.
172. Мульд С.А., 2016. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 37-75.
173. Мульд С.А., 2022. Использование хозяйственных ям для удобства погребальных сооружений на территории могильника Левадки в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. 27. С. 46-71.
174. Мульд С.А., 2024. Опыт реконструкции каменного позднескифского склепа из могильники Опушки в центральном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 110-133.
175. Мульд С.А., Корнеев Д.С., 2021. Конструкция браслетов в позднеримском полихромном стиле // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 140-147.
176. Мульд С.А., Масыкин В.В., 2003. Позднескифский склеп №20 могильника Левадки // МАИЭТ. Вып. 10. С. 5-31.
177. Мыц В.Л., 1983. Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатыр-Даг // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев: Наукова Думка. С. 153-156.

178. Мыц В.Л., 1987. Могильник III-V вв.н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма VII в до н.э. – VII в. н.э. Киев: Наукова думка. 144-164.
179. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Жук С.М., 1999. Пещерный позднеантичный некрополь на г. Ай-Никола // Херсонесский сборник. № X. С. 169-180.
180. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Спб.: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История». 208 с.
181. Набоков А.И., 2023. Стекланные сосуды из раскопок Алмалыкского могильника // МАИЭТ. Вып. 27. С. 141-160.
182. Намойлик А.С., 2020. Граффити и дипинтии из могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановой балке // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 113-135.
183. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Набоков А.И., 2022. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 183-194.
184. Неневоля И.И., Волошинов А.А., 2001. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 141-146.
185. Неневоля И.И., Волошинов А.А., 2013. Раскопки могильника Долинное // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.) I. Сб. науч. Статей / Под ред. И.Н. Храпунова. Симферополь –Бахчисарай: Издательство «Доля». С. 71-77.
186. Нессель В.А., 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. 12. С. 107-123.

187. Нессель В.А., 2018. Керамический комплекс у села Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIX. С. 217-218.
188. Нессель В.А., 2021. Керамика группы Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 148-156.
189. Нессель В.А., 2022а. Краснолаковая керамика первых веков н.э. в составе погребального инвентаря могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VIII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Альбатрос. С. 109-146.
190. Нессель В.А., 2022б. Керамический комплекс из могильника Келен-Балка // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 297-305.
191. Нессель В.А., 2023. Керамический импорт в могильниках варварского населения Юго-Западного Крыма рубежа эр // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 81-89.
192. Нессель В.А., 2024а. Основные группы краснолковой керамики из могильника Нейзац (предварительный обзор) // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 65-70.
193. Нессель В.А., 2024б. Краснолаковая керамика позднеимперского времени из раскопок могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 134-207.
194. Никитина Г.Ф., 1969. Гребни черняховской культуры // СА. № 1. С. 147–159.

195. Орлов К.К., 1978. Исследования Харакса // АО 1977 года. С. 366-367.
196. Орлов К.К., 1987. Ай-Тюдорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма VII в до н.э. – VII в. н.э. Киев: Наукова думка. С. 106-133).
197. Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 год. СанктПетербург, 1893. С. 69-79.
198. Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СанктПетербург, 1897. С. 2-33.
199. Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 год. СанктПетербург, 1898. С. 65-78, 159-164.
200. Піоро І.С., 1973. Етнічна належність Ай-Тодорського могильника // Вісник Київського університету. Серія історії. № 15. С. 92–99.
201. Печенкин Н., 1905. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. Вып. 38. С.29-37.
202. Пиоро И.С., 1990. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеимперский период и раннее средневековье). К.: Лыбидь. 200 с.
203. Полянская Е.Ю., Антипина Е.Е., Языков С.В., 2024. Заупокойная пища в погребальных комплексах могильника римского времени Киль-Дере 1 // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова / Отв. ред. А. В. Мастыкова. Материалы спасательных археологических исследований. Том 34. М.: ИА РАН. С. 152-160.
204. Пуздровский А.Е., 1992. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. № 2. С. 181-199.
205. Пуздровский А.Е., 1994а. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н. // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. науч. Трудов БГИКЗ / Ред. Сост. Ю.М. Могаричев. – Симферополь: Таврия. С. 114-126, 311-315.

206. Пуздровский А.Е., 1994б. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. Вып 4. С.397-405.
207. Пуздровский А.Е., 1999. Этническая история Крымской скифии (II в. до н.э. – III в.н.э.) // Херсонесский сборник. Выпуск X. Севастополь. С. 208-225.
208. Пуздровский А.Е., 2001. Политическая история крымской Скифии во 2 в. до н.э. – 3 в н.э. // ВДИ. № 3. С. 86-118.
209. Пуздровский А.Е., 2003. Склеп раннеримского времени из округи Неаполя Скифского // Херсонесский сборник. Вып. 12. С. 124-139.
210. Пуздровский А.Е., 2007. Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.
211. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И., 2001. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. 8. С. 32-50.
212. Пуздровский А.Е., Медведев Г.В., 2005. Погребения I-II вв. н.э. из Усть-Альминского некрополя // Херсонесский сборник. Выпуск XIV. Сборник научных статей. – Севастополь: Издательский дом «Максим». С. 271- 282.
213. Пуздровский А.Е., Соломоненко А.Е., 2007. Грунтовый склеп I-II вв. н.э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоткой: Сб. науч. Работ / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. – Симферополь: Универсум. С. 207-228.
214. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Зайцев Ю.П., Неневоля И.И., 2021. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997-1999 гг. – Симферополь: Издательство ТИПОГРАФИЯ МАНДАРИН. 408 с.
215. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008-2014 гг. / А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов. Симферополь: ИП Бровко А.А. 308 с.
216. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000-2003 гг. / А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов. Симферополь: ИП Зуева Т.В. 300 с.

217. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004-2007 гг. Симферополь-Москва. 369 с.
218. Равдоникас В.И., 1929. Пещерный город Эски-Кермен. Готская проблема (Новейшие археологические исследования в Крыму) // Вестник знаний. № 7. С. 290-295.
219. Радочин В.Ю., 2016. Палеоантропология могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 179-193.
220. Радочин В.Ю., 2019. Предварительные результаты исследования антропологического материала из позднескифского могильника Левадки в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. 24. С. 50-93.
221. Радюш О.А., Васильев А.А., 2022. Погребение с оружием на могильнике черняховской культуры Дальний (Выдрин) в Курской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 208–242.
222. Раевский Д.С., 1971. Скифы и сарматы в Наполе (по материалам некрополя) // Проблемы скифской археологии. М.: Наука. С. 143- 151.
223. Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники области Крымских готов // ИАК. Вып. 19. С. 2-80.
224. Репников Н.И., 1909. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. Вып. 30. С. 99-126.
225. Репников Н.И., 1941. О характере римской оккупации южного берега Крыма / СА. Вып. 7. С. 121-128.
226. Ростовцев М.И., 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. Отдельный оттиск из Журнала Министерств Народного Просвещения. Спб: В.С. Балашев и Ко. 19 с.
227. Ростовцев М.И., 1911. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. Вып. 40. С. 1-42.
228. Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. М. 618 с.

229. Рукавишникова И.В., Волошинов А.А., Бейлин Д.В., 2019. Исследования позднескифского поселения Кермен-Бурун (У стены 2) в Севастополе // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. В 2 Т. – М.: ИА РАН. Т. 2. С. 343-362.

230. Румянцева О.С., 2022а. Кубок с орнаментом накладными «змеевидными» нитями из могильника Фронтное 3: состав стекла и происхождение // КСИА. Вып. 266. С. 127–138.

231. Румянцева О.С., 2022б. Состав стекла из могильника Фронтное 3 и локальное стеклоделательное производство в Юго-Западном Крыму // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 54–62.

232. Румянцева О.С., 2022в. Стекло могильника Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: хронология, динамика распространения и производственные центры (по данным химического состава). МАИЭТ. Вып. XXVII. С. 7–116.

233. Румянцева О.С., 2023. Химический состав стекла могильника Фронтное 3 и проблема стеклоделательного производства в Юго-Западном Крыму в римское время – Хемијски састав стакла са гробља Фронтное 3 и проблем стакларства на југозападном Криму у римско доба // IV Российско-Сербская археологическая конференция. От Урала до Балкан: контакты и конфликты в римское время и эпоху Средневековья / ред. С. Трифунович, И.О. Гавритухин, А.Г. Фурасьев. Нови-Сад: Музей Воеводини. С. 48-49.

234. Румянцева О.С., 2024. Следы понтии на сосудах могильника Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму как источник сведений об инструментарии и технологических приёмах стеклоделов // Stratum plus. № 4. С. 449-462.

235. Румянцева О.С., Червяковская М.В., Червяковский В.С., 2023. Состав и происхождение стекла могильника Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: данные анализа методом ЛА-ИСП-МС // МАИЭТ. Вып. 28. С. 89-122.

236. Рыбаков Б.А., 1952. Славяне в Крыму и на Тамани. Симферополь.

237. Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., 2018. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // ХСБ. Вып. XIX / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь: Альбатрос. С. 269–288.

238. Сапрыкина И.А., 2022. Предварительные данные о цветной металлообработке Юго-Западного Крыма конца I – IV / начала V вв. н. э. (по материалам могильника Фронтное 3) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VIII / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос. С. 174–185.

239. Сапрыкина И.А., 2023. Серебряные изделия могильника Фронтное 3: вариации состава по данным РФА // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 142–149.

240. Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Бакиров Б.А., Руткаускас А.В., 2022. Исследования химического состава металла монет и перстней из могильника Фронтное 3 методами нейтронной структурной диагностики // КСИА. Вып 268. С. 100–112.

241. Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., 2021. Золотые украшения могильника Фронтное 3: состав и техники изготовления (предварительные данные) // Stratum plus. 4. С. 283–297.

242. Сапрыкина И.А., Хайрединова Э.А., Кичанов С.Е., Руткаускас А.В., Белозёрова Н.М., Козленко Д.П., 2022. Золотые амулетницы и их содержимое из раскопок могильника римского времени Фронтное 3 // Stratum Plus. №4. С. 167–181.

243. Свиридов А.Н., 2022. Кремационные погребения могильника Фронтное 3 // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 71–85.

244. Свиридов А.Н., 2023а. Кремационные погребения Юго-Западного и Южного Крыма римского времени. Современное состояние проблемы // КСИА. Вып. 271. С. 103–118.

245. Свиридов А.Н., 2023б. Подбойные детские погребения IV в. н.э. из могильника Фронтное 3 // *Stratum plus*. №4. С. 229–238.

246. Свиридов А.Н., 2023в. Детские погребения могильника Фронтное 3 // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь-Керчь. С. 332 – 337.

247. Свиридов А.Н., 2024а. Хронологические и планиграфические особенности погребальных традиций могильника Фронтное 3 // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 32-40.

248. Свиридов А.Н., 2024б. Погребение конца I – начала II века со сложносоставным луком из могильника Фронтное 3 // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова / Отв. ред. А. В. Мاستыкова. Материалы спасательных археологических исследований. Том 34. М.: ИА РАН. С. 142-151.

249. Свиридов А. Н., 2024в. Подвески-«игольницы» из могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) // *Археологические Вести*. Вып. 44. С. 125–136.

250. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2019а. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // КСИА. Вып. 255. С. 185–201.

251. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2019б. Сарматские традиции в погребальном обряде могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) // Маргулановские чтения – 2019: Материалы Международной археологической

научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: «GLOBUS». С. 394–403.

252. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2020. Грунтовые склепы могильника Фронтное 3 // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х томах / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Молчанов. Самара: СГСПУ. Т. II. С. 182–184.

253. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2022. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 15–21.

254. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2022б. Кремационные погребения могильника Киль-Дере 1 // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. Материалы международной конференции. Симферополь-Керчь. 2022. С.291-297.

255. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2023. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин (Материалы спасательных археологических исследований. Том 33. Часть 1). М.: ИА РАН. 460 с.

256. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2024а. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 2 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин (Материалы спасательных археологических исследований. Том 33. Часть 2). М.: ИА РАН. 453 с.

257. Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2024б. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 3 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин (Материалы спасательных археологических исследований. Том 33. Часть 3). М.: ИА РАН. 435 с.

258. Свиридов А.Н., Язиков С.В., Полянская Е.Ю., Антипина Е.Е., 2023. Osteологические материалы в реконструкции погребального обряда

могильника Фронтное 3 (предварительные результаты) // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 155–163.

259. Свиркина Н.Г., 2020. Кремации римского времени могильника Фронтное-3 (антропологический аспект) // Таврические студии. № 22. С. 128–132.

260. Свиркина Н.Г., 2024. Первые результаты исследования кремированных останков из двух каменных саркофагов могильника Совхоз 10 // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 28-31.

261. Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., 2021. Преднамеренная деформация головы в среде позднескифского населения (по материалам могильника Фронтное 3) // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Под ред. А.В. Зайкова, Д.А. Костромичева, Е.С. Лесной. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 273-276.

262. Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., 2022. Травматические повреждения и посттравматические патологии на скелетах из могильника Фронтное 3 // КСИА. Вып. 268. С. 113–126.

263. Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., Мастыкова, А.В., Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2021. Хронологическая динамика демографических показателей населения, оставившего могильник Фронтное 3 // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Под ред. А.В. Зайкова, Д.А. Костромичева, Е.С. Лесной. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 270–272.

264. Свиркина Н.Г., Нелюбов С.А. Первые итоги и перспективы исследований антропологических материалов из могильника Опушки // Крым

в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VIII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2022. С. 186–204.

265. Свиркина Н.Г., Суханов Е.В., Свиридов А.Н., 2020. Могильник римского времени Фронтное 3: особенности демографической структуры // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х томах / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Молчанов. Самара: СГСПУ. Т. III. С. 272–273.

266. Семенов-Зусер С.А., 1947. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947. 190 с.

267. Симонович Е.О., 1975. Про кераміку черняхівського типу в Криму // Археологія. 1975. Вып. 18. С. 30-86.

268. Соков П.В., Цинько А.С., Четвериков С.И., Мокрушин В.П., 2024. Археологические исследования на раскопе 7 // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология). (№5) \ науч. Ред. Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев. Спб.: ИИМК РАН. С. 141-159.

269. Смирнов А. П., 1953. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. № 3. С. 31–44.

270. Смирнов А.П., 1958. К вопросу об истоках Приазовской Руси // СА. Вып. 2. С. 270-279.

271. Спицын А.А., 1918. Скифо-сарматские курганы Крымской степи // ИТУАК. №54. С. 172-181.

272. Стоянова А.А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. С. 274–275.

273. Стоянова А.А., 2005. Подбойная могила №193 из могильника Нейзац в центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. 11. С. 153-168.

274. Стоянова А.А., 2012. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля. 100 с.

275. Стоянова А.А., 2013. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.) I. – Сб. науч. Статей / Под ред. И.Н. Храпунова. – Симферополь –Бахчисарай: Издательство «Доля», 2013. С. 77-92.

276. Стоянова А.А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122-165.

277. Стоянова А.А., 2019. Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 253-266.

278. Стоянова А.А., 2021. Фибулы Опушкинского могильника и их роль в костюме (по материалам раскопок 2003-2020 гг.). // МАИЭТ. Вып. 26. С. 22-39.

279. Стоянова А.А., 2022. О некоторых хронологически значимых типах бус и подвесок из памятников предгорного Крыма римского времени // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 284-290.

280. Стоянова А.А., 2024. Новый могильник с кремациями римского времени в горном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 208-231.

281. Стоянова А.А., Храпунов И.Н. Позднеримский полихромный стиль: состояние и перспективы исследования // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России / Материалы научной археологической конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. – Симферополь-Керчь, 2024. С. 319-325.

282. Стржелецкий С.Ф., 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. № 9. С. 283-302.

283. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И., 2003-2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum Plus* №4. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа. 27-277.

284. Строков А.А., Камелина Г.А., 2021. Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В. Д. Блаватского: новое обращение к забытой коллекции // *Stratum Plus*. № 4. С. 383–400.

285. Строков А.А., Камелина Г.А., 2022. Ай-Тодорский могильник 4 – певой половины 5 в.: новые данные о погребальном обряде и инвентаре // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 174-182.

286. Строков А.А., Камелина Г.А., Свиркина Н.Г., 2020. Ай-Тодорский грунтовый могильник (Харакс) в контексте позднеантичных и раннесредневековых древностей Северного Причерноморья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СГСПУ. Т. II. С. 186–188.

287. Суханов Е.В., 2020а. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (предварительная публикация) // МАИЭТ. Вып. XXV. С. 66–89.

288. Суханов Е.В., 2020б. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х томах / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. II. Самара: СГСПУ. С. 19–20.

289. Суханов Е.В., 2021а. Краснолаковая керамика конца I — первой половины III вв. из могильника Фронтное 3 (хронологический и планиграфический анализ) // *Stratum plus*. № 4. С. 211–220.

290. Суханов Е.В., 2021б. Первые результаты изучения технологии изготовления лепной керамики могильника Фронтное 3 // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь. С. 398–401.

291. Суханов Е.В., 2022а. Сравнительный анализ форм лепных сосудов из подбойных могил и грунтовых склепов могильника Фронтное 3 // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 63–70.

292. Суханов Е.В., 2022б. Формы лепных сосудов из могильника римского времени Фронтное 3. КСИА. Вып 268. С. 65–81.

293. Суханов Е.В., 2023а. Технология изготовления лепной керамики из могильников римского времени в Юго-Западном Крыму // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 90–93.

294. Суханов Е.В., 2023б. О гончарной технологии населения Юго-Западного Крыма в позднеимперское время (по материалам лепной керамики) // РА. № 4. С. 75-85.

295. Суханов Е.В., 2024а. Лепная керамика могильника Фронтное 3: некоторые итоги изучения // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 50-55.

296. Суханов Е.В., 2024б. Некоторые итоги изучения гончарных традиций варварского населения Юго-Западного Крыма в римское время (по материалам могильника Фронтное 3) // Stratum plus. № 4. С. 353-369.

297. Суханов Е.В., Гавритухин И.О., Нессель В.А., 2021. Краснолаковая керамика второй половины III – начала V вв. из могильника Фронтное 3 // КСИА. Вып. 263. С. 441–456.

298. Суханов Е.В., Свиридов А.Н., Языков С.В., 2020. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (о технологии изготовления) // КСИА. Вып. 261. С. 366–378.
299. Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского) Киев: Наук. Думка. 174 с.
300. Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Мяскин В.В., 2014. Новый памятник римского времени в центре южной части горного Крыма // Археологічні дослідження в Україні 2013. К. С. 84-85.
301. Тиханова М.А., 1953. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. №34. С. 319-333.
302. Тиханова М.А., 1957. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. №4. С. 168-194.
303. Третьяков П.Н., 1953. Восточно-славянские племена. М.: Изд-во АН СССР. 312 с.
304. Труфанов А.А., 1997. Погребальные сооружения позднескифского могильника у с. Брянское // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь. С. 14-15.
305. Труфанов А.А., 1998. Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. 9. С. 141-145.
306. Труфанов А.А., 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М. С. 71–77. (Труды ГИМ. Вып. 118).
307. Труфанов А.А., 2004а. Подбойные склепы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев; Судак: Академперееодика. С. 495-521.
308. Труфанов А.А., 2004б. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. № 3. С. 160–170.

309. Труфанов А.А., 2005. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Херсонесский сборник. Выпуск X. Севастополь, 1999. С. 226-231 Труфанов А.А. Исследования могильника у с. Брянское в 1995-1996 гг. // Херсонесский сборник. Выпуск XIV. Сборник научных статей. – Севастополь: Издательский дом «Максим». С. 315-326.
310. Труфанов А.А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 173–186.
311. Труфанов А.А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма в 1 в. до н.э. – 3 в. н.э. // Stratum plus (2005-2009). № 4. С. 117-328.
312. Труфанов А.А., 2011. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. // Stratum plus. №4. С. 225–270.
313. Труфанов А.А., 2012. Склеп 4 в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. №2. С. 34-41.
314. Труфанов А.А., 2014. Могильник I–III вв. н. э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н. э. в курганах Юго-Западного Крыма // История и археология Крыма. Вып. 1. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского / Ред. В.В. Майко. Симферополь: Бизнес–Информ. С. 183–209.
315. Труфанов А.А., 2018а. Краснолаковые ойнахои Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (2 в. до н.э. – 4 в.н.э.) 3. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. С. 85-102.
316. Труфанов А.А., 2018б. Стекланные перстни из могильков Юго-Западного и Центрального Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV I. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. С. 73-82.
317. Труфанов А.А., 2019. Пряслица с изображением животных из варварских могильников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). V. Материалы X Международной научной конференции

«Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 282-299.

318. Труфанов А.А., 2019б. Перстни с эмалевыми вставками из варварских погребений Крыма // МАИЭТ. Вып. 24. С. 35-49.

319. Труфанов А.А., 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма 1-4 вв. н.э. // История и археология Крыма. Вып. 12. С. 163-200.

320. Труфанов А.А., 2021. О плитовых могилах Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 195- 234.

321. Труфанов А.А., 2022а. Металлические перстни из варварских некрополей Крыма 2 в. до н.э. – 4 в. н.э. // История и археология Крыма. Вып. XVI / Ответственный редактор В.В. Майко. – Симферополь: ИТ «Ариал». С. 121-197.

322. Труфанов А.А., 2022б. Колокольчики из Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VIII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Делагард. Симферополь: Альбатрос. С. 223-267.

323. Труфанов А.А., 2022в. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2015-2017 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». 248 с.

324. Труфанов А.А., 2024. Наконечники ремней из Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 232-268.

325. Труфанов А.А., Колтухов С.Г., 2001. Могильник 3-4 в.н.э. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб: Изд. Гос. Эрмитажа. С. 186-189.

326. Труфанов А.А., Колтухов С.Г., 2003. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // *Stratum plus*. № 4. 2001 – 2002. С. 278–295.

327. Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2023. Некрополь Бильбек IV (исследования 2021 г.) Симферополь: ИТ «Ариал». 260 с. (Серия: Археологические памятники Северного Причерноморья; Вып. 5.).

328. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю., 1999. Боспоро-Херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской скифии III-IV вв. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999 г. СПб. С. 241-252.

329. Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.). СПб: Наука. 676 с.

330. Туровский Е.Я., 2002. Раскопки скифского могильника римского времени у с. Вишневое // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб: Изд. Гос. Эрмитажа. С. 118-120.

331. Тяпухина А.В. 2024. К вопросу о бусах миллефиори из некрополя римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 41-49.

332. Ушаков С.В., 1999. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму второй половины 3-первой половины 6 вв. // Херсонесский сборник. Выпуск X. С. 232-241.

333. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П., 2017. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз-10») // История и археология Крыма. Вып. VI. Симферополь: Ин-т археологии Крыма. С. 54–93.

334. Филиппенко А.А., Тюрин М.И., Ушаков С.В. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Стратум. 2016. № 4. С. 139-149.
335. Филимонов С.Б., 2004. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887– 1931 гг.). Симферополь: Издательский дом «ЧерноморПресс». 316 с.
336. Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4. С. 58–72.
337. Храпунов И.Н., 1994. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып 4. Сборник Крымского отделение института востоковедения НАН Украины; Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. – Симферополь: Таврия. С. 529-544.
338. Храпунов И.Н., 1995. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь. 83 с.
339. Храпунов И.Н., 1998. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. 6. С. 230-238.
340. Храпунов И.Н., 1999. Склеп с захоронениями 4 в. н. э. из могильника Дружное в Крыму // Херсонесский сборник. Выпуск X. С. 242-255.
341. Храпунов И.Н., 2000. Три подбойные могилы 4 в. н.э. из некрополя Дружное // МАИЭТ. Вып. 7. – Сб./ Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Симферополь. С. 51-64.
342. Храпунов И.Н., 2002. Могильник Дружное (III – IV вв. н.э.). Люблин. 313 с.
343. Храпунов И.Н., 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. 3. С. 329-350.
344. Храпунов И.Н., 2004а. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. Вып. VI. Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь-Керчь. 240 с.

345. Храпунов И.Н., 2004б. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Выпуск XIII. Севастополь. С. 297-309.
346. Храпунов И.Н., 2005. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. С. 169-191.
347. Храпунов И.Н., 2006а. Погребение война IV в. н.э. из могильника Нейзац // Готы и Рим / Ред. Р.В. Терпиловский. Киев. С. 42-51.
348. Храпунов И.Н., 2006б. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. Вып XVI/1. М.; Магнитогорск. С. 104-118.
349. Храпунов И.Н., 2007. Погребение война II в.н.э. из могильника Опушки // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высоткой: Сб. науч. Работ / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. – Симферополь: Универсум. С. 115-124.
350. Храпунов И.Н., 2008а. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. Вып. XXI. С. 356-392.
351. Храпунов И. Н. 2008б. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Т. XIV. С. 61-79.
352. Храпунов Н.И. 2010. О монетах из могильника Озёрное III // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (29). С. 69–79.
353. Храпунов И.Н., 2011. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. – Сб. науч. Статей / Под ред. И.Н. Храпунова. – Симферополь: Издательство «Доля». С. 13-113.
354. Храпунов И.Н., 2011б. Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Доля. 72 с.
355. Храпунов И.Н., 2012. Германские вещи из могильника Нейзац / Международная конференция «Inter Ambo Maria Северные варвары на пути из Скандинавии к Чёрному морю». Тезисы докладов. 3–7 октября 2012 г., Гаспра, Крым, Украина. Тезисы докладов. – Симферополь, 2012. С. 121–127.

356. Храпунов И.Н., 2013а. Особенности могильник Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.) I. – Сб. науч. Статей / Под ред. И.Н. Храпунова. – Симферополь – Бахчисарай: Издательство «Доля». С. 189-207.
357. Храпунов Н.И. 2013б. Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторической интерпретации // XIV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Ред. В.Н. Зинько. Керчь. С. 484–490.
358. Храпунов И.Н., 2016. Серебрянные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 97-121.
359. Храпунов И.Н., 2017. Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Выпуск 19). – М.: ИА РАН. С. 262-272.
360. Храпунов И.Н., 2018а. Склеп с вещами в догунском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). III. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. С. 137-169.
361. Храпунов И.Н., 2018б. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV. Сб. научных статей / Отв. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. С. 133-145.
362. Храпунов И.Н., 2019. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. №1. С. 32-49.
363. Храпунов И.Н., 2021а. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. Сб.

научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 235-259.

364. Храпунов И.Н., 2021б. Инновации 4 в. н. э. в культуре населения Крымских предгорий // ПИФК. №3. С. 80-91.

365. Храпунов И.Н., 2022. Могильник Фронтное 3 в контексте синхронных древностей. Взгляд со стороны // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 97-101.

366. Храпунов И.Н., 2023. О времени появления в Крыму склепов с короткими дромосами // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. / редкол.: М. В. Кривошеев (отв. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 237-245.

367. Храпунов И.Н., Власов В.П., 1998. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. Вып. 6. С. 239-255.

368. Храпунов И.Н., Иштанович Э., Кульчар В., Стоянова А.А., 2020. Оружие сарматского времени в Крыму и в Альфельде // МАИЭТ. Вып. 25. С. 5- 24.

369. Храпунов И.Н., Масякин В.В., 1997. Подбойная могила второй половины 3 века нашей эры из могильника Дружное // Strstum plus. Петербургский археологический вестник. Спб-Кишинев. 1997. С. 164-180.

370. Храпунов И.Н., Масякин В.В., 1998. Могила с двумя подбоями 3 в.н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. №4. С. 133-149.

371. Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А., 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. – Симферополь: Таврия. С. 76-155.

372. Храпунов И.Н., Мульд С.А., 2004. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. 7. Симферополь, Керчь. С. 299-326.
373. Храпунов И.Н., Мульд С.А., 2004а. Катакомбы из могильника Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. Вып. 14. С. 239-269.
374. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., 2018. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. № 4. С. 255–262.
375. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., 2023а. Позднескифские склепы Опушкинского могильника // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 18-22 сентября, 2023 года / под. ред. А.В. Зайкова, Д.А. Костромичева. – Москва: Буки Веди. С. 185-186, 256-258.
376. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., 2023б. Маркеры гендерной идентичности в женских погребениях Опушкинского могильника // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 164-174.
377. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., 2024. Склеп с идолом IV в. н.э. из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 269-300.
378. Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А., 2023. Позднескифский склеп I в. н.э. из могильника Опушки // IX. Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос. С. 169-233.
379. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А., 2001. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс. С. 105-168.

380. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Шабанов С.Б., 2022. Исследования могильника Опушки в 2021 г. // История и археология Крыма. Вып. XVII. Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2021 года на Крымском полуострове / Ответственный редактор В.В. Майко. – Симферополь: ИТ «Ариал». С. 251-256.

381. Цалкин В.И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА: № 53. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–109.

382. Чарусов Т.А., 2023. Следы огня на варварских могильниках римского времени в предгорном Крыму // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 175-182.

383. Чарусов Т.А., 2024. Могилы с угольными подсыпками конца I – начала II в. н.э. из некрополей Опушки и Нейзац // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России / Материалы научной археологической конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. – Симферополь-Керчь, 2024. С. 352-357.

384. Чарусов Т.А., 2024. Скопления сосудов из могильника Опушки // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква». С. 56-64.

385. Чарусов Т.А., Бойко Е.А., 2024. Подбойные могилы с «заплечиками» I – II вв. н.э. в предгорном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 301-316.

386. Чемодуров Н.Н., 2020. Деятельность Тавро-скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. –

IV в. н.э.). VI. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 260-283.

387. Шабанов С.Б., 2011. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. С. 141–191.

388. Шабанов С.Б., 2012. Два стеклянных кубка позднеримского времени из могильника Нейзац // *Inter Ambo Maria*. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь. С. 263–269.

389. Шабанов С.Б., 2013. Стеклянные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля. С. 155–170.

390. Шабанов С.Б., 2015. Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь: Н. Оріанда. 160 с.

391. Шабанов С.Б., 2016. Стеклянный кубок группы *Nuppengläser* из погребального комплекса позднеримского времени могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 167–179.

392. Шабанов С.Б., 2018. Два стеклянных сосуда из комплекса позднеримского времени могильника Опушки в предгорном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). III. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. С. 170-177.

393. Шабанов С.Б., 2020. Стеклянные сосуды римского времени из могильника Опушки в Предгорном Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.) // ПИФК. № 2. С. 110–134.

394. Шабанов С.Б., 2021а. Стеклянные сосуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских памятников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД. С. 260–275.

395. Шабанов С.Б., 2021б. Склеп IV в. н. из могильника Опушки в Крыму // ПИФК. №4. С. 121-136.
396. Шабанов С.Б., 2022. Стекланные сосуды позднеримского времени из ваврварских памятников предгоного Крыма (проблема происхождения и распространения) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 291-296.
397. Шабанов С.Б., 2023. Стекланные сосуды с каплями синего стекла // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IX. Сборник научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос. С. 234-250.
398. Шабанов С.Б., 2024. Стекланные сосуды из могильника Битак // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X. Сборник научных статей / Глав. Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 317-332.
399. Шаров О.В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) СПб. С. 158-207.
400. Шаров О.В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатырдаг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб: Нестор История. 207 с.
401. Шаров О.В., 2019а. Юго-Западный Крым в позднеримскую эпоху: от «готских» походов до «гуннского» нашествия // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева. Севастополь. С. 22-26.
402. Шаров О.В., 2019б. Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднеримскую эпоху // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД. С. 328-337.

403. Шаров О.В., 2019в. Могильник Чатыр-Даг: новый взгляд – старые идеи // Боспорские исследования. Вып. XXXIX. С. 210-241.
404. Шаров О.В. 2019г. Археологические исследования позднескифского поселения Фронтное 2 // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. В 2 Т. – М.: ИА РАН. Т. 2. С. 239-276.
405. Шаров О.В. 2022. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднееримскую эпоху (середина 2 – середина 4 в. н.э.) – М.: Институт археологии РАН. 2022. 304 с.
406. Шульц П.Н., 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство. 123 с.
407. Шульц П.Н., 1957. Исследования Неаполя скифского (1949-1950 гг.) // История и археология Древнего Крыма. К.: Изд-во АН УССР. С. 61-93.
408. Шульц П.Н., 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука. С. 127-143.
409. Щукин М.Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.
410. Эрнст Н.Л., 1930. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930 г.) // ИТОИАЭ. Том IV. С. 72-92.
411. Юрочкин В.Ю., 1997. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь. С. 128-133.
412. Юрочкин В.Ю., 1999. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // Херсонесский сборник. Выпуск X. С. 257-274.
413. Юрочкин В.Ю., 2002. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма. Боспор или Кавказ // Боспорский феномен. СПб. Часть 2. С. 125-137.
414. Юрочкин В.Ю., 2017. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 496 с.

415. Юрочкин В.Ю., 2021. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901-1983 гг.) // РА. №4. 191–201.

416. Язиков С.В., Волошинов А.А., Свиридов А.Н., 2023. Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, А.В. Энговатова (Материалы спасательных археологических исследований. Тои. 32). М.: ИА РАН. 204 с.

417. Язиков С.В., Свиридов А.Н. 2021. Новый могильник римского времени Киль-Дере 1 в Инкерманской долине: первые итоги исследования // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь-Керчь, 2021. С. 455-461.

418. Язиков С.В., Свиридов А.Н., 2022а. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований. // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 136-145.

419. Язиков С. В, Свиридов А.Н., 2022б. Каменные ящики Могильника Киль-Дере 1 // КСИА. Вып. 268. С. 46-64.

420. Язиков С.В., Свиридов А.Н., 2024. Римское снаряжение из могилы некрополя Киль-Дере 1 (Юг-Западный Крым) // МАИАСП. № 16., *в печати*.

421. Язиков С.В., Свиридов А.Н., Волошинов А.А., 2021. Каменные надгробия могильника Киль-Дере 1 (предварительная информация) // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20-24 сентября 2021 года / Под редакцией А.В. Зайкова, Д.А. Костромичева, Е.С. Лесной. – Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 370-379.

422. Язиков С.В., Свиридов А.Н., Волошинов А.А., 2023. Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, А.В. Энговатова

(Материалы спасательных археологических исследований. Том 32). М.: ИА РАН, 2023. 204 с.

423. Язиков С.В., Тяпухина А.В., 2022. Бронзовые антропоморфные подвески из могильников римского времени Фронтное 3 и Киль-Дере 1 в Юго-Западном Крыму // КСИА. Вып. 268. С. 82–99.

424. Якобсон А.Л., 1954. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. Вып. 21. С. 148-163.

425. Якобсон А.Л., 1964. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры. М.-Л.: Наука. 183 с.

426. Arsen'eva T.M., Domžalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasi Antiqua*. Bd. 8. S. 415–491.

427. Chrzanovski L., Zhuravlev D., 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma: L'erma di Bretschneider. 296 p.

428. Domžalski K., 2011. Late Roman Pottery from Pompeiopolis // *Pompeiopolis I: eine Zwischenbilanz aus der Metropole Paphlagoniens nach fünf Kampagnen (2006–2010) / Hrsg. L. Summerer*. Langenweißbach: Beier&Beran. P. 163–178. (Schriften des Zentrum für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums; Bd. 21.)

429. Boessneck, J. Muller H-H., Teichert M. Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries* Linné) und Ziege (*Capra hircus* Linné) Kühn-Archiv: Arbeiten aus der Landwirtschaftlichen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg: Vol.78. PP. 1-129.

430. Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éd. Du Centre National de la Recherche Scientifique. 504 p.

431. Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S., 2021. The cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // *The Študijné zvesti Archeologického Ústavu Slovenskej Akadémie Vied*. 68 (1). P. 87–118.

432. Gertsen A., Mączyńska M., 2000. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź: Wydawnictwo uniwersytetu Łódzkiego. S. 522–544.
433. Hayes J.W., 1985. *Sigillate Orientali* // *Atlante delle forme ceramiche*. 2. P. 1–96.
434. Hellström K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn: Dr. Rudolf Habelt-Verlag. 284 S., 94 Taf. (Archäologie in Eurasien. 39).
435. Isings C., 1957. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters. 185 p.
436. Kazanski M., 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas- Empire // *Travaux et Mémoires*. Vol. 11. P. 487–526.
437. Khrapunov I., Stoyanova A., 2018. Fibulae in the cemetery of Nezac // *Studia barbarica*. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / Red. B. Niezabitowska-Wisniewska, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich. Tom I. Lublin. P. 456–479.
438. Loboda, I. I., Puzdrovskij, A. E., Zajcev, J. P., 2002. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Grabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.
439. Mączyńska M., Gercen A. G., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM. 205 s.
440. Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropaschen Barbaricum. Oxford: BAR. 233 S., 59 Karten, 26 Taf. und Tab. (BAR International Series; 360).
441. Mastykova A., Sviridov A., 2021. The lunula pendants from the cemetery of Frontovoe 3 from the Late Roman Period in the South-Western Crimea // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 72 (2021) 1. P. 119–136.

442. Maćzyński P., Polit B.. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 76-96.
443. Polit B. Some remarks on the metal jewellery from male burials of the Late Roman period cemetery of Neyzats // Крым в сарматскую эпоху (2 в. до н.э. – 4 в.н.э.) 3. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2018. - С. 121-136.
444. Prummel W., Frisch H.-J., 1986. A guide for the distinction of species, sex, and body side in bones of sheep and goat. *Journal of Archaeological Science*. 13:567-577.
445. Stulegar F. A., 2011. Weapon graves in Roman and Migration Period Norway [ad 1-550]// *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand-Simferopol, Dolya Publishing House. P. 217–235.
446. Tempelmann-Maćzyńska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 339 S., 80 Taf. und Tab., 3 Beilagen. (Römisch- Germanische Forschungen. 43).
447. Zhuravlev D., 2024. Pontic red slip trays with relief decoration // *Man sieht nur, was man weiß. Man weiß nur, was man sieht. Globalhistorische Perspektiven auf interkulturelle Phänomene der Mobilität* / Hrsg. J. Schneeweiß, M. Nawroth, H. Piezonka, H. Schwarzberg. Rahden/Westf.: Leidorf. P. 137–155. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Bd. 33)
448. Vanessa Soupault A propos de l, origine et de la diffusion des poignards et epees a encoches (IV e – VII e s.) // МАИЭТ. 1996. Вып. 5: Сб. / Ред.-сос. А.И. Пиаро. – Симферополь: Таврия, 1996. С. 60-76.

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук**

на правах рукописи

Свиридов Алексей Николаевич

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА
В РИМСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА
ФРОНТОВОЕ 3)**

Исторические науки:
специальность 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 2

Научный руководитель:
д. и. н. Мастыкова А.В.

Москва
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 2

Приложение 1. Размеры могил некрополя Фронтное 3.....	3
Приложение 2. Половозрастные характеристики погребенных в некрополе Фронтное 3.....	12
Приложение 3. Датировка погребений некрополя Фронтное 3.....	23
Приложение 4. Сводная таблица данных по погребальным сооружениям, погребальному обряду и отдельным категориям инвентаря некрополя Фронтное 3.....	30
Приложение 5. Типы погребальных сооружений на некрополях округи Херсонеса	82
Приложение 6. Размеры могил некрополя Бельбек IV.....	85
Приложение 7. Размеры могил некрополя Инкерманский.....	94
Приложение 8. Размеры могил некрополя Красный Мак.....	96
Приложение 9. Размеры могил некрополя Севастопольский	97
Приложение 10. Размеры могил некрополя Чернореченский.....	106
Приложение 11. Иллюстрации.....	108

Приложение 1

Размеры могил некрополя Фронтное 3.

Приложение 1А. Размеры подбойных могил

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
1	2,17	0,47	0,67	2,25	0,5	0,6
2	1,7	0,55	1	1,63	0,72	0,9
3(С)	2,53	0,6	1,63	2,65	0,9	0,73
3(Ю)	2,53	0,6	1,63	2,45	0,78	1,03
5	2,33	0,6	1,29	2,5	0,7	1
7(С)	2,1	0,65	2,08	2,2	0,75	1,37
7(Ю)	2,1	0,65	2,08	2,2	0,8	1,26
8	2,15	0,55	1,5	2,35	0,6	0,7
9(С)	2,35	0,75	1,31	2,17	0,63	0,51
9(Ю)	2,35	0,75	1,31	2,4	0,65	1,07
10(С)	2,57	0,6	0,92	2,37	0,7	0,52
10(Ю)	2,57	0,6	0,92	2,6	0,75	0,63
11(С)	2,43	-	-	2,35	0,7	0,86
11(Ю)	2,43	-	-	2,43	0,75	1,2
12	2,1	0,55	0,53	2,15	0,57	0,5
13(С)	1,2	0,58	1,4	1,25	0,68	1
13(Ю)	1,2	0,58	1,4	1,75	0,73	1,1
14	2,4	0,5	0,41	2,2	0,45	0,65
15	2,27	0,85	1,82	2,43	0,73	0,83
17	2,27	0,55	1,74	2,4	0,75	1,3
19	1,23	0,47	1,4	1,2	0,43	1,09
20	2,43	0,7	1,64	2,4	0,75	1,2
21	2,2	0,55	1,32	2,35	0,5	0,77
22(С)	2	0,8	1,64	2,5	0,6	0,72
22(Ю)	2	0,8	1,64	1,95	0,78	0,72
23(С)	2,3	0,95	1,51	2,6	0,78	1,23
23(Ю)	2,3	0,95	1,51	2,6	0,73	1,28
24	1,7	0,6	0,62	1,65	0,53	0,65
25	2,18	0,67	0,8	2,12	0,77	0,8
26	1,94	0,5	0,7-0,8	1,86	0,63	0,9
27(С)	2,25	0,7	1,05	2,35	0,63	0,85
27(Ю)	2,25	0,7	1,05	2,44	0,83	0,82
28(С)	1,5	0,54	1,37	1,9	0,43	0,75
28(Ю)	1,5	0,54	1,37	1,7	0,6	0,83
29	1,95	0,6	1,3	2,1	0,83	0,7
30	1,54	0,57	0,95	1,3	0,6	0,98
31(С)	2,57	0,62	1,83	2,7	0,83	1,2
31(Ю)	2,57	0,62	1,83	2,6	0,73	1,3
32	2,3	0,57	1,42	2,27	0,75	0,75
33	2,2	0,6	1,1	2,45	0,6	1,12
35	2,23	0,9	1,4	2,55	0,5	1,25

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
36	2,2	0,75	0,97	2,2	0,6	0,72
37	2,3	0,6	1,41	2,22	0,7	0,7
38(С)	2,13	0,7	1,39	2,13	0,7	1,05
38(Ю)	2,13	0,7	1,39	2,57	0,78	1
39	2,53	0,48	0,74	2,4	0,47	0,57
40	2,6	0,55	0,6	2,7	0,73	0,77
43	2,24	0,7	1,35	2,15	0,55	1,2
45(С)	2,02	0,5	1,38	2,1	0,7	0,9
45(Ю)	2,02	0,5	1,38	2,2	0,6	1,05
46	2,28	0,67	1,03	2,57	0,67	1,3
47	1,97	0,53	1,34	1,95	0,8	1,1
48	2,2	0,6	1,4	2,2	0,7	0,85
49	2,55	0,4	1,2	2,67	1,13	0,7
50	2,13	0,43	1,73	2,7	0,9	0,75
51(С)	2,37	0,56	2,48	2,33	1,1	0,85
51(Ю)	2,37	0,56	2,48	2,57	0,77	0,85
52	2,43	0,65	2,3	2,73	0,84	1,15
53	2,05	0,6	0,6	2,17	0,58	0,7
54(С)	2,4	0,55	1,52	2,3	0,5	1,07
54(Ю)	2,4	0,55	1,52	2,1	0,45	0,9
55	1,82	0,4	0,45	1,78	0,56	0,45
56	1,3	0,45	0,26	1,1	0,73	0,38
57	1,95	0,6	0,9	1,88	0,57	0,82
58(С)	2,18	0,43	1,22	2,12	0,48	0,8
58(Ю)	2,18	0,43	1,22	2,54	0,55	0,6
59	2,5	0,8	1,37	2,3	0,6	0,87
60	2,24	0,55	1,03	2,27	0,97	0,85
61	2,3	0,53	1	2,6	0,45	0,9
62(С)	2,12	0,65	1,34	2,3	0,78	0,97
62(Ю)	2,12	0,65	1,34	2,2	0,3	0,75
63	1,9	0,45	1,07	2	0,63	0,79
64	1,95	0,55	0,67	2,12	0,64	0,63
65(С)	2,3	0,55	1,04	2,54	0,67	0,75
65(Ю)	2,3	0,55	1,04	2,5	0,85	0,8
66	2,2	0,54	1,35	2,15	0,68	0,87
67	2,4	0,57	0,95	2,43	0,8	0,9
68	2,3	0,37	1,08	2,15	0,57	0,68
69	2,2	0,63	1,07	2	0,66	0,8
70(С)	2,28	0,55	1,45	2,48	0,8	0,9
70(Ю)	2,28	0,55	1,45	2,35	0,53	0,9
71	2,15	0,85	1,05	2,15	0,7	0,7
72	1,65	0,6	1,25	1,6	0,4	0,74
73	2,25	0,55	1,3	2,14	0,7	0,75
74	2,1	0,53	1,1	2,2	0,73	0,7
75	2,4	0,57	1,3	2,45	0,78	0,75
76	2,35	0,68	1	2,37	0,63	0,7
77	2,17	0,53	0,95	2,2	0,73	0,72

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
78	1,44	0,54	0,23	1,33	0,54	0,32
79	2,5	0,7	0,7	2,37	0,6	0,63
80	1,53	0,47	0,6	1,6	0,53	0,6
81	1,9	0,52	0,35	1,9	0,6	0,35
82	2,2	0,53	0,43	2,25	0,43	0,43
83	1,8	0,4	0,13	1,7	0,33	0,17
84	0,87	0,57	0,2	0,8	0,3	0,2
85(С)	2,47	0,73	1,9	2,65	0,6	0,78
85(Ю)	2,47	0,73	1,9	2,5	0,6	0,55
87	1,5	0,5	0,42	1,65	0,65	0,52
88	2,63	0,58	1,57	2,6	1,15	0,65
90(С)	1,47	0,62	1,15	1,2	0,5	0,7
90(Ю)	1,47	0,62	1,15	1,6	0,7	0,67
91	2,33	0,73	1,79	2,3	0,97	1,2
92(С)	2,55	0,75	1,73	2,65	0,93	0,8
92(Ю)	2,55	0,75	1,73	2,73	0,7	1,1
93	2,12	0,6	0,8	2,7	0,5	0,98
94(С)	2,43	0,56	1,35	2,4	0,75	1,04
94(Ю)	2,43	0,56	1,35	2,3	0,85	1,06
95(С)	2,1	0,55	1,32	2,6	0,8	1,05
95(Ю)	2,1	0,55	1,32	1,93	0,83	1,03
96(С)	2,1	0,7	1,08	2,28	0,95	0,95
96(Ю)	2,1	0,7	1,08	2,13	0,53	0,85
97(С)	2,28	0,53	1	2,25	0,7	0,65
97(Ю)	2,28	0,53	1	2,1	0,6	0,6
98	1,6	0,52	1,42	1,62	0,7	1
99(С)	2,53	0,55	1,7	2,54	0,62	0,85
99(Ю)	2,53	0,55	1,7	2,37	0,7	0,8
100	2,23	0,55	0,87	2,35	0,75	0,6
101	2,15	0,55	1,43	2,37	0,7	0,8
102	2,6	0,75	1,45	2,55	0,55	0,85
103	1,95	0,4	0,55	1,83	0,4	0,5
104(С)	2,23	0,73	1,23	2,52	0,76	0,8
104(Ю)	2,23	0,73	1,23	2,5	0,93	0,7
105	2	0,65	1	2,35	0,97	0,8
106	2,4	0,87	0,82	2,2	0,6	0,8
107	2,67	0,55	1,65	2,43	0,73	1,26
108	2,13	0,55	0,93	2,5	0,45	0,67
109	0,9	0,35	0,05	0,9	0,45	-
110(С)	2,5	0,55	1,09	2,37	0,73	0,7
110(Ю)	2,5	0,55	1,09	2,72	0,53	0,75
111	2,12	0,57	1,04	2,4	0,67	0,85
112	-	-	1,25	2,4	0,45	0,85
113	2,3	0,5	0,83	1,95	0,57	0,55
114	1,9	0,6	0,95	2,05	0,66	1
115(С)	2,32	0,6	1,08	2,25	0,55	0,9
115(Ю)	2,32	0,6	1,08	2,25	0,6	0,9

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
116(С)	2,24	0,5	1	2,25	0,6	0,5
116(Ю)	2,24	0,5	1	2,3	0,74	0,5
117	2,7	0,6	0,85	1,8	0,63	0,8
118	2,1	0,5	0,85	2,07	0,7	0,87
119	1,9	0,55	0,96	2,43	0,65	0,88
120	2,24	0,53	1,33	2,27	0,55	0,8
121	2,04	0,65	1,1	1,8	0,5	1,05
122	1,95	0,55	1,65	2,1	0,53	0,75
123	2,05	0,6	1,2	2,5	0,5	0,9
124	2,17	0,55	0,9	1,9	0,67	0,52
125	2,05	0,45	1,3	2,6	0,63	0,7
126(С)	2,2	0,53	1,6	2,14	0,57	0,9
126(Ю)	2,2	0,53	1,6	2,2	0,5	1,05
127	2,5	0,5	1	2,4	0,67	1,15
128	1,95	0,55	1,5	2,4	0,55	0,7
130(С)	2,2	0,45	1,5	2,25	0,53	0,75
130(Ю)	2,2	0,45	1,5	2,35	0,7	0,77
131	1,87	0,6	1,55	1,9	0,75	1,1
132	2,3	0,55	1,13	2,1	0,7	0,7
133(С)	2,43	-	1,65	2,55	0,5	0,75
133(Ю)	2,43	-	1,65	2,18	0,6	0,8
134	2,1	0,6	0,95	2,25	0,85	0,6
135(С)	1,5	0,75	1,85	1,5	0,53	0,6
135(Ю)	1,5	0,75	1,85	1,45	0,55	0,6
137(С)	1,47	0,55	1,6	1,8	0,6	1
137(Ю)	1,47	0,55	1,6	1,7	0,75	0,7
138(С)	1,3	0,4	1,4	1,3	0,45	0,6
138(Ю)	1,3	0,4	1,4	1,3	0,7	0,55
139(С)	1,8	0,5	2,1	1,75	0,85	1,1
139(Ю)	1,8	0,5	2,1	2	0,8	1,15
141(С)	2,54	0,5	1,65	2,55	0,73	1,05
141(Ю)	2,54	0,5	1,65	2,47	1,35	1,2
143	2,08	0,55	1,5	2,08	0,83	1,1
144	2,25	0,55	1,3	2,15	0,4	0,75
145	2,15	0,65	1,5	1,9	0,5	0,9
146	2,15	0,53	1,5	2	0,75	1
147(С)	2,35	0,57	1,3	2,4	0,8	1,15
147(Ю)	2,35	0,57	1,3	2,5	0,65	1,1
148(С)	2,4	0,55	0,85	2,4	0,82	0,6
148(Ю)	2,4	0,55	0,85	2,6	0,55	0,6
149	2,25	0,75	0,5	2,3	0,5	0,4
150	1,45	0,6	0,4	1,38	0,55	0,6
151	2,5	0,62	0,65	2,5	0,6	0,57
152	2,12	0,5	0,42	2,1	0,7	0,45
153	1,65	0,47	0,66	1,58	0,47	0,6
156	1,4	0,47	0,9	1,22	0,67	0,63
157(С)	2,13	0,8	1,8	2,33	0,95	0,9

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
157(Ю)	2,13	0,8	1,8	2,33	0,53	1
158(С)	2,28	0,5	1,68	2,1	0,85	0,65
158(Ю)	2,28	0,5	1,68	2,5	0,7	0,75
159(С)	2,1	0,4	1,14	1,4	0,7	0,5
159(Ю)	2,1	0,4	1,14	2,35	0,8	1,18
160	2,05	0,5	1,3	2	0,55	0,7
161	1,37	0,5	0,7	1,35	0,6	0,5
162	1,67	0,37	0,48	1,65	0,75	0,6
163(С)	2,4	0,45	1,57	2,43	0,6	1,08
163(Ю)	2,4	0,45	1,57	2,75	0,75	1,1
164	2,17	0,7	0,63	2,12	0,65	0,7
165	1,8	0,55	0,8	1,7	0,52	0,55
166(С)	2,55	0,77	1,1	2,6	0,63	1
166(Ю)	2,55	0,77	1,1	2,45	0,6	0,9
167	1,7	0,4	0,16	1,8	0,35	-
168	2,15	0,9	0,33	2,25	0,5	-
169	2,1	0,55	0,6	2,15	0,65	0,65
170	2,45	0,55	0,6	2,4	0,4	0,8
171(С)	2,4	0,55	1,95	2,7	0,75	0,9
171(Ю)	2,4	0,55	1,95	2,5	1	0,85
173	2	0,45	1,45	2,25	1	0,55
174(С)	1,93	0,45	1,43	1,95	0,75	1
174(Ю)	1,93	0,45	1,43	1,6	0,75	0,35
177(С)	2,2	0,4	1,66	2,2	0,7	0,7
177(Ю)	2,2	0,4	1,66	2,45	0,85	0,9
179	2,45	0,55	0,53	2,65	0,7	0,9
180	2,35	0,6	0,68	2,3	0,5	0,45
181	2,25	0,5	0,7	1,95	0,6	0,6
182	2,15	0,58	1	2,15	0,65	0,9
183(С)	2,23	0,6	0,7	2,2	0,55	0,4
183(Ю)	2,23	0,6	0,7	2,45	0,6	0,6
184	2,2	0,6	1,05	2,3	0,5	0,57
185	2,2	0,65	0,5	2,15	0,55	1,09
186	2,16	0,56	1	2,2	0,55	0,7
187	2,3	0,75	0,8	2,25	0,5	0,7
188	2	0,5	1	2,03	0,56	0,87
189	1,6	0,3	0,3	1,66	0,4	0,4
190	2,3	0,5	0,35	2,55	0,55	0,45
191(С)	2,3	0,5	1,2	2,25	0,73	1
191(Ю)	2,3	0,5	1,2	2,3	0,8	0,9
192	2,13	0,6	0,8	2,3	0,6	0,85
193	2,17	0,6	1,1	2,33	0,5	0,75
194	2,1	0,5	0,22	2	0,6	-
195	2,03	0,45	1,5	2,33	1,1	0,9
196(С)	2,2	0,5	1,45	2,3	0,45	0,75
196(Ю)	2,2	0,5	1,45	2,3	0,6	0,68
198	2,23	0,6	0,9	2,23	0,6	0,95

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
199	2,22	0,7	1,05	2,33	0,6	1,1
200	2,3	0,73	1,35	2,7	0,7	1,1
201	2,25	0,55	0,83	2,25	0,55	0,75
202	2,3	0,6	0,85	2,4	0,55	0,9
203(С)	2,2	0,73	1	2,4	0,55	0,65
203(Ю)	2,2	0,73	1	2,2	0,57	0,55
205	2,6	0,7	1,17	2,64	0,78	0,85
206	1,95	0,45	1,06	2,15	0,6	0,72
207	2	0,63	0,97	2,05	0,7	0,75
208	2,32	0,6	0,8	2,35	0,67	1
209	2,35	0,7	1,6	2,55	0,75	1,15
210	1,78	0,63	0,65	1,8	0,6	0,7
211	2,53	0,6	0,5	2,45	0,63	-
212	2,17	0,65	0,7	0,75	0,7	0,92
213	2,3	0,65	0,65	2,5	0,5	0,65
214	2,1	0,6	0,4	2,1	0,7	-
215	1,25	0,5	0,2	1,2	0,3-0,35	-
216	2,33	0,7	0,95	2,3	0,55	0,75
217	1,93	0,6	0,7	1,87	0,77	0,9
218(С)	2,2	0,5	1,08	2,4	0,5	1
218(Ю)	2,2	0,5	1,08	2,1	0,85	0,85
219	1,97	0,47	0,55	2,5	0,45	0,4
220	2,28	0,4	0,8	2	0,83	0,45
221(С)	2,45	0,6	1,4	2,55	0,65	0,97
221(Ю)	2,45	0,6	1,4	1,2	0,45	0,45
223	2,35	0,7	0,82	2,6	0,7	0,82
224	2,4	0,7	0,9	2,35	0,65	0,8
225	1,87	0,65	0,55	1,8	0,45	0,4
226	1,3	0,37	0,75	1,4	0,37	0,68
227	2,25	0,83	0,6	2,3	0,78	0,6
228	2,2	0,57	0,5	2,2	0,65	0,5
229	2,23	0,7	0,6	2	0,5	0,8
230	2,24	0,53	1,25	2,5	0,62	0,8
231	2,1	0,57	0,37	2,05	0,55	0,55
232(С)	2,17	0,5	1,2	2,1	0,55	1
232(Ю)	2,17	0,5	1,2	2,24	0,4	0,9
233	1,2	0,57	0,65	1,37	0,4	0,65
234	2,08	0,55	0,5	2,35	0,57	0,73
235	2,1	0,6	0,8	2,3	0,55	1,1
236	2,1	0,58	0,5	2,15	0,6	0,85
237	1,47	0,55	0,35	1,5	0,4	0,4
238	2,43	0,7	1,05	2,7	0,67	1,3
239	2,17	0,67	0,6	2,25	0,65	0,8
240(С)	2,4	0,45	0,9	2,35	0,5	0,87
240(Ю)	2,4	0,45	0,9	0,6	0,3	-
241	2,15	0,5	1,1	2,3	0,5	0,85
242	2	0,55	0,5	2,1	0,5	0,65

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
243(С)	2,1	0,73	0,6	1,7	0,4	0,3
243(Ю)	2,1	0,73	0,6	2,2	0,55	0,6
244(С)	2,18	0,57	1,07	2	0,6	0,85
244(Ю)	2,18	0,57	1,07	2,17	0,6	0,95
245	2,25	0,65	1,05	2,35	0,6	1
246	2,1	0,5	0,93	2,3	0,55	0,45
247	1,5	0,5	0,75	1,75	0,53	0,8
248	2,2	0,8	0,3	-	-	-
249	2,05	0,65	1	-	-	-
250(С)	2,35	0,75	1	2,7	0,8	0,7
250(Ю)	2,35	0,75	1	2,5	0,45	0,6
251	1,9	0,5	0,45	1,9	0,52	0,45
252	1,5	0,45	0,5	1,4	0,45	0,5
253	1,6	0,55	0,42	1,65	0,55	0,45
254	2	0,65	1,27	2,1	0,57	1
255	2,25	0,45	0,6	2,2	0,7	0,65
256	2,53	0,6	0,53	2,7	0,5	0,5
257	2,4	0,77	1	2,6	0,65	1
258	1,5	0,4	0,15	1,5	0,5	0,45
259	2,15	0,55	0,5	2,3	0,7	0,43
260	2,25	0,45	0,48	2,1	0,57	0,4
261	2,2	0,4	0,27	2,2	0,55	0,32
262	1,93	0,45	0,75	1,95	1	0,9
263	2,05	0,55	0,6	2,3	0,6	1
264	2,3	0,67	0,7	2,25	0,65	0,85
265	2,3	0,65	0,8	2,15	0,6	0,8
266	1,9	0,5	0,57	1,85	0,63	0,85
267	2,1	0,67	0,5	2,2	0,75	0,65
268	1,3	0,5	0,35	1,15	0,5	0,5
269	1,95	0,65	0,8	2,23	0,75	0,55
270	2,05	0,6	0,72	2,1	0,7	0,5
271	2,2	0,6	0,75	2,05	0,53	-
272	1,5	0,5	0,45	1,35	0,55	0,5
273	2,3	0,55	0,9	2,25	0,65	0,8
274	2,63	0,6	0,55	2,57	0,6	0,6
275	2,4	0,6	0,43	2,25	0,65	0,7
276	2,25	0,65	1,05	2	0,6	0,9
277	1,93	0,55	0,35	1,9	0,7	0,53
278	1,4	0,45	0,1	1,3	0,4	0,38
279	1,85	0,45	0,55	1,9	0,57	0,8
280	2,05	0,45	0,45	2	0,57	0,6
281	2,03	0,55	0,55	2,13	0,55	0,55
282	2,35	0,5	0,72	2,35	0,5	0,55
283	2,1	0,55	0,3	2,1	0,6	0,48
284	2,2	0,6	1,18	2,2	0,6	0,8
285	1,15	0,4	0,06	1,2	0,45	0,4
286(С)	2,6	0,63	0,82	2,6	0,5	0,8

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
286(Ю)	2,6	0,63	0,82	1,8	0,6	0,3
287(С)	2,65	0,95	0,9	3,05	0,85	0,97
287(Ю)	2,65	0,95	0,9	2,47	0,63	0,97
288	2,5	0,7	0,95	2,4	0,55	0,93
289	2,3	0,5	0,82	2,35	0,5	0,95
290	1,75	0,55	0,3	1,65	0,45	0,5
291	2,3	0,5	0,6	2,3	0,73	0,5
292	2,03	0,63	0,33	2,05	0,45	0,5
293	2,15	0,53	0,83	2,2	0,65	0,9
294	2,2	0,67	0,75	2,25	0,9	0,95
295	1,33	0,55	0,4	1,3	0,45	0,4
296	1,3	0,53	0,63	1,3	0,55	0,65
297(С)	2,45	0,5	0,95	2,4	0,67	0,95
297(Ю)	2,45	0,5	0,95	2,45	0,8	1,1
298	2,2	0,92	0,85	2,2	0,64	0,8
299	2,35	0,67	1,05	2,5	0,73	1,05
300	2,05	0,87	0,85	2,35	0,74	1,2
301	2,1	0,7	0,73	2,3	1,15	0,85
302	2,07	0,55	0,85	2,17	0,52	0,8
303	2,15	0,6	0,7	2,15	0,75	0,6
304(С)	2,3	0,6	1,17	2,3	0,55	0,87
304(Ю)	2,3	0,6	1,17	2,3	0,4	0,85
305	1,25	0,45	0,65	1,25	0,6	0,7
306	2,15	0,6	0,8	2,3	0,7	0,8
307	2,35	0,7	0,75	2,1	0,6	0,72
308	2,2	0,67	1,1	2,2	0,63	0,6
309	2,2	0,55	0,6	2,1	0,45	0,5
312	2,3	0,9	0,5	2,3	0,65	0,9
313	2,45	0,77	0,6	2,35	0,65	0,75
314	2,6	0,7	0,9	2,65	0,9	1,1
315	2,1	0,55	0,95	1,9	0,55	1
316	2,6	0,65	-	2,6	1,1	0,95
317	1,95	0,9	0,88	2,55	1	1,35
318	2,25	0,67	1,15	2,25	0,7	0,8
319(Ю)	2,3	0,6	1,18	2,45	0,7	0,95
319(С)	2,3	0,6	1,18	2,3	0,8	0,9
320	2,15	0,65	1	2,3	0,9	0,9
321(Ю)	2,25	0,6	1,15	2,65	0,6	0,97
321(С)	2,25	0,6	1,15	2,25	0,65	0,95
322	1,85	0,6	0,9	1,75	0,5	0,8
323	2,25	0,6	0,6	2,35	0,7	0,9
324	2,27	0,6	0,87	2,4	0,95	1,15
325(С)	1,95	0,65	1,1	2,05	0,75	0,6
325(Ю)	1,95	0,65	1,1	1,93	0,8	0,6
326	2,65	0,7	1,1	2,95	0,7	0,95
327	1,95	0,6	1,03	1,97	0,6	0,75
328(С)	2,1	0,65	1,17	2,3	0,6	0,85

№ могилы	Длина входной ямы	Ширина входной ямы	Глубина входной ямы	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
328(Ю)	2,1	0,65	1,17	2	1	0,85
329	2	0,65	0,4	2,2	0,8	0,85
330	2,35	0,58	0,45	2,2	0,55	0,7
332	1,97	0,65	0,6	2	0,55	0,7

Приложение 1Б. Размеры грунтовых могил

№	Длина	Ширина	Глубина
6	2,65	0,65	1,89
44	2,4	0,93	1,48
140	2,4	0,90	2

Приложение 1В. Размеры грунтовых склепов

№ ГС	Длина ВЯ	Ширина ВЯ у основания	Ширина ВЯ у ПК	Ширина дромоса	Высота дромоса	Длина дромоса	Длина ПК	Ширина ПК
16	5,1	1,15	1,25	1	1,15	0,35	2,7	2,2
41	3,75	1,1	1,1	0,5	0,4	0,4	3,05	2,7
86	3,75	0,4	0,6	0,9	1,2	0,2	2,4	2,4
89	5	0,4	0,75	0,9	0,5	0,25	2,3	2,2
136	4,6	0,35	0,55	1	0,75	0,4	3	2,3
142	4,1	0,42	0,65	0,7	0,7	0,8	2,7	2,4
154	4,4	0,3	0,8	1,9	0,7	0,2	2,6	2,4
155	4,75	0,4	0,9	0,9	0,4	0,7	2,7	2,4
172	3,45	0,5	0,85	1,2	0,85	0,5	2,6	2,4
175	2,55	0,5	0,8	1,1	0,75	0,6	2,7	2,5
176	3,5	0,4	0,8	0,8	0,7	0,8	2,7	2,5
178	4,7	0,5	1,2	0,7	0,5	1,1	3	2,5

Приложение 2.

Половозрастные характеристики погребенных в некрополе Фронтное 3

№ могилы	Тип погребения	Пол	Возраст
1	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
2	Ингумация	Подросток	около 12 лет
3 скелет 1	Ингумация	Пол не установлен	возраст 25-35 лет
3 скелет 2	Ингумация	Пол не установлен	25-35 лет
4	Кремация	Пол не установлен	взрослый индивид ¹ .
5	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
6 скелет 1	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
6 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30-39 лет.
7 скелет 1	Ингумация	Пол не установлен	12-14 лет.
7 скелет 2	Ингумация	Мужчина	20-25 лет
8	Ингумация	Женщина	30-45 лет.
9	Ингумация	Женщина Мужчина Мужчина?	40-55 лет 35-45 лет взрослый
10 скелет 1	Ингумация	мужчина	25-35 лет.
10 скелет 2	Ингумация	Мужчина	25-29 лет.
11 скелет 1	Ингумация	Подросток	10-18 лет
12	Ингумация	Женщина	35-45
14	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
15	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
16 скелет 1	Ингумация	Женщина (?)	30-39 лет
16 скелет 2	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
16 скелет 3	Ингумация	Женщина	старше 40 лет
17	Ингумация	Мужчина	35-55 лет.
19	Ингумация	не установлен.	не установлен.
20	Ингумация	не установлен.	35-49 лет
21	Ингумация	не установлен	30-39 лет.
22	Ингумация	не установлен	25-45 лет.
23 скелет 1	Ингумация	Подросток	14-18 лет

¹ Здесь и далее термин «взрослый» употребляется для индивидов, сохранность скелета которых не позволяют установить возраст в пределах 10-20 лет. Таким образом, данный термин указывает, что ростовые процессы завершены и индивид старше 20-25 лет. Но более точно определить возраст не удалось.

23 скелет 2	Ингумация	Женщина	30-39 лет
23 скелет 3	Ингумация	Женщина(?)	25-35 лет
24	Ингумация	Подросток	около 15 лет
25	Ингумация	Мужчина(?)	<u>45</u> -55 лет
26	Ингумация	Женщина(?)	35- <u>39</u> лет.
27 скелет 1	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
27 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	45-55 лет
28	Кремация	Пол не установлен	взрослый индивид
29	Ингумация	Женщина(?)	25-35
30	Кремация	Мужчина(?)	взрослый индивид
31 скелет 1	Ингумация	Женщина	35-45 лет
31 скелет	Ингумация	Мужчина	45 лет
32	Ингумация	не установлен	35-45 лет
33	Ингумация	не установлен	35-45 лет
35	Ингумация	Мужчина	<u>25</u> -35 лет
36	Ингумация	Женщина	20-29 лет
37	Ингумация	Мужчина	30-45 лет
38 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	30-45 лет
38 скелет 2	Ингумация	не установлен	взрослый индивид
39	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
40	Ингумация	не установлен	25-35 лет
41 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
41 скелет 2	Ингумация	Женщина	30-39 лет
42	Ингумация		взрослый индивид
43	Ингумация	Мужчина	50-55 лет
44	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
45 скелет 1	Ингумация	Мужчина	30-45 лет
45 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30-45 лет
45 скелет 3	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
45 скелет 4	Ингумация	Женщина	<u>25</u> -35 лет
45 скелет 5	Ингумация	не установлен	25-29 лет
46	Ингумация	Женщина	<u>25-29</u> лет
47	Ингумация	не установлен	30-39 лет
48	Ингумация	не установлен	25-39 лет
49	Ингумация	Индивид женского пола(?)	взрослый
50	Ингумация	Мужчина(?)	взрослый
51	Ингумация	не установлен	взрослый (до 35 лет)
52	Ингумация	Мужчина	<u>20</u> -29 лет
53	Ингумация	Женщина	35-45 лет
54 скелет 1	Ингумация	Женщина	20-29 лет
54 скелет	Ингумация	Мужчина	20-29 лет

55	Ингумация	Женщина	старше 45 лет
56	Ингумация	не установлен	взрослый индивид
57	Ингумация	Женщина	20-29 лет
58	Ингумация	Женщина(?)	35-45 лет
59	Ингумация	Женщина(?)	30-39 лет
60	Ингумация	Женщина(?)	20-35 лет
61	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
61 Амфора №1	Ингумация	Ребенок	около 6-9 месяцев
62 скелет 1	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
62 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	старше 25-30 лет
63	Ингумация	не установлен	25-35 лет
64	Ингумация	не установлен	старше 45 лет
65 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	25-45 лет
65 скелет 2	Ингумация	Мужчина	25-45 лет
66	Ингумация	Мужчина(?)	взрослый
67	Ингумация	Мужчина	20-25 лет
68	Ингумация	Женщина	30-39 лет
69	Ингумация	Женщина(?)	14-19 лет
70 скелет 1	Ингумация	не установлен	взрослый индивид
70 скелет 2	Ингумация	Мужчина	старше 40 лет
71	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
73	Ингумация	Мужчина	30-45 лет
74	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
75	Ингумация	Мужчина(?)	30-35 лет
76	Ингумация	Мужчина(?)	20-35 лет
77	Ингумация	Женщина	25-45 лет
79	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
80	Ингумация	не установлен	ребенок
81	Ингумация	Женщина	25-35 лет
82	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
83	Ингумация	Женщина(?)	15-25 лет
84	Ингумация	Мужчина	старше 30-35 лет
85 скелет 1	Ингумация	Женщина	30-39 лет
85 скелет 2	Ингумация	не установлен	20-29 лет
86 скелет 1	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
86 скелет 2	Ингумация	не установлен	30-39 лет
87	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
88	Ингумация	Мужчина(?)	25-35 лет
89 скелет 1	Ингумация	не установлен	20-29 лет
89 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30-45 лет
89 скелет 3	Ингумация	Мужчина(?)	40-49 лет
90	Ингумация	не установлен	25-45 лет
92 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	20-45 лет

92 скелет 2	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
93	Ингумация	не установлен	старше 25 лет
94 скелет 1	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
94 скелет 2	Ингумация	Ребенок	3-4 года
94 скелет 3	Ингумация	не установлен	20-29 лет
95 скелет 1	Ингумация	Женщина	20-35 лет
95 скелет 2	Ингумация	Ребенок	7-8 лет
96 скелет 1	Ингумация	Женщина	30-39 лет
96 скелет 2	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
97 скелет 1	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
97 скелет 2	Ингумация	Ребенок	около 3-7 лет
98	Ингумация	Ребенок	около 5 лет
99	Ингумация	Подросток	14-19 лет
100	Ингумация	Мужчина	20-29 лет
101	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
102	Ингумация	не установлен	15-25 лет
103	Ингумация	не установлен	20-29 лет
104 скелет 1	Ингумация	Женщина	25-35 лет
104 скелет 2	Ингумация	Женщина	25-35 лет
105	Ингумация	не установлен	около 25-35 лет
106 скелет 1	Ингумация	Женщина	25-35 лет
106 скелет 2	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
107	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
108	Ингумация	Женщина(?)	старше 45 лет
109	Ингумация	Женщина	30-39 лет
110 скелет 1	Ингумация	Женщина	35-45 лет
110 скелет 2	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
111	Ингумация	Женщина	35-45 лет
112 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	25-29 лет
112 скелет 2	Ингумация	не установлен	взрослый индивид
113 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	35-39 лет
114	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
115 скелет 1	Ингумация	Женщина	25-29 лет
115 скелет 2	Ингумация	Мужчина	старше 40 лет
116	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
117	Ингумация	Женщина(?)	25-35 лет
118	Ингумация	Женщина	30-39 лет
119	Ингумация	Женщина	30-39 лет
120	Ингумация	Мужчина	30-35 лет
121	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
122	Ингумация	не установлен	18-25 лет
123 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	35-55 лет
123 скелет 2	Ингумация	Ребенок	3-4 года

124	Ингумация	Женщина	35-45 лет
125	Ингумация	не установлен	старше 45 лет
126 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	25-35 лет
126 скелет 2	Ингумация	не установлен	35-45 лет
128	Ингумация	не установлен	старше 45 лет
129	Ингумация	не установлен	взрослому индивиду
130 скелет 1	Ингумация	не установлен	30-45 лет
130 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
131	Ингумация	Женщина(?)	25-35 лет
132 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	25-35 лет
132 скелет 2	Ингумация	Ребенок	около 4 лет
133 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
133 скелет 2	Ингумация	не установлен	взрослый
134	Ингумация	Женщина(?)	35-45 лет
135	Ингумация	-----	----- -----
136 скелет 1	Ингумация	не установлен	25-45 лет
136 скелет 2	Ингумация	не установлен	взрослый
136 скелет 3	Ингумация	не установлен	не установлен
136 скелет 4	Ингумация	не установлен	35-55 лет
137 скелет 1	Ингумация	Ребенок	3-4 года
140	Ингумация	Женщина	20-35 лет
141	Ингумация	Мужчина	старше 50 лет
142 скелет 1	Ингумация	не установлен	взрослый
142 скелет 2	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
142 скелет 2	Ингумация	Мужчина (?)	взрослый
143	Ингумация	Мужчина	25-29 лет
144	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
145	Ингумация	не установлен	35-45 лет
146	Ингумация	Мужчина(?)	35-45 лет
147 скелет 1	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
147 скелет 2	Ингумация	Мужчина(?)	25-35 лет
148 скелет 1	Ингумация	Мужчина (?)	старше 45 лет
148 скелет 2	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
149	Ингумация	не установлен	взрослый
150	Ингумация	Ребенок	около 3-4 лет
151	Ингумация	не установлен	старше 35 лет.
152	Ингумация	Женщина	25-49 лет
154 скелет 1	Ингумация	Подросток	14-19 лет
154 скелет 1	Ингумация	не установлен	25-30 лет
154 скелет 2	Ингумация	не установлен	30-39 лет

154 скелет 3	Ингумация	не установлен	<u>12-19</u> лет
154 скелет 4	Ингумация	не установлен	20-49 лет
154 скелет 5	Ингумация	не установлен	взрослый
155 скелет 1	Ингумация	не установлен	35-55 лет
155 скелет 2	Ингумация	Ребенок	около 5-6 лет
155 скопление 1	Ингумация	Женщина	взрослый
155 скопление 2	Ингумация	Мужчина	взрослый
155 скопление 3	Ингумация	Мужчина, женщина и ребенок	(взрослые), около 5-6 лет
156	Ингумация	Ребёнок	1,5-2 лет
157 скелет 1	Ингумация	не установлен	взрослый
157 скелет 2	Ингумация	Мужчина(?)	20-49
158 скелет 1	Ингумация	не установлен	35-45 лет
158 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
159	Ингумация	Мужчина	30-39
160	Ингумация	Женщина	25-35 лет
161	Ингумация	Ребенок	около 8 лет
162	Ингумация	Ребенок	около 7-9 лет
163 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	старше 50
163 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	старше 50 лет
164	Ингумация	Женщина(?)	20-35 лет
165	Ингумация	Ребенок	около 6 лет
166 скелет 1	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
166 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	35-45 лет
167	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
168	Ингумация	Женщина(?)	25- <u>35</u> лет
169	Ингумация	Женщина (?)	30-45 лет
170	Ингумация	Мужчина	35-39 лет
171 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	25-39 лет
171 скелет 2	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
172 скопление 1	Ингумация	Мужчина(?)	Не установлен
172 скопление 2	Ингумация	не установлен	взрослый
172 скопление 3	Ингумация	Не установлен	взрослый
172 скопление 4	Ингумация	не установлен, не установлен	30-39 лет, 25-35 лет
172 скопление 5	Ингумация	Не установлен	не установлен
172 индивид 1	Ингумация	мужчина	старше 45 лет
172 индивид 2	Ингумация	женщина	25-45 лет
172 индивид 3	Ингумация	не установлен	взрослый
174 скелет 1	Ингумация	Женщина	25-35 лет
174 скелет 2	Ингумация	Ребенок	6-7 лет

175 скопление 1	Ингумация	не установлен	не установлен
175 скопление 2	Ингумация	Мужчина (?)	старше 35 лет
175 скопление 3	Ингумация	Женщина (?)	20-49 лет
175 скопление 3	Ингумация	мужчина	35-45 лет
175 скопление 3	Ингумация	женщина	20-49 лет
175 скопление 3	Ингумация	не установлен	<u>20-49</u> лет
176	Ингумация	Женщина	старше 25 лет
177 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	30- <u>39</u> лет
177 скелет 2	Ингумация	Мужчина	<u>25-29</u> лет
178	Ингумация	Женщина(?)	40-55 лет
179	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
180	Ингумация	Женщина(?)	30-39 лет
182 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	старше 30 лет
183 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
183 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	25-45 лет
183 скелет 3	Ингумация	Ребенок	около 3 лет
184	Ингумация	Мужчина	взрослый
184	Ингумация	Женщина	20-29 лет
185	Ингумация	Женщина	25-35 лет
186	Ингумация	Женщина	25-35 лет
187	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
188	Ингумация	Женщина(?)	35-45 лет
189	Ингумация	Женщина(?)	40- <u>49</u> лет
190	Ингумация	Мужчина	старше 50 лет
191 скелет 1	Ингумация	Женщина	25-35 лет
191 скелет 2	Ингумация	Мужчина	40-55 лет
192	Ингумация	Женщина	30-39 лет
193	Ингумация	Женщина(?)	30-45 лет
194	Ингумация	Женщина (?)	45-55 лет
195	Ингумация	Женщина	<u>25-35</u> лет
196 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	25-45 лет
196 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
198	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
199	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
200	Ингумация	не установлен	20-39 лет
201	Ингумация	не установлен	35-39 лет
202	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
203 скелет 1	Ингумация	не установлен	20-39 лет
203 скелет 2	Ингумация	Мужчина	40- <u>49</u> лет
205 скелет 1	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
205 скелет 2	Ингумация	Женщина	30-39 лет
206	Ингумация	Женщина	35- <u>45</u> лет
207 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	30-39 лет

207 скелет 2	Ингумация	Ребенок	около 2 лет
207 скелет	Ингумация	не установлен	около 30-39 лет
208	Ингумация	не установлен	<u>30</u> -39 лет
209 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
209 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	25-35 лет
210	Ингумация	Ребенок	около 8-9 лет
211	Ингумация	Женщина	25-30 лет
212	Ингумация	Женщина	25-35 лет
213	Ингумация	Женщина(?)	<u>35</u> -45 лет
214	Ингумация	Мужчина	45-55 лет
215	Кремация	Мужчина	старше 40 лет
216 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 40 лет
216 скелет 2	Ингумация	Женщина (?)	25-35 лет
217	Ингумация	Мужчина(?)	25-29 лет
218 скелет 1	Ингумация	Женщина	25-30 лет
218 скелет 2	Ингумация	Ребенок	около 4 лет
219	Ингумация	не установлен	35-55 лет
220	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
221 скелет 1	Ингумация	Мужчина	<u>35</u> -45 лет
221 скелет 2	Ингумация	Ребенок	2-3 года
223	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
224	Ингумация	не установлен	35-55 лет
225	Ингумация	Женщина(?)	25-35 лет
226	Ингумация	Ребенок	3-4 лет
227	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
228	Ингумация	не установлен	старше 35 лет
229	Ингумация	не установлен	старше 35 лет
230	Ингумация	Женщина	30-35 лет
231	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
232 скелет 1	Ингумация	Женщина	25- <u>35</u> лет
232 скелет 2	Ингумация	не установлен	18-29 лет
233	Ингумация	Ребенок	около 4 лет
234	Ингумация	Женщина	25-35 лет
235	Ингумация	Женщина(?)	<u>35</u> -45 лет
236	Ингумация	не установлен	25-35 лет
237	Ингумация	Ребенок	около 5 лет
238	Ингумация	Женщина(?)	25-29 лет
239	Ингумация	Мужчина	<u>40</u> -49 лет
240	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
241	Ингумация	Мужчина(?)	старше 50 лет
242	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
243 скелет 1	Ингумация	не установлен	взрослый
243 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	35-39 лет

244 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	25-35 лет
244 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	14-19 лет
245	Ингумация	Женщина(?)	25-39 лет
246	Ингумация	Женщина	35-45 лет
247	Ингумация	не установлен	14-29 лет
248	Ингумация	14-29 лет	25-45 лет
249	Ингумация	Женщина	20-35 лет
250 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	30-39 лет
250 скелет 2	Ингумация	Мужчина	старше 50
251	Ингумация	Женщина(?)	старше 45
252	Ингумация	Ребенок	около 4-5 лет
253	Ингумация	Ребенок	7-9 лет
254	Ингумация	Женщина(?)	старше 50 лет
255	Ингумация	Мужчина	20-25 лет
256	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
257	Ингумация	Мужчина(?)	25-35 лет
259	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
260	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
261	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
262	Ингумация	Женщина	25-35 лет
263	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
264	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
265	Ингумация	Мужчина	старше 40 лет
266	Ингумация	Ребенок	6-7 лет
267	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
269	Ингумация	Женщина	20-29 лет
270	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
271	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
272	Ингумация	не установлен	25-49 лет
273	Ингумация	Мужчина	30-35 лет
274	Ингумация	не установлен	старше 40 лет
275	Ингумация	Женщина	30-39
276	Ингумация	Мужчина	20-29 лет
277	Ингумация	-	-
278	Ингумация	Ребенок	около 5-6 лет
279	Ингумация	Женщина	30-49 лет
280	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
281 скелет 1	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
281 скелет 2	Кремация	не установлено	взрослый
282	Ингумация	Мужчина(?)	30-39 лет
283	Ингумация	не установлен	старше 50 лет
284	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
286	Ингумация	Мужчина	старше 50 лет

287 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	35-45 лет
287 скелет 2	Ингумация	Мужчина	25-29 лет
288 скелет 1	Ингумация	Мужчина	<u>25</u> -35 лет
289	Ингумация	Мужчина	30-35 лет
290	Ингумация	Ребенок	6-7 лет
291	Ингумация	Мужчина	40-49 лет
292	Ингумация	Мужчина	старше 50 лет
293	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
294	Ингумация	Мужчина	25-35 лет
2	Кремация	не установлен	взрослый
296	Ингумация	Ребенок	2-6 лет
297 скелет 1	Ингумация	Мужчина	30-45 лет
297 скелет 2	Ингумация	Мужчина	18-25 лет
298	Ингумация	Женщина	25-39 лет
299	Ингумация	Женщина(?)	<u>25</u> -35 лет
300	Ингумация	не установлен	старше 45 лет
301	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
302	Ингумация	не установлен	старше 45 лет
303	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
304 скелет 1	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
304 скелет 2	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
305	Ингумация	Ребенок	около 4-5 лет
306	Ингумация	Женщина(?)	45-55 лет
307	Ингумация	не установлен	30- <u>45</u> лет
308	Ингумация	Женщина(?)	30-35 лет
309	Ингумация	Женщина(?)	20-35
310	Ингумация	Мужчина	20- <u>25</u> лет
311	Ингумация	Женщина	40- <u>49</u> лет
312	Ингумация	Женщина(?)	30-39 лет
313	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
314 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
314 скелет 2	Ингумация	Ребенок	2-3 года
315	Ингумация	Женщина	45-49 лет
316	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
317 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	старше 50 лет
317 скелет 2	Ингумация	Мужчина	старше 45 лет
318 скелет 1	Ингумация	Женщина	20-29 лет
318 скелет 2	Ингумация	Младенец	не старше года
319 скелет 1	Ингумация	Мужчина	30-39 лет
319 скелет 2	Ингумация	Мужчина	30- <u>35</u> лет
320	Ингумация	Женщина(?)	30-39 лет
321 скелет 1	Ингумация	Мужчина	старше 50
321 скелет 2	Ингумация	Женщина(?)	35-45 лет

322	Ингумация	Ребенок	около 9 лет
323	Ингумация	Женщина	25-35 лет
324	Ингумация	Мужчина	старше 40 лет
325 скелет 1	Ингумация	Женщина(?)	30-39 лет
325 скелет 2	Ингумация	Ребенок	около 5 лет
326	Ингумация	Мужчина	35-45 лет
327	Ингумация	Подросток	около 15 лет
328 скелет 1	Ингумация	Мужчина(?)	35-49 лет
328 скелет 2	Ингумация	не установлен, не установлен	18-25 лет, 20-29 лет
329	Ингумация	не установлен	35-39 лет
330	Ингумация	Мужчина	<u>25</u> -35 лет
331	Ингумация	Женщина	14-25
332	Ингумация	Женщина	25-35 лет

Приложение 3.

Датировка погребений некрополя Фронтовое 3 (по Свиридов, Языков, 2023; Свиридов, Языков, 2024).

1.	начало II в.
2.	конец I – начало II в.
3.	середина – конец III в.
4.	около конца I – середины II в.;
5.	1-я половина – середина III в.
6.	2-я половина III – начало IV в.
7.	2-я половина III – начало IV в.
8.	1-я половина III в.
9.	2-я половина III – начало IV в.
10.	1-я половина III в.
11.	2-я половина III – начало IV в.
12.	2-я половина III – начало IV в.
13.	середина – 2-я половина III в.;
14.	2-я половина III в.
15.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
16.	конец III – 1-я половина IV в.
17.	2-я половина III – начало IV в.
18.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
19.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
20.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
21.	конец III – 1-я половина IV в.
22.	1-я половина – середина IV в.
23.	2-я треть IV в.
24.	1-я половина II в.
25.	конец I – начало II в.
26.	1-я половина – середина III в.
27.	середина – 2-я половина III в.
28.	конец II – первая половина III в. н. э.;
29.	2-я половина III – середина IV в.
30.	конец II – первая половина III в. н. э.
31.	середина – 2-я половина III в.
32.	2-я половина III – начало IV в.
33.	середина III – начало IV в.;
34.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
35.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
36.	1-я половина II в.
37.	2-я половина III – середина IV в.
38.	вторая половина III в.
39.	1-я половина – середина IV в.
40.	1-я половина – середина IV в.
41.	2-я треть IV в.
42.	бронзовый век.
43.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
44.	2-я треть IV в.
45.	2-я половина III – 1-я половина IV в.

46.	конец III – вторая половина IV в.
47.	2-я треть IV в.
48.	1-я половина – 3-я четверть IV в.
49.	середина IV в.
50.	середина IV в.
51.	конец IV – начало V в.
52.	конец IV – начало V в.
53.	2-я половина II – 1-я половина III в.
54.	1-я половина III в.
55.	2-я половина II – 1-я половина III в.
56.	конец II – 1-я половина III в.;
57.	2-я половина II – 1-я половина III в.
58.	2-я половина II – 1-я половина III в.
59.	конец II – 1-я половина III в.
60.	2-я половина II – 1-я половина III в.
61.	конец II – 1-я половина III в.
62.	конец II – 1-я половина III в.
63.	конец II – 1-я половина III в.
64.	конец I – начало II в.
65.	конец II – середина III в.
66.	2-я половина II – 1-я половина III в.
67.	конец II – 1-я половина III в.
68.	конец II – 1-я половина III в.
69.	конец II – 1-я половина III в.
70.	конец II – 1-я половина III в.
71.	конец II – 1-я половина III в.
72.	конец II – первая половина III в.
73.	конец II – 1-я половина III в.
74.	конец II – 1-я половина III в.
75.	конец II – 1-я половина III в.
76.	конец II – 1-я половина III в.
77.	конец II – 1-я половина III в.
78.	конец II – первая половина III в. н. э.;
79.	конец II – 1-я половина III в.
80.	конец II – 1-я половина III в.
81.	1-я половина – 3-я четверть III в.
82.	конец II – 1-я половина III в.
83.	конец II – 1-я половина III в.
84.	конец II – первая половина III в. н. э
85.	конец III – 3-я четверть IV в.
86.	2-я половина IV – начало V в.
87.	2-я половина IV – начало V в.
88.	2-я треть IV в.
89.	2-я треть IV в.
90.	1-я половина – 3-я четверть IV в
91.	2-я треть IV в.
92.	2-я треть IV в.
93.	1-я половина – середина III в.
94.	середина – вторая половина III в.
95.	2-я половина III в.

96.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
97.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
98.	конец III – 2-я половина IV в.
99.	2-я треть IV в.
100.	2-я треть IV в.
101.	2-я половина IV в.
102.	III – 1-я половина IV в.
103.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
104.	2-я треть IV в.
105.	2-я треть IV в.
106.	2-я половина III – 1-я половина IV в.
107.	2-я половина II – 1-я половина III в.
108.	II в.
109.	1-я половина – середина II в.
110.	конец II – 1-я половина III в.
111.	конец II – 1-я половина III в.
112.	конец II – 1-я половина III в.
113.	конец II – 1-я половина III в.
114.	конец II – 1-я половина III в.
115.	конец II – 1-я половина III в.
116.	конец II – 1-я половина III в.
117.	конец II – 1-я половина III в.
118.	конец II – 1-я половина III в.
119.	конец II – 1-я половина III в.
120.	конец II – 1-я половина III в.
121.	2-я половина II – 1-я пол. III в.
122.	2-я половина II – 1-я пол. III в.
123.	2-я половина II – 1-я пол. III в.
124.	2-я половина II – 1-я пол. III в.
125.	Около середины II в.
126.	Около 3-й трети II в.
127.	Последняя треть II – 1-я пол. III в.
128.	Последняя треть II – 1-я пол. III в.
129.	Последняя треть II – 1-я пол. III в.
130.	Последняя треть II – 1-я пол. III в.
131.	Последняя треть II – 1-я пол. III в.
132.	Последняя треть II – 1-я пол. III в.
133.	2-я половина III в.
134.	2-3 четверть IV в.
135.	2-3 четверть IV в.
136.	середина – 2-я половина IV в.
137.	2-3 четверть IV в.
138.	2-3 четверть IV в.
139.	2-3 четверть IV в.
140.	2-3 четверть IV в.
141.	2-3 четверть IV в.
142.	середина – 2-я пол. IV в.
143.	середина – 2-я пол. IV в.
144.	Вторая половина IV – начало V в.
145.	середина – 2-я половина III в.

146	середина – 2-я половина III в.
147	Конец II - 1-я половина III в.
148	конец II - 1-я половина III в.
149	Около 2-я половины II в.
150	конец II - 1-я половина III в.
151	конец II - 1-я половина III в.
152	конец II - 1-я половина III в.
153	Вторая половина II - 1-я половина III в.
154	середина – 2-я пол. IV в.
155	2-я половина IV – нач. V в.
156	середина – 2-я половина IV в.
157	середина – 2-я половина IV в.
158	конец IV в.
159	конец IV – начало V в.
160	2-я пол. IV – начало V в.
161	III в
162	середина – 2-я половина III в.
163	середина - 2-я половина II вв.
164	конец II – 1-я половина III в.
165	Конец II – начало III в.
166	Конец II – 1-я треть III в.
167	конец II – 1-я половина III в.
168	конец II – 1-я половина III в.
169	2-я половина II – 1-я половина III в.
170	конец II – 1-я половина III в.
171	2-я половина IV – начало V в.
172	конец IV – начало V в.
173	конец IV – начало V вв.
174	конец IV – начало V в.
175	конец IV – начало V в.
176	конец IV – начало V в.
177	конец IV – начало V в.
178	конец IV – начало V в.
179	конец II – 1-я половина III в.
180	середина /вторая половина II – 1-я половина III в.
181	II – 1-я половина III в.
182	конец II – 1-я половина III в.
183	конец II – 1-я половина III в.
184	конец II – 1-я половина III в.
185	конец I – вторая половина III в.
186	конец II – 1-я половина III в.
187	II в.
188	II в.
189	II – начало III в.
190	II – начало III в.
191	конец II – 1-я половина III в.
192	1-я пол. – середина II в.
193	конец II – 1-я половина III в.
194	1-я половина – середина II в.
195	конец II – 1-я половина III в.

196	середина II – 1-я половина III вв.
197	середина II – 1-я половина III вв.
198	середина II – 1-я половина III вв.
199	конец II в.
200	конец II – 1-я половина III в.
201	конец II – 1-я половина III в.
202	2-я половина II в.
203	конец II – начало III в.
204	середина II – 1-я половина III в.
205	2-й половина II – первые десятилетия III в.
206	конец IV – начало V в.
207	конец II – начало III в.
208	конец II – 1-я половина III в.
209	середина II – 1-я половина III в.
210	середина II – 1-я половина III в.
211	конец II – 1-я половина III в.
212	конец II – 1-я половина III в.
213	конец II – 1-я половина III в.
214	конец I – 2-я половина II в.
215	1-я половина II в.
216	середина – 2-я половина II в.
217	II – 1-я пол. III вв.
218	середина - 2-й пол. II в.
219	1-я половина – середина II в.
220	середина – 2-я половина II в.
221	конец II – начало III в.
222	II – начало III в.
223	конец I – середина II вв.
224	середина – 2-я половина II в.
225	конец II – начало III в.
226	середина – 2-я половина II в.
227	1-я половина – середина II в.
228	конец I – 1-я половина II вв.
229	конец I – начало II вв.
230	конец II – 1-я половина III в.
231	середина – 2-я половина II в.
232	конец II – 1-я половина III в.
233	II в.
234	1-я половина – середина II в.
235	1-я половина II – середина II в.
236	II – 1-я половина III вв.
237	1-я пол. – середина II в.
238	2-я половина II в. - 1-я пол. III в.
239	1-я половина – середина II в.
240	2-я половина II в
241	Конец I – 1-я четверть II вв.
242	2-я половина II в.
243	2-я половина II – начало III в.
244	конец II – 1-я пол. III в.
245	II в.

246	конец I – 1-я четверть II в.
247	1-я половина II в.
248	конец I – II в.
249	не позднее II в.
250	2-я половина II в.
251	3-й трети II в.
252	конец I – 1-я четверть II в.
253	1-я половина – середина II в.
254	конец II – 1-я четверть (половина?) III в.
255	конец II – 1-я половина III в.
256	2-3-я четверть II в.
257	2-я половина II – начало III в.
258	середина – 2-я половина II в.
259	середина – 2-я половина II в.
260	конец I – 1-я четверть II вв.
261	середина – 2-я половина II в.
262	1-я половина – середина II в.
263	конец I – 1-я половина II в.
264	II в.
265	около середины II в.
266	1-3-я четверти II в.
267	конец I – 1-я четверть II вв.
268	II в.
269	середина II в.
270	1-я половина – середина II в.
271	конец I – 1-я четверть II вв.
272	II в.
273	конец I – 1-я половина II вв.
274	II в.
275	конец I – 1-я четверть II в.
276	конец I – 1-я четверть II в.
277	1-я половина – середина II в.
278	1-я половина – середина II в.
279	конец I - 1-я половина (середина?) II в.
280	конец I – начало II в.
281	конец I – 1-я четверть II в.
282	II в.
283	середина – 2-я половина II в.
284	1-я половина II в.
285	конец I – середина II вв.
286	2-я четверть – 2-я половина II в.
287	северный подбой – конец I – начало II в.; южный подбой - 2-я половина II – 1-я половина III в.
288	конец II – 1-я половина III в.
289	1-я половина II в.
290	II век
291	середина – 2-я половина II в.
292	1-я половина – середина II в.
293	середина II – 1-я половина III в.
294	конец I – 1-я четверть II вв.

295	конец I – 1-я половина II вв.
296	конец I – начало II в.
297	конец I – 1-я четверть II вв.
298	конец I – 1-я четверть II вв.
299	конец I в.
300	конец I – 1-я четверть II в.
301	1-я половина II в.
302	конец I – начало II в.
303	1-я половина – середина II в.
304	конец I – 1-я четверть II в.
305	конец I — первая половина II в.
306	1-я половина – середина II в.
307	конец I – 1-я четверть II вв.
308	1-я четверть II в.
309	конец I – начало II в.
310	бронзовый век
311	бронзовый век
312	конец I – первая половина II в.
313	конец I – начало II в.
314	конец I – начало II в.
315	1-я половина – середина II в.
316	1-я половина II в.
317	конец I – начало II вв.
318	конец I – начало II вв.
319	конец I – 1-я половина II в.
320	конец I – начало II вв.
321	конец II – 1-я половина III вв.
322	конец I – 1-я половина II вв.
323	1-я половина – середина II в.
324	конец I – 1-я четверть II в.
325	конец I – 1-я четверть II вв.
326	середина II в.
327	1-я четверть II в.
328	конец I – 1-я четверть II вв.
329	конец I – 1-я четверть II вв.
330	1-я пол. – середина II в.
331	бронзовый век
332	конец I – начало II в.

Приложение 4

Сводная таблица данных по погребальным сооружениям, погребальному обряду и отдельным категориям инвентаря некрополя Фронтное 3

Первоначально в программе MS Excel была создана общая таблица, которая включает в себя набор различных погребальных элементов и отдельных элементов инвентаря, характеризующих погребальные сооружения могильника.

Таблица сформирована последовательно по могильным сооружениям от 1 до 332. В столбце нумерации в случаях где в могиле имеется два подбоя, или в грунтовым склепе выявлено несколько погребений под каждый случай отведена отдельная строка. Здесь же указывается информация об ограблении могилы в древности.

Первый блок признаков связан с описанием погребальных сооружений и включает в себя следующие признаки: наличие или отсутствие надгробных маркеров, тип погребального сооружения, наличие или отсутствие кремации, структура заклада, наличие и положение древесного тлена, расположение дна подбоя относительно входной ямы. Второй блок признаков связан с положением погребенного, включает в себя следующие признаки: пол погребенного, ориентировку и положение погребенного, наличие камней, подпирающих тело, положение головы, рук и ног погребенного. Третий блок признаков связан с сопроводительным инвентарем и напутственной пищей и включает в себя: наличие и расположение кости копытного животного, наличие или отсутствие яичной скорлупы и костей птицы, описание формы и расположения керамических сосудов, наличие отдельных предметов инвентаря (стеклянных сосудов, монет, шкатулки, удил, клинка с вырезами, меча, браслета, зеркал, игольниц, пряслиц).

Условные обозначения к сводной таблице данных по погребальным сооружениям, погребальному обряду и отдельным категориям инвентаря некрополя Фронтное 3

Обозначение в столбце «№ П/П»

СП – северный подбой

ЮП – южный подбой

К1, К2 – номер костяка

К2 – костяк №2

Обозначение в столбце «наличие разрушений»

Разр. – разрушена

Обозначение в столбце «тип погребения»

СП – северный подбой

ЮП – южный подбой

Амф. – амфора

Грун. – грунтовая могила

ГС – грунтовый склеп

Обозначение в столбце «форма заклада»

Навал – навал камней

В – вертикально установленные камни

Г – горизонтально уложенные камни

ВГ – вертикальные камни на горизонтальных

1Р – камни в один ряд

Обозначение в столбце «деревянный тлен»

Г – тлен за головой погребенного

Р – тлен в районе рук погребенного

Тело – тлен по периметру погребенного

Н – тлен в ногах погребенного

Подс. – органическая подстилка под погребенным

Обозначение в столбце «пол»

М – мужчина

Ж – женщина

Р – ребенок

? – пол установлен предварительно

Обозначение в столбце «положение»

НС – на спине

ЗП – завал на правый бок

Ж - на животе

ЗЛ – завал на левый бок

Истл. – истлел

Обозначение в столбце «подложка камня»

Л – камни под левой частью костяка

П – камни под правой частью костяка

Обозначение в столбце «положение черепа»

П – на правой стороне

Зат. – на затылочных костях

Л – на левой стороне

См. – смещен

Обозначение в столбцах «правая/левая рука/кисть, ноги, стопы»

Пря. – прямая

Таз – на тазовых костях

См. – смещена

СЛ – согнута левая

СПр. – согнута правая

СК – согнуты в коленях

Свед. – сведены

? – кости истлели, установить затруднительно

- - нет информации

Обозначение в столбце «пересечение, стопы»

См. – смещены

ПхЛ – правая на левой

ЛхП – левая на правой

Обозначение в столбце «КЖ – кость животного»

КРС – крупный рогатый скот

МРС – мелкий рогатый скот

Лош. – лошадь

ПТ – птица

Обозначение в столбце «Расположение КЖ, расположение керамики»

ОФ – на сосуде открытой формы

Ч – на черепе

ЗГ – за головой погребенного

Н – в ногах

Запол. – в заполнении ямы

ЛП – левое плечо

ПЧ – справа от черепа

Обозначение в столбце «сосуды ЗФ – закрытой формы, сосуды ОФ – открытой формы»

КК –краснолаковый кувшин

КБ – краснолаковое блюдо

КА – краснолаковая амфора

КТ – краснолаковая тарелка

КМ – краснолаковая миска

ККр – краснолаковая кружка

КО – краснолаковая ойнохойя

ЛМ – лепная миска

ЛК – лепной кувшин

ЛГ – лепной горшок

ЛКр – лепная кружка

Унгв. – унгвентарий

Канф. – канфар

Амф. – амфора светлоглиняная

Обозначение в столбце «стеклян. сосуд, стекл. сосуд в руке, браслет,

ЗГ – за головой

ПР – правая рука

ЛР – левая рука

Н – в ногах

См. - смещен

Запол. – в заполнении ямы

Обозначение в столбце «фибула на плече»

П – правое плечо

Л – левое плечо

Гр – грудная клетка

Ч - череп

Обозначение в столбце «Ожерелье»

Мал. – небольшая низка бус

Обозначение в столбце «Серьга»

Щит. – серьга со щитком

Планк. – серьга шарнирная с планкированием

Пров. – серьга проволочная

Приложение 4. Могилы 1-12.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
1	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	?	?	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
2	нет	нет	СП	нет	В	Г	да	Р	В	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	СЛ	Таз	Пря.	нет	Свед.	КРС	ОФ
3СП	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	да	?	ЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	Ч
3ЮП	нет	есть	ЮП	нет	ВГ	Г	нет	?	ЮВ	НС	нет	Зат.?	Пря.	Таз	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
4	нет	нет	Амф	есть	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	СПр.	Таз	Пря.	Таз	Прям	нет	Свед.	КРС	грудь
6К1	нет	нет	Грун.	нет	навал	Р	нет	М	См.	См.	нет	Зат.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
6К2	нет	нет	Грун.	нет	навал	Р	нет	М	См.	См.	нет	Лиц.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
7СП	нет	есть	СП	нет	Г	тело	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	СПр.	Таз	Пря.	?	Свед.	нет	?	нет	нет
7ЮП	нет	есть	ЮП	нет	Г	Н	нет	М	ВЮВ	НС	Л	Зат.	СПр.	Таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
8	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж?	В	НС	нет	?	СПр.	Таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
9СП	Огр.	нет	СП	нет	навал	нет	нет	нет	-	-	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	нет	нет
9ЮП	Огр.	нет	ЮП	нет	навал	нет	да	Ж, 2М	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	КРС	ЗГ
10СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ЮВ	ЗП	нет	П	СПр.	Таз	СЛ	Таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
10ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	М	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	Пря.	Таз	прям	нет	?	нет	нет
11СП	Огр.	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
11ЮП	Огр.	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	?	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	КРС	ЗГ
12	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	да	Ж	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	Пря.	?	Пря.	нет	?	нет	нет

Приложение 4. Могилы 1-12. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
1	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
2	нет	ЗГ, Ч	КК	КТ	нет	мал?	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	нет	нет	нет
3СП	нет	Ч	нет	ЛМ	ЗГ	нет	есть	нет	есть	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	Щит.	нет	нет
3ЮП	нет	ЗГ+Н	КК	КТ	ПР	нет	нет	ПР	есть	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
6К1	нет	нет	нет	нет	смещ	нет	?	нет	есть	нет	?	нет	Кинж.	нет	нет	нет	Планк.	есть	нет
6К2	нет	нет	нет	нет	смещ	нет	?	нет	есть	нет	?	нет	Кинж.	нет	нет	нет	Планк.	есть	нет
7СП	нет	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	нет	ПР, ЛР	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
7ЮП	нет	нет	нет	нет	ПР	мал?	нет	ПР	есть	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
8	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	есть	нет	нет	таз	Л	нет	нет	нет	2 ЛР	нет	Пров.	нет	есть
9СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
9ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	?	нет	нет	нет	нет	есть	щит	нет	нет
10СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
10ЮП	нет	ЗГ	КК, КА	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
11СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Щит.	нет	нет
11ЮП	нет	ЗГ	2 КК	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Щит.	нет	нет
12	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 13-25.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма захлада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен не КЖ
13СП	нет	есть	СП	нет	навал	нет	нет	Р?	ВЮВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
13ЮП	нет	есть	ЮП	нет	навал	нет	нет	Р?	ВЮВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
14	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	М	В	ЗП	нет	П	СПр.	Пря.	Пря.	Пря.	СК	нет	Свед.	нет	нет
15	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М?	См.	См.	нет	Зат.	См.	См.	См.	См.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
16К1	нет	нет	ГС	нет	-	нет	да	Ж?	Ю	Ж	нет	П	?	?	СЛ	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
16К2	нет	нет	ГС	нет	-	Г, подс..	да	М	ЮВ	НС	П	Зат.	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
16К3	нет	нет	ГС	нет	-	нет	да	Ж	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	КРС	тело
17	нет	нет	СП	нет	навал	тело	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
18	нет	нет	Грунт	нет	нет	нет	нет	Лош.	З	ЗЛ	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	да	Р	В	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
20	нет	нет	СП	нет	навал	Г, Н, подс.	нет	?	ЮВ	НС	нет	?	?	таз	?	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
21	нет	нет	СП	нет	ВГ	тело	да	?	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЛР
22СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	Пря.	?	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
22ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	нет	?	ВЮВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ЗГ
23СПК1	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	2 КРС	ЗГ
23СПК2	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	СПр.	таз	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	2 КРС	ЗГ
23ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	П	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
24	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Р	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	?	МРС	ОФ ЗГ
25	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г	да	М?	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	КРС	ОФ ЗГ

Приложение 4. Могилы 13-25. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
13СП	нет	нет	нет	нет	ПР?	мал	есть	ПР	нет	нет	да ?	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	щит	нет	нет
13ЮП	нет	ЗГ+Н	КК, ЛК	КМ, КЧ	ПР	мал	есть	ПР	нет	нет	да ?	нет	нет	нет	ЛР	нет	Планк.	нет	нет
14	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
15	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
16К1	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
16К2	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	есть	нет	нет	нет
16К3	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Планк.	нет	нет
17	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	нет	ЗГ	ЛК	нет	ЛР ?	мал	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
20	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	топор	нет	нет	нет	нет	нет	нет
21	нет	ЗГ	ЛК	нет	ПР	мал	есть	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР	нет	Планк.	нет	есть
22СП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Планк.	нет	нет
22ЮП	нет	ЗГ	КК	КБ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
23СПК1	есть	ЗГ	ЛГ	КМ, ЛМ	ЗГ	мал	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
23СПК2	нет	ЗГ	ЛК	нет ?	ЗГ	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
23ЮП	нет	ЗГ	нет	КМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	копье	нет	нет	нет	нет	нет	нет
24	нет	ЗГ	КО	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
25	нет	ЗГ	КК	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л, П?	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 26-39.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
26	нет	есть?	СП	нет	навал	Н	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Л	СПр.	таз	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
27СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
27ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	?	Пря.	таз	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
28СП	нет	нет	СП	есть	ВГ	нет	нет	?	?	?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
28ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	да	пусто	?	?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
29	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Л	?	?	?	?	СК	нет	?	нет	нет
30	нет	нет	СП	есть	ВГ	нет	да	М?	?	?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	КРС	ЗГ
31СП	Огр.	нет	СП	нет	навал	нет	да	Ж	?	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ВЗ
31ЮП	Огр.	нет	ЮП	нет	навал	нет	да	М	?	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ВЗ
32	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
33	нет	есть	СП	нет	навал	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	П	?	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
34	нет	нет	яма	нет	нет	нет	нет	?	?	?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
35	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М	ЮВ	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
36	нет	нет	СП	нет	нет	Г, Н	нет	Ж	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	МРС	ОФ
37	нет	нет	ЮП	нет	навал	Н	нет	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ПП
38СП	нет	нет	СП	нет	навал	Н	нет	М?	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
38ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г, Н	нет	?	ВЮВ	НС	П	зат	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
39	нет	нет	ЮП	нет	навал	Н	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	?	Пря.	нет	Пря.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 26-39. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
26	нет	Н	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
27СП	нет	Ч	КК	нет	? Р	мал	нет	ПН	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
27ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	мал	есть	ПН	есть	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР, Гр	есть	Пров.	нет	есть
28СП	нет	ЗГ	ЛК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
28ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
29	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
30	нет	ЗГ	ЛК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
31СП	нет	Н	КК	нет	Запол.	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Планк.	нет	нет
31ЮП	нет	нет	нет	нет	Запол.	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Планк.	нет	нет
32	нет	ЗГ	ЛГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
33	нет	нет	нет	нет	ПР	мал	есть	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР	есть	нет	есть	нет
34	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
35	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
36	нет	ЗГ	КО	КМ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
37	нет	Н	КК	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
38СП	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
38ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	есть	ПР	есть	нет	Л	нет	нет	нет	ПР, ПН	есть	нет	есть	нет
39	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 40-54.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма захлада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
40	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	тело	да	?	ЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	Свед.	нет	?	МРС	ЗГ
41К1	нет	нет	ГС	нет	нет	Н	да	М	ВЮВ	НС	П	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Пря.	КРС, ПТ	ЗГ
41К2	нет	нет	ГС	нет	нет	нет	да	Ж?	смещ	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
42	нет	нет	Грунт	нет	нет	нет	нет	?	?	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
43	Огр.	нет	СП	нет	навал	Н	нет	М, Ж?	ЮВ	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	Свед.	нет	?	Лош.	Запол.
44	нет	нет	Грунт	нет	нет	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	нет	нет
45СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	ЗМ, Ж	ВЮВ	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	КРС	нет
45ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
46	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	да	Ж	В	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	Свед.	КРС, ПТ	ЗГ
47	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	таз	?	?	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
48	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	СЛ	таз	Свед.	нет	?	КРС	нет
49	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	тело	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
50	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
51СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	нет	?	ВЮВ	НС	Л	?	Пря.	?	?	?	Свед.	нет	?	КРС, ПТ	ЗГ, ОФ
51ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г, Н	нет	М	ВЮВ	НС	нет	?	СПр.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
52	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	тело	нет	М	ВЮВ	НС	П	зат?	СПр.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС, ПТ	ОФ
53	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	СПр.	таз	СЛ	?	Свед.	нет	П-Л	КРС	ЗГ
54СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж	?	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	КРС	Запол.
54ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	М	ЮВ?	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 40-54. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
40	есть	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
41К1	есть	ЗГ, Н	ЛК, ЛГ	ЛМ, КБ	ЗГ 2, ОФ	нет	нет	нет	есть	нет	Л	есть	Кинж., щит	есть	нет	есть	нет	нет	нет
41К2	нет		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
42	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
43	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
44	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	Л	нет	топор	нет	нет	нет	нет	нет	нет
45СП	нет	Н	Унгв, ЛК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
45ЮП	нет	ЗГ	ЛК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
46	есть	нет	нет	нет	ЗГ, заполн	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
47	есть	ЗГ	ЛК	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
48	нет	ЗГ	КК, ЛК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
49	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
50	нет	ЗГ	ЛК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
51СП	нет	ЗГ	ЛГ, 2ЛК, ЛК	2 ЛМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
51ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
52	есть	ЗГ	ЛК, ЛГ, ЛК	ЛМ, КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
53	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
54СП	нет	нет	нет	нет	ЗГ?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
54ЮП	нет	ЗГ?	2 КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 55-69

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен не КЖ
55	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
56	нет	нет	СП	есть	навал	нет	да	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
57	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	?	СЛ	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
58СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Ж?	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	?	?	ЗГ
58ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	пусто	пусто	пусто	нет	пусто	-	-	-		-	-	-	нет	нет
59	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	зат?	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
60	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	зат?	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
61К1	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
61К2	нет	нет	Амф	нет	ВГ	нет	-	Р	в амф	в амф	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	нет	-
62СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	М?	В	НС	нет	П	смещ	?	смещ	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЛП
62ЮП	нет	нет	ЮП	есть	ВГ	нет	нет	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
63	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	овца	ЗГ
64	нет	нет	СП	нет	нет	нет	да	?	ВЮВ	НС	Л	зат	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
65СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж	ВЮВ	ЗП	нет	П	?	?	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
65ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	зат?	СПр.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
66	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М?	ВЮВ	НС	нет	зат?	?	?	?	таз	Свед.	нет	?	?	ЗГ
67	нет	есть	СП	нет	навал	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Пря.	нет	Свед.	КРС	Ч
68	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
69	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	свед	нет	?	нет	нет

Приложение 4. Могилы 55-69. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
55	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
56	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
57	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
58СП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
58ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
59	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	мал	есть	ПР	нет	Смещ.	Ч, Гр	нет	нет	нет	нет	есть	Щит.	нет	нет
60	нет	ПР	КК	нет	ПР	мал	нет	ПР	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
61К1	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	мал	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет
61К2	нет	нет	амф	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
62СП	нет	ПЧ	нет	ЛМ	ЛП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
62ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	есть?	нет	нет	нет	есть?	нет	нет	нет	нет	есть	нет	есть	нет
63	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	есть	нет	нет	Гр. ключ	Л	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
64	нет	ЗГ	КО	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
65СП	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	есть	ПР	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
65ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР, ЗГ	нет	есть	ПР	нет	нет	Гр	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
66	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	есть	нет	нет	ЗГ, Гр. ключ	П	нет	нет	нет	ЛР	есть	нет	нет	есть
67	нет	Ч, ПЧ, Н	КК, Амф	ЛМ	заполн	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
68	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
69	нет	ЛР	нет	КТ	ЗГ, ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	Гр	есть	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 70-85

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
70СП	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	?	В	НС	нет	?	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
70ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	СПр.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
71	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М	В	НС	нет	зат	СЛ	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
72	нет	нет	СП	есть	навал	нет	нет	?	?	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ОФ
73	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	зат?	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
74	нет	есть	СП	нет	навал	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
75	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	?	?	нет	нет
76	нет	нет	СП	нет	навал	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	зат?	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	КРС	ЗГ
77	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ЮВ	НС	нет	зат	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	нет	нет
78СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Р	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
78ЮП	нет	нет	СП	есть	Г	нет	нет	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
79	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	М	ВЮВ	НС	Л	зат	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
80	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Р	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
81	нет	нет	ЮП	нет	1Р	нет	нет	Ж	В	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
82	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
83	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
84	нет	нет	СП	есть	навал	нет	нет	М?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
85СП	нет	нет	СП	нет	Г	Н	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	?	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
85ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	Г, Н	нет	?	ВЮВ	НС	нет	зат?	СПр.	таз	?	?	Свед.	нет	?	КРС, ПТ	ЗГ

Приложение 4. Могилы 70-85. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
70СП	нет	нет	нет	нет	ПР	мал	есть	ПР	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
70ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ, ПР	нет	есть	ПР	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
71	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ, ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	есть	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
72	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
73	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	нет	нет	нет	нет	нет	ЛЧ	есть	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
74	нет	ЗГ	КК	нет	2 ЛП	нет	есть	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
75	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	мал	есть	нет	нет	ЗГ	ЛП	нет	нет	нет	?Р	есть	Пров.	есть	есть
76	нет	Ч	КК, амф	нет	ПР	есть	есть	ПР	нет	нет	Гр	есть	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
77	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
78СП	нет	ЗГ	КК, ККр	нет	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	?	нет	Пров.	нет	есть
78ЮП	нет	Н	Унгв	нет	нет	нет	нет	нет	нет	крем	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	есть
79	нет	ЗГ	КК	нет	ЛР	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
80	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
81	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
82	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
83	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.?	нет	нет
84	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
85СП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР, Н	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	Пров.	нет	нет
85ЮП	нет	ЗГ	ЛК	КМ	Запол.	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 86-95

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
86К1	нет	нет	ГС	нет	нет	Г	да	М	ЮЮЗ	НС	нет	зат?	СПр.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
86К2	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н	да	?	ЮЮЗ	НС	П	зат?	Пря.	таз	?	?	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
87	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	М	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	прямая	Свед.	ЛнаП	Свед.	нет	нет
88	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	да	М?	ЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	?	?	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
89К1	нет	нет	ГС	нет	нет	Н	да	?	Ю	НС	П	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
89К2	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н	да	М	С	НС	нет	зат	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
89К3	нет	нет	ГС	нет	нет	Г	да	М?	С	НС	нет	зат	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
90СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	пусто	пусто	пусто	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
90ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	да	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	заполн
91СП	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	?	ЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ, Н
91ЮП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	?	ЮВ	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
92СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж?	ВЮВ	ЗП	нет	П	?	?	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
92ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
93	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
94СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Н	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Пря.	нет	?	КРС	Н
94СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
94ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Н	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	Свед.	?	?	КРС	ЗГ
95СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	Ж	ВЮВ	ЗП	нет	П	?	?	СЛ	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
95ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ВЮВ?	?	П	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	ЗГ, Н

Приложение 4. Могилы 86-95. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
86К1	есть	ЗГ	ЛК, ЛМ, ЛГ	нет	камера	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	2Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
86К2	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
87	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
88	есть	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
89К1	нет	ЗГ	ЛК, ЛГ	ЛМ	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
89К2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
89К3	нет	ЗГ	2 ЛГ, ЛКр, ЛК, 2 амф	КБ	ЗГ	нет	есть	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
90СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
90ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
91СП	нет	ЗГ	КК	КЧ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	Ч	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
91ЮП	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
92СП	нет	ЗГ	КК, ЛК	нет	ПР?	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
92ЮП	есть	нет	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
93	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	есть	нет	нет	Гр. ключ	Гр?	нет	нет	нет	на фиб	есть	нет	нет	нет
94СП	нет	Ч, ЛР	КК	ЛМ	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
94СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР, Гр	нет	нет	нет	нет
94ЮП	нет	ЗГ, Ч, таз	2 КА	ЛМ	ЗГ	мал	нет	ПР	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	2 ПР	нет	нет	нет	нет
95СП	нет	нет	нет	нет	нет	мал	есть	нет	есть	ЗГ	Л	нет	нет	нет	ЛР	есть	Щит.	нет	есть
95ЮП	нет	ЗГ	КК, ЛК	нет	Р	?	нет	ПР	есть	Н	Гр	нет	нет	нет	?Р	есть	Щит.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 96-109

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен не КЖ
96СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	Ж	ВЮВ	ЗП	нет	П	?	?	Прям.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
96ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Прям.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
97СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ?	Смещ.	нет	зат	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
97ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	Р	ВЮВ	?	нет	зат	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
98	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ЗГ
99СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	зат	?	?	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
99ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г	нет	Р?	ВЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС, ПТ	ЗГ, ОФ
100	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М?	ВЮВ	НС	нет	П	Прям.	?	Прям.	Прям.	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
101	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Прям.	?	Прям.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
102	Огр.	нет	СП	нет	навал	нет	да	?	?	смещ	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
103	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	П	Прям.	?	СЛ	?	Свед.	нет	?	нет	нет
104СП	нет	нет	СП	нет	Г	Г	нет	Ж	ВЮВ	ЗП	Л	П	Прям.	?	Прям.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
104ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Прям.	таз	Прям.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
105	нет	нет	СП	нет	Г	тело	да	?	ЮВ	НС	Л	?	Прям.	?	Прям.	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
106СП	нет	нет	СП	нет	Г	Г	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Прям.	?	СЛ	?	Свед.	нет	?	есть	Запол.
106ЮП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	да	М	ВЮВ	Ж	нет	лиц	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
107	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Прям.	таз	СЛ	таз	Прям.	нет	?	нет	нет
108	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Прям.	таз	СЛ	таз	свед	нет	?	нет	нет
109	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Р?	ВЮВ?	?	нет	?	-	-	-	-	-	-	-	нет	нет

Приложение 4. Могилы 96-109. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
96СП	нет	ЗГ, ПП	КК	ЛЧ	нет	нет	есть	нет	нет	нет	?П	нет	нет	нет	нет	нет	Планк.	нет	нет
96ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
97СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
97ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР?	нет	нет	нет	нет
98	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
99СП	зерна	ЗГ	КК	КМ, ЛМ	ЗГ	мал	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
99ЮП	есть	ЗГ	ЛК	КМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
100	есть	ЗГ	КК	нет	ПП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
101	есть	ЗГ	ЛК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
102	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
103	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
104СП	есть	ЗГ	ЛК	2 КМ	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
104ЮП	нет	ЗГ	ЛК	КМ, КБ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
105	есть	ЗГ	КК	КМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
106СП	нет	нет	нет	нет	ПР	мал	есть	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	Планк.	есть	нет
106ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
107	нет	ЗГ	КК	нет	ПР ?	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
108	нет	ЗГ, Ч	КК, ККр	нет	нет	мал	нет	нет	нет	ЗГ	Л	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
109	нет	Р?	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 110-123.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма захлада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
110СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	СПр.	таз	Пря.	?	Свед.	нет	?	нет	нет
110ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
111	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж	ЮВ	НС	нет	зат	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	ПхЛ	КРС	ЗГ
112СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
112ЮП	нет	нет	СП	есть	ВГ	нет	да	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
113	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
114	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М	ВЮВ	ЗП	нет	П	?	?	?	?	прямые	нет	Свед.	нет	нет
115СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	СЛ	таз	прямые	нет	?	нет	нет
115ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	ЛН	зат ?	Пря.	?	?	?	свед	нет	Свед.	нет	нет
116СП	нет	нет	СП	нет	Г	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	есть	ПП
116ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	нет	пусто	пусто	нет	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	нет	нет
117	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	ПхЛ	есть	ЗГ
118	нет	нет	СП	нет	навал	Г, Н	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
119	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	прямая	Пря.	таз	Пря.	нет	Свед.	нет	нет
120	нет	нет	СП	нет	Г	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	МРС	ЗГ
121	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	М	ВЮВ	НС	ПР	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	ПхЛ	Свед.	есть	ЗГ
122	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
123СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Л ?	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ

Приложение 4. Могилы 110-123. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
110СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЗГ	Л	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
110ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
111	нет	ЗГ, ПН	КК, канф.	КТ	ПР	нет	нет	ПР	есть	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
112СП	нет	ЗГ	КК	нет	Ч, ПР	мал	есть	ПР	нет	ЗГ	П	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
112ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
113	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
114	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
115СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	есть	нет	нет	Гр (ключ)	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
115ЮП	нет	Н	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
116СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
116ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
117	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
118	нет	ЗГ, запол.	ККр, ЛГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
119	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	ЗГ	Л	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
120	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
121	нет	ПР, запол.	КК	ЛМ	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
122	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	есть	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР	есть	нет	нет	нет
123СП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	есть	нет	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 124-136К2.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	Ноги	пересечение	Стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
124	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	?	?	ПС, Л Пря.	нет	Пря.	нет	нет
125	нет	нет	СП	нет	навал	подст, Н	да	?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.?	?	СЛ	?	ПС, Л Пря.	нет	?	нет	нет
126СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	КРС	ЗГ
126ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	СПр.	таз	?	?	Свед.	нет	?	есть	ЗГ
127	нет	нет	СП	нет	нет	подст	да	?	ВЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	?	СЛ	таз	Свед.	нет	свед	нет	нет
128	нет	нет	СП	нет	Г	Г	нет	?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
129	пустая	нет	Грунт	нет	нет	нет	-	-	-	-	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
130СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	Пря.?	таз	Свед.	нет	?	овца	ЗГ
130ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	тело	нет	М	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	таз	СЛ	таз	СК	нет	свед	нет	нет
131	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	нет	Ж?	В	ЗП	нет	?	Пря.	Пря.	Пря.?	таз	Свед.	нет	свед	нет	нет
132СП	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
132ЮП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Р	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	-	-
133СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
133ЮП	Разгр.	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	пусто	пусто	пусто	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
134	нет	нет	ЮП	нет	В	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
135СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	Р	ВЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	овца	ЗГ
135ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ВЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
136К1	нет	нет	ГС	нет	нет	Г	да	?	ССВ	НС	Л	?	?	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
136К2	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н, подс	да	?	ЮЮЗ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет

Приложение 4. Могилы 124-136К2. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
124	нет	ЗГ	нет	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П?	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
125	нет	ЗГ	КК	КБ	ЗГ	есть	есть	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ЛР	нет	Пров.	нет	нет
126СП	нет	нет	нет	нет	ЗГ, ПР	мал	есть	ПР	нет	ЗГ	Гр	есть	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
126ЮП	нет	ПР	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
127	нет	Ч	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
128	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	нет	нет	нет	нет	ЗГ	Л	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
129	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
130СП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ, Ч	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
130ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
131	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	П?	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
132СП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Щит.	нет	нет
132ЮП	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
133СП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
133ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
134	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
135СП	нет	ЗГ	КК, ЛКр	нет	ЗГ	есть	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
135ЮП	нет	ЗГ	нет	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
136К1	нет	ЗГ, ПР, Н	ЛК, ЛКр, амф	КБ	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
136К2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть?	нет	нет	Подв.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 136К3-145.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
136К3	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н	да	?	ЮЮЗ	НС	П	?	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС, ПТ	ЗГ, ОФ
136К3	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н, подс.	да	?	ЮЮЗ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС, ПТ	ОФ
136К5	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н	да	?	ЮЮЗ	НС	нет	?	Пря.?	?	?	?	Свед.	нет	?	нет	нет
137СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Р	ВЮВ	?	нет	Заг.?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ЗГ
137ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	нет	Р?	ВЮВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС	ЗГ
138СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Р	ВЮВ?	Истл.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
138ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	Г	нет	Р	ВЮВ?	Истл.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
139СП	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	пусто	пусто	пусто	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
139ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	пусто	пусто	Истл.?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ЗГ?
140	нет	нет	Грунт	нет	нет	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	ЗГ	Заг.?	Пря.	?	Пря.	?	Пря.	нет	?	КРС, ПТ	ЗГ, ОФ
141СП	Разр.	нет	СП	нет	навал	нет	нет	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
141ЮП	Разр.	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
142К1	Разр.	нет	ГС	нет	нет	Подс.	да	?	Ю?	НС?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	См.
142К2	Разр.	нет	ГС	нет	нет	нет	да	М	?	См..	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	См.
142К3	Разр.	нет	ГС	нет	нет	тело	да	М?	?	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС, ПТ	См.
143	нет	есть	ЮП	нет	ВГ	нет	да	М	ВЮВ	НС	П	Заг.	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
144	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	?	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	ЛхП	МРС	ОФ
145	нет	нет	СП	нет	Г	нет	да	Р?	В	НС	нет	Заг.	Пря.	таз	?	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ

Приложение 4. Могилы 136К3-145. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
136К3	есть	ЗГ, Н	амф, ЛГ	КБ, КМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	Л?	нет	нет	есть?	нет	нет	нет	нет	нет
136К3	есть	ЗГ, таз	амф, ЛГ, ЛК	КБ, КМ	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
136К5	нет	ЗГ, таз, Н	2 амф, ЛК, ЛГ, КК, 2 ЛКр	КМ	Н	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Щит	нет	нет	есть	нет	нет	нет
137СП	есть	нет	нет	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР?	есть	нет	нет	нет
137ЮП	есть	ЗГ	2 ЛК, ЛКр	КБ, КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
138СП	есть	ЗГ	ЛКр	ЛБ, ЛМ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР?	нет	нет	нет	нет
138ЮП	есть	ЗГ	ЛК	КМ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
139СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
139ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
140	нет	ЗГ	КК	КМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
141СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
141ЮП	нет	ЗГ?	нет	КМ	ЗГ?	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	копье	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
142К1	нет	нет	нет	нет	ПР?	нет	нет	нет	есть	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
142К2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
142К3	есть	нет	нет	нет	См.	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
143	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
144	нет	тело	нет	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
145	нет	Ч	КК	нет	ПР	мал	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР?	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 146-155К3.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
146	нет	есть?	СП	нет	Г	нет	нет	М?	В	ЗП	нет	П	СПр.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
147СП	нет	нет	СП	нет	навал	Г, Н	нет	М	В	НС	нет	См.	См.	Гр	смещ	Гр	Пря.	нет	Пря.	КРС	ЗГ
147ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	нет	нет	М?	В	НС	нет	Зат.?	Пря.	таз	?	?	Пря.	нет	?	нет	нет
148СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М	В	НС	нет	П	Пря.?	?	СЛ?	таз?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
148ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	нет	М	В	НС	ПН	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
149	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	П?	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
150	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Р	ВЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
151	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
152	нет	нет	СП	нет	1Р	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
153	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
154К1	нет	нет	ГС	нет	нет	тело	да	?	СВ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС, КРС	Н
154К2	нет	нет	ГС	нет	нет	нет	да	?	СВ	НС	Л	Зат.?	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	Н
154К3	нет	нет	ГС	нет	нет	Г	да	Р	СВ	НС	нет	Зат.?	СПр.	таз	Пря.	Пря.	СК	нет	?	КРС	ЗГ
154К4	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н	да	?	СВ	НС	нет	Зат.?	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
154К5	нет	нет	ГС	нет	нет	Г, Н	да	?	СВ	НС	П	Зат.?	Пря.	таз?	?	?	Свед.	нет	?	нет	нет
154К6	нет	нет	ГС	нет	нет	тело	да	Р	ЮВ	НС	нет	Зат.?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
155К1	нет	нет	ГС	нет	нет	нет	да	?	СВ	НС	нет	?	Пря.?	?	Пря.?	Пря.?	Свед.?	нет	?	нет	нет
155К2	нет	нет	ГС	нет	нет	подс	да	Р	СВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
155К3	нет	нет	ГС	нет	нет	нет	да	?	СВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет

Приложение 4. Могилы 146-155К3. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики		Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
146	нет	ЗГ	ЛК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
147СП	нет	ЗГ, Ч	КК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
147ЮП	нет	нет	нет		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
148СП	нет	нет	нет		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
148ЮП	нет	ЗГ	КК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
149	нет	ЗГ	КК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
150	нет	ЗГ	КГ		нет	ПР?	мал	нет	ПР?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
151	нет	ЗГ	КК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЗГ	Л	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
152	нет	ЗГ	КК		нет	ПР	мал	есть	ПР	есть	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
153	нет	Ч	КК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
154К1	нет	ЗГ, ПР	2КК, 2ЛГ, 2ЛКр		КМ	ПР	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет
154К2	нет	Н	ЛГ, ЛКр		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
154К3	нет	ЗГ	амф, 2 ЛКр, ЛК, ЛГ		нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
154К4	нет	нет	нет		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет
154К5	нет	нет	нет		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
154К6	нет	ЗГ	ЛК		нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
155К1	нет	ЗГ	ЛК, ЛГ		нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	зубило	есть	нет	нет	нет	нет	нет
155К2	есть	ЗГ	нет		КБ	ПР, ЗГ, Н	нет	нет	нет	нет	нет	П	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
155К3	нет	ЗГ	ЛК		нет	ПР?	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 155К4-168

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
155К4	нет	нет	ГС	нет	нет	нет	да	?	СВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
156	нет	нет	СП	нет	Г	Г, Н	да	Р	ЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ЗГ
157СП	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	Пря.	нет	?	нет	нет
157ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	?	СПр.?	таз?	Пря.?	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
158СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	нет	М	ВЮВ	НС	ЛЧ	Зат.	Пря.?	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	ПТ	ОФ
158ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г, Н	нет	?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	МРС	ОФ
159СП	нет	нет	СП	нет	навал	подс	выше	Р?	ЮВ?	истлел	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
159ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	да	М	ЮВ	НС	нет	Л	СПр.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
160	нет	нет	ЮП	нет	В	Г	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
161	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	Р	В	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	?	Свед.	нет	?	нет	нет
162	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Р	ВЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
163СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	СК	ЛхП	?	КРС	ЛП
163ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	нет	Ж?	ВЮВ	ЗЛ	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
164	нет	нет	СП	нет	Г	нет	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	Свед.	нет	?	нет	нет
165	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	Р	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	Пря.	?	Пря.?	?	Свед.?	нет	?	КРС	Ч
166СП	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	?	Пря.	нет	Свед.	КРС	ПП
166ЮП	нет	нет	ЮП	нет	навал	Г	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	?	?	?	?	Свед.	нет	?	нет	нет
167	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
168	нет	нет	СП	нет	1р	нет	нет	Ж	В	НС	нет	П	СПр.	Пря.	СЛ	таз	СК	нет	свед	нет	нет

Приложение 4. Могилы 155К4-168. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
155К4	нет	нет	нет	нет	ЗГ?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
156	есть	ЗГ	нет	ЛМ	нет	мал	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
157СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
157ЮП	есть	Ч	ЛКр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
158СП	есть	ЗГ	ЛГ	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
158ЮП	нет	ЗГ	КК, ЛК	КБ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет
159СП	есть	ЗГ	ЛГ, ЛК	ЛМ, КБ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
159ЮП	нет	ЗГ	ЛКр	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	копье	нет	нет	нет	нет	нет	нет
160	нет	ЛР	нет	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
161	нет	ЗГ	2 КК, ККр	нет	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	П?	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
162	нет	ЗГ	2 КК	КМ	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
163СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
163ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
164	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
165	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
166СП	нет	ЗГ	КК, амф	нет	ПП 2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
166ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
167	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
168	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 169-183

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
169	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	МРС	ЗГ
170	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	?	Свед.	ПхЛ	?	Лош.	Н
171СП	нет	нет	СП	нет	В	Г	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	?	Пря.	таз	прямые	нет	Свед.	КРС, ПТ	ЗГ
171ЮП	нет	нет	ЮП	нет	В	Г, Н	нет	М	ВЮВ	НС	нет	?	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
172	Разр.	нет	ГС	нет	нет	нет	да	М, Ж, ?	См.	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС	См.
173	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г, Н	да	?	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	?	?	?	?	Свед.	нет	?	овца	ОФ
174СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	нет	нет
174ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	выше	Р	ВЮВ	НС	нет	Л	?	?	Пря.	Пря.	?	нет	?	нет	нет
175	Разр.	нет	ГС	нет	нет	нет	да	?, М?, Ж?	См.	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС	См.
176	Разр.	нет	ГС	нет	нет	нет	да	Ж	См.	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	См.
177СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	Ж?	ЮВ	НС	ЛР	Зат.?	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	нет	нет
177ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г, Н	нет	М	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	?	Пря.	нет	?	МРС	Н
178	Разр.	нет	ГС	нет	нет	нет	да	Ж?	См.	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС, МРС	ЗГ?
179	нет	нет	СП	нет	Г	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	?	Свед.	ПхЛ	Свед.	есть	Запол.
180	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
181	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
182	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г, Н	да	Ж?	ЮВ	НС	нет	зат	Пря.	?	Пря.	таз	Пря.	нет	?	КРС	ЛП
183СП	нет	нет	СП	нет	нет	нет	выше	М	В	ЗП	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	СК	нет	?	МРС	Запол.
183ЮП	нет	нет	ЮП	нет	В	Г	нет	Ж?	В	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	?	?	нет	?	нет	нет

Приложение 4. Могилы 169-183.

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
169	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
170	нет	Н	амф	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
171СП	есть	ЗГ	ЛГ, КК, ККр	ЛМ, КБ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
171ЮП	нет	ЗГ	ЛК, ЛКр	ЛМ	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	есть	нет	нет	нет
172	нет	смещ	ЛКр	КБ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
173	есть	ЗГ	нет	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
174СП	есть	ЗГ	ЛК	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
174ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
175	нет	смещ	нет	нет	См.	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
176	нет	смещ	нет	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
177СП	есть	ЗГ	ЛКр 2	КМ, КБ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
177ЮП	нет	Н	ЛК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
178	есть	ЗГ?	ЛГ, ЛКр	КБ, ЛМ 2,	См.	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
179	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	мал	ПР	нет	нет	П?	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
180	нет	ЗГ, Н	КК	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
181	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	нет	Пров.	нет	нет
182	нет	ЗГ	КК	нет	ЛП	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
183СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П?	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
183ЮП	нет	ЗГ	кувшин	нет	Ч	нет	нет	ПР	нет	ЗГ	Л	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 184-198.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма захлада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
184К2	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	КРС	Н
185	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	?	МРС	ЗГ
186	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	?	?	?	?	Свед.	нет	?	МРС	ЗГ
187	Разр.	есть	СП	нет	ВГ	нет	да	М	См.	См.	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
188	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Пря.	нет	Свед.	нет	нет
189	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	Пря.	?	?	Пря.	нет	Свед.	нет	нет
190	нет	есть	СП	нет	Г	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
191СП	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	Лош.	ЗГ
191ЮП	нет	есть	ЮП	нет	ВГ	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	ПхЛ	Свед.	нет	нет
192	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
193СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	зат?	Пря.	?	?	?	Свед.	нет	?	КРС	ОФ
193СП	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Р	-	-	-	--	-	-	-	-	-	-	-	-	-
194	Разр.	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
195	нет	есть	СП	нет	Г	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	зат	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	есть	ЗГ
196СП	нет	есть	СП	нет	навал	нет	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	МРС	ЗГ
196ЮП	нет	есть	ЮП	нет	навал	тело	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
197	нет	нет	Грунт	нет	нет	нет	нет	собака	ЮВ	ЗП	нет									нет	нет
198	нет	нет	СП	нет	навал	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	СПр.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 184-198. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
184СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
184К2	нет	Н	КК	нет	ЗГ	мал	есть	нет	нет	ЗГ	П	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	есть	есть
185	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
186	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
187	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
188	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
189	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
190	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
191СП	нет	ЗГ	КА	нет	ПР	есть	нет	ПР	нет	нет	Гр	есть	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
191ЮП	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
192	нет	ЗГ, Ч	КК	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
193СП	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	нет	есть	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
194	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
195	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
196СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
196ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
197	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
198	нет	ЗГ	КК	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 199-213

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
199	нет	есть	СП	нет	В	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	СК	нет	Свед.	нет	нет
200	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	да	?	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
201	нет	нет	СП	нет	ВГ	Н	нет	?	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	МРС?	ЗГ
202	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
203СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	ВЮВ	НС?	нет	?	?	?	?	?	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
203ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	КРС	ЗГ
204	Раз.	нет	Грунт	нет	нет	нет	нет	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
205СПК1	нет	есть	СП	нет	навал	Н	да	М	В	ЗП	нет	П	?	?	Пря.	Пря.	СК	нет	Свед.	КРС	ЗГ
205СПК2	нет	есть	СП	нет	навал	Н	да	Ж	В	ЗП	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Свед.	нет	нет
206	нет	нет	ЮП	нет	В	тело	да	Ж	ЮЮЗ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
207СПК1	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
207СПК2	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	Р	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
208	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	?	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	свед	нет	?	МРС	ОФ
209СПК1	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	нет	М	ВЮВ	?	нет	П	Пря.	?	СЛ?	?	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
209СПК2	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж?	См.	См.	нет	См.	-	-	-	-	-	-	-	нет	нет
210	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
211	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	Ж	Свед.	нет	Свед.	МРС	ОФ
212	нет	есть	СП	нет	навал	тело	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	Лош., КРС	ЗГ
213	нет	нет	СП	нет	Г	Г, Н	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	СПр.?	таз	?	?	Свед.	нет	?	нет	нет

Приложение 4. Могилы 199-213. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
199	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	есть	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
200	есть	ЗГ	КК	нет	ЗГ	есть	есть	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	есть
201	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	мал	нет	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет
202	нет	ЗГ	КК	КМ	Ч, ПР	есть	есть	ПР	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ПР, ЛР	есть	Пров.	нет	нет
203СП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	мал	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
203ЮП	нет	ЗГ	КК 2	нет	ПП	нет	нет	нет	нет	ЗГ?	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
204	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
205СПК1	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
205СПК2	нет	нет	нет	нет	нет	есть	есть	нет	нет	нет	? П	есть	нет	нет	? Р	есть	Плет.	нет	есть
206	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
207СПК1	нет	ЗГ	КК	нет	Н	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛН	нет	нет	нет	нет
207СПК2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
208	нет	ЗГ	КК	КТ	ЗГ	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет
209СПК1	нет	Запол.	КК	КТ 2	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
209СПК2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
210	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
211	нет	ЗГ	КК	КМ	нет	есть	нет	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
212	нет	ЗГ	КК	нет	ПП	нет	есть	нет	нет	ЗГ	П	есть	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
213	нет	ЗГ	КК	нет	Ч, ПР	мал	нет	ПР	нет	Н	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 214-228.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма захлада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
214	Разр.	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	М	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
215	нет	нет	СП	есть	навал	нет	нет	М	ВЮВ		нет	-	-	-	-	-	-	-	-	есть	ЗГ?
216СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
216ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	Ж?	В	НС	нет	Л	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	ПхЛ	?	нет	нет
217	нет	есть	СП	нет	В	нет	да	М?	ВЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Пря.	нет	Свед.	нет	нет
218СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	нет	нет
218ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС	ЗГ?
219	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	СЛ	таз	Свед.	нет	?	МРС	ОФ
220	нет	есть	СП	нет	нет	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
221СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	лошадь	ЗГ
221ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г, Н	нет	Р	ВЮВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
222	нет	нет	грунт	нет	нет	нет	нет	собака	ЮВ	ЗЛ	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
223	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	да	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	лошадь	ОФ?
224	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	СЛ	?	Пря.	нет	Свед.	КРС	ОФ?
225	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	Ж?	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	?	СК	нет	Свед.	нет	нет
226	нет	нет	СП	нет	навал	Н	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	?	?	Свед.	нет	?	МРС	ОФ
227	нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	Пря.	Пря.	Свед.	ЛхП	Свед.	КРС	ОФ?
228	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	?	ВЮВ	ЗП	нет	?	Пря.	Пря.	СЛ	таз	СК	нет	?	нет	нет
229	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	МРС	ЗГ

Приложение 4. Могилы 214-229. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стеклый Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
214	нет	Запол.	ЛГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
215	нет	ЗГ?	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
216СП	нет	ЗГ	нет	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
216ЮП	нет	ЗГ	КА	нет	нет	есть	есть	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
217	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
218СП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	есть	нет	нет	нет	ЗГ	П	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
218ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	мал	нет	нет	есть	нет	Л?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
219	нет	ЗГ	ККр	КМ	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
220	нет	ЗГ	ККр	КТ	нет	мал	есть	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
221СП	нет	ЗГ	КК, Амф	нет	Ч	мал	есть	нет	нет	нет	П	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
221ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	П?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
222	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
223	нет	ЗГ	нет	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
224	нет	Ч	ЛК	КМ	нет	мал	есть	нет	нет	Н	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
225	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
226	нет	ЗГ	ККр	КТ	нет	нет	есть	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
227	нет	ЗГ, Ч	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
228	нет	ЗГ	КА	нет	нет	есть	есть	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ЛР	есть	нет	нет	нет
229	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	мал	есть	нет	нет	нет	П?	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 230-244.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен не КЖ
230	Нет	есть	СП	нет	ВГ	Г, Н	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
231	Нет	есть?	СП	нет	нет	нет	да	М	В	НС	Л	П	СПр.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
232СП	Нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
232ЮП	Нет	есть	ЮП	нет	ВГ	Г	нет	?	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	Пря.?	?	Пря.?	?	Свед.	нет	?	нет	нет
233	Нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ЮВ	НС	нет	Зат.	?	?	?	?	Пря.?	нет	?	МРС	ОФ
234	Нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Ж	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
235	Нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	ЛхП	Свед.	нет	нет
236	Нет	есть	СП	нет	В	тело	нет	?	ВЮВ	НС	нет	П?	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ОФ
237	Нет	нет	СП	нет	В	Н	нет	Р	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.?	Пря.?	Пря.?	Пря.?	Свед.	?	?	овца	ОФ
238	Нет	есть	СП	нет	ВГ	Г, Н	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Пря.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
239	Нет	нет	СП	нет	нет	нет	да	М	ВЮВ	НС	Л	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
240СП	Нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	СПр.	таз	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	ПхЛ	нет	нет
240ЮП	Нет	нет	ЮП?	нет	ВГ	нет	нет	пусто	пусто	пусто	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	нет	нет
241	Нет	нет	СП	нет	Г	нет	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС	ЛР
242	Нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	М	ЮВ	НС	нет	П	СПр.	?	Пря.	?	Пря.	нет	?	МРС	Ч
243СП	Нет	нет	СП	есть	ВГ	нет	выше	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
243ЮП	Нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г	нет	Ж?	ВСВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
244СП	Нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	Свед.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 230-244. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
230	нет	ЗГ, Ч	КК 2	нет	Ч, ПР	есть	есть	ПР	нет	ЗГ	Л ?	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
231	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	мал	нет	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
232СП	нет	нет	нет	нет	Ч	нет	есть	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	есть
232ЮП	нет	ЛП	КК	нет	Ч, ПР	есть	есть	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	есть
233	нет	Ч	нет	КМ	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	Л, П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
234	нет	ЗГ	ККр	КТ	нет	есть	нет	нет	нет	ЗГ	Л ?	нет	нет	нет	ПР, ЛР	есть	Пров.	нет	есть
235	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
236	нет	ЗГ, таз	КК	КТ	нет	есть	нет	нет	нет	ЗГ ?	Гр	нет	нет	нет	ПР, ЛР?	нет	Пров.	нет	есть
237	нет	ЗГ	ККр	КТ	ЗГ	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	Пров.	нет	нет
238	нет	ЗГ, Ч	КК	КЧ	Ч	мал	есть	нет	есть	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ПР, ЛР	есть	нет	нет	есть
239	нет	ЗГ, Ч	ККр	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
240СП	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
240ЮП	нет	Н?	нет	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
241	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
242	нет	заклад	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
243СП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
243ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
244СП	нет	ЗГ, Ч	КК, КО	нет	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 245-261.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
245	нет	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	?	Пря.	?	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
246	нет	нет	СП	нет	нет	нет	да	Ж	ВЮВ	НС	Ч	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
247	нет	нет	СП	нет	ВГ	Н	да	?	ВЮВ	НС	нет	зат?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
248	Разр.	нет	СП	нет	навал	нет	?	М?	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
249	Разр.	нет	СП	нет	Г	нет	нет	Ж	См.	См.	нет	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	См.	нет	нет
250СП	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	П	?	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
250ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	СЛ	?	Пря.	?	Свед.	нет	?	овца	Ч
251	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	да	Ж?	В	НС	нет	лиц	Пря.	Пря.	Пря.	?	Свед.	нет	Свед.	МРС	ОФ
252	нет	нет	СП	нет	нет	подст	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
253	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	Р	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
254	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
255	нет	нет	СП	нет	навал	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	?	нет	нет
256	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
257	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г, Н	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Свед.	нет	нет
258	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Р	ЮВ?	истлел	Л	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
259	нет	есть	СП	нет	нет	нет	нет	М	ВЮВ	НС	Л	П	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
260	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	М	В	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	Свед.	КРС	ОФ
261	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	М	ВЮВ	НС	Ч	зат	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ

Приложение 4. Могилы 245-261. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
245	нет	ЗГ	нет	КТ	ЗГ	мал	нет	нет	есть	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ЛР	нет	Пров.	нет	нет
246	нет	ЗГ, Н	КК	КТ	ПП	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
247	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
248	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
249	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
250СП	нет	ЗГ	КК	КБ	Ч	мал	есть	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
250ЮП	нет	ЛР	КК	нет	Ч	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
251	нет	ЗГ	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
252	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	нет	нет	нет
253	нет	таз	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ЛР	есть	нет	нет	нет
254	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
255	нет	ЗГ	КК	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
256	нет	ЗГ	КК	нет	нет	есть	есть	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
257	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	есть	есть	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
258	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	мал	есть	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
259	нет	ПП	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
260	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
261	нет	ЗГ, ПП	КА	КТ, КЧ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 262-280

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ	
262	Разр.	нет	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж?	В	на спине	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Пря.	нет	?	нет	нет	
263	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	М	ВЮВ	НС	колени	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	Пря.	нет	?	нет	нет	
264	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	?	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет	
265	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	М	ЮВ	НС	Л	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	МРС	ОФ	
266	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Р	ВЮВ	истлел	нет	Зат.?	?	?	?	?	?	?	?	?	МРС	ПП
267	нет	нет	СП	нет	нет	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	?	Пря.?	?	Свед.	нет	?	КРС	Ч	
268	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Р?	?	истлел	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет	
269	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	Ж	ЮВ	НС	Л	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	МРС?	ОФ	
270	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет	
271	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	СЛ	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет	
272	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Р	ЮВ	истлел	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет	
273	нет	есть	СП	нет	В	Г	нет	М	ВЮВ	ЗП	нет	П	Пря.	?	СЛ	таз	СК	нет	Свед.	МРС	ОФ	
274	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	П?	Пря.	Пря.?	Пря.	таз?	Свед.	нет	?	есть	Ч	
275	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Ж	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	МРС	ОФ	
276	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	М	В	НС	нет	Зат.?	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	лошадь	ОФ	
277	нет	нет	СП	нет	нет	нет	да	?	ЮВ	НС	Л	Зат.?	Пря.	?	Пря.	таз	СК	нет	?	есть	ОФ	
278	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Р	ВЮВ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ОФ
279	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	нет	нет	
280	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	М	ВЮВ	ЗП	Л	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	СК	нет	Свед.	КРС	ОФ	

Приложение 4. Могилы 262-280. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
262	нет	ЗГ	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет
263	нет	нет	нет	нет	ЗГ	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
264	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
265	нет	ЗГ	ККр	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
266	нет	ЗГ	ККр	КЧ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
267	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
268	нет	ПР?	ККр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
269	нет	ЗГ, Н	КК, Ккуб	КТ, КЧ	ЛН	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
270	нет	ЗГ	КА	КТ	нет	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
271	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
272	нет	ЗГ?	ККр	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	Гр?	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
273	нет	ЗГ	нет	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
274	нет	ЗГ	ККр	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
275	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	есть	нет	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	пров	нет	нет
276	нет	ЗГ, Ч	КК	КТ	нет	мал	есть	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	есть
277	нет	ЗГ, ЛП	КК	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
278	нет	ЗГ, таз	ККр	КТ	нет	мал	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
279	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет
280	нет	ЗГ, ЛП	ККр	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 281-296

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
281СПК1	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	?	?	?	Пря.	нет	?	КРС	ЗГ
281СПК2	нет	нет	СП	есть	1Р	нет	нет	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
282	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	М?	ЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	?	Пря.	?	Свед.	ЛхП	Свед.	овца	Запол.
283	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	да	?	ЮВ	НС	Л	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	нет	нет
284	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	овца	ЗГ
285	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	Р?	ЮВ?	истлел	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
286СП	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г	нет	М	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
286ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	выше	пусто	пусто	пусто	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
287СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	СПр.	Пря.	смещ	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	ОФ
287ЮП	нет	нет	ЮП	нет	Г	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	нет	нет
288	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	М	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	нет	нет
289	нет	нет	ЮП	нет	нет	Г	выст	М	ЮВ	НС	нет	Л	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
290	нет	есть	СП	нет	ВГ	Г, Н	да	Р	ЮВ	истлел	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
291	нет	нет	СП	нет	навал	нет	нет	М	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	есть	Запол.
292	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	да	М	ЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	?	?	?	Свед.	нет	?	КРС	ОФ?
293	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
294	нет	нет	СП	нет	нет	Г, Н	да	М	ЮВ	НС	Л	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	ПхЛ	Свед.	Лош.	ОФ
295	нет	нет	СП	есть	В	нет	да	?	?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
296	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	да	Р	ЮВ	?	Л	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ОФ

Приложение 4. Могилы 281-296. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
281СПК1	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	поверх	нет	нет	нет	нет	? Р	нет	нет	нет	нет
281СПК2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	поверх	нет	нет	нет	нет	? Р	нет	нет	нет	нет
282	нет	ЗГ	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
283	нет	ЗГ	ККр	КТ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
284	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
285	нет	ЗГ	КК	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	? Р	нет	нет	нет	нет
286СП	нет	нет	нет	нет	ЗГ	есть	ПР	нет	нет	ПР ключ	П	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	есть	нет
286ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
287СП	нет	ЗГ	КК	СБ	нет	есть	есть	нет	нет	ПН, Н	нет	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	есть	есть
287ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
288	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ, ПР	нет	есть	ПР	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
289	нет	ЗГ	КК	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
290	нет	ЗГ	Ккуб	нет	нет	есть	нет	Л?	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет
291	нет	ПР, заполн	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
292	нет	ЗГ	КА	КМ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
293	нет	ЗГ, ПР	КК	КТ	нет	мал	нет	ПР	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
294	нет	ЗГ	КК	КТ	ПР	нет	нет	ПР	нет	нет	П	нет	нет	есть	ПР	нет	нет	нет	нет
295	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
296	нет	ЗГ	ККр	КТ, КЧ	Н	есть	есть	ПР	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	нет	нет	нет

Приложение 4. Могилы 297-312

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма захлада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен не КЖ
297СП	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	?	?	-	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	нет	нет
297ЮПК1	нет	нет	ЮП	нет	нет	нет	да	М	ВЮВ	НС	П	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	ПхЛ	Лош.	ЗГ
297ЮПК2	нет	нет	ЮП	нет	нет	Г	да	М	ВЮВ	НС	П	Зат.	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
298	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	Г, Н	нет	Ж	ЮВ	НС	П	Зат.?	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ЗГ
299	нет	нет	ЮП	нет	нет	нет	да	Ж?	ЮВ	НС	П	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
300	нет	нет	СП	нет	В	Г, Н	да	?	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	Лош.	ЗГ
301	нет	нет	СП	нет	1Р	тело	да	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	ПхЛ	Свед.	Лош.	ЗГ
302	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	ВЮВ	НС	нет	Зат.?	Пря.	?	СЛ	?	Свед.	нет	?	нет	нет
303	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	М	ВЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	?	нет	нет
304СП	нет	нет	СП	нет	1Р	нет	нет	М	ВЮВ	НС	Л	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	Лош.	ОФ
304ЮП	нет	нет	ЮП	нет	В	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	Л	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	Лош.	ОФ
305	нет	нет	СП	нет	В	нет	нет	Р	ВЮВ?	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	КРС	ЗГ
306	нет	есть	СП	нет	В	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Пря.	нет	?	КРС	ОФ
307	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	?	ЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
308	нет	есть	СП	нет	В	нет	нет	Ж?	ВЮВ	ЗП	нет	П	СПр.	Пря.	СЛ	таз	СК	нет	?	Лош.	ОФ
309	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Ж?	ВЮВ	НС	нет	?	СПр.?	?	Пря.?	Пря.?	Свед.	нет	?	МРС	ОФ
310	нет	нет	грунт	нет	нет	нет	нет	М	В	Скорч.	нет	Л	См.	?	Пря.	См.	СК	нет	?	нет	нет
311	нет	нет	грунт	нет	навал	нет	нет	М	С	Скорч.	нет	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	?	?	?	нет	нет
312	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Ж?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	свед	нет	?	Лош.	ОФ

Приложение 4. Могилы 297-312.

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
297СП	нет	смещ?	нет	ЛМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
297ЮПК1	нет	ЗГ	КА	КЧ	ЗГ	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	есть	ПР	нет	Пров.	нет	нет
297ЮПК2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
298	нет	ЗГ	КА	нет	ПР	есть	нет	ПР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	Пров.	нет	нет
299	нет	ЗГ	КК	КТ	Н	есть	есть	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ЛР	нет	Пров.	нет	нет
300	нет	ЗГ, Н	КА	КЧ	Н	есть	нет	нет	нет	Н	П	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
301	нет	ЗГ	КА	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	есть	ПР	нет	нет	нет	нет
302	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
303	нет	ЗГ	КА	КМ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
304СП	нет	ЗГ, Н	КК	КТ 2, КМ 2	ПП	мал	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Кинж.	есть	ПР?	нет	нет	нет	нет
304ЮП	нет	ПП, ЛП	нет	КЧ, КП	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	ПР, ЛР	нет	нет	нет	нет
305	нет	ЗГ	КА	нет	Ч	мал	есть	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет
306	нет	ЗГ	КК	КМ	нет	есть	есть	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	нет
307	нет	ЗГ	КК, КА	КТ	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	нет
308	нет	ЗГ	КК	КМ	нет	мал	есть	нет	нет	ЗГ	П	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	есть
309	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
310	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	копье	нет	нет	нет	нет	нет	нет
311	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
312	нет	ЗГ	КК	СБ	нет	есть	есть	нет	нет	ЗГ, Н	нет	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	есть

Приложение 4. Могилы 313-323.

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположен ие КЖ
313	нет	нет	СП	нет	В	Г	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	Лош.	ОФ
314СП	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	М	ЗСЗ	НС	П	Л	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	ПхЛ	Лош.	ОФ
314СПК2	нет	нет	СП	нет	ВГ	нет	да	Р?	смещ	?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
315	нет	есть	СП	нет	ВГ	нет	нет	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	таз	СК	нет	?	КРС	ОФ?
316	нет	нет	СП	нет	нет	Н	да	М	ВЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	?	Лош.	ОФ
317ЮПК1	нет	нет	ЮП	нет	нет	Г	да	М	ЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	?	КРС	ОФ
317ЮПК2	нет	нет	ЮП	нет	нет	Г	да	Ж	ЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	Пря.	СЛ	Пря.	Свед.	нет	?	КРС	ОФ
318СП	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Ж	ЮВ	НС	нет	П	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ
318К2	нет	нет	СП	нет	нет	нет	нет	Р	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
319СП	нет	нет	СП	нет	нет	тело	нет	М	ВЮВ	НС	Л	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	Свед.	Лош.	ОФ
319ЮП	нет	нет	ЮП	нет	нет	Н	нет	М	ВЮВ	НС	П	Л	Пря.	таз	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
320	нет	нет	СП	нет	В	нет	да	Ж?	ЮВ	НС	Ч, Л	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	Свед.	нет	?	Лош.	ОФ
321СП	нет	нет	СП	нет	Г	Г	нет	М	ЮВ	ЗП	П	П	Пря.	Пря.	СЛ	таз	СК	нет	Свед.	нет	нет
321ЮП	нет	нет	ЮП	нет	ВГ	нет	нет	Ж?	ЮВ	НС	нет	Л	Пря.	Пря.	Пря.	?	Свед.	нет	?	нет	нет
322	нет	нет	СП	нет	В	Г	нет	Р	В	НС	Ч	?	Пря.?	?	?	?	Прям.	нет	?	КРС	ЗГ
323	нет	нет	СП	нет	нет	Г, Н	да	Ж	ВЮВ	НС	Л	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	КРС	ОФ

Приложение 4. Могилы 313-323. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
313	нет	ЗГ	КК	СБ, КЧ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	есть	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
314СП	нет	Н	нет	СБ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Л	есть	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
314СПК2	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	? Р	нет	нет	нет	нет
315	нет	ЗГ	КА	КМ	ЗГ	нет	нет	нет	нет	ЗГ	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	есть
316	нет	ЗГ	КК	КТ	заполн	нет	нет	нет	нет	нет	нет	есть	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
317ЮПК1	нет	ЗГ	ЗС	СБ, КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
317ЮПК2	нет	ЗГ	ЗС	СБ, КТ	ЛР	есть	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет
318СП	нет	ЗГ	КА	КТ	нет	есть	есть	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	ПР, ЛР	нет	Пров.	нет	есть
318К2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
319СП	нет	ЗГ, Ч	КК	КМ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	есть	ПР	нет	нет	нет	нет
319ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	ЗГ, ПР	мал	нет	ПР	нет	нет	Л	есть	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
320	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	есть	нет	нет	нет	нет	Л	нет	нет	нет	ПР	нет	Пров.	нет	есть
321СП	нет	нет	нет	нет	Ч	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
321ЮП	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	нет	есть	нет	нет	ЗГ	Гр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
322	нет	ЗГ	КО	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР, ЛР	есть	Пров.	нет	нет
323	нет	ЗГ	КК	КТ	ЛП	есть	нет	нет	нет	нет	П ?	нет	нет	нет	ЛР	есть	Пров.	нет	нет

Приложение 4. Могилы 324-332

№ П/П	Наличие разрушений	каменный маркер	Тип погребения	Наличие кремации	Форма заклада	древесный тлен	Дно подбоя ниже ВЯ	Пол	Ориентация	Положение	Подкладка камня	Положение черепа	Правая рука	Правая кисть	Левая рука	Левая кисть	ноги	пересечение	стопы	КЖ	Расположение КЖ
324		нет	СП	нет	нет	тело	да	М	ЮВ	НС	Л	П	Пря.	?	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	нет	нет
325		нет	СП	нет	нет	тело	выше	Ж?	ВЮВ	НС	Л	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	нет	Пря.	КРС	ПП
325ЮПК1		нет	ЮП	нет	нет	Н	нет	?	ВЮВ	НС	П	?	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	нет	?	КРС	ЗГ
325ЮПК2		нет	ЮП	нет	нет	нет	нет	Р	ВЮВ	НС?	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
326		есть	СП	нет	В	нет	нет	М	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	Лош.	ОФ
327		нет	СП	нет	нет	нет	нет	?	ВЮВ	НС	Л	зат ?	Пря.	Пря.	Пря.	Пря.	Свед.	нет	Свед.	МРС	ОФ
328СПК1		нет	СП	нет	ВГ	Г	нет	М?	ВЮВ	НС	нет	П	Пря.	Пря.	Пря.	?	Свед.	нет	?	КРС	ОФ
328СПК2		нет	СП	нет	ВГ	нет	нет	?	смещ	смещ	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
328ЮП		нет	ЮП	нет	нет	нет	нет	?	смещ	смещ	нет	?	?	?	?	?	?	?	?	нет	нет
329		есть	СП	нет	В	нет	да	?	ВЮВ	ЗП	Л	П	Пря.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	Свед.	овца	ОФ
330		нет	СП	нет	В	нет	да	М	ВЮВ	НС	нет	Зат.	Пря.	таз	Пря.	таз	Свед.	ПхЛ	Свед.	КРС	ОФ
331		нет	грунт	нет	нет	нет	нет	Ж	ЮВ	ЗЛ	нет	Л	?	?	?	?	СК	нет	?	нет	нет
332		нет	СП	нет	ВГ	Г	да	Ж	ВЮВ	НС	нет	П	СПр.	таз	СЛ	таз	Свед.	нет	?	МРС	ОФ

Приложение 4. Могилы 324-332. Продолжение

№ П/П	Скорлупа	Располож. керамики	Сосуды ЗФ	Сосуды ОФ	Стекл. Сосуд	Ожерелье	Скопление на груди	Сосуд в руке	Монета	Шкатулка	Фибула на плече	Удила	Вооружение	Меч	Браслет	Прясло	Серьга	Игольница	Зеркало
324	нет	Н	КА	нет	нет	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	Кинж.	нет	нет	нет	нет	нет	нет
325	нет	ЗГ	КК	нет	Ч	мал	нет	нет	нет	нет	П ?	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
325ЮПК1	нет	ЗГ	КК	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П ?	нет	нет	нет	нет	нет	Пров.	нет	нет
325ЮПК2	нет	нет	нет	нет	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	есть	нет	нет	нет
326	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	Л	есть	Кинж.	есть	нет	нет	нет	нет	нет
327	нет	ЗГ	КК	КМ	нет	есть	нет	нет	нет	нет	Гр	нет	нет	нет	нет	есть	Пров.	нет	есть
328СПК1	нет	ЗГ	КК	КМ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	П	нет	топор	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
328СПК2	нет	нет	нет	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
328ЮП	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
329	нет	ЗГ, зап	КК	КТ, ЛС	нет	нет	нет	нет	нет	нет	П	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
330	нет	ЗГ, Ч	КА	КТ	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ПР	нет	нет	нет	нет
331	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
332	нет	ЗГ	КК	КТ	нет	мал	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	ЛР	нет	нет	нет	нет

Приложение 5. Типы погребальных сооружений на некрополях округи Херсонеса

Приложение 5А. Ингумационные и кремационные погребения

№	Наименование	Всего	Кремации	Подбойные	Простые грунтовые	Грунтовые с запечками или пазами	Плитовые могилы	Грунтовый склеп	Каменные ящики в грунтовых или подбойных могилах	В амфорах в могилах	Курган	Другие	Погребение животных	Неопределенный
1	Алмалык-Дере	Ок. 68	1	Бол 15		3		43			1	1	4	
2	Бельбек I (Бельбек III)	53	3	10	11	1	17	1					1	9
3	Бельбек II (Заланкой, Холмовка)	25	-	3	11	3	1	1				1	-	5
4	Бельбек IV;	420	-	229	164	6	5+6	-					1	9
5	Братское кладбище;	9	-	6	3	-	-	-					-	-
6	Гончарное / Варнутка;	26	26	-	-	-	--	-	-				-	-
7	Инкерманский;	50	-	26	10	7	-	7	-	-	-	-	-	-
8	Килен-Балка;	8	-	-	-	-	-	8						-
9	Киль-Дере 1;	421	4	359	33	-	-	-	13				-	12
10	Красный Мак;	16	-	3	-	-	-	13	-				-	-
11	Мамай-Оба (Любимовка)	8	-	8	-	-	-	-	-				-	-
12	Муловский;	8	8	-	-	-	-	-	-				-	-

13	Передовое (Саманлы-Баир)	16	16	-	-	-	-	-	-				-	--
14	Севастопольский (Совхоз 10);	878	562	198	41	7		19	19	20 (18)	1	1	1	9
15	Танковое;	10	1			6								3
16	Чернореченский.	89 (87)	33	38	9	-	-	7	-				2	-
17	Фронтное 3.	328	13	306		3		12				3	3	
	Всего	2433	667	1201	281	36	29	111	32	20	2	6	12	47

Приложение 5Б
Типы кремационных погребальных сооружений

№ П/П	Наименование	Всего	Кремации	Урны в грунте	Урны в могилах	Урны в ямах и ящиках	Оссуарии в ящиках	Кремация в ямах	Кремация без урн в подбойных могилах	Урна среди камней заклада подбойной могилы	Урна обложенная камнем
1	Алмалык-Дере	Ок. 68	1					1			
2	Бельбек I (Бельбек III)	53	3					3			
3	Бельбек II (Заланкой, Холмовка)	25	-								
4	Бельбек IV;	420	-								
5	Братское кладбище;	9	-								
6	Гончарное / Варнутка;	26	26	26							
7	Инкерманский;	50	-								
8	Килен-Балка;	8	-								
9	Киль-Дере 1;	421	4	2	2						
10	Красный Мак;	16	-								
11	Мамай-Оба (Любимовка)	8	-								
12	Муловский;	8	8	8							
13	Передовое (Саманлы-Баир)	16	16	16							
14	Совхоз 10;	878	562	357	9	139	57				
15	Танковое;	10	1								
16	Чернореченский.	89 (87)	33	22	1	1		4		1	4
17	Фронтное 3.	328	13	1					12		
	Всего		667								

Приложение 6.

Размеры могил некрополя Бельбек IV (по: Гущина, Журавлев, 2016; Труфанов, Стоянова, 2023)

Приложение 6А. Размеры подбойных могил

№	Длина ВЯ	Ширина ВЯ	Глубина ВЯ	Длина подбоя	Ширина подбоя	Глубина подбоя
1	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-
3	-	-	-	-	-	-
4	-	-	-	-	-	-
5	-	-	-	-	-	-
6	-	-	-	0,8	0,6	-
7	1,4	0,4	1,4	-	-	-
8	1,75	0,6	1,2	1,8	0,6	1,3
9	1,95	0,6	0,9	1,9	0,6	1,1
10	1,7	0,4	1,6	1,75	0,6	1,7
11	2,15	0,4	1,6	2,15	0,6	1,6
12	2,0	0,4	1,25	2,0	0,7	1,4
13	1,7	0,45	1,2	1,7	0,6	1,4
14	1,4	0,45	0,8	1,4	0,6	0,9
15	1,25	0,4	0,75	1,3	0,6	0,95
16	1,5	0,5	0,92	1,5	0,6	1,1
17	1,5	0,45	0,95	1,5	0,45	1,1
18	1,7	0,55	0,9	1,7	0,55	0,9
19	1,75	0,5	1,1	1,75	0,6	1,3
20	1,8	0,5	1,1	1,8	0,65	1,2
21	1,9	0,5	1,0	1,9	0,8	1,1
22	2,0	0,5	1,15	2,0	0,6	1,1
24	1,5	0,55	1,0	1,5	0,4	1,0
25	1,8	0,4	1,3	1,8	0,6	1,1
26	1,65	0,45	1,1	1,65	0,6	1,1
27	1,6	0,3	0,9	1,6	0,5	0,98
28	2,1	0,5	1,1	2,1	0,6	1,1
29	1,85	0,43	1,3	1,9	0,65	1,3
30	2,0	0,5	1,1	2,0	0,5	1,1
31	1,45	0,4	1,0	1,45	0,4	1,0
32	1,9	0,7	1,1	1,9	0,5	1,1
33	1,5	0,4	1,2	1,5	0,5	1,2
34	1,9	0,5	1,05	1,9	0,7	1,25
35	1,8	0,6	1,1	1,8	0,45	1,3
36	1,95	0,5	1,4	1,95	0,65	1,4
37	2,0	0,5	1,1	2,0	0,6	1,1
38	2,0	0,45	1,4	2,0	0,6	1,4
39(1)	1,75	0,4	1,2	1,75	0,4	1,4
39(2)	1,75	0,4	1,2	-	-	-
40	1,65	0,4	1,2	1,65	0,45	1,4

41	2,05	0,4	0,9	2,05	0,6	1,1
43	1,45	0,25	0,8	1,45	0,55	1,0
44	1,9	0,3	1,05	1,9	0,7	1,3
45	1,4	0,45	0,95	1,4	0,6	1,35
46	1,8	0,4	1,1	1,8	0,7	1,2
47	1,8	0,45	1,0	1,8	0,6	1,2
48(1)	1,8	0,45	1,0	1,8	0,45	1,2
48(2)	1,8	0,45	1,0	1,6	0,6	1,2
49	1,45	0,35	0,9	1,45	0,6	1,1
50	1,8	0,35	0,9	1,9	0,6	1,2
51	1,5	0,25	1,0	1,5	0,5	1,0
52	1,7	0,8	1,0	1,7	0,7	1,15
53	1,1	0,5	1,2	1,1	0,6	1,4
54	2,4	0,45	1,05	2,1	0,7	0,8
55	1,4	0,4	1,2	1,4	0,5	1,2
56	1,8	0,6	1,1	1,8	0,6	1,2
57	1,6	0,6	1,2	1,6	0,7	1,65
58	1,8	0,45	1,25	1,8	0,8	1,75
59	2,0	0,4	1,45	2,0	0,6	1,45
61	1,7	0,4	1,1	1,7	0,8	1,3
62	2,0	0,6	1,4	1,0	0,6	1,4
63	1,8	0,7	1,25	1,9	0,9	1,62
67	1,6	0,5	1,2	1,6	0,6	1,5
68	2,0	0,4	1,1	2,0	0,65	1,5
69	1,6	0,4	1,15	1,6	0,7	1,4
70	1,6	0,4	1,0	1,6	0,7	1,4
71	2,15	0,55	1,35	2,15	0,65	1,7
72	2,0	0,4	1,05	2,0	0,6	1,55
73	1,7	0,4	1,1	1,7	0,5	1,45
74	2,0	0,5	1,15	2,0	0,7	1,5
75	-	-	-	2,0	0,6	1,8
76	1,5	0,3	1,3	1,5	0,4	1,3
81	1,8	0,45	1,0	1,8	0,55	1,3
87	-	-	-	1,7	1,0	1,5
96	2,2	0,55	1,2	2,2	0,65	1,3
105	1,7	0,5	1,5	-	-	-
107	2,0	0,5	1,4	2,0	0,5	1,4
108	2,0	0,5	1,4	2,0	0,6	1,4
109	1,5	0,4	1,4	1,5	0,5	1,4
110	1,8	0,4	1,6	1,8	0,4	1,6
111	2,0	0,4	1,45	2,0	0,6	2,0
112	2,0	0,6	1,4	2,0	0,6	1,9
113	2,1	0,6	1,8	2,1	0,5	1,9
114	2,0	0,6	1,1	2,0	0,7	1,8
115	1,5	0,3	1,2	1,5	0,5	1,4
116	1,5	0,3	1,2	1,5	0,6	1,4
117	2,0	0,6	2,1	2,0	0,7	2,3
119	2,0	0,5	1,5	2,0	0,5	1,7
121	2,0	0,5	1,2	2,0	0,6	1,6
123	2,1	0,5	1,9	2,1	0,6	1,9

124	2,0	0,5	1,2	2,0	0,4	1,6
125	2,0	0,55	1,2	2,0	0,65	1,6
126	2,0	0,6	1,7	2,0	0,5	2,0
128	1,8	0,6	1,8	1,8	0,7	2,3
130	1,7	0,6	1,0	1,7	0,8	1,0
131	2,0	0,5	1,4	-	-	-
132	2,0	0,55	1,8	2,0	0,85	1,8
133	2,0	0,6	1,4	2,0	0,8	1,4
134	2,05	0,4	1,4	2,05	0,5	1,8
135	2,2	0,5	1,2	2,2	0,65	1,3
136	2,2	0,6	1,2	2,2	0,7	1,2
137	2,1	0,5	1,3	2,1	0,7	1,3
138	2,5	0,55	1,5	2,5	0,85	1,5
139	2,5	0,55	1,5	2,5	0,55	1,5
140	1,0	0,25	1,4	1,6	0,75	1,6
141	1,0	0,25	1,4	1,6	0,6	1,6
142	2,0	0,65	1,6	1,9	0,6	1,6
143	1,15	0,65	1,4	1,2	0,7	1,4
144	1,9	0,45	1,2	-	-	-
145	1,9	0,45	1,2	1,9	0,6	1,3
146	1,5	0,6	1,4	1,5	0,6	1,5
147	2,2	0,5	1,3	2,2	0,7	1,4
148	1,4	0,6	1,4	1,4	0,7	1,6
149	2,2	0,5	1,9	2,2	0,7	1,9
150	2,2	0,5	1,9	2,2	0,7	1,9
151	1,2	0,4	1,2	1,2	0,5	1,4
152	1,1	0,4	1,3	1,1	0,5	1,5
153	2,4	0,65	1,4	2,4	0,65	1,4
154	2,0	0,5	1,6	2,0	0,7	1,6
155	1,7	0,5	1,5	2,3	0,75	1,9
156	1,7	0,7	1,5	1,7	0,5	1,5
158	2,0	0,45	1,9	2,0	0,65	1,9
159	2,0	0,5	1,6	2,0	0,6	1,6
160	1,9	0,4	1,75	1,9	0,4	1,75
161	2,4	0,45	1,7	2,4	0,75	1,7
162	1,7	0,4	1,5	1,7	0,6	1,5
163	1,8	0,55	1,8	1,8	0,7	2,0
164	2,2	0,4	1,25	2,2	0,6	1,6
165	2,3	0,4	1,9	2,3	0,7	1,9
166	1,9	0,5	1,6	1,9	0,7	1,6
167	2,0	0,5	1,6	2,0	0,7	1,8
169	2,4	0,45	1,5	2,4	0,75	1,5
170	2,0	0,45	1,9	2,0	0,55	1,9
171	2,0	0,4	1,6	2,0	0,6	1,6
173	2,1	0,8	1,6	2,1	0,85	1,6
174	1,75	0,4	1,3	1,75	0,6	1,5
175	2,25	0,4	1,6	2,25	0,7	1,8
176	2,4	0,5	2,1	2,4	1,0	2,2
178	2,1	0,45	1,8	2,1	0,5	1,8
181	1,6	0,4	1,4	1,6	0,6	1,4

182	2,2	0,4	1,6	2,2	0,5	1,64
183	2,3	0,45	1,45	2,3	0,6	1,6
184	2,3	0,5	1,6	2,3	0,5	1,6
185	2,0	0,5	1,6	2,0	0,5	1,6
186	1,8	0,5	1,4	1,8	0,6	1,4
187	1,48	0,5	1,3	1,48	0,5	1,3
189	2,2	0,5	1,7	2,2	0,6	1,9
191	1,9	-	1,3	1,95	0,65	1,65
192	1,45	0,75	0,72	1,53	0,45	1,0
193	2,1	0,6	0,95	2,15	0,5	1,2
194	2,3	0,7	1,55	-	-	-
195	2,15	0,55	1,85	2,15	0,55	2,0
196	1,55	0,3	1,3	1,55	0,3	1,4
197	1,7	0,55	1,6	1,7	0,5	1,7
198	2,0	0,55	1,65	2,0	0,35	1,8
200	1,9	0,5	1,5	1,9	0,5	1,6
201	1,05	0,32	1,1	1,05	0,39	1,25
203	1,5	0,25	1,12	1,3	0,46	1,2
204	1,3	0,3	1,1	1,3	0,46	1,24
205	2,15	0,31	1,5	2,15	0,5	1,4
206	1,86	0,35	1,3	1,96	0,49	1,5
209	2,22	0,5	1,4	2,22	0,6	1,5
210	2,34	0,33	1,55	2,34	0,56	1,6
211	1,4	0,3	1,1	1,4	0,4	1,3
212	1,2	0,2	1,25	1,2	0,5	1,55
213	2,2	0,59	1,8	2,2	0,5	1,8
214	2,26	0,47	1,6	2,26	0,8	1,63
233	2,3	0,7	2,65	2,3	0,7	2,65
237	1,6	0,25	0,85	1,6	0,3	1,05
240	2,4	0,5	1,7	-	-	-
242	2,4	0,5	1,7	2,15	0,48	2,1
244	2,0	0,65	1,7	2,0	0,7	1,9
249	1,9	0,4	1,0	1,9	0,5	1,2
250	1,8	0,25	1,15	1,8	0,4	1,2
251	2,15	0,55	1,1	2,25	0,45	1,22
252	2,2	0,65	1,2	2,2	0,3	1,35
254	2,4	0,5	1,5	2,4	0,4	1,8
264	1,4	0,26	1,2	1,45	0,24	1,3
265	2,19	0,4	2,1	2,19	0,3	2,1
270	2,25	0,4	2,2	-	-	-
281	2,1	0,45	2,3	-	-	-
283	2,2	0,64	2,25	2,2	0,5	2,25
298	2,1	0,5	1,8	2,1	0,4	1,8
300	1,85	0,6	1,7	1,9	0,6	1,9
301	2,0	0,49	1,8	2,0	0,6	2,0
308	1,5	0,35	1,4	-	-	-
309	1,24	0,75	1,65	-	-	-
311	1,7	0,35	1,82	1,75	0,4	2,0
312	2,15	0,5	2,0	2,1	0,4	2,0
314	2,15	0,6	2,4	-	-	-

318	-	-	-	-	-	-
319a	1,6	0,45	1,58	1,87	0,35	1,58
319b	1,6	0,45	1,58	1,84	0,36	1,58
320	2,07	0,71	1,29	2,57	0,36	1,59
323	1,9	0,40	1,82	1,90	0,30	1,90
324	2,15	0,75	1,40	1,75	0,58	1,40
331	1,70	0,50	1,50	1,67	0,34	1,50
338	2,25	0,60-0,65	-	2,20	0,45	2,0-2,05
339	2,10	0,50-0,60	1,95	2,0	-	1,6-1,65
340(1)	1,85	0,95-1,00	-	1,80	0,20	1,65
340(2)	185	0,95-1,00	-	1,98	0,30	1,80
342	2,20-2,10	0,60-0,55	1,70-1,75	2,05	0,50	1,80
343	1,95-1,80	0,70-0,65	1,70	1,70	0,35	1,90
344	2,30	0,75-0,70	-	2,45	0,35-0,40	1,80
345	1,00-1,10	0,35-0,40	1,30	-	-	1,35
346	2,20-2,25	0,45-0,60	-	2,10	0,55-0,60	1,90
347	2,45-2,25	0,70-0,55	2,00	2,20	0,50	2,00
349	2,10-2,00	0,70-0,60	-	2,00	0,65	1,60
350	1,30	0,60	-	1,25	0,40	1,30
351	1,30-1,40	0,50	-	1,25	0,35-0,40	1,50
352	1,50-1,45	0,55-0,50	1,20-1,25	1,40	0,35-0,40	1,30-1,35
353	1,90-1,95	0,55-0,60	1,03-1,05	1,80	0,35-0,40	1,10
354	1,65-1,48	0,50-0,45	1,08	1,55	0,40	1,10
356	1,38-1,30	0,55-0,50	1,18	1,20	0,30	1,20
357	2,08-1,90	0,70-0,65	1,48	1,70	0,37-0,40	1,50
358	2,25-2,10	0,70-0,55	1,84	2,05	0,40-0,50	1,90
359	2,35-2,20	0,75-0,70	1,55	2,10	0,55	1,60
360	1,40-1,25	0,45-0,40	1,25	1,20	0,35	1,30
361	2,15-1,90	0,50-0,60	1,45	2,00	0,30-0,35	1,50
362	1,50-1,35	0,65-0,60	1,05	1,30	0,40	1,10
364	1,50-1,35	0,70-0,40	1,35	-	-	1,45
366	1,43-1,25	0,65-0,50	1,10	1,20	0,30-0,35	1,35
367	2,30-2,00	0,65-0,50	1,45-1,50	2,20	0,40-0,45	1,55-1,60
368	2,30-2,10	0,75-0,60	1,60-1,65	2,15	0,45	1,65-1,70
369(1)	2,00-1,65	0,70-0,60	1,05-1,10	1,50	0,50	1,15-1,20
369(2)	2,00-1,65	0,70-0,60	1,05-1,10	1,85	0,60	1,15
370	2,10-1,95	0,70-0,60	1,35-1,40	2,30	0,55	1,40-1,45
371	1,40-1,15	0,60-0,40	1,30-1,35	1,20	0,20	1,35-1,40
373	1,95-1,80	0,60-0,50	1,45	1,75	0,40	1,50
374	1,00-0,90	0,40-0,35	0,85	0,95	0,30	0,95
375	2,40-2,15	0,60-0,55	1,41	2,12	0,50	1,45
376	1,60-1,45	0,55-0,50	-	1,40	0,25	1,65
377	2,25-2,10	0,70-0,65	1,81	2,10	0,35	1,85
378	2,05-1,85	0,70-0,65	1,07-1,12	1,75	0,50	1,15-1,20
379	1,60-1,40	0,60-0,50	1,40-1,45	1,15	0,25	1,80
383	2,65-2,30	0,80-0,70	1,53-1,59	2,35	0,45	1,60-1,65
384	1,35-1,20	0,55-0,50	1,15-1,20	1,15	0,25-0,27	1,25-1,30
385	2,40-2,10	0,70-0,60	1,43-1,45	2,00	0,55	1,50
387	1,85-1,75	0,65-0,60	1,45-1,52	1,70	0,50	1,60
388	2,25-1,98	0,60-0,50	1,15-1,20	1,85	0,45	1,20-1,25

390	2,05-1,82	0,60-0,55	1,70-1,73	2,00	0,40	1,80
391	2,30-2,10	0,55-0,50	1,45-1,50	2,15	0,48-0,50	1,60
393	2,30-2,15	0,60-0,55	1,26-1,31	2,15	0,50	1,30-1,35
394	2,25-2,05	0,60-0,50	1,30-1,35	1,96	0,40	1,35-1,40
399	2,15-1,95	0,60-0,45	1,17-1,22	1,95	0,35-0,40	1,25-1,30
401	2,50-2,35	0,70-0,55	1,76-1,81	2,25-2,27	0,50	1,85-1,90
402	1,10-0,95	0,55-0,50	0,80-0,90	0,97	0,35	0,85-0,95
404	2,40-2,14	0,80-0,70	1,22-1,23	2,17	0,55	1,30
405	2,25-1,95	0,55-0,50	1,39-1,47	1,84-1,87	0,45	1,57-1,60
406	1,40-1,20	0,55-0,50	1,45-1,50	1,10	0,20	1,60
407	2,55-2,40	0,60-0,50	1,73-1,83	2,40	0,45	1,85-1,90
410	1,35-1,20	0,50-0,40	1,05-1,15	1,00	0,30	1,25-1,30
412	2,15-2,00	0,65-0,50	1,80-1,85	1,98	0,40-0,45	1,80-1,85
414	2,00-1,80	0,50-0,45	1,38	1,85	0,38-0,40	1,40
415	1,35-1,20	0,50-0,45	1,48-1,57	1,15	0,27-0,30	1,60-1,65
416	1,70-1,50	0,60-0,55	-	1,60	0,35-0,40	1,70-1,75
417	2,08-1,97	0,50-0,45	1,63-1,73	1,95	0,30-0,35	1,75-1,80
418	2,30-2,10	0,60-0,55	1,75-1,77	2,10	0,47-0,50	2,00
420(1)	2,50-2,25	0,60-0,70	2,10-2,13	2,40	0,50-0,55	2,20
420(2)	2,50-2,25	0,60-0,70	2,10-2,13	2,20	0,40	2,10

Приложение 6Б. Размеры грунтовых могил

№ П/П	№ МОГИЛЫ	Длина ямы	Ширина ямы	Глубина ямы
1.	23	1,3	0,5	0,9
2.	42	1,35	0,5	1,0
3.	60	1,5	0,6	1,1
4.	64	2,3	0,8	1,8
5.	65	2,1	0,8	1,35
6.	66	2,9	0,9	1,55
7.	77	1,55	0,45	1,25
8.	78	1,5	0,5	1,45
9.	79	1,9	0,55	1,1
10.	80	1,0	0,4	1,2
11.	82	1,2	0,7	1,1
12.	83	1,8	0,8	1,4
13.	84	1,8	0,8	1,3
14.	85	1,3	0,5	1,1
15.	86	1,9	0,6	1,7
16.	88	1,9	0,5	1,2
17.	89	1,45	0,4	1,1
18.	90	2,0	0,7	1,5
19.	91	1,7	1,0	1,7
20.	92	1,35	0,7	2,0
21.	93	1,2	0,55	1,3

22.	94	1,7	0,9	1,7
23.	95	1,6	0,6	2,0
24.	97	1,7	0,9	1,7
25.	98	1,9	0,7	1,85
26.	99	1,8	0,75	1,8
27.	100	1,7	0,7	1,95
28.	101	2,0	0,7	2,4
29.	102	1,5	0,6	2,1
30.	103	1,9	0,8	1,4
31.	104	1,2	0,6	2,0
32.	106	1,6	0,6	1,35
33.	118	1,5	0,55	1,2
34.	120	1,8	0,7	1,4
35.	122	1,8	0,8	1,7
36.	127	1,8	0,6	1,8
37.	129	1,5	0,6	2,0
38.	157	-	-	-
39.	168	2,2	1,15	1,6
40.	172	2,1	0,8	1,8
41.	177	2,1	0,6	1,25
42.	179	1,9	0,7	1,5
43.	180	2,5	0,85	1,75
44.	188	2,3	0,6	1,65
45.	190	2,2	0,8	1,6
46.	199	1,7	0,6	1,0
47.	207	1,98	0,63	0,8
48.	208	1,7	0,45	1,5
49.	215	2,55	0,95	2,7
50.	216	1,85	0,69	1,4
51.	217	2,3	0,8	2,2
52.	218	1,8	1,0	1,9
53.	219	2,67	0,97	1,75
54.	220	1,8	0,65	1,75
55.	221	2,0	0,7	1,65
56.	222	1,6	0,55	1,1
57.	223	2,8	1,1	2,37
58.	224a	2,0	0,8	1,5
59.	225	1,85	0,75	1,65
60.	226	2,1	0,7	1,55
61.	227	2,13	0,43	2,0
62.	228	1,35	0,5	1,65
63.	229	1,7	0,5	1,6
64.	230	1,77	0,4	1,66
65.	231	2,05	0,75	1,6
66.	232	1,75	0,5	1,5
67.	234	2,15	0,75	1,5
68.	236	2,2	0,52	1,0
69.	238	2,2	0,6	1,9
70.	239	2,5	0,75	1,4
71.	241	2,35	0,4	1,9

72.	243	2,2	0,5	1,8
73.	245	2,35	0,7	1,65
74.	246	-	-	-
75.	247	-	-	-
76.	248	-	-	-
77.	253	2,1	0,55	1,4
78.	255	1,95	0,6	1,7
79.	256	1,95	0,5	2,0
80.	257	1,95	0,5	1,6
81.	258	2,1	0,6	1,6
82.	259	1,9	0,6	2,0
83.	260	1,8	0,5	1,76
84.	261	1,5	0,56	1,6
85.	262	0,5	0,2	1,3
86.	263	2,3	0,5	1,6
87.	266	1,8	0,52	1,3
88.	267	2,14	0,54	1,58
89.	269	1,8	0,45	1,20
90.	271	1,8	0,5	1,4
91.	272	1,8	0,5	1,6
92.	273	1,7	0,5	1,3
93.	274	1,9	0,5	1,16
94.	275	2,45	0,48	1,1
95.	276	1,15	0,45	1,2
96.	277	1,1	0,35	1,11
97.	279	2,05	0,48	1,4
98.	280	1,9	0,42	1,35
99.	282	1,8	0,6	1,4
100.	285	1,72	0,72	2,25
101.	286	1,8	0,55	2,1
102.	287	1,65	0,49	1,65
103.	288	1,8	0,8	2,05
104.	289	1,9	0,5	1,8
105.	290	1,8	0,5	1,55
106.	291	1,9	0,52	1,3
107.	292	1,8	0,68	0,94
108.	293	1,2	0,5	1,4
109.	294	1,83	0,5	0,8
110.	295	2,1	0,45	0,95
111.	296	2,2	0,38	1,2
112.	297	1,8	0,8	1,5
113.	299	2,6	1,15	1,8
114.	302	1,85	0,62	1,7
115.	303	2,0	0,75	1,6
116.	304	1,8	0,6	1,8
117.	305	1,9	0,9	1,7
118.	306	1,2	0,5	1,2
119.	307	1,9	0,7	1,5
120.	310	1,9	0,45	0,45
121.	313	2,05	0,5	2,1

122.	315	2,67	0,84	1,43
123.	316	-	-	-
124.	317	1,75	0,31	1,47
125.	321	-	-	-
126.	322	1,9	0,65	1,60
127.	325	1,60	0,60	1,15
128.	326	2,04	0,55	1,25
129.	327	2,10	0,60-0,64	1,30
130.	328	1,63	0,40	1,30
131.	329	1,45	0,55	1,25
132.	330	1,25	0,50	1,40
133.	337	0,65	0,40	0,80-0,90
134.	341	2,60	0,75	1,40
135.	355	2,05	0,60-0,65	1,20-1,30
136.	372	2,50-2,40	0,90-0,70	1,55
137.	380	2,45-2,35	0,70-0,55	1,55-1,60
138.	381	2,25-2,10	0,75-0,60	1,30-1,35
139.	382	2,60	1,20	1,10
140.	386	1,80-1,70	0,60-0,55	1,10-1,20
141.	389	1,65-1,54	0,53-0,46	1,30
142.	392	2,05-1,80	0,68-0,60	1,00-1,10
143.	395	2,35-2,20	0,80-0,70	1,75-1,85
144.	396	2,00-1,80	0,90-0,50	1,85
145.	397	2,05-1,90	0,60-0,50	1,10
146.	398	1,25-1,15	0,45-0,37	0,80-0,85
147.	400	1,35-1,08	0,76-0,40	1,30
148.	403	2,30-1,95	0,65-0,62	1,20
149.	408	1,10-1,02	0,60-0,50	1,15-1,20
150.	409	2,00-1,82	1,00-0,75	0,90
151.	411	2,70-2,52	1,10-0,78	0,60-0,65
152.	413	2,70-2,05	1,05-0,87	2,25
153.	419	2,60-2,27	1,20-1,00	1,85-1,95

Приложение 7.

Размеры могил некрополя Инкерманский (по Веймарн, 1948)

Приложение 7А. Размеры подбойных могил

№	Длина ВЯ	Ширина ВЯ	Глубина ВЯ	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
1.(41)	2,45	0,64-0,45	2,35	2,70	0,76	1,0
2.(37)	2,35	0,65-0,55	1,70	2,60	0,70-0,60	0,60
3.(35)	2,25	0,80-0,70	1,40	2,70	0,55-1,0	0,70
4.(13)	1,83	0,65	2,27	1,90	0,73	0,97
5.(16)	2,20	0,65	2,60	3,10	0,90	0,70
6.(23)	2,60	1,0	1,33	2,80	0,70	0,75
7.(33)	2,60	0,70	1,15	2,35	0,60	0,55
8.(32)	2,0	0,70	0,50	0,87	0,65	0,60
9.(36)	2,30	0,75	2,15	2,25	0,70-0,63	2,20
10.(38)	1,85	0,65	1,10	-	-	-
11.(29)	2,60	0,72	2,30	2,40	0,90	0,74
12.(1)	1,90	0,80	1,70	-	-	0,43
13.(4)	-	-	2,0	-	-	-
14.(17)	2,45	0,60	1,40	2,70	1,0	1,05
15.(20(Ю))	2,50- 2,10	0,90	1,35	2,15	0,60	1,45
15.(20(С))	2,50- 2,10	0,90	1,35	2,30	0,85	1,35
16.(28)	2,60	0,90	2,25	2,60	0,70	0,90-0,60
17.(30)	2,30	0,60	2,30	2,50	0,50-0,70	1,0
18.(40)	2,20	0,45-0,55	0,35	-	-	-
19.(39)	2,0	0,60	0,60	-	-	-
20.(34)	2,30	0,75-0,60	1,15	-	-	-
21.(45)	1,65	0,50	0,40	-	-	-
1.(26)	1,70	0,50	1,30	1,80	0,70	0,55
2.(9)	2,20	0,67	2,20	2,55	1,10	0,26
3.(27)	2,50	0,75	1,80	2,85	0,90-0,60	0,70

Приложение 7Б. Размеры грунтовых могил

№	Длина	Ширина	Глубина
1.(42)	2,45	0,85	2,10
2.(43)	-	-	1,65
3.(2)	1,95	-	2,0
1.(5)	1,90	0,62	0,46
2.(3)	1,25	0,52	0,60
3.(24)	2,30	0,65(С)-0,60(Ю)	0,30
4.(15)	2,15	0,78(С)-0,65(Ю)	0,68
5.(11)	1,0	0,50	-

6.(19)	2,10	0,52(С)-0,48(Ю)	0,60
7.(12)	2,0	0,60	0,60
8.(22)	2,10	0,50(С)-0,40(Ю)	0,75
9.(8)	0,75	0,55	0,60
10.(7)	0,30	0,60	0,45
11.(14)	1,80	0,60(С)-0,70(Ю)	0,72
12.(44)	2,05	0,50(С)-0,60(Ю)	0,50
13.(18)	1,10	0,60	0,70

Приложение 7В. Размеры грунтовых склепов

№	Длина ВЯ (иногда пишут дромос)	Ширина ВЯ у основания	Ширина ВЯ у ПК	Ширина дромоса	Высота дромоса	Длина камеры	Ширина камеры
1 (1940)	--	-	-			2,5	2,13
2.(10)	4,05	0,65	1	0,7	0,65	-	-
3.(25)	4,10	0,75	1,35	0,75	0,7	2,70	2,85-2,4
5.(31)	1,75	0,65	0,95			2,3	2,1
4.(6)	-	-				1,50	1,45
5.(21)	3,40	0,80(С);0,7 0(Ю)		0,65	0,6	-	-
6 (1941)						2,5	2,5
7 (1941)							

Приложение 8.

Размеры могил некрополя Красный Мак (по: Лобода, 2005)

Приложение 8В. Размеры грунтовых склепов

№	Длина ВЯ	Ширина ВЯ у основания	Ширина ВЯ у ПК	Ширина дромоса	Длина дромоса	Высота дромоса	Длина камеры	Ширина камеры
1	2,8	0,6	0,8	0,6	0,8	-	3,15	2,83
2	3,75	0,3	0,86	0,7	0,95	1	3,1	2,95
3	2,6 неп.	0,75	1	0,68	0,5	-	3,6	2,4
4	2,65 неп.	0,57	0,94	0,68	0,7	-	3,75	2,48
5	3,66	0,44	0,98	0,76	0,5	-	3,8	2,42
6	3,85	0,55	1,02	0,7	-	-	3,13	2,8
7	-	-	-	-	-	-	2,6	2,2
8	3,58	0,4	0,9	0,8	0,45	-	3,25	2,4
10	3,25	0,35	0,75	-	0,7	-	2,96	2,13
11	3,8	0,48	1,02	0,62	0,65	-	3,5	2,22
13	-	-	1	0,67	0,58	-	3,02	2,25
15	-	-	-	0,7	0,76	-	3	2,35
16	-	-	-	0,64	0,74	-	2,74	2,26

Приложение 9.

Размеры могил некрополя Севастопольский (Совхоз-10) (по: Бабинов, 1967; Рыжкова, 1966; Стржелецкий, 1954; 1956; 1961; 1962; 1964; 1965)

Приложение 9А. Размеры подбойных могил

№ П/П	№	Длина ВЯ	Ширина ВЯ	Глубина ВЯ	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя	Глубина подбоя
1.	1	1,96	0,75	1,55	-	-	-	-
2.	2	1,87	0,60	1,55	-	-	-	-
3.	3	1,90	0,60	1,15-1,20	-	-	-	-
4.	4	1,40	0,48	1,20	-	-	-	-
5.	5	1,54	0,53	0,90	-	-	-	-
6.	8(а)	1,90	0,95	1,50	2,25	0,90	0,90	-
7.	8(б)	1,90	0,95	1,50	-	-	-	-
8.	9	1,50	0,60	1,10	-	-	-	-
9.	10	2,15	0,50	1,10	-	0,28-0,30	-	-
10.	11	1,70	0,60	1,60	-	-	-	-
11.	12(низ)	1,60	0,58	1,0	-	-	-	-
12.	13	1,58	0,45	1,75	-	-	-	-
13.	14	2,38	1,0	1,39	-	-	-	-
14.	15	1,60	0,65	1,10	-	-	-	-
15.	17	1,60-1,90	0,70	1,55	-	-	-	-
16.	18	2,0	0,75	1,20	-	-	-	-
17.	19	1,35	0,60	1,50	-	-	-	-
18.	21	1,30	0,60	1,00	-	-	-	-
19.	22	1,38	0,65	1,10	2,40	--	-	-
20.	23	2,50	0,70	1,40	-	--	-	-
21.	24	1,80	1	1,25	2,0	0,60	-	-
22.	25	1,10	0,38	-	-	-	-	-
23.	26	1,86	1,10	-	-	-	-	-
24.	27	-	-	-	--	-	-	-
25.	28	-	-	-	-	-	-	-
26.	29	-	-	-	-	-	-	-
27.	30	1,70	0,50	1,65	-	-	-	-
28.	31	1,70	0,58	0,90	1,90	0,64	0,47	-
29.	32	1,33	0,50	1,42	1,30	0,55	0,48	-
30.	35	2,20	0,56	1,60-1,70	-	0,20-0,40	-	-
31.	36	2,25	0,65	1,85-1,95	2,25	0,53	0,30	-
32.	37	2,05	0,40-0,50	1,50-1,60	-	0,25-0,40	-	-
33.	38	1,75	0,60	1,0	-	-	-	-
34.	39	1,75	0,75-0,86	1,30	-	-	-	-
35.	40	1,98	0,50	0,90	-	0,70	0,20	1,20
36.	41	0,70	0,50	1,25	-	-	-	-

37.	42	2,15	0,65		-	-	-	-
38.	43	2,30	0,70	1,10	-	-	-	1,20
39.	44	1,95	0,90	<1,0	-	-	-	1,10
40.	46	1,70	0,75		-	-	-	-
41.	48	2,35	0,70	1,25	-	-	-	-
42.	49(A)	1,75	0,90	-	-	-	-	
43.	49(B)	1,75	0,90	-	-	-	-	1,60- 1,74
44.	49(B)	1,75	0,90	-	-	-	-	1,60- 1,74
45.	50	1,70	0,70	-	-	-	-	-
46.	51	1,45	0,50	1,20	-	-	-	-
47.	52	1,50	1,00	0,20-0,30	1,80	-	-	-
48.	53	1,50	0,60- 0,75	1,10	1,40	0,62	0,46	-
49.	54	1,60	0,80	1,0	-	-	-	-
50.	55	1,70	0,60	1,80	1,50	0,40- 0,60	-	-
51.	57	2,25	0,70- 0,78	0,85	2,20	0,55-0,8	0,60	0,92
52.	58	1,80	0,60- 0,65	1,85-1,90	1,80	0,65	-	0,80
53.	59	1,25	0,60	1,0	1,10	0,60	-	-
54.	60	2,15-1,80	0,45	0,60	-	-	0,50	0,45
55.	61	2,05	0,65- 0,70	1,55	-	0,85	0,44	1,80
56.	62	1,50	1,00	0,60	-	-	-	-
57.	64	1,75	0,75	0,90	1,30	<0,40	-	-
58.	65	1,75		0,70	1,80	0,60	-	-
59.	66	0,95	0,65	0,60-0,73	-	0,65	-	-
60.	69	1,80		1,30	-	-	-	0,65
61.	70	1,30		0,80	1,30	0,50	-	1,00
62.	71	1,69	0,70- 0,80	-	1,69	-	-	0,70
63.	72	1,75	-	-	1,75	0,80	-	0,85
64.	73	1,45	-	<0,50	-	0,75	-	-
65.	74	1,75	0,55	0,30	1,80	0,50	-	-
66.	75	1,85	0,55	2,00	1,40	0,85	0,80- 0,90	2,40
67.	76(a)	1,55	0,60	1,90	1,70	0,80	0,70	-
68.	76(б)	1,55	0,60	1,90	1,40	0,60	0,65	-
69.	77(a)	1,50	0,50	1,80	1,50	0,55	0,90	-
70.	77(б)	1,50	0,50	1,80	1,50	1,00	0,70	-
71.	78	2,05	0,45	2,40	1,90	0,60- 0,70	0,90	-
72.	79	1,30	0,85	1,02	1,20	0,25- 0,35	-	-
73.	80	-	-	0,70	1,40	0,60	0,50- 0,60	-
74.	81	2,30	0,95	2,0-2,10	1,60	0,60	0,80	-

75.	82	1,30	0,55	0,70	-	-	-	-
76.	83	1,85	0,70	1,65	-	-	-	-
77.	84	-	-	0,70	1,40	0,40	-	-
78.	85	1,70	0,60	0,80-0,90	1,60	0,35	0,60	-
79.	87	2,00	-	0,60-0,70	-	-	-	-
80.	88	1,60	0,55	-	-	-	-	0,55
81.	89	1,40	0,40-0,90	1,00	-	-	-	1,20
82.	90	1,20	-	0,50	-	-	-	-
83.	91	1,50	0,60	0,35-0,45	1,30	0,60	-	-
84.	93	1,70	0,60	0,50	1,50	0,60	-	-
85.	94	-	-	-	-	0,50	0,60	-
86.	95	1,55	0,45	1,20	1,05	0,35	0,70	1,35
87.	96	1,40	0,60	-	1,20	-	-	-
88.	97	1,60	-	0,60	-	-	-	1,00
89.	98	1,40	1,00	0,55	-	-	-	-
90.	99	1,80	0,60	-	1,65	0,45	-	1,55
91.	100	1,45	0,55	1,00	1,40	0,55	-	1,10
92.	104	1,70	-	0,30	1,90	0,80	-	0,60
93.	110(a)	1,90	0,75	1,50	1,60	0,45	-	-
94.	110(б)	1,90	0,75	1,50	1,80	0,75	-	-
95.	113	-	-	-	2,30	0,70-0,75	-	0,90
96.	114	-	-	-	2,00	0,65	-	1,00
97.	115	2,00	-	-	-	-	-	-
98.	116	-	-	-	1,80	0,60	-	1,00
99.	119	1,10	-	0,60-0,70	1,20	0,50	-	-
100.	121	1,20	0,40	0,20	1,20	0,40	-	0,50
101.	124	-	-	-	1,30	0,60	-	0,85
102.	125	1,35	0,70	1,20	-	-	-	1,40
103.	126	1,10	0,50-0,60	0,45	1,20	0,60	-	0,60
104.	127	2,00	0,70	-	-	0,50	0,60	1,00
105.	128(?)	1,50	0,60	0,25	-	-	-	-
106.	130	1,70	-	-	1,70	-	-	1,20
107.	131	1,40	0,50	-	-	0,50	<0,40	0,80
108.	132	1,90	0,50	0,40	-	-	-	0,40
109.	133(?)	1,65	0,60	0,20	-	-	-	-
110.	134	1,80	0,50	-	-	0,55	-	0,80
111.	135	1,50	0,50	0,35	-	-	-	-
112.	136	1,20	0,50	0,25	-	-	-	-
113.	137	-	-	-	1,35	0,60	0,70	-
114.	140	1,30	0,45	0,35	-	-	-	-
115.	141	1,30	0,55	0,50	-	-	-	-
116.	142	1,30	0,70	-	-	0,40-0,45	-	0,30
117.	143	1,50	0,75	0,40	-	-	-	0,40
118.	144	2,15	0,80	1,40	-	0,60-0,75	0,80	1,65
119.	145	1,90	0,58	0,50	1,95	0,60	-	0,60

120	146	1,40	0,40	0,45	-	-	-	-
121	147	2,4	0,60	1,05	2,40	0,70	-	-
122	148(a)	2,00	0,55- 0,60	0,90	2,10	0,45- 0,55	-	-
123	148(б)	2,00	0,55- 0,60	0,90	1,70	0,30- 0,42	-	-
124	153	2,00	0,55- 0,65	1,25	2,00	0,40- 0,75		1,50- 1,60
125	154	1,40	0,50	1,30	-	0,30- 0,35	-	0,90
126	156	2,40	0,70	1,90	1,85	0,40	-	1,95- 2,00
127	157	1,60	0,50	1,60		1,10	0,60	2,30
128	158(a)	2,10	0,45	2,45	2,25	0,35	-	0,90- 0,95
129	158(б)	2,10	0,45	2,45	2,35	0,65	-	1,00
130	160	1,75	-	-	-	0,65	-	0,75
131	161	2,00	0,65	0,70	1,80	0,30	-	0,90
132	164	2,00	0,45	1,50	-	0,55	-	0,55
133	165	1,60	0,70	1,00	-	-	-	0,40
134	166	1,70	<0,50	>1,50	1,00	0,50	-	2,20
135	167	2,20	0,60	1,40	-	1,00	0,65	-
136	168(a)	2,30	0,70	1,85	-	-	-	-
137	168(б)	2,30	0,70	1,85	-	-	-	-
138	170	1,60	0,60	0,60	-	0,4	0,30	-
139	172	1,70	>1,00	-	-	0,75	-	0,75
140	173	1,20	0,75	-	-	0,57	-	0,50
141	174	1,45	0,50- 0,65	0,55	-	-	-	-
142	175	160	0,40- 0,50	0,50	-	-	-	-
143	176	1,45	0,40	0,50	-	-	-	-
144	177	1,70	0,90	-	1,90	0,75	-	1,80
145	178(a)	1,80	0,50	0,70	1,80	0,40- 0,70	0,40	0,85
146	178(б)	1,80	0,50	0,70	1,45	0,50	0,40	0,70
147	179	1,60	0,85	0,60	-	0,60	-	0,75
148	180	-	-	-	0,70	0,20- 0,33	-	-
149	181	1,80	0,50	>1,00	-	-	-	-
150	182	0,70	0,25	-	-	-	-	0,10
151	184	-	<0,40	-	1,30	0,85	-	0,84- 0,90
152	191(B)	1,65	0,50	1,70-1,93	-	0,58	0,80	-
153	191(3)	1,65	0,50	1,70-1,93	-	0,65	0,70	-
154	192	1,65	0,45- 0,75	2,20	-	0,45	1,03	-
155	194(3)	2,05	0,75	1,85	1,90	0,50	-	2,00
156	194(B)	2,05	0,75	1,85	1,65	0,40	-	2,00

157	195	1,78	0,65	-	-	0,30-0,40	0,50	-
158	196(3)	2,50	1,00	1,70	-	0,65	1,10	2,11
159	196(B)	2,50	1,00	1,70	-	0,30-0,60	1,00	2,11
160	197	2,00	0,60	1,60	-	0,72-0,90	0,80	1,80
161	198(3)	-	-	0,25	1,60	0,65	-	0,50
162	198(B)	-	-	0,25	1,60	0,65	-	0,50
163	200	2,90	-	0,50	-	-	-	-
164	202	2,14	0,55	2,20	-	0,25-0,55	0,90	>2,20
165	203	2,15	0,50	1,27	-	-	-	1,27
166	204(IO3)	1,87	0,66	1,70	1,53	0,57	0,51	-
167	204(CB)	1,87	0,66	1,70	1,30	0,60	0,95	-
168	205(IO3)	1,80	0,57	1,80	1,50-1,65	0,75	0,75	-
169	205(CB)	1,80	0,57	1,80	1,30-1,45	0,30	0,63	-
170	206	1,90	0,50	1,10	1,90	0,68	0,75	-
171	207	1,97	0,53	1,65	-	0,65	0,85	-
172	208	1,73	0,50	1,95	1,70	0,20-0,45	0,82	-
173	209	1,95	0,55	1,00	1,95	0,25	0,55	-
174	210	1,07	0,50	0,55	-	-	-	-
175	213	2,80	1,08	1,20	2,45	0,58	0,95	-
176	214(C)	1,75	0,73	1,95	1,70	0,80	1,15	-
177	214(IO)	1,75	0,73	1,95	1,40	0,70	1,00	-
178	219	1,85	0,60	1,90	2,18	0,65	0,95	-
179	220	2,10	0,55	1,30	2,20	0,80	0,67	-
180	221	2,30	0,50-0,64	1,55	1,90	0,25-0,35	0,50	-
181	222	2,10	0,55	1,74	1,85	0,60	0,95	-
182	223	2,18	0,67	1,77	2,26	0,82	0,90	-
183	224	2,40	0,55	1,45	2,50	0,60	0,72	-
184	225	1,86	0,55	1,00	-	-	-	-
185	226	2,25	0,55	1,65	2,23	0,65	0,74	-
186	227	2,20	0,50	1,73	2,10	0,70	0,75	-
187	228	1,98	0,52	1,82	2,05	0,64	0,82	-
188	229	1,35	0,50	1,17	-	-	-	-
189	230	1,62	0,40	1,06	1,26	0,30	0,36	-
190	231	2,10	0,50	1,50	1,96	0,66	0,93	-
191	232	2,40	0,67	2,47	2,65	0,45-0,90	0,90	-
192	233	1,95	0,50	1,30	2,00	0,40-0,62	0,65	-
193	234	2,62	1,00	1,40	2,25	0,60	0,52	-
194	235	1,90	0,50	1,05	-	-	-	-
195	237	2,40	0,63	1,25	2,10	0,80	0,80	-
196	238	1,00	0,46	0,35	-	-	-	-

197	240	2,04	0,50	1,65	1,95	0,68	0,69	-
198	241	1,80	0,55	1,10	1,88	0,66	0,56	-
199	242	2,10	0,50	1,50	2,13	0,65	0,80	-
200	243	1,45	0,44- 0,54	2,10	1,40	0,75	0,90	2,22
201	244(A)	2,00	0,50	2,10	1,77	0,60	0,86	-
202	244(Б)	2,00	0,50	2,10	1,95	0,83	0,90	-
203	245(A)	1,40	0,35- 0,43	2,03	1,36	0,45- 0,65	0,60	-
204	245(Б)	1,40	0,35- 0,43	2,03	1,42	0,55- 0,65	0,56	-
205	246	1,98	0,35- 0,43	1,87	2,05	0,43- 0,50	0,50	-
206	247(A)	1,65	0,33- 0,47	1,70	1,62	0,70- 0,83	0,66	-
207	247(Б)	1,65	0,33- 0,47	1,70	1,50	0,60	0,67	-
208	248	1,50	0,47	1,48	1,62	0,44- 0,55	0,68	-
209	249(СВ)	-	0,70	1,97	-	0,65	1,05	-
210	249(ЮЗ)	-	0,70	1,97	-	0,60	0,57	-
211	251	1,98	0,47- 0,76	2,10	2,04	0,58- 0,65		-
212	252	1,47	0,49	1,74	1,44	0,60	0,55	-
213	253	2,27	0,63- 0,67	-	1,85	0,68		-
214	255	1,36	0,46	1,89	1,50	0,62	0,52	-
215	258	1,80	0,58	-	1,77	0,38	-	-
216	260(A)	2,16	0,55	1,90	2,02	0,45- 0,75	-	-
217	260(Б)	1,26	0,55	1,90	1,90	0,70- 0,90	-	-
218	261	1,97	0,57	1,40	1,92	0,70	0,70	-
219	263	1,26	0,58	1,16	1,35	0,45- 0,65	0,50	-
220	264	2,13	0,57	1,18	2,12	0,35- 0,65	0,68	-
221	265	1,30	0,55	0,60	1,25	0,40	0,25	-
222	266	2,03	0,51	1,20	1,95	0,65	0,55	-
223	267	2,03	0,65	1,32	2,00	0,50- 0,55	0,55	-
224	268	1,64	0,45	1,86	1,75	0,52	0,67	-
225	270	1,74	0,67	2,00	1,72	0,65	0,60	-
226	271	2,12	0,60	1,62	1,98	0,40- 0,75	0,50	-
227	272	1,70	0,50	2,00	1,72	0,60	0,70	-
228	274	2,30	0,43	1,85	2,25	0,65	0,65	-
229	276	2,13	0,48	1,36	2,10	0,55- 0,70	0,80	-
230	277	2,37	0,65	-	2,40	0,96	-	-
231	278	2,20	0,85	2,00	2,50	0,80	0,84	-

232	279	2,19	0,43	1,50	2,12	0,52	0,55	-
233	280	2,15	0,50	2,00	-	0,62	-	-
234	281	2,07	0,55	1,60	2,20	0,75	0,59	-
235	282	2,02	0,51	1,93	1,97	0,57	0,70	-
236	284	1,84	0,61	1,72	1,80	0,92	0,68	-
237	285	1,58	0,50	1,90	1,55	0,78	0,72	-
238	286	1,40	0,52	1,05	1,40	0,50	0,58	-
239	287	1,72	0,53	1,35	1,70	0,72	0,61	-
240	288	2,62	0,54	1,05	2,50	1,00	0,50	-
241	289	2,07	0,65	1,66	2,05	0,70	0,75	-
242	291	2,25	0,55	1,05	2,10	0,84	0,59	-
243	294	2,00	0,50	-	-	-	-	-
244	295	2,00	1,00	-	-	-	-	-

Приложение 9Б. Размеры грунтовых могил

№	Длина	Ширина	Глубина
6	1,75	0,90	0,90
7	1,78	0,52-0,76	0,60-0,70
12(верх)	1,60	1,15	0,40-0,50
16	1,32-2,0	0,60	0,50
20	1,90	1,05	1,65
33	2,15	0,45-0,64	0,69-0,80
34	1,37	0,45-0,52	1,20
45	1,80	0,35-0,40	0,60-0,80
47	1,45	0,60	-
56	1,96	0,70	1,80
63	1,20	0,50	0,80
67	1,30	0,62	1,00
68	2,20	0,60-1,0	1,42
86	1,60	0,45	0,20
91	1,20	0,70	0,50
101	1,30	0,70	0,25
102	1,45	0,70	0,20-0,35
103	1,75	1,40	0,15-0,35
105	1,60	0,70	0,50
106	1,35	0,70	0,25-0,30
107	1,35	0,40-0,60	0,20-0,30
108	1,00	0,60	0,30
109	1,20	0,50	0,20
111	1,70	0,60-0,80	0,10-0,35
112	1,20	0,85	0,35
117	1,30-1,55	0,80	0,20-0,30
118	0,90	0,30-0,40	0,40-0,50
120	1,20	0,40	0,20
122	1,00	0,60	0,50
123	1,85	0,42	0,50
129	1,20	0,40	0,20

138	1,20	0,50	0,35
139	1,00	0,40	0,10-0,15
149	-	-	0,50
150	1,10	0,50	0,10-0,25
151	1,50	1,15	0,40-0,45
152	1,80	0,45-0,50	0,60
155	1,80	0,65	1,00
159	1,60-1,25	0,65-0,95	0,50-0,60
162	1,90	0,50	0,80
163	1,55	0,50-0,75	0,70-0,80
169	1,40	0,60	1,80
171	1,20	0,50	0,50
183	1,00	0,55	0,60
185	1,50	0,50	0,40
186	-	-	0,40-0,45
187	-	-	0,40-0,50
188	-	-	-
189	-	-	-
190	-	-	-
193	1,80-2,20	0,57-0,80	1,73
199	2,50	>1,00	0,50
201	1,40	0,45	0,7-0,13
211	1,55	0,80	1,90
212	1,50	0,60	1,70
215	2,45	0,65	1,00
216	1,12	0,64	0,77
217	2,00	0,70	1,45
218	1,70	0,67	1,20
236	2,06	0,53	1,50
239	2,60	0,60	0,97
250	2,15	0,55	0,78
254	2,60	0,65-0,68	0,65
256	1,75	0,35-0,47	0,43
257	1,60	1,20	0,55
259	2,22	0,72	-
262	2,17	0,83	-
269	1,85	0,70	-
273	-	-	-
275	1,85	0,55	0,53
283	1,82	0,45	1,39
292	2,03	0,50	-
293	2,02	0,50	-

Приложение 9В. Размеры грунтовых склепов

№	Длина ВЯ	Ширина ВЯ	Ширина ВЯ у ПК	Длина камеры	Ширина камеры
2	2,05	0,52	0,62	2,36	1,60
3	2,50	0,55		2,30	1,43

4	2,75	0,46	0,9	2,40	2,00
5	2,35	0,44		2,50	2,10
6	3,10	0,42		1,95	2,30
7	3,00	1,10		2,35	2,55
8	3,15	1,05		2,20	1,90
9	2,25	0,53	0,73	2,15	2,25
10	2,57	0,82	1,14	2,67	2,83
11(15)	1,9	0,77	0,9	2,53	2,1
12(14)	2,02	0,53	0,99	2,2	2,33
13(19)	2,6	0,45		2,88	2,07
14(13)	2,64	0,74		1,91	1,77
15(18)	2,43	0,53		2,55	2,08
16(11)	1,88	0,87		2,4	2,1
17(12)	2,45	0,65		2,15	1,45
18(20)	-	-		2,38	2,7
19(16)	1,76	0,9		2,35	2,12
20(17)	2,6	0,68		2,6	2,2

Приложение 10.

Размеры могил некрополя Чернореченский (по Веймарн, 1950; Бабенчиков, 1963)

Приложение 10А. Размеры подбойных могил

№ П/П	№ могилы	Длина ВЯ	Ширина ВЯ	Глубина ВЯ ¹	Длина подбоя	Ширина подбоя	Высота подбоя
1.	1.(1)	2,55	0,60	1,30(З)	1,57	0,75	0,56
2.	2.(2)	1,65	0,60	1,86(К)	2,0	0,85	0,60
3.	3.(4)	1,40	0,6	1,40(К)	1,25	0,40	0,60
4.	4.(17)	1,10	0,5	0,75(К)	1,10	0,34	0,55
5.	5.(30)	1,65	0,56	1,60(К);2,10(З)	1,65	0,65	0,60
6.	6.(31)	1,70	0,45	0,70(К);1,40(З)	1,63	0,80-0,50	-
7.	7.(35)	1,95	0,70	0,95(К)	2,05	0,85	0,70
8.	8.(36)	2,20	0,50	0,62(К)	2,35	0,53	0,50
9.	9.(37)	1,68	0,43	0,75(К)	1,55	0,55	0,50
10.	10.(41)	1,30	0,50	0,83(К)	1,40	0,53-0,34	0,50
11.	11.(43)	1,40	0,46	0,58(К);1,50(З)	1,40	0,43	0,40
12.	12.(44)	1,0	0,50	0,75(К);1,75(З)	0,98	0,37	0,60
13.	13.(45)	2,75	0,46	0,85(К);1,60(З)	2,75	0,55	0,55
14.	14.(46)	2,0	0,40	0,75(К);1,60(З)	2,0	0,60	0,48
15.	15.(47)	1,80	0,45	1,50(К);2,0(З)	1,83	0,45	0,50
16.	17.(50)	1,80	0,50	1,10(К);1,90(З)	1,85	0,45-0,30	0,50
17.	18.(54)	1,43	0,38	0,85(К);1,35(З)	1,45	0,42	0,50
18.	19.(55)	1,50	0,30	0,70(К);1,30(З)	1,53	0,40	0,32
19.	20.(56)	2,27	0,50	1,65(К);1,95(З)	-	-	-
20.	21.(57)	1,02	0,35	0,68(К);1,18(З)	1,12	0,30	0,40
21.	22.(59)	2,12	0,55	1,80(З)	2,12	0,55	0,55
22.	23.(60)	2,05	0,35	2,23(З)	2,05	0,45	0,45
23.	24.(61)	1,82	0,40	2,00(З)	1,84	0,50	0,45
24.	25.(67)	1,90	0,46	1,80(З)	1,90	0,60	0,45
25.	26.(68)	2,10	0,45	1,90(З)	2,10	0,60	0,45
26.	27.(70)	1,70	0,45	1,75(З)	1,72	0,43	0,30
27.	28.(71)	1,47	0,45	1,85(З)	1,44	0,80	0,50
28.	29.(72)	1,43	0,47	1,80(З)	1,57	0,55	0,55
29.	30.(78)	2,27	0,45	2,06(З)	-	-	-
30.	31.(86)	2,57	0,65	1,82(З)	2,60	0,62	0,55
31.	32.(87)	1,75	0,45	1,85(З)	1,78	0,45	0,50
32.	33.(89)	0,82	0,43	0,95(З)	0,68	0,37	-
33.	1.(3)	1,90	0,50	1,70(З)	1,95	1,05	0,60
34.	2.(18)	2,14	0,85	3,0(З)	2,15	0,90	0,50
35.	3.(58)	1,18	0,40	1,60(З)	1,50	0,78	0,50
36.	4.(69)	1,85	0,45	1,95(З)	1,87	0,50	0,60
37.	5.(82)	1,90	0,45	2,05(З)	2,0	0,85	0,60

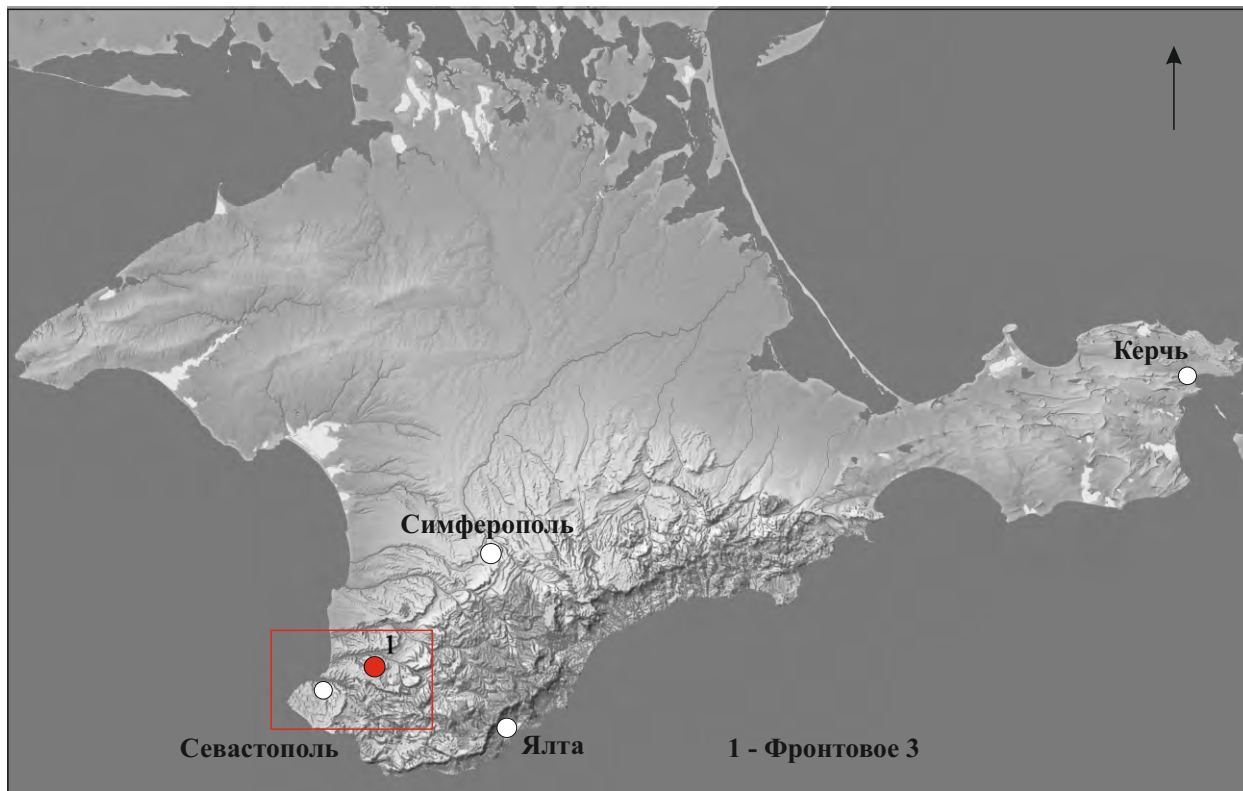
¹ З - от поверхности земли, К - от уровня дна котлована

Приложение 10Б. Размеры подбойных могил

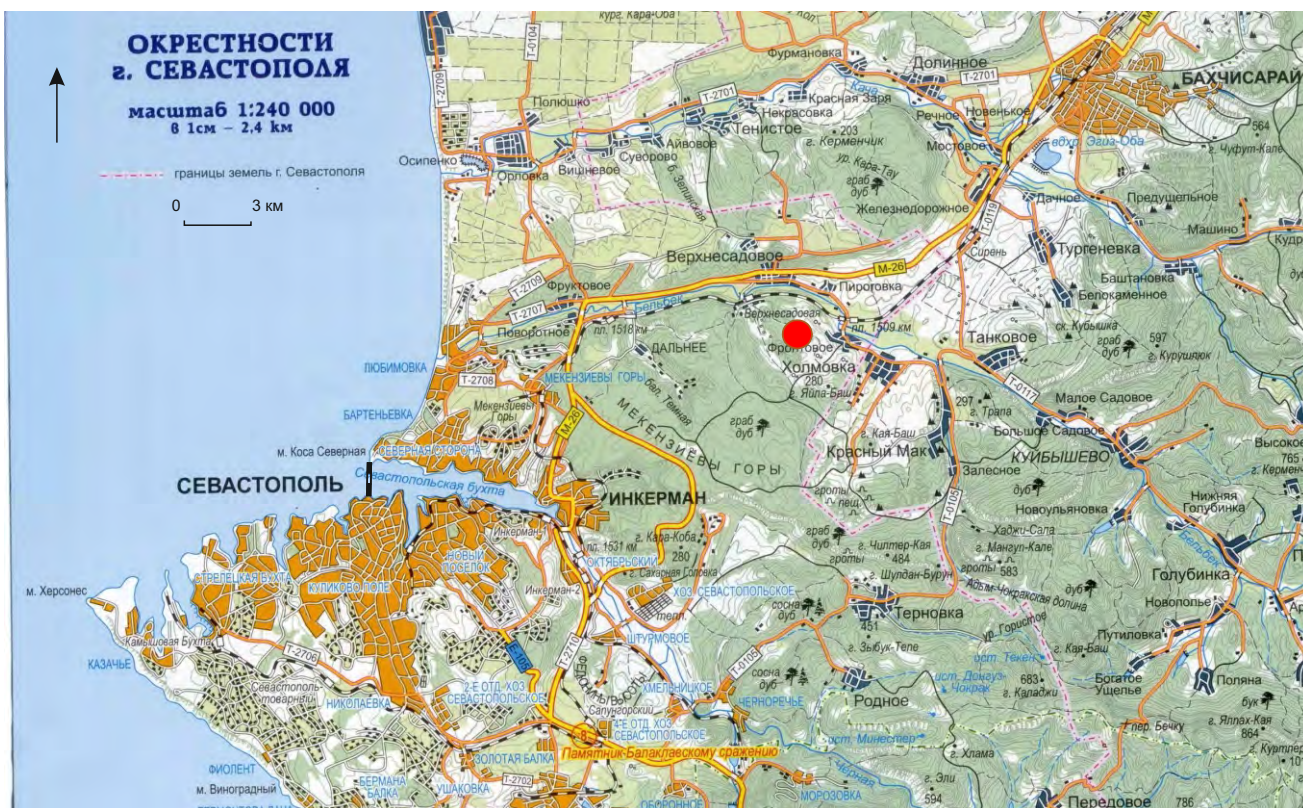
№ П/П	№	Длина	Ширина	Глубина
1	1.(26)	1,43	0,50	0,68
2	2.(29)	0,95	0,50	0,60
3	3.(32)	1,31	0,45	0,60
4	4.(52)	1,14	0,60	1,30
5	5.(63)	1,0	0,55	1,0
6	6.(74)	1,62	0,43	0,70
7	7.(80)	1,60	0,50	0,73
8	8.(84-85(?))	1,95	0,65	0,85

Приложение 10В. Размеры грунтовых склепов

№	Длина ВЯ	Ширина ВЯ у основания	Ширина ВЯ у ПК	Ширина дромоса	Высота дромоса	Длина камеры	Ширина камеры
1.(6)	4	0,95	0,95	0,85	0,5	2,75	1,5
2.(7)	3	0,9	0,8			2,25	2,15
3.(40)	4,85	0,45	1,15	0,8	0,8	3,20	2,60
5.(53)	2,2		1	0,6	0,84	2,50	2,50
6 (64).	-	-	-	0,86		3,6	3
7.(75)	3	-	1			2,50	1,80
4(77)	1,5	0,70	0,75	0,65	0,8	2,45	2,2

1

2

Рис. 1. Могильник Фронтное 3.

1 - местоположение могильника на карте Крыма;

2 - местоположение могильника на карте Юго-Западного Крыма

1

2

Рис. 2. Могильник Фронтвое 3.
1 - Вид на памятник с квадрокоптера до начала работ с северо-востока; 2 - вид на памятник до начала работ с юго-востока.

1

2

Рис. 3. Могильник Фронтное 3. 1 - Вид с юга на разрушенный дерновой слой в западной части памятника; 2 - космоснимок окрестностей памятника по состоянию на 2005 г. (по Google Earth, 2024).

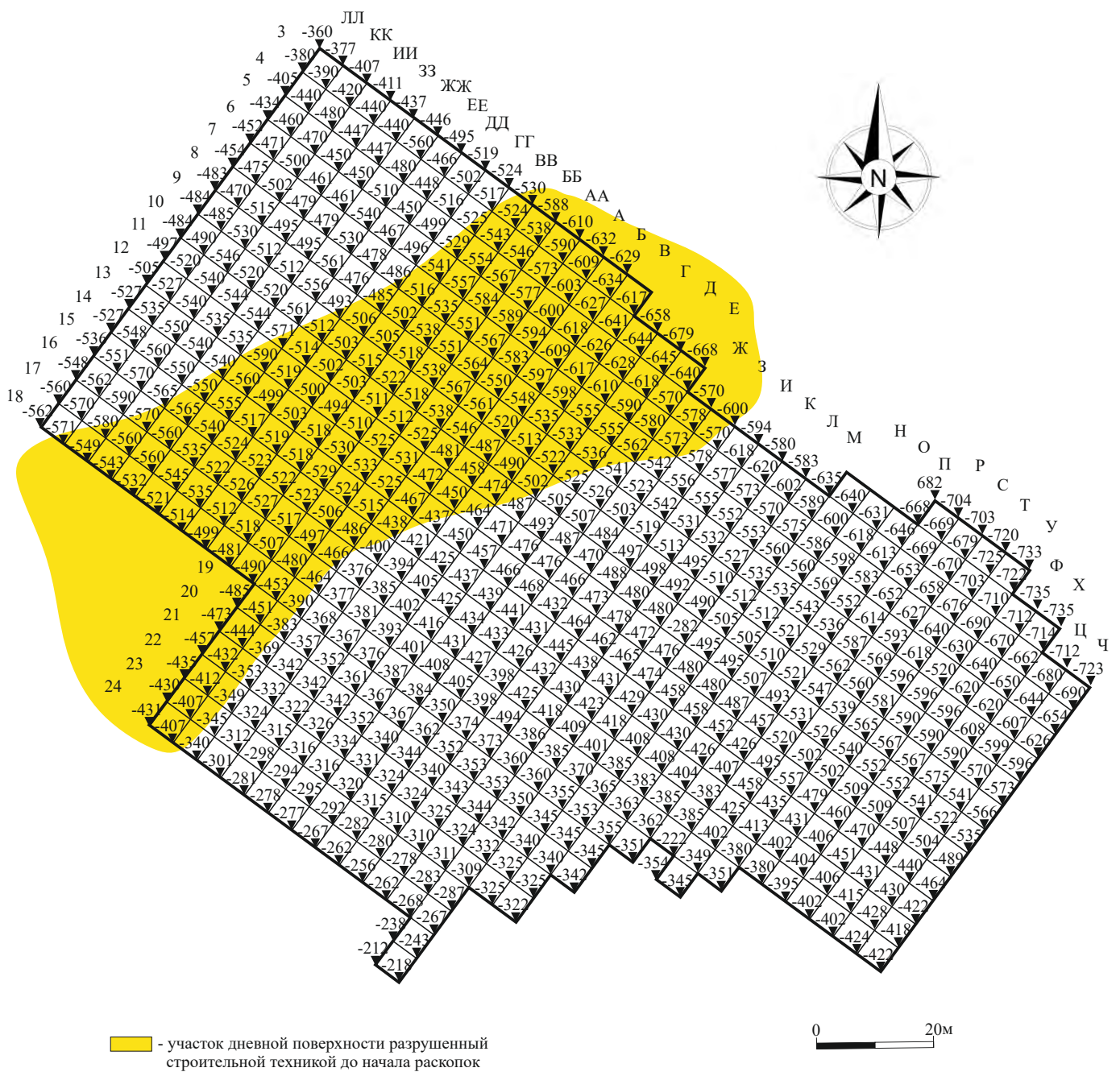

Рис. 5. План раскопа с нанесением сетки квадратов и нивелировки дневной поверхности

1

2

Рис. 6. Могильник Фронтное 3. Вид на памятник в процессе исследования.
1 - Вид с юго-востока; 2 - на памятник до начала работ с юго-запада; 2 - вид с юго-востока.

1

2

Рис. 7. Могильник Фронтовое 3. Вид на памятник в процессе исследования. 1 - Вид на центральную часть с северо-востока; 2 - вид на раннюю часть могильника с северо-запада.

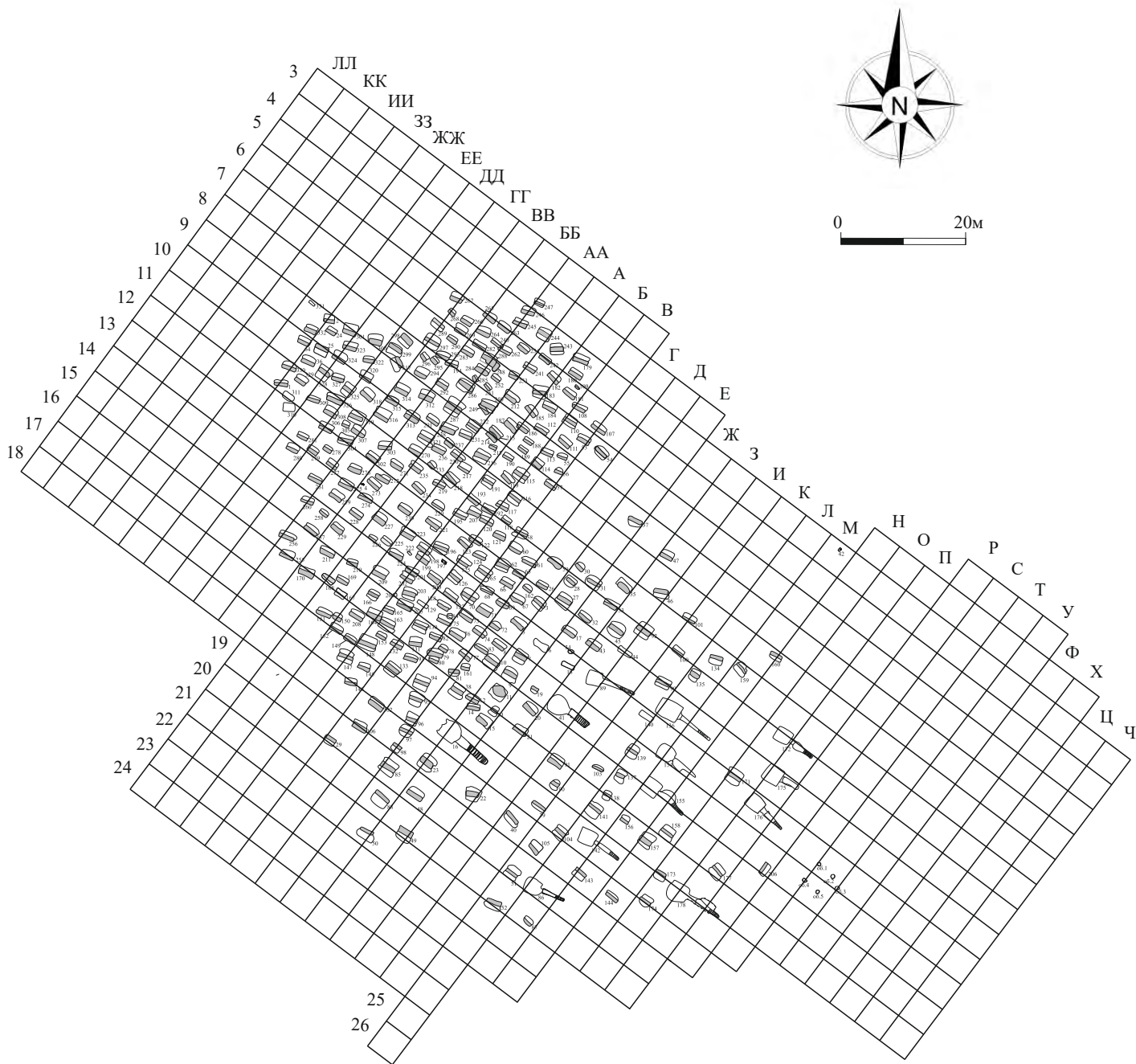

Рис. 8. План раскопа с нанесением могил и сетки квадратов

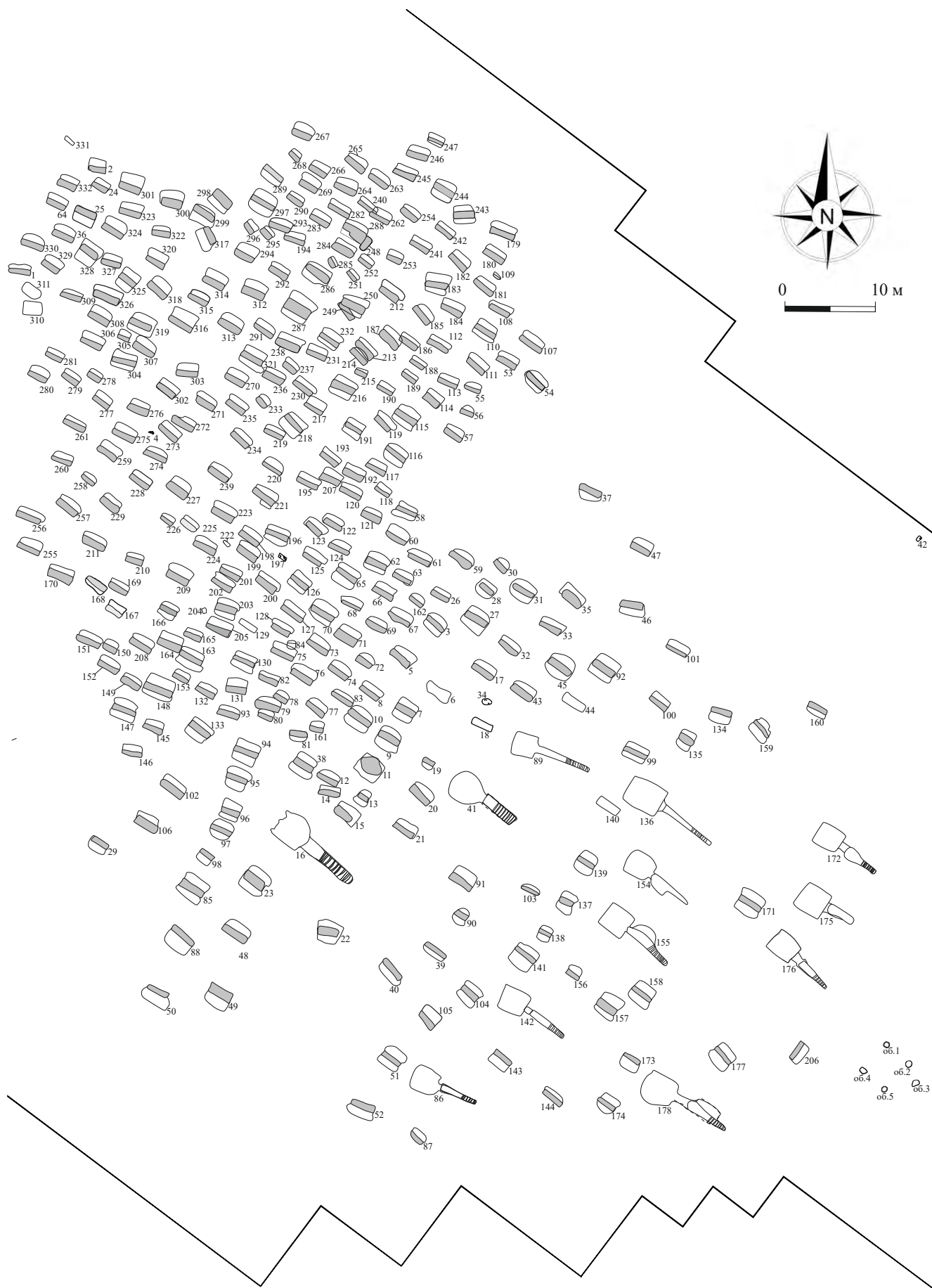

Рис. 9. План расположения могил

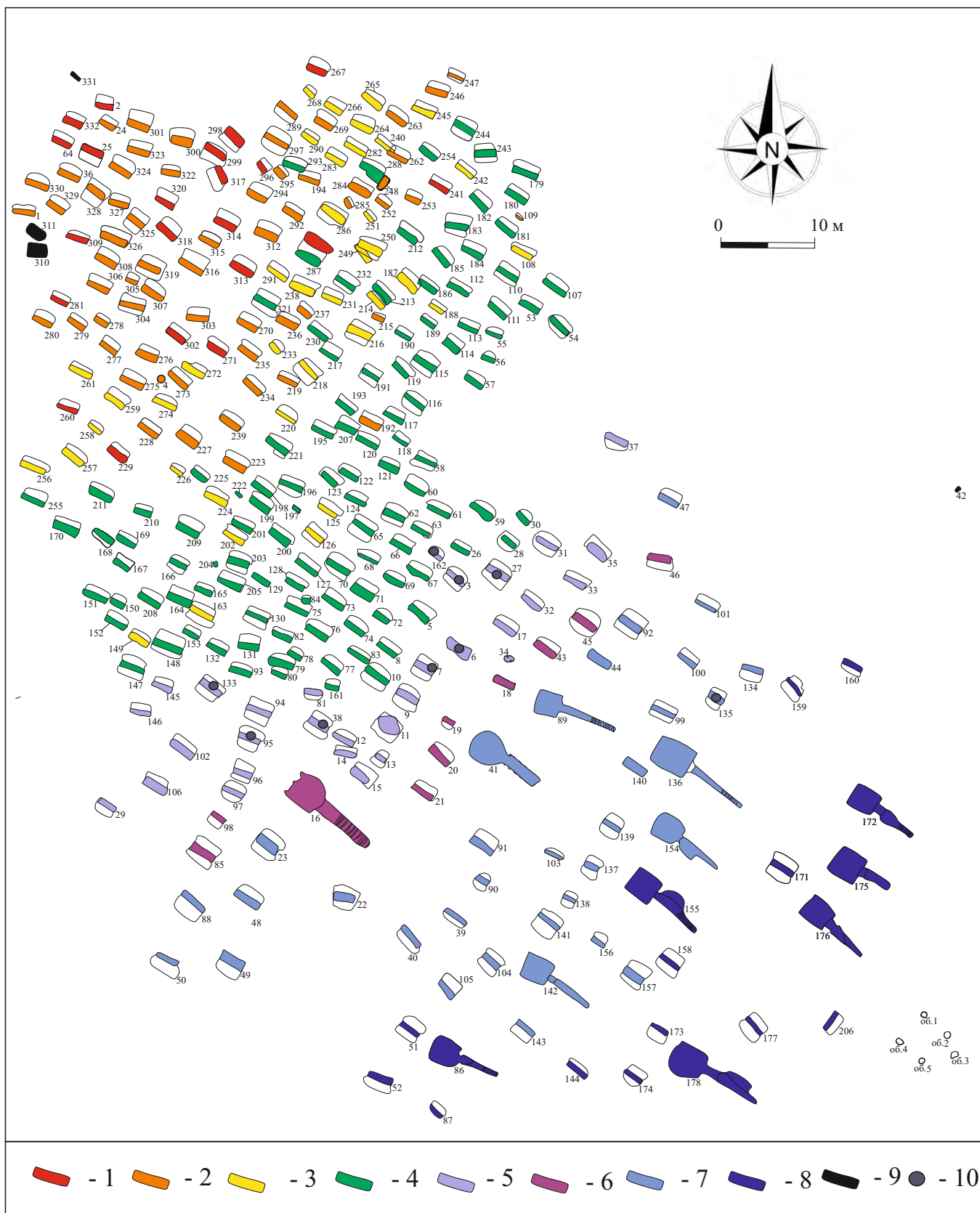
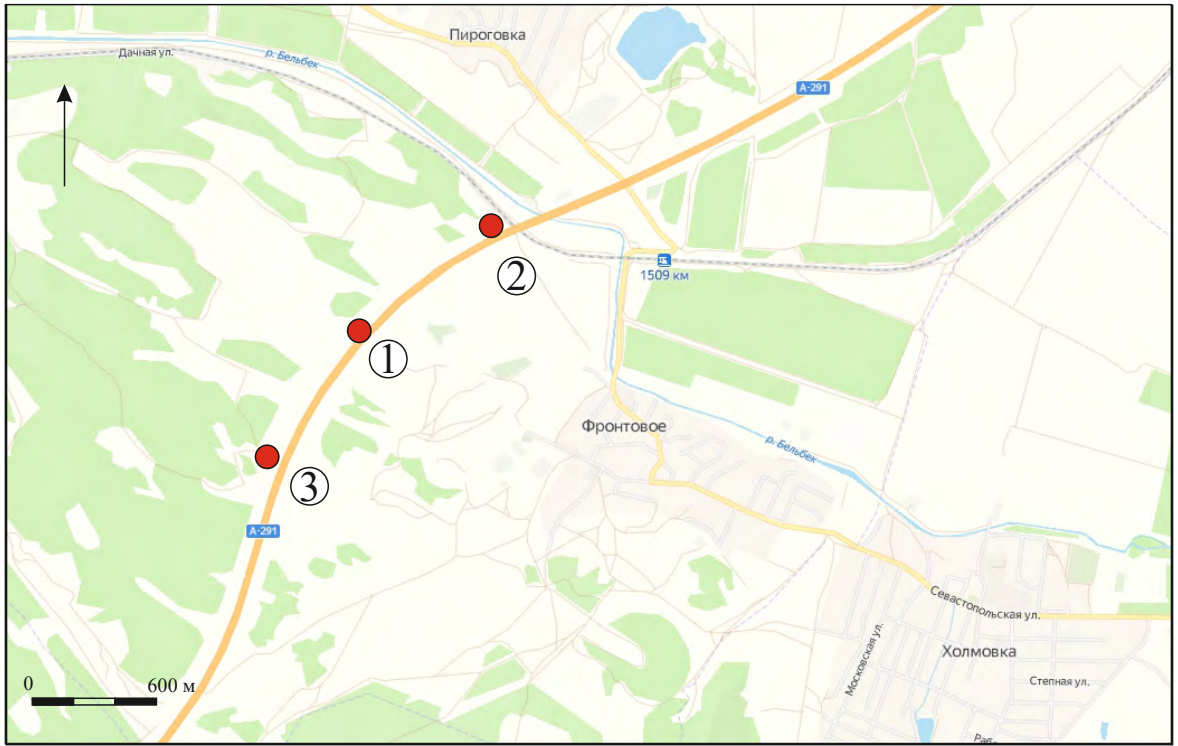

Рис. 10. Датировка погребальных сооружений. 1 - конец I – начало II в.;
 2 - начало II – середина II в.; 3 - середина – 2-я половина II в.;
 4 - конец II – 1-я половина III в.; 5 - 2-я половина III – начало IV в.;
 6 - конец III (?) – 1-я половина IV в.; 7 - 2-я четверть – 2-я половина IV в.;
 8 - 4-я четверть IV – начало V в.; 9 - бронзовый век;
 10 - монеты середины III в. на границе периодов 1 и 2;

1

2

Рис. 11 Могильник Фронтвое 3. 1 - расположение могильника по отношению к р. Бельбек и соседним памятникам: 1 - могильник Фронтвое 3, 2 - поселение Фронтвое 2, 3 - поселение Кермен-Бурун; 2 - вид на долину р. Бельбек с юга.

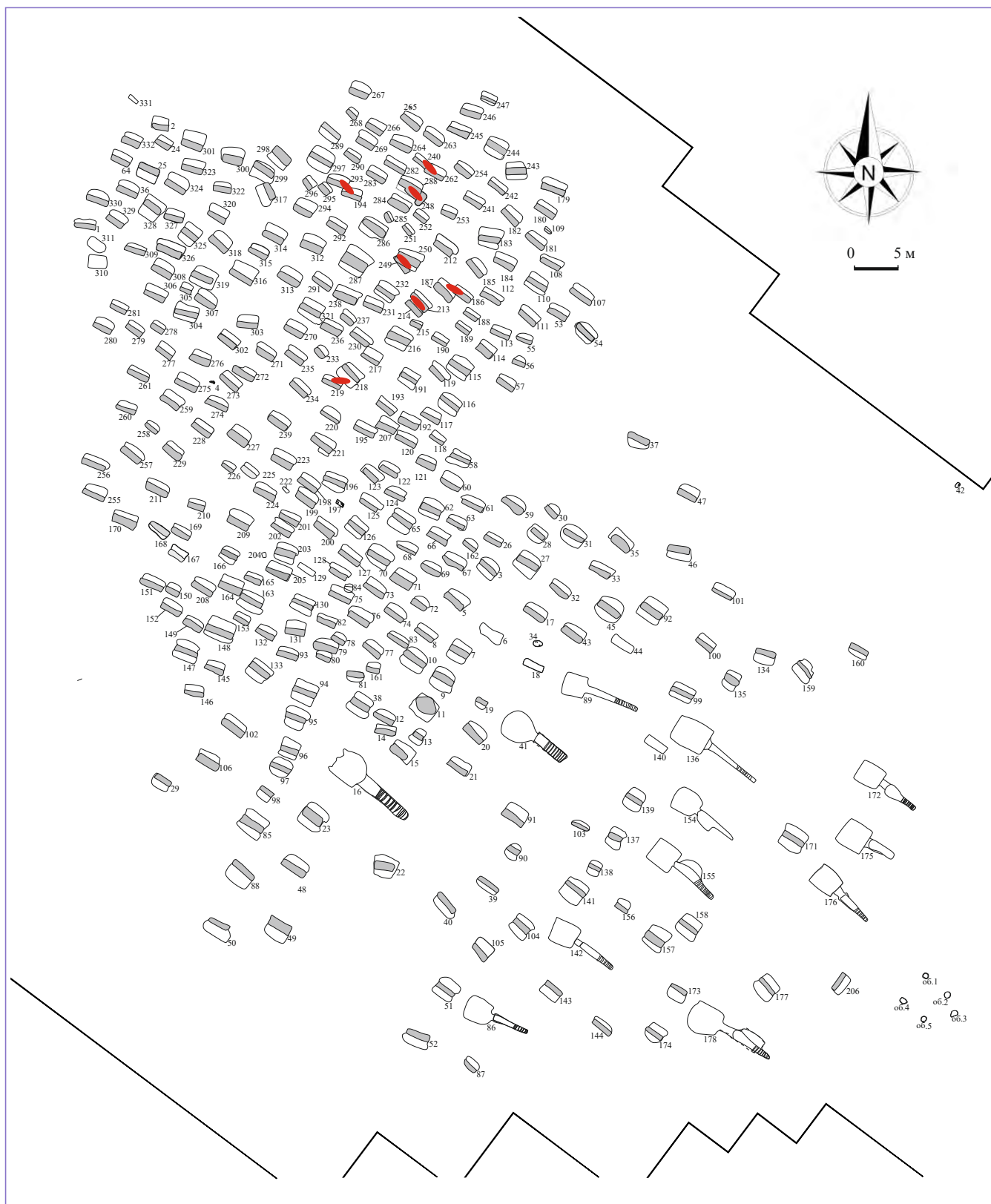

1

2

Рис. 12. Могильник Фронтовое 3. Подбойные могилы. 1 - могила № 76; 2 - могила № 3.

 - могилы перекрывающие одна другую.

Рис. 13. Могильник Фронтное 3. Планиграфия расположения могил перекрывающих одна другую.

1

2

Рис. 14. Могильник Фронтное 3. Могилы перекрывающие одна другую.
1 - могила № 219; 2 - могила №262. .

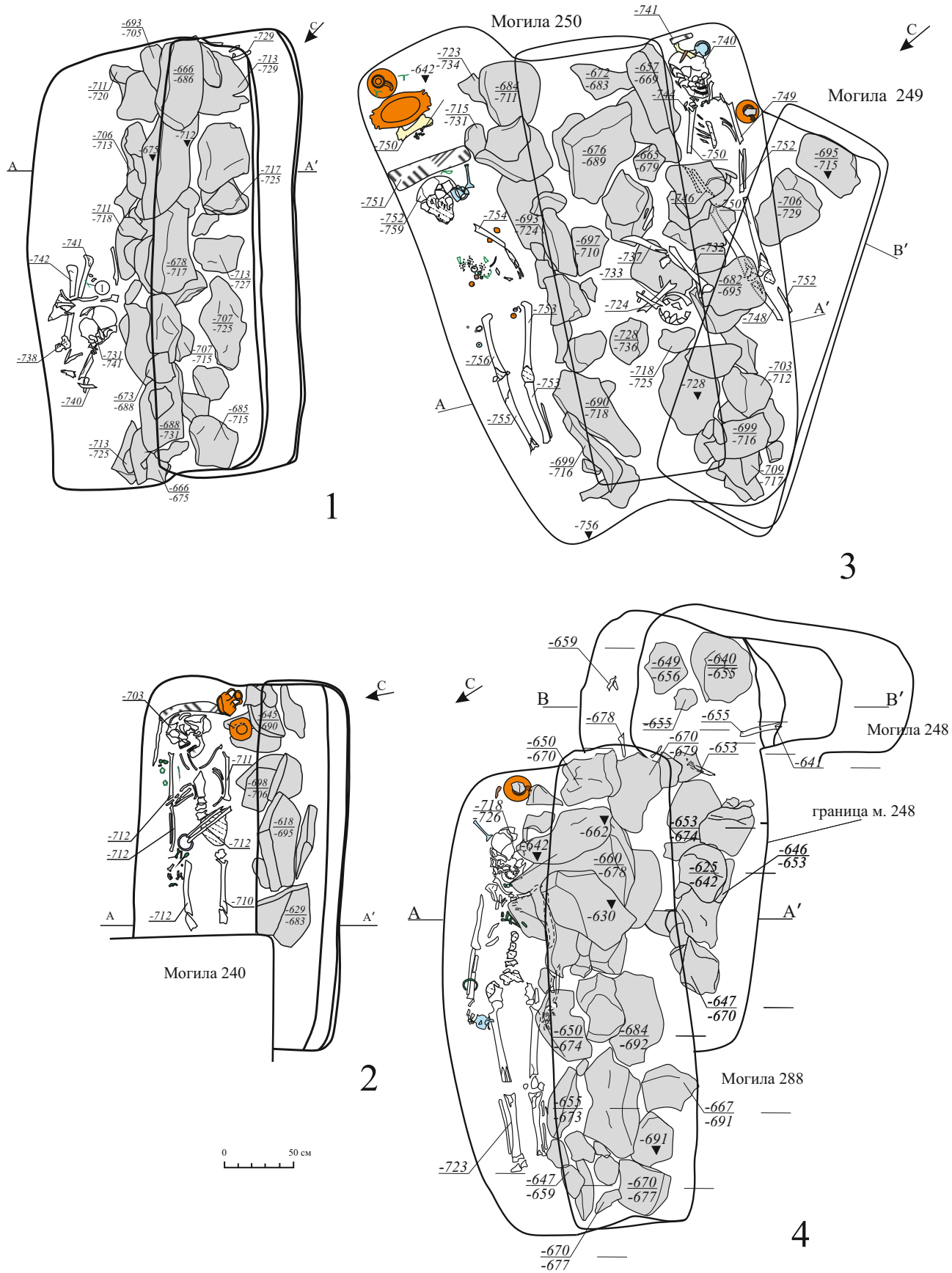
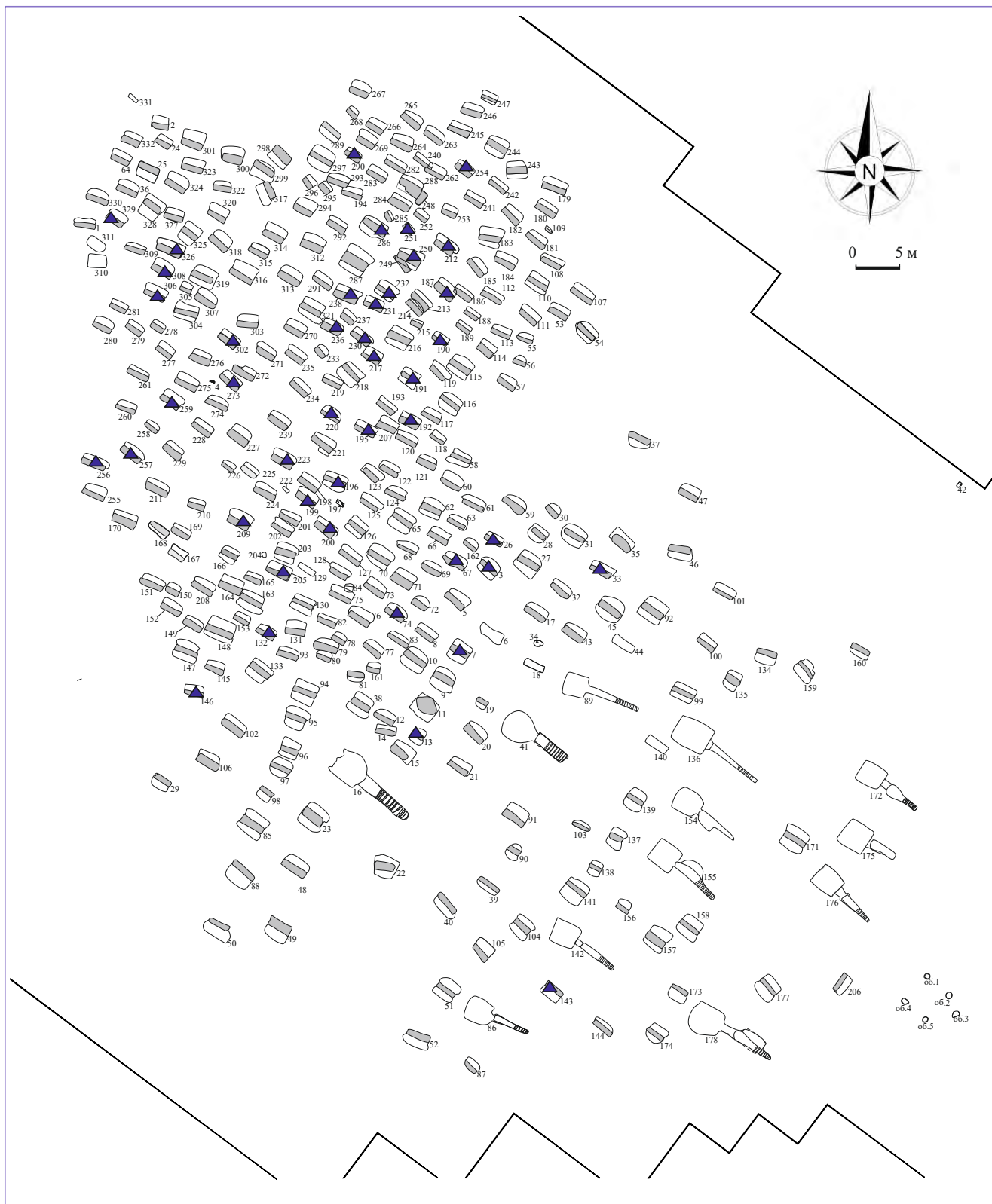

Рис. 15. Могильник Фронтное 3. Могила перекрывающие одна другую.
 1 - могила № 187; 2 - могила № 262; 3 - могила № 249,250; могила № 248,288.

▲ - каменный маркер

Рис. 16. Могильник Фронтвое 3. План расположения могил с каменными маркерами.

1

2

Рис. 17. Могильник Фронтное 3. Могилы с каменными маркерами (надгробиями). 1 - могила № 196; 2 - могила №192.

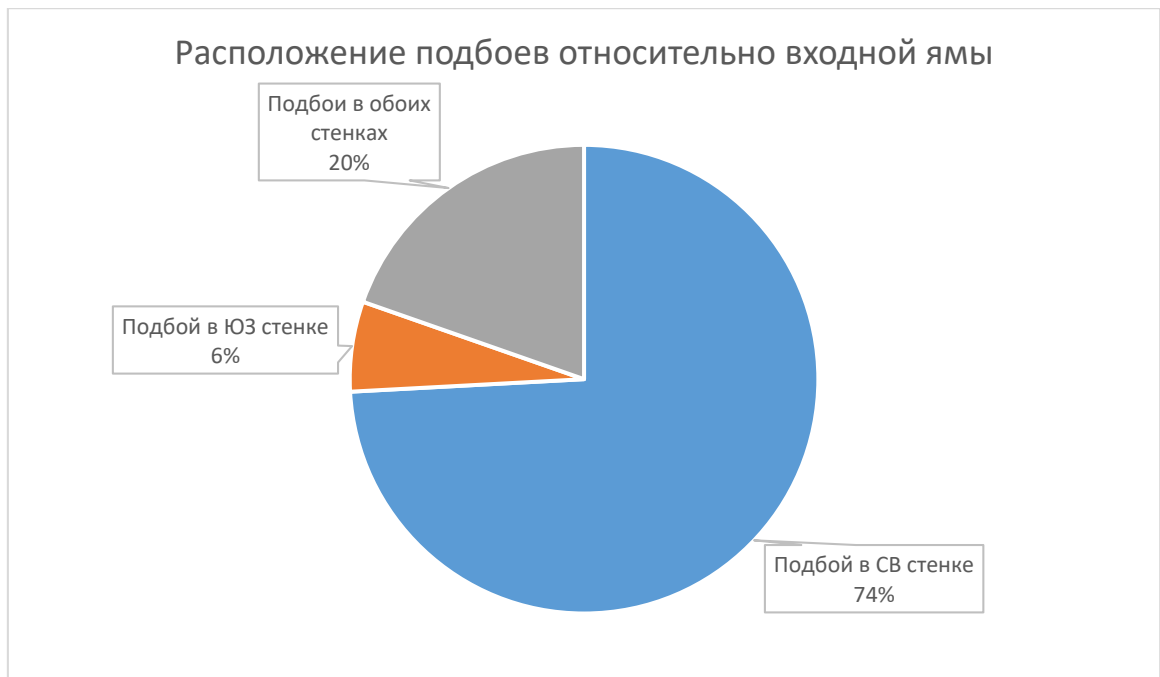

Рис. 18. Процентное соотношение расположение подбойных ниш относительно входной ямы.

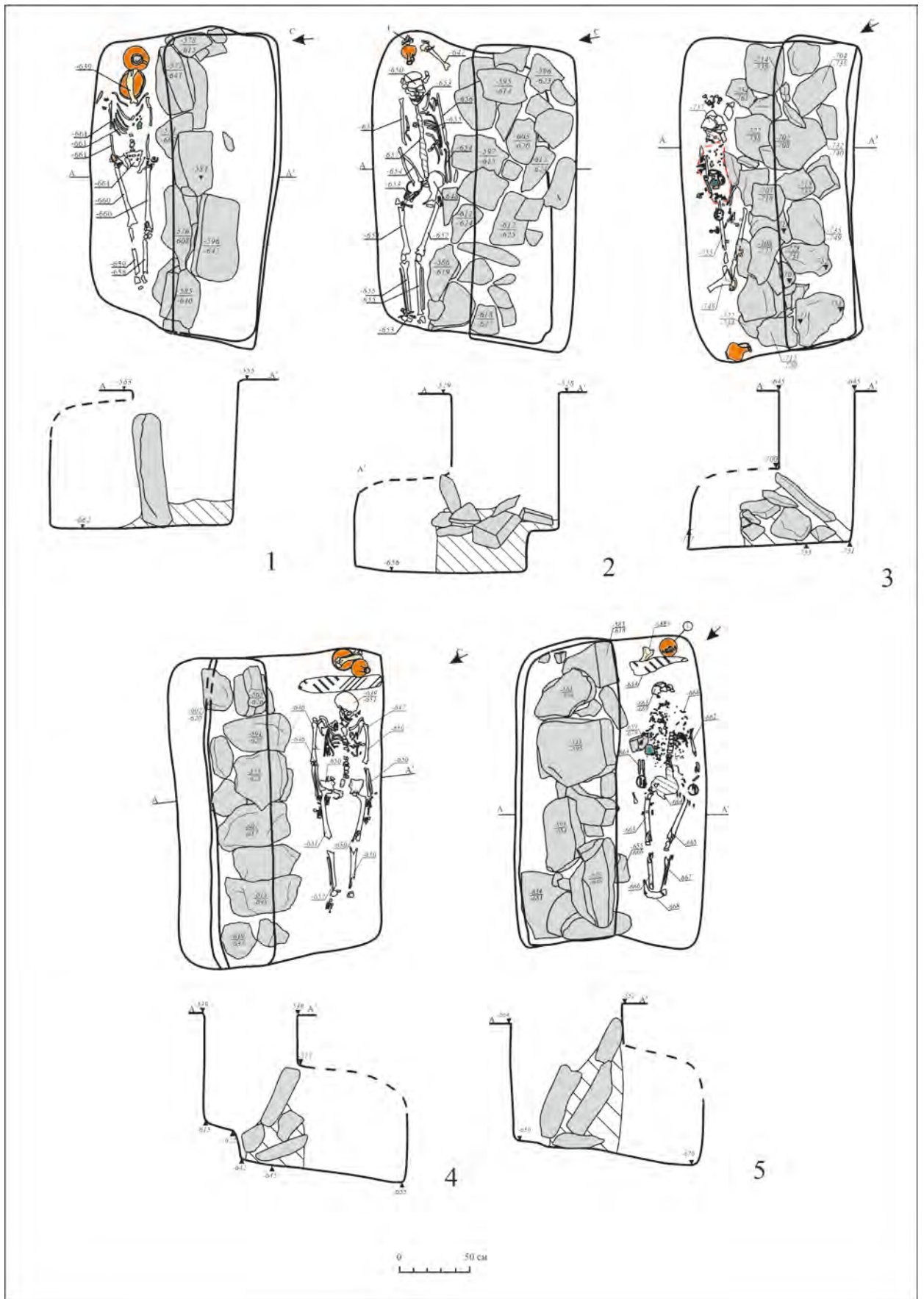

Рис. 19. Могильник Фронтное 3. Могилы с подбоями.
 1 - могила № 276; 2 - могила № 71; 3 - могилы № 184; 4 - могила 25; 5 - могила 298.

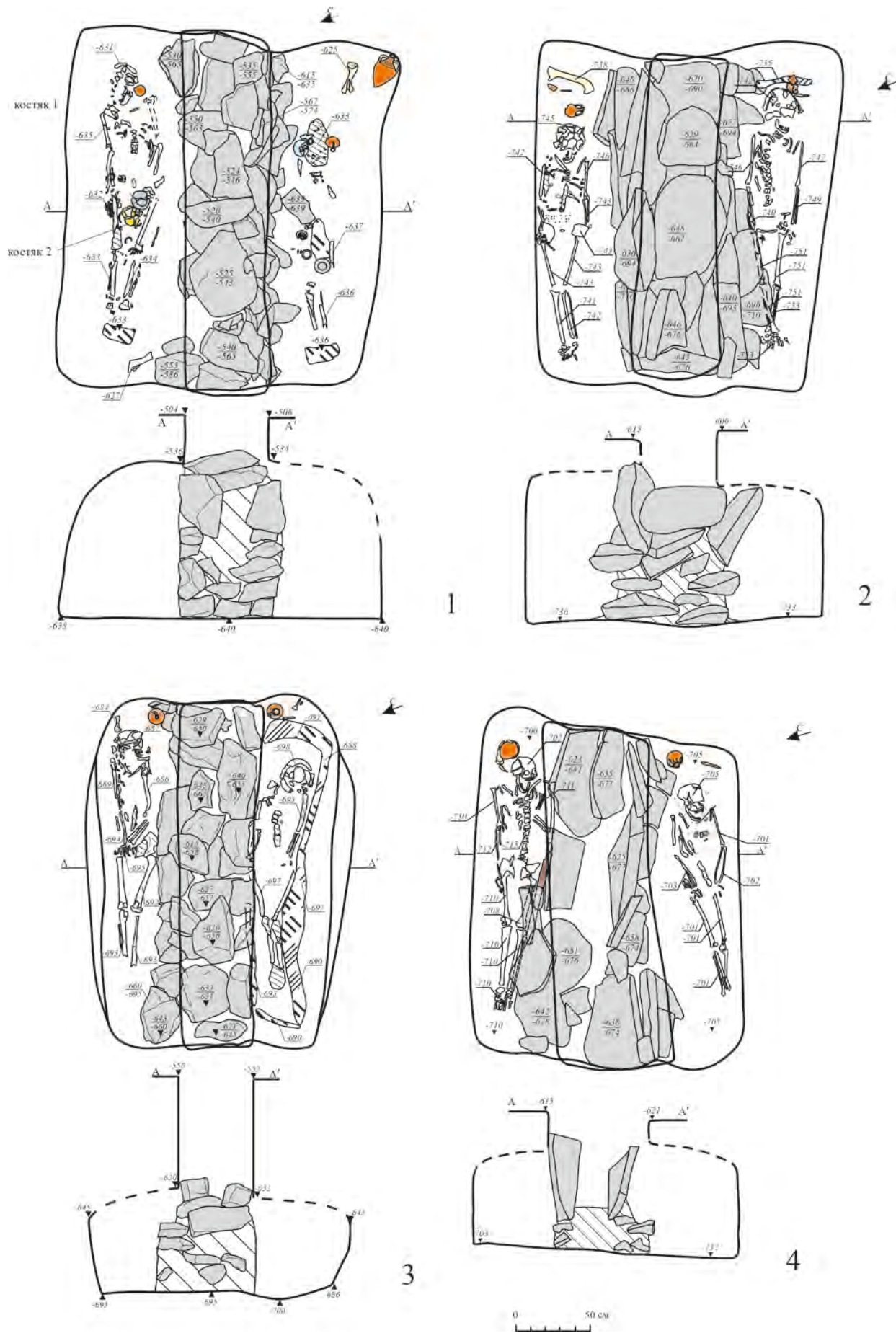

Рис. 20. Могильник Фронтное 3. Могилы с двумя подбоями.
 1 - могила № 94; 2 - могила № 191; 3 - могилы № 196; 4 - могила 216.

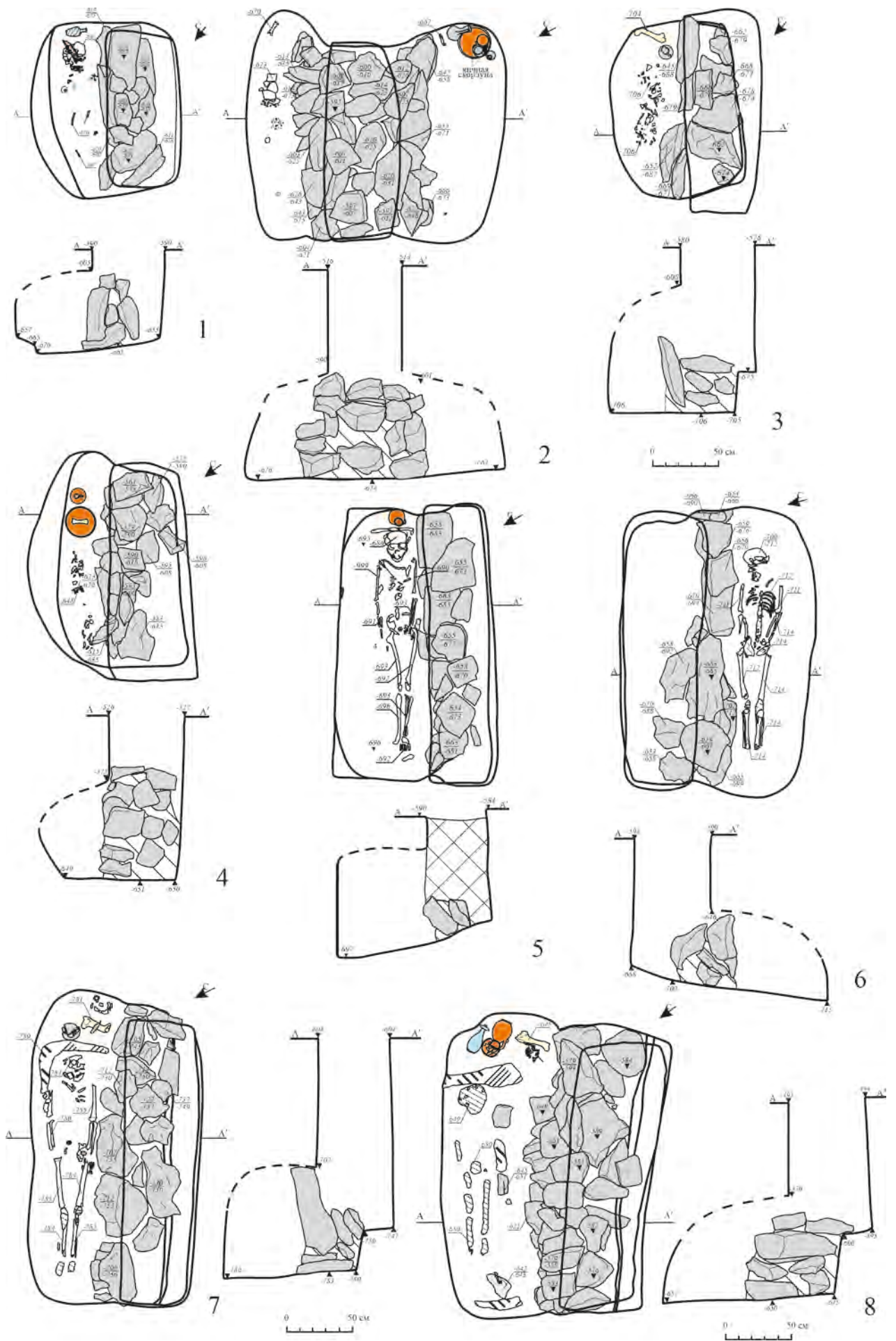

Рис. 21. Могильник Фронтвое 3. Варианты подбойных могил.
 1 - могила № 233; 2 - могила № 137; 3 - могилы № 30; 4 - могила № 72; 5 - могила № 118;
 6 - могила № 134; 7 - могила № 101; 8 - могила № 105. .

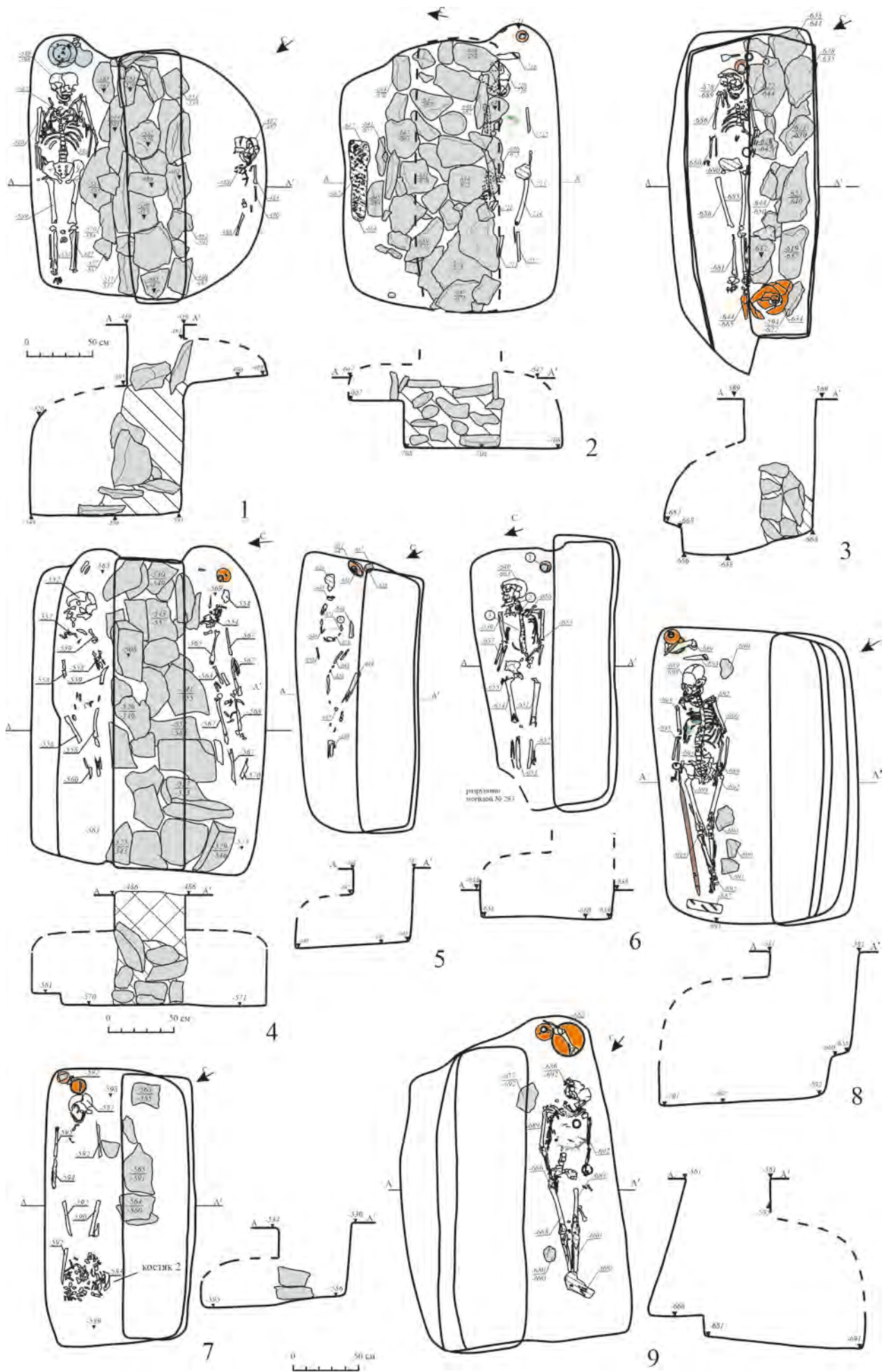

Рис. 22. Могильник Фронтное 3. Варианты подбойных могил.
 1 - могила № 174; 2 - могила № 243; 3 - могилы № 61; 4 - могила № 148; 5 - могила № 219;
 6 - могила № 194; 7 - могила № 281; 8 - могила № 294; 9 - могила № 299.

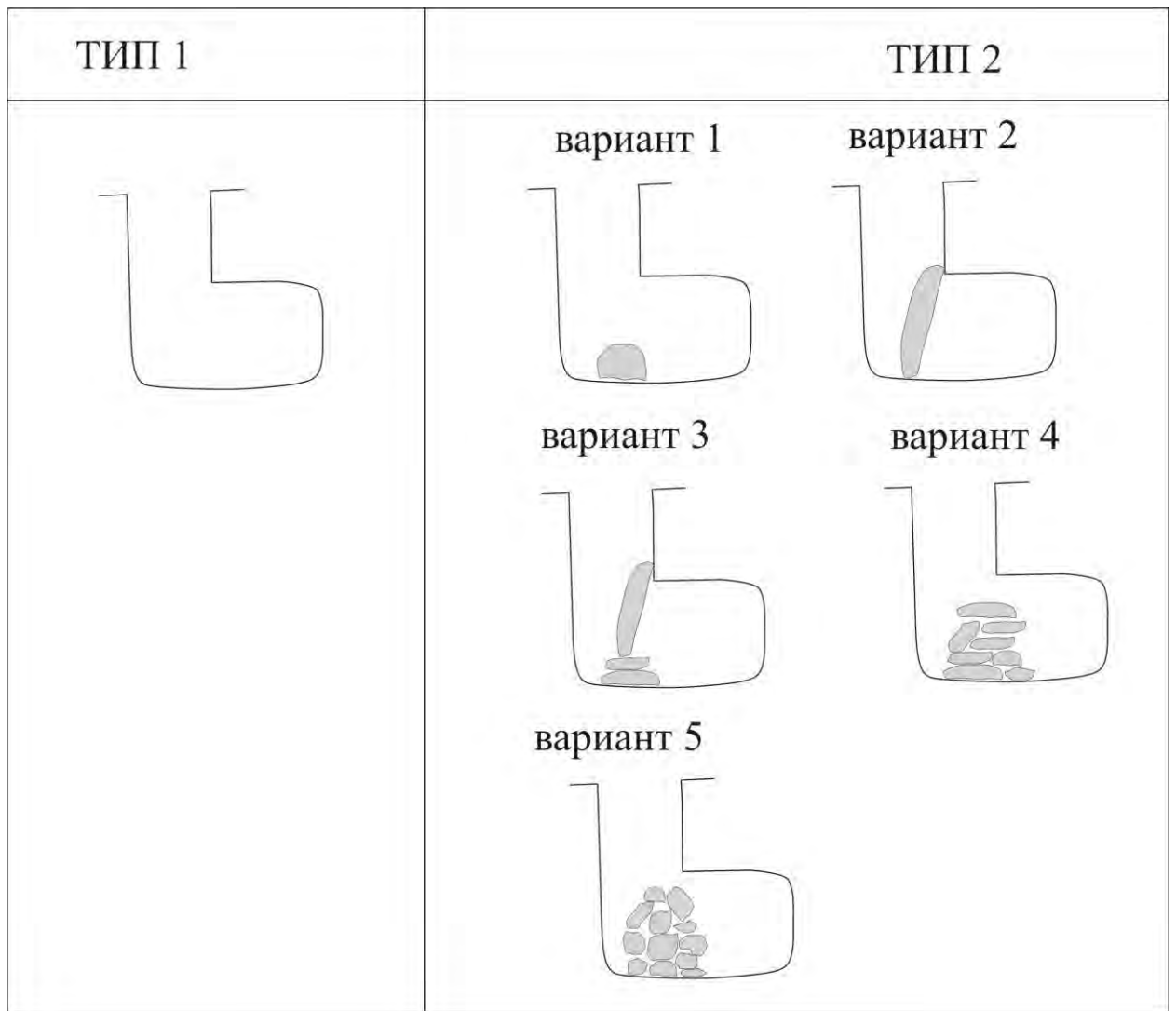

Рис. 23. Типы перекрытия подбоев.

1

2

Рис. 24. Могильник Фронтное 3. Варианты разграничения входной ямы и подбоя. 1 - могила № 291; 2 - могила № 294.

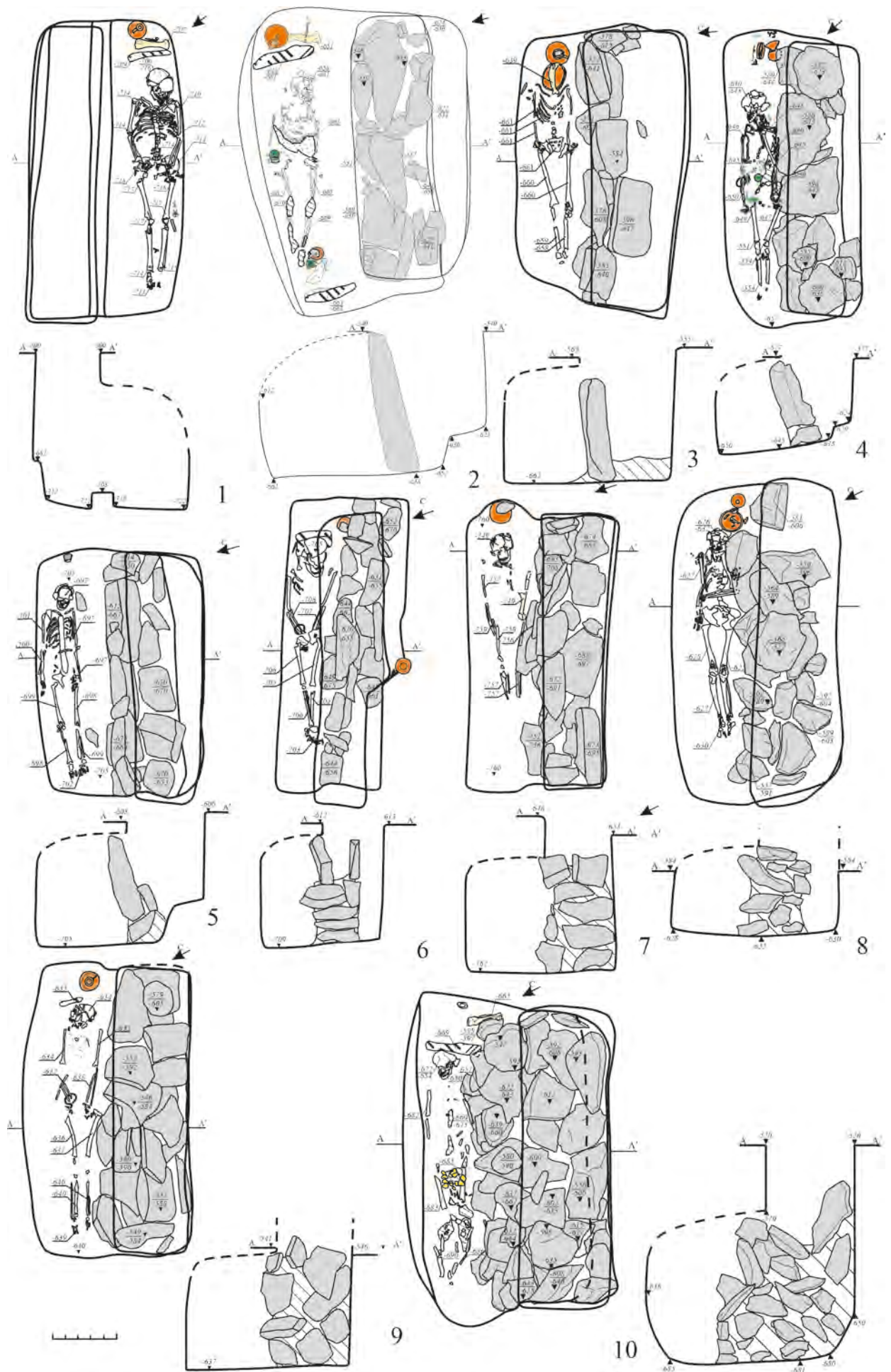

Рис. 25. Могильник Фронтвое 3. Варианты подбойных могил.
 1 - могила № 289; 2 - могила № 300; 3 - могилы № 276; 4 - могила № 234; 5 - могила № 217;
 6 - могила № 240; 7 - могила № 241; 8 - могила № 211; 9 - могила № 198; 10 - 209.

1

2

Рис. 26. Могильник Фронтное 3. Варианты каменных закладов. 1 - могила № 276; 2 - могила № 306.

1

2

Рис. 27. Могильник Фронтное 3. Варианты каменных закладов.
1 - могила № 192; 2 - могила № 234.

1

2

Рис. 28. Могильник Фронтовое 3. Варианты каменных закладов. 1 - могила № 321; 2 - могила № 124.

1

2

Рис. 29. Могильник Фронтовое 3. Варианты каменных закладов. 1 - могила № 209; 2 - могила № 91.

1

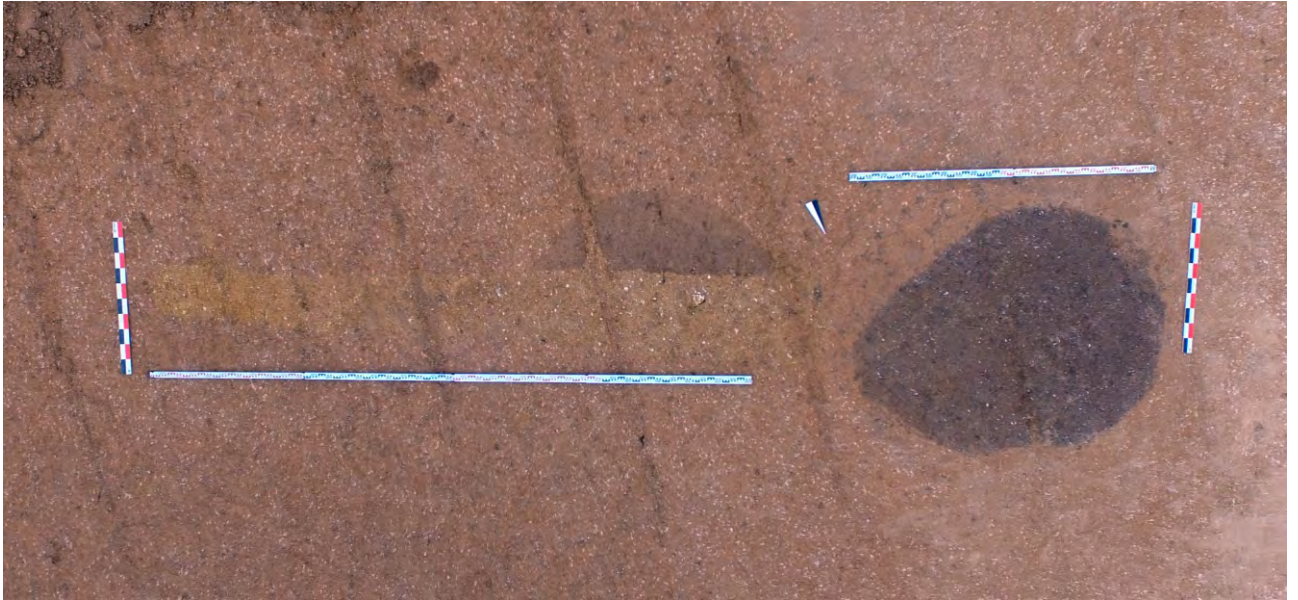

2

3

Рис. 30. Могильник Фронтвое 3. Грунтовые склепы.
1 - могила № 154; 2 - могила № 136; 3 - могилы 155, 154, 136.

1

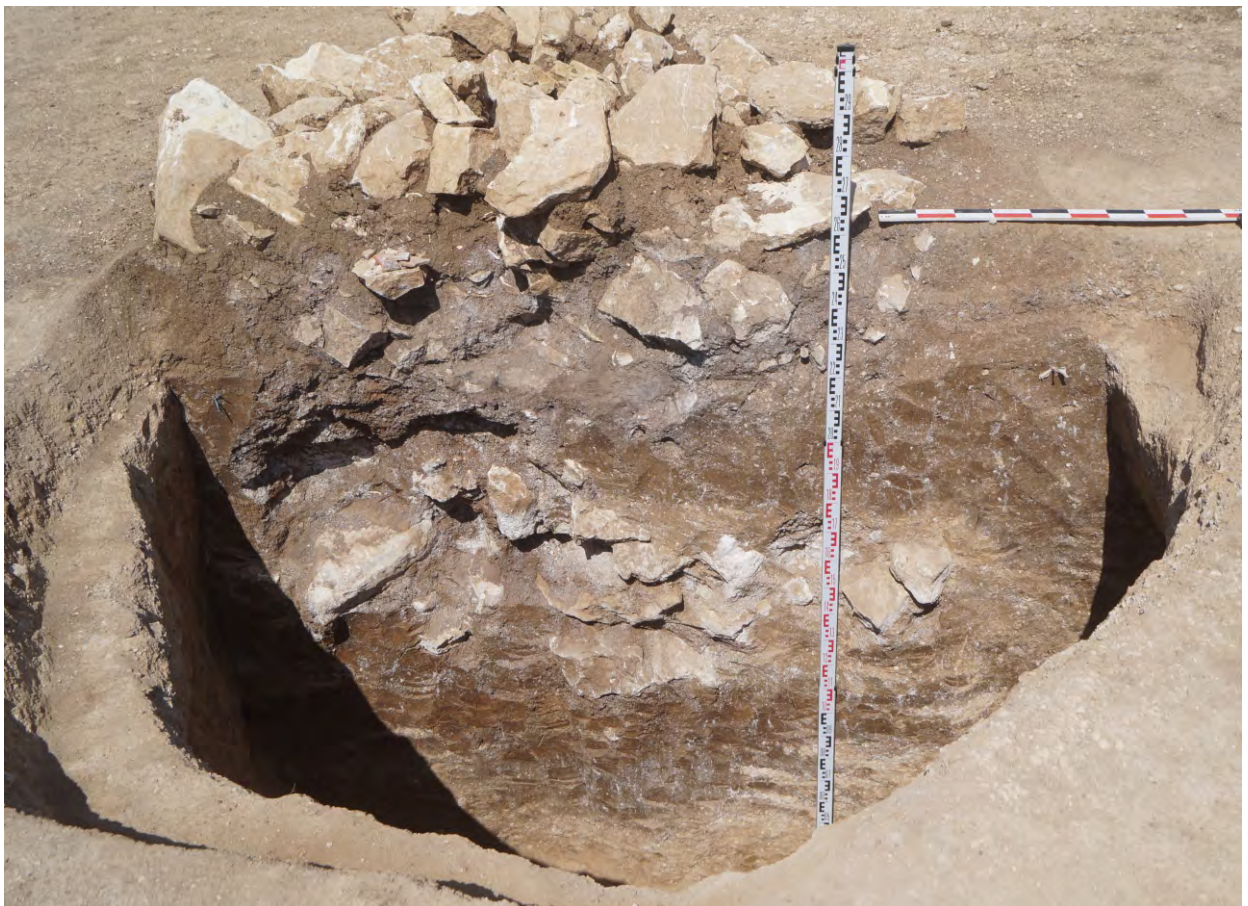

2

Рис. 31. Могильник Фронтное 3. Грунтовые склепы на уровне обнаружения. 1 - могила № 154; 2 - могила № 142.

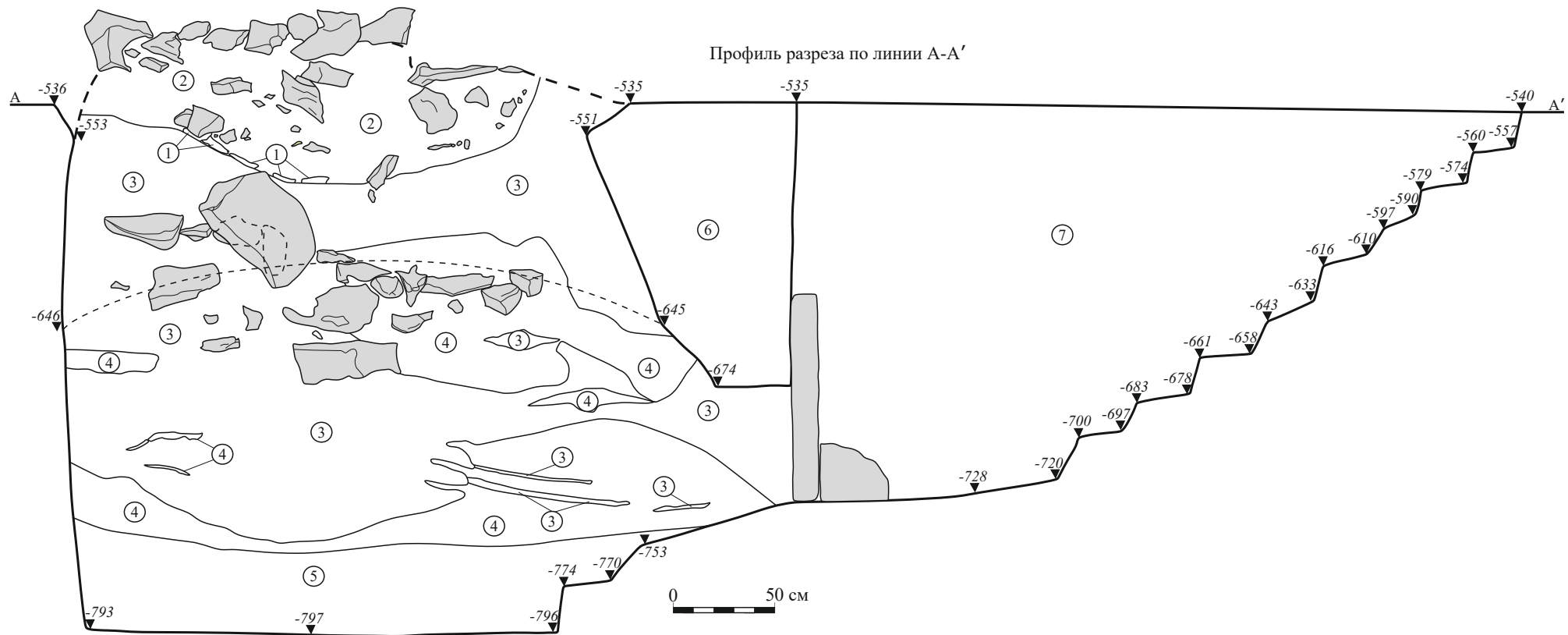

1

2

Рис. 32. Могильник Фронтное 3. Разрез погребальной камер. 1 - могила № 154; 2 - могила № 142.

- 1 - угольная прослойка
 - 2 - темно-серый мешаный суглинок с включением камней (известняк)
 - 3 - темно-коричневый суглинок (затечное заполнение)
 - 4 - светло-коричневый суглинок (оплывшие материковые стенки)
 - 5 - коричневый суглинок (перекрытие погребальной камеры, обрушившееся в ходе естественного проседания)
 - 6 - прослойка материка, отделяющая дромос от погребальной камеры
 - 7 - желтый мешаный суглинок (переотложенный материк), заполнение дромоса
- - камни (известняк)
 - - кость животного
 - - условная реконструкция свода погребальной камеры

Рис. 33. Могильник Фронтное 3. Разрез склепа № 41. План.

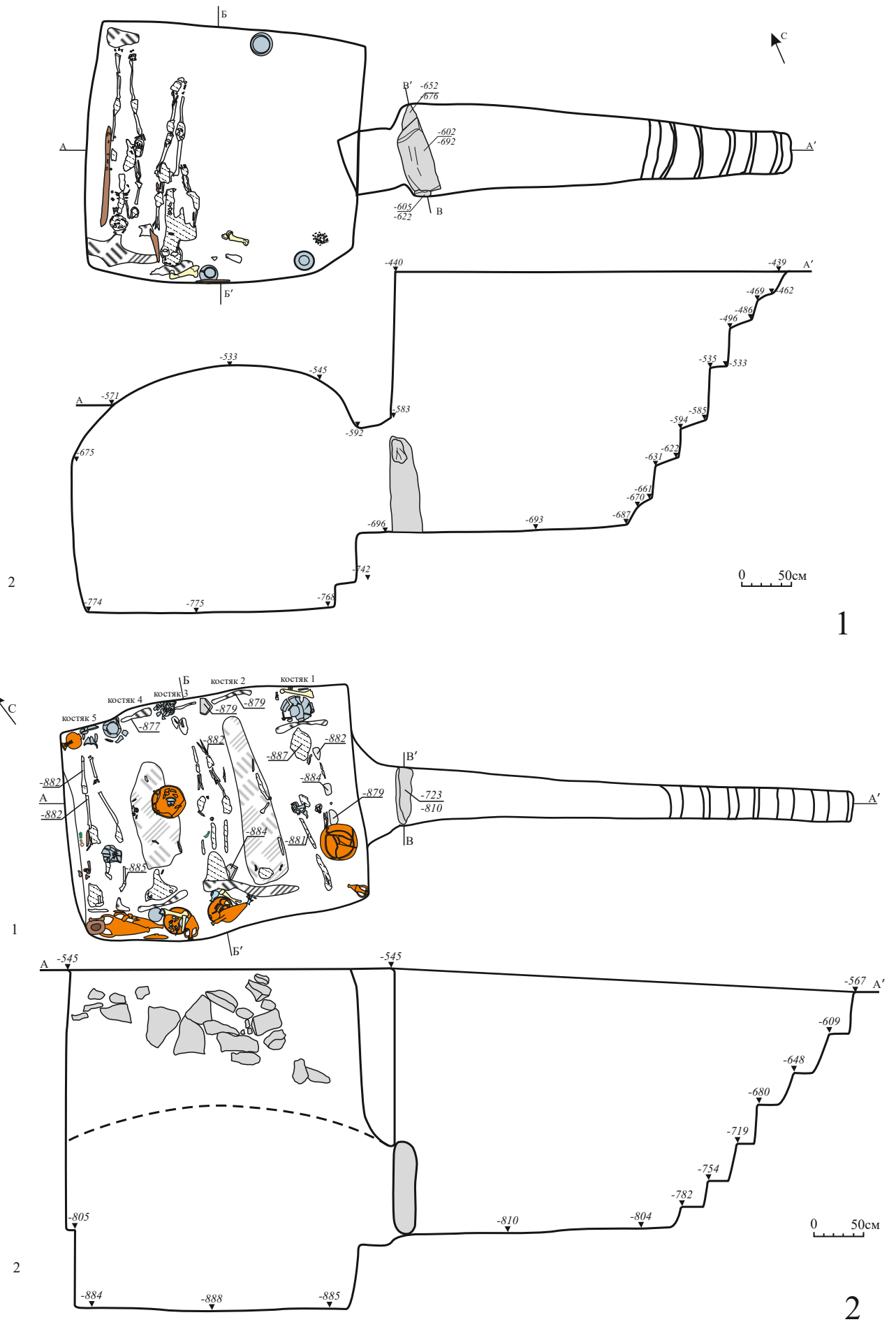

Рис. 34. Могильник Фронтное 3. Грунтовые склепы.
1 - могила № 142; 2 - могила № 136.

1

2

Рис. 35. Могильник Фронтное 3. Погребальные камеры грунтовых склепов. 1 - могила № 154; 2 - могила № 142.

1

2

Рис. 36. Могильник Фронтное 3. Особенности конструкции грунтовых склепов. 1 - могила № 16; 2 - могила № 175.

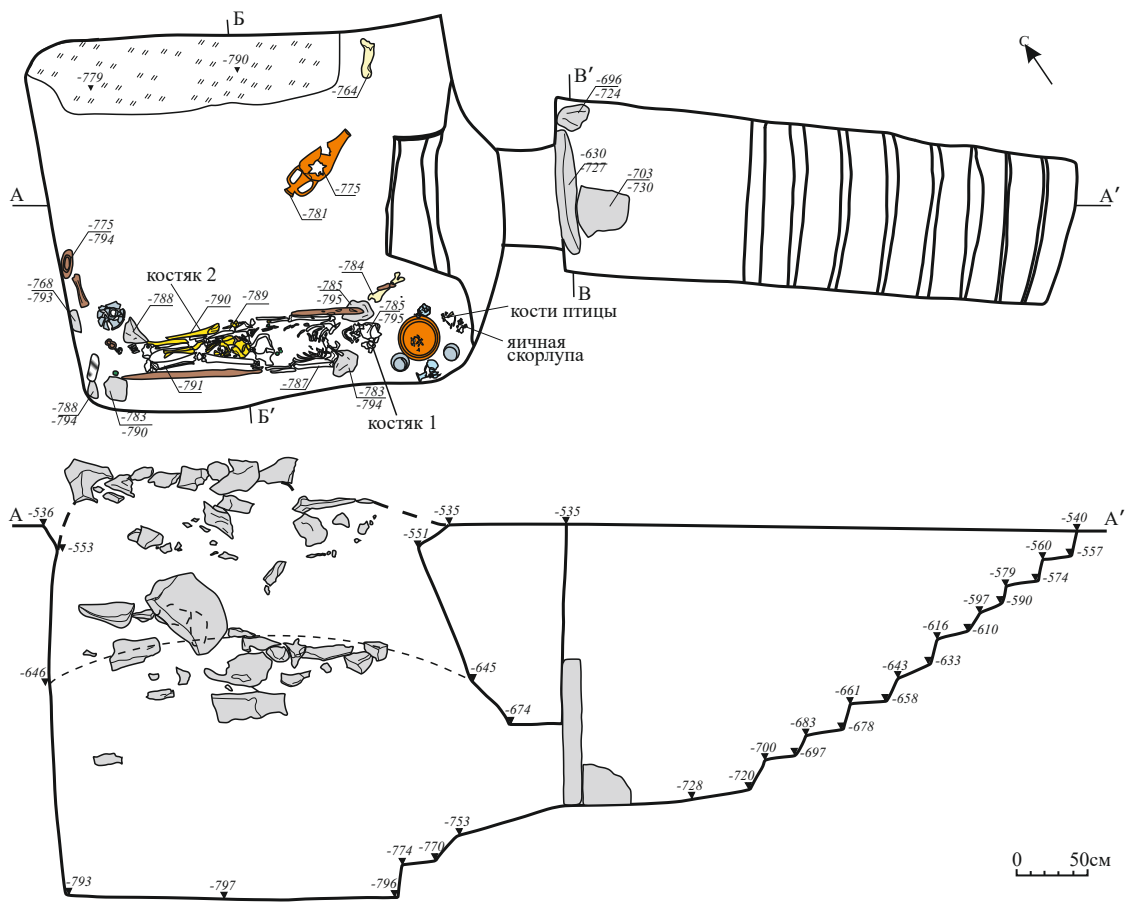
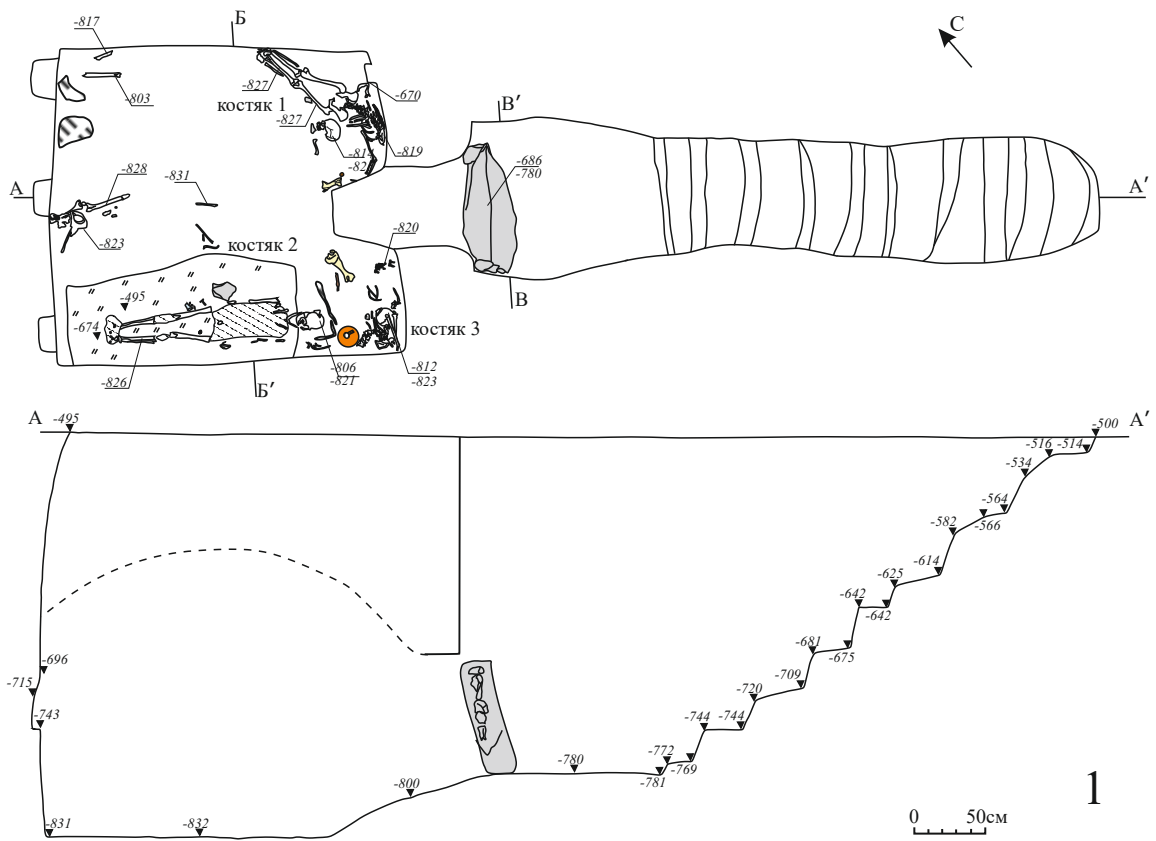

Рис. 37. Могильник Фронтное 3. Грунтовые склепы.
 План. 1 - могила № 16; 2 - могила № 41.

1

2

Рис. 38. Могильник Фронтное 3. Ступеньки во входной яме. 1 - могила № 16; 2 - могила № 89.

1

2

Рис. 39. Могильник Фронтное 3. Дромос.
1 - могила № 175; 2 - могила № 155.

1

2

Рис. 40. Могильник Фронтное 3. Камни перекрывающие дромос. 1 - могила № 136; 2 - могила № 89.

1

2

Рис. 41. Могильник Фронтное 3. Ступьки в погребальных камерах. 1 - могила № 155; 2 - могила № 136.

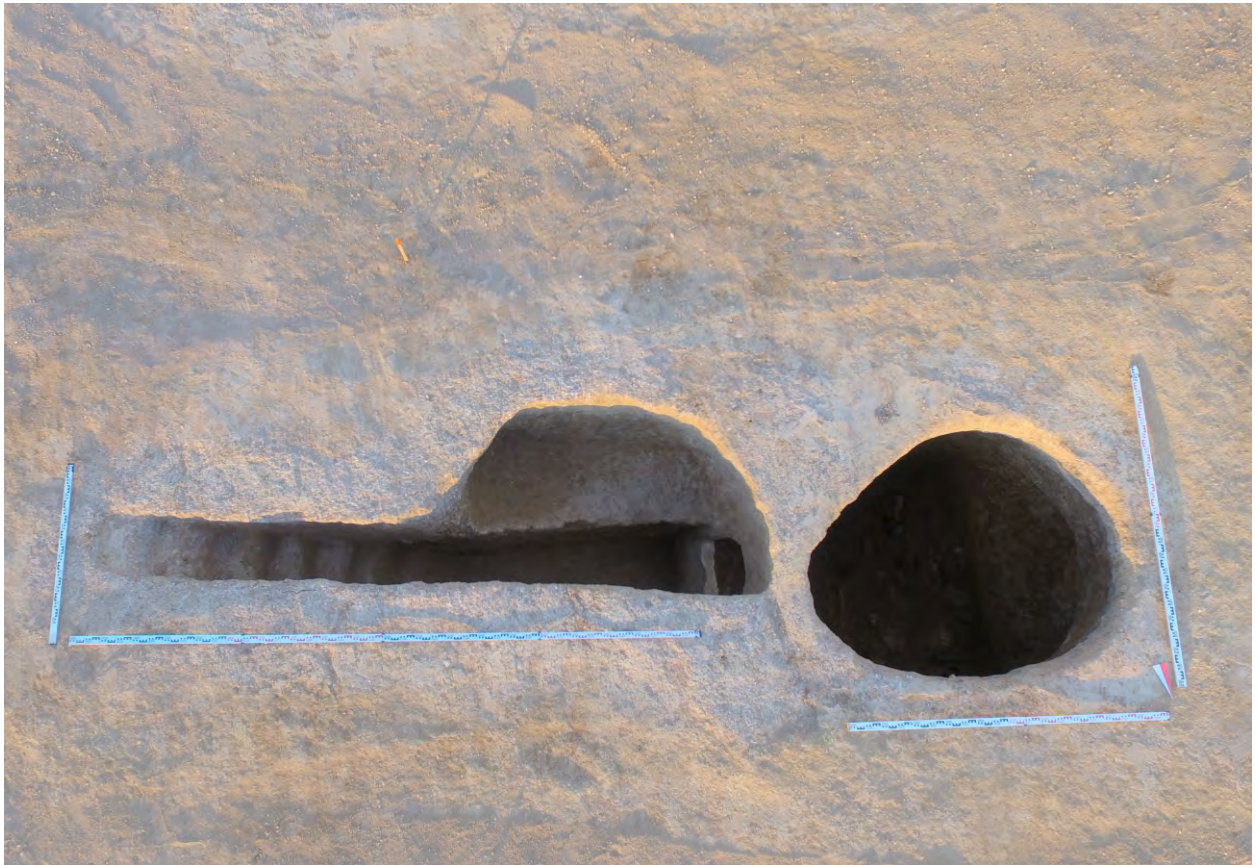

1

2

Рис. 42. Могильник Фронтное 3. Особенности в устройстве грунтовых склепов. 1 - могила № 16; 2 - могила № 136.

1

2

Рис. 43. Могильник Фронтное 3. Особенности в устройстве грунтовых склепов. 1 - могила № 154; 2 - могила № 178.

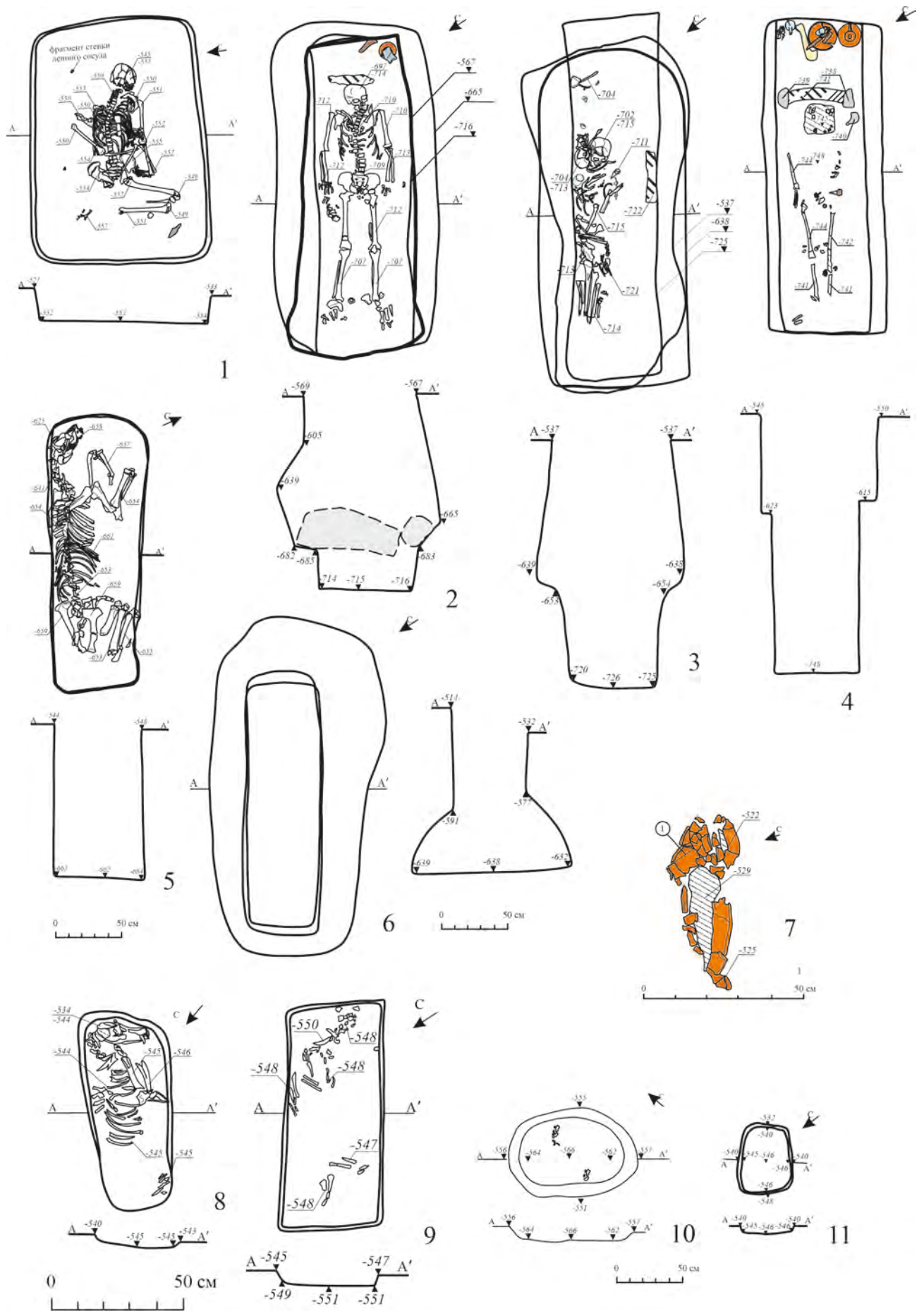
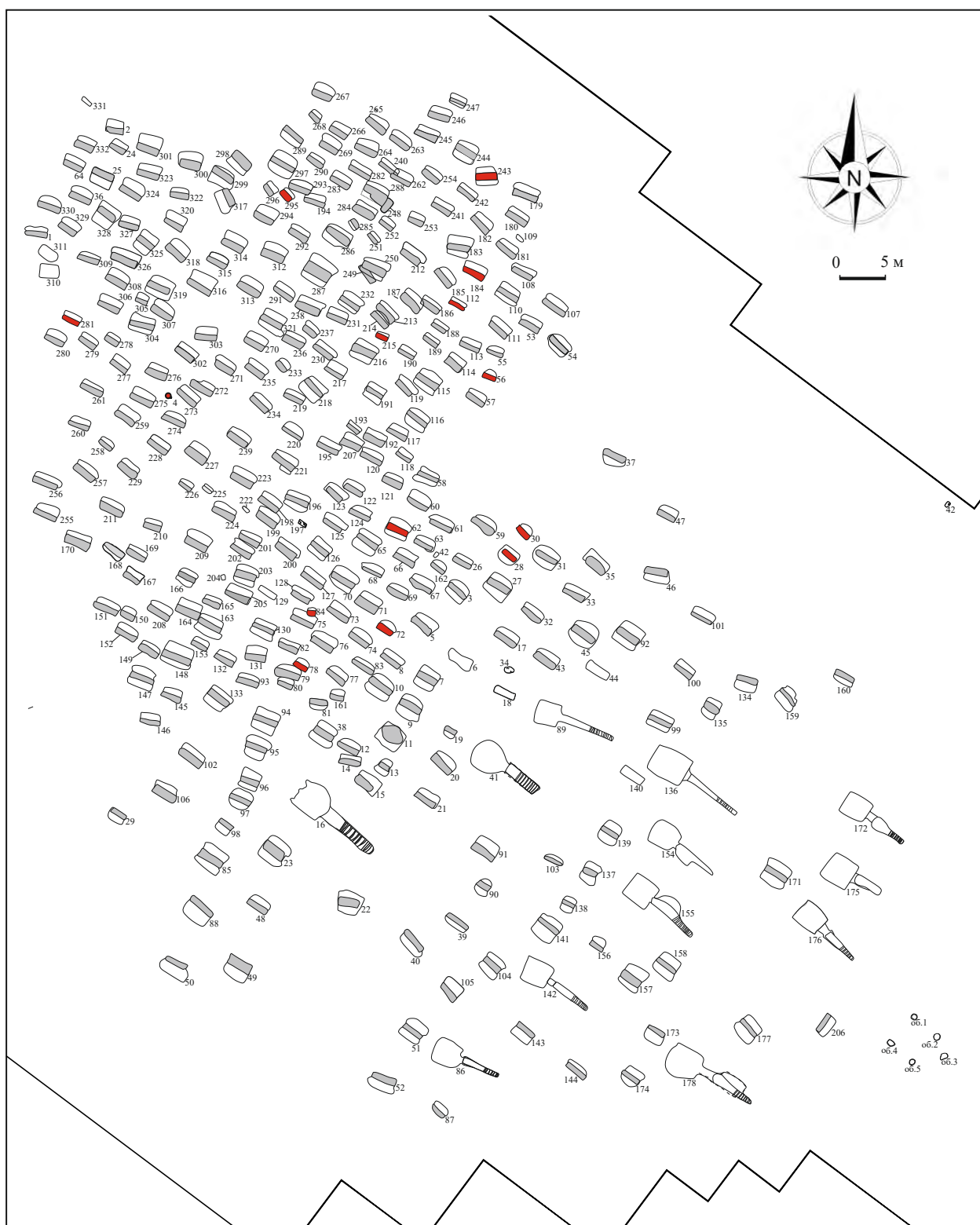

Рис. 44. Могильник Фронтное 3. Грунтовые ямы.

1 - могила № 310; 2 - могила № 44; 3 - могилы № 6; 4 - могила № 140; 5 - могила № 18; 6 - могила № 129; 7 - могила ; 8 - могила № 222; 9 - могила № 197; 10 - могила № 34; 11 - могила № 204.

 - кремационные погребения.

Рис. 45. Могильник Фронтное 3. План расположения кремационных погребений.

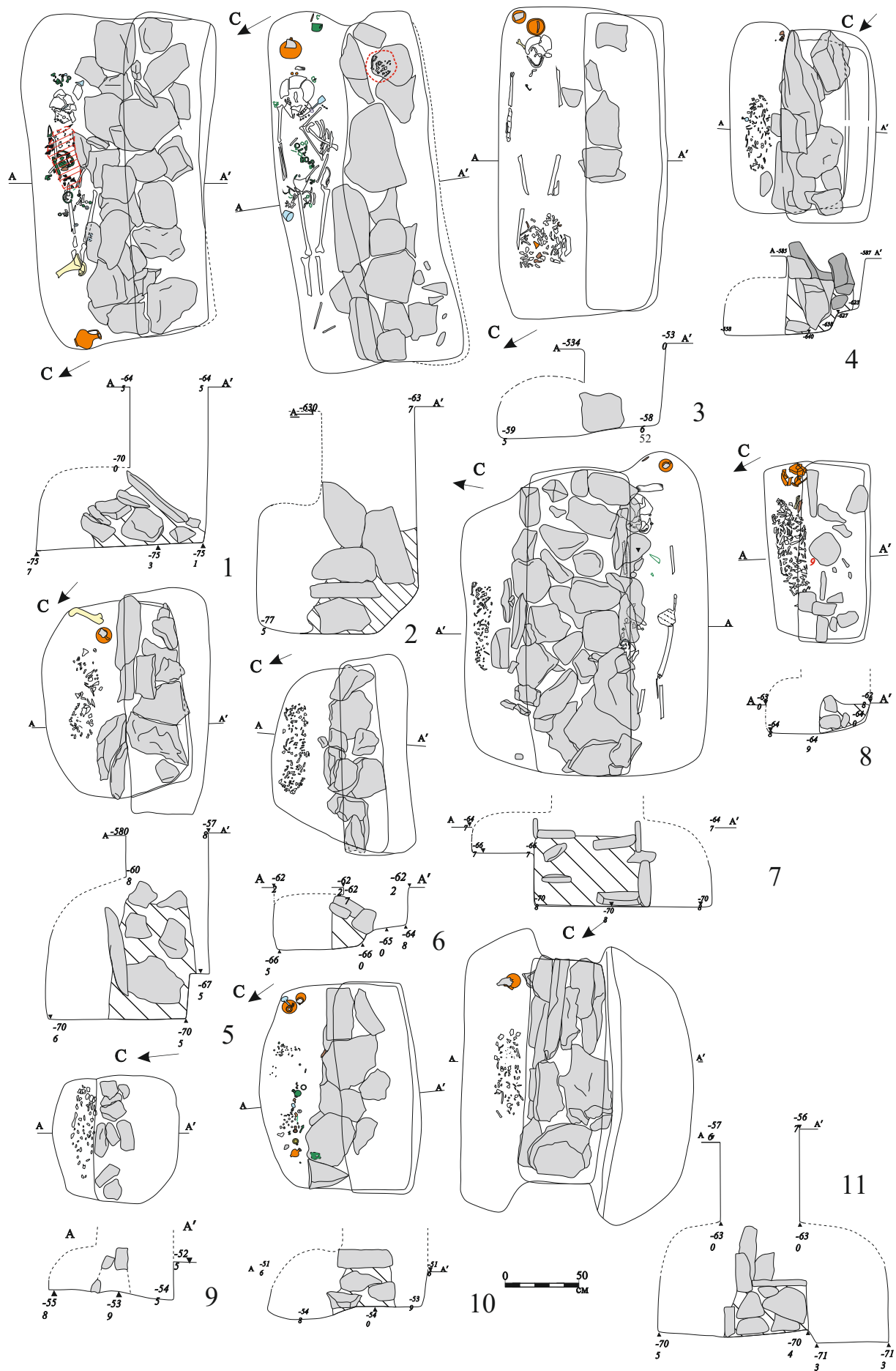

Рис. 46. Могильник Фронтное 3. Кремационные погребения.

1 - могила № 184; 2 - могила № 112; 3 - могила 281; 4 - могила № 295; 5 - могила № 30;
 6 - могила № 56; 7 - могила № 243; 8 - могила № 215; 9 - могила № 84; 10 - могила № 78;
 11 - могила № 28.

Рис. 47. Могильник Фронтное 3. Кремационные погребения. 1 - могила № 184; 2 - могила № 281.

Рис. 48. Могильник Фронтное 3. Кремационные погребения. 1 - могила № 243; 2 - могила № 72.

Рис. 49. Могильник Фронтное 3. Кремационные погребения. 1 - могила № 30; 2 - могила № 56.

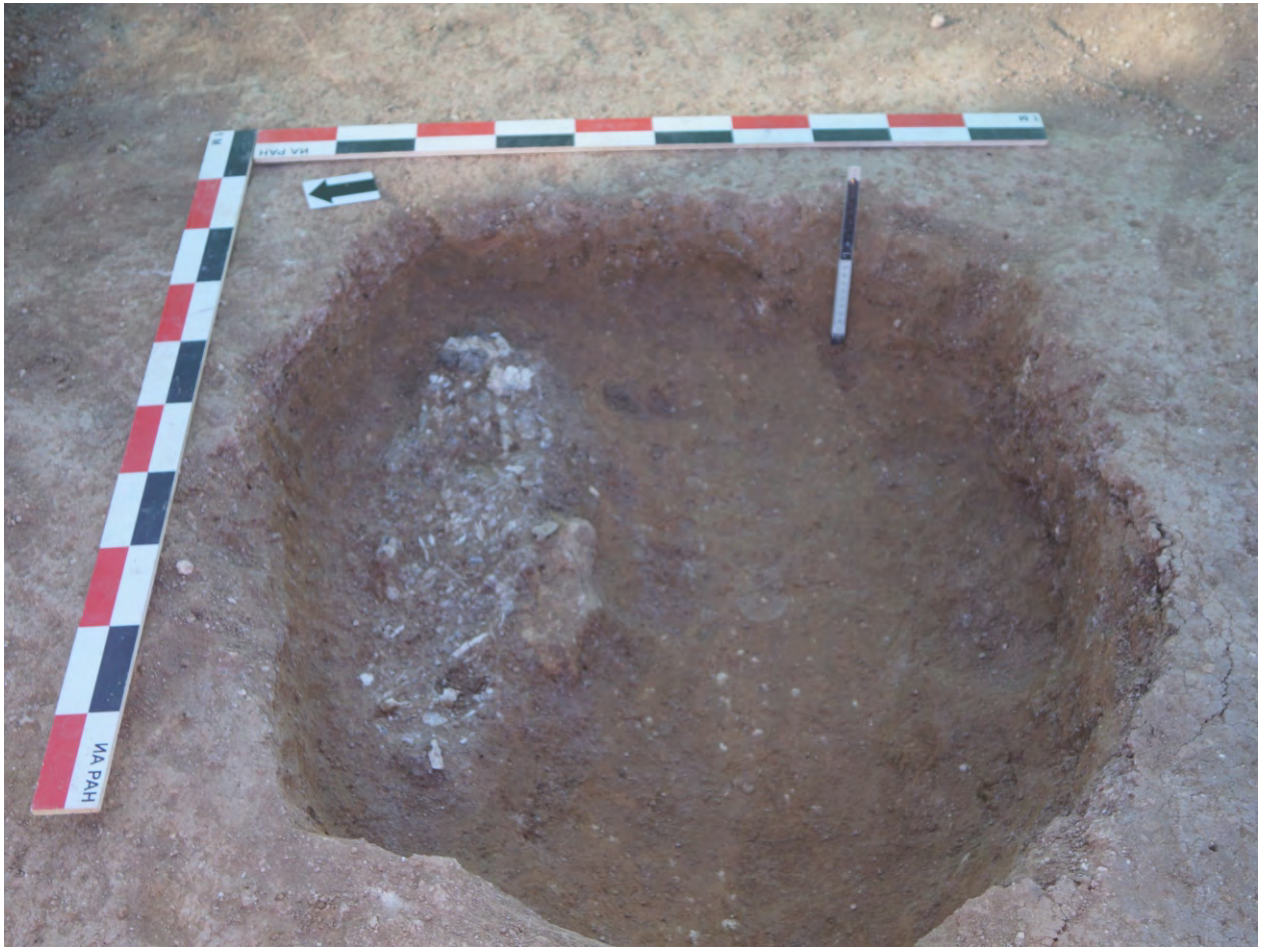

Рис. 50. Могильник Фронтовое 3. Кремационные погребения. 1 - могила № 84; 2 - могила № 78.

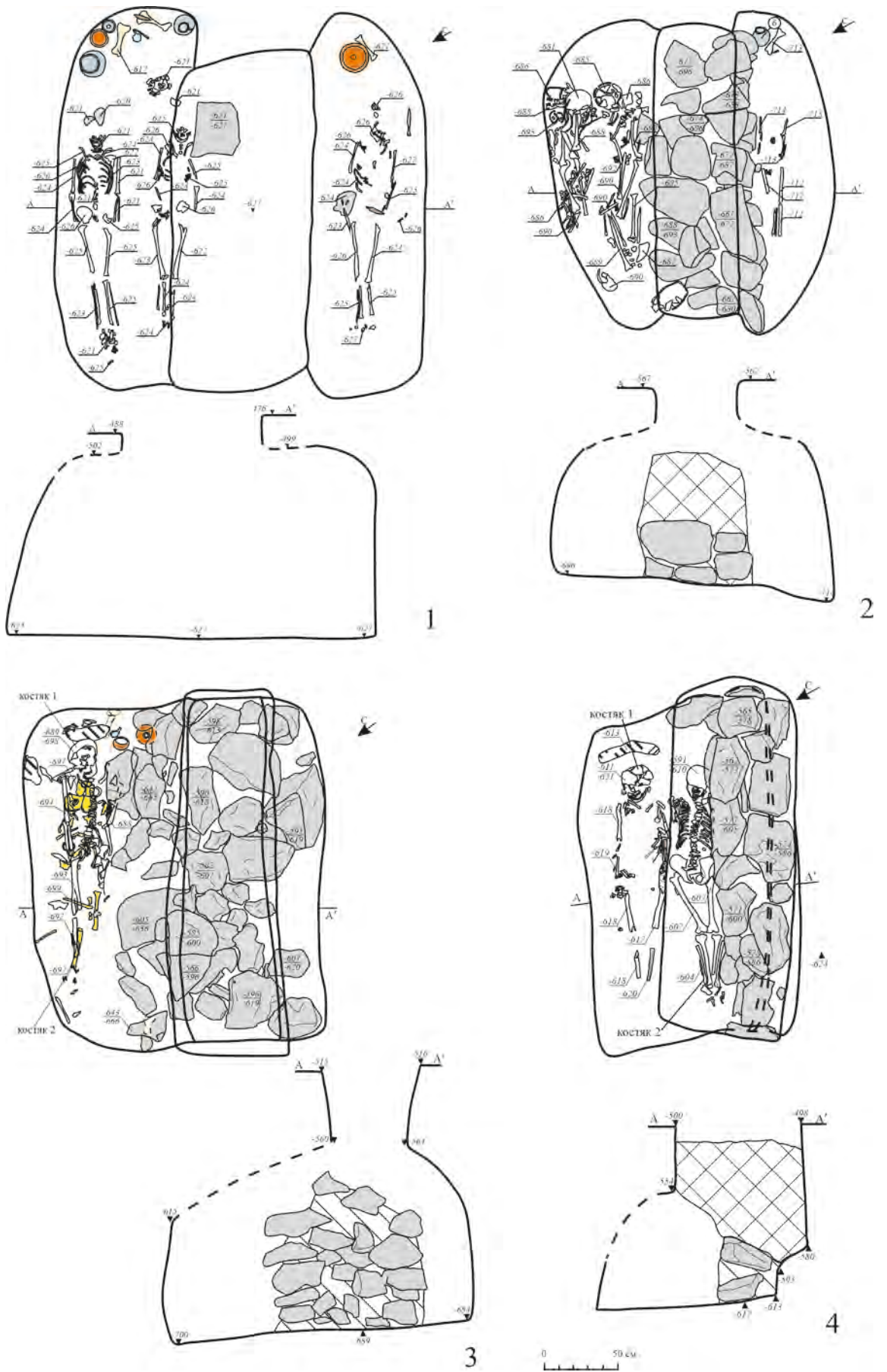

Рис. 51. Могильник Фронтное 3. Коллективные погребения.
 1 - могила № 23; 2 - могила № 45; 3 - могила № 91; 4 - могила № 106.

1

2

Рис. 52. Могильник Фронтное 3. Коллективные погребения. 1 - северный подбой могилы 45; 2 - могила № 106.

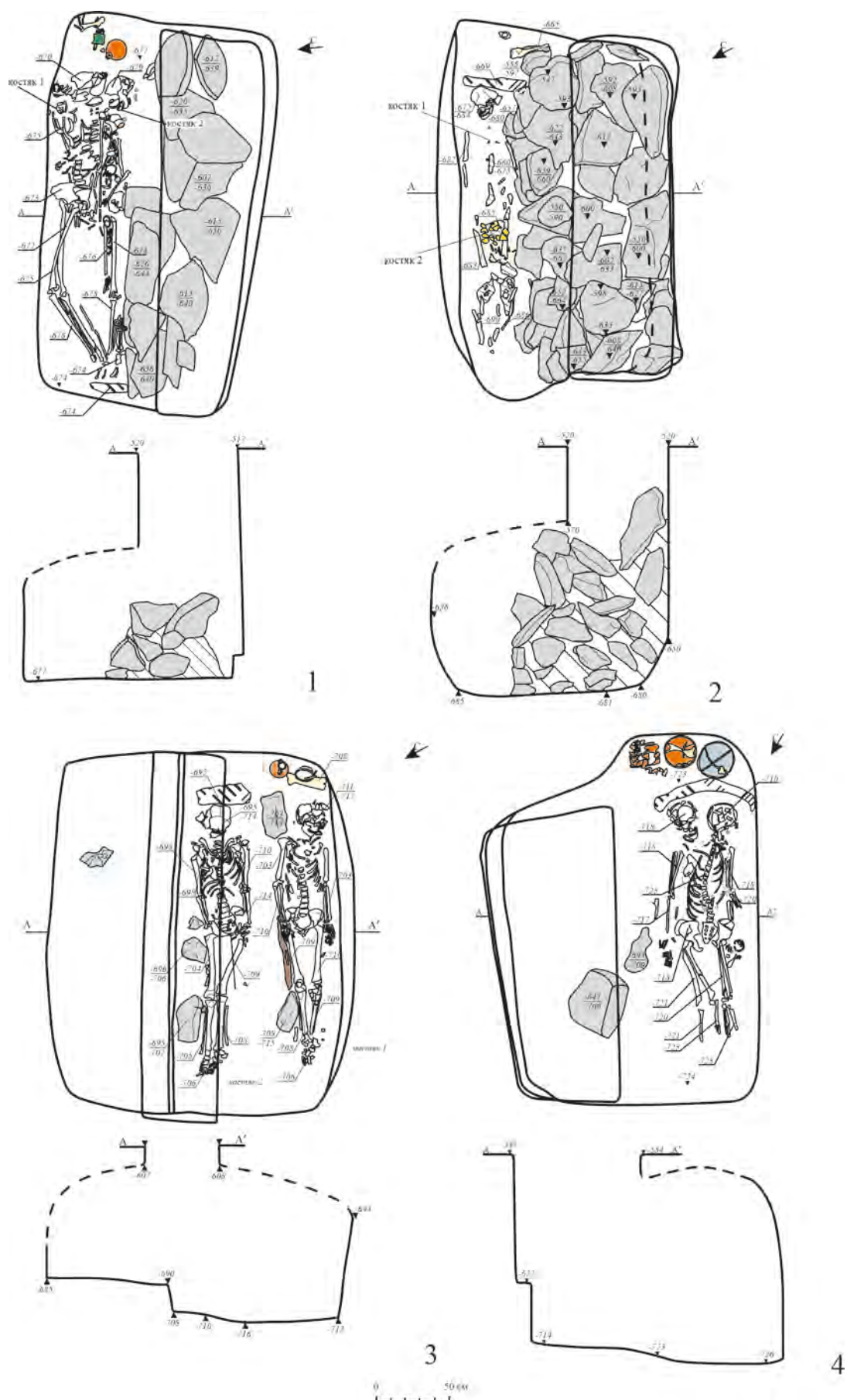

Рис. 53. Могильник Фронтное 3. Коллективные погребения.
 1 - могила № 205; 2 - могила № 209; 3 - могила 297; 4 - могила № 317.

Рис. 54. Могильник Фронтное 3. Коллективные погребения. 1 - могила № 205; 2 - могила № 297.

Рис. 55. Могильник Фронтное 3. Коллективные погребения. 1 - могила № 209; 2 - могила № 317.

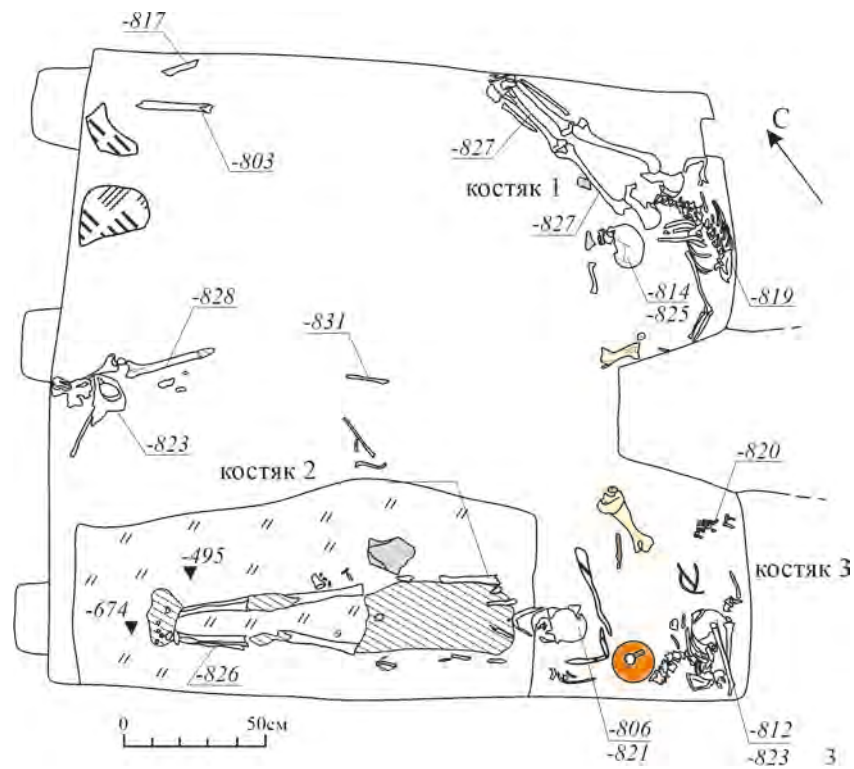

Рис. 56. Могильник Фронтное 3. Погребения в грунтовом склепе № 16.

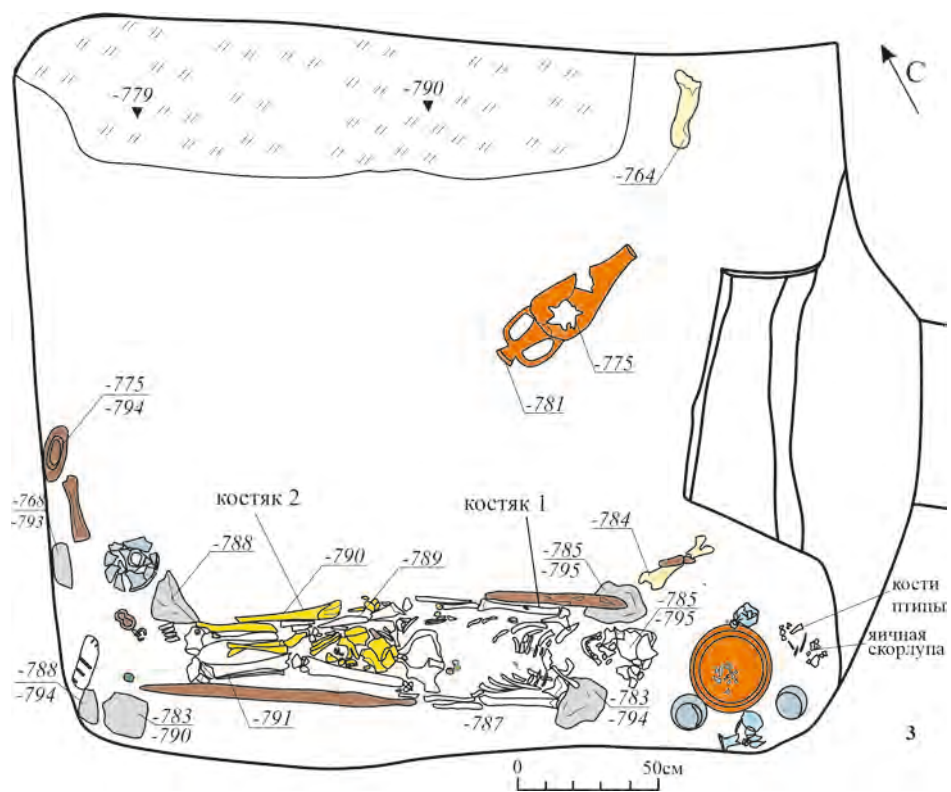

Рис. 57 Могильник Фронтное 3. Погребение в грунтовом склепе № 41.

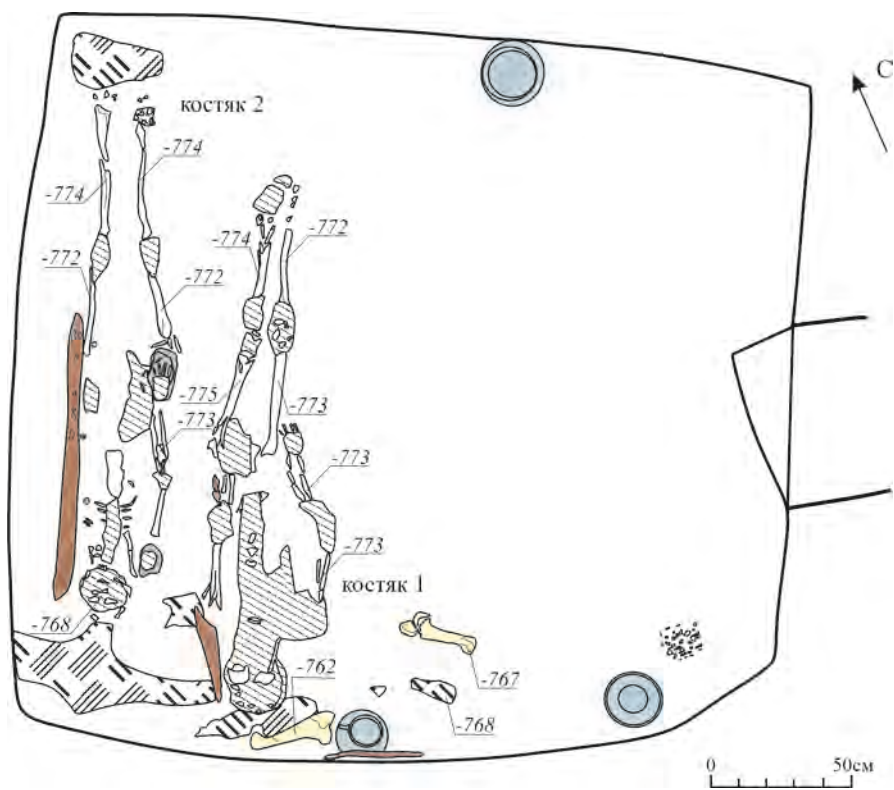

Рис. 58. Могильник Фронтное 3. Погребения в грунтовом склепе № 86.

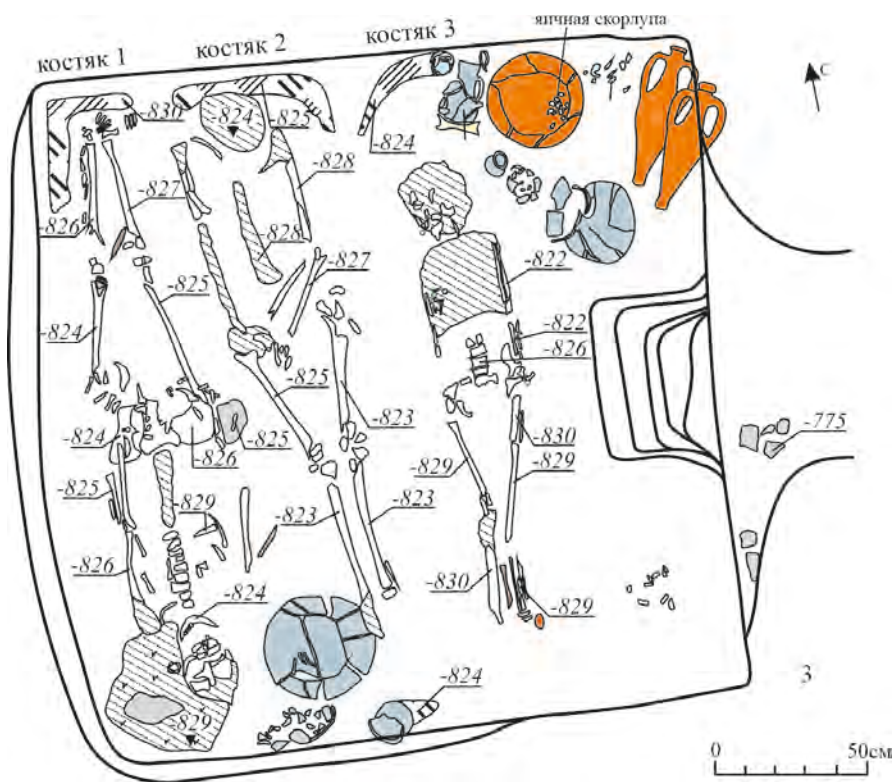

Рис. 59. Могильник Фронтное 3. Погребения в грунтовом склепе 89.

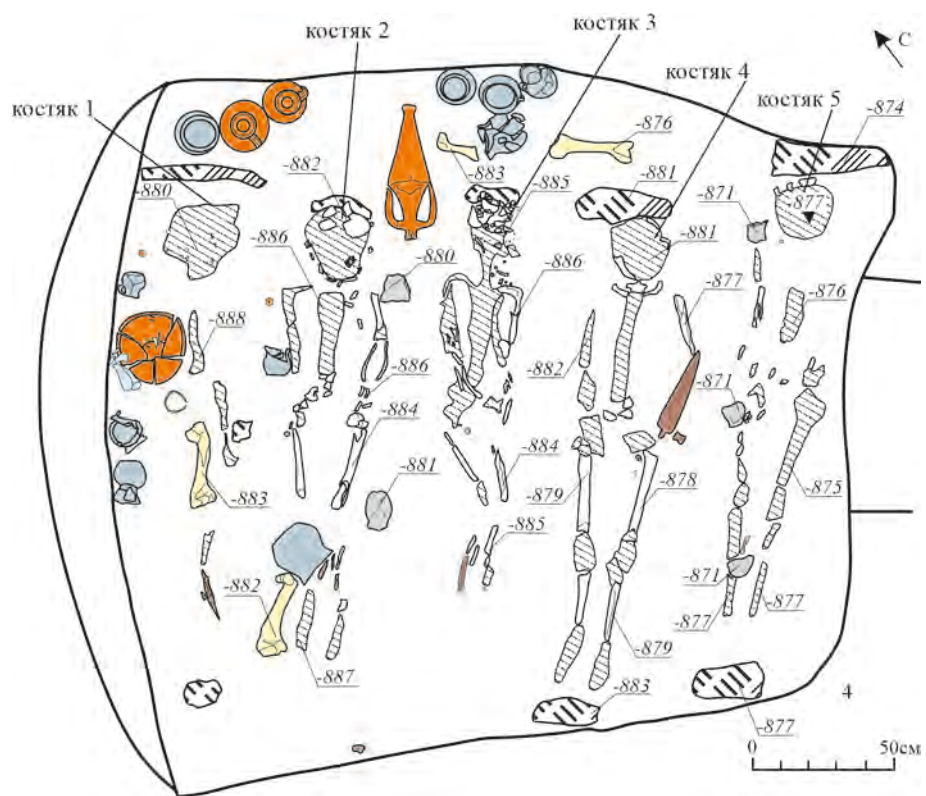

Рис. 60. Могильник Фронтное 3. Погребения в грунтовом склепе 136.

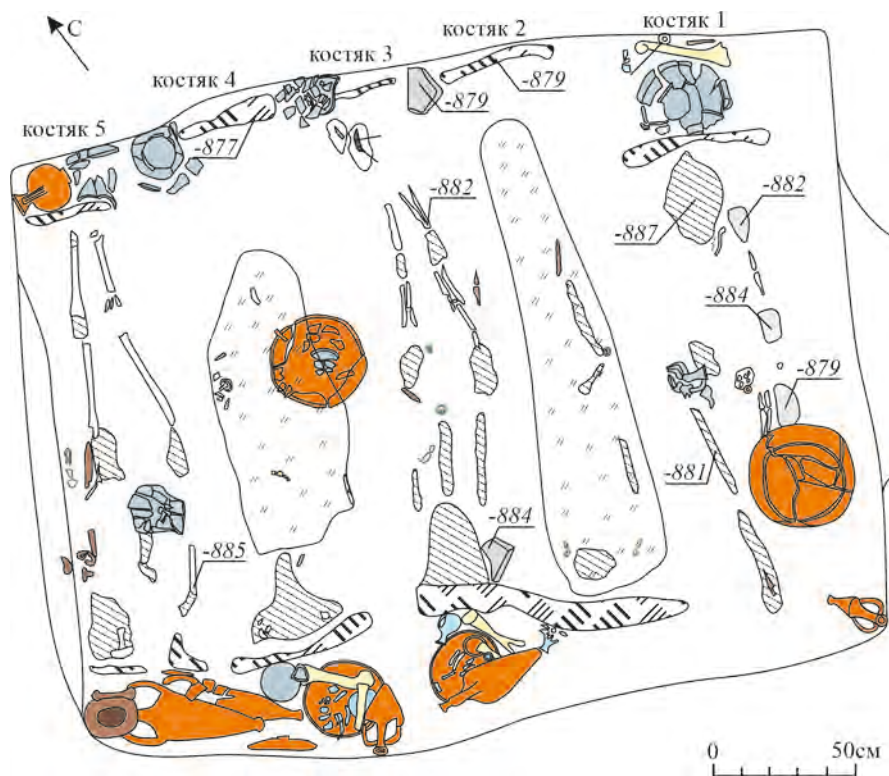
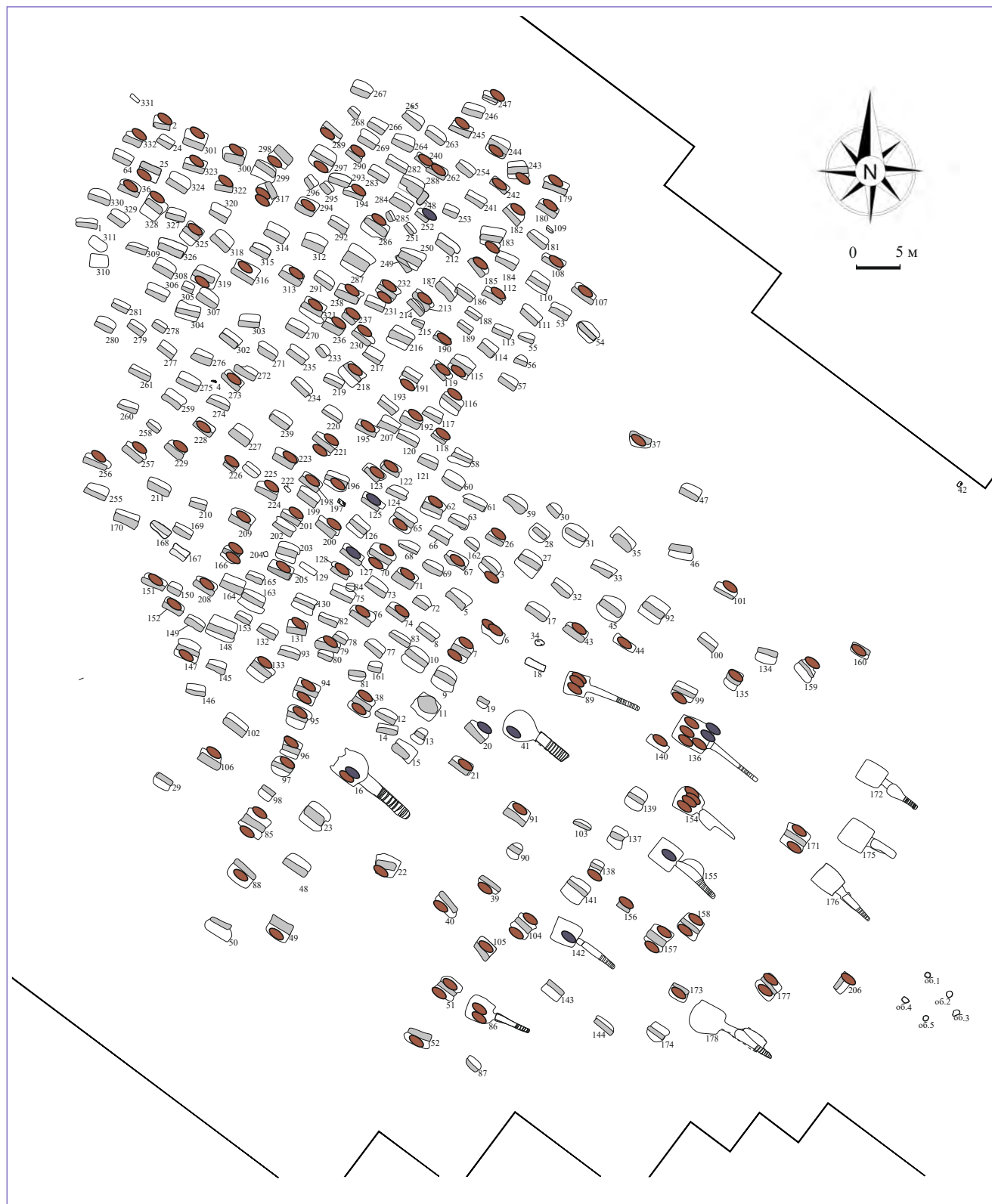

Рис. 61. Могильник Фронтное 3. Погребения в грунтовом склепе № 154.

- - остатки деревянного сооружения
- - органическая подстилка

Рис. 62. Могильник Фронтное 3. План распространения деревянных сооружений

1

2

Рис. 64. Могильник Фронтное 3. Остатки древесного тлена. 1 - могила № 156; 2 - могила № 140.

1

2

3

Рис. 65. Могильник Фронтное 3. Остатки деревянного тлена.
1 - могила № 123; 2 - могила № 131; 3 - могила №230..

1

2

Рис. 66 Могильник Фронтное 3. Остатки древесного тлена.
1 - могила № 49; 2 - могила № 127.

1

2

Рис. 67. Могильник Фронтное 3. Положение погребенных.
1 - могила № 183; 2 - могила № 144.

1

2

3

Рис. 68. Могильник Фронтное 3. Камни подпирающие погребенного.
1 - могила № 105; 2 - могила № 319; 3 - могила № 294.

1

2

3

Рис. 69. Могильник Фронтвое 3. Положение подгребённых.
1 - могила № 238; 2 - могила № 44; 3 - могила № 269.

1

2

3

4

Рис. 70. Могильник Фронтное 3. Положение подгребённых.
1 - могила № 239; 2 - могила № 134; 3 - могила № 244; 4 - могила № 223..

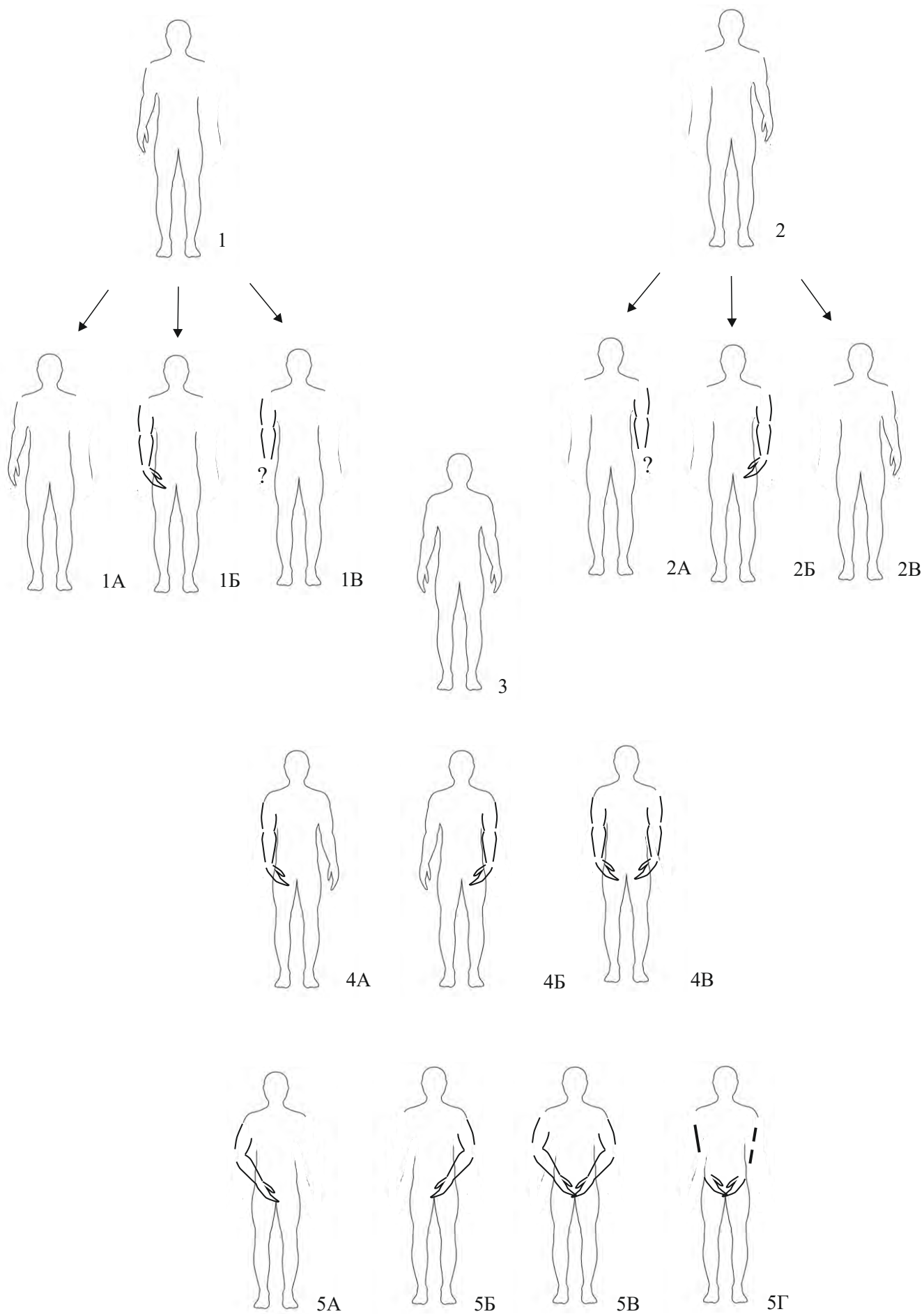

Рис. 71. Могильник Фронтное 3. Положение рук подгребённых.

1

2

3

4

Рис. 72. Могильник Фронтное 3. Положение подгребённых.
1 - могила № 171; 2 - могила № 126; 3 - могила № 297; 4 - могила № 130

1

2

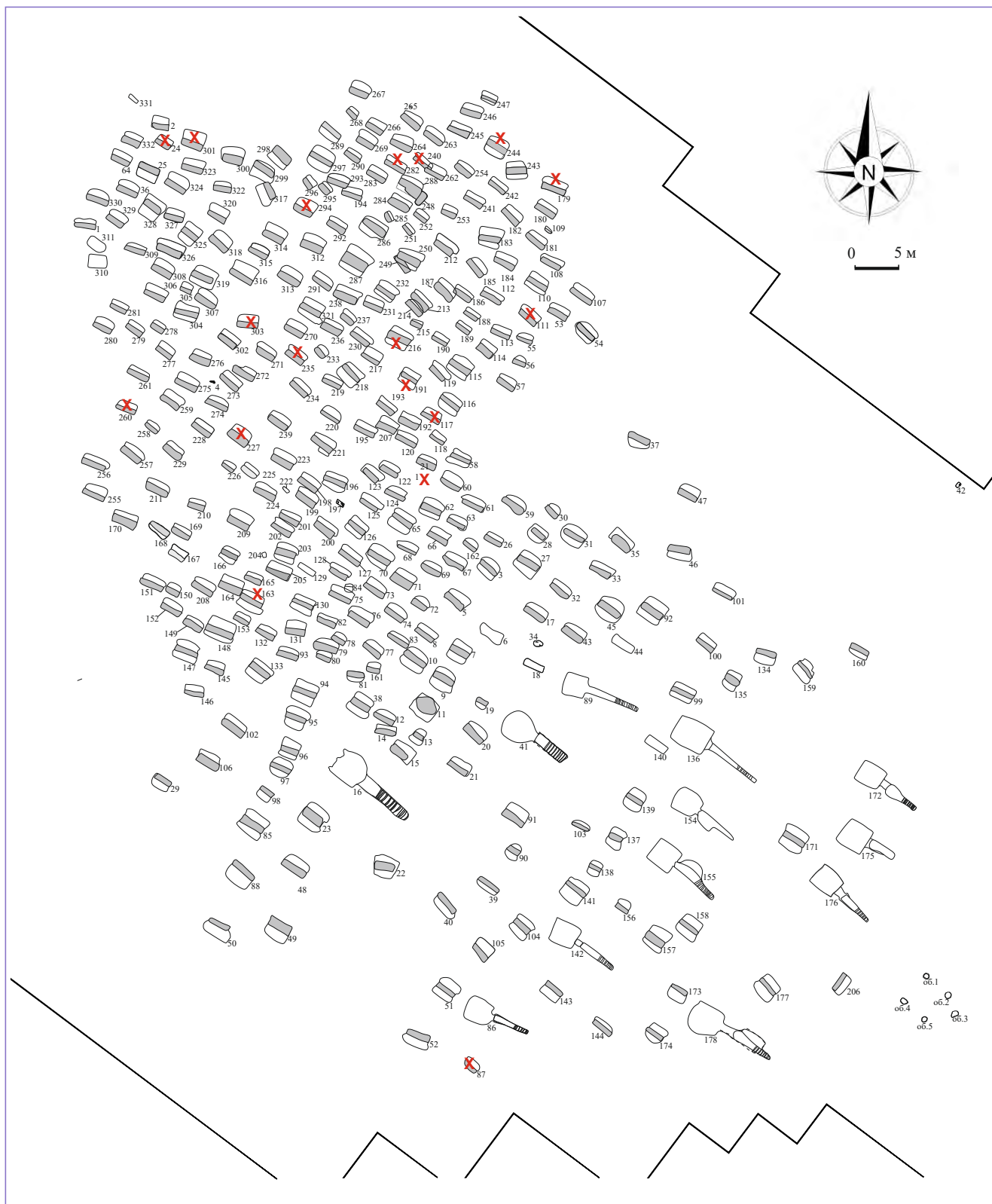

3

4

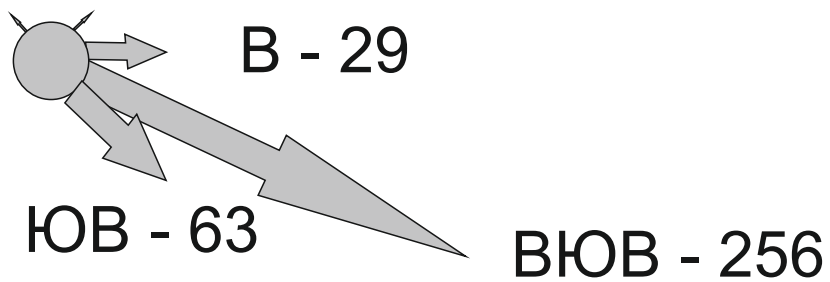
Рис. 73. Могильник Фронтное 3. Положение подгребённых.
1 - могила № 267; 2 - могила № 87; 3 - могила № 121; 4 - могила № 216.

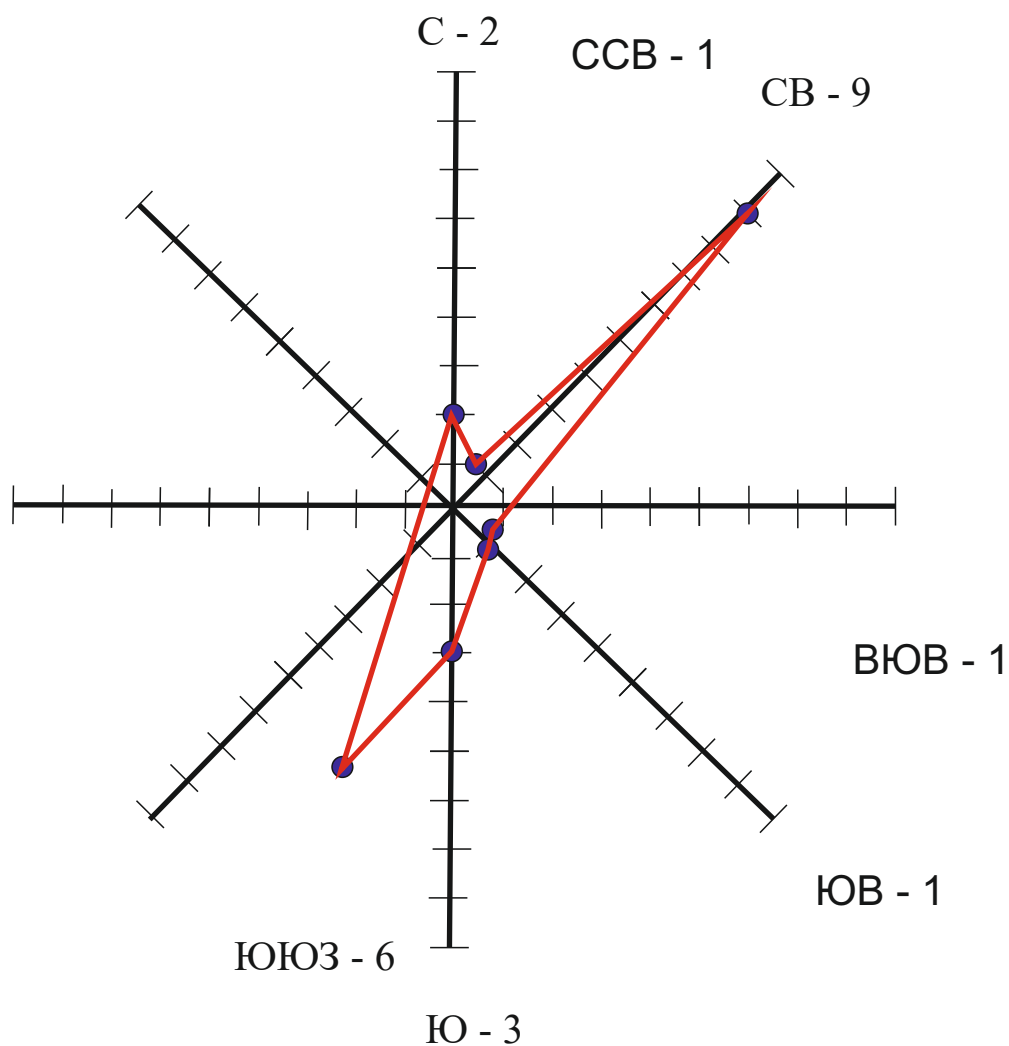
X - погребения с перекрещенными ногами

Рис. 74. Могильник Фронтовое 3. План распространения традиции перекрещивания ног усопшего

ЗСЗ - 1 ВСВ - 1

подбойные могилы

грунтовые склепы

Рис. 75. Могильник Фронтное 3. Ориентировка погребенных.

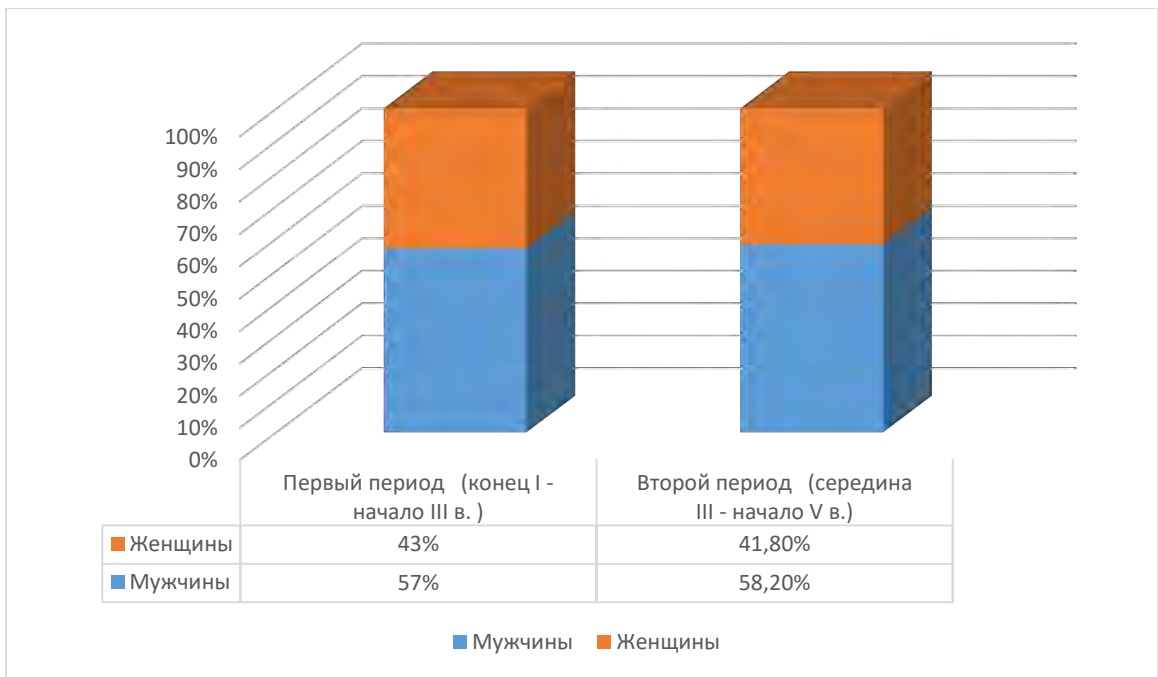

Рис. 76. Соотношение мужских и женских костяков в могилах по периодам.

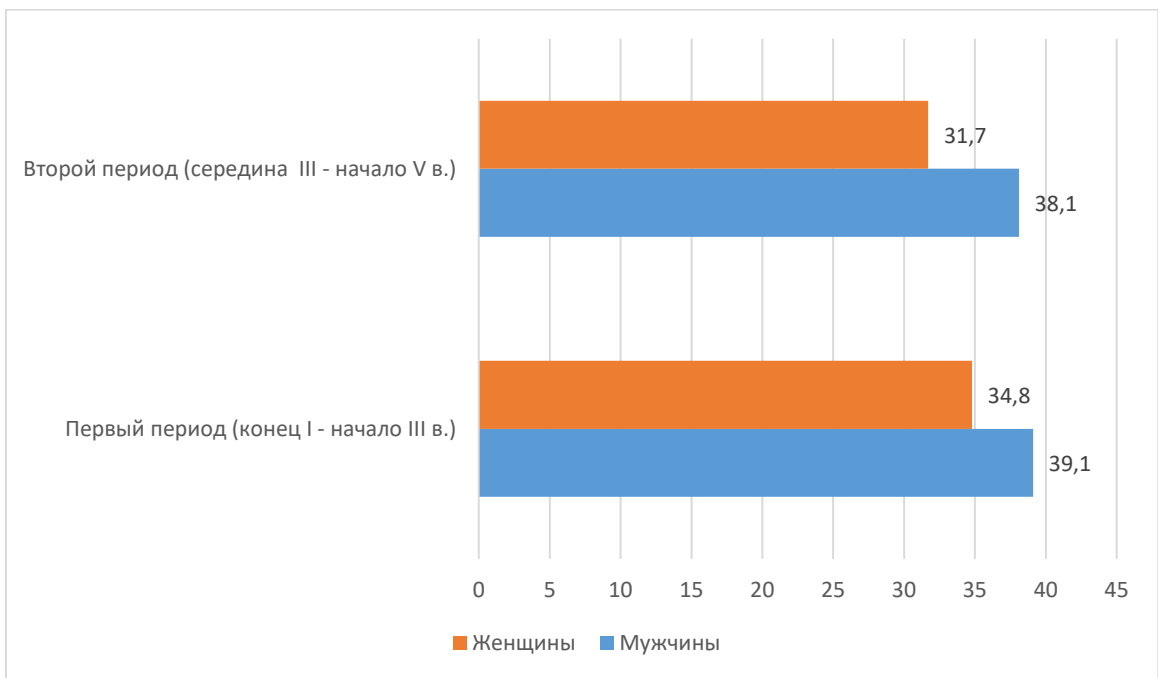

Рис. 77. Соотношение возраста смерти по периодам, в годах.

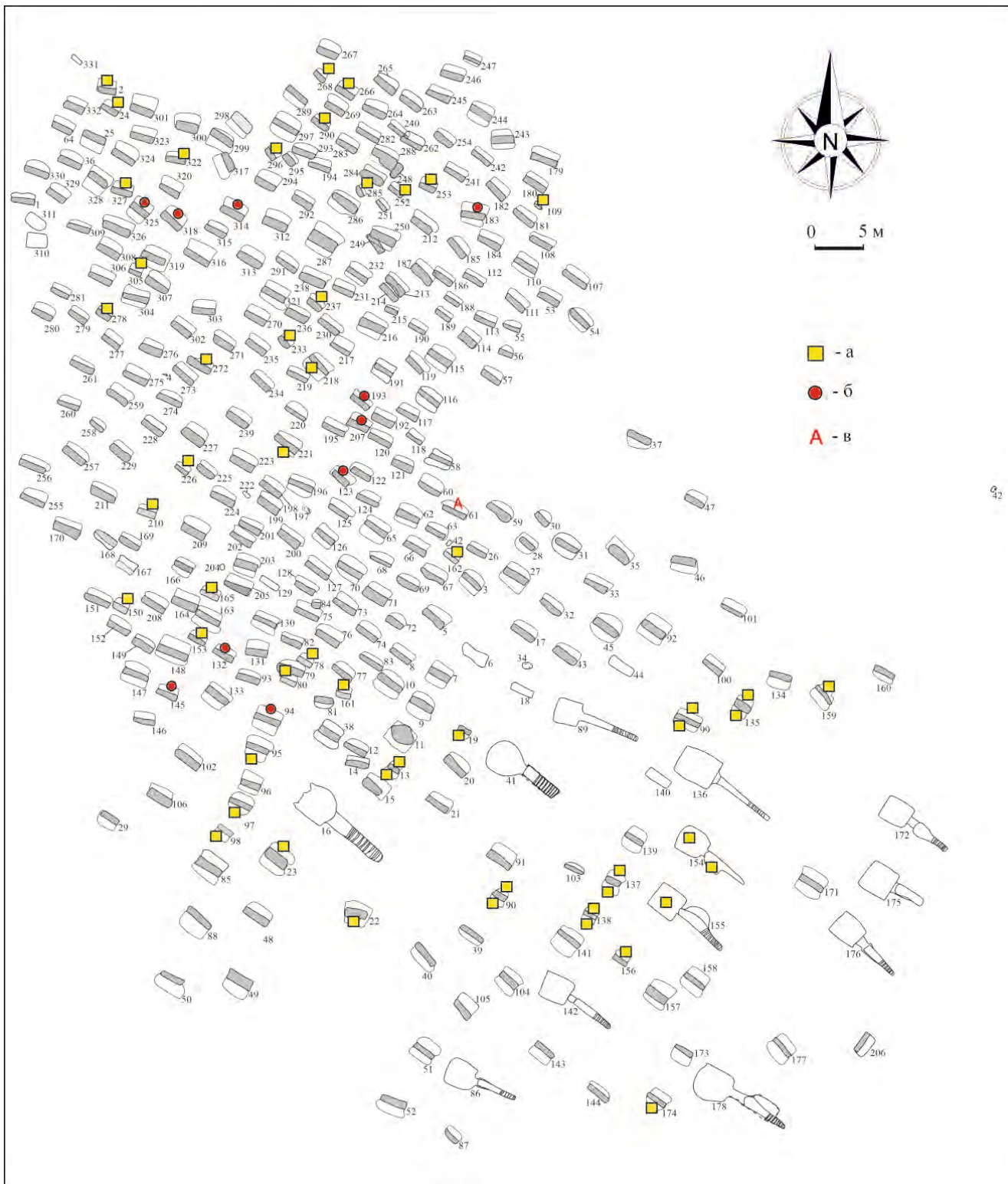

Рис. 78. Могильник Фронтвое 3. Расположение могил с детскими погребениями: а – детское погребение в отдельном подбое; б – детское погребение совместно со взрослым индивидом; в – детское погребение в амфоре.

1

2

Рис. 79. Могильник Фронтное 3. Детские погребения в отдельных подбоях. 1 - могила № 278; 2 - могила № 296.

1

2

Рис. 80. Могильник Фронтное 3. 1 - детское погребение в отдельном подбое, могила № 13; 2 - детское погребение в амфоре, могила 61.

1

2

Рис. 81. Могильник Фронтное 3. Детские погребения совместно со взрослыми. 1 - могила № 325; 2 - могила № 94.

1

2

Рис. 82. Могильник Фронтное 3. Комбинированные детские погребения. 1 - могила № 23; 2 - могила № 78.

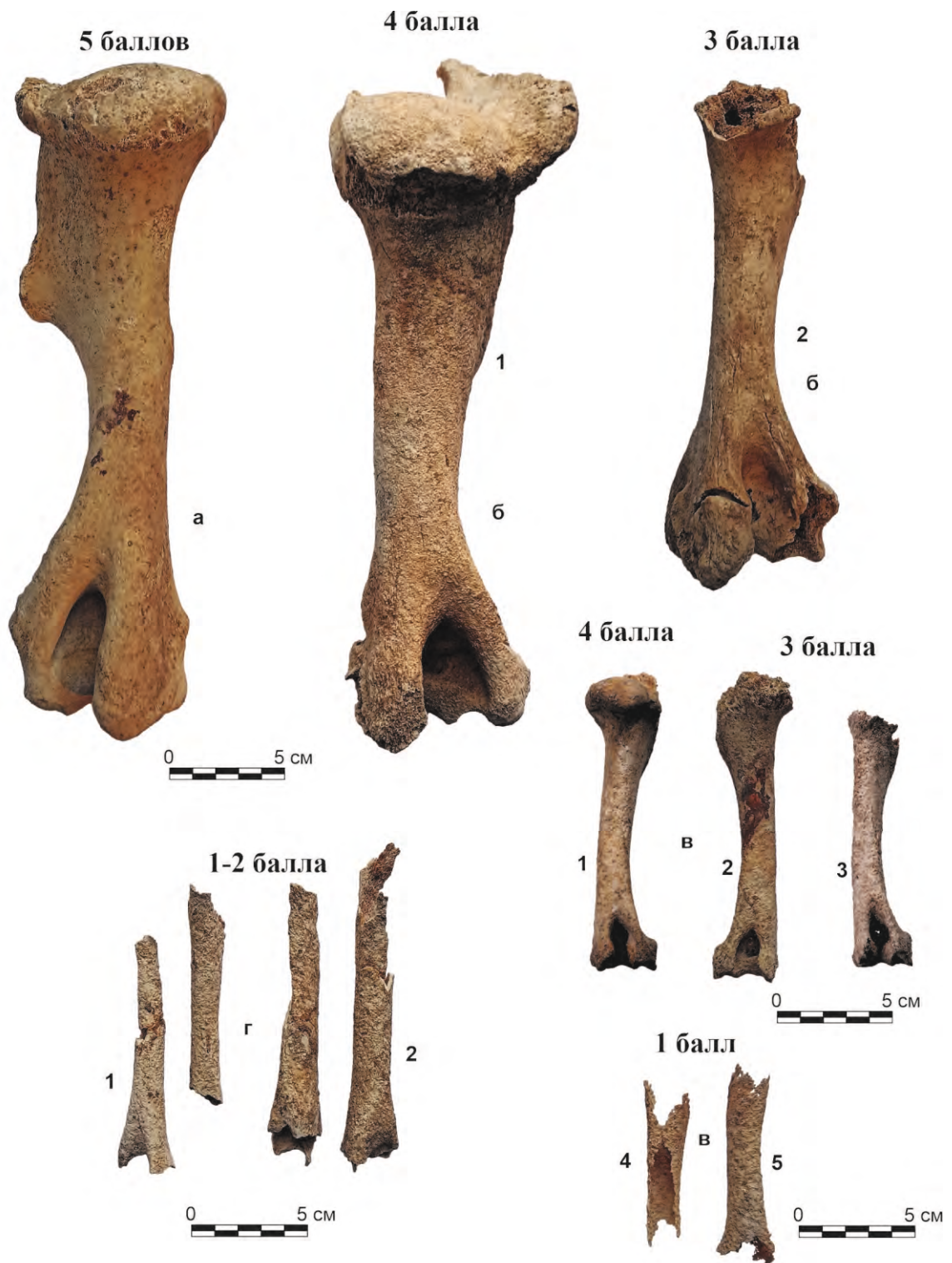

Рис. 83. Могильник Фронтное 3. Тафономическое состояние костей животных (по: Свиридов А.Н. и др., 2023. С. 156. Рис. 1). Плечевые кости: а - лошадь (могила 319, костяк 1), б - КРС (1 – могила 146; 2 – могила 5), в - МРС (1 – могила 142; 2 – могила 329; 3 - кв. В-9-10; 4 – могила 177; 5 – могила 329), г - собака (1 – могила 197; 2 – могила 222).

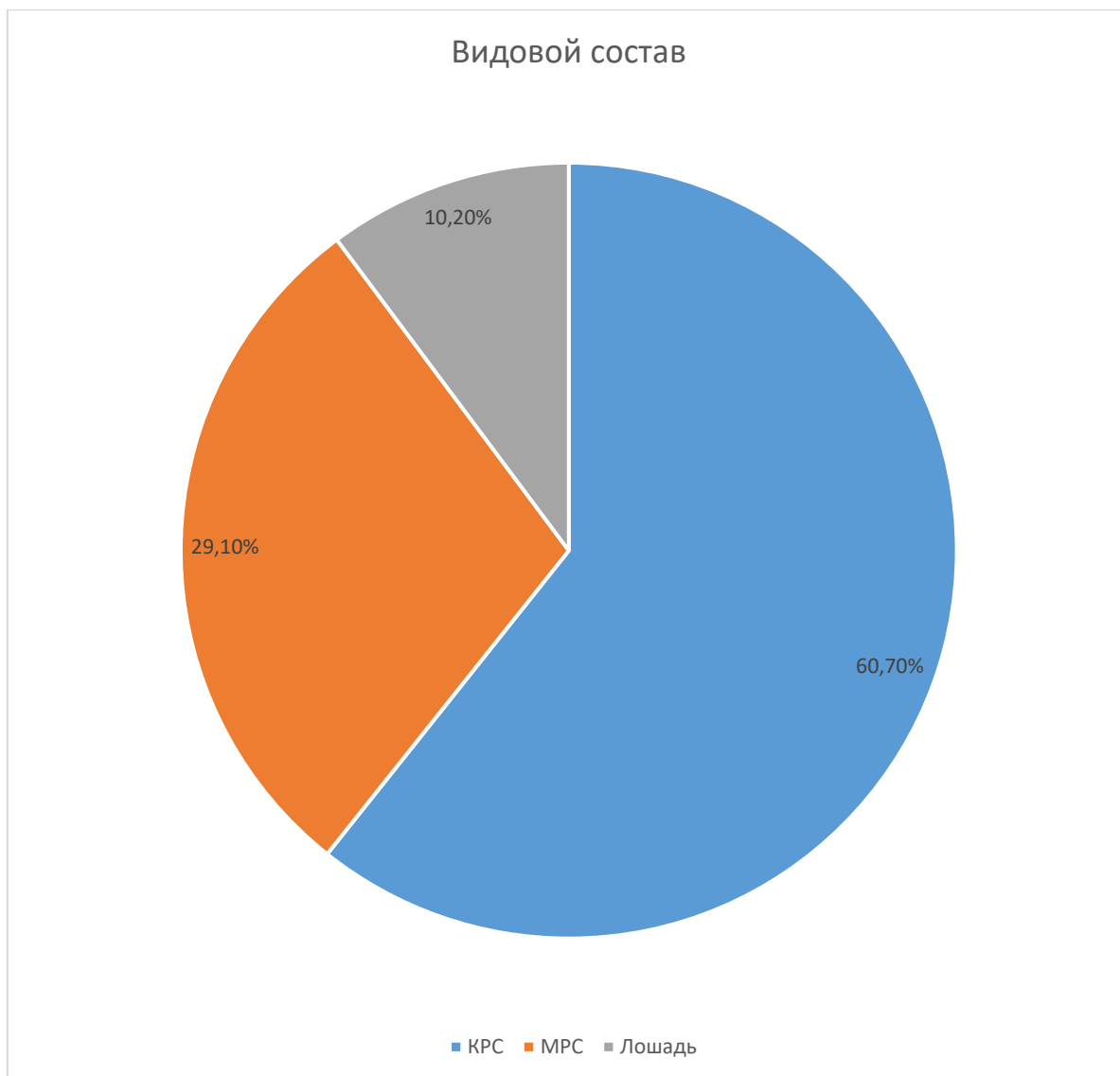

Рис. 84. Видовой состав копытных животных, используемых в заупокойной пище.

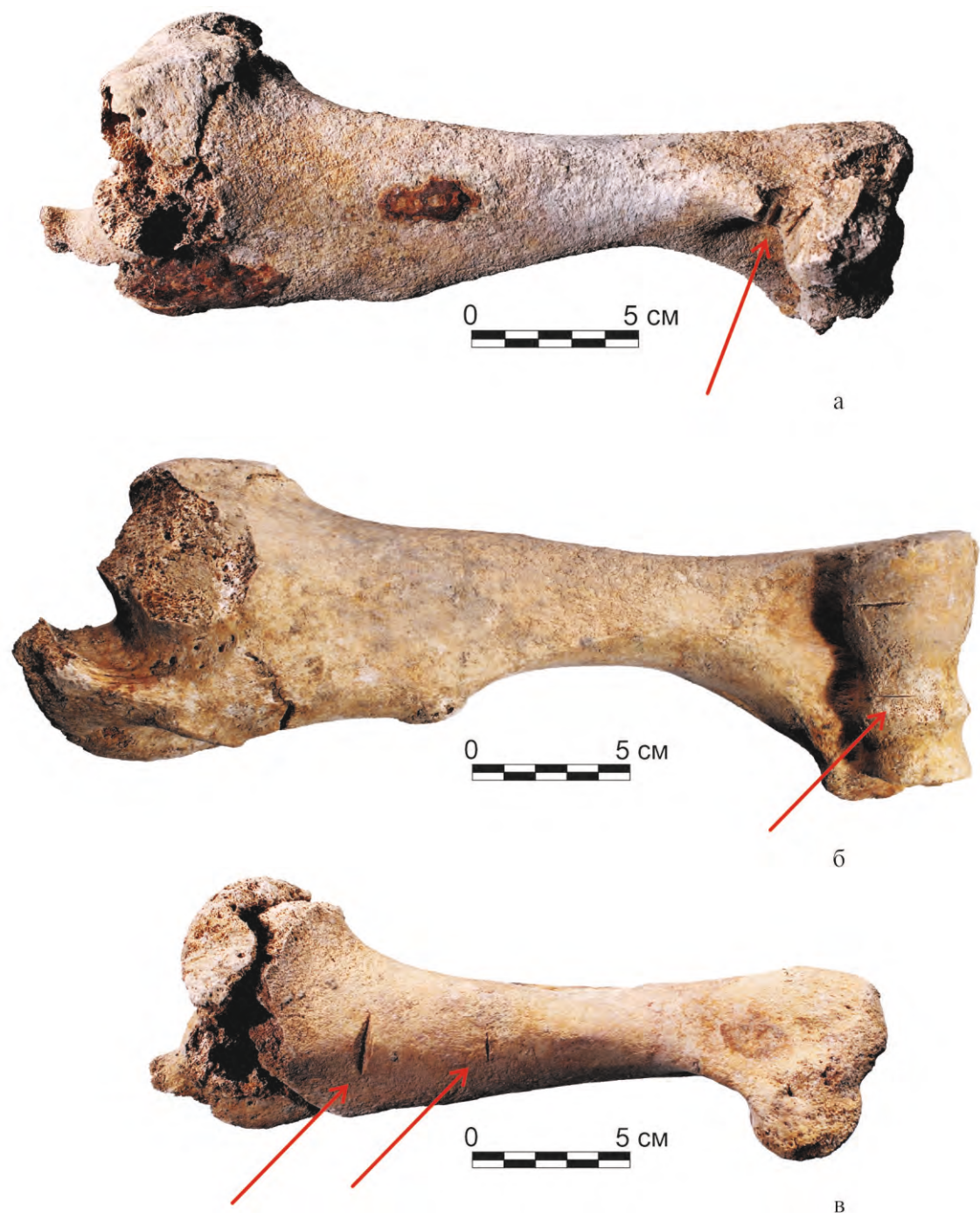
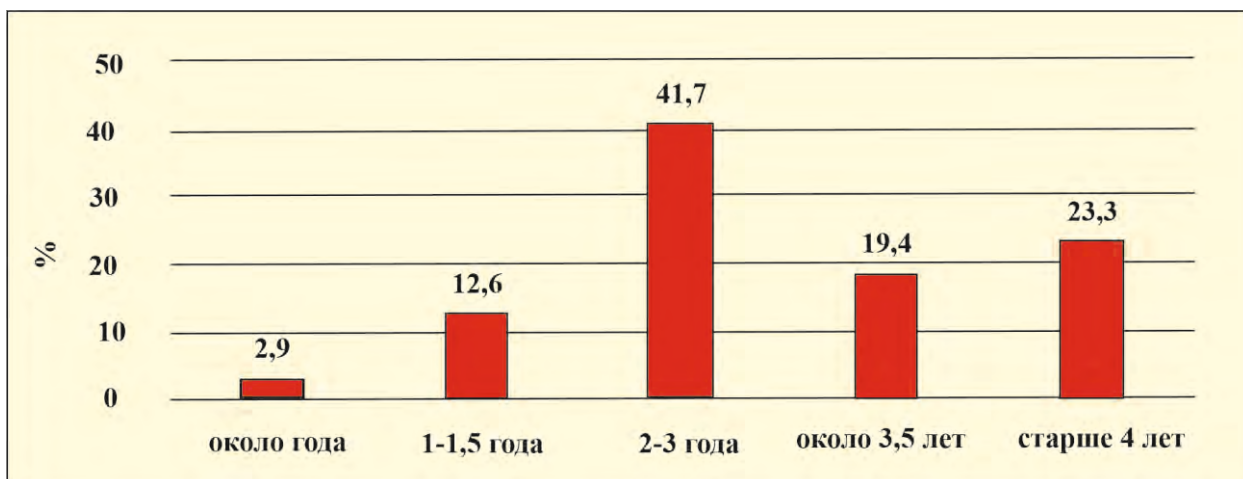
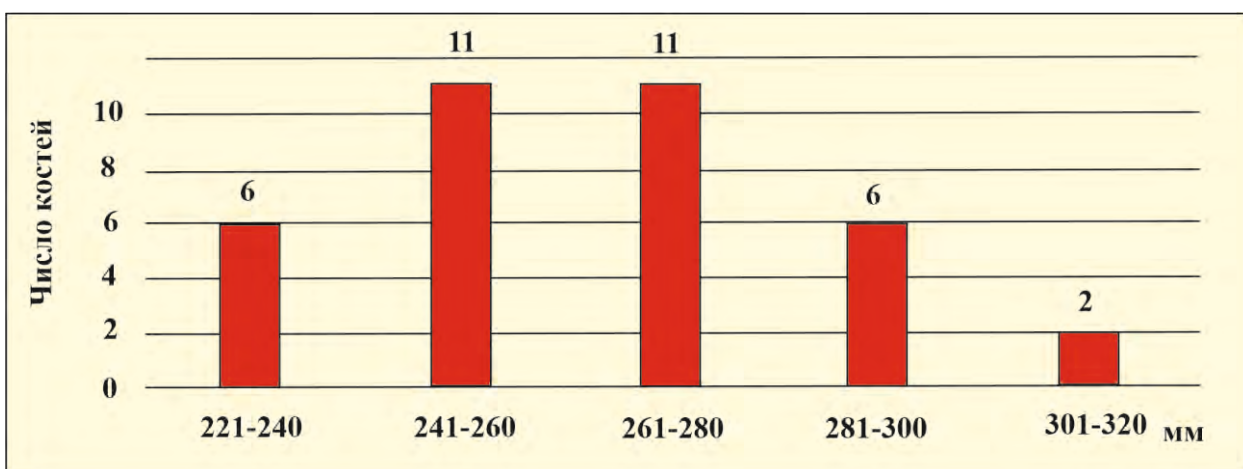

Рис. 85. Могильник Фронтовое 3. Следы разрубов и порезов на плечевых костях КРС: а – могила 146, б – могила 155, в – могила 51 (по: Свиридов А.Н. и др., 2023. С. 157. Рис. 2).

1

2

Рис. 86. Могильник Фронтное 3. 1 - возрастной состав КРС (выборка – 103 плечевые кости); 2 - вариационный ряд наибольшей длины (мм) плечевой кости КРС (выборка – 36 костей от взрослых и почти взрослых особей) (по: Свиридов А.Н. и др., 2023. С. 157-158. Рис. 3,4).

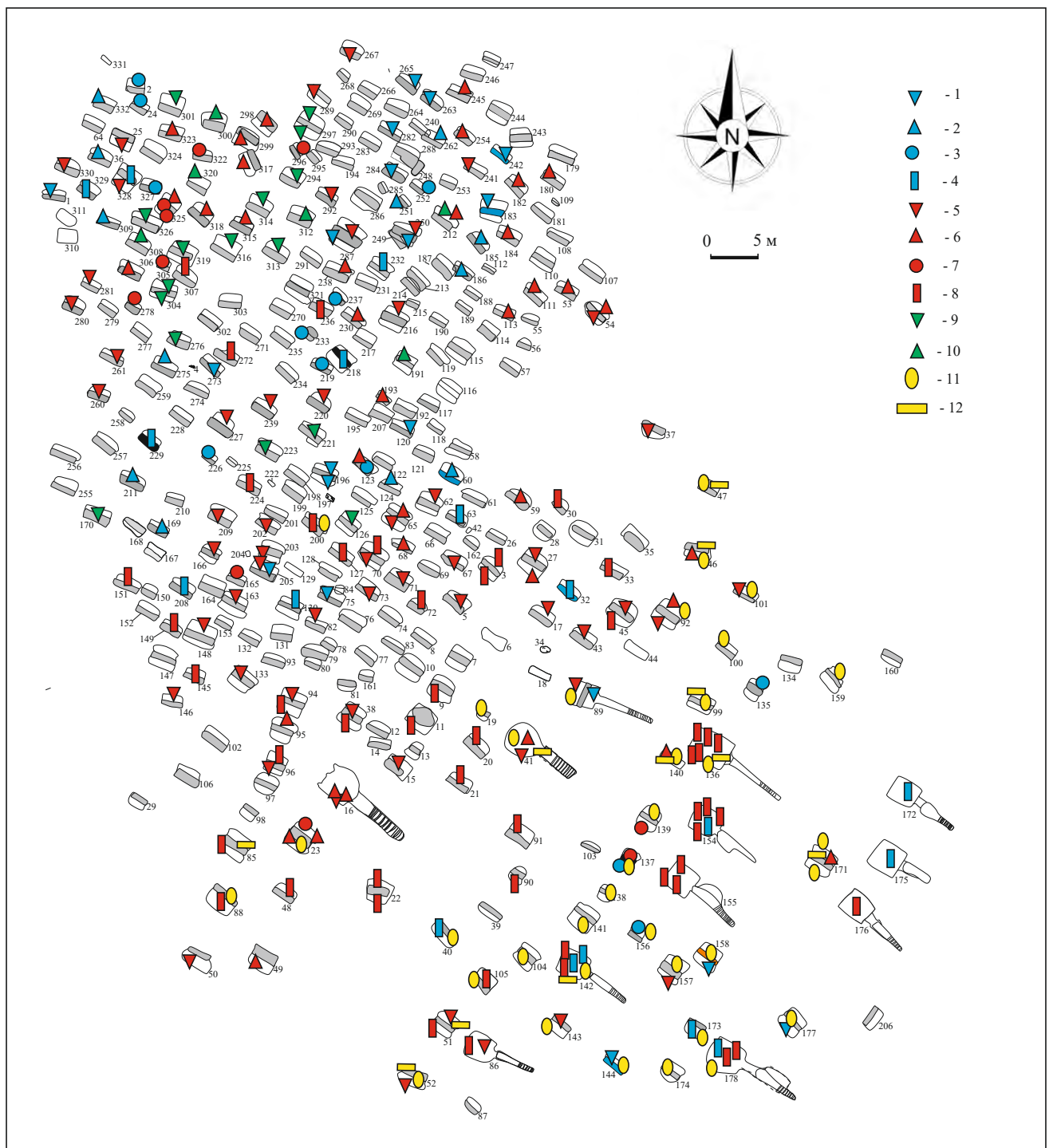

Рис. 87. Могильник Фронтное 3. Погребения с костями животных.

1 – мужское погребение с костью МРС; 2 – женское погребение с костью МРС; 3 – детское погребение с костью МРС; 4 – пол погребенного не установлен с костью МРС; 5 - мужское погребение с костью КРС; 6 - женские погребение с костью КРС; 7 - детское погребение с костью КРС; 8 - пол погребенного не установлен с костью МРС; 9 - мужское погребение с костью лошади; 10 - женское погребение с костью лошади; 11 - яичная скорлупа; 12 – кости птицы.

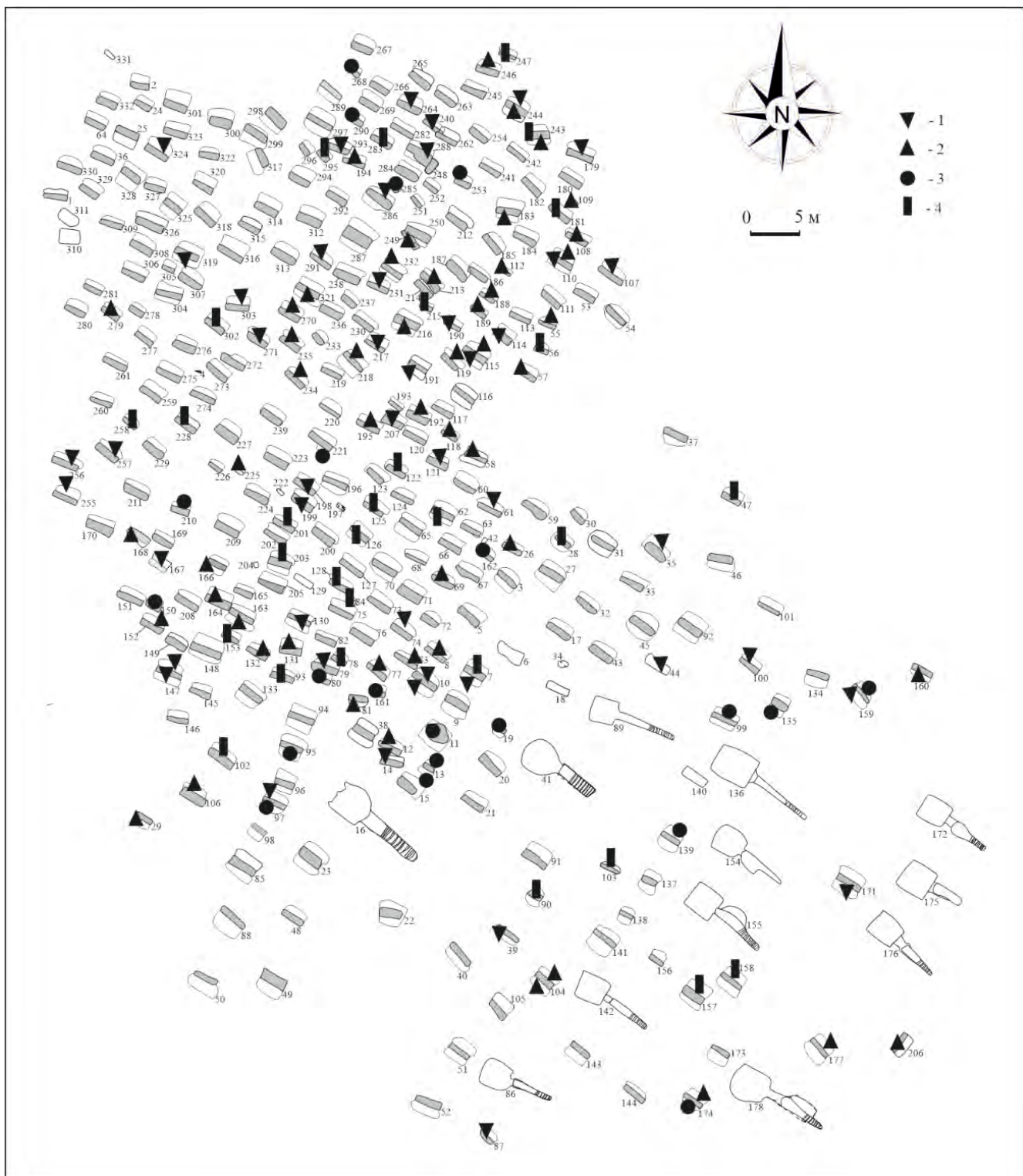

Рис. 88. Могильник Фронтное 3. Погребения без костей животных.
 1 – мужское погребение, 2 – женское погребение; 3 – детское погребение;
 4 - пол погребенного не установлен.

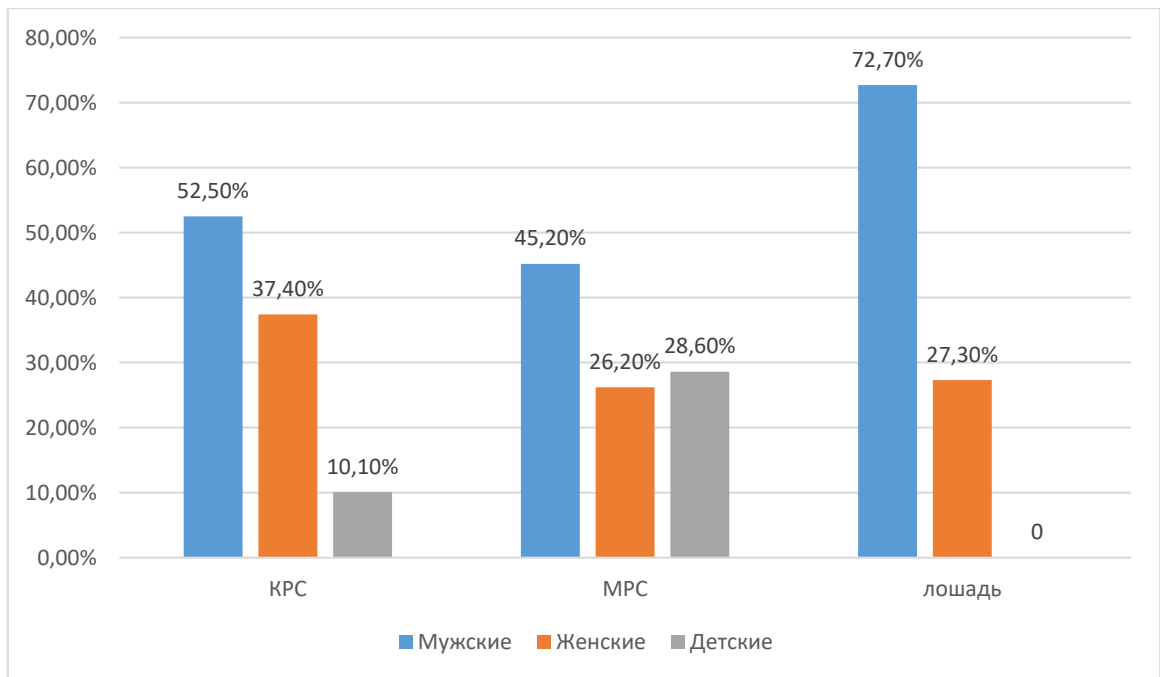
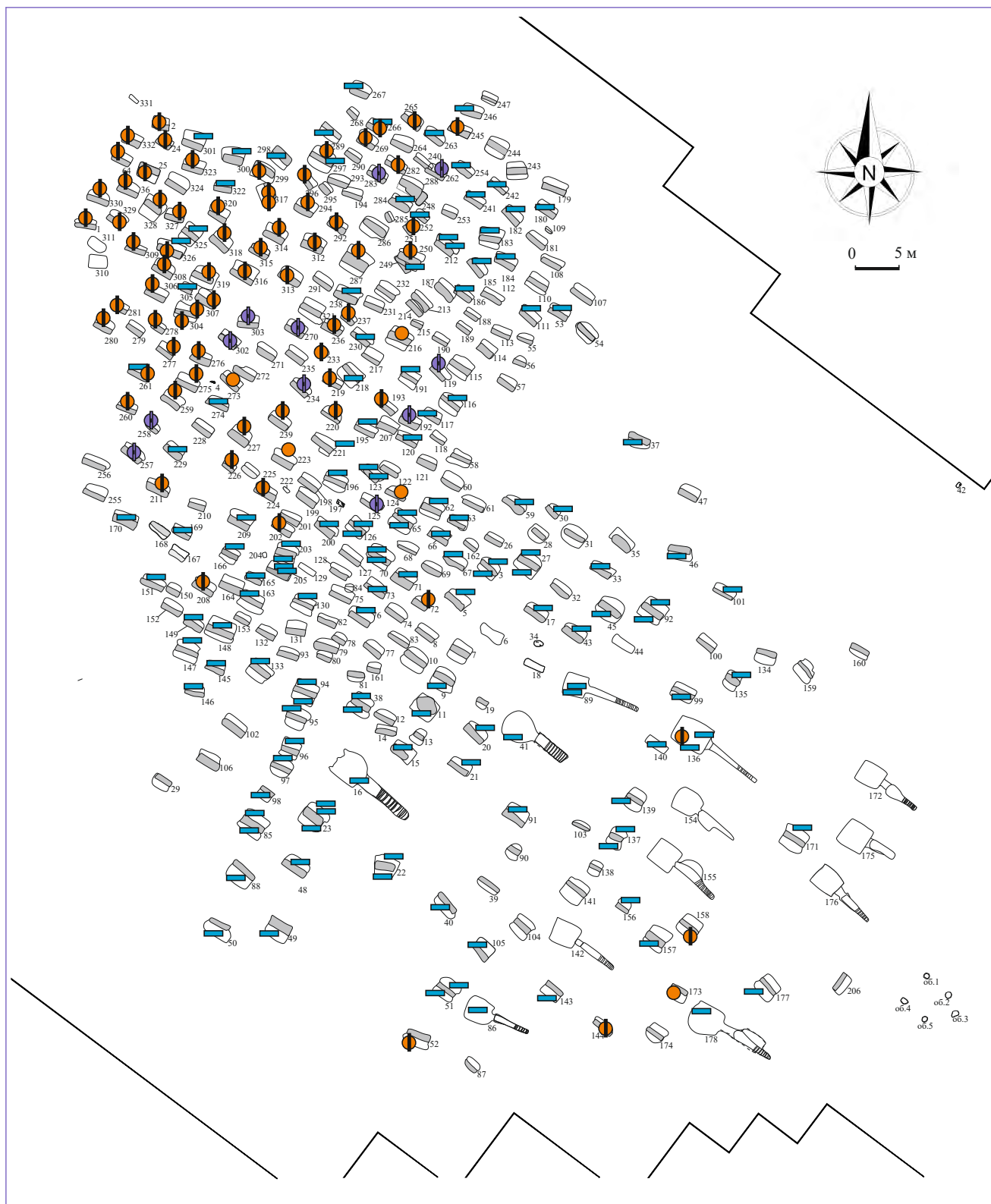

Рис. 89. Соотношение видовой принадлежности животных среди заупокойной пищи с полом погребенных

● - а ● - б ● - в — - г

Рис. 90. Могильник Фронтове 3. Планиграфия распространения жертвенной пищи в могиле. Тип 1: а,б, в; Тип 2: г.

а - кость животного на СОФ, второго сосуда нет;

б - кость животного на СОФ, за головой расположен СЗФ;

в - СОФ с ножом кость животного истлела или отсутствует;

г - кость животного на земле.

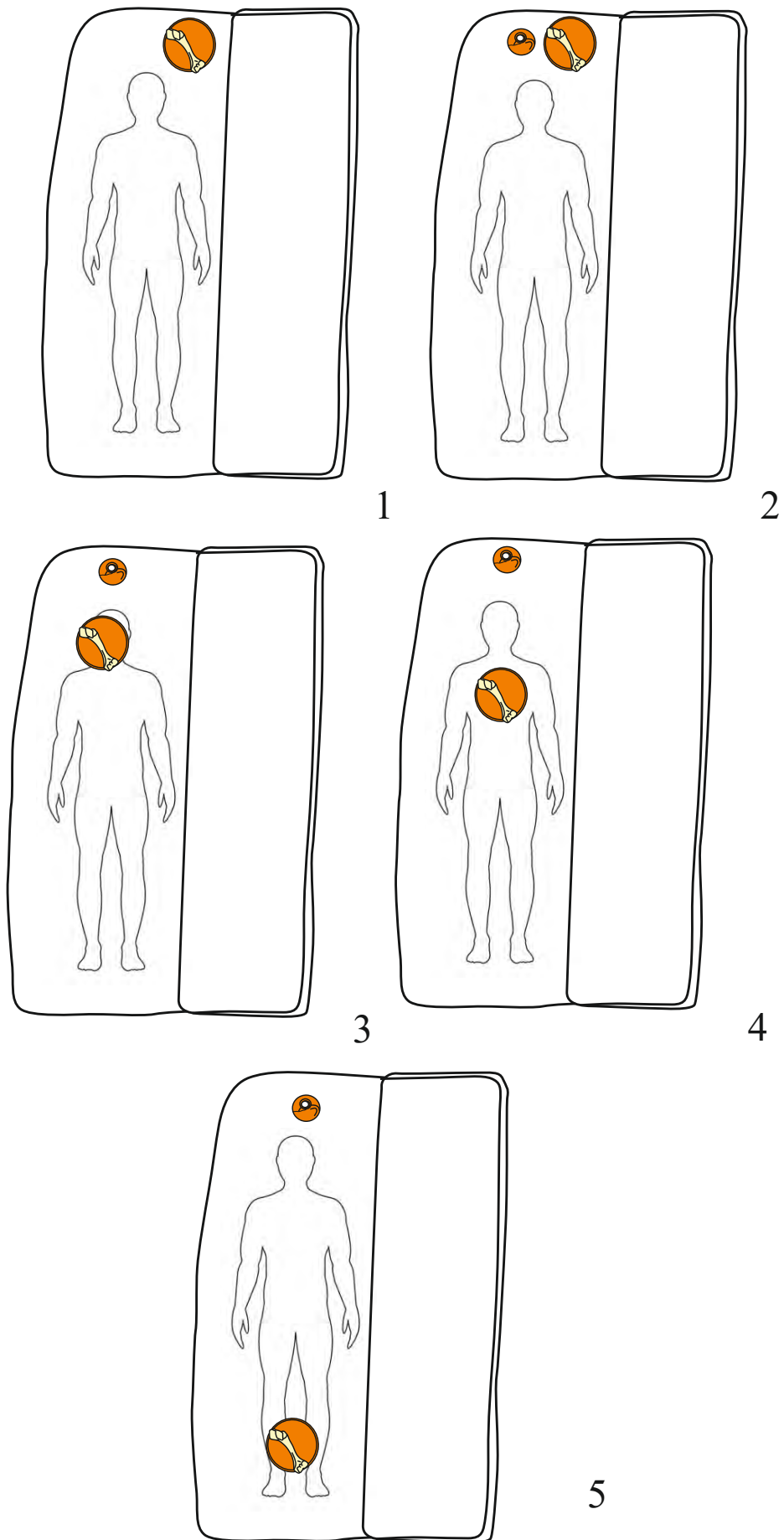

Рис. 91. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи на сосудах открытых форм в могиле.

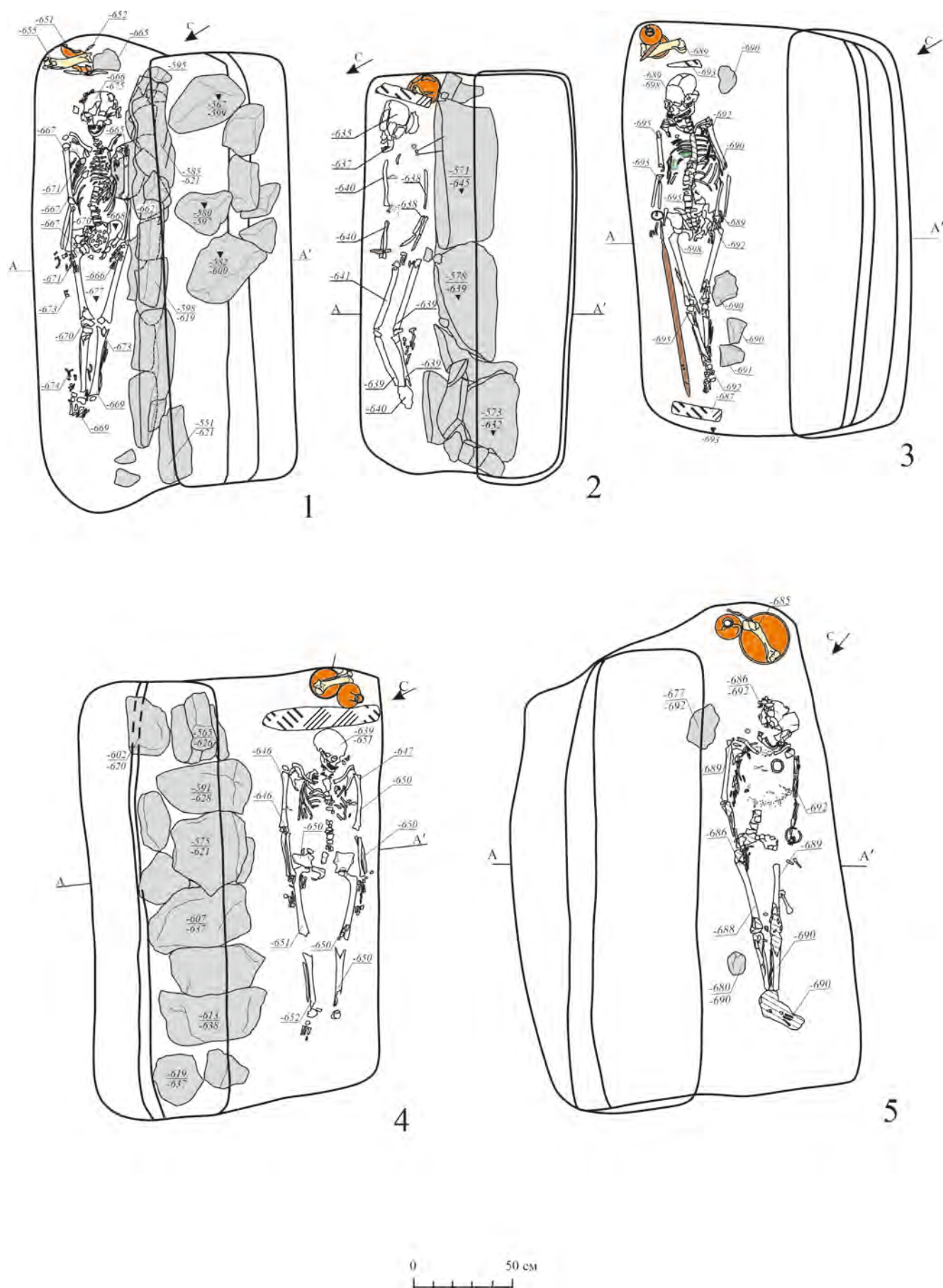

Рис. 92. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 223; 2 - могила № 273; 3 - могила № 294; 4 - могила № 25; 5 - могила № 299.

1

2

Рис. 93. Могильник Фронтовое 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 124; 2 - могила № 173.

1

2

Рис. 94. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 25; 2 - могила № 193.

1

2

Рис. 95. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 220; 2 - могила № 287.

1

2

Рис. 96. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 208; 2 - могила № 202.

1

2

Рис. 98. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 72; 2 - могила № 303.

1

2

Рис. 99. Могильник Фронтовое 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 276; 2 - могила № 320.

1

2

Рис. 100. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 52; 2 - могила № 236.

1

2

Рис. 101. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 278; 2 - могила № 144.

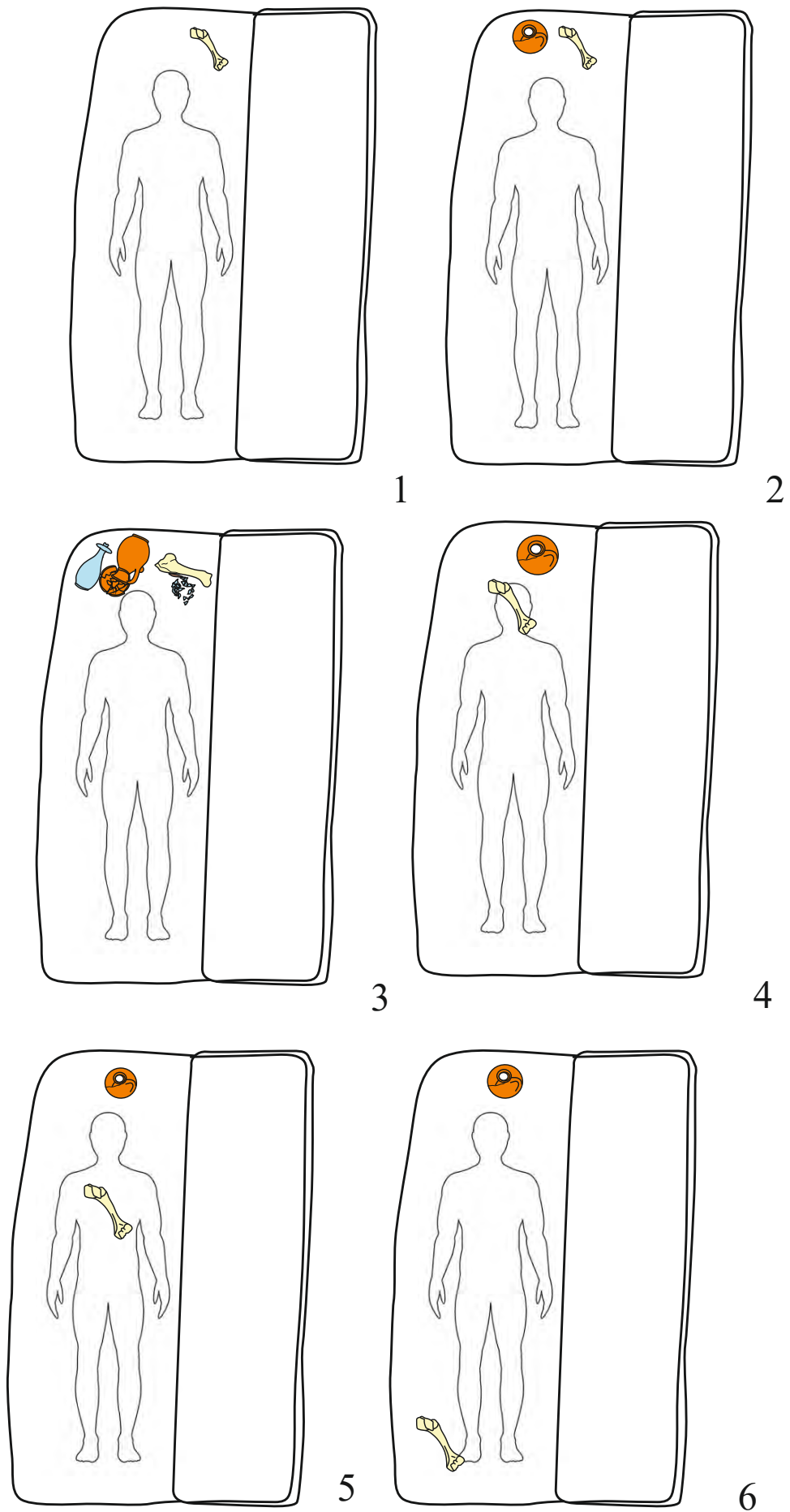

Рис. 102. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи без использования сосудов открытых форм

1

2

Рис. 104. Могильник Фронтовое 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 148; 2 - могила № 289.

1

2

Рис. 105. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 111; 2 - могила № 38.

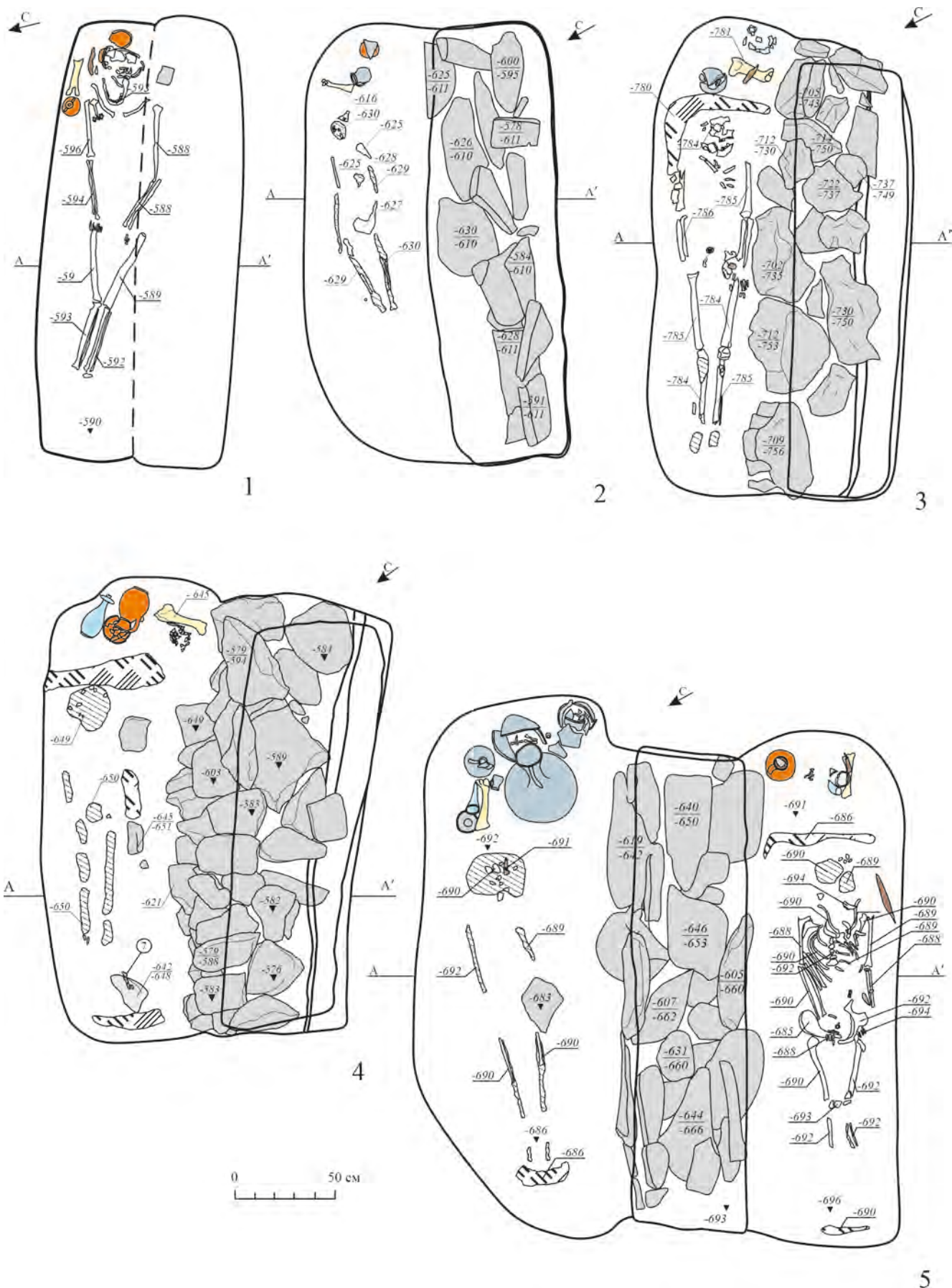

Рис. 106. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 261; 2 - могила № 48; 3 - могила № 101; 4 - могила №105; 5 - могила № 51.

1

2

Рис. 107. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 85; 2 - могила № 71.

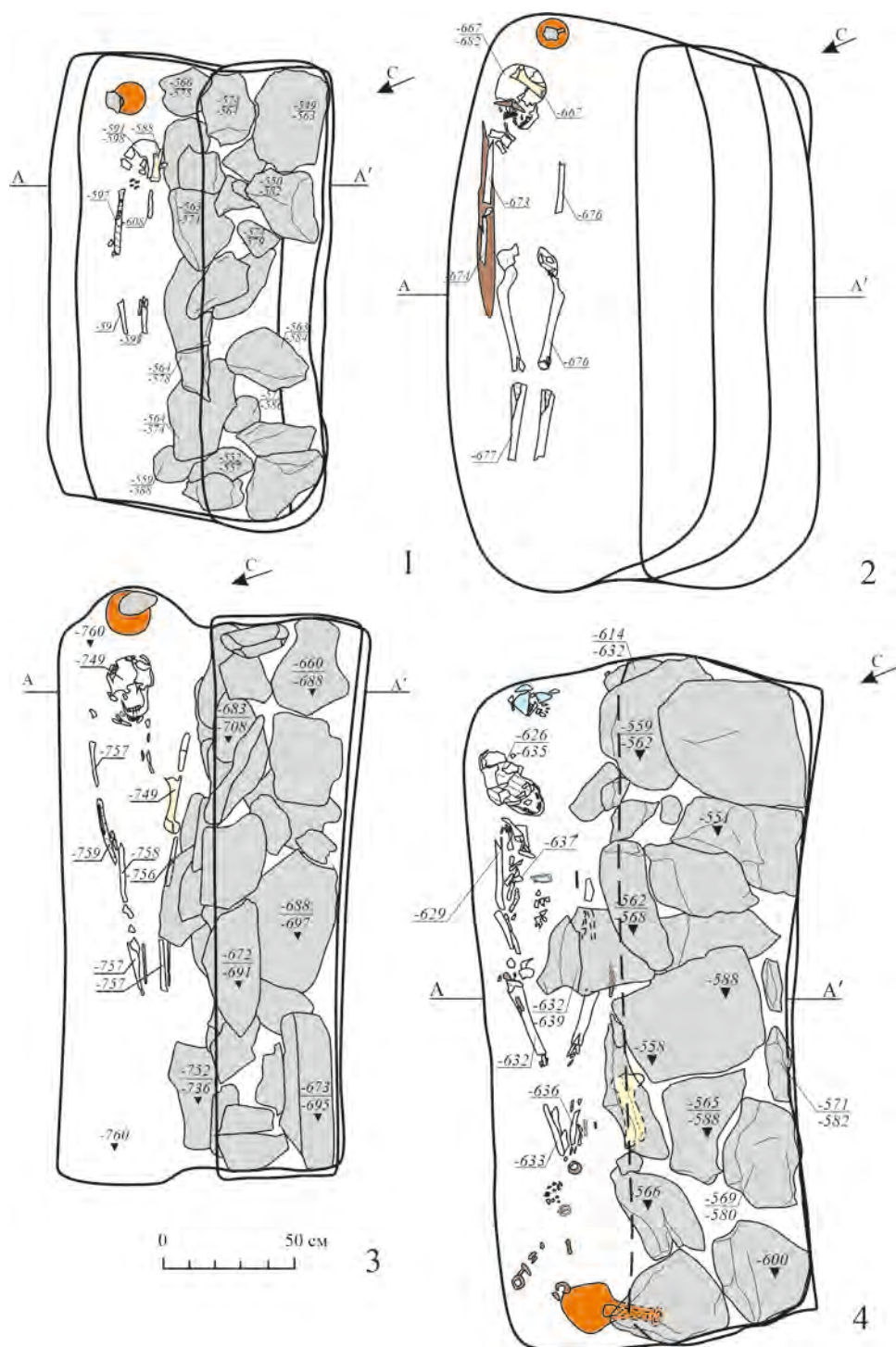

Рис. 108. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 165; 2 - могила № 267; 3 - могила № 241; 4 - могила №170.

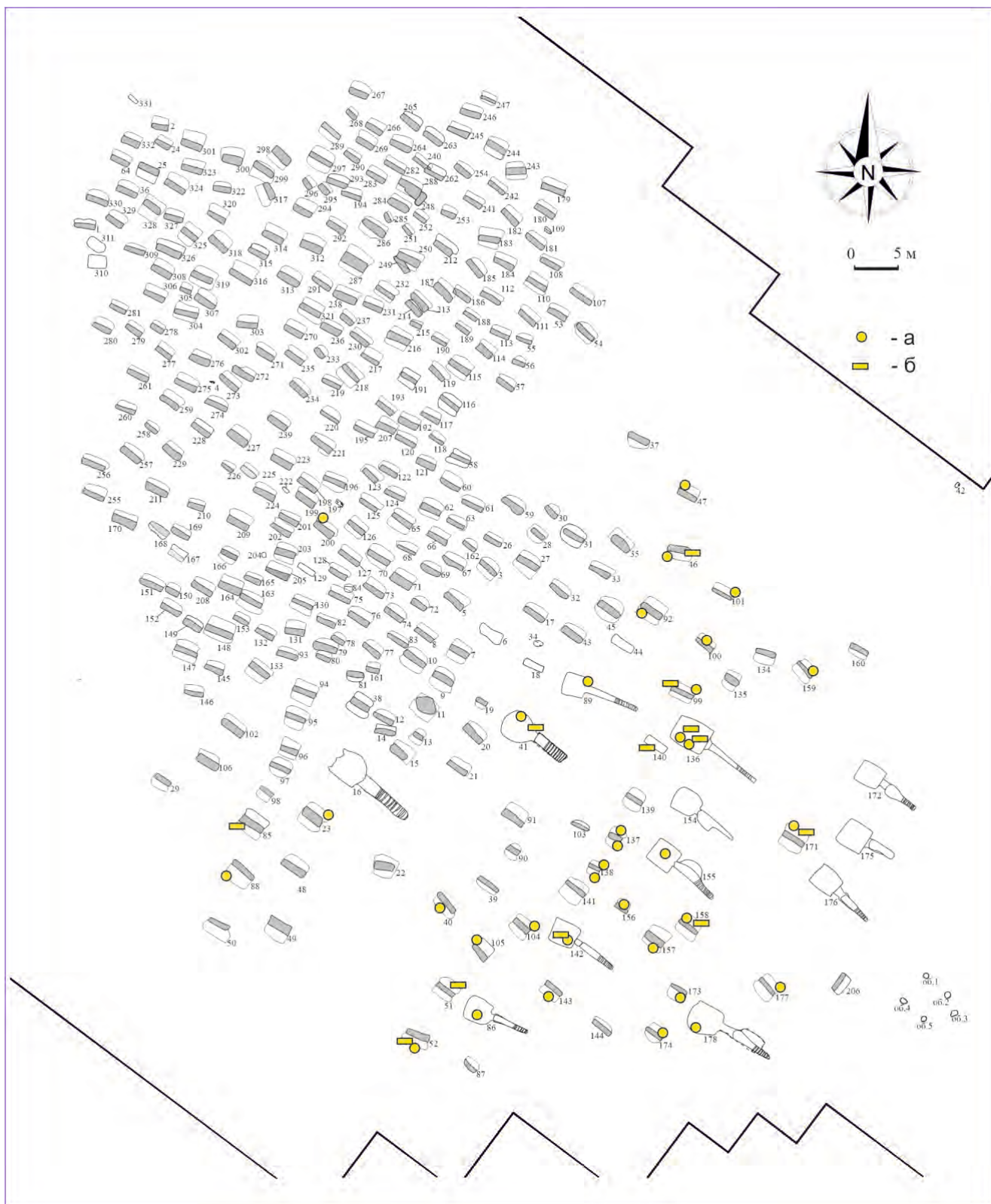

1

2

Рис. 109. Могильник Фронтное 3. Варианты размещения жертвенной пищи в могиле. 1 - могила № 5; 2 - могила № 177.

● - а ■ - б

Рис. 110. Могильник Фронтное 3. Планиграфия распространения мяса курицы и куриных яиц: а - куриные яйца; б - кости курицы.

1

2

Рис. 111. Могильник Фронтное 3. Расположение куриных костей и скорлупы в могиле: 1 - могила № 41; 2 - могила № 138.

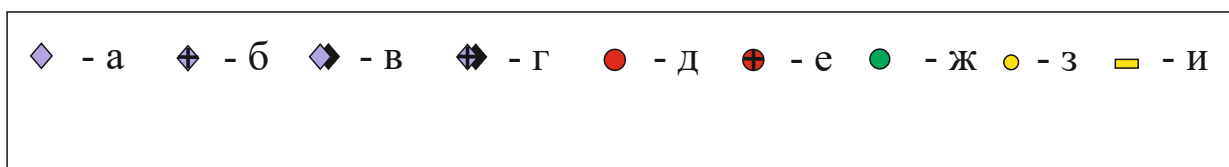
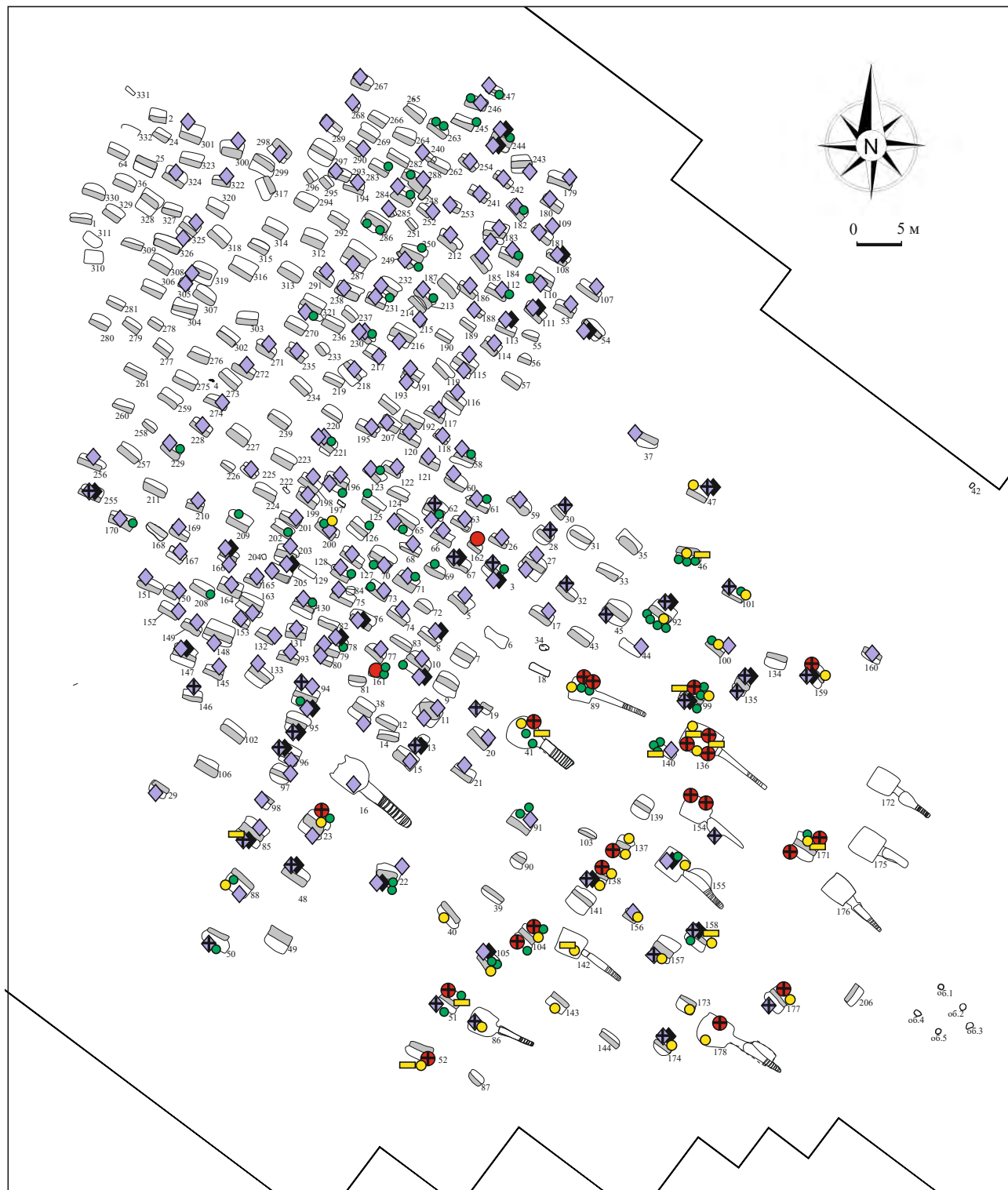

Рис. 112. Могильник Фронтное 3. Планиграфия распространения могил с расположением напутственной пищи на полу погребальных сооружений: а – один краснолаковый сосуд закрытой формы; б - один лепной сосуд; в – два краснолаковых сосуда; г - два сосуда, один из которых лепной; д – три и более керамических сосуда; е – три и более керамических сосуда, часть из которых лепные; ж – стеклянный сосуд среди напутственной пищи за головой погребенного; з – яичная скорлупа; и –кости птицы.

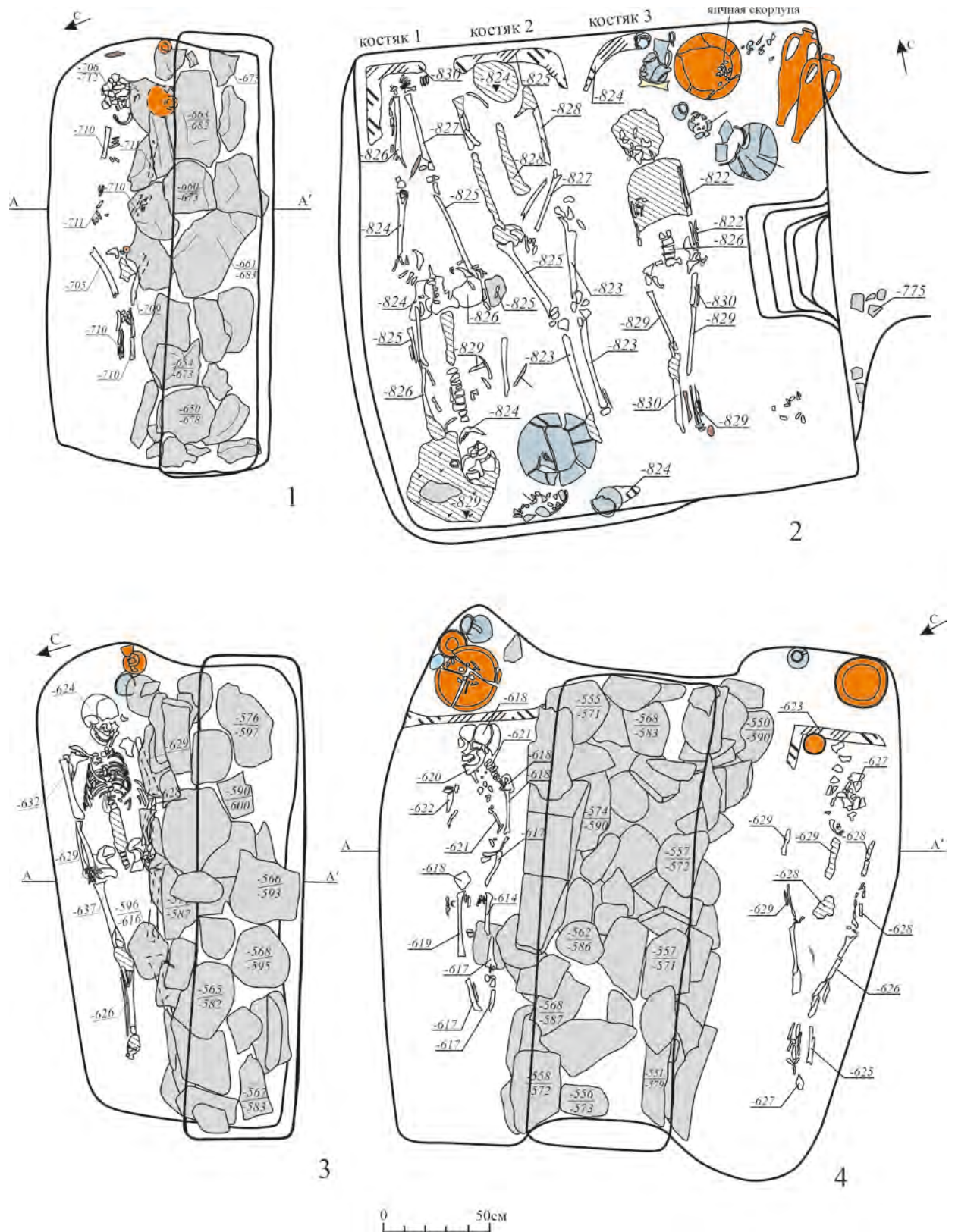

Рис. 113. Могильник Фронтное 3. Расположение посуды в погребениях:
 1 - могила № 113; 2 - могила № 89; 3 - могила № 255; 4 - могила № 104.

1

2

Рис. 114. Могильник Фронтное 3. Расположение посуды в погребениях:
1 - могила № 113; 2 - могила № 62.

1

2

Рис. 115. Могильник Фронтное 3. Расположение посуды в погребениях:
1 - могила № 46; 2 - могила № 89.

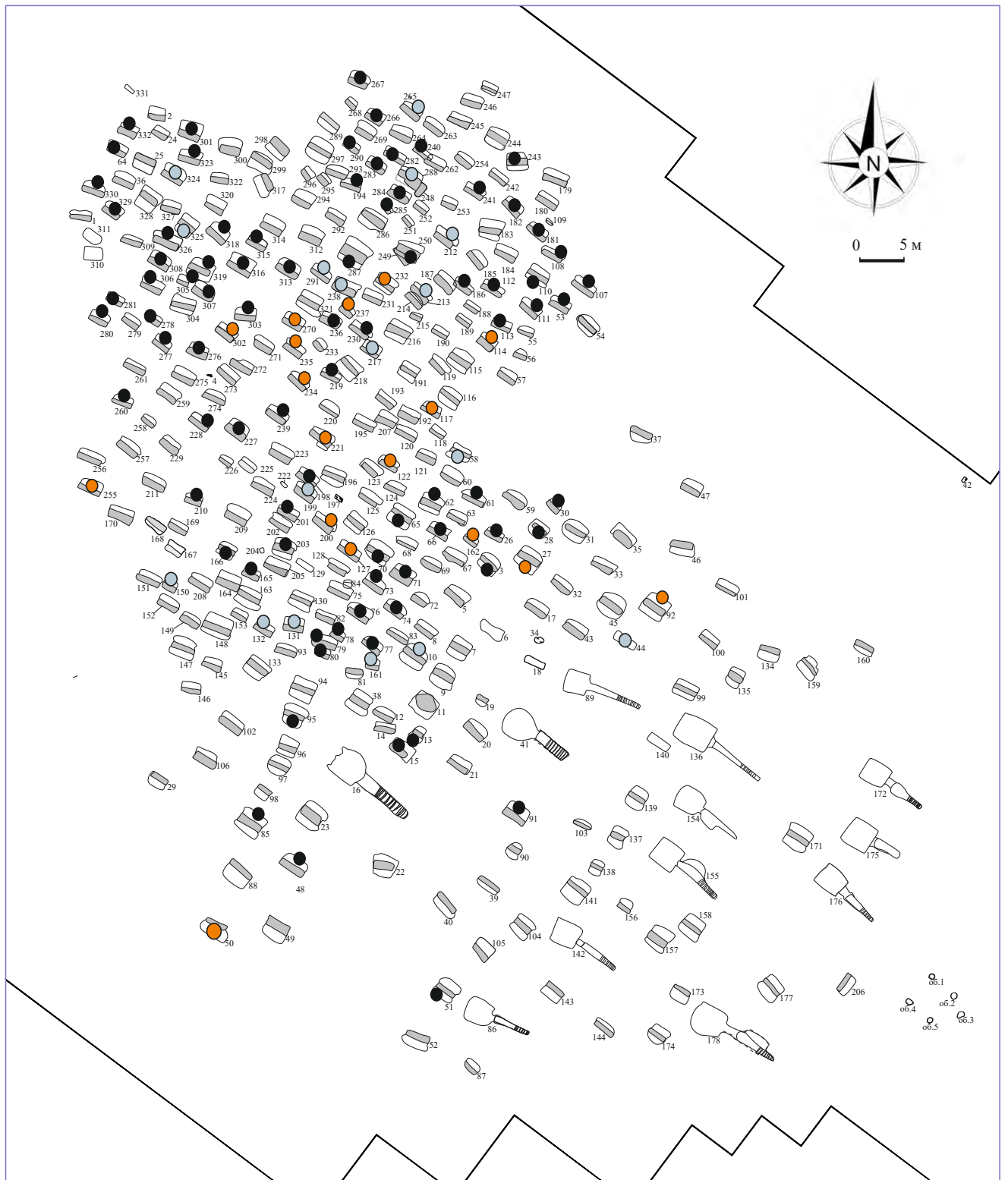

1

2

Рис. 116. Могильник Фронтное 3. Расположение посуды в погребениях:
1 - могила № 104; 2 - могила № 177.

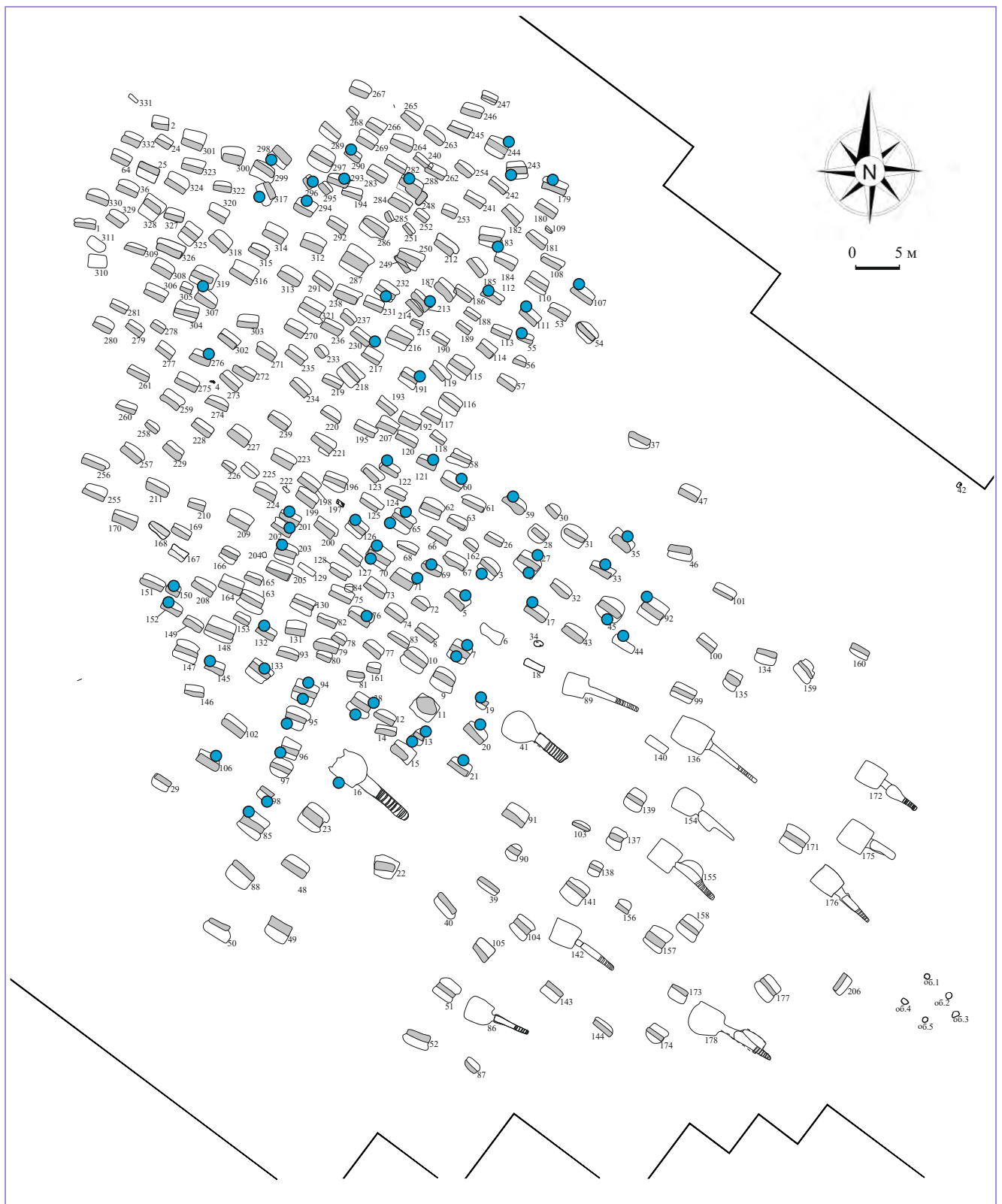

● - а ● - б ● - в

Рис. 117. Могильник Фронтное 3. Планиграфия распространения могил с расположением «крышки» на керамическом сосуде закрытой формы: а - камень; б - фрагмент стенки краснолакового сосуда; в - фрагмент стенки лепного сосуда.

Рис. 118. Могильник Фронтное 3. Расположение «крышек» на керамических сосудах:
1 - могила № 66; 2 - могила № 237.

● - погребения с сосудом в руке

Рис. 119. Могильник Фронтное 3. План распространения погребений с сосудом в руке.

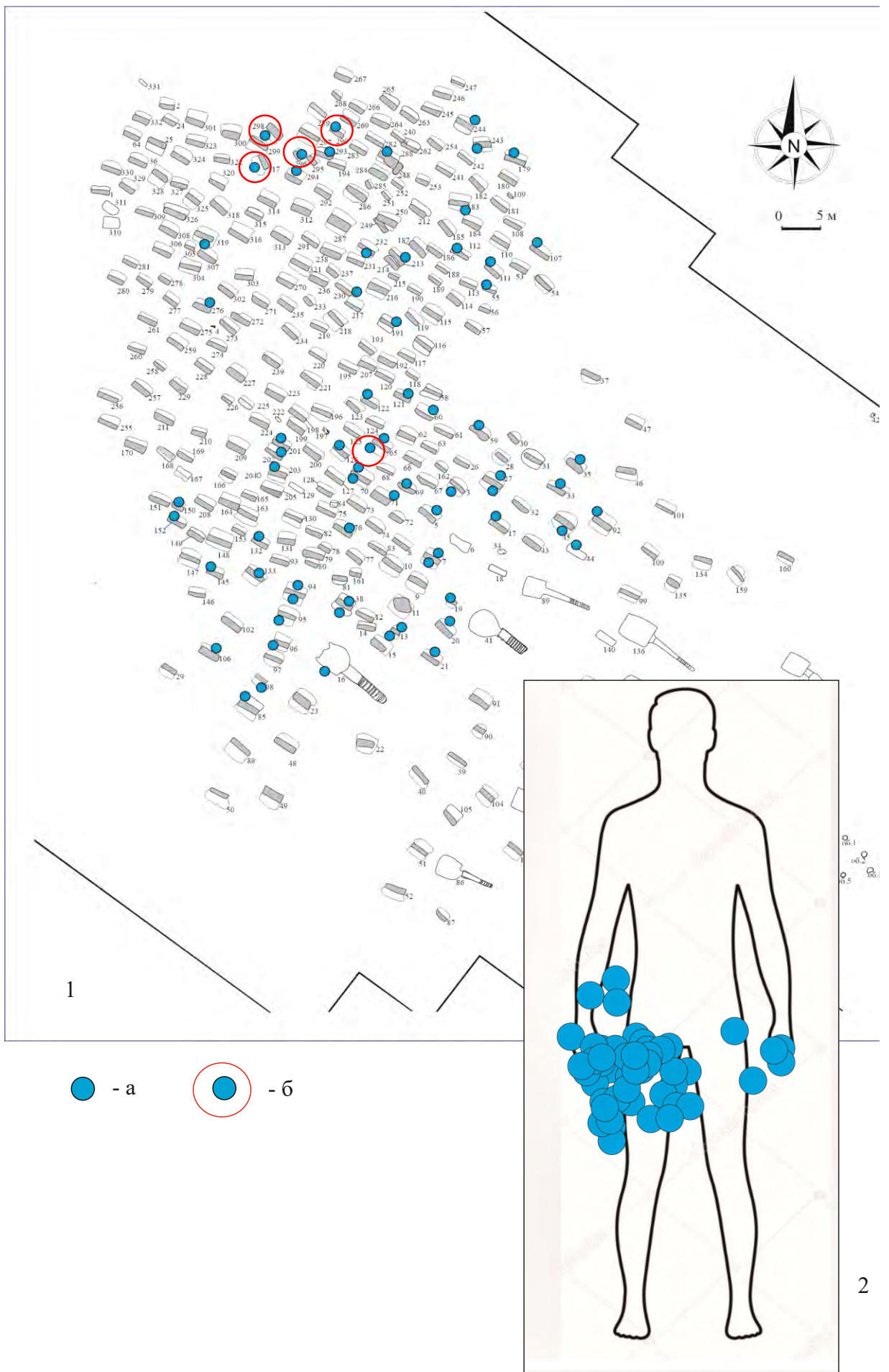

Рис. 120. Могильник Фронтное 3. 1 - планиграфия распространения погребений с сосудом в руке: а - сосуды рядом с правой кистью; б - сосуы рядом с левой кистью; 2 - места расположения сосудов в районе рук

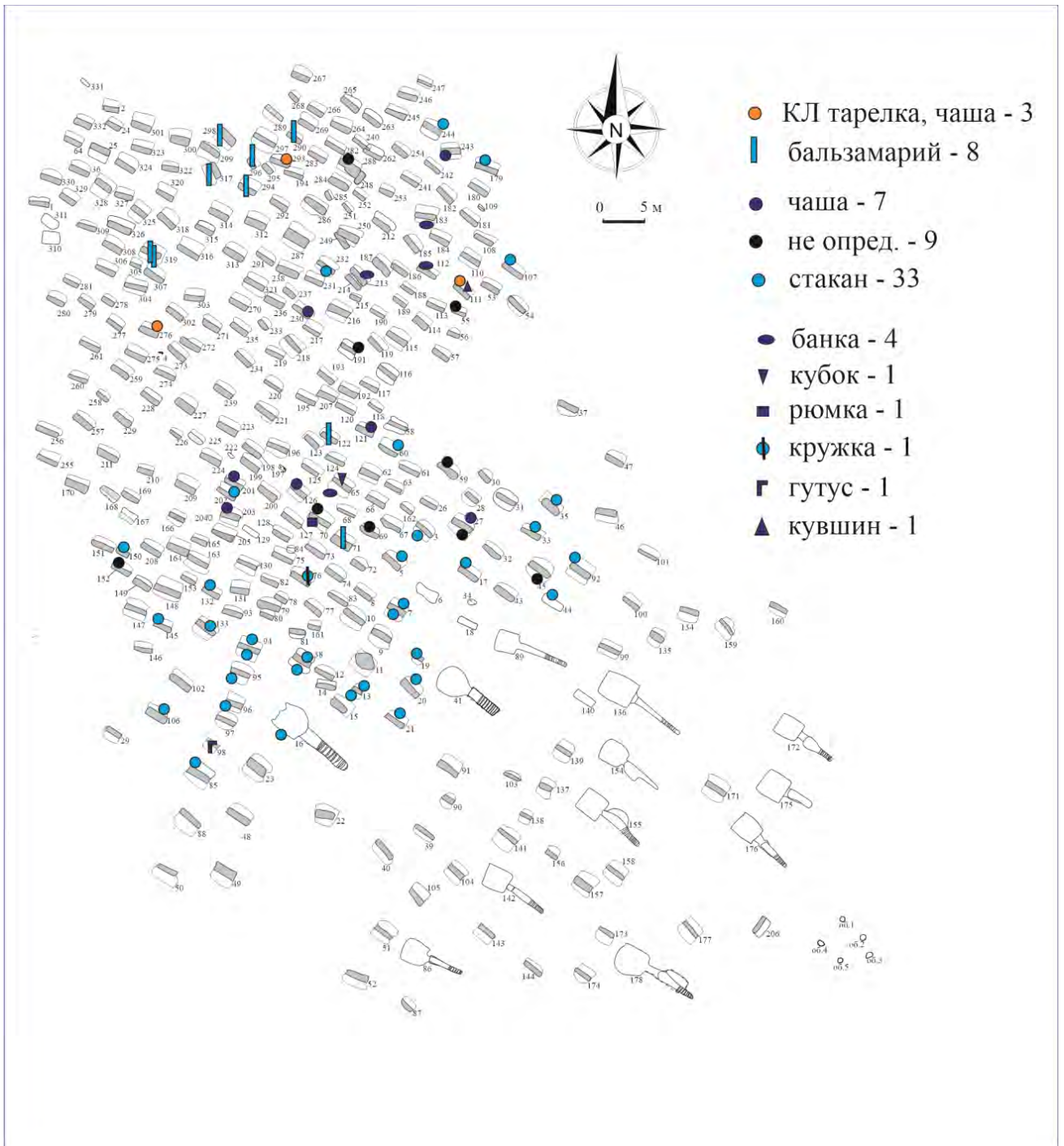

Рис. 121. Могильник Фронтное 3. 1 - форма и материал сосудов расположенных в районе кисти погребенных

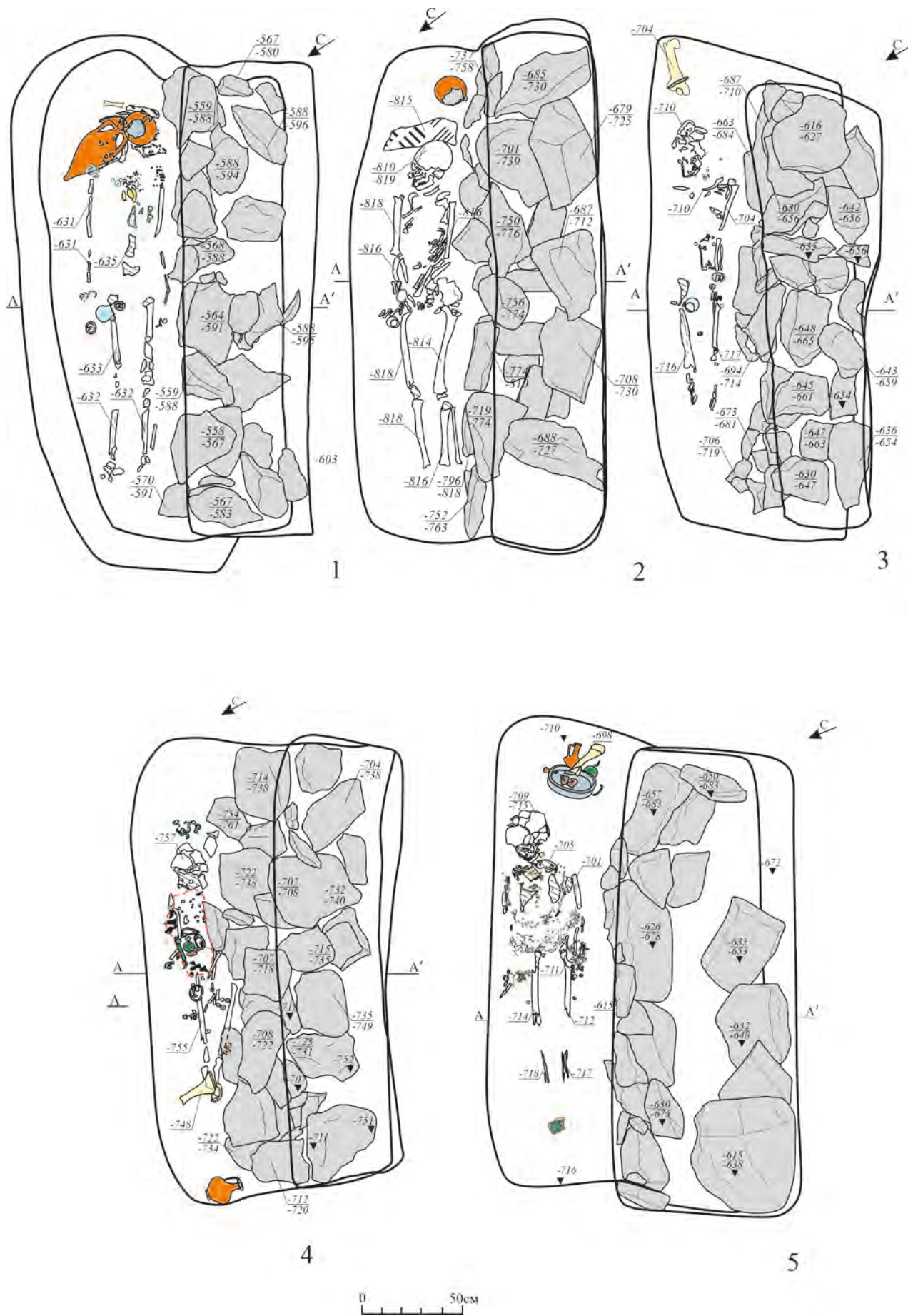

Рис. 122. Могилики Фронтное 3. Могила с сосудами в правой руке и фрагментами шкатулок: 1 - могила № 76; 2 - могила № 107; 3 - могила 33; 4 - могила 184; 5 - могила № 312.

1

2

Рис. 123. Могильник Фронтное 3. Погребения со стеклянным сосудом в правой руке: 1 - могила № 207; 2 - могила № 65.

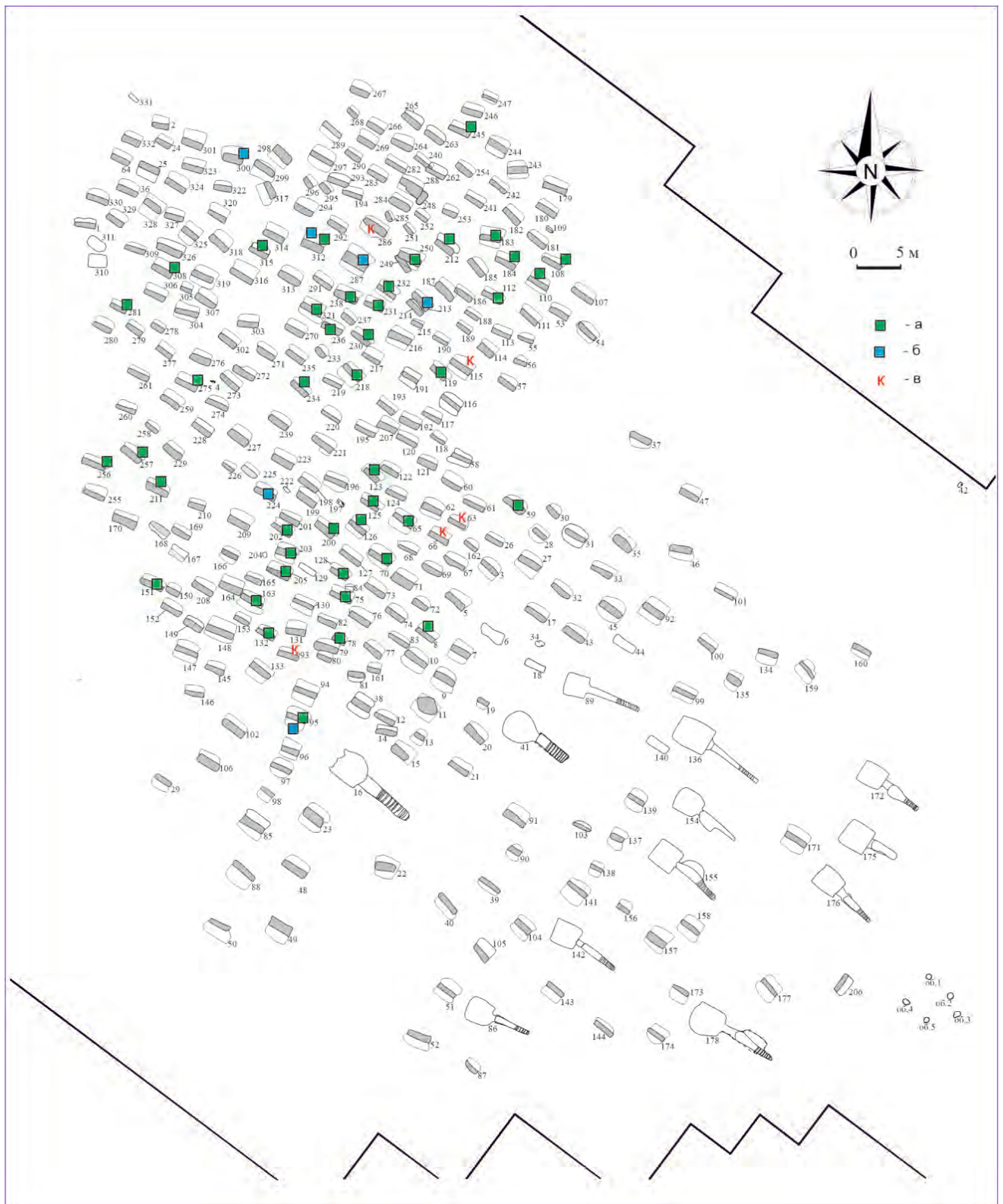

Рис. 124. Могильник Фронтное 3. Планиграфия распространения погребений с фрагментами катулок: а - в голове погребенного; б - в ногах погребенного; в - ключ среди скопления предметов..

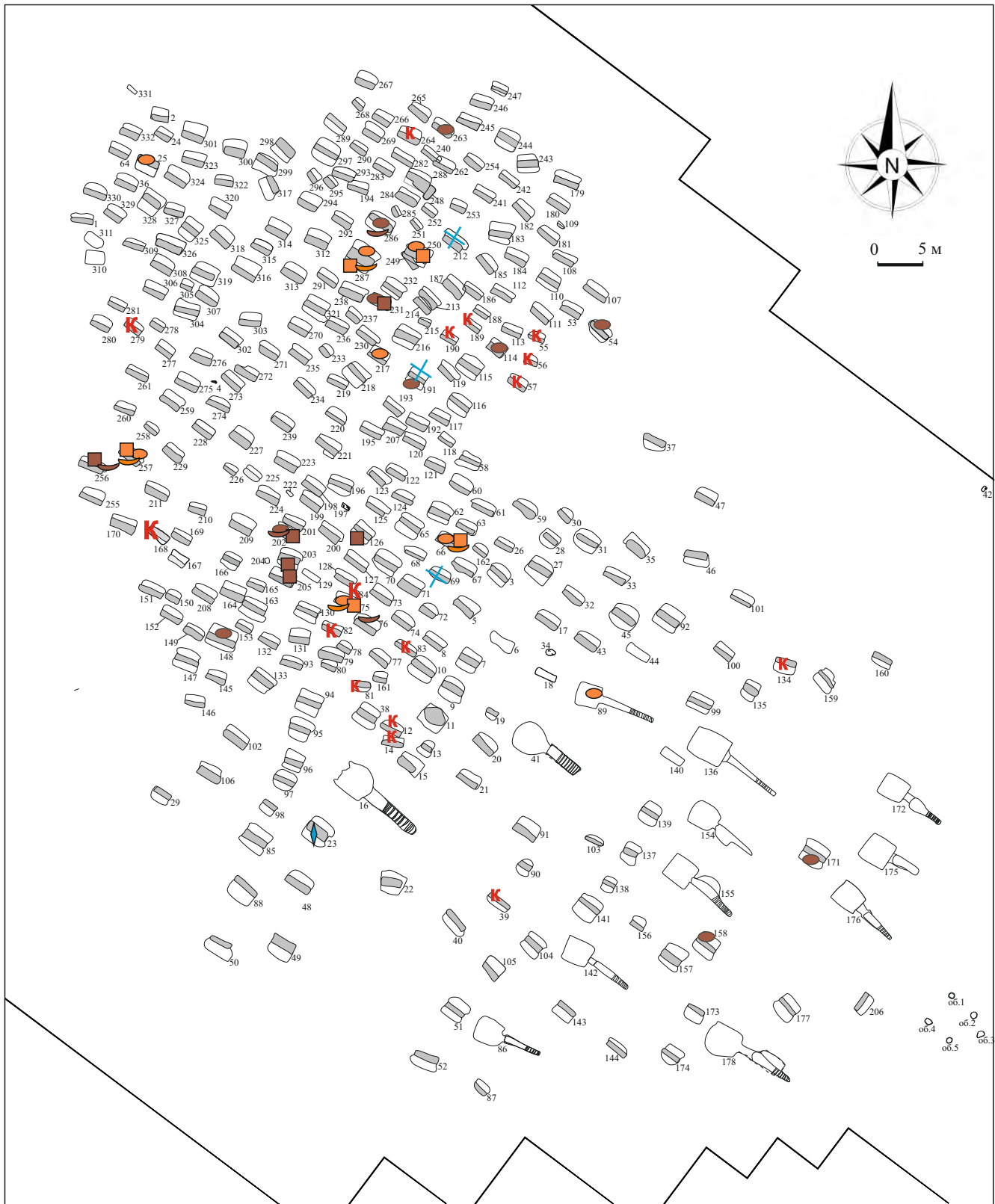

1

2

Рис. 125. Могильник Фронтное 3. Фрагменты шкатулок в погребениях:
1 - могила № 65; 2 - могила № 287.

К - Погребения без заупокойной пищи и с малым набором инвентаря.

- - расположение пряслиц в погребениях где мужской пол погребенного установлен твердо
- - расположение пряслиц в погребениях где мужской пол погребенного установлен предварительно
- - расположение фрагментов шкатулок в погребениях где мужской пол погребенного установлен твердо
- - расположение фрагментов шкатулок в погребениях где мужской пол погребенного установлен предварительно
- ☪ - расположение ожерелий в погребениях где мужской пол погребенного установлен твердо
- ☪ - расположение ожерелий в погребениях где мужской пол погребенного установлен предварительно
- ✕ - расположение удил в погребениях где женский пол погребенного установлен предварительно

Рис. 126. План расположения погребений без заупокойной пищи, с малым и нетипичным для пола погребенного набором инвентаря

Рис. 127. Могильник Фронтное 3. Керамические сосуды. 1 – могила. 329; 2 – могила 212; 3 – могила 205; 4 – могила 313; 5 – могила 243; 6 – могила 284; 7 – могила 287; 8 – могила 5; 9 – могила 329; 10 – могила 192; 11 – могила 238; 12 – могила 300; 13 – могила 318; 14 – могила 293; 15 – могила 328; 16 – могила 162; 17 – могила 292; 18 – могила 304; 19 – могила 180; 20 – могила 313; 21 – могила 255; 22 – могила 118; 23 – могила 239; 24 – могила 220; 25 – могила 292; 26 – могила 299; 27 – могила 323; 28 – могила 125; 29 – могила 276; 30 – могила 304; 31 – могила 292; 32 – могила 320.

Рис. 128. Могильник Фронтное 3. Керамические сосуды. 1 – могила 317; 2 – могила 170; 3 – могила 89; 4 – могила 51; 5 – могила 52; 6 – могила 51; 7 – могила 52; 8 – могила 51; 9 – могила 137; 10 – могила 154; 11 – могила 136; 12 – могила 41; 13 – могила 52; 14 – могила 96; 15 – могила 104; 16 – могила 178; 17 – могила 104; 18 – могила 136.

Рис. 129. Могильник Фронтовое 3. Стекланные сосуды. 1, 2 – могила 51; 3 – могила 99; 4 – могила 105; 5 – могила 89; 6 – могила 92; 7–8 – могила 7; 9 – могила 85; 10 – могила 85; 11 – могила 46; 12–13 – могила 3; 14 – могила 62; 15 – могила 266; 16 – могила 76; 17 – могила 5; 18 – могила 61; 19 – могила 202; 20 – могила 83; 21 – могила 70; 22 – могила 166; 23 – могила 286; 24 – могила 244; 25 – могила 298; 26 – могила 232; 27 – могила 263; 28 – могила 304; 29 – могила 319.

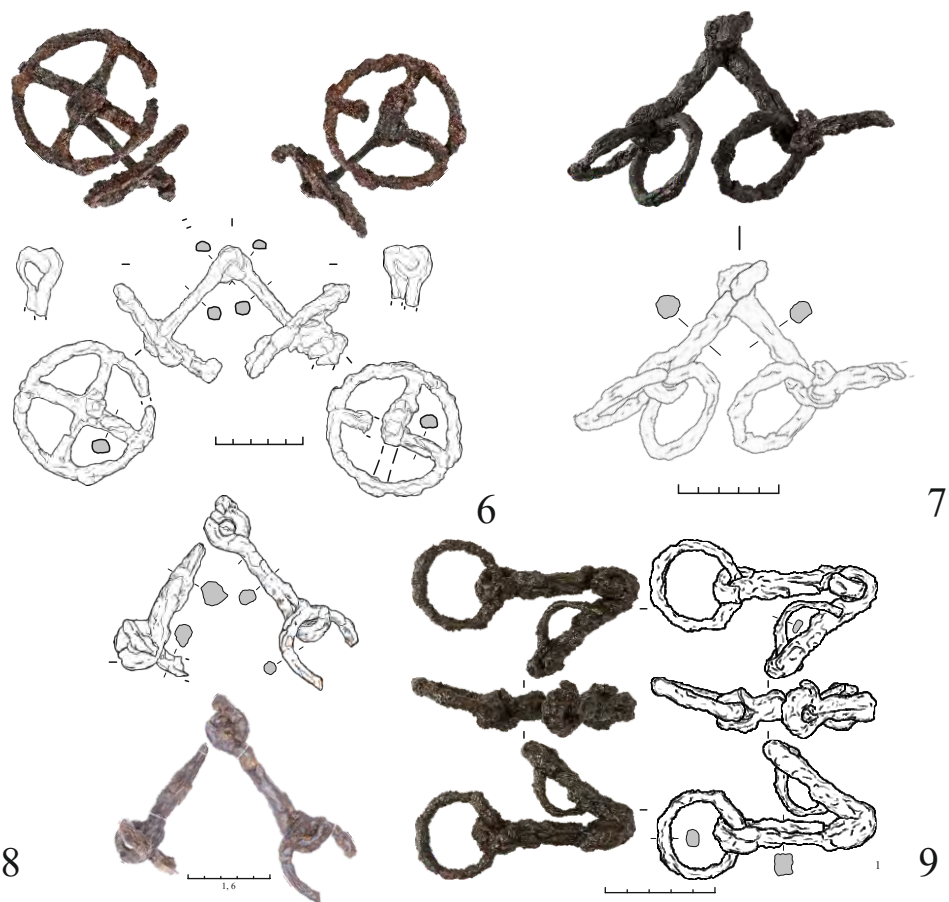
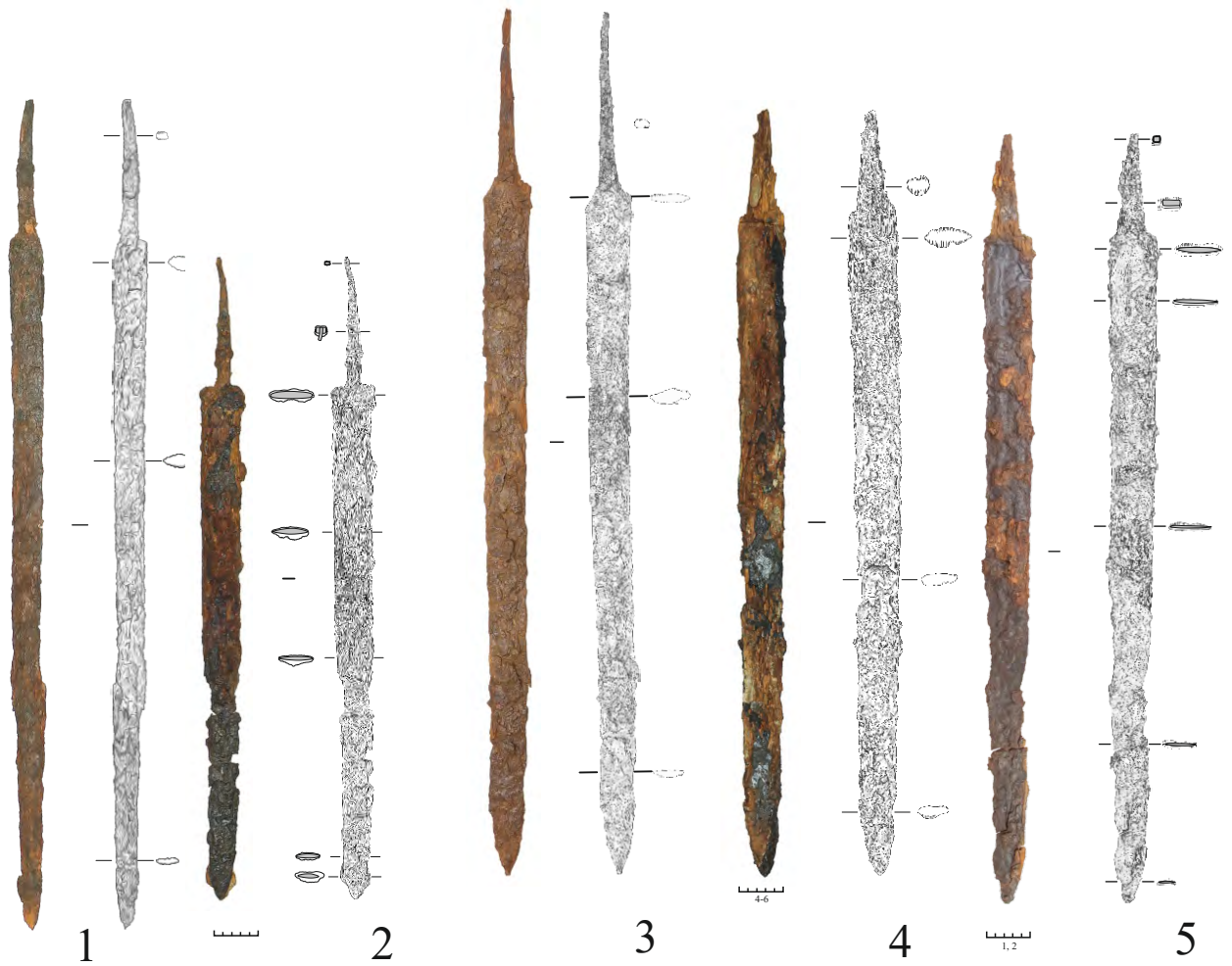

Рис. 130. Могильник Фронтное 3. Вооружение и конская узда. 1 – могила 294; 2 – могила 271; 3 – могила 326; 4 – могила 86; 5 – могила 41; 6 - могила 326; 7 - могила 304.

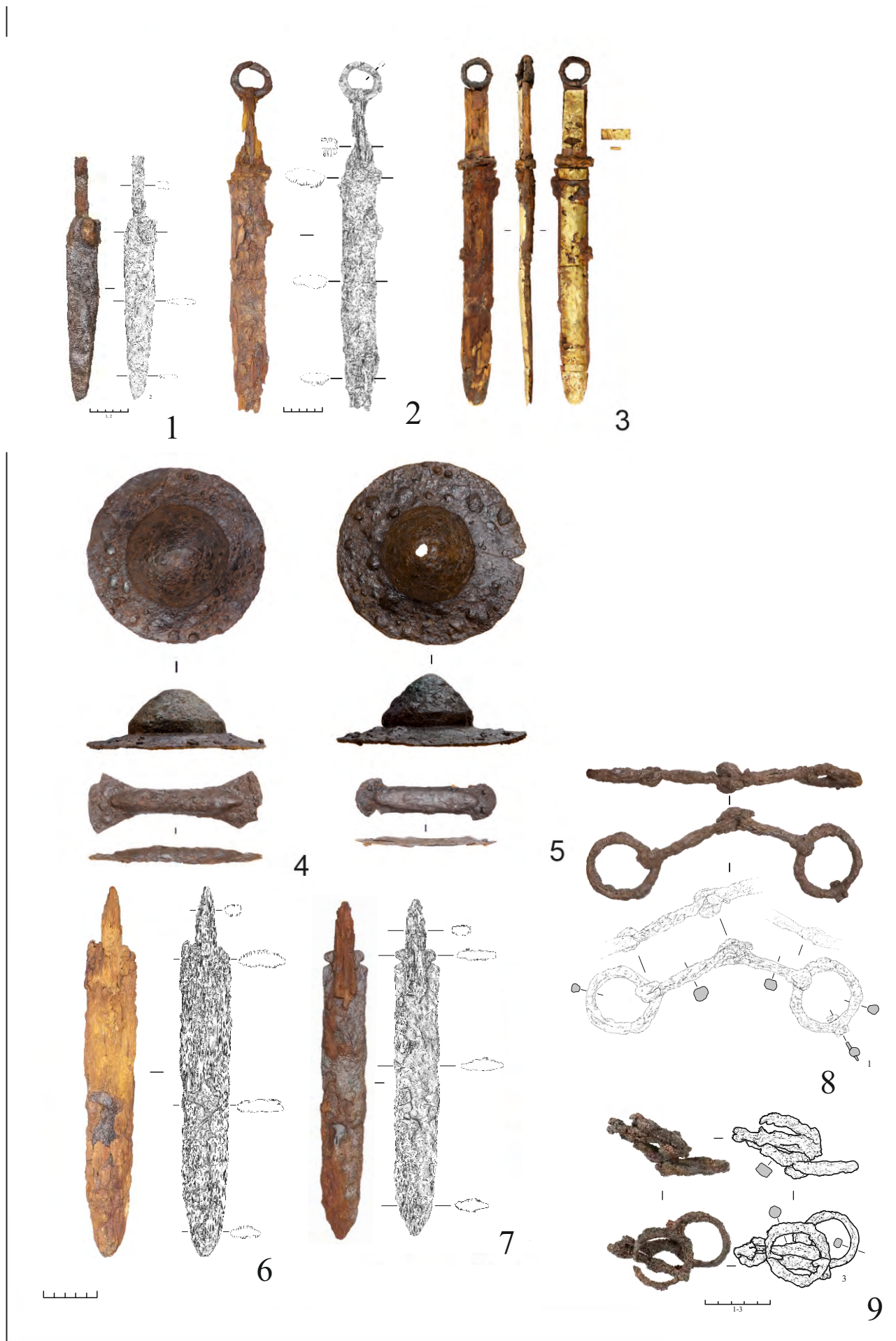

Рис. 131. Могильник Фронтное 3. Вооружение и конская упряжь: 1 - могила 294; 2 - могила 326; 3 - могила 301; 4 - могила 41; 5 - могила 158; 6 - 136; 6 - могила - 86; 8 - могила 142; 9 - могила 9 .

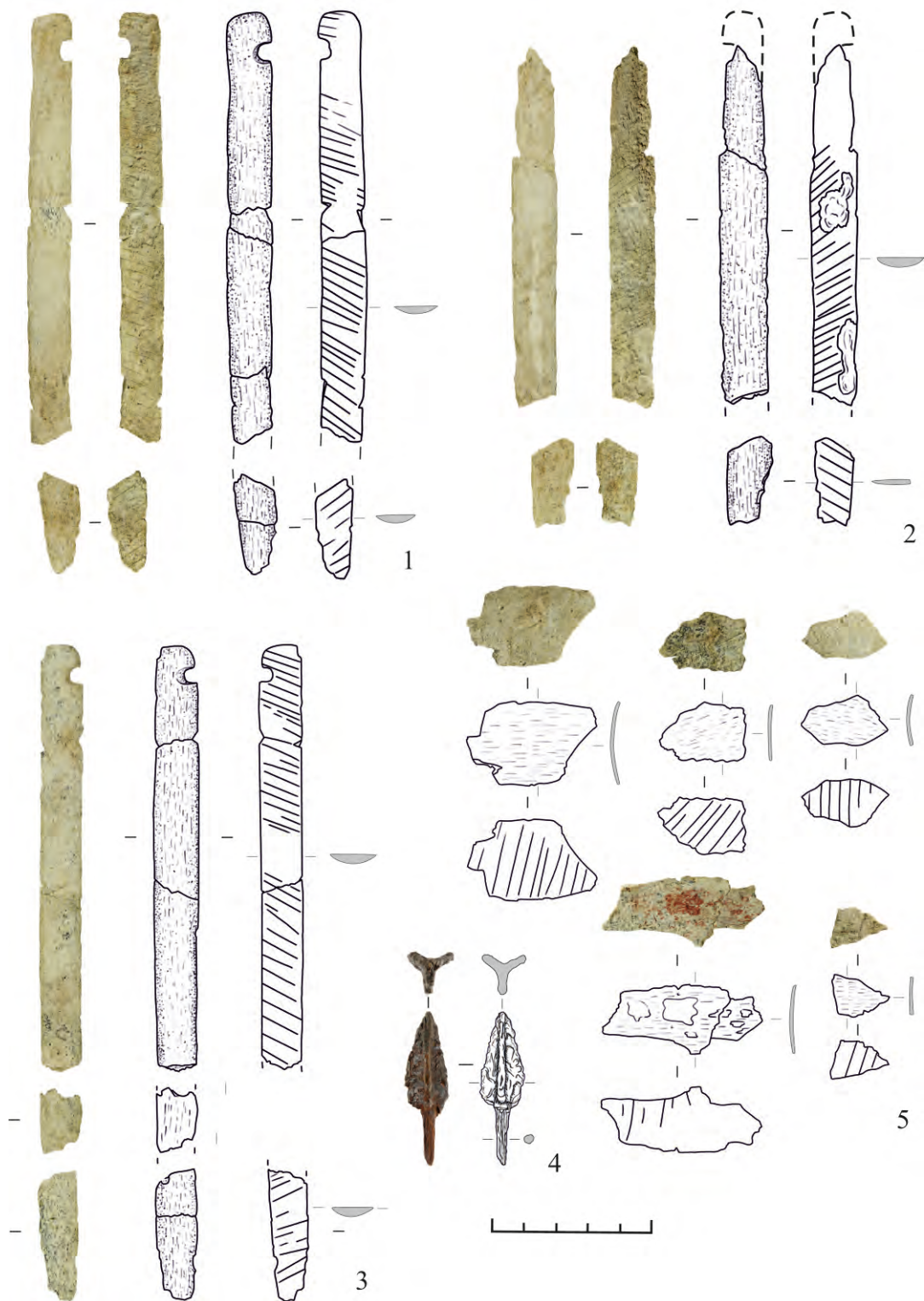

Рис. 132. Могильник Фронтное 3. Вооружение. Костяные накладки на лук и железный наконечник стрелы. Могила № 180.

Рис. 133. Могильник Фронтное 3. Предметы быта и туалета: 1 - могила № 127; 2 - могила № 135; 3,- могила № 106; 4, 5 - могила № 6; 6 - могила № 41; 7 - могила № 106; 8 - могила № 21; 9 - могила № 8; 10 - могила № 322; 11,12 - могила № 123; 13 - могила № 174.

Рис. 134. Могильник Фронтвое 3. Фрагменты шкатулок.

Рис. 135. Могильник Фронтное 3. Металлические детали ременных гарнитур и фибулы. 1, 2 – могила 178; 3–6 – могила 172; 7–10 – могила 41; 11 – могила 16; 12 – могила 136; 13 – могила 13; 14, 15 – могила 45; 16 – могила 20; 17, 18 – могила 3; 19 – могила 6; 20 – могила 145; 21 – могила 6; 22 – могила 106; 23 – могила 326; 24 – могила 316; 25 – могила 234; 26 – могила 287; 27 – могила 236; 28 – могила 27; 29 – могила 184.

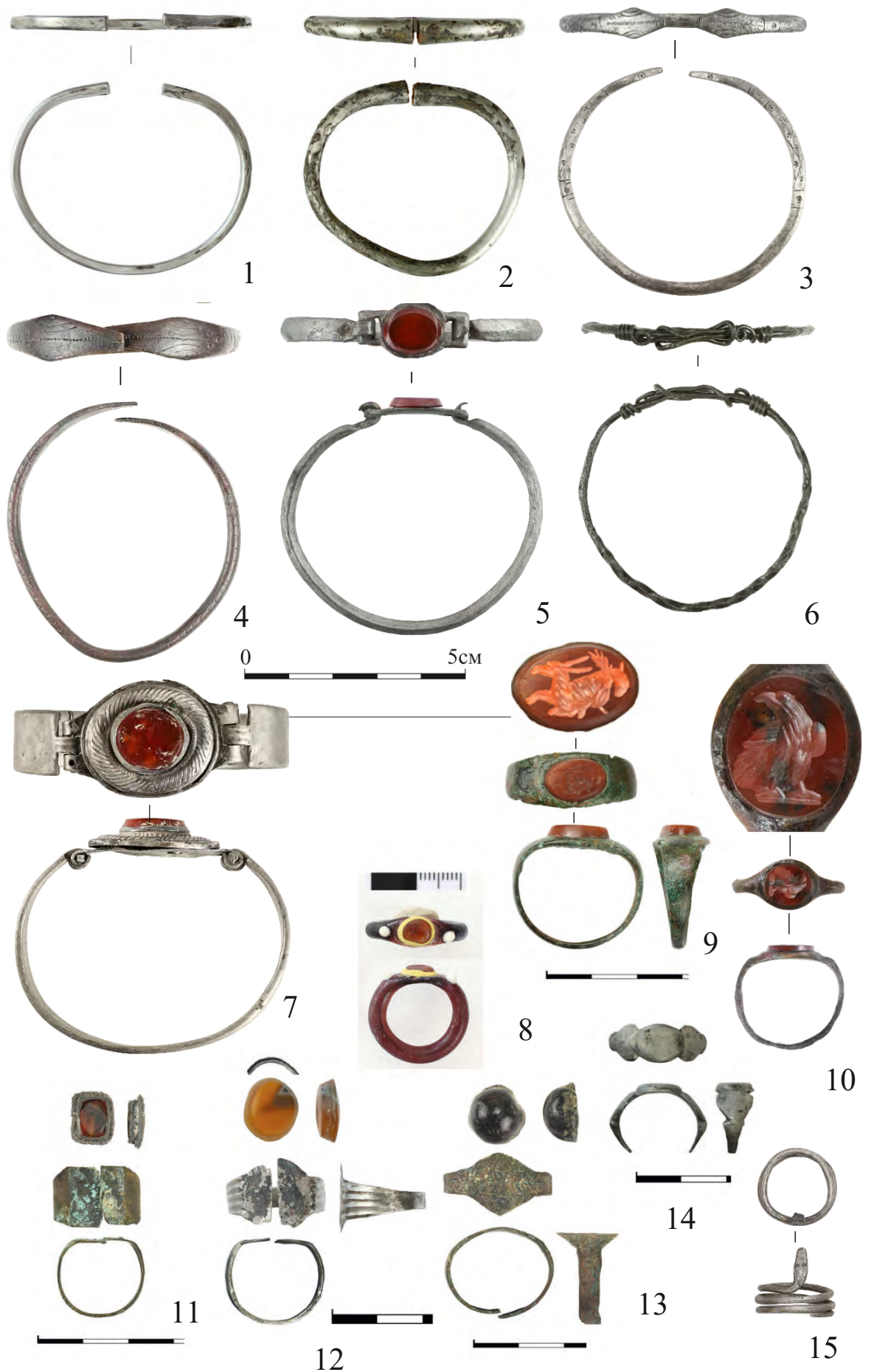

Рис. 136. Могильник Фронтное 3. Браслеты и перстни. 1 - могила № 27; 2 - могила № 3; 3 - могила № 234; 4 - могила № 2; 5, 6 - могила № 205; 7 - могила № 95; 8 - могила № 230; 9 - могила № 184; 10 - могила 3; 11 - могила № 45; 12 - могила № 184.

Рис. 137. Могильник Фронтное 3. Серьги. 1, 2 - могила № 13; 3 - могила № 16; 4, 5 - могила № 27; 6, 7 - могила № 13; 8, 9 - могила № 300; 10, 11 - могила № 320; 12 - могила № 76; 13 - могила № 10.

Рис. 138. Могильник Фронтное 3. Серьги. 1 - могила № 312; 2 - могила № 136.

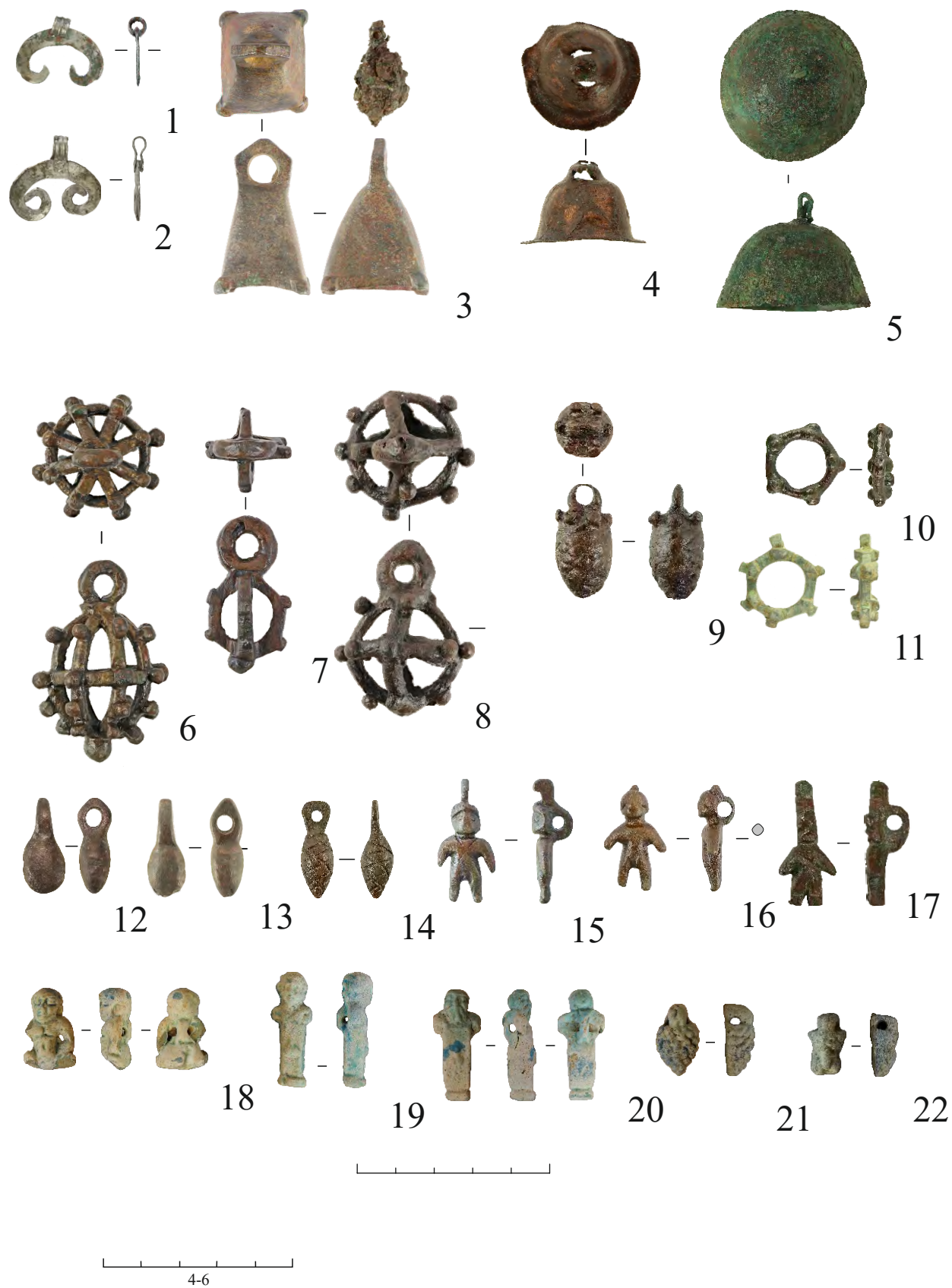

Рис. 139. Могильник Фронтное 3. Подвески. 1, 2 - могила № 13; 3 - могила № 258; 4, 12, 13 - могила № 200; 5, 8, 18-22 - могила № 327; 6, 9 - могила № 237; 7, 10, 11, 14 - могила № 262; 8, 15, 16 - могила № 261; 17 - могила № 184.

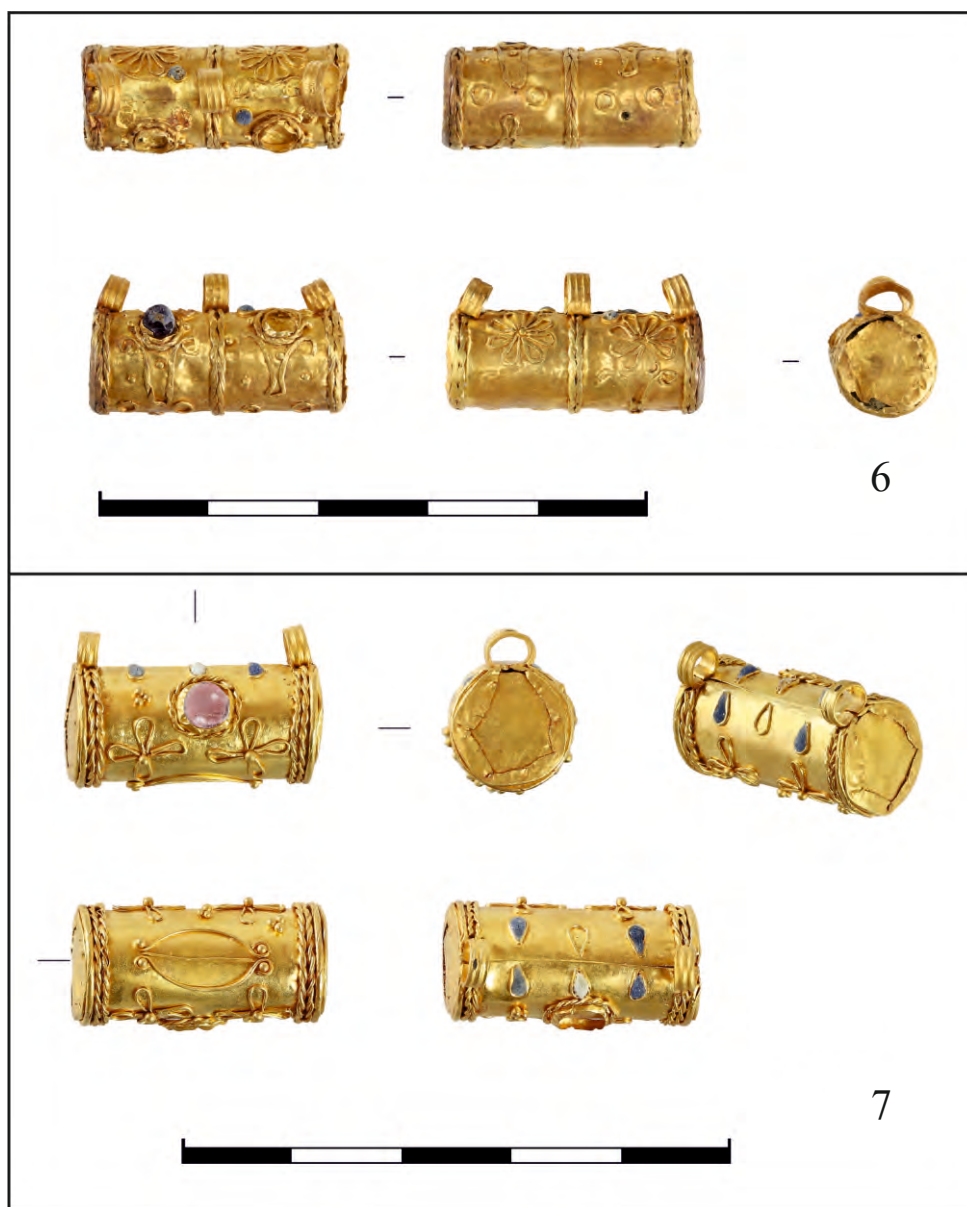

Рис. 140. Могильник Фронтное 3. Подвески-амулеты. Серьги. 1 - могила № 287; 2 - могила № 230; 3 - могила № 234; 4, 7 - могила № 300; 5 - могила № 236; 6 - могила № 312.

Рис. 141. Могильник Фронтное 3. Подвески и амулеты. 1 - могила № 287; 2 - могила № 208.

1

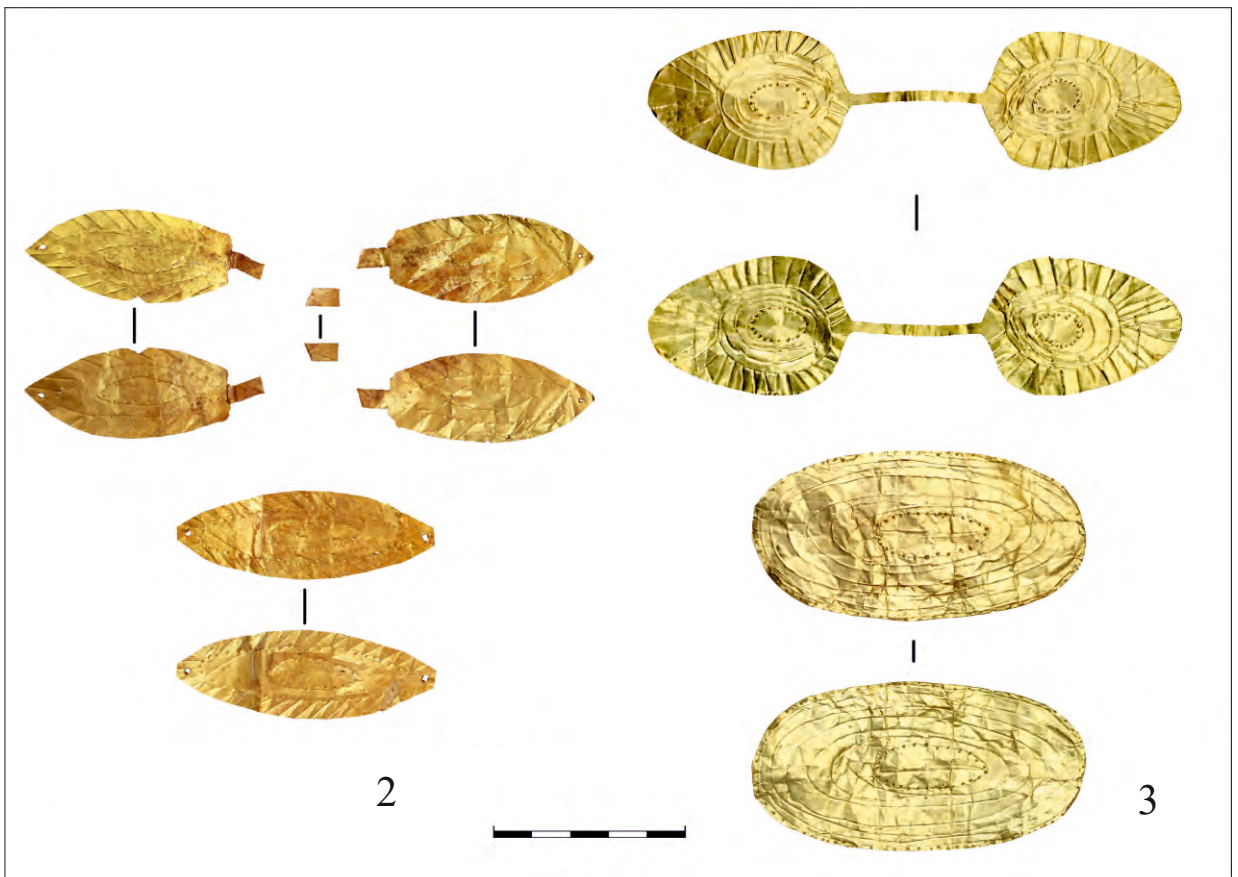

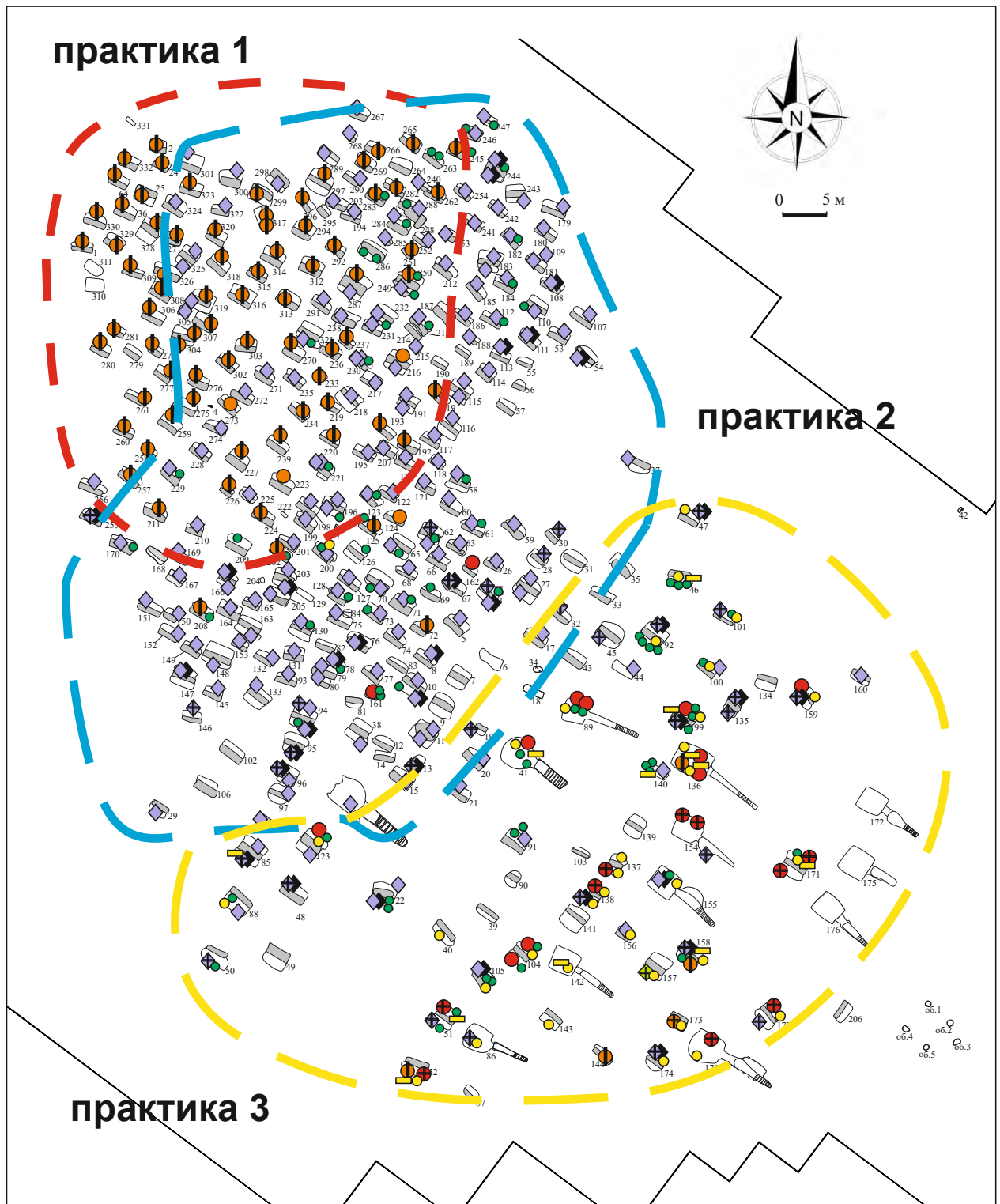
Рис. 142. Могильник Фронтное 3. Наглазники и нагубники. 1 - месторасположение в могиле № 76; 2 - могила № 76; 3 - могила № 313.

Рис. 143. Могильник Фронтное 3. Бусины и ожерелья. 1–4 – могила 33; 5 – могила 89; 6, 7 – могила 327; 8 – могила 31; 9, 10 – могила 13; 11–13 – могила 174; 14, 15 – могила 63; 17–20, 23–27, 34–43, 78 – могила 300; 21 – могила 287; 22 – могила 236; 28–31 – могила 95; 32, 33 – могила 236; 44 – могила 22; 45 – могила 327; 46 – могила 19; 47 – могила 123; 48–50 – могила 128; 51, 55, 56 – могила 8; 52 – могила 59; 53 – могила 96; 54 – могила 236; 57–60, 67–71, 76 – могила 205; 61, 62 – могила 318; 63 – могила 238; 64 – могила 123; 65, 66 – могила 202; 72–74 – могила 327; 75 – могила 325; 77 – могила 236; 79 – могила 75.

Рис. 144. Монеты. Могила № 3.

- - а ◐ - б ◆ - в ◆ - г ◆ - д ◆ - е ● - ж ⊕ - з ● - и ● - к — - л
 — - м

Рис. 145. Могильник Фронтове 3. Границы погребальных практик. а - пища в сосуде открытой формы без кувшина; б - пища в сосуде открытой формы, рядом кувшин; в - один краснолаковый сосуд закрытой формы; г - один лепной сосуд; д - два краснолаковых сосуда; е - два сосуда, один из которых лепной; ж - три и более керамических сосуда; з - три и более керамических сосуда, часть из которых лепные; и - стеклянный сосуд среди напутственной пищи за головой погребенного; к - яичная скорлупа; л - кости птицы; м - границы практик

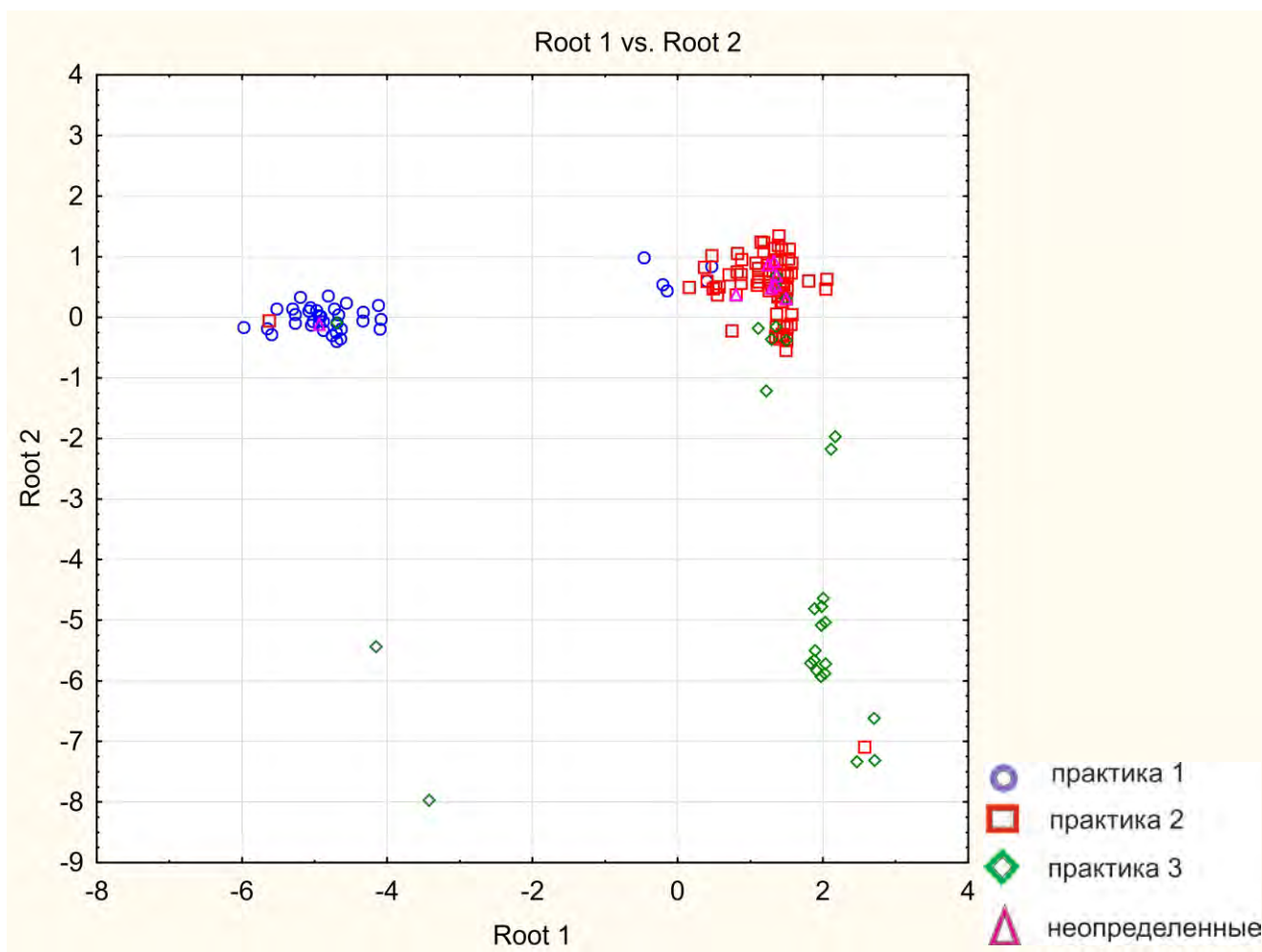

Рис. 146. Взаимосвязь признаков. Дискриминантный анализ.

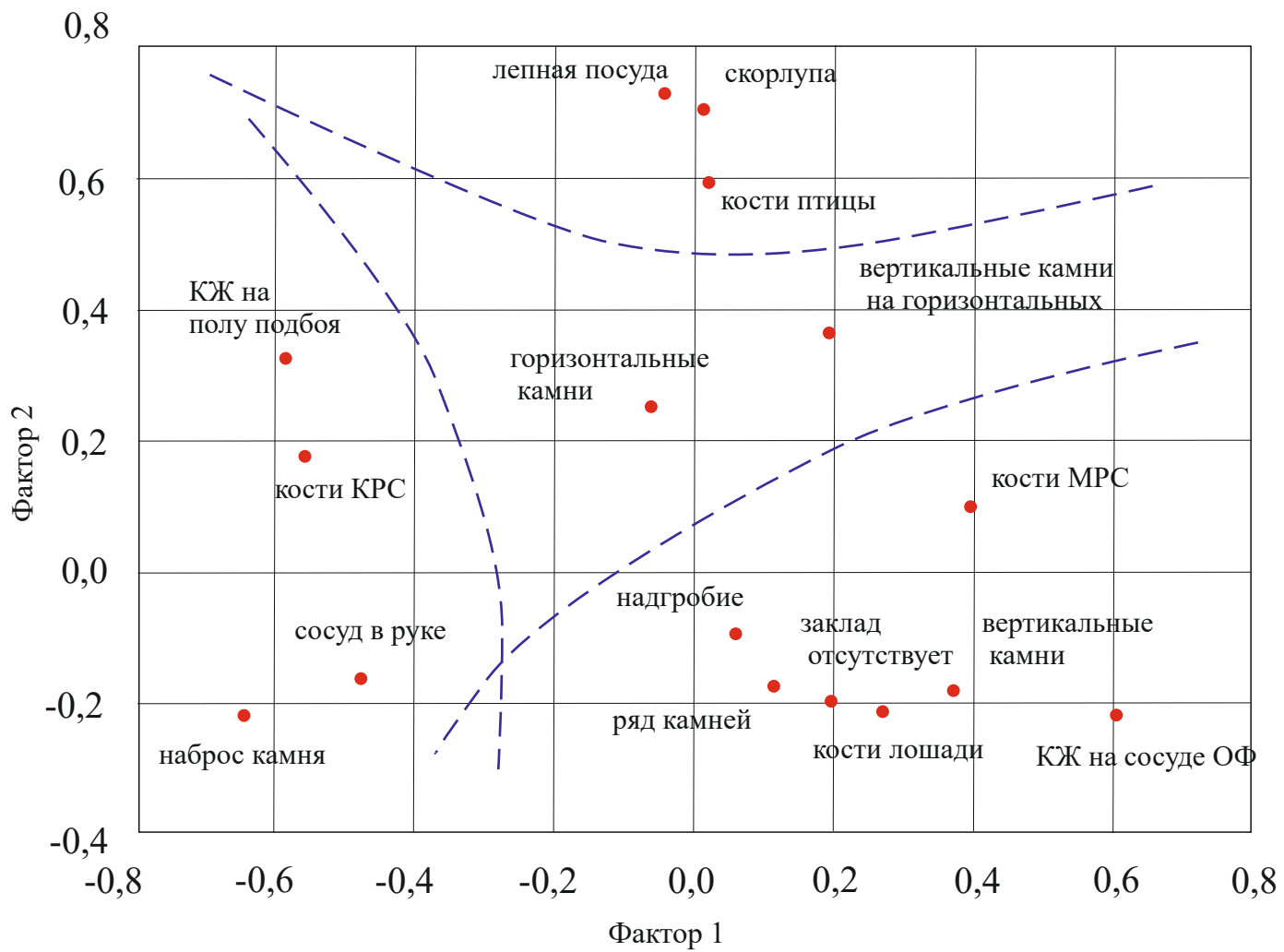

Рис. 147. Взаимосвязь признаков. Факторный анализ

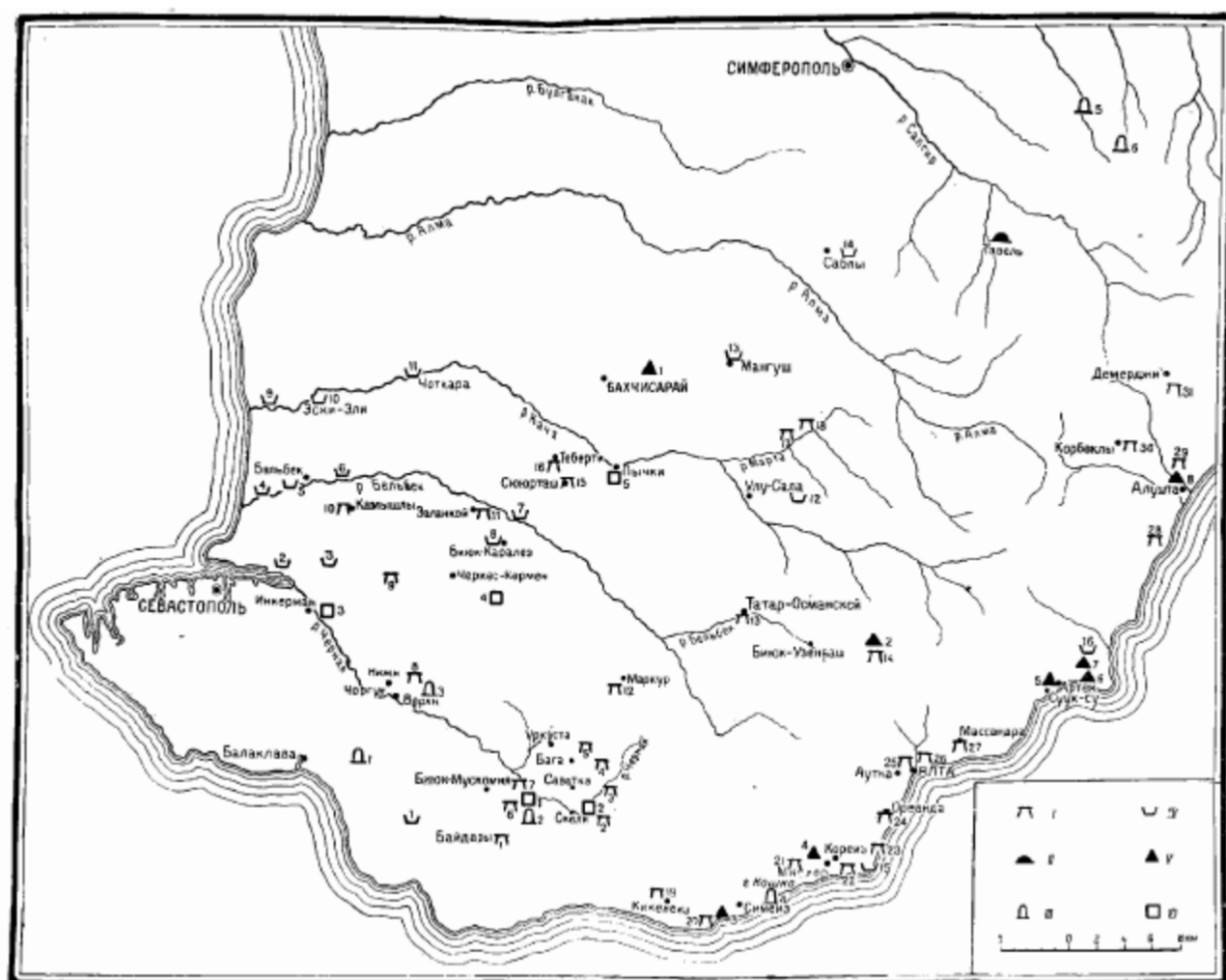

Рис 148. Погребальные памятники первой половины I тысячелетия (по: Мосберг Г.И., 1946. С. 114. Рис. 1).

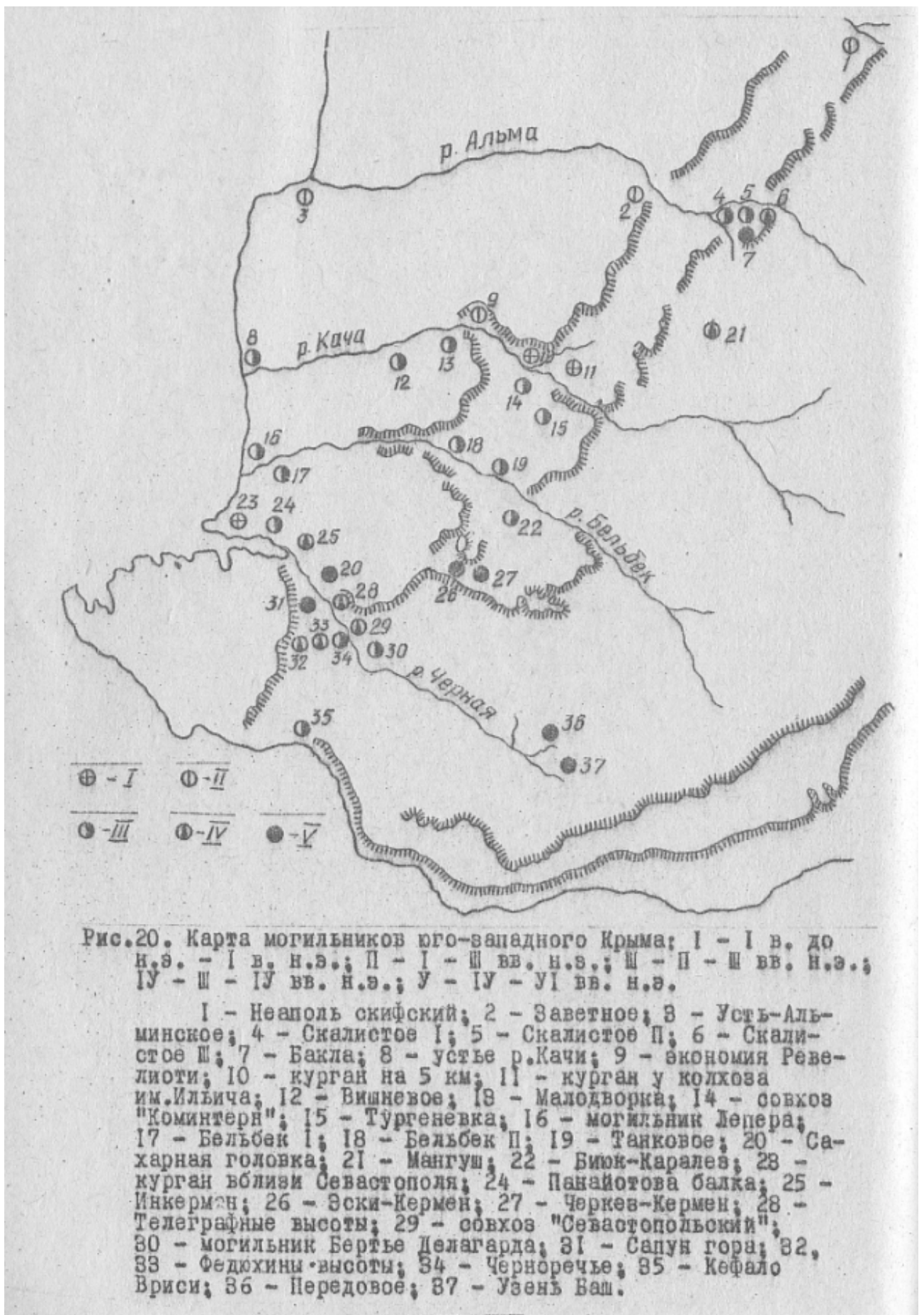

Рис 149. Карта могильников Юго-Западного Крыма (по: Высоцкая Т.Н., 1972. С. 18. Рис. 20).

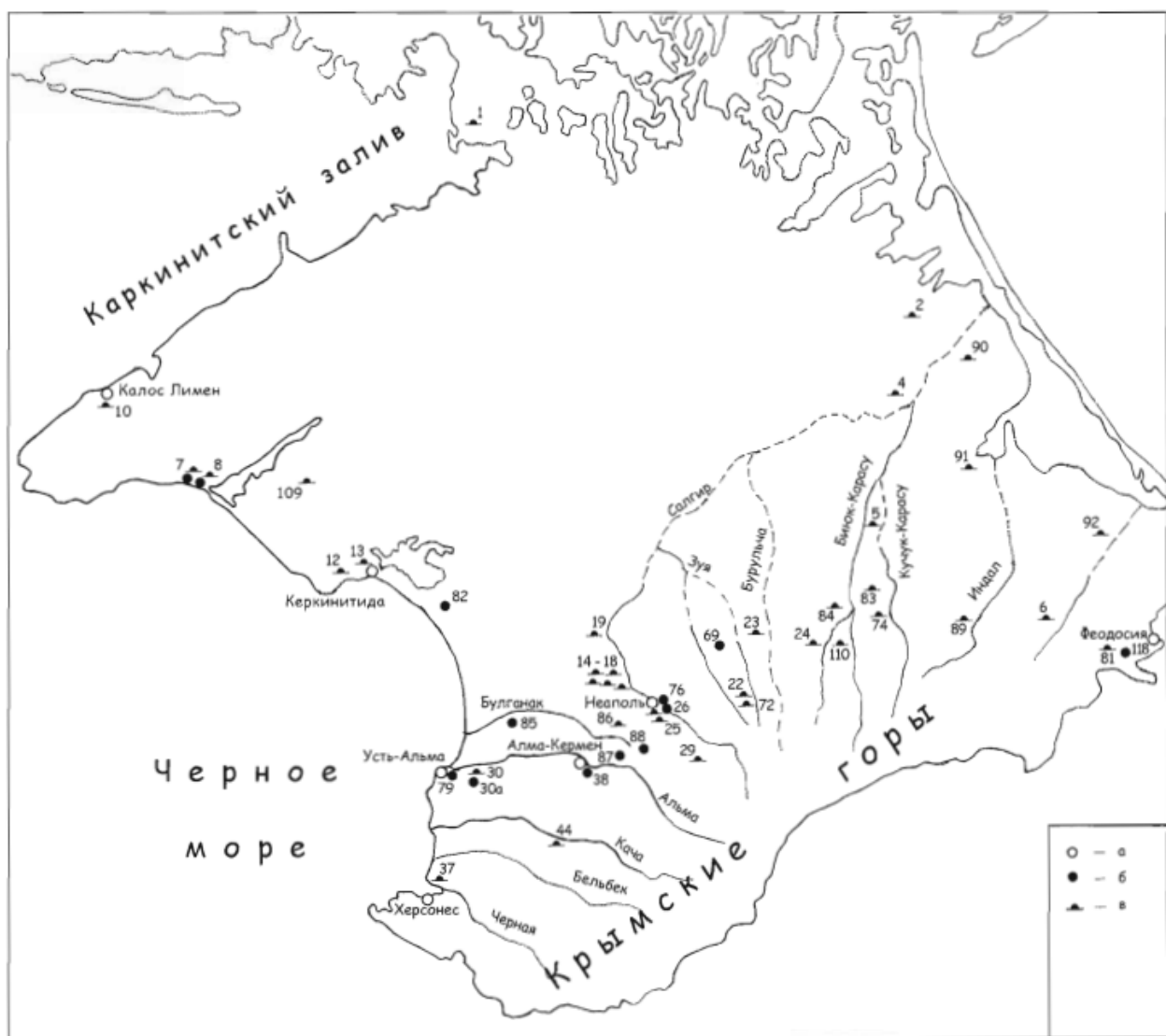

Рис 150. Картограмма погребальных памятников на территории Крымской Скифии конца II в. до н. э. - перв. пол. I в. н.э. (по: Пуздровский А.Е., 2007. С. 273. Рис. 1).

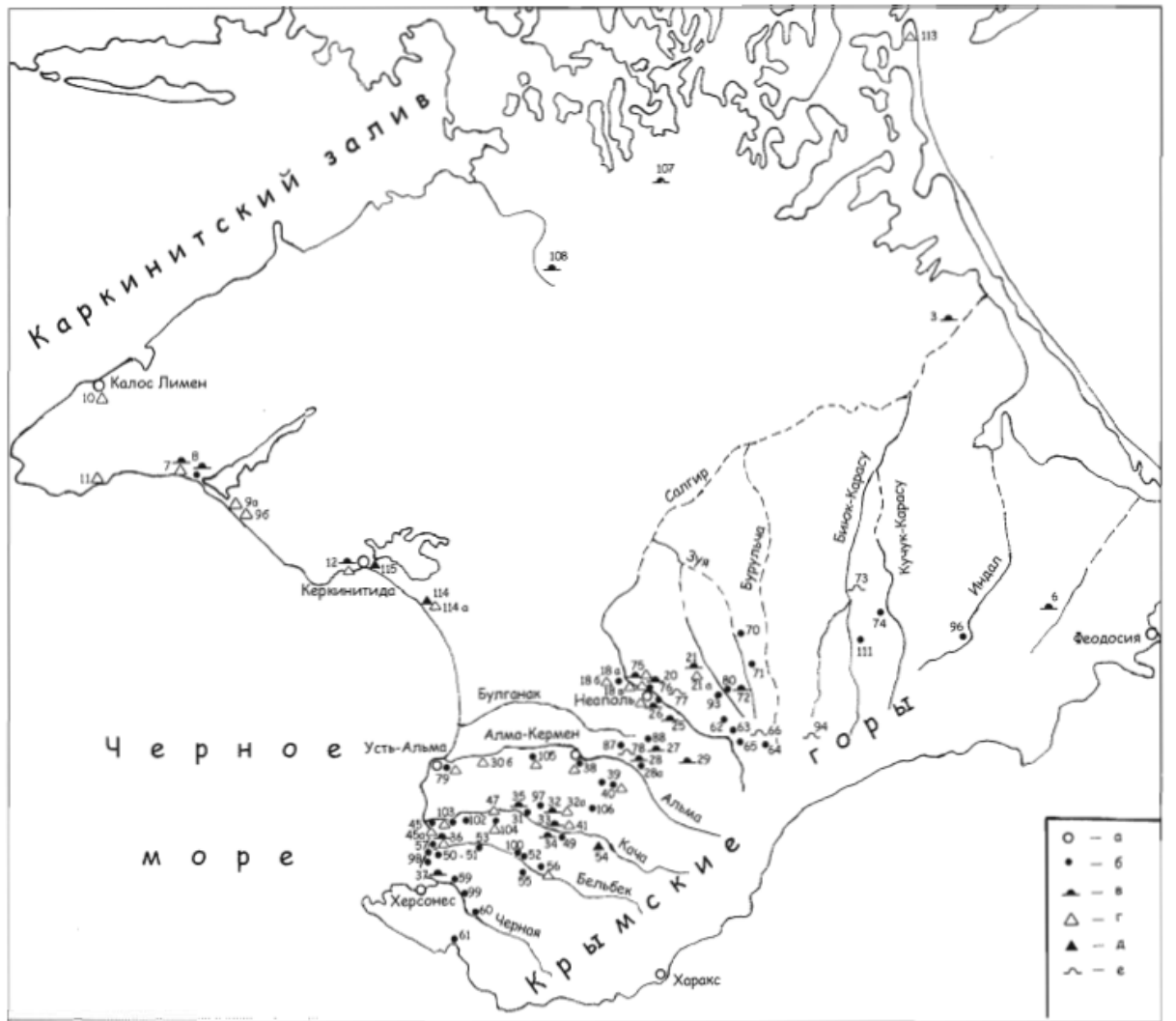

Рис. 151. Картограмма памятников, пещерных комплексов, находок стел и монет на территории Крымской Скифии второй половины I - перв. пол. III в. (по: Пуздровский А.Е., 2007. С. 274. Рис. 2).

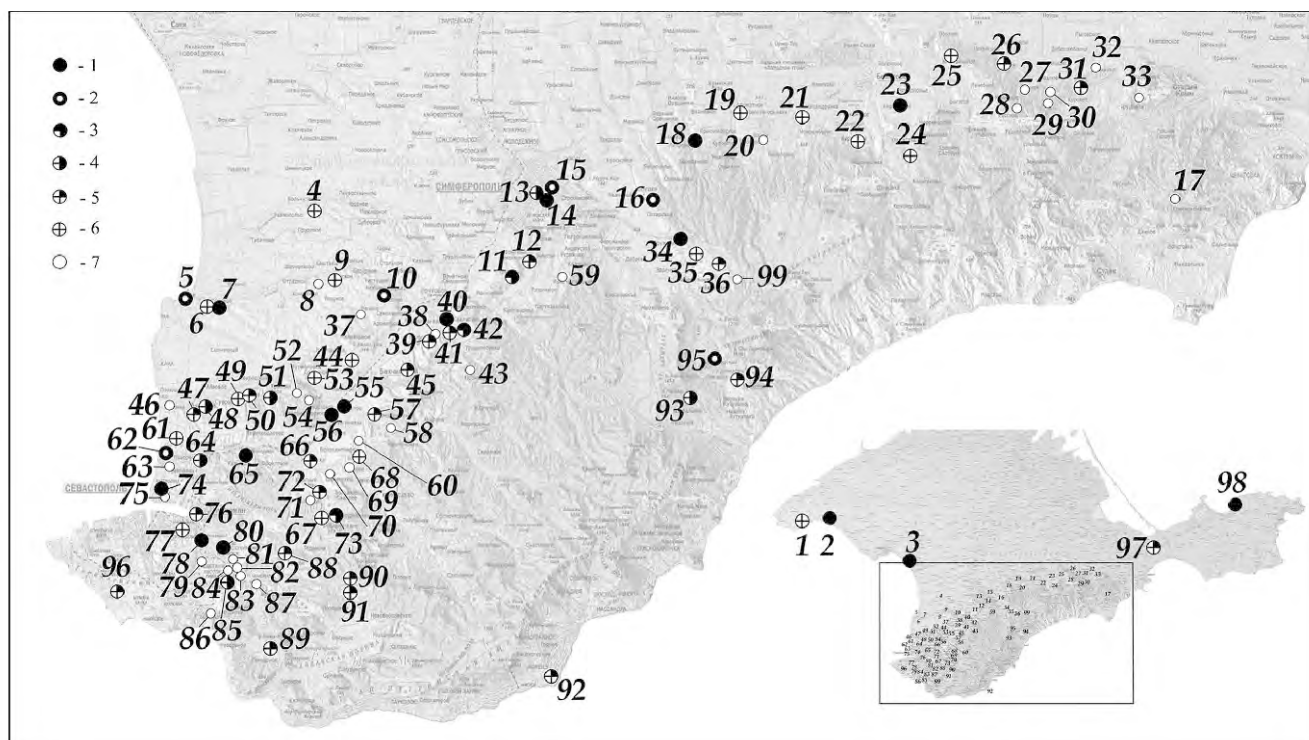

Рис. 152. Карта Крыма с обозначением грунтовых некрополей, период функционирования которых полностью или частично приходится на I–IV вв. н. э. Условные обозначения, показывающие степень изученности некрополя: 1 – исследован на 80–100%; 2 – исследовано 50 и более процентов площади; 3 – исследовано более 100 погребальных сооружений; 4 – исследовано от 51 до 100 погребальных сооружений; 5 – исследовано от 11 до 50 погребальных сооружений; 6 – исследовано от 1 до 10 погребальных сооружений; 7 – исследований не проводилось (по: Зайцев Ю.П., 2022. С. 118. Рис. 1).

Рис. 153. Могильники округа Херсонеса: 1 - Мамай-оба; 2 - Бельбек I; 3 - Бельбек IV; 4 - Фронтовое 3; 5 - Бельбек II; 6 - Красный Мак; 7 - Танковое; 8 - Алмалык-Дере; 9 - Братское кладбище; 10 - Инкерманский; 11 - Килен-Балка; 12 - Киль-Дере 1; 13 Севастопольский; 14 - Чернореченский; 15 - Гончарное; 16 - Муловский; 17 - Перевальное.

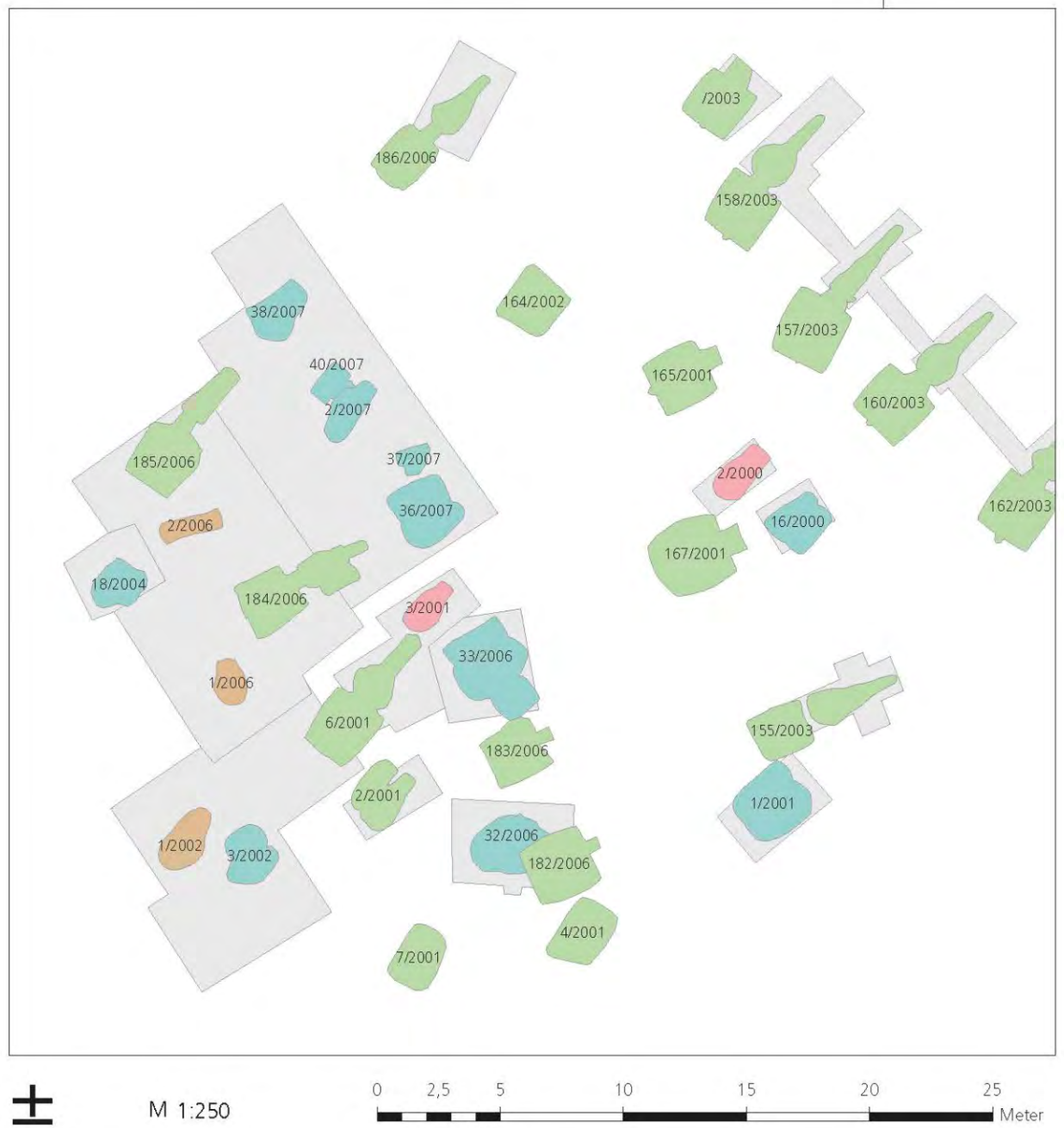
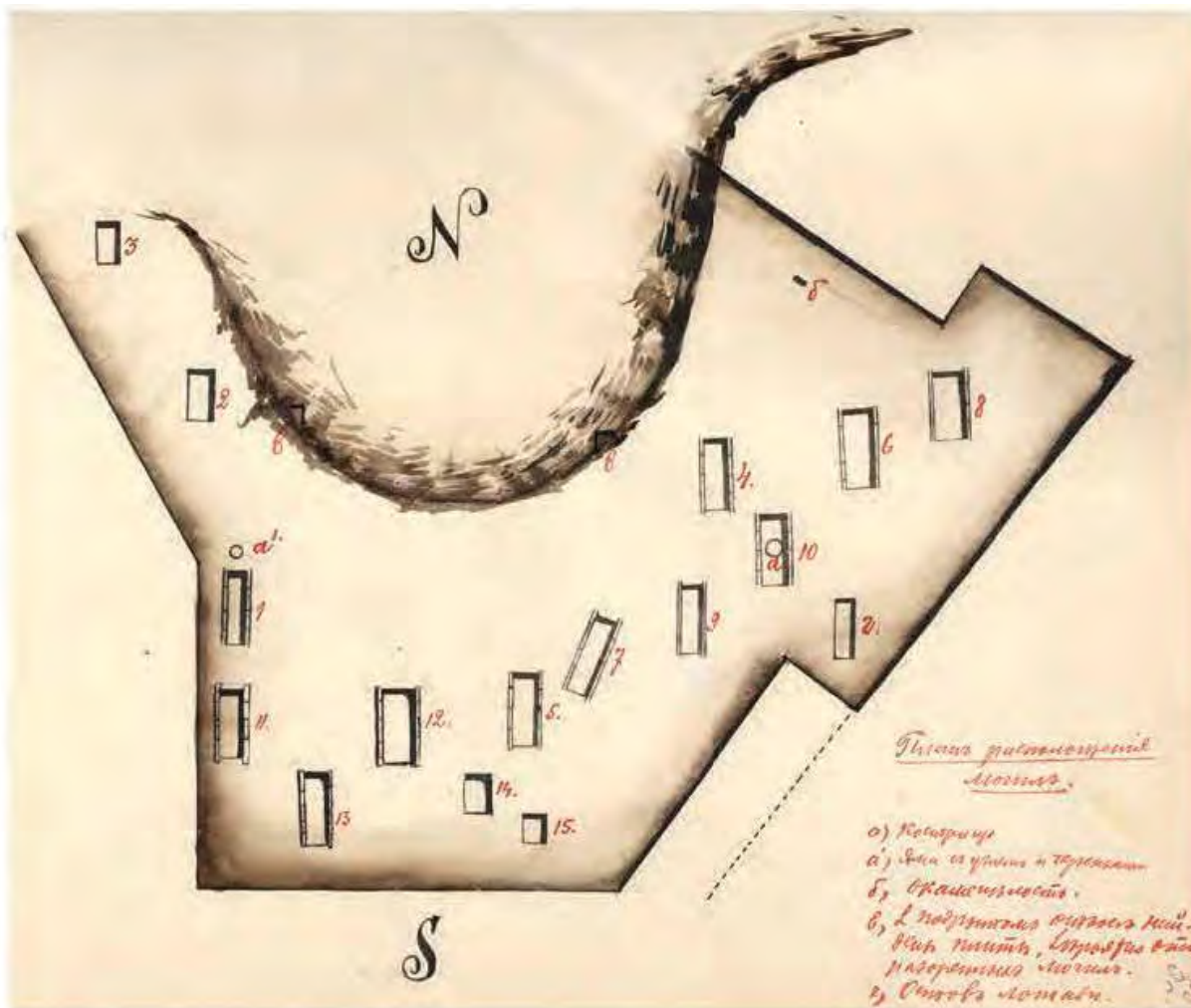
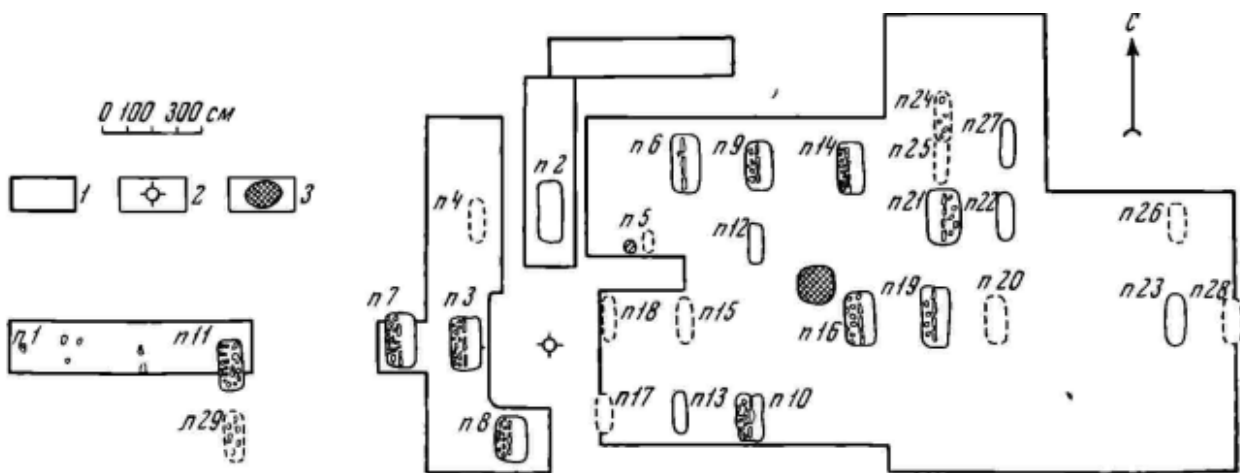

Рис. 154. План северной части могильника Алмалык-Дере (по Maćzyńska et al., 2016. С. 184).

1

2

Рис. 155. План раскопок могильника Бельбек I (Бельбек III): 1 - по: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В., 2021. С. 12. Рис. 1,2; 2 - по: Гуцина И.И., 1970. С. 41.Рис. 13.

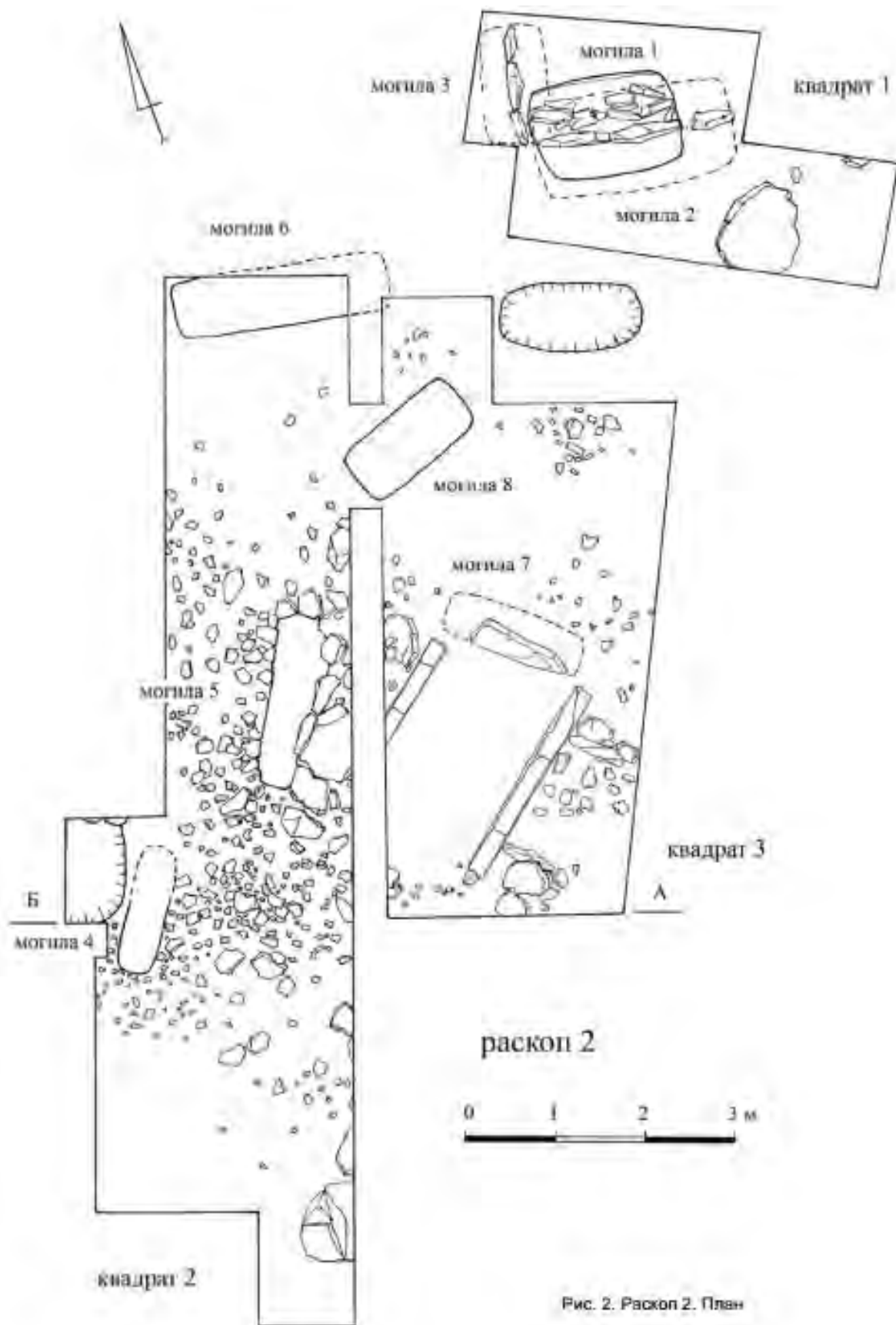

Рис. 156. План раскопа могильника Бильбек II (Холмовка)
(по: Труфанов А.А., 2014. С. 196. Рис. 2.).

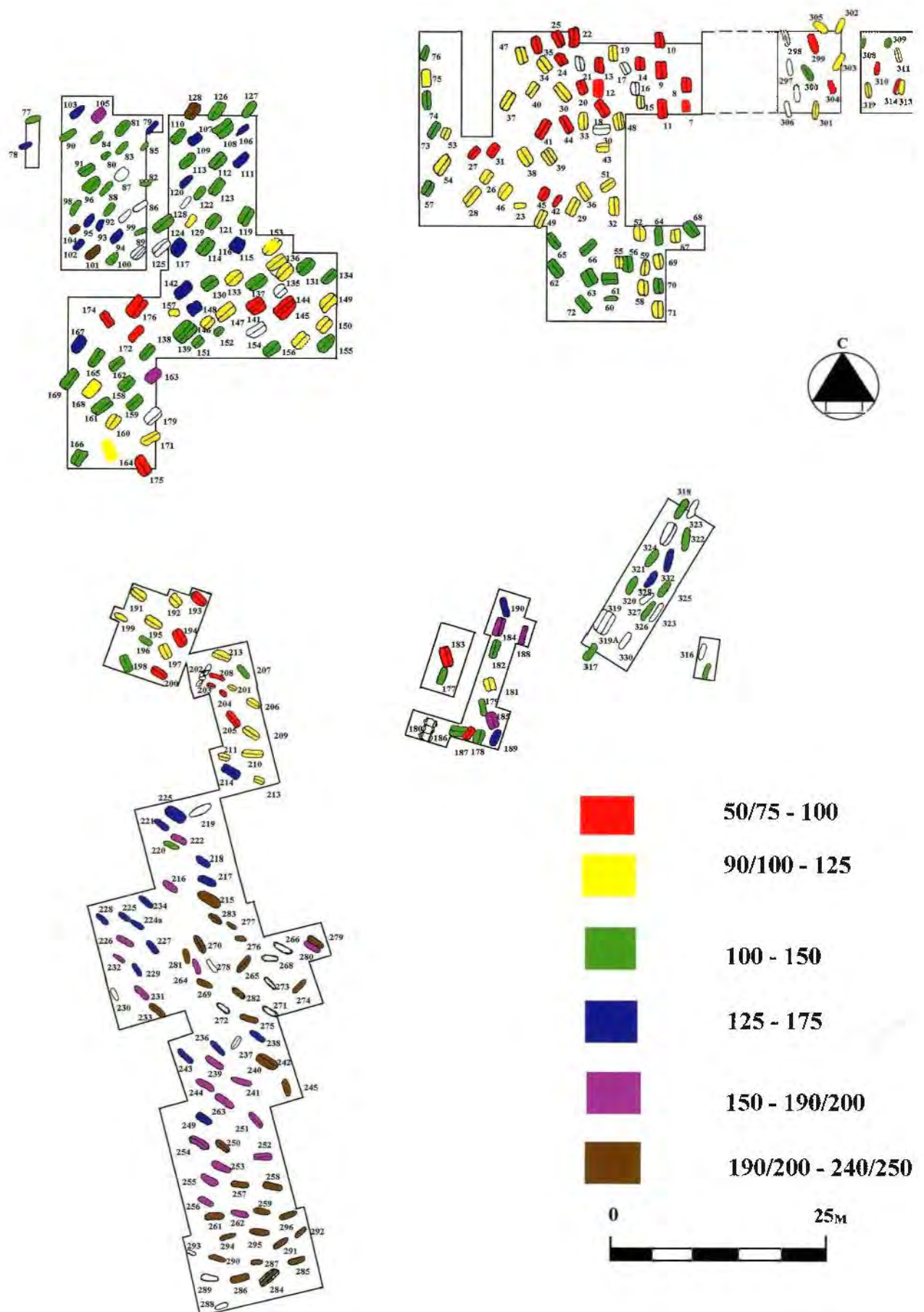

Рис. 157. План могильника Бельбек IV по результатам раскопок 1969-1991 гг. (по Гущина И.И., Журавлев Д.В., 2016. Табл. 2).

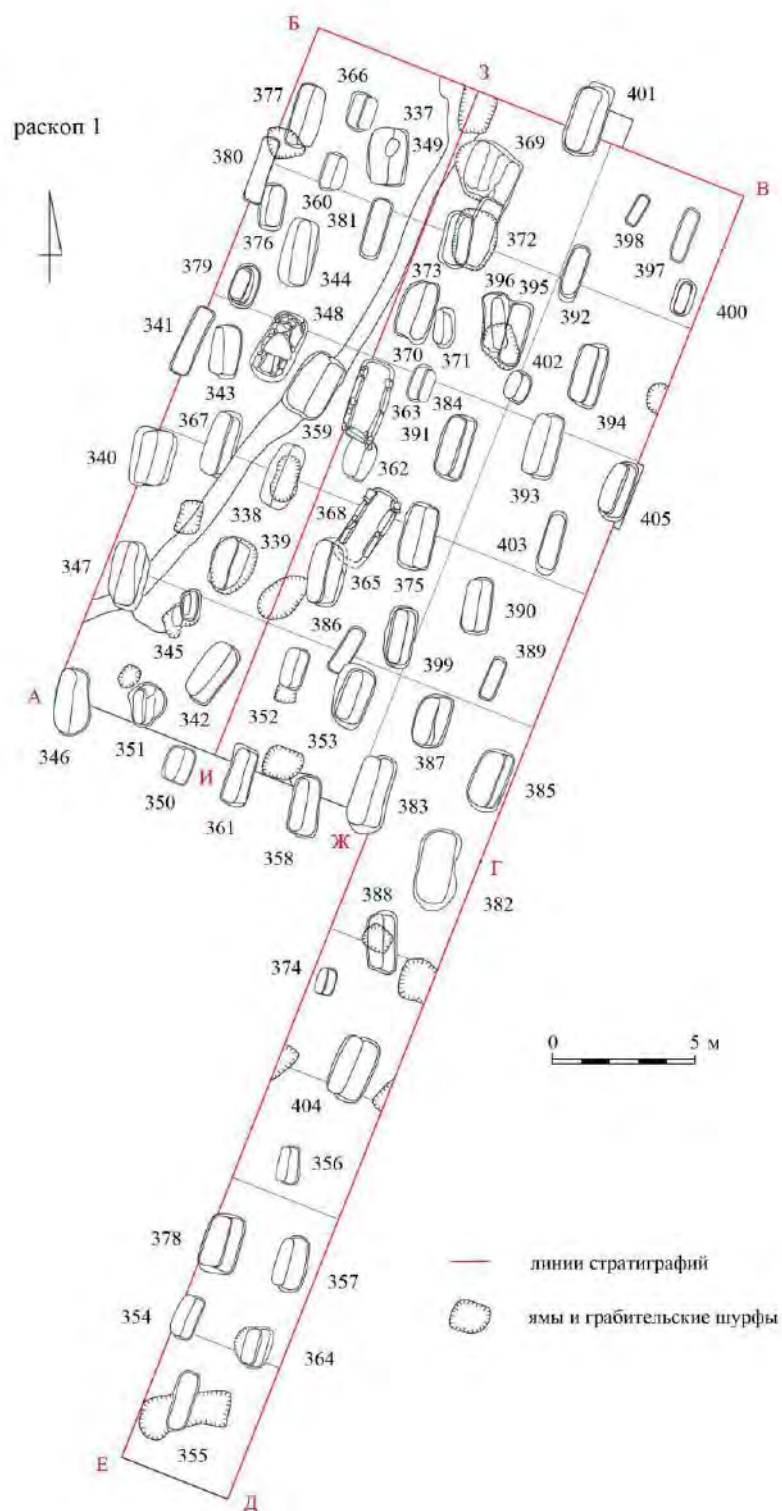

Рис. 158. План могильника Бельбек IV по результатам раскопок 2021 г. (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2023. С. 107. Рис. 4).

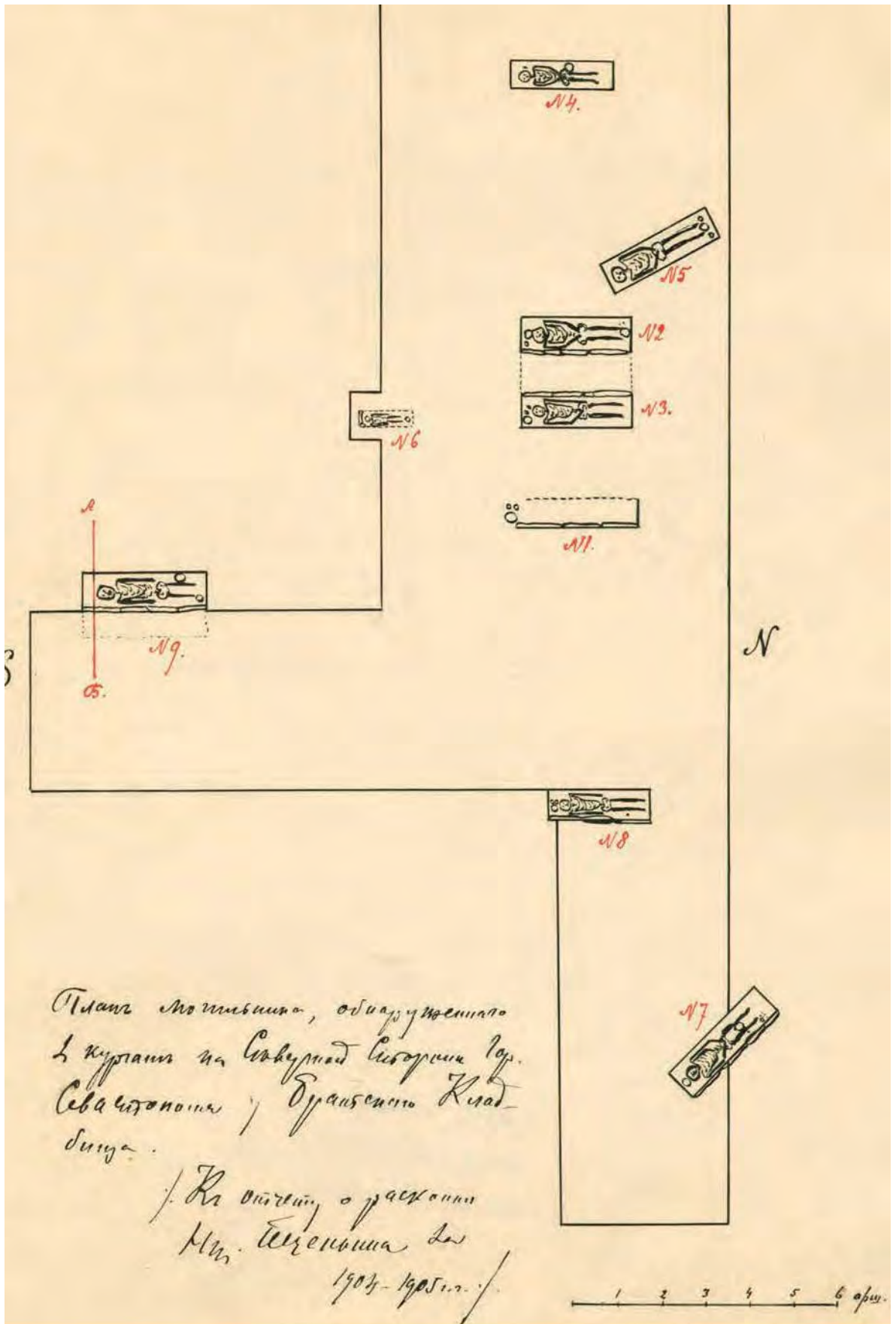

Рис. 159. План могильника Братское кладбище (по: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В., 2021. С. 100. Рис. 57).

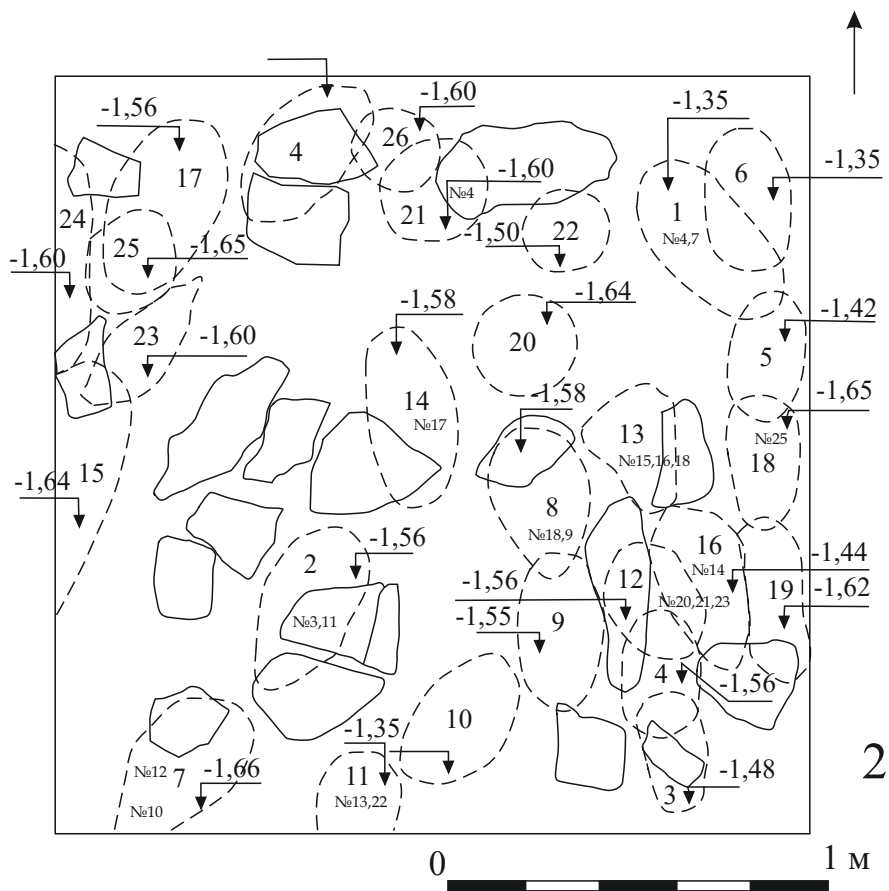
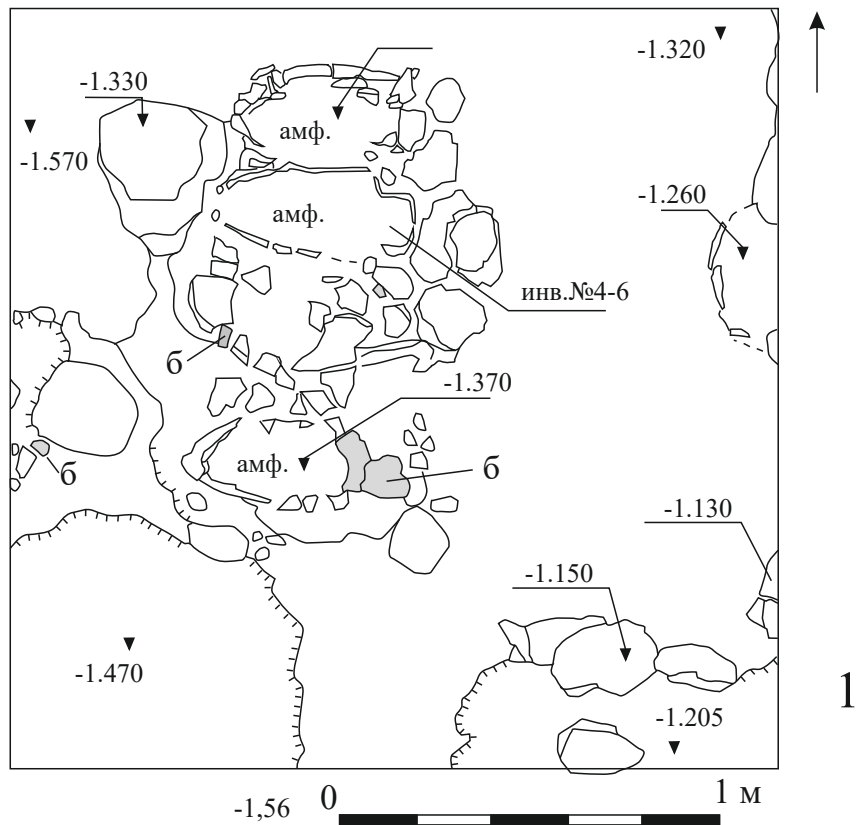

Рис. 160. 1– могильник Муловский, план шурфа №1, слой 2 (по: Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., 2018. С. 279. Рис. 1, 3); 2 – могильник у с. Гончарное, план шурфа, слой 3 с развалом погребальных урн (по: Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., 2018. С. 288. Рис. 15, 1).

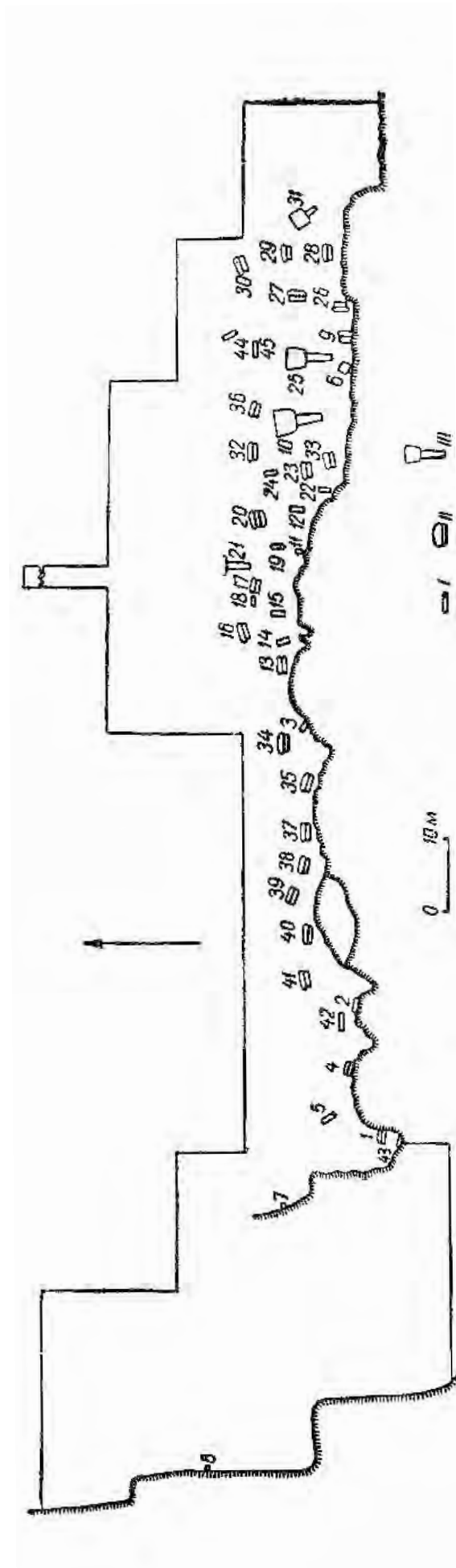

Рис. 161. План Инкерманског могильника (по: Веймарн Е.В., 1963. С. 16. Рис. 1.

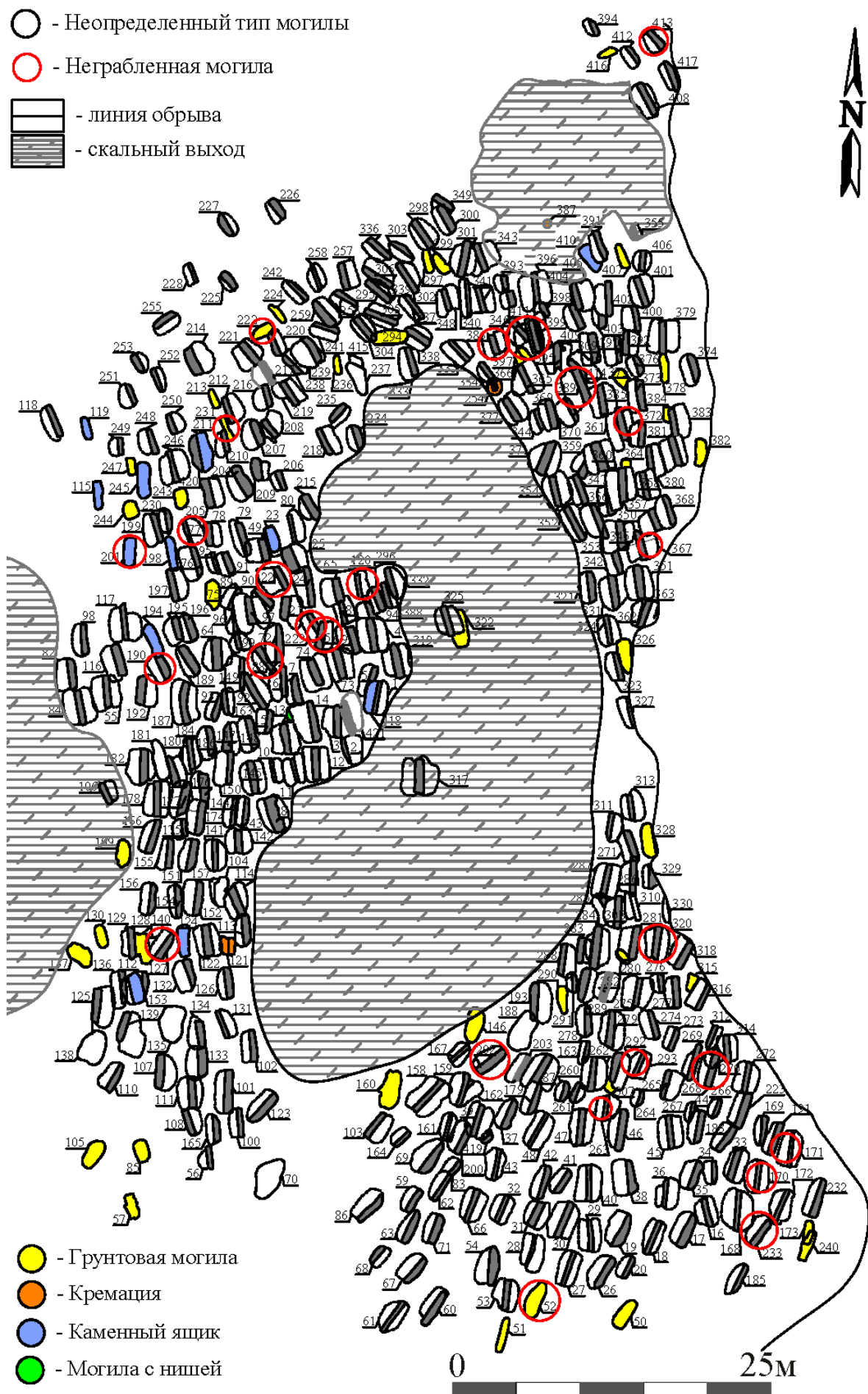

Рис. 162. План могильника Киль-Дере 1. (по: Языков С.В., Свиридов А.Н., 2022. С. 140. Рис. 1).

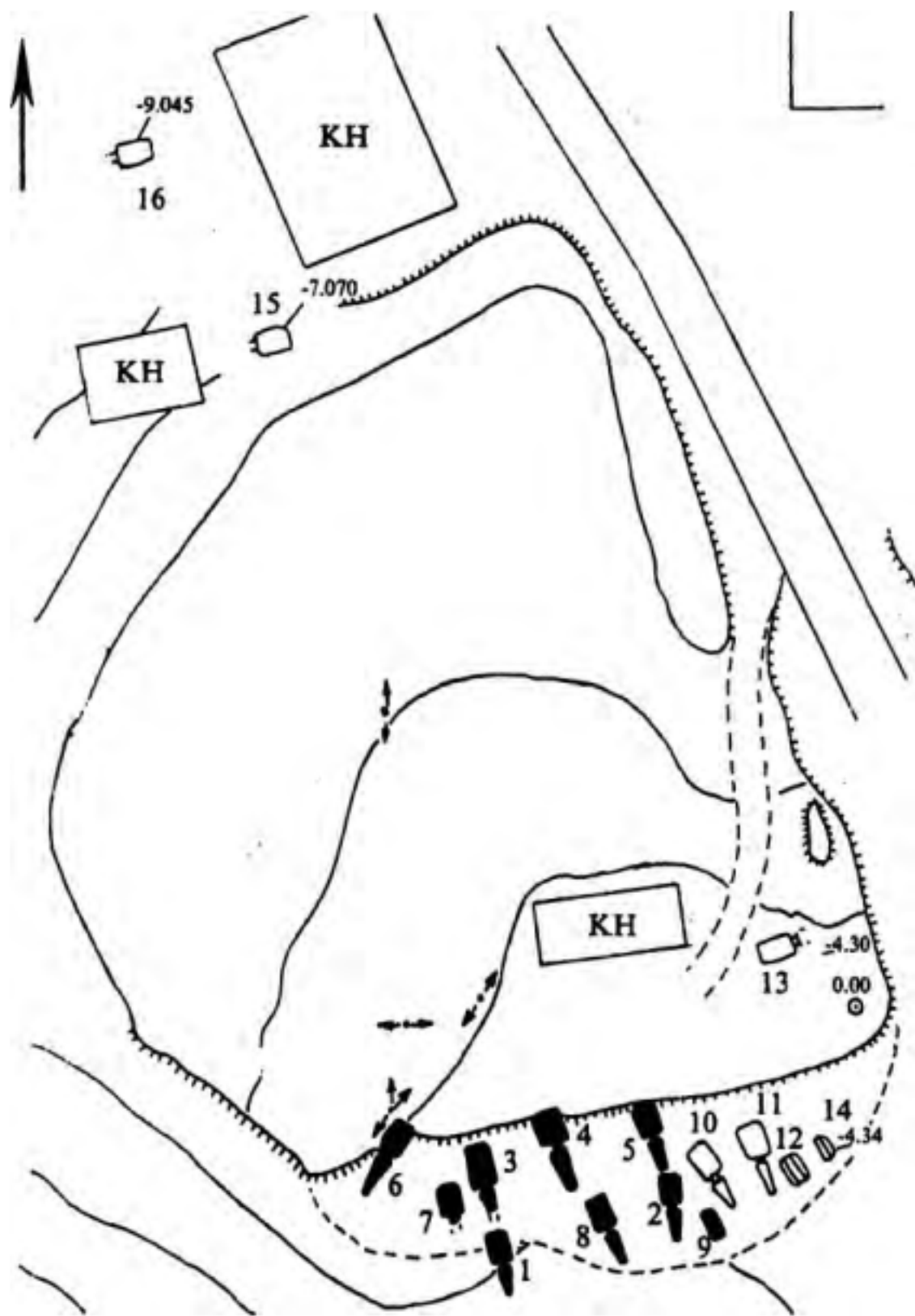
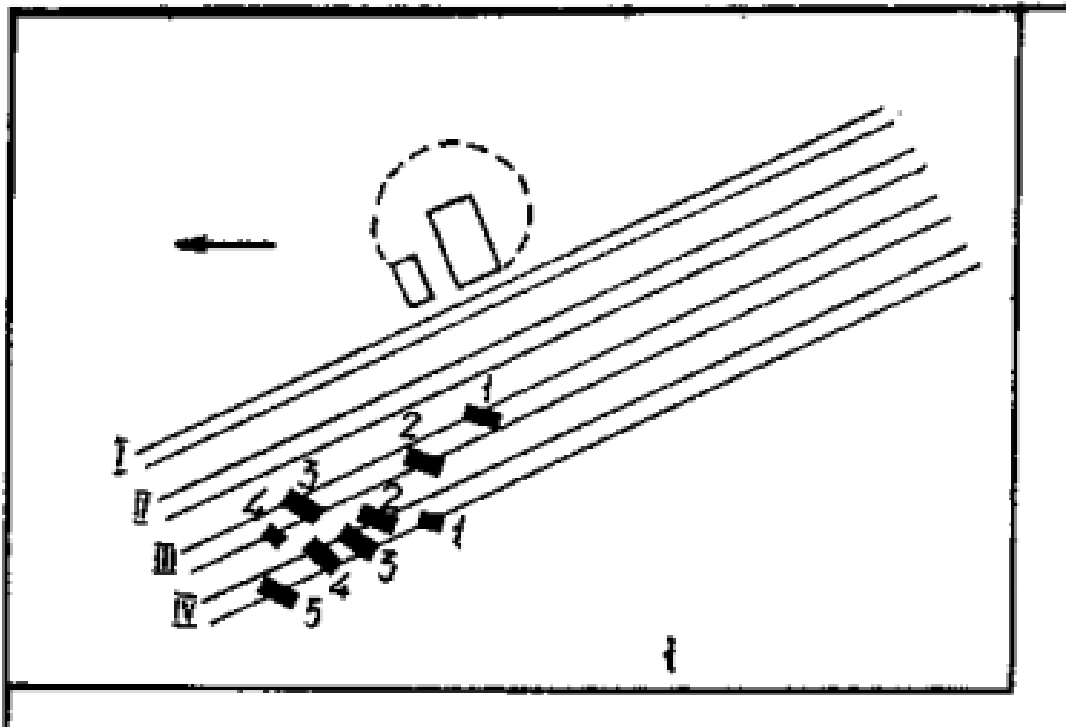
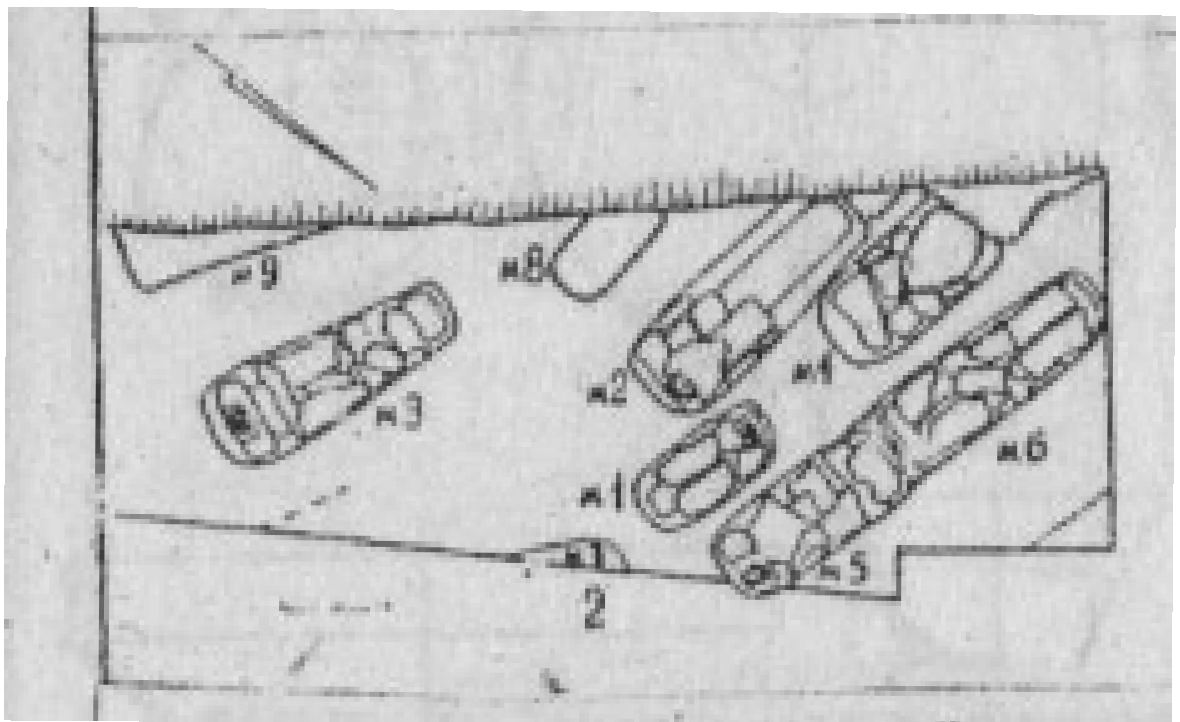

Рис. 1. Ситуационный план.

0 — 10М

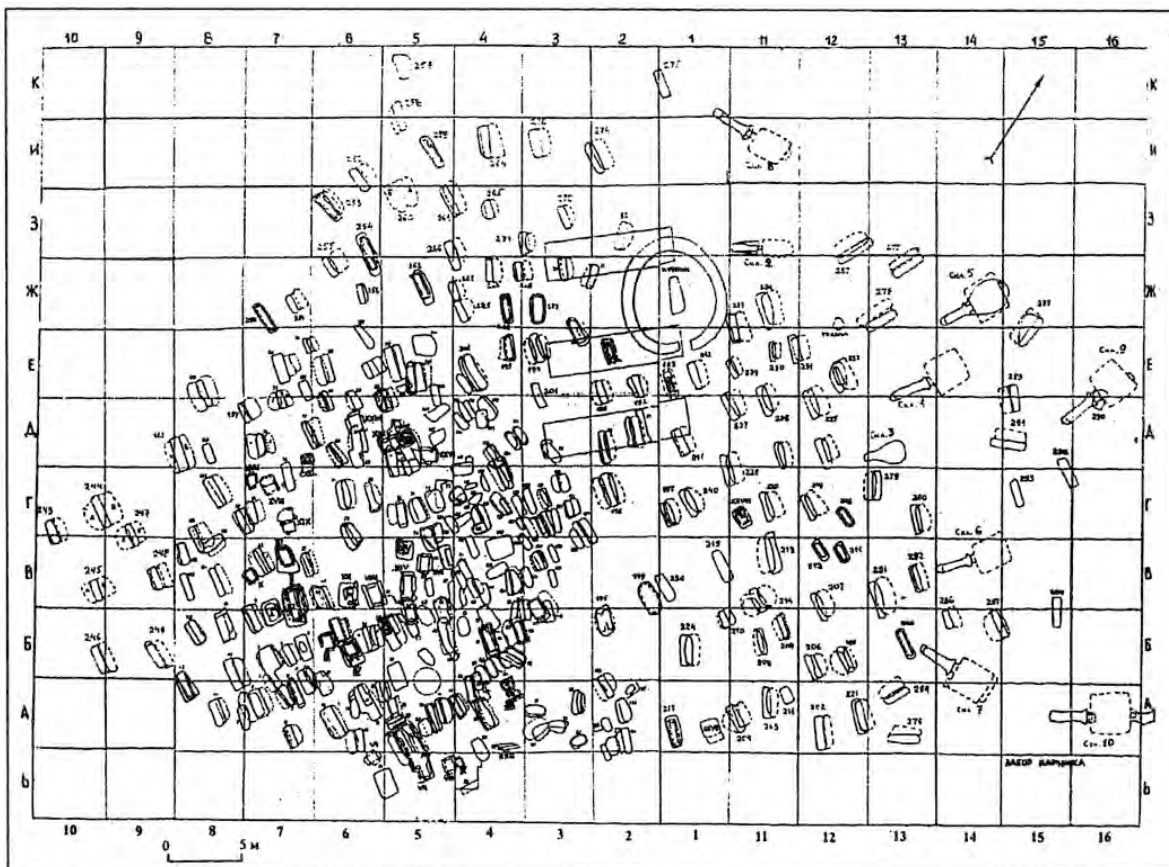

1

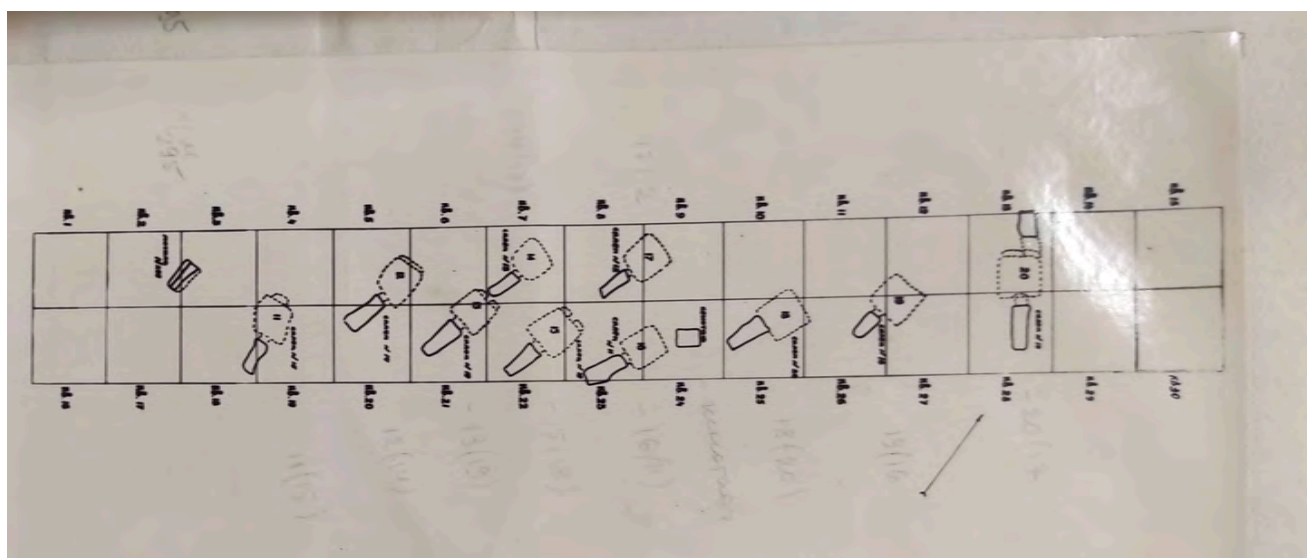

2

Рис. 164. 1 - план могильника Мамай-Оба (по: Зубарь В.М., Савеля О.Я., 1989. С. 76. Рис. 2, 1); 2 - план могильника Танковое (по Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г., 1994. С. 325. Рис. 1, 2).

1

2

Рис. 165. Могильник Севастопольский. 1 - план могильника (без погребений в урнах) (по: Стржелецкий и др., 2003-2004. С. 29. Рис. 2); 2 - план раскопа 1967 (по: Бабинов Ю.А., 1967. Рис. 1).

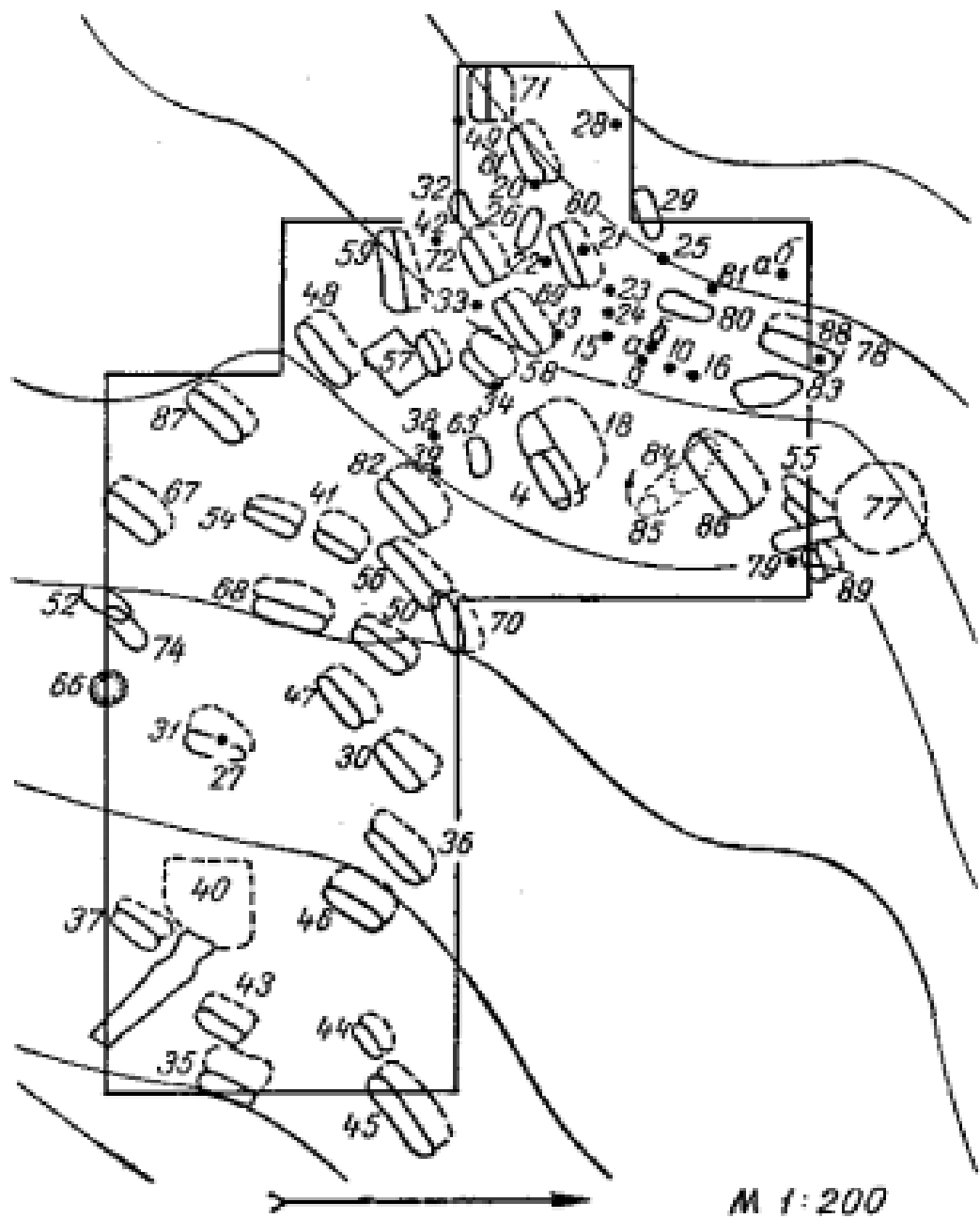

Рис. 166. План Черореченского могильника (по: Бабенчиков В.П., 1963. С. 91. Рис. 1).

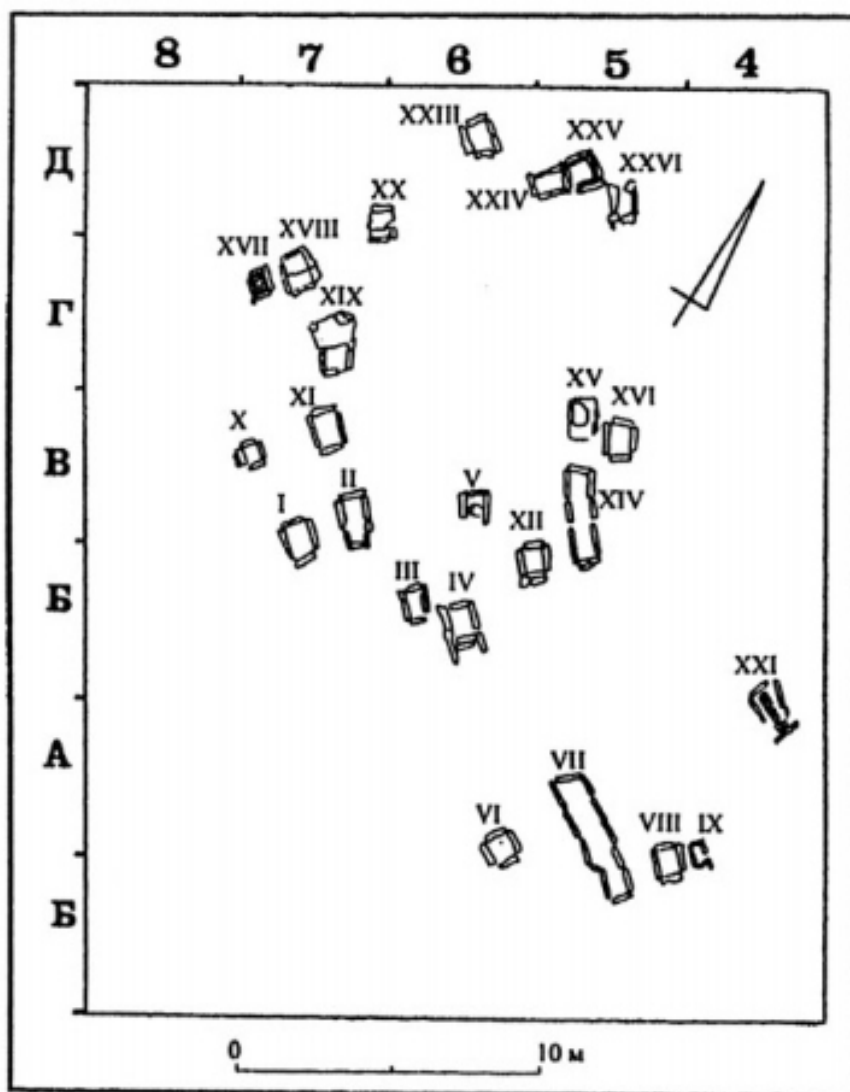
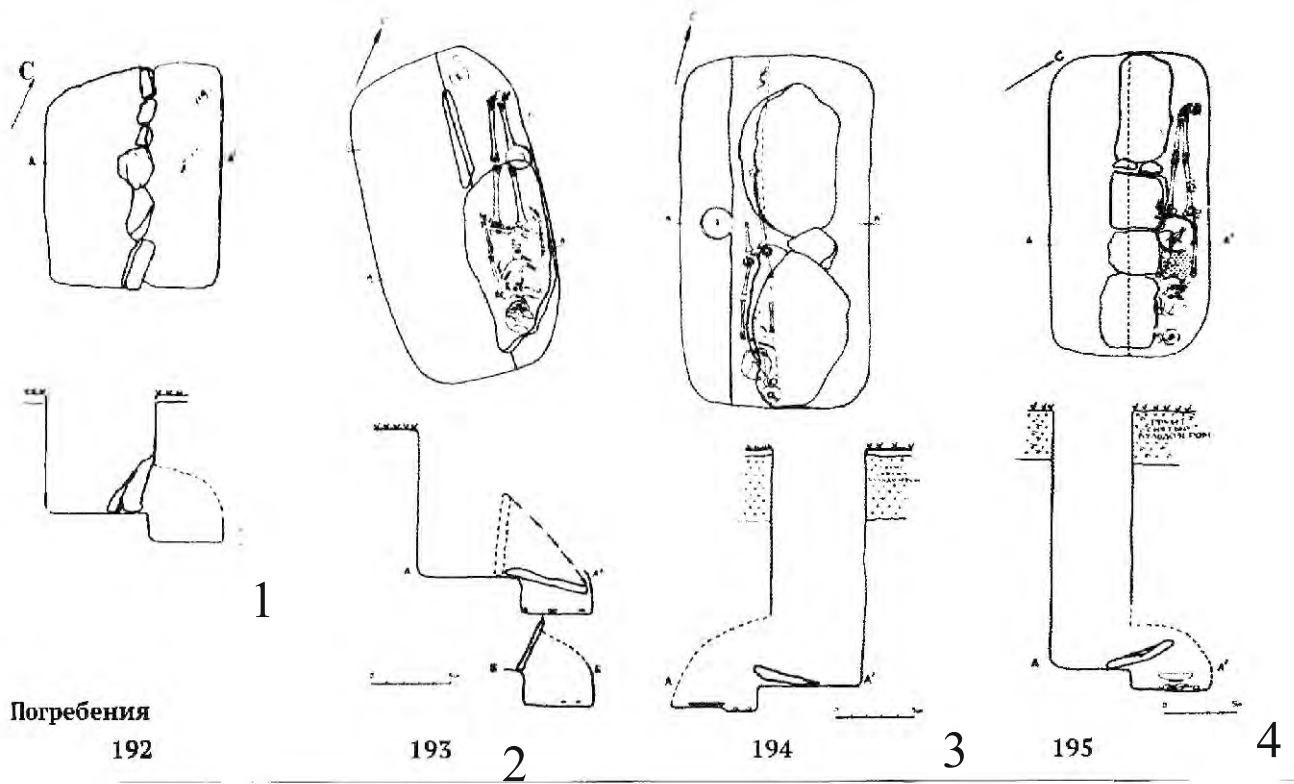

Рис. 3. Расположение каменных ящиков.

Рис. 167. Расположение каменных ящиков на могильнике Севастопольский (по: Стрелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 30. Рис. 3) .

Погребения
192

193

194

195

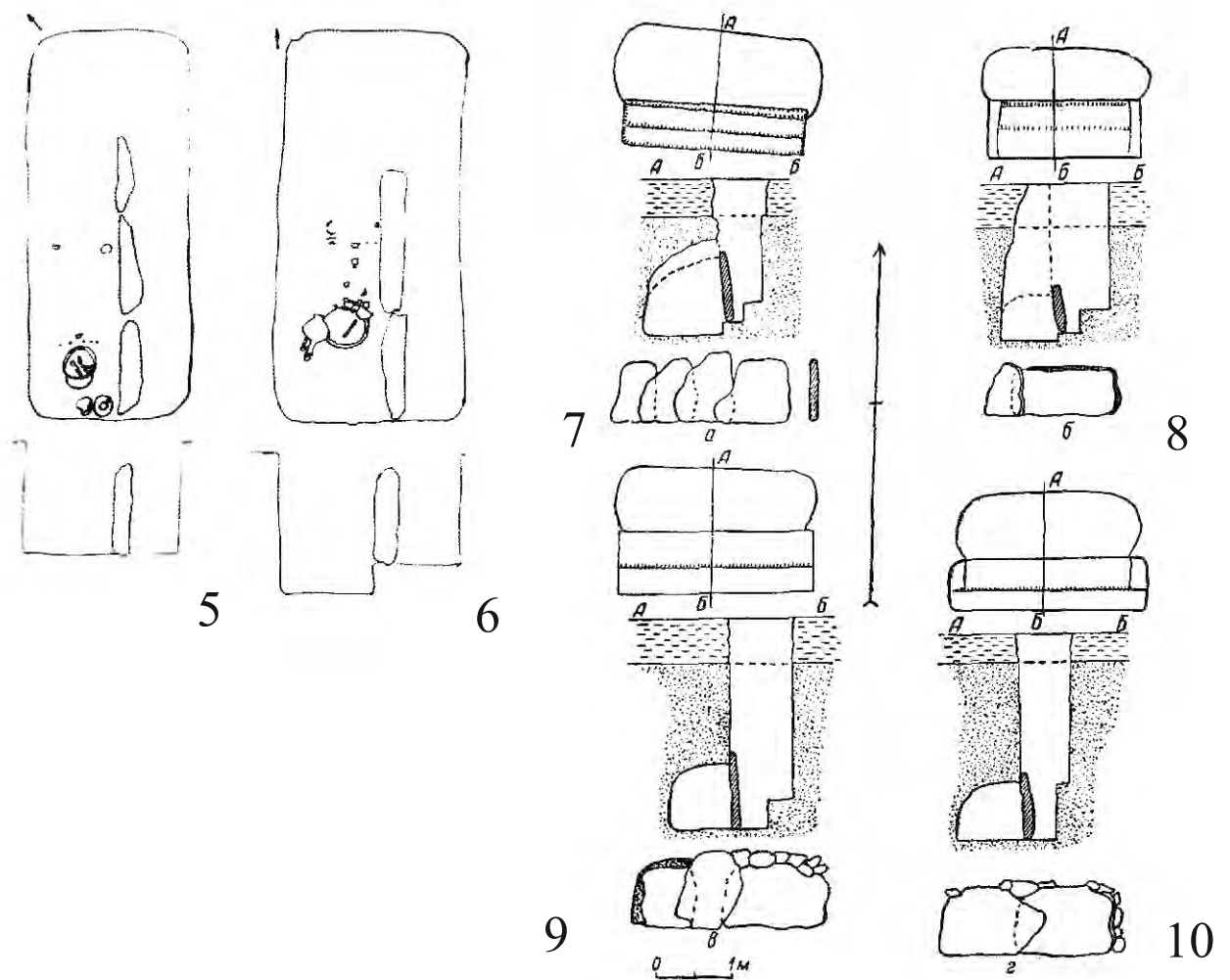
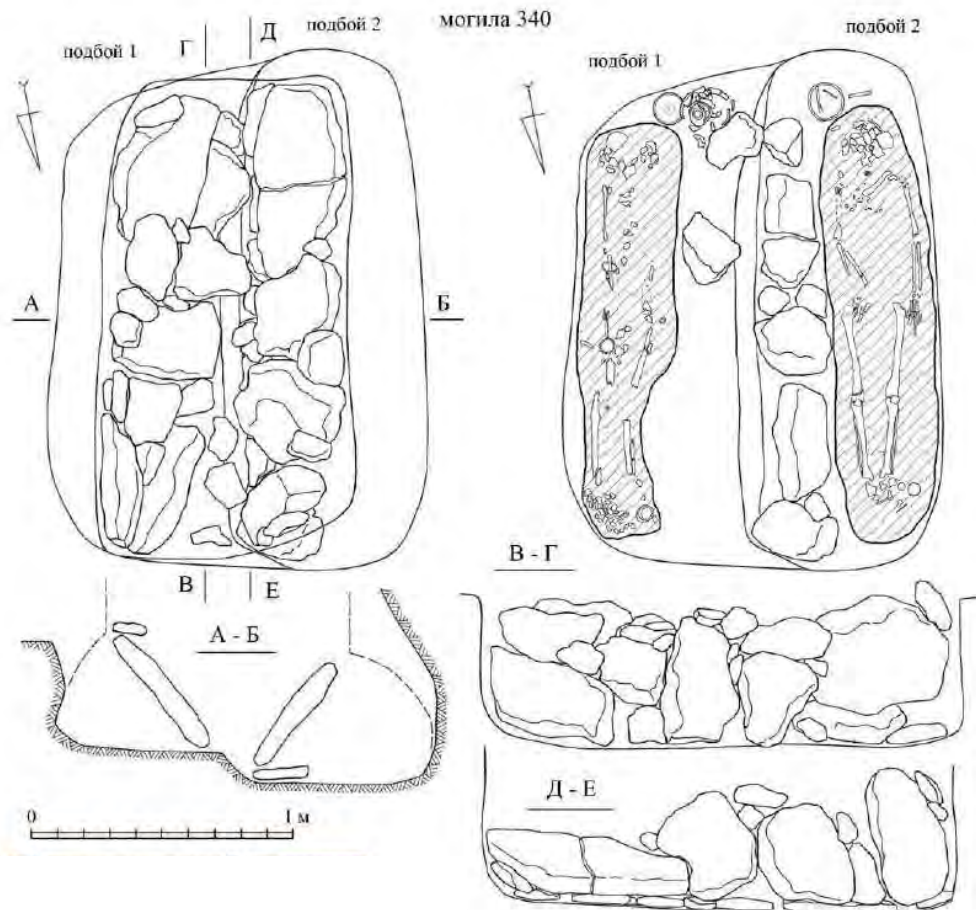

Рис. 168. Подбойные могилы. 1-6 могильник Бельбек IV (по: Гущина И.И., Журавлев Д.В., 2016. С. 158, 161): 1 - могила №192; 2 - могила № 193; 3 -могила №194; 4 - могила 195; 5 - могила №182; 6 - могила №183. 7-10 могильник Инкерман (по Веймарн, 1963. С. 22): 7 -могила №8; 8 -могила №9; 9 - могила №10; 10 - могила №11.

1

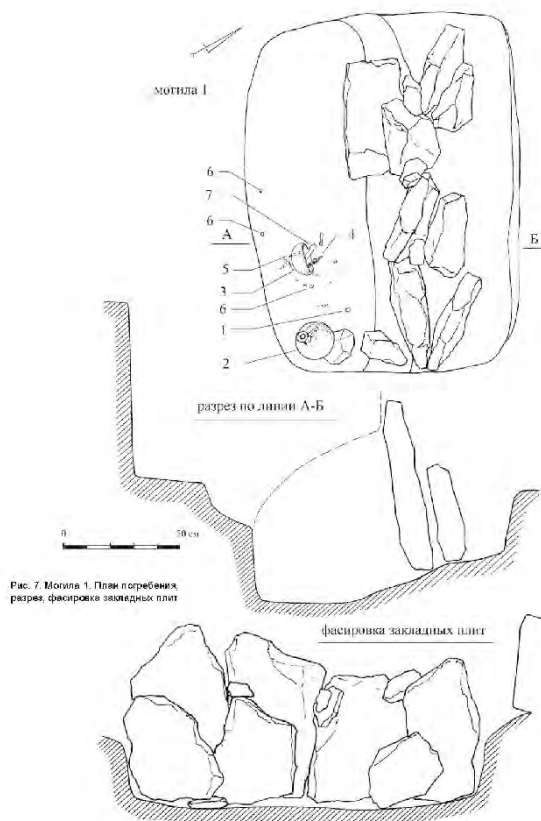

Рис. 7. Могила 1. План погребения, разрез, фасировка задних плит

2

Рис. 169. Подбойные могилы. 1- могила №340 некрополь Бельбек IV (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2023. С. 117. Рис. 14); 2 - могила №1 некрополя Бельбек II. (по: Труфанов А.А., 2014. Рис. 7).

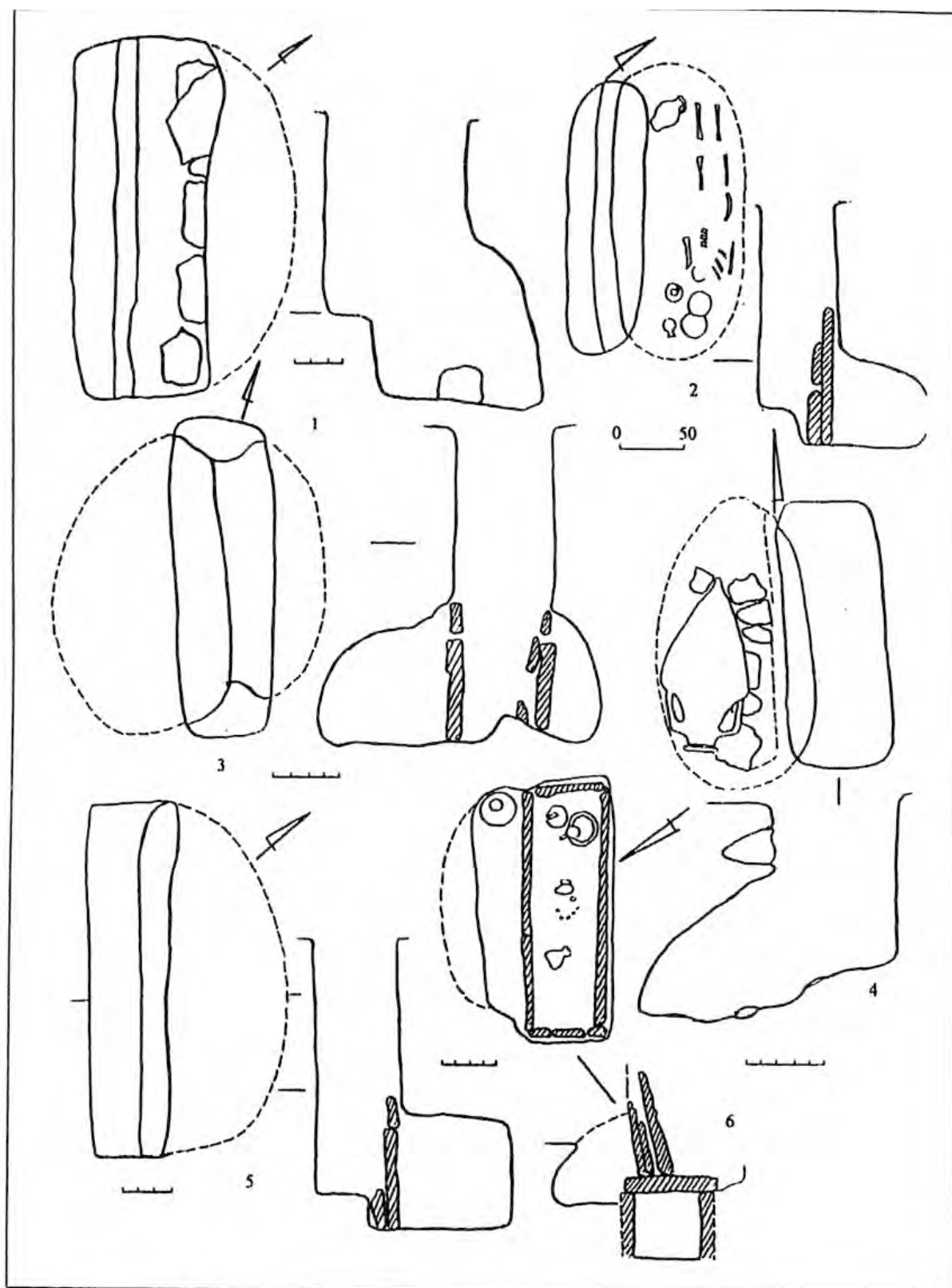

Рис. 170. Подбойные могилы. 1-6 - могильник Севастопольский (по: Стржелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 34. Рис. 6).

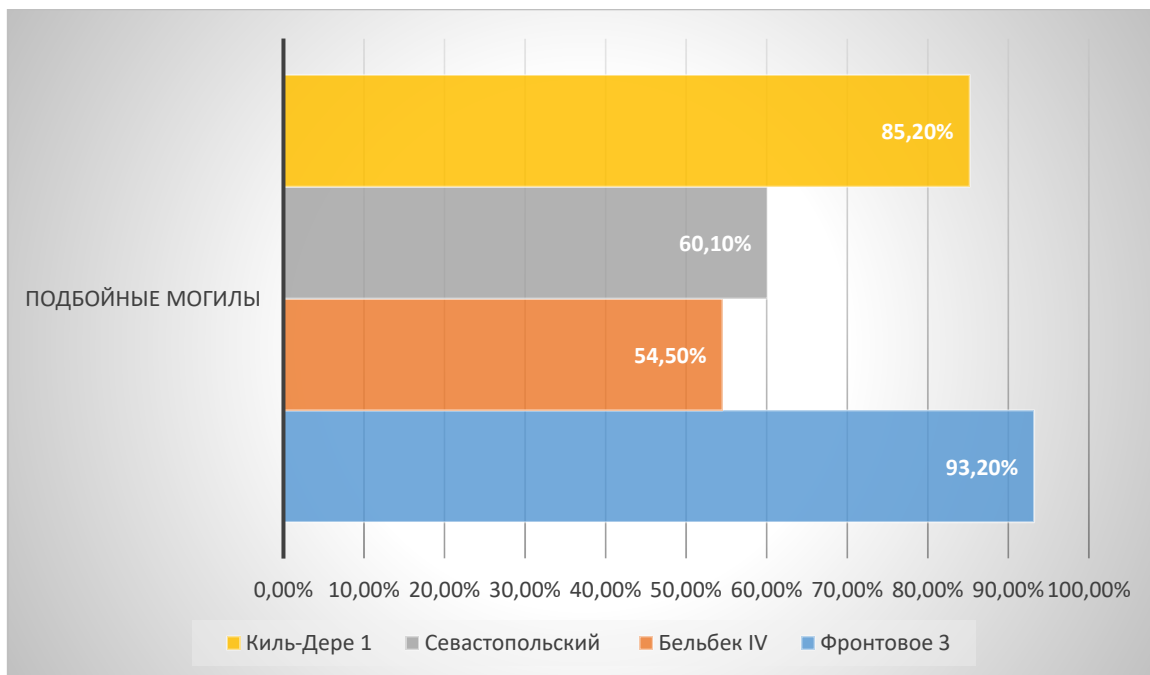

Рис. 171. Количество подбойных могил на некрополях Киль-Дере 1, Севастопольский, Бельбек IV, Фронтное 3.

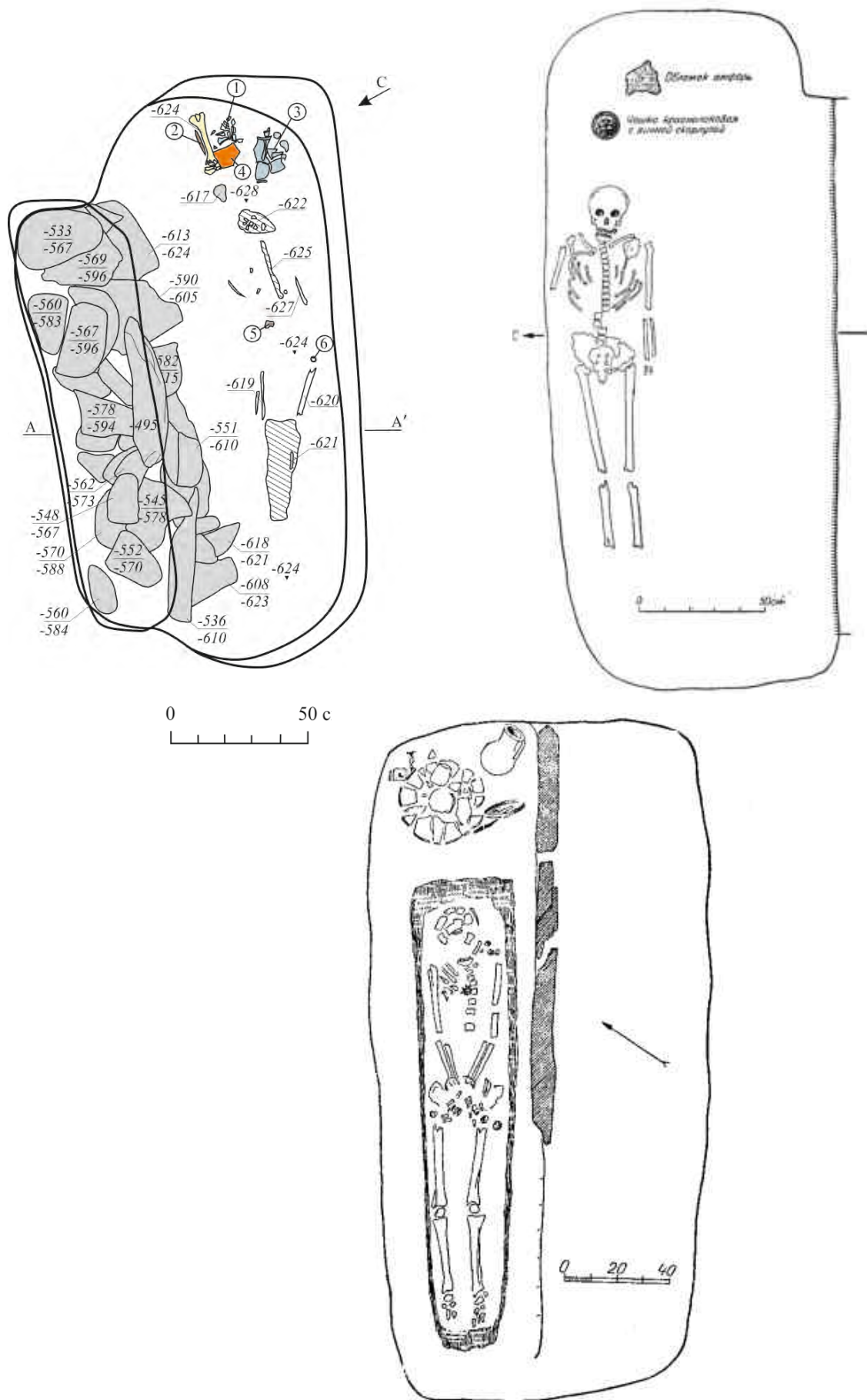

Рис. 172. 1 - могила №50 некрополя Фронтное 3 (по Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2023. С. 281. Рис. 160; 2 - могила № 17 некрополя Инкерман (по Веймарн Е.В., 1957. С. 233. Рис. 16); 3 - могила № 36 некрополя Чернореченский (по Бабаенчиков , 1963. С. 111. Рис. 15).

СООТНОШЕНИЕ ФОРМЫ ЗАКЛАДА

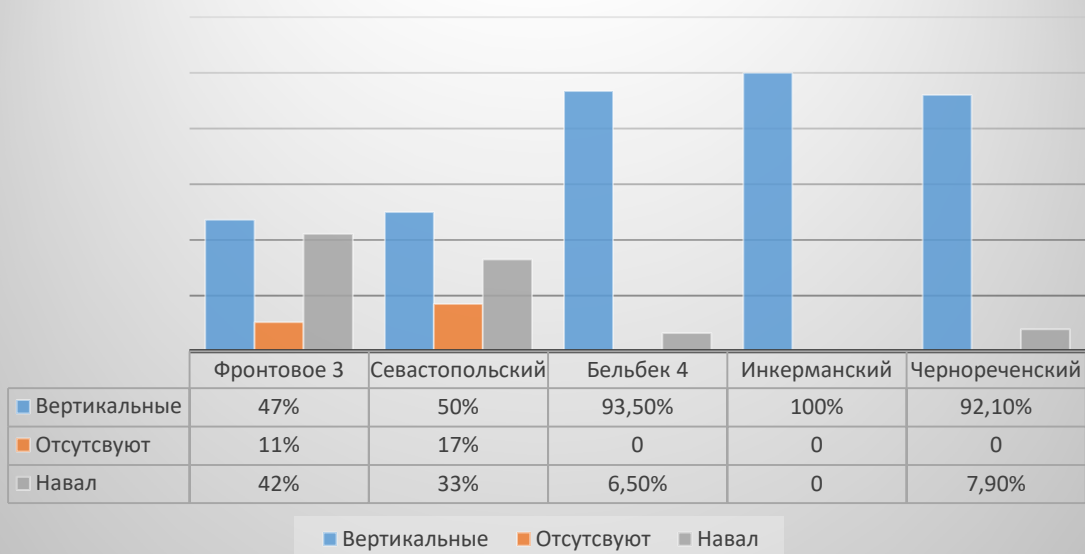

Рис. 173. Соотношение типов закладов на могильниках Фронтвое 3, Севастопольский, Бельбек 4, Инкерманский, Чернореченский.

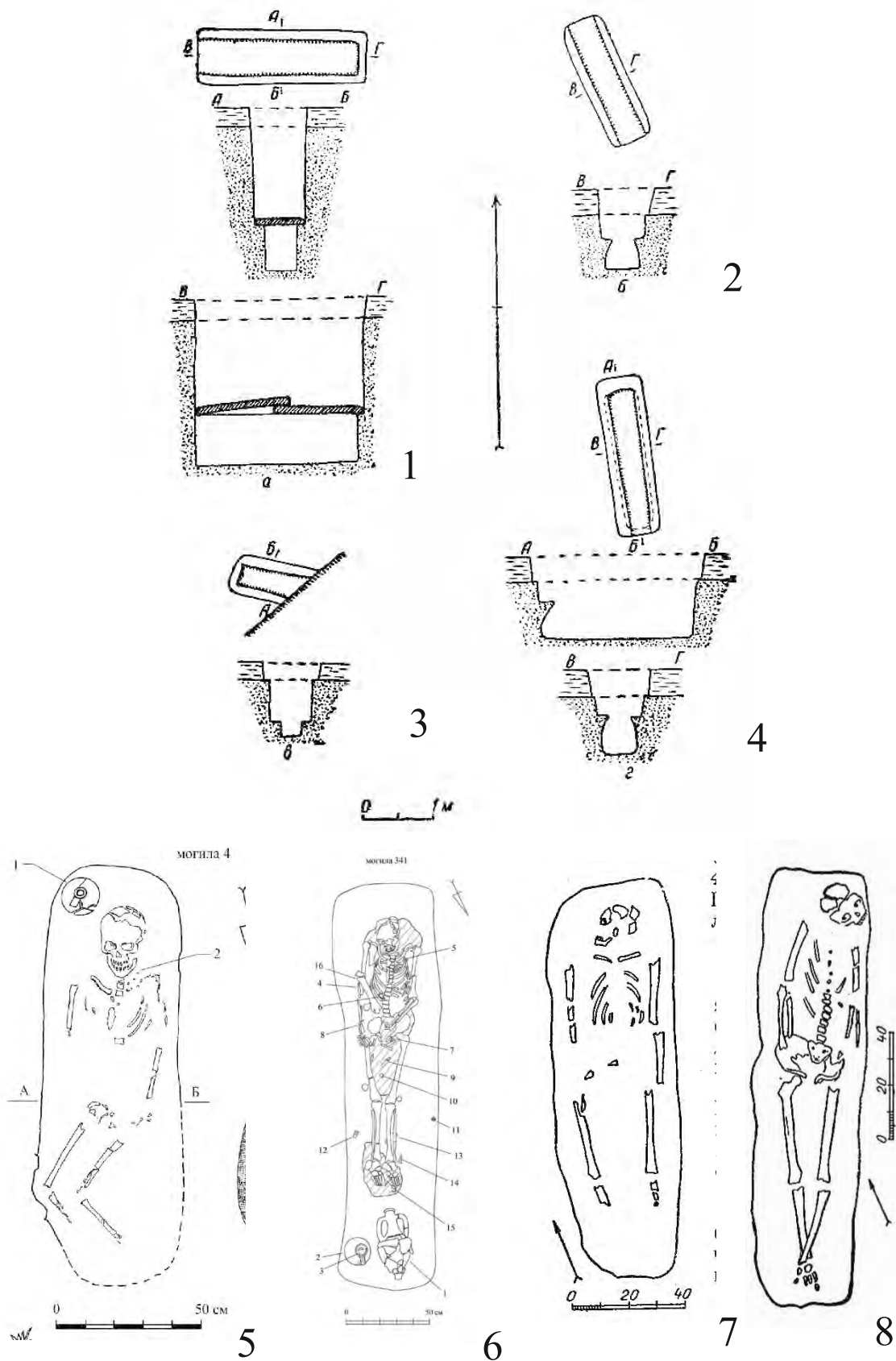

Рис. 174. Грунтовые могилы. 1-4 могильник Инкерман: 1 - могила №1; могила №5; 3 - могила №7; 4 - могила №6 (по: Веймарн Е.В., 1963. С. 30. Рис. 23); 5 - могила №4 некрополя Бельбек II (по: Труфанов А.А., 2014. С. 203. Рис. 9); 6 - могила 341 некрополя Бельбек IV (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2021. С. 124. Рис. 2); 7 - могила №4 некрополь Чернореченский; 8 - могила №6 некрополь Чернореченский (по: Бабенчиков В.П., С. 112. Рис. 16,17).

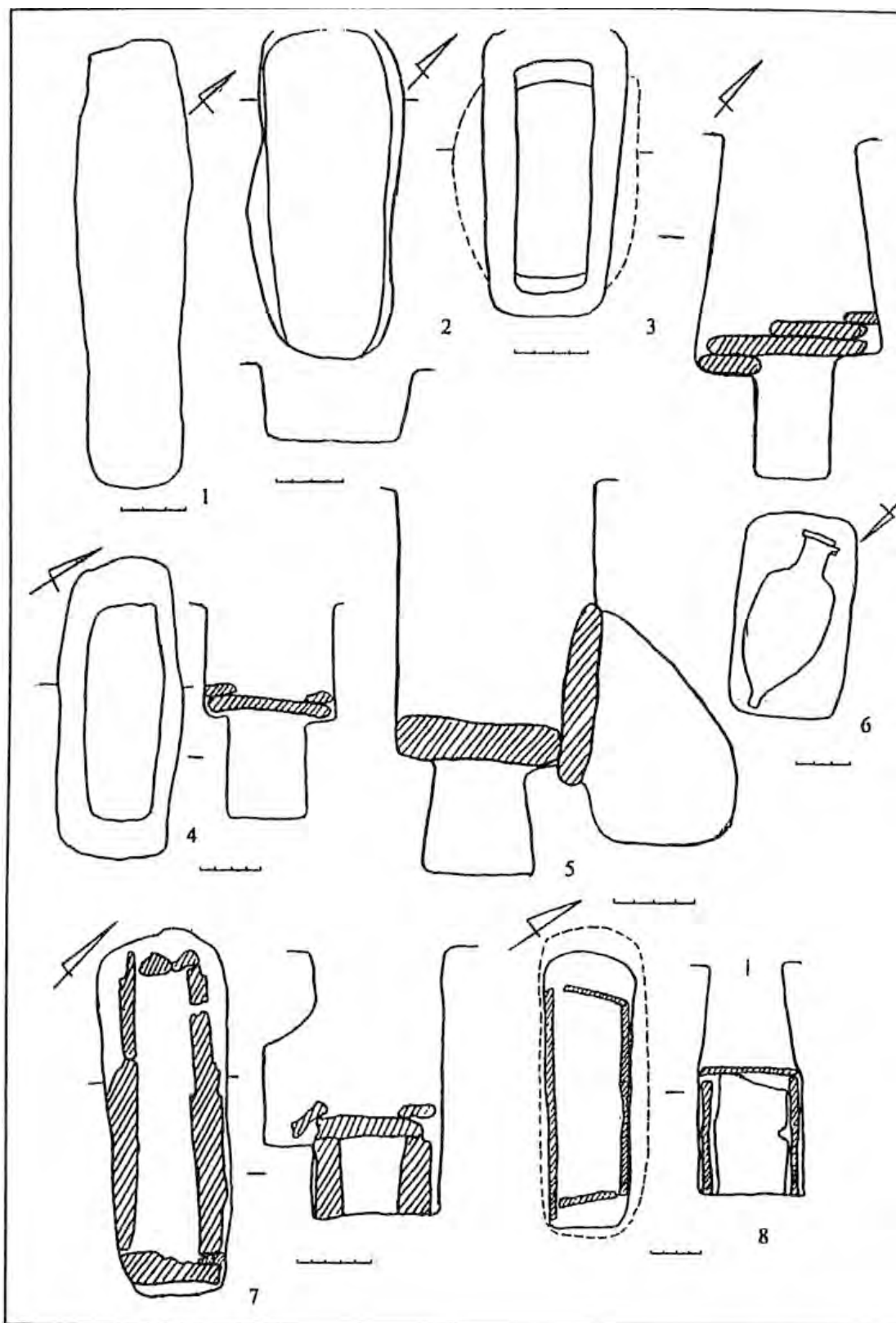
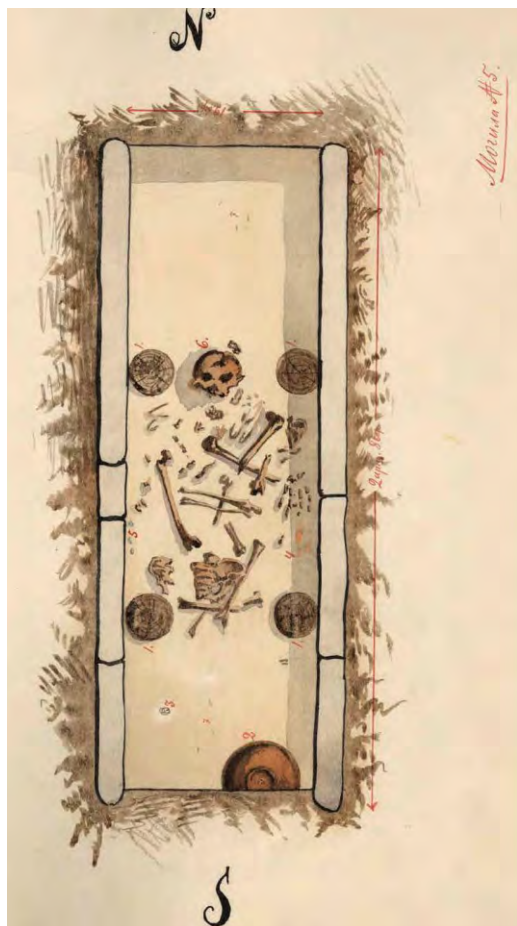
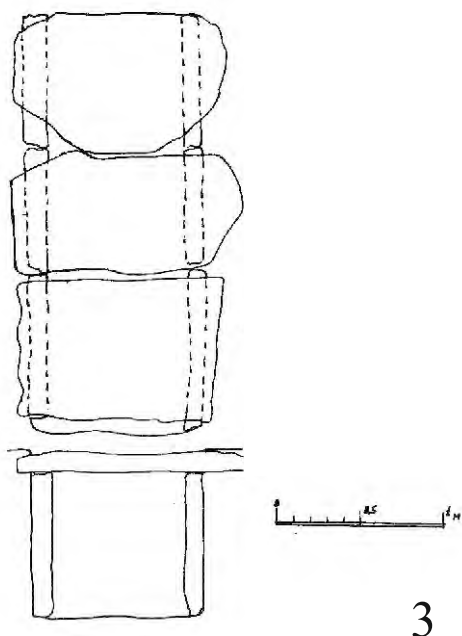

Рис. 175. Грунтовые могилы. Могильник Севастопольский (по: Стрежелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 32. Рис. 4).

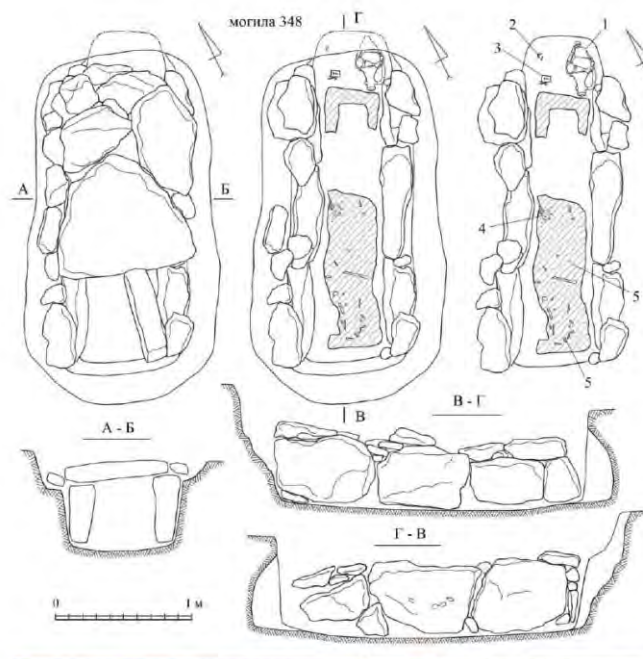

1

2

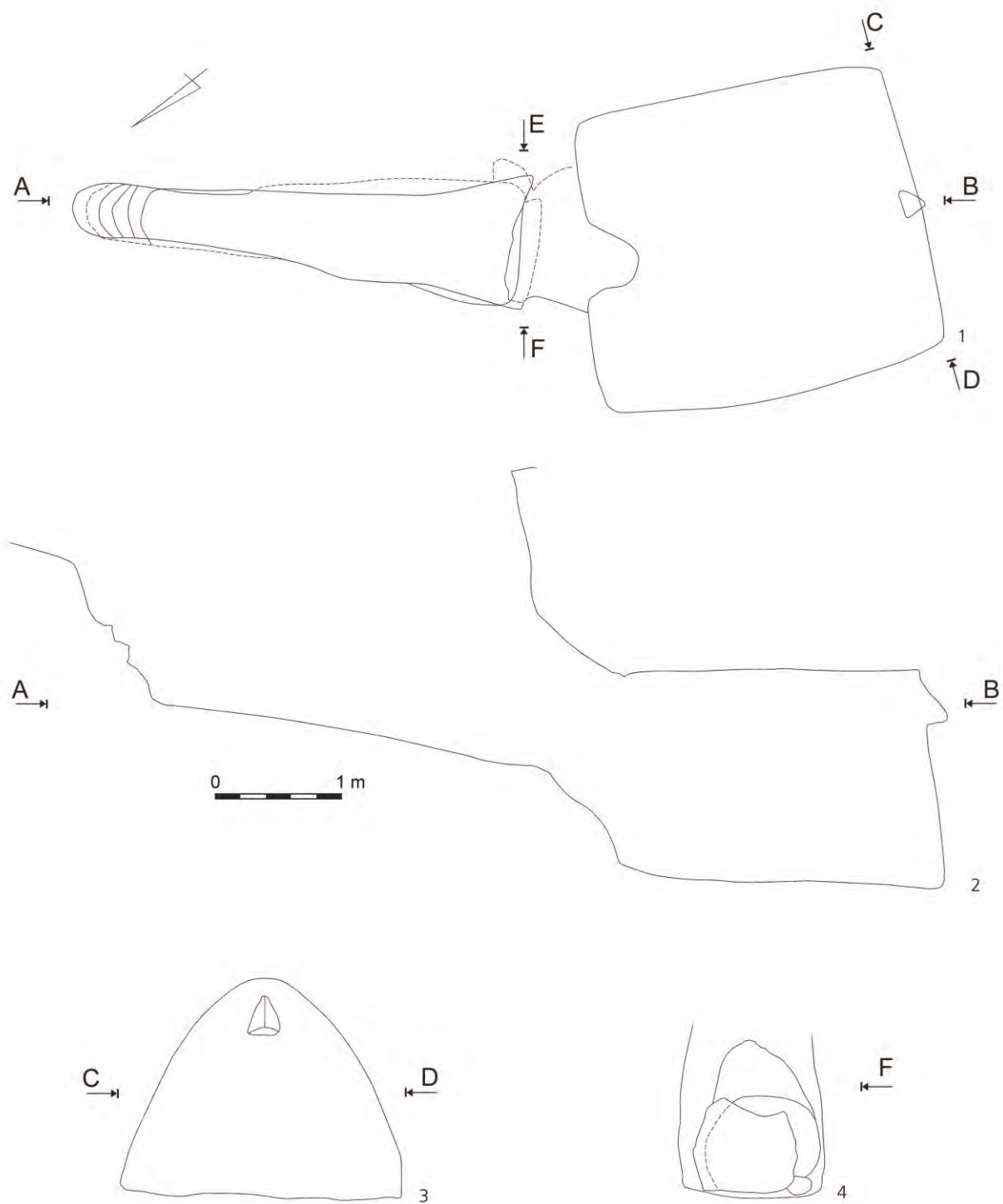

3

4

Рис. 176. Плитовые могилы. 1 - могила №5 некрополя Бельбек I (по: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В., 2021. С. 35. Рис. 17); 2 - могила № 4 некрополя Бельбек I (по о: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В., 2021. С. 26. Рис. 12); 3 - могила 180 некрополя Бельбек IV (по Гущина И.И., Журавлев Д.В., 2016. С. 15) 4 - могила 348 некрополя Бельбек IV (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2021. С. 140. Рис. 37).

Kammergrab 157/2003

Рис. 177. Грунтовый склеп 157/2003 могильника Алмалык-Дере (по Maćzyńska M. et al., 2016. Табл. 169).

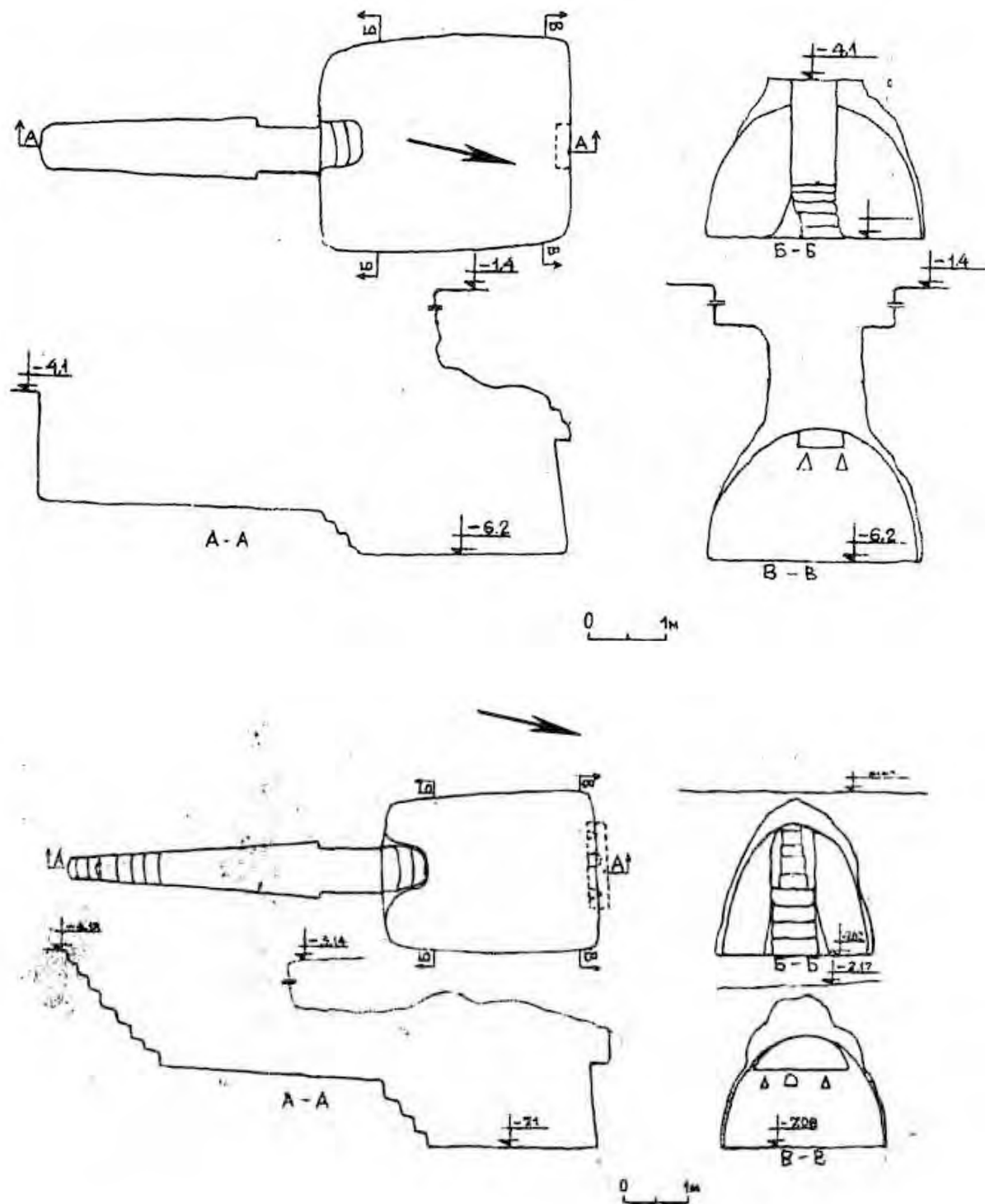

Рис. 178. Грунтовые склепы. 1 - склеп №1 некрополя Красный Мак; 2 - склеп №2 некрополя Красный Мак (по: Лобода И.И., 2005. С. 228, 229. Рис. 2,3).

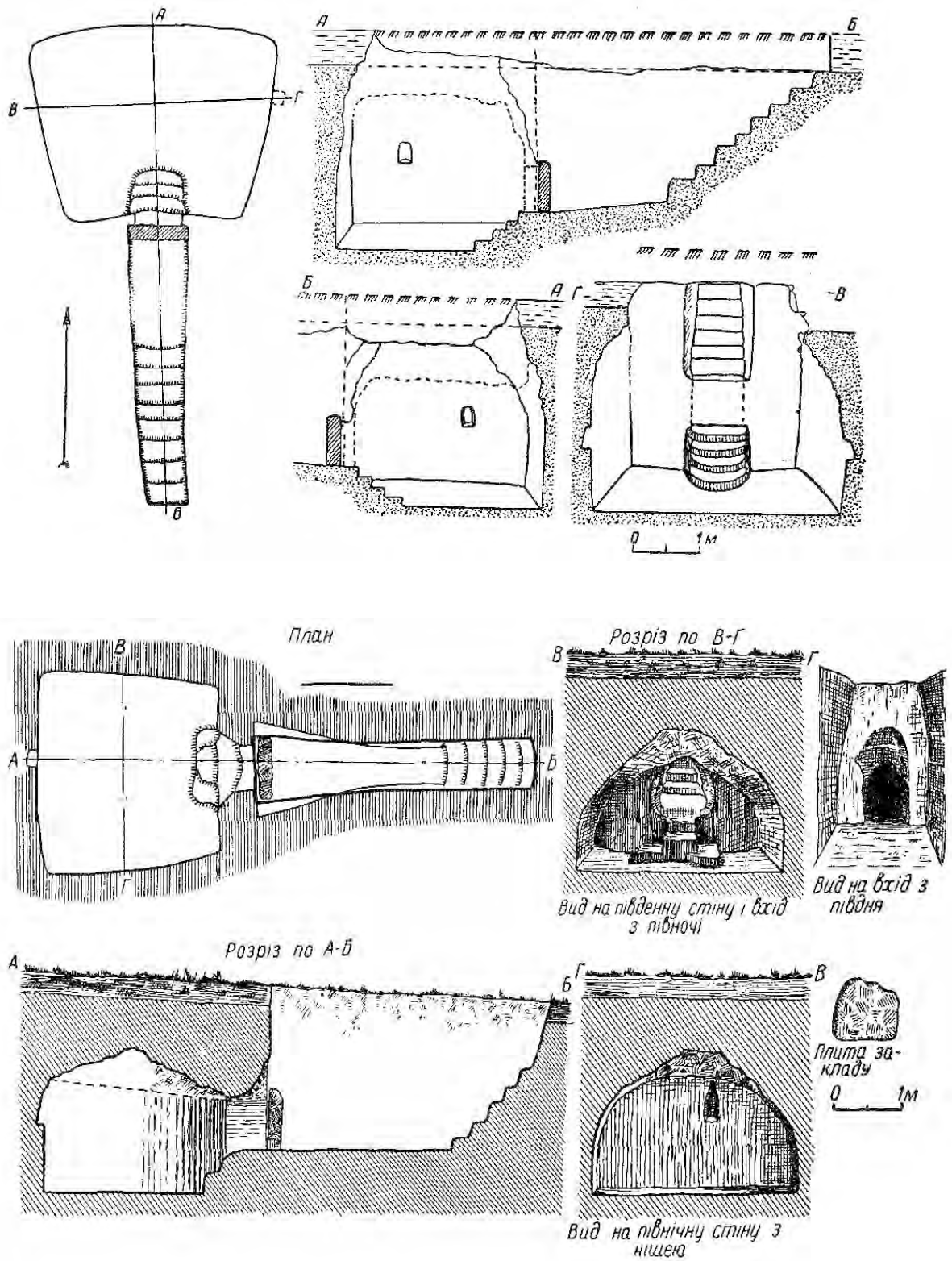

Рис. 179. Грунтовые склепы. 1 - склеп №2 некрополя Инкерман; 2 - склеп №3 некрополя Инкерман (по: Веймарн Е.В., 1963. С. 33, 35. Рис. 25, 27).

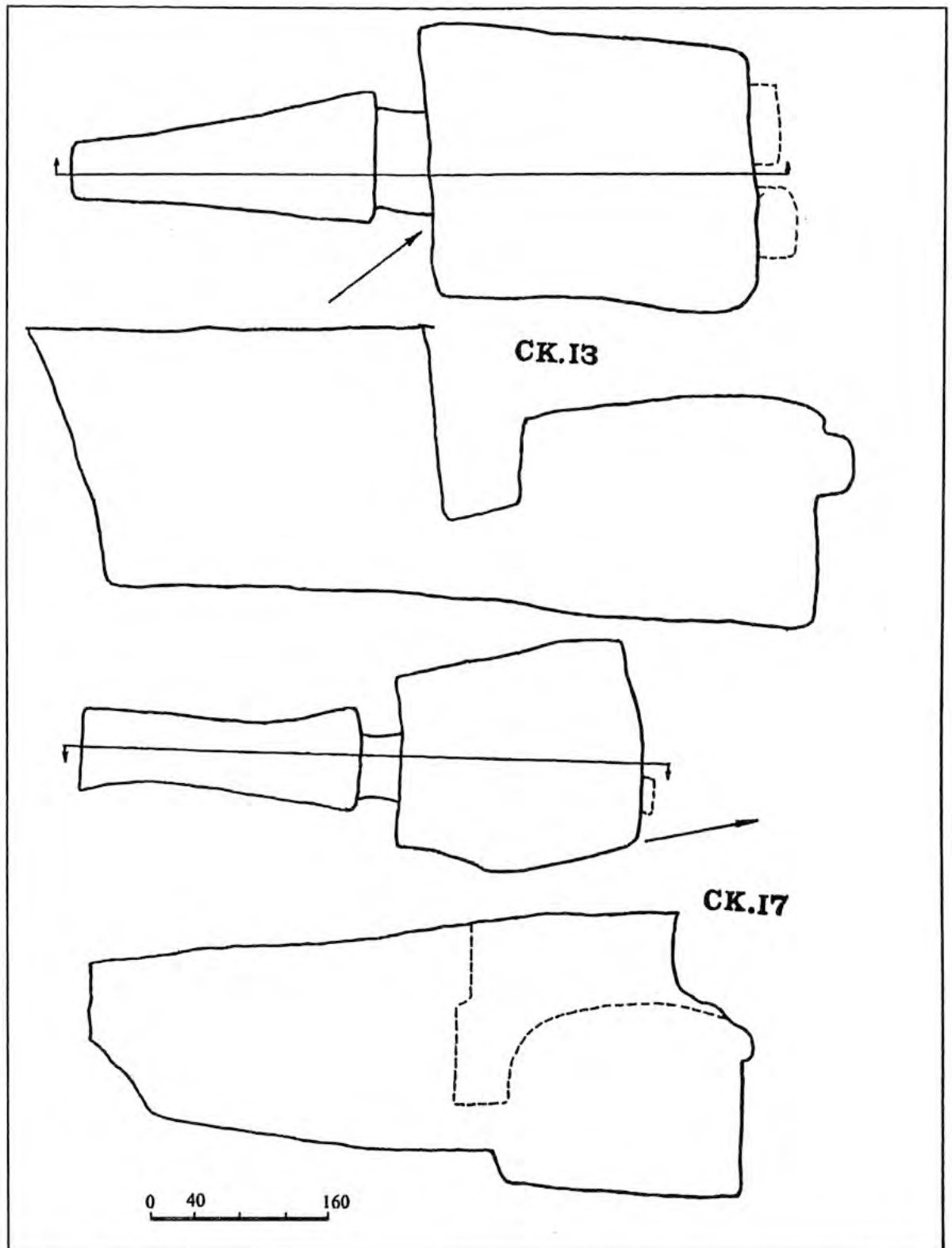
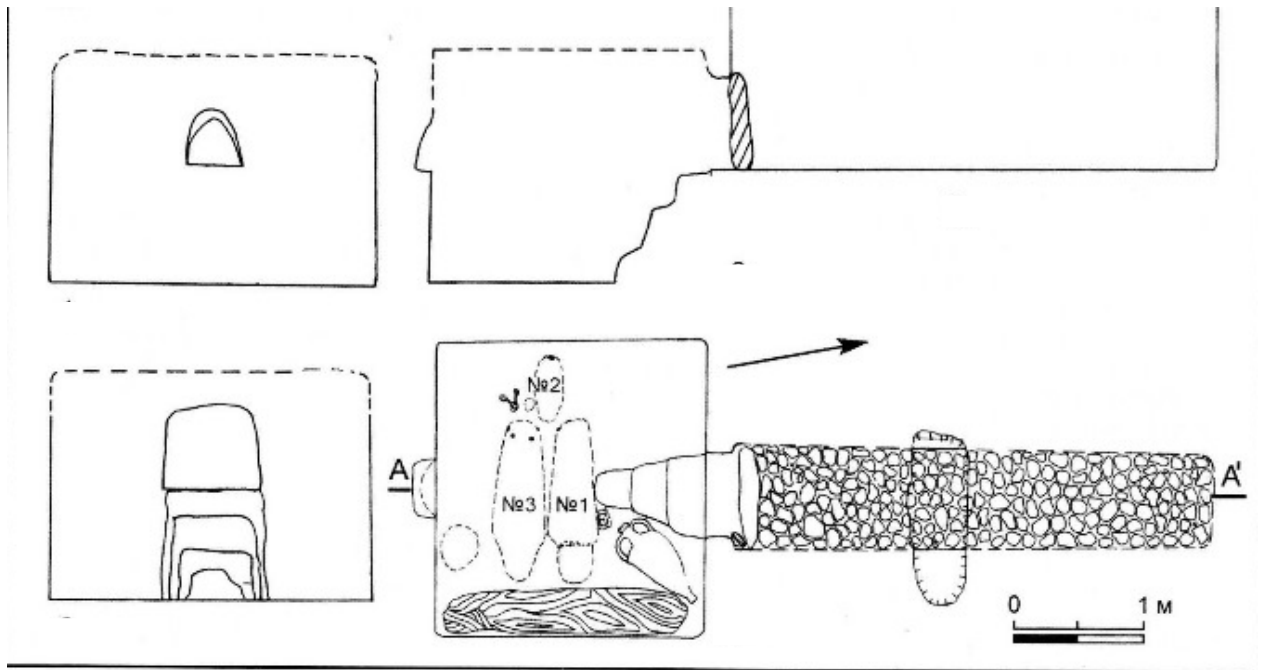
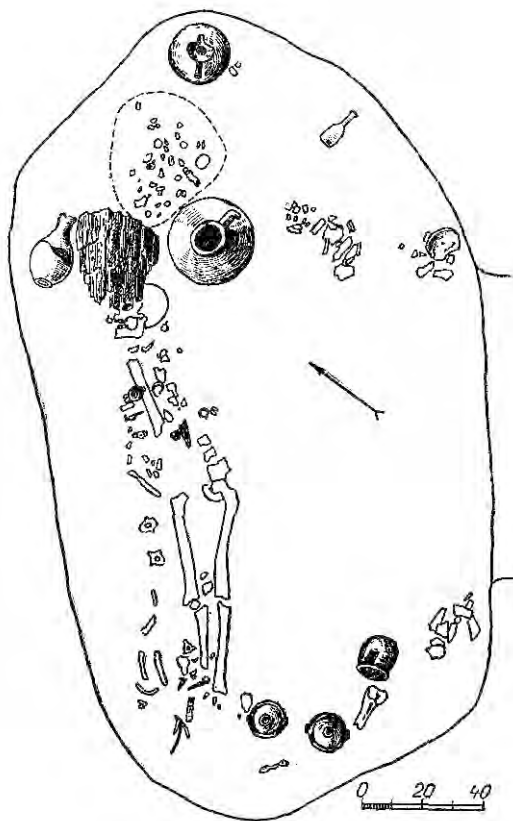

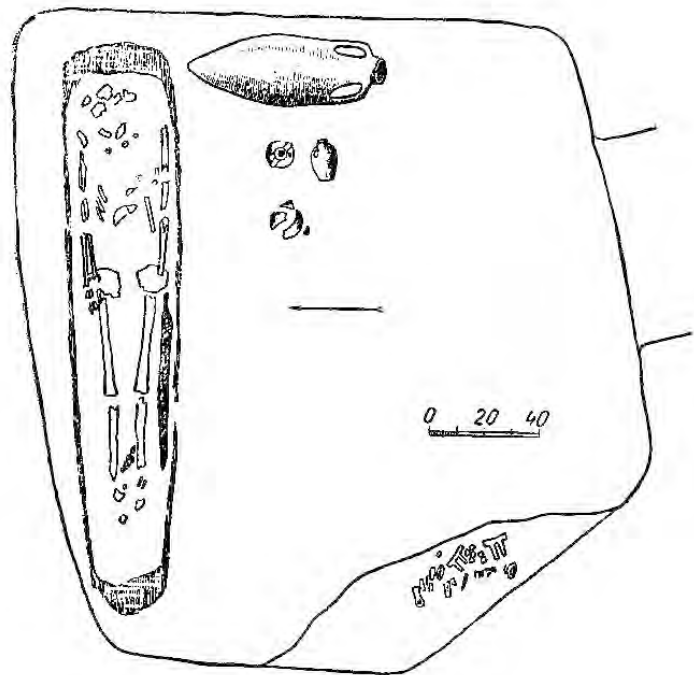
Рис. 180. Грунтовые склепы. Некрополь Севастопольский (по: Стрежелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 35. Рис. 7).

1

2

3

Рис. 181. Грунтовые склепы. 1 - некрополь Бельбек I (по Филиппенко и др., 2016); 2 - погребальная камера склепа №1 некрополя Чернореченский; 3 - погребальная камера склепа №4 некрополя Чернореченский (по: Бабанчиков В.П., 1963. С. 113, 118. Рис. 19, 22).

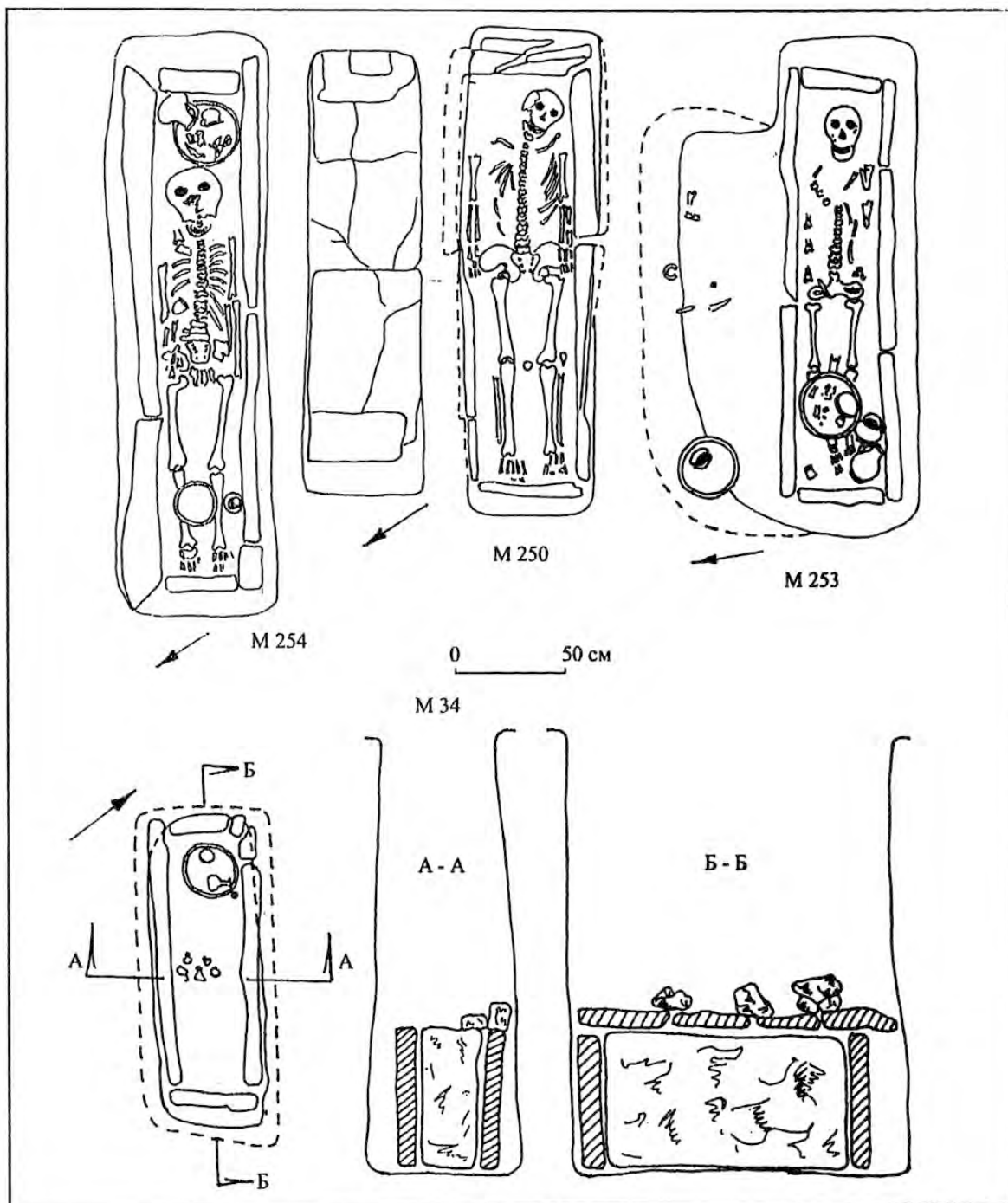

Рис. 182. Каменные ящики в. Могильник Севастопольский (по: Стржелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 33. Рис. 5).

1

2

Рис. 183. Каменные ящики. Могильник Киль-Дере 1. 1 - могила №201; 2 - могила №211 (по: Язиков, Свиридов, 2022. С. 55. Рис. 5).

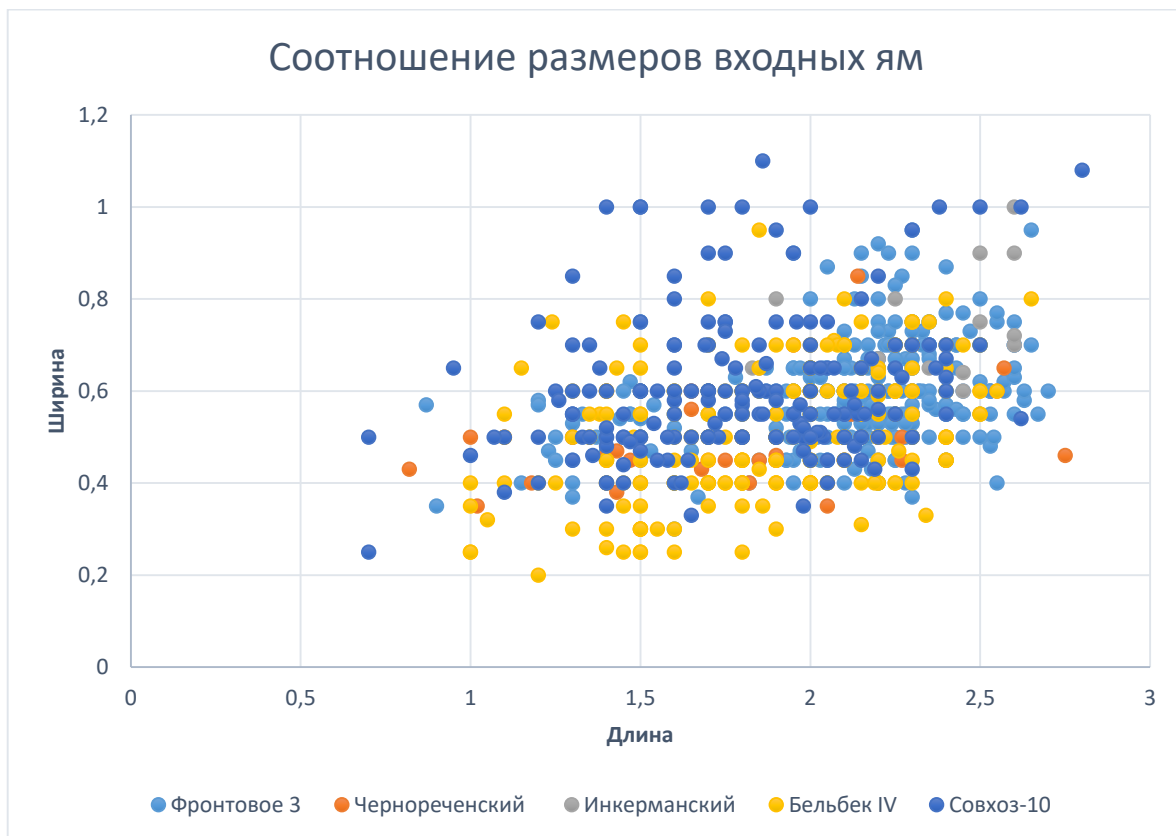

Рис. 185. Соотношение размеров входных ям подбойных могил некрополей Фронтное 3, Чернореченский, Инкерманский, Бельбек IV, Совхоз-10.

Рис. 186. Соотношение размеров входных ям подбойных могил некрополя Чернореченский.

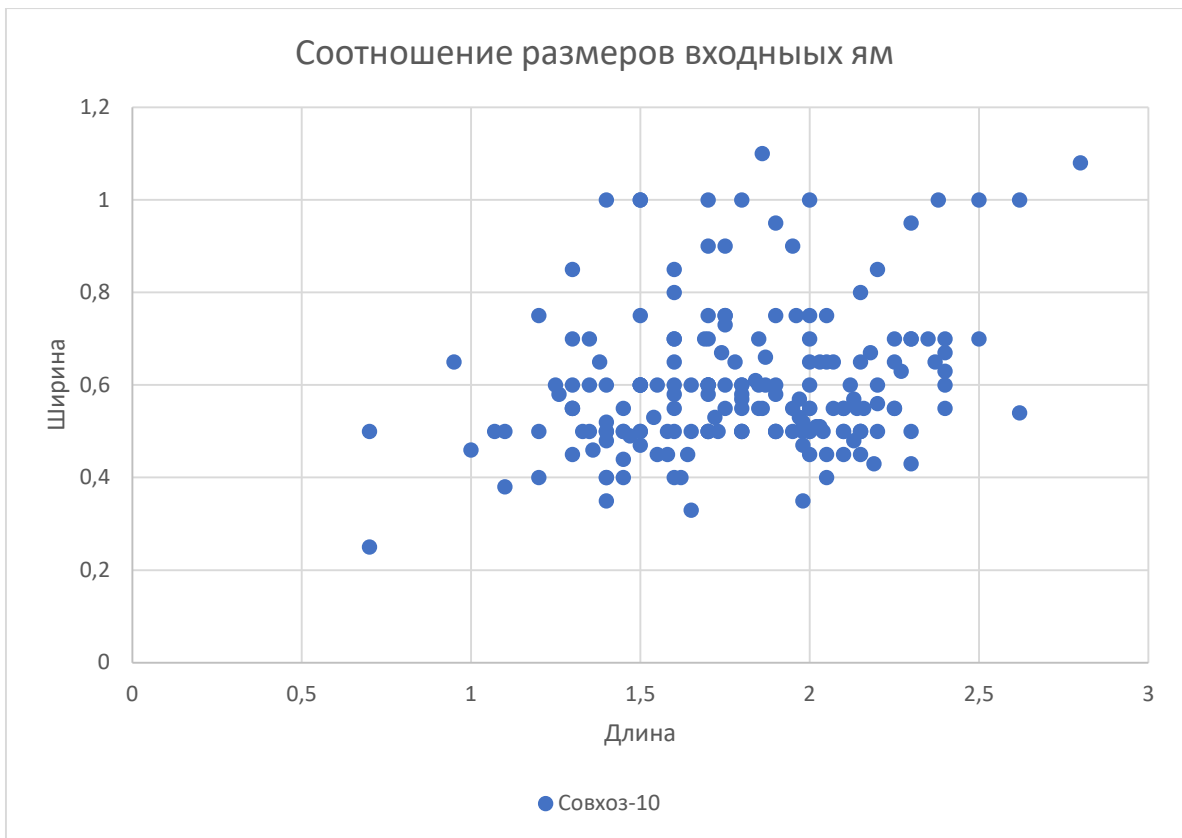

Рис. 189. Соотношение размеров входных ям подбойных могил некрополя Совхоз-10.

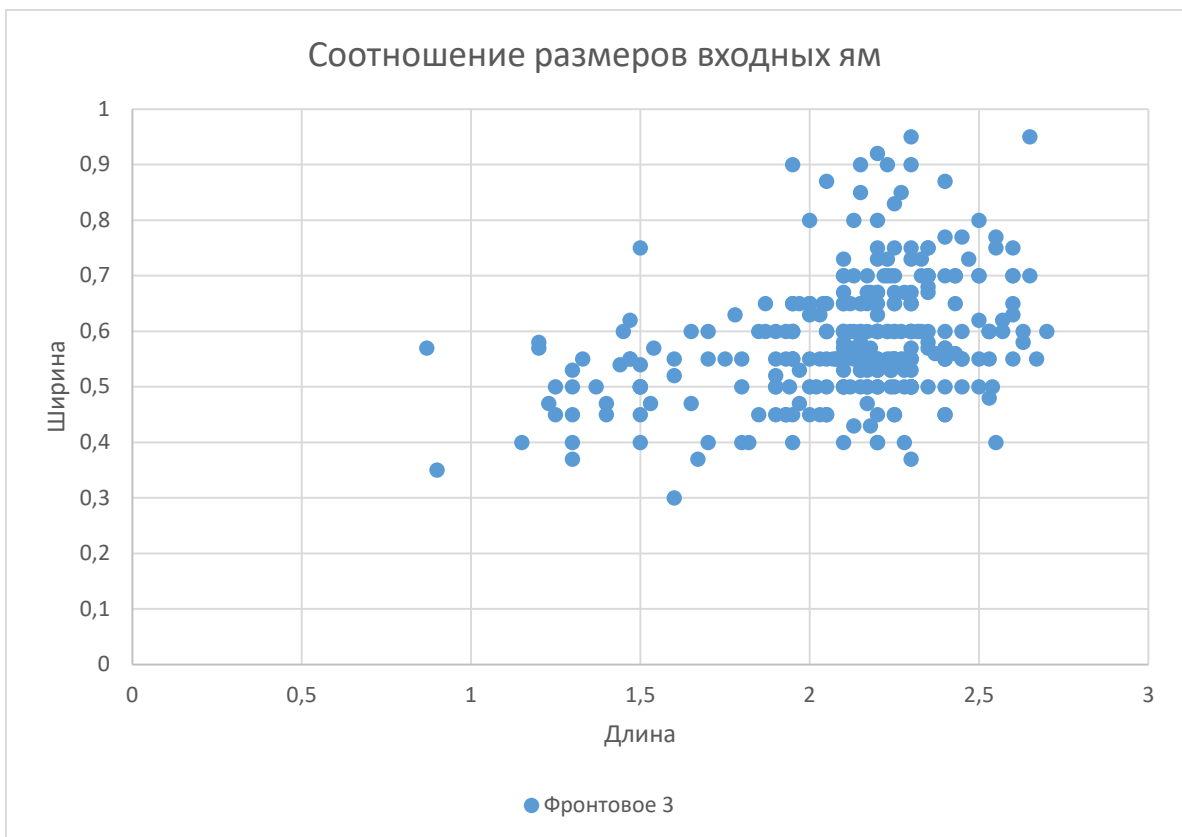

Рис. 190. Соотношение размеров входных ям подбойных могил некрополя Фронтное 3.

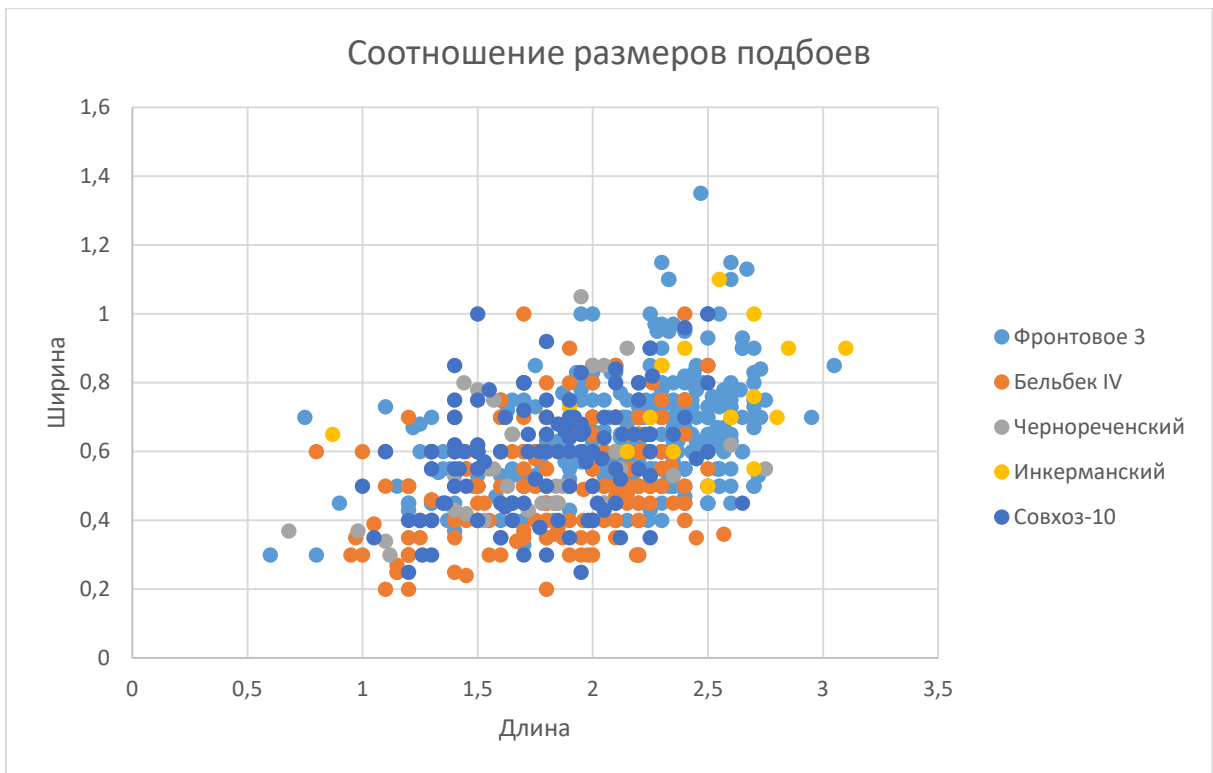

Рис. 191. Соотношение размеров подбоев из некрополей Фронтное 3, Чернореченский, Инкерманский, Бельбек IV, Совхоз-10.

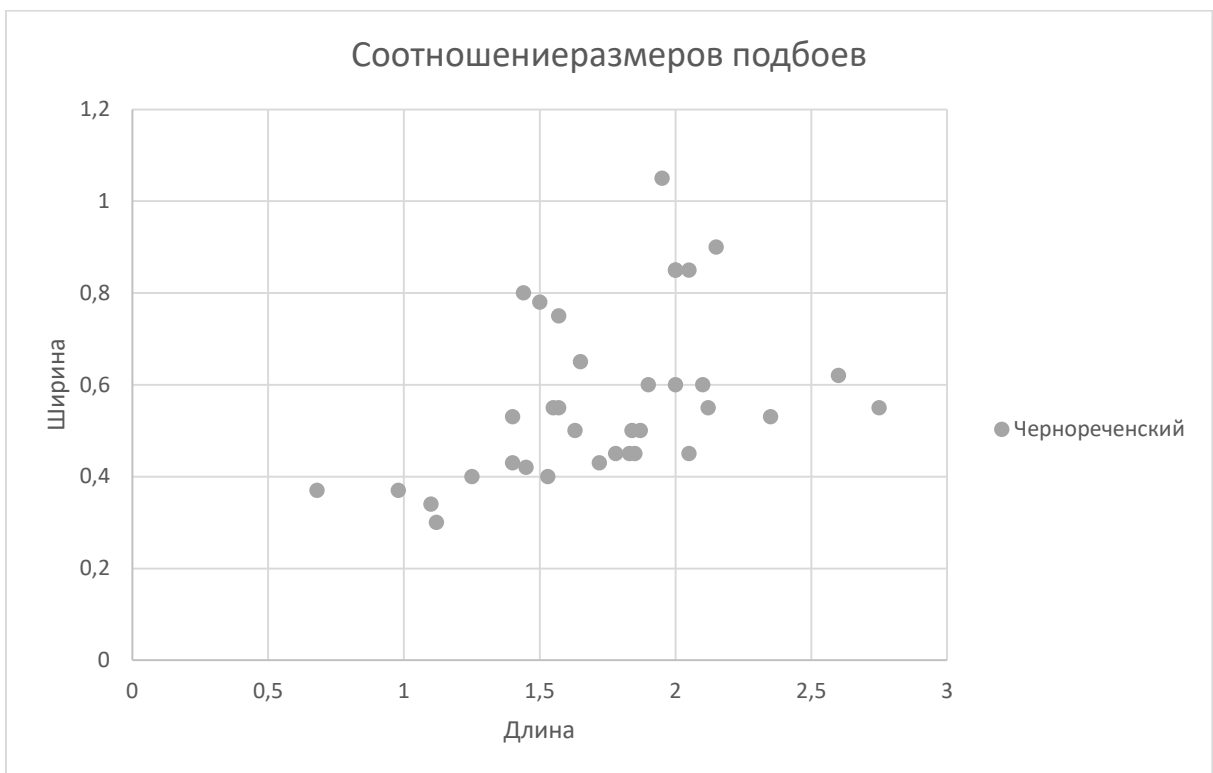

Рис. 192. Соотношение размеров подбоев некрополя Чернореченский.

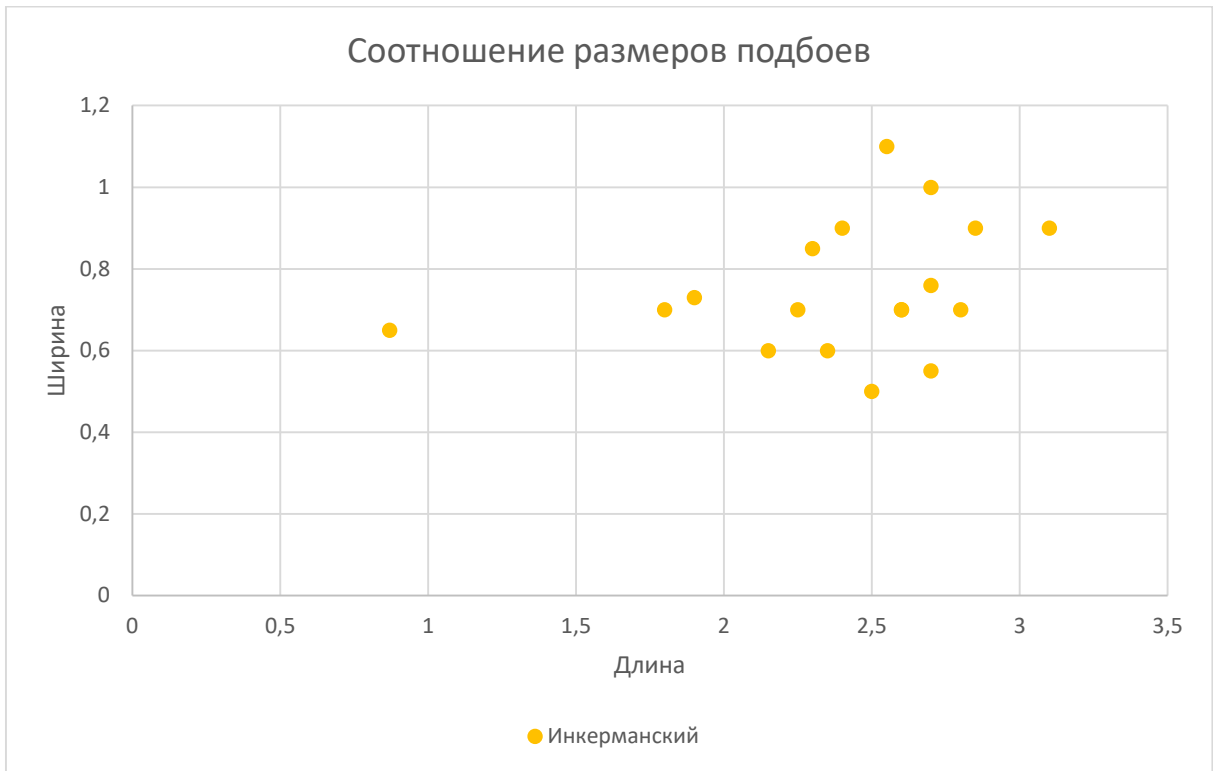

Рис. 193. Соотношение размеров подбоев некрополя Инкерман.

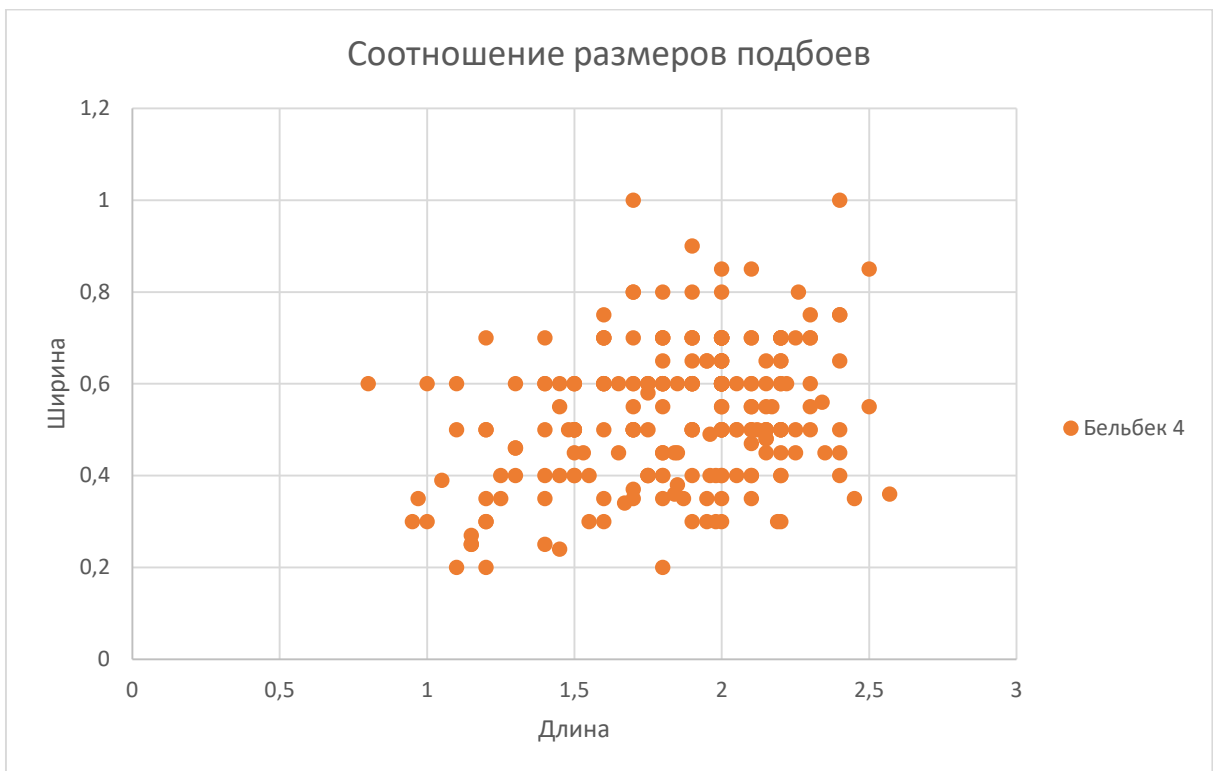

Рис. 194. Соотношение размеров подбоев некрополя Бельбек 4.

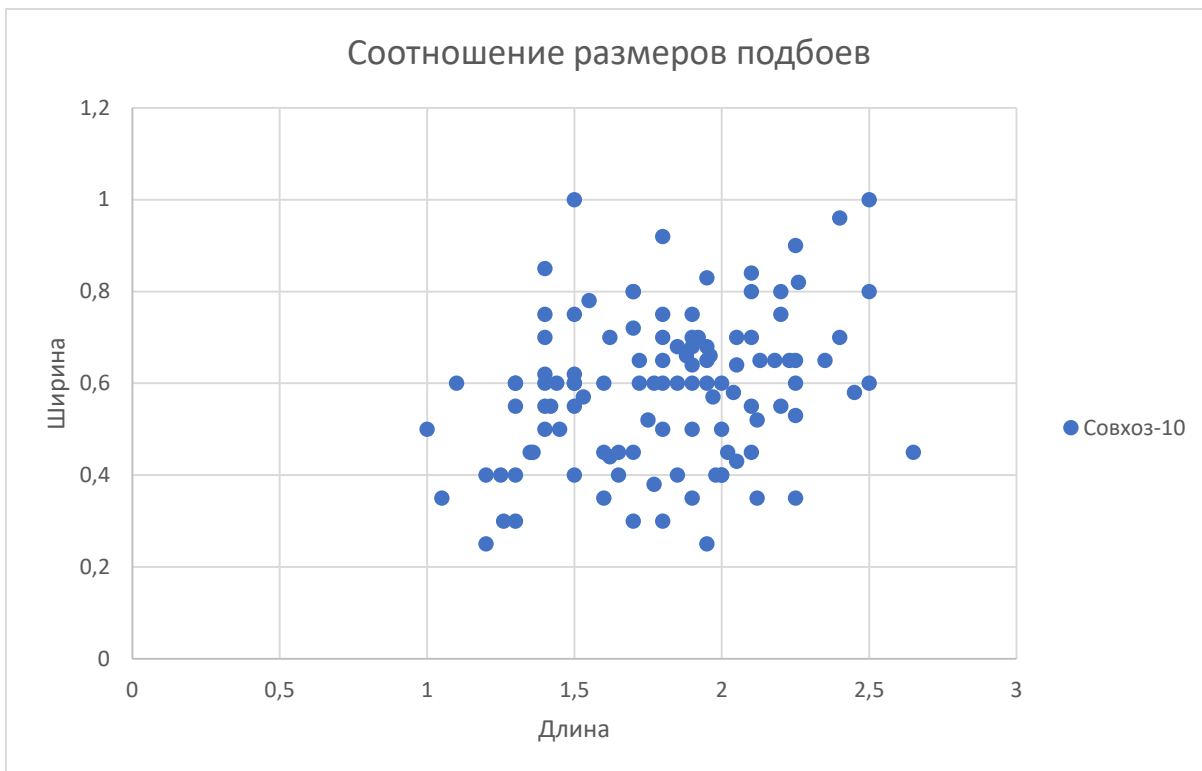

Рис. 195. Соотношение размеров подбоев некрополя Совхоз-10.

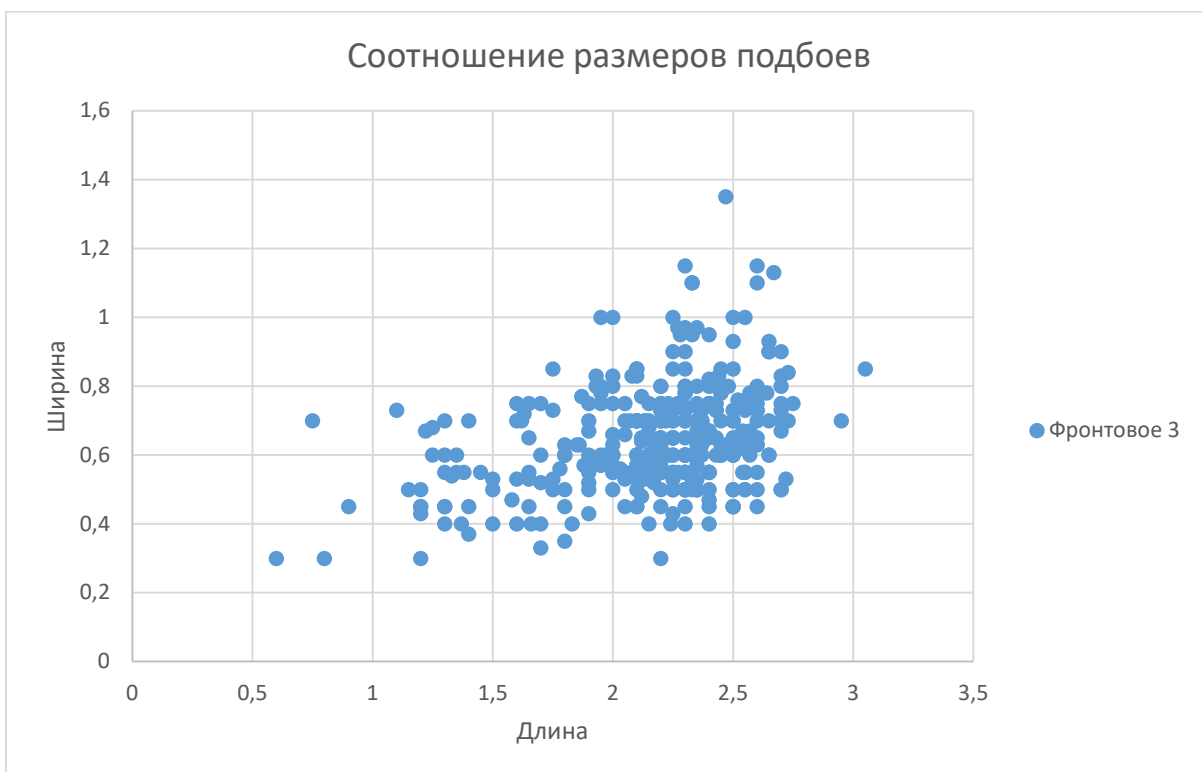

Рис. 196. Соотношение размеров подбоев некрополя Фронтное 3.

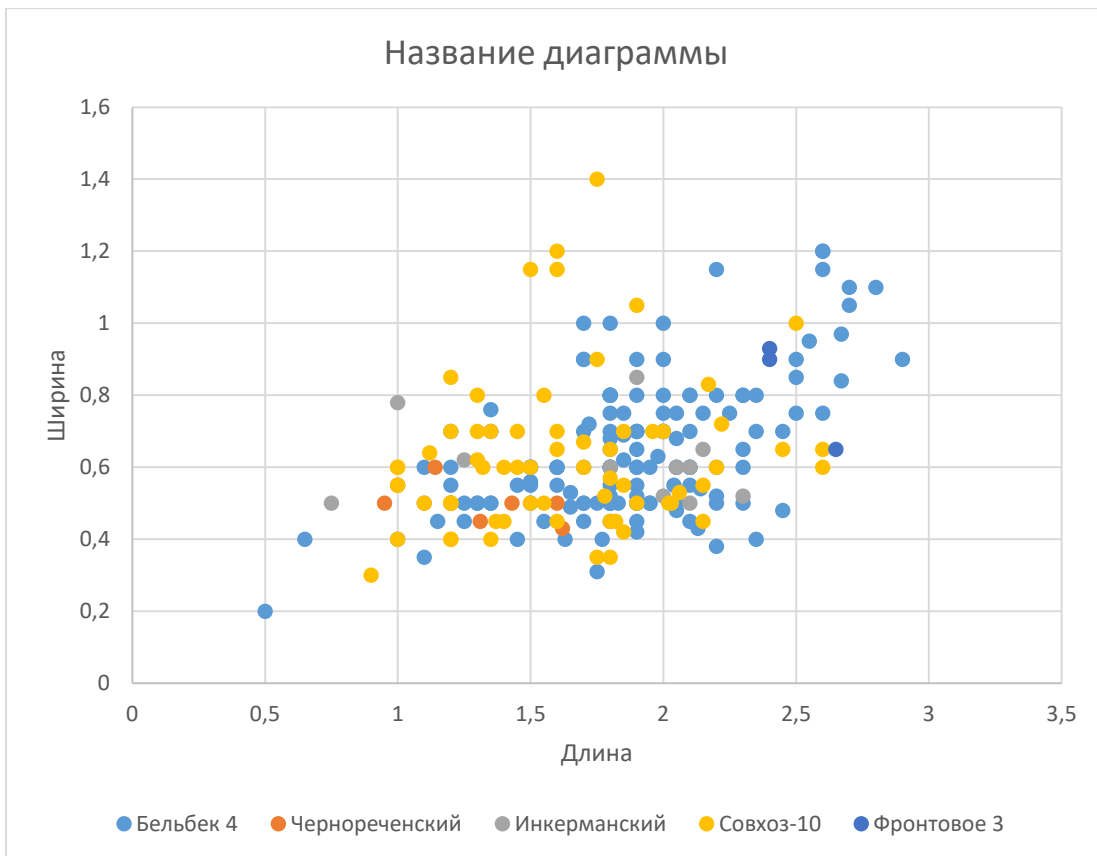

Рис. 197. Соотношение размеров грунтовых ям некрополей Фронтное 3, Бельбек IV, Инкерманский, Севастопольский, Чернореченский.

Рис. 198. Соотношение размеров грунтовых ям некрополя Бельбек IV.

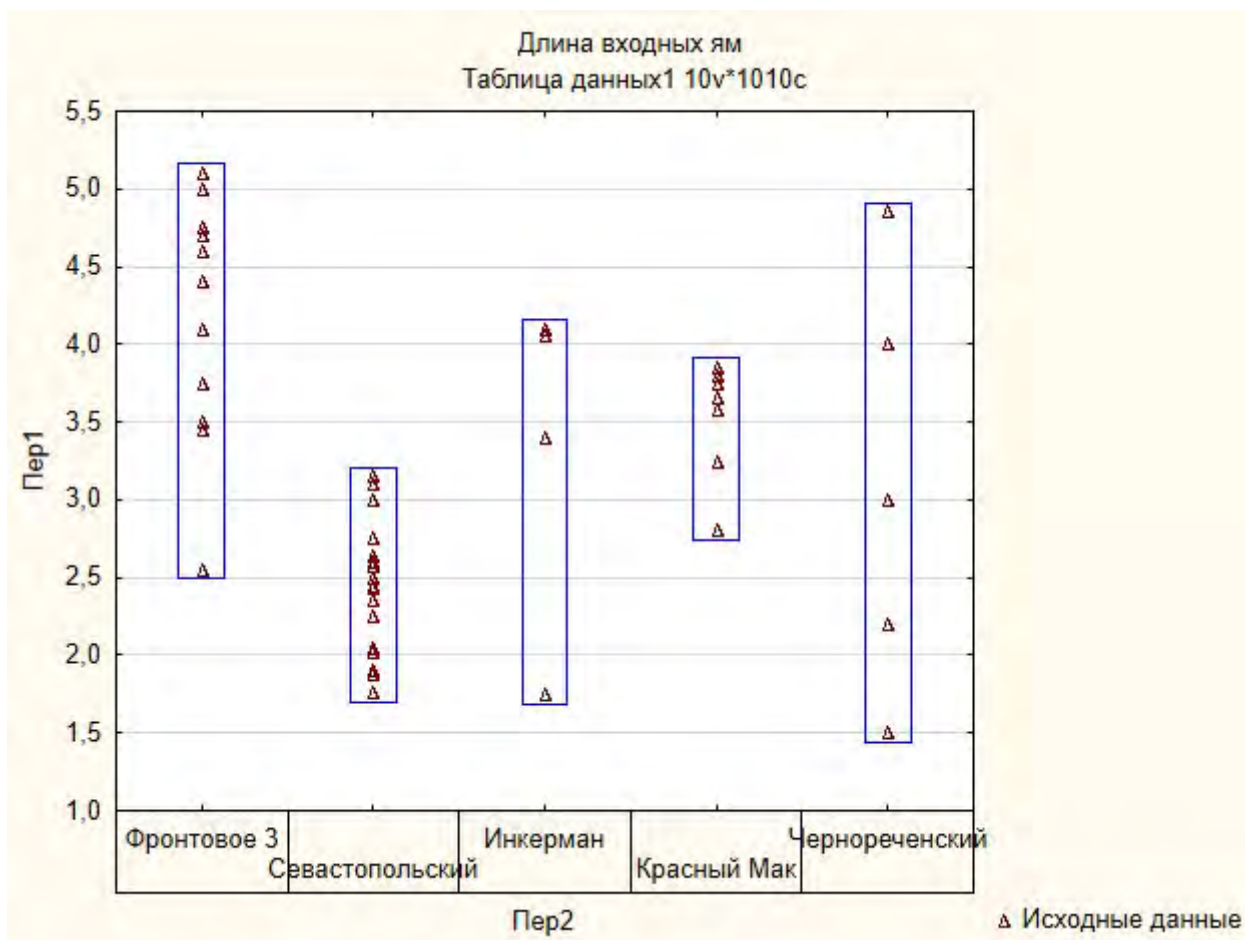

Рис. 201. Соотношение длины входных ям грунтовых склепов некрополей Фронтное 3, Севастопольский, Инкерман, Красный Мак, Чернореченский.

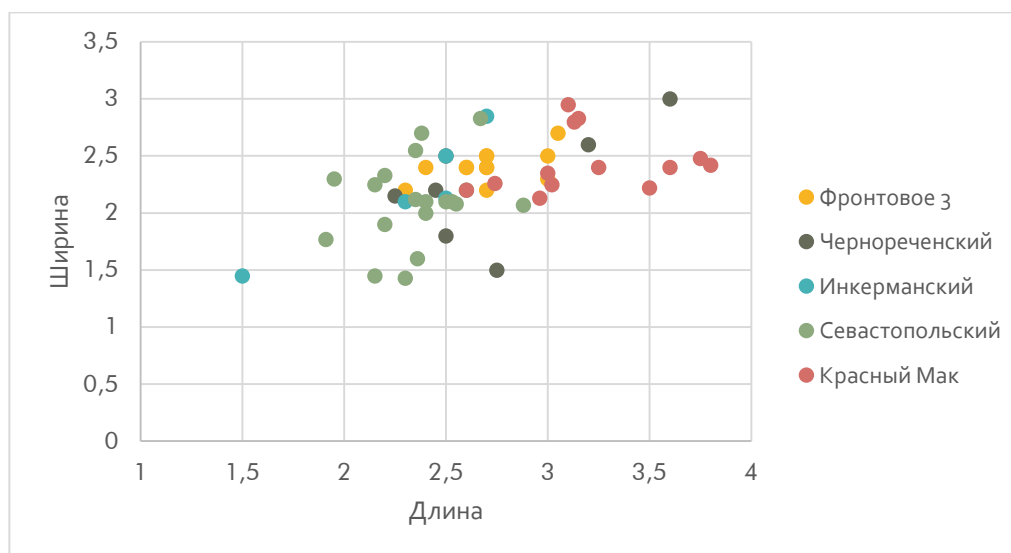

Рис. 202. Соотношение размеров погребальных камер грунтовых склепов некрополей Фронтное 3, Инкерманский, Красный Мак, Севастопольский, Чернореченский

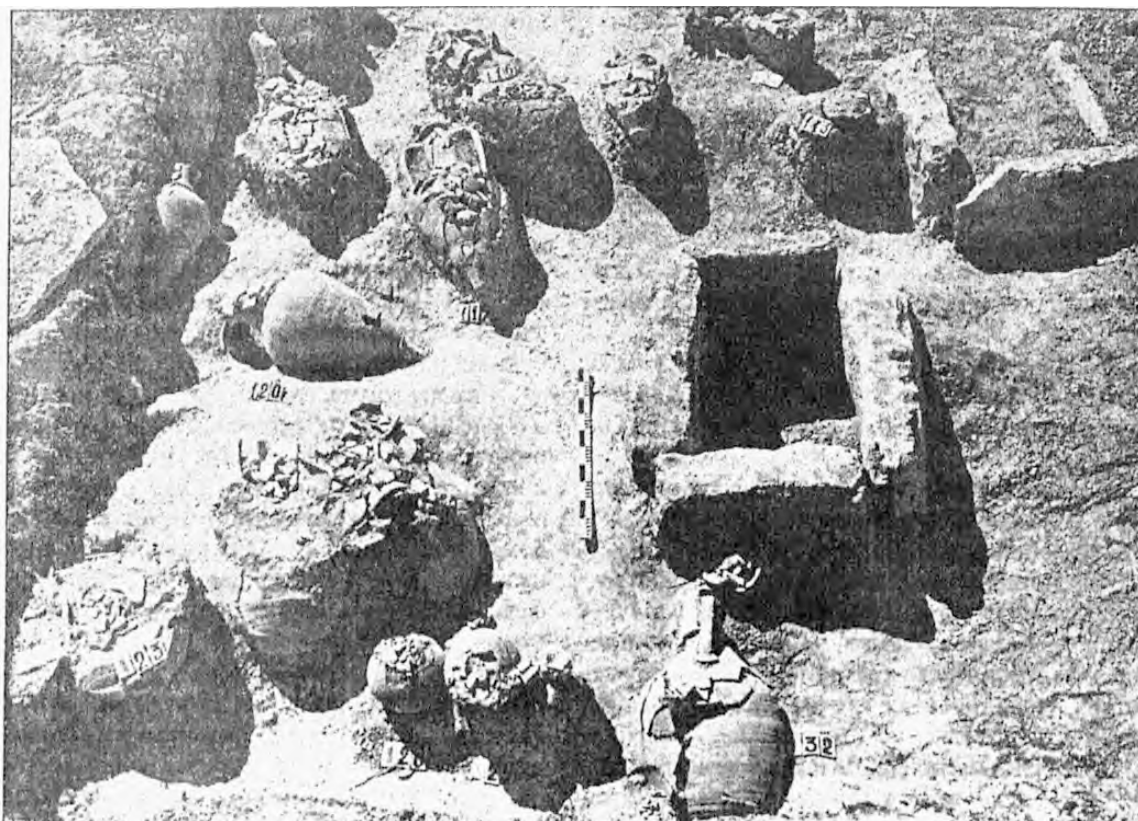

Рис. 205. Кремационные погребения в урнах некрополь Севастопольский (по: Стржелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 46-47. Рис. 10-11).

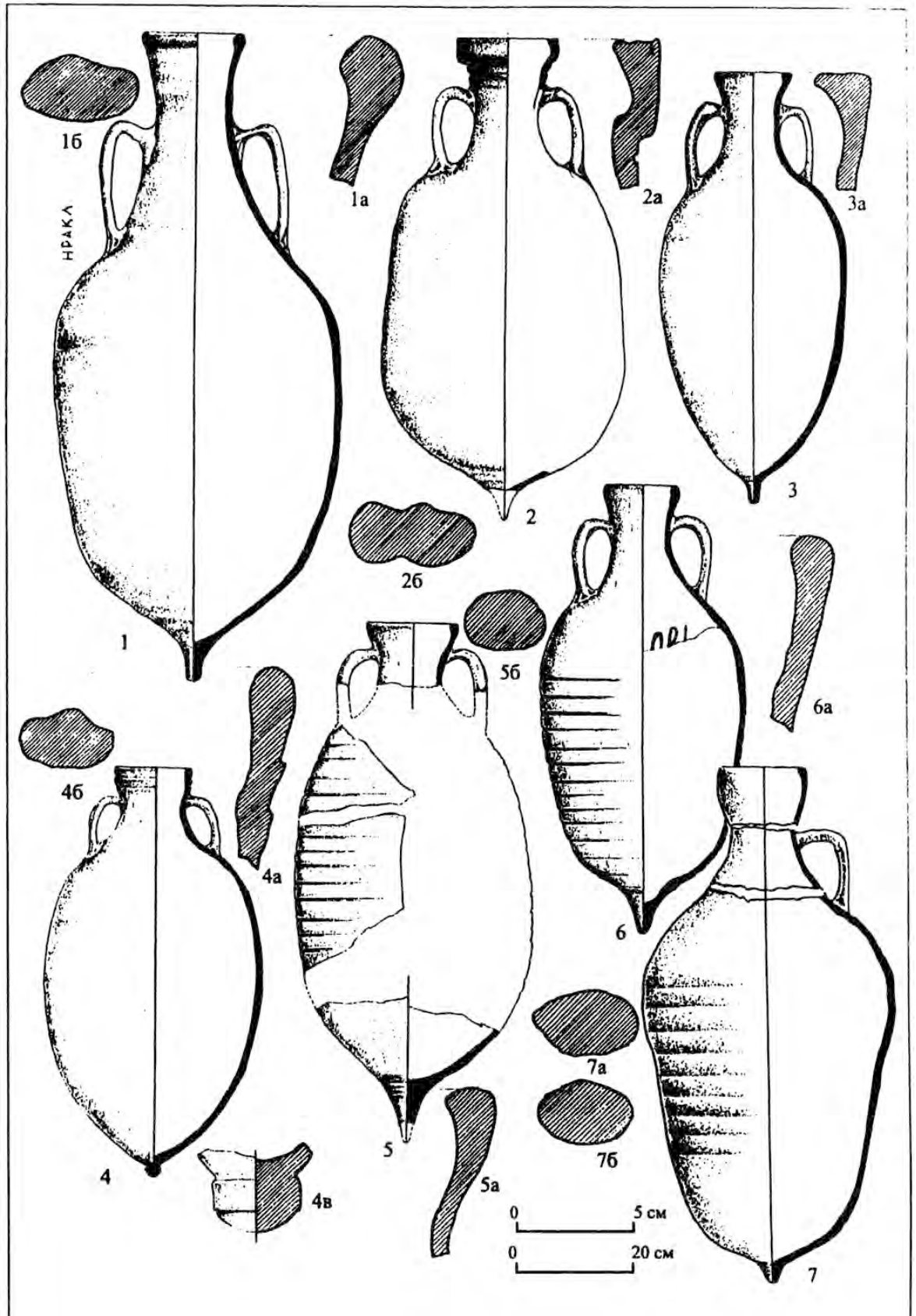

Рис. 206. Амфоры используемые в качестве урн на некрополе Севастопольский (по: Стржелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 57. Табл. II).

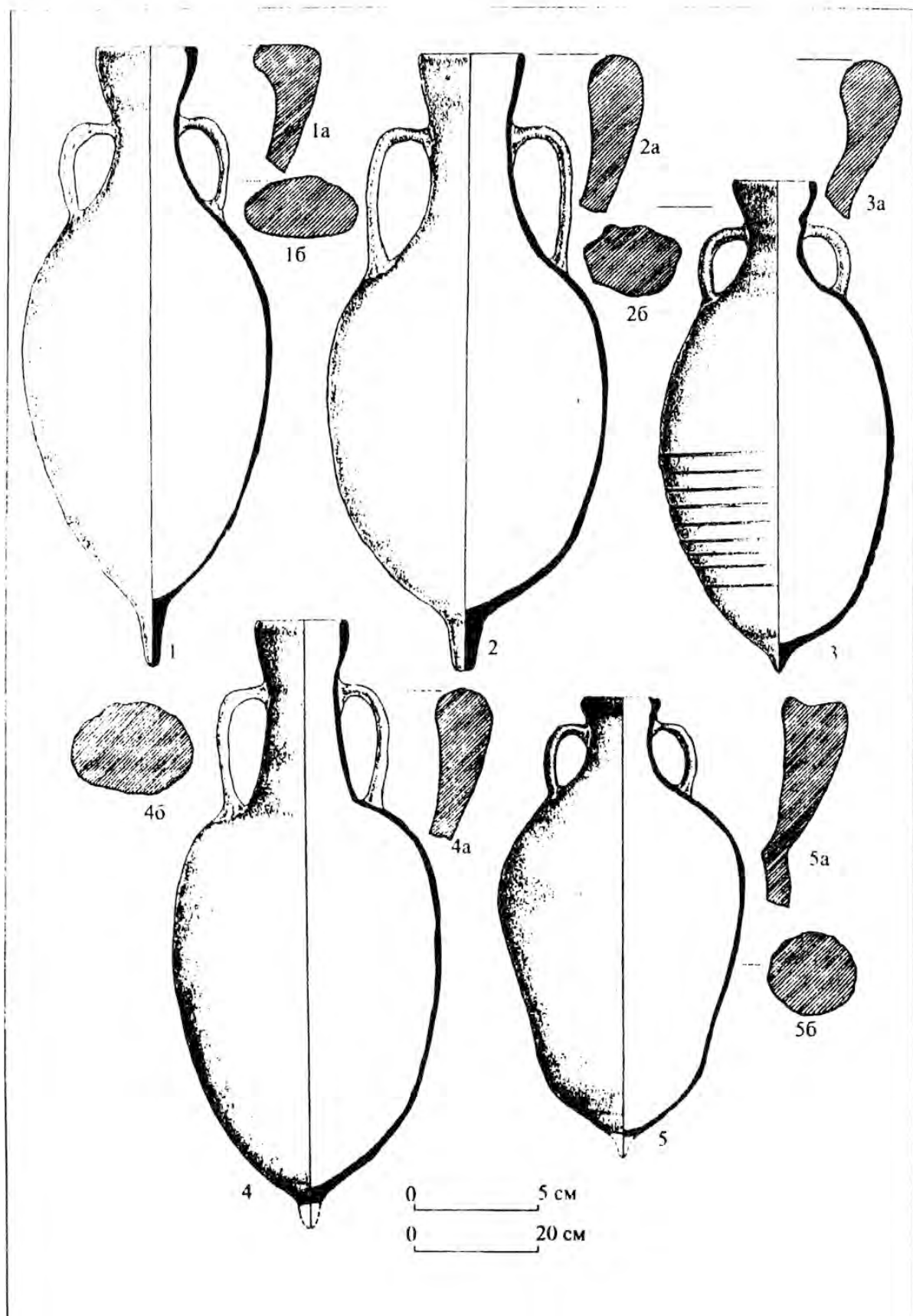
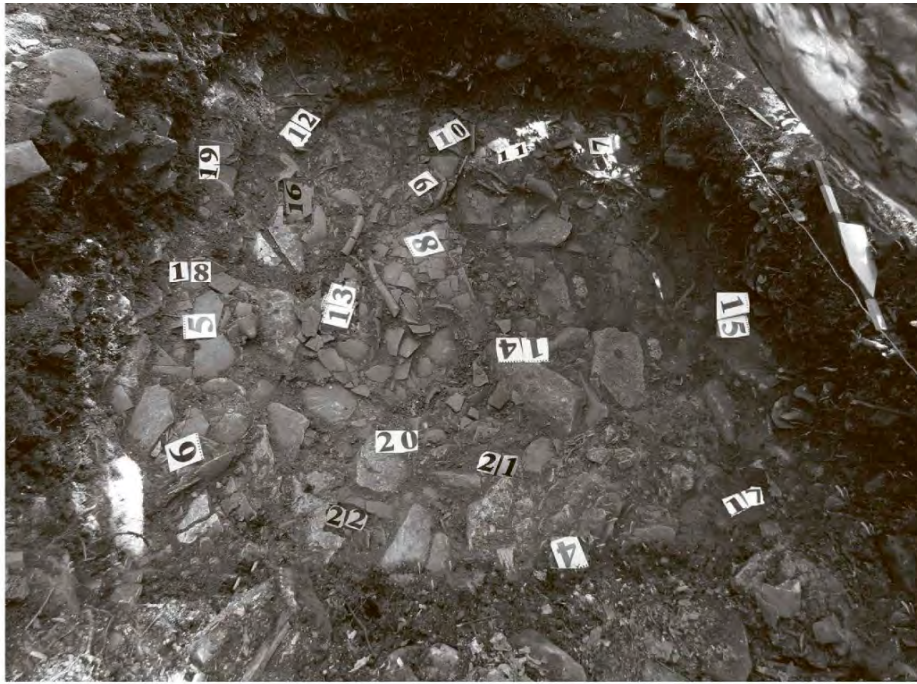
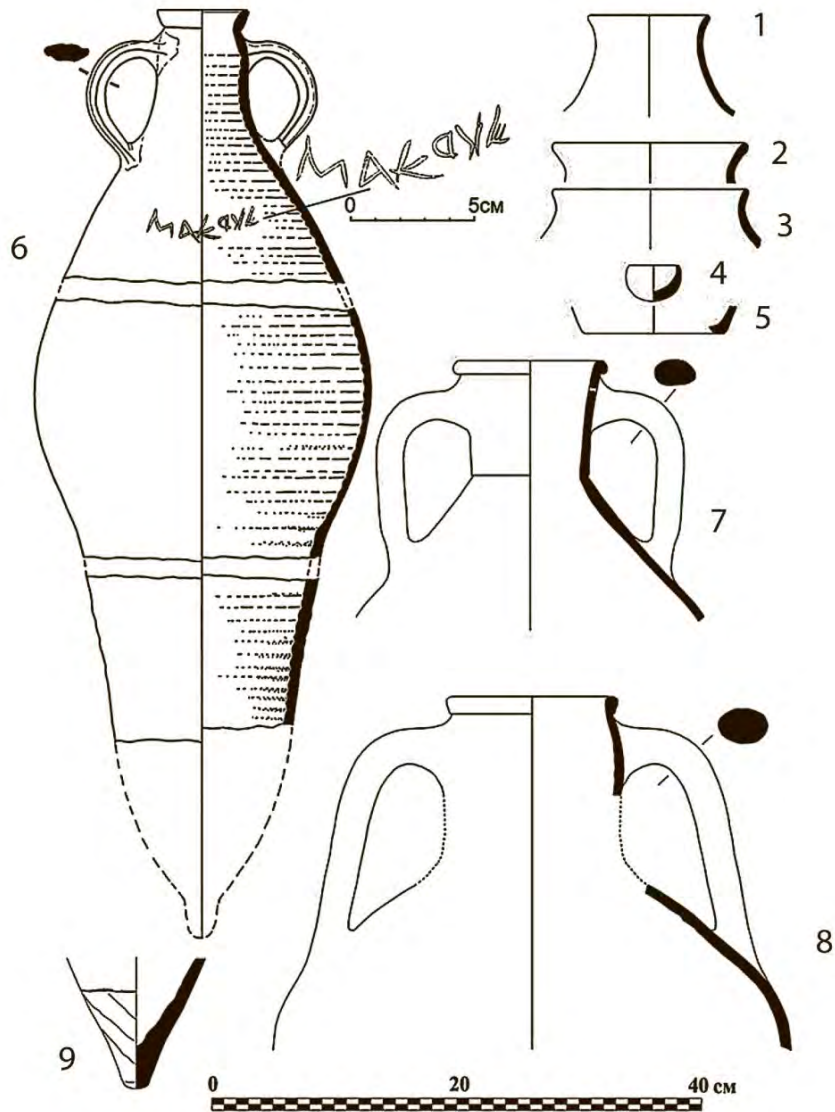

Рис. 207. Амфоры используемые в качестве урн на некрополе Севастопольский (по: Стржелецкий и др., 2003-2004. С. 56. Табл. I).

1

2

Рис. 208. 1 - развалы амфор - керамических урн в шурфе, могильник Гончарное (по: Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., 2018. С. 286. Рис. 13); 2 - амфоры используемые в качестве урн, могильник Муловский (по: Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. 2018. С. 282. Рис. 2).

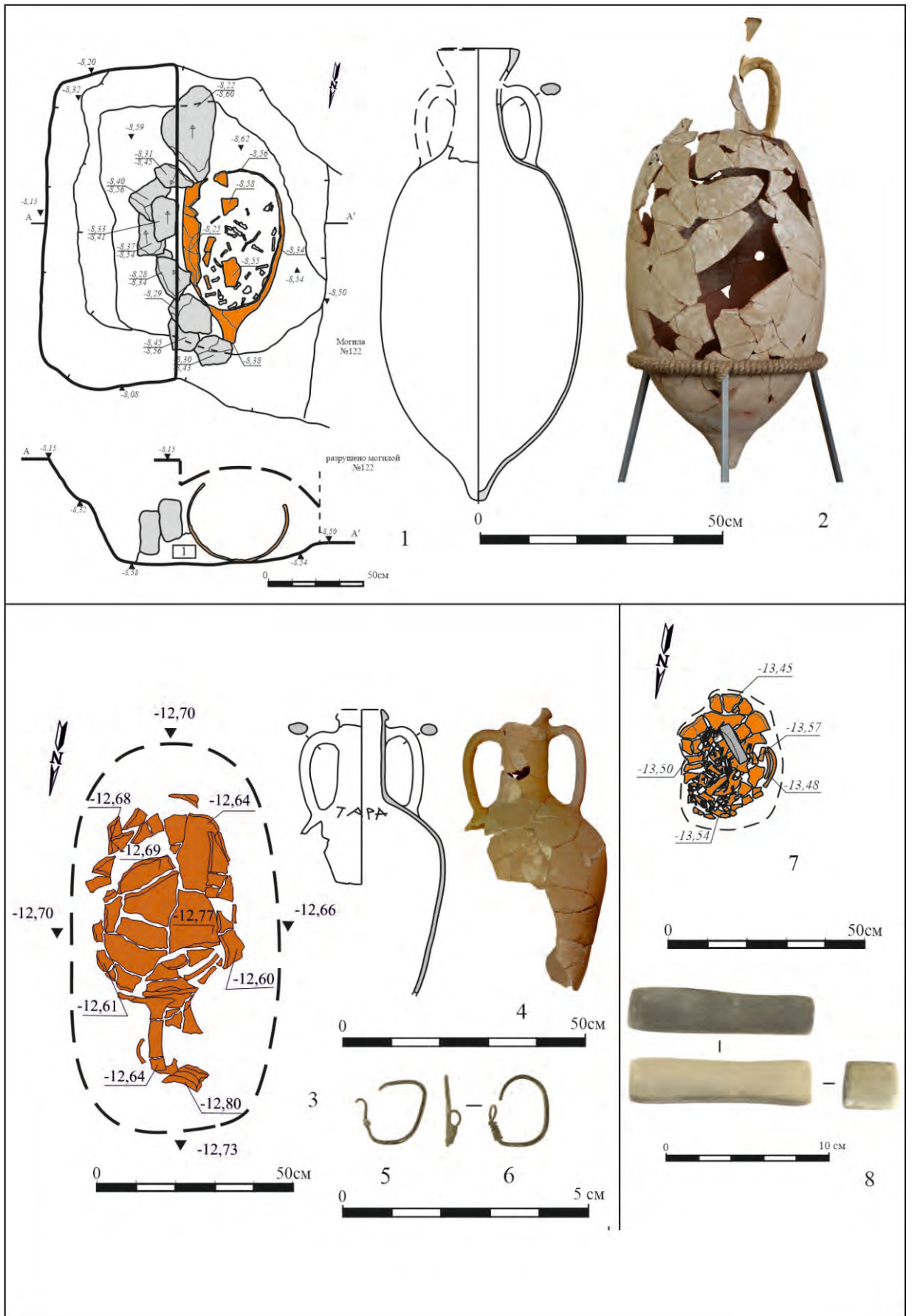

Рис. 209. Кремационные погребения некрополя Киль-Дере 1 (по: Свиридов А.Н., Язиков, С.В., 2022. С .296. Рис. 1).

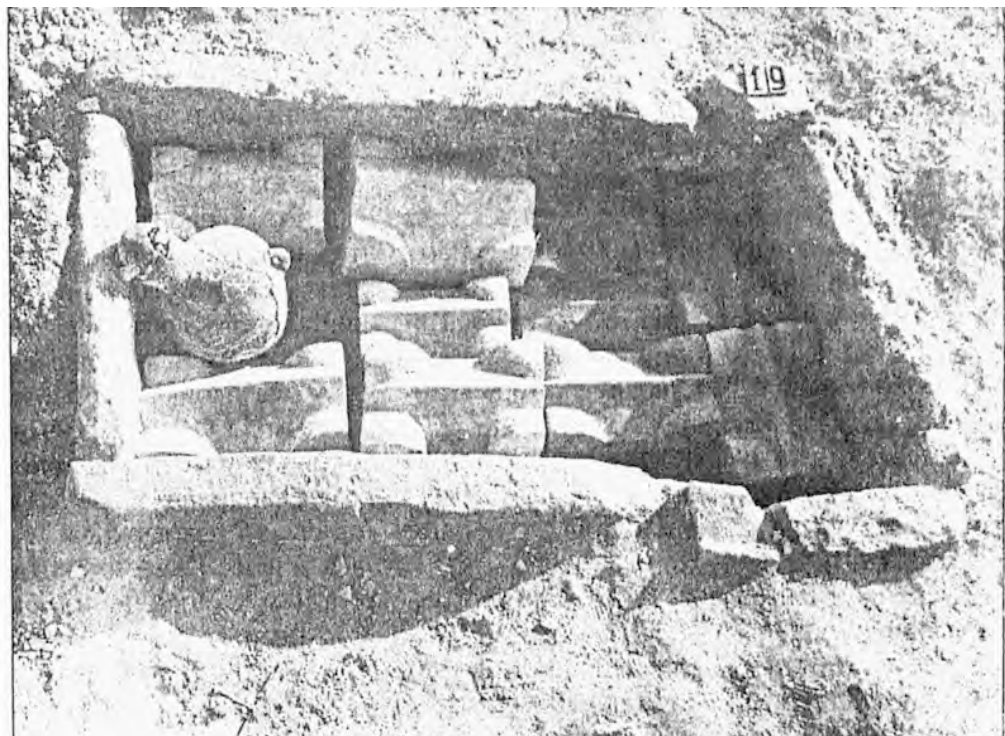

Рис. 210. Осуурии в каменных ящиках некрополя Севастопольский
(по: Стржелецкий С.Ф. и др., 2003-2004. С. 48-49. Рис. 12-13).

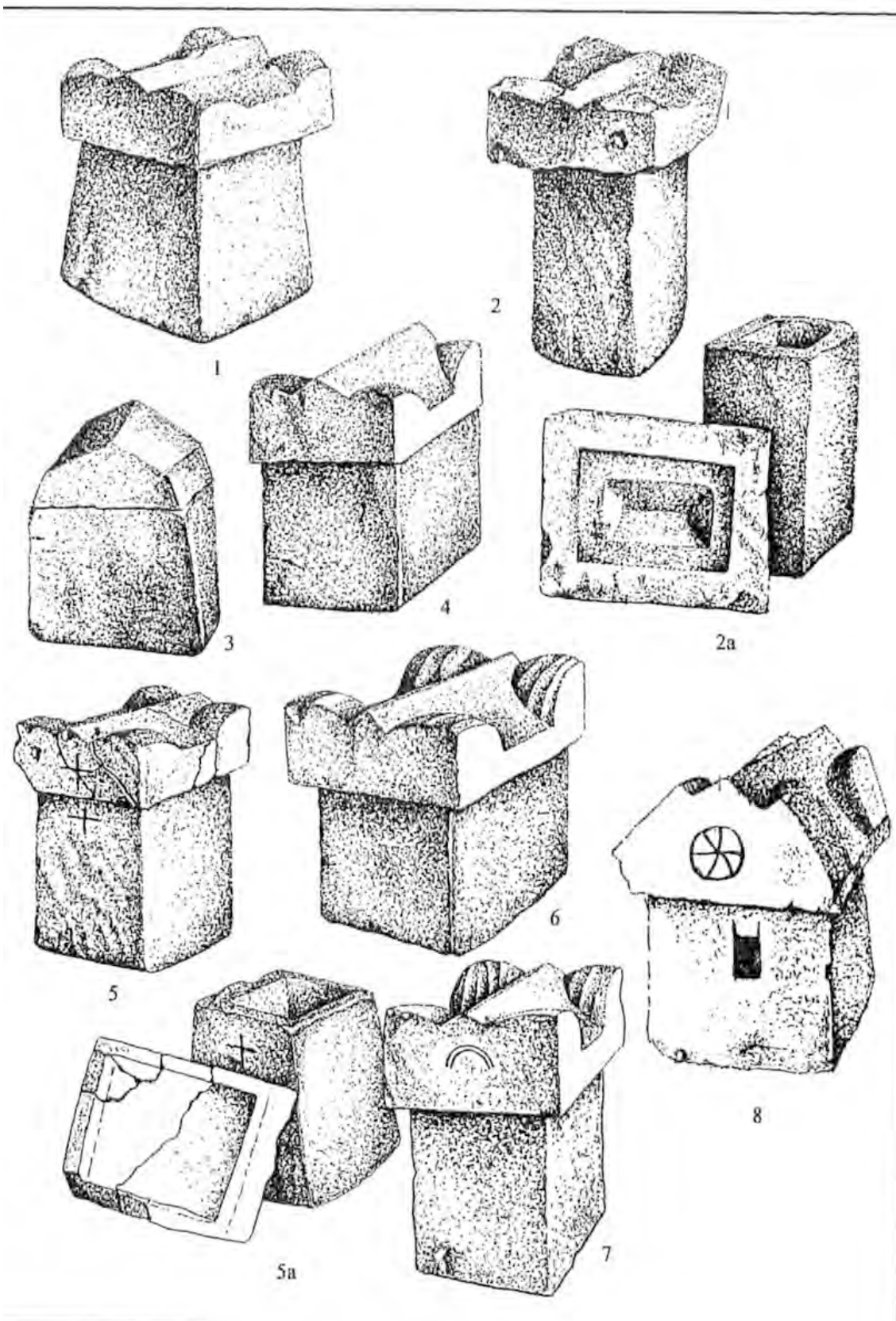

Рис. 211. Осуарии используемые в некрополе Севастопольский (по: Стржелецкий С.Ф., и др., 2003-2004. С. 77. Рис. 15).

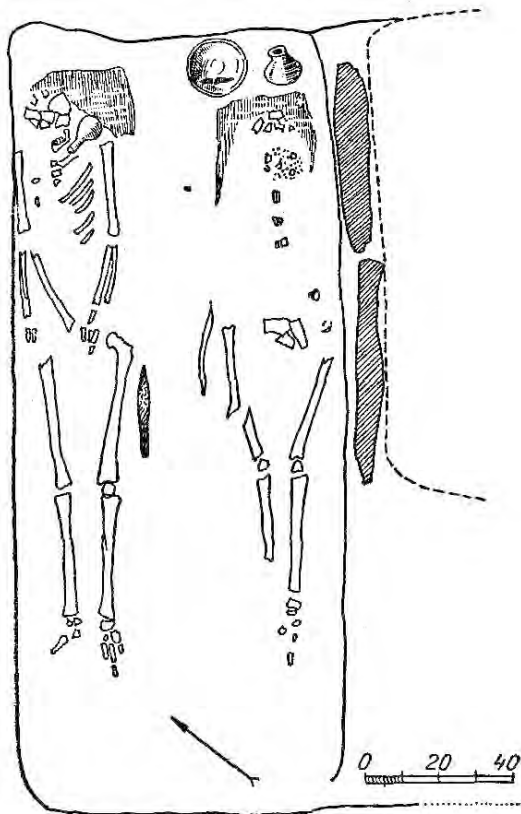
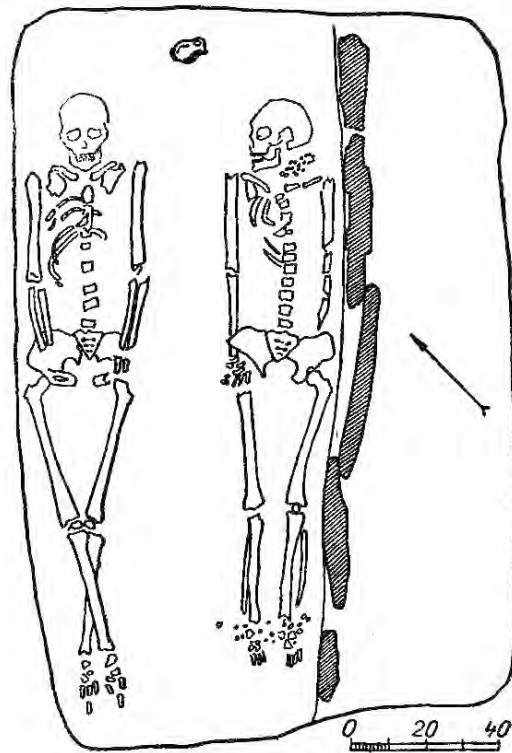
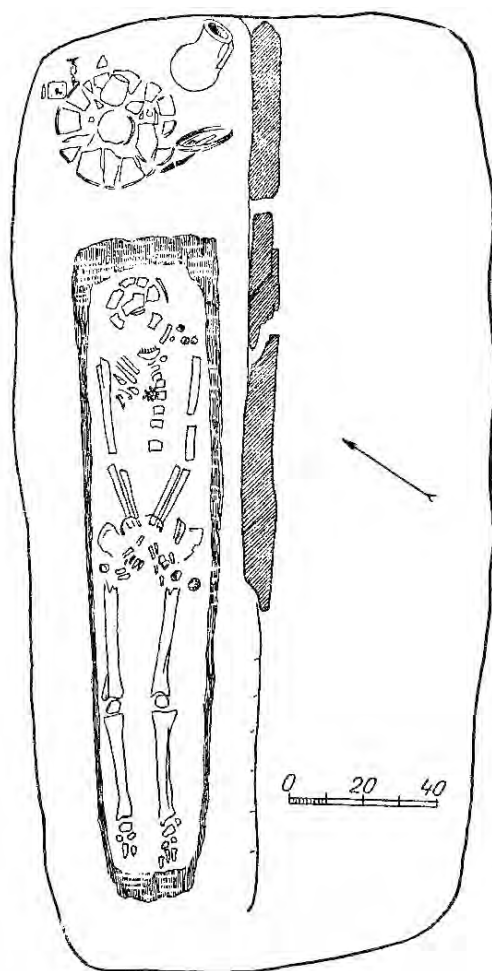

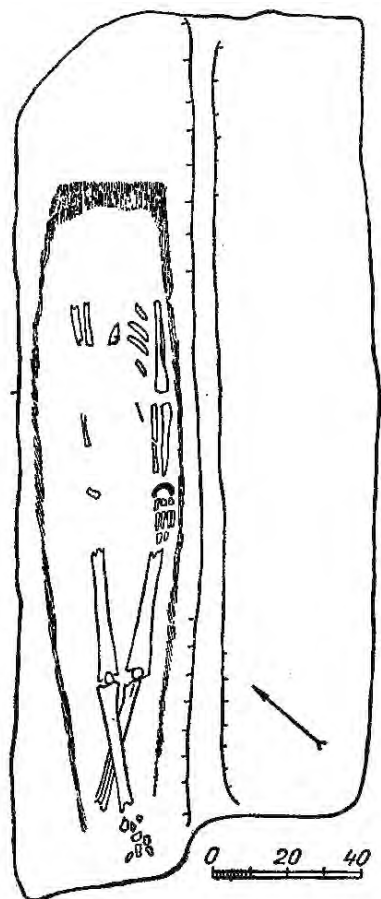
Рис. 3. Підвійна могила № 6.

2

1

3

4

Рис. 212. Подвійні погребення некрополя Чернореченський: 1 - могила №6; 2 - могила №35; 3 - могила №36; 4 - могила №10. (по: Бабенчиков В.П., 1963. С. 97, 102, 110, 111. Рис. 3, 7, 14-15).

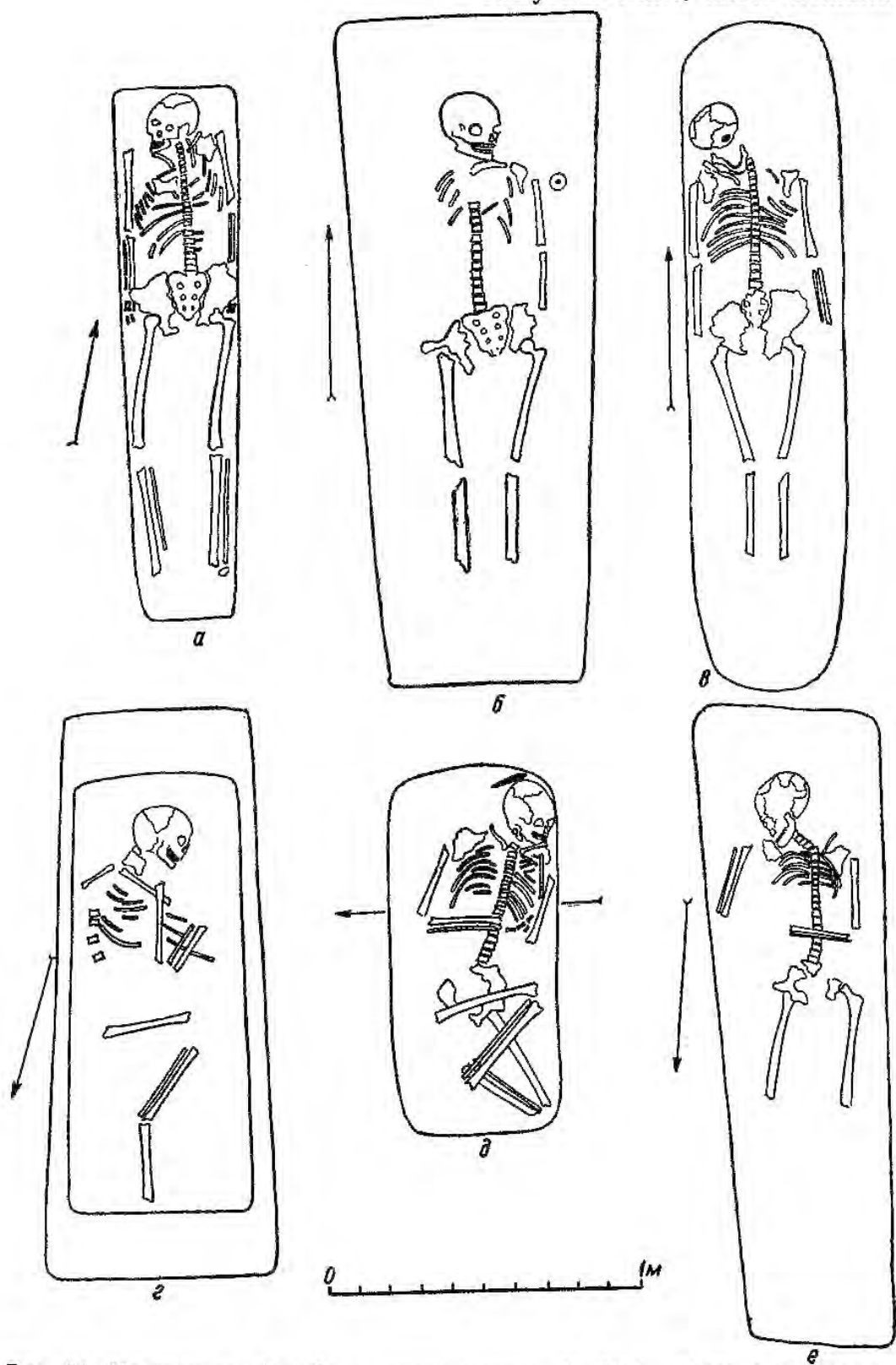

Рис. 213. Грунтовые могилы некрополя Инкерман; а - могила №6; б - могила №11; в - могила №13; г - могила №14; д - могила №17; е - могила №8 (по: Веймарн Е.В., 1963. С. 31. Рис. 24).

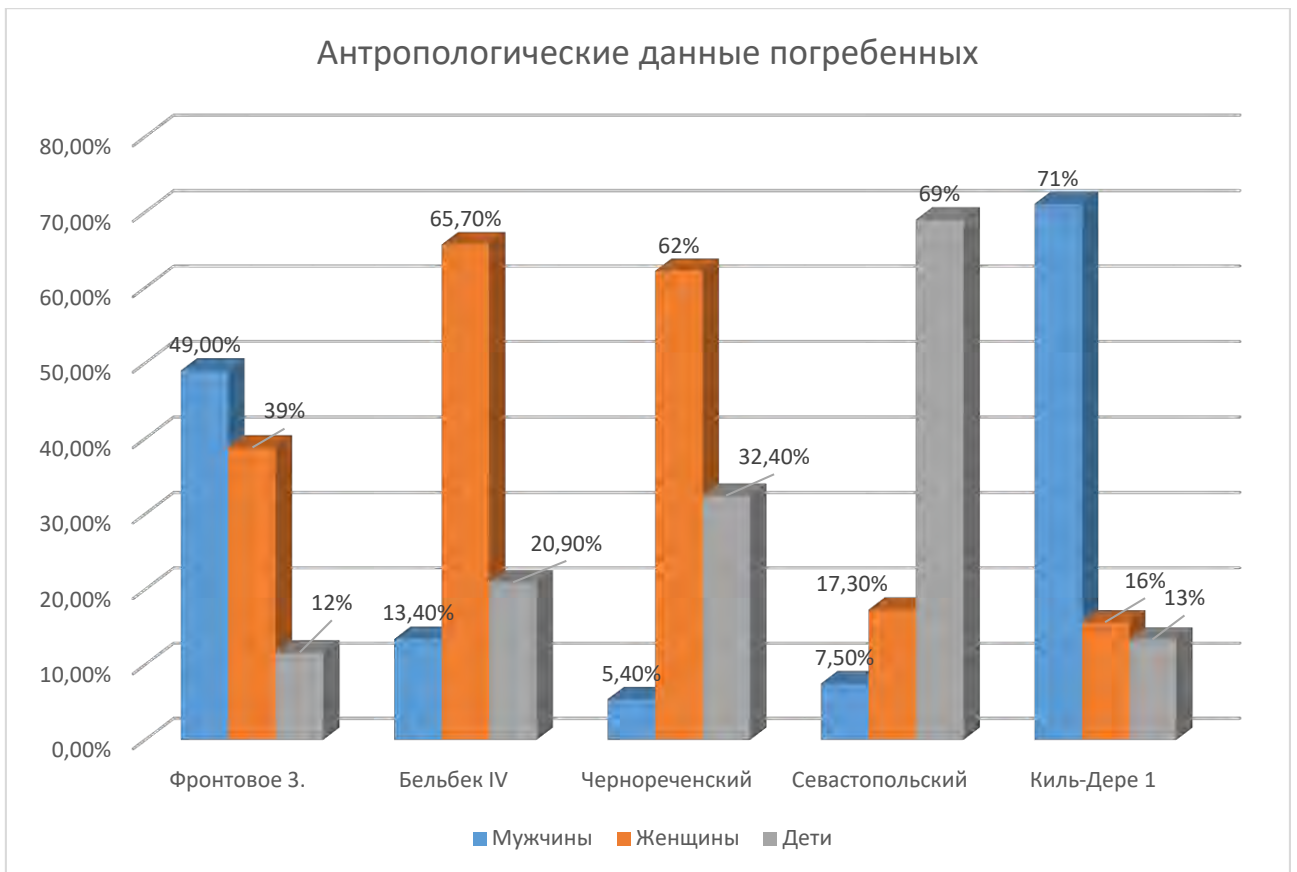

Рис. 214. Соотношение половозрастных характеристик на некрополях Фронтовое 3, Бельбек IV, Чернореченский, Севастопольский, Киль-Дере 1.

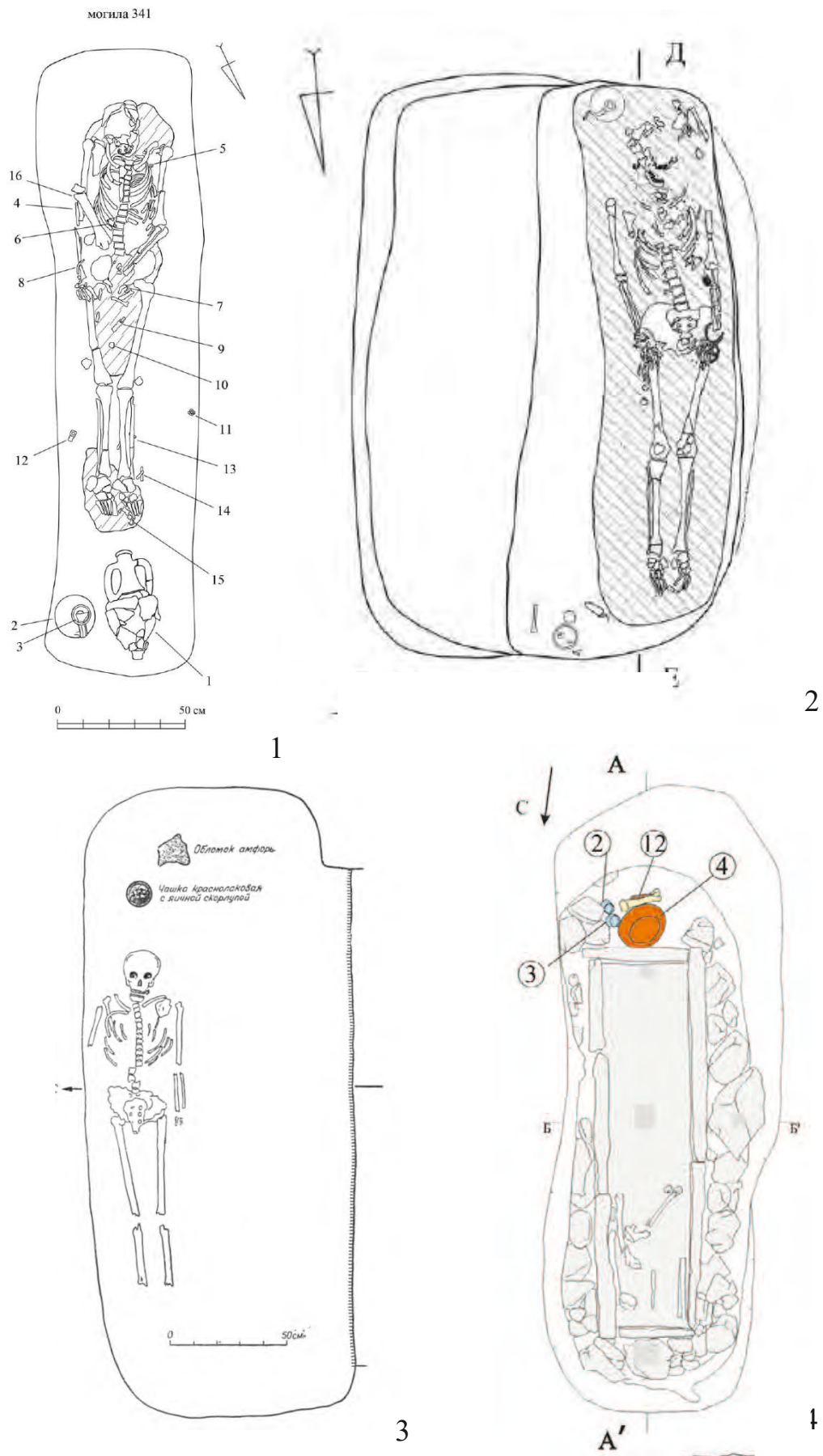

Рис. 215. 1 - могила №341 некрополя Бельбек IV; 2 - могила 349 некрополя Бельбек IV (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2023. С. 125, 143. Рис. 22, 40); 3 - могила №17 некрополя Инкерман (по Веймарн Е.В., 1957. С. 233. Рис. 16); 4 - могила №245 некрополя Киль-Дере 1 (по: Язиков С.В., Свиридов А.Н., 2022. С. 59. Рис. 6, 1).

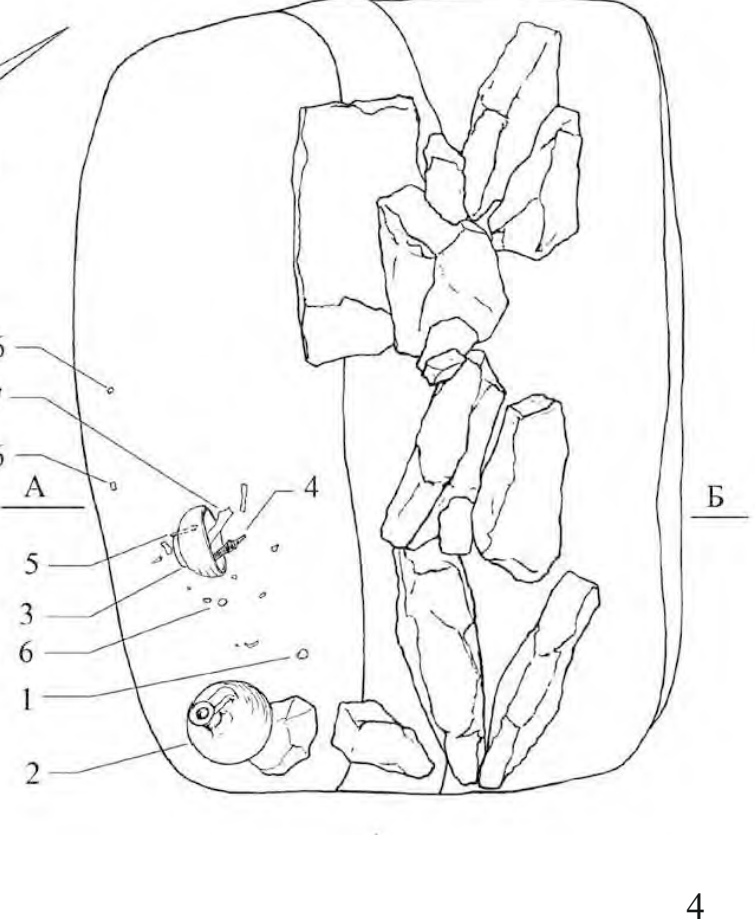
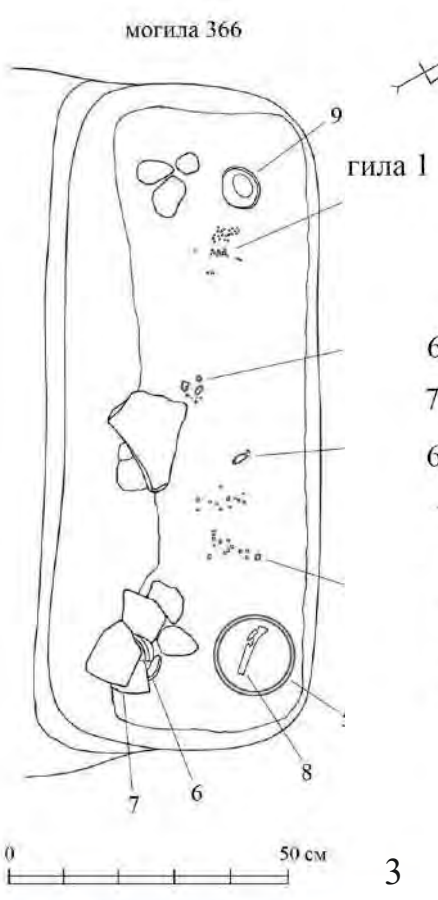
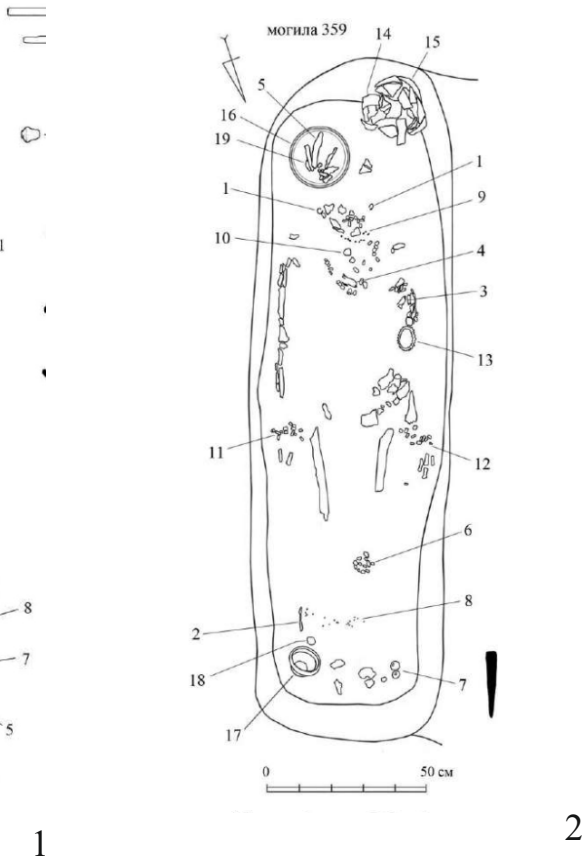
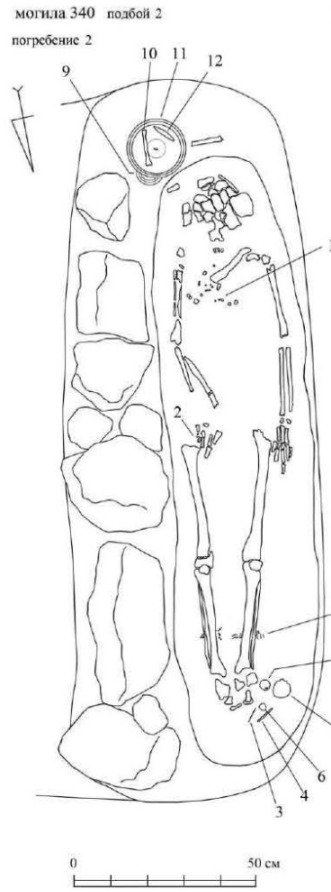

Рис. 216. Подбойные могилы. 1-3 - некрополь Бельбек IV: 1 - могила №340; 2 - могила № 359; 3 - могила №366 (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2023. С. 122, 161, 173. Рис. 19, 58, 70); 4 - могила №1 Бельбек II (по: Труфанов А.А., 2014. Рис. 7).

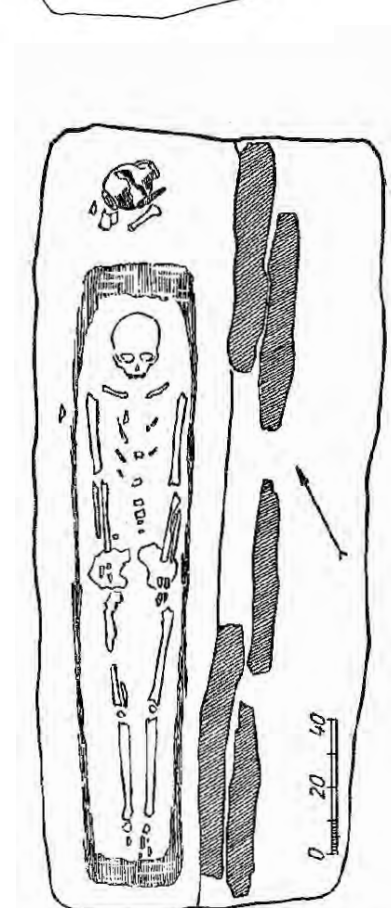
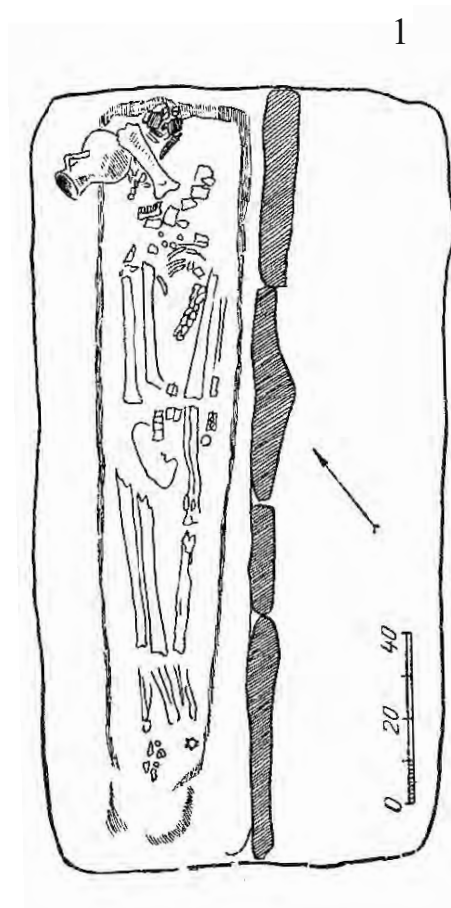
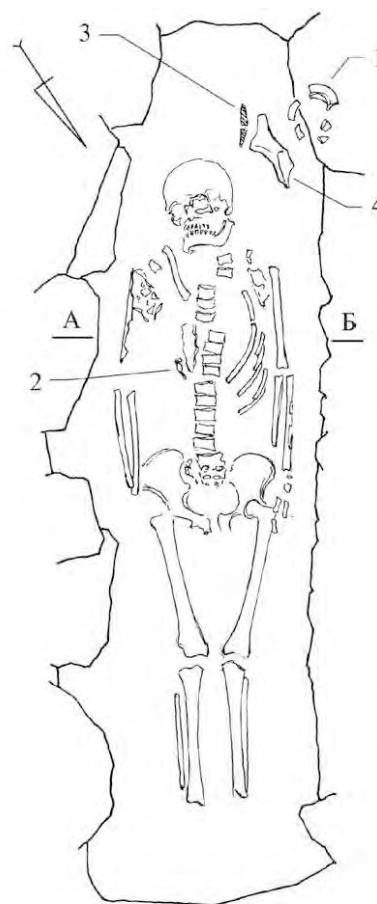
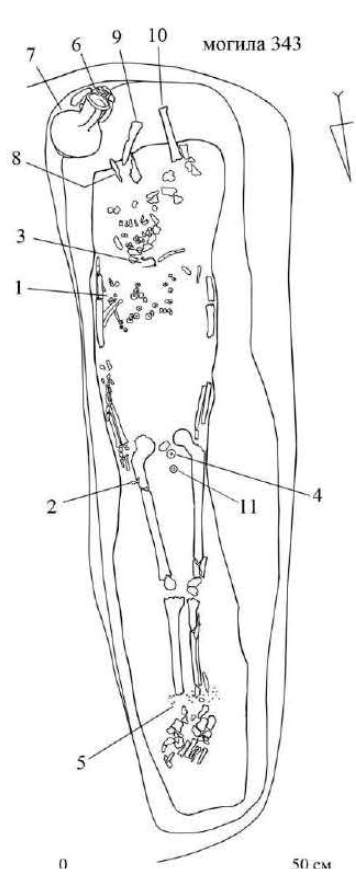

Рис. 217. 1-2 - Подбойные и грунтовые погребения. 1 - могила №343 некрополя Бельбек IV (по: Труфанов А.А., Стоянова А.А., 2023. С. 131. Рис. 28); 2 - могила №5 некрополя Бельбек II (по: Труфанов А.А., 2014). С. 204. Рис. 10; 3 - могила №30 некрополя Чернореческий; 4 - могила №34 некрополя Чернореченский (по: Бабенчиков В.П., 1963. С. 108-109. Рис. 12-13).